3 1761 08106627 6

DUPLICATE
5902

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1894.

ПЕТЕРБУРГЪ.

DUPL
ZVL

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1894.

Стр

I.—ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. С. ТУРГЕНЕВА СЪ СЕМЬЕЮ АКСАКОВЫХЪ.—Сорокъ лѣтъ тому назадъ: 1852—1857 гг.—Письмо 12-42.—Окончаніе . . . 469

II.—АМЕРИКАНСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПРЕССА, ЕЯ ОБЫЧАИ И НРАВЫ.—**Ив. Ив. Янжула** . . . 500

III.—ПЕРЕВАЛЪ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая: XIX-XXXVI.—**П. Д. Боборыкина** . . . 539

IV.—ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА.—1725-1727 гг.—По документамъ вѣнскаго архива.—IV-V.—Окончаніе.—**А. Брикнера** . . . 615

V.—ПОТРЕБИТЕЛИ ВОДЫ.—Очерки изъ жизни художниковъ, Г. Мюрже.—IV-VI.—Съ франц.—**А. Э.** . . . 647

VI.—ДРУЖБА ШИЛЛЕРА И ГЁТЕ.—1794—1805 гг.—Часть первая.—**В. Д. Спасовича** . . . 672

VII.—ПѢСНЬ ВАРДАНА МАМИКОНЬЯНА.—Изъ Рафаэла Патканьяна.—**Юр. Веселовскаго** . . . 706

VIII.—И. С. ТУРГЕНЕВЪ въ московскомъ университетѣ: 1833—34 гг.—**П. С. Тихонравова** . . . 708

IX.—ИЗЪ АРМАНА СИЛЬВЕСТРА.—I. Пѣсни о звѣздахъ.—II. Изъ осеннихъ мелодій.—**О. Н. Михайловой** . . . 725

X.—ЗАДАЧИ ЭСТЕТИКИ ВЪ ОБЩИХЪ ЧЕРТАХЪ.—**Л. Саккетти** . . . 730

XI.—ДРЕВНЕЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.—**А. Н. Пыпина** . . . 750

XII.—БЕРЕЗОВЫЙ СОКЪ.—Стих. **Н. А. Энгельгардта** . . . 795

XIII.—НѢМЦЫ ВЪ АВСТРІИ И КРЕСТЬЯНСТВО.—**П. Струве** . . . 796

XIV.—ХРОНИКА.—Государственная роспись на 1894 г.—**О.** . . . 829

XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Министерство юстиціи при Н. А. Манассеинѣ. Рѣчь новаго управляющаго министерствомъ юстиціи.—Элементы судебный и судебно-административный въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г.—Административныя распоряженія въ Одессѣ, С.-Петербургѣ и Эстляндіи . . . 847

XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя политическія перемѣны въ Сербіи.—Недостатокъ свѣдѣній о балканскихъ дѣлахъ въ нашей печати.—Сербія и Болгарія.—Примиреніе Вильгельма II съ княземъ Бисмаркомъ.—Положеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи . . . 864

XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Этюды и характеристики, Алексѣя Веселовскаго.—Изученіе античнаго міра, проф. Ѳ. Г. Мищенко.—Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ, В. Васильева.—Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія с.-з. края, П. В. Шейна.—**А. В.**—Новыя книги и брошюры . . . 876

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. P. Sabatier, Vie de St. François d'Assise.—II. F. Brunetière, Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française.—**З. В.** . . . 894

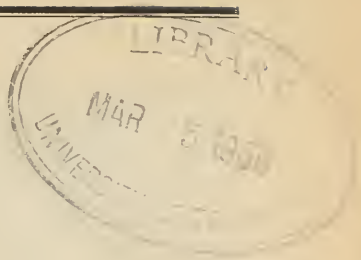
XIX.—ЗАМѢТКА.—Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ.—**Вл. Соловьева** . . . 906

XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Церковно-приходскія школы въ ю.-з. краѣ.—Дѣти штундистовъ въ начальной школѣ.—Ультра-націонализмъ, волостныя школы въ остзейскомъ краѣ и финляндскій сеймъ.—† А. М. Унковскій и Гайдебуровъ. . . . 917

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, К. Д. Ушинскаго, 8-е изд.—Сочиненія В. Д. Спасовича, т. V и VI.—Пятьдесятъ лѣтъ въ Австраліи. Г. Паркса.—Второй сборникъ стихотвореній В. Л. Величко.—Стальная блоха, Н. С. Лѣскова.

XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.

☛ **Подписка на годъ, первое полугодіе и первую четверть года въ 1894 г.** ☚
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)



ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
И. С. ТУРГЕНЕВА
СЪ СЕМЬЕЮ АКСАКОВЫХЪ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ: 1852—1857 гг. *)

1853-й годъ.

12.

С. Спасское. 6-го марта 1853.

Любезный и дорогой Сергѣй Тимофѣевичъ, я вполнѣ согласенъ съ вами, что переписка должна быть дѣло вольное, и потому пишу вамъ сегодня только два слова для того, чтобы сказать вамъ, что мое здоровье очень порядочно, но что вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ я нахожусь теперь въ такомъ расположеніи духа, что не въ состояніи изложить порядочно двѣ мысли сразу. Оттого я и къ вашимъ сыновьямъ не писалъ. Впрочемъ, я надѣюсь, все это пройдетъ очень скоро—и я тогда съ удвоеннымъ удовольствіемъ примусь за перо. На дняхъ я былъ въ Орлѣ и оттуда ѣздилъ къ П. В. Кирѣевскому и провелъ у него часа три. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности — его нельзя не полюбить. Онъ, я думаю, васъ увидитъ—онъ на дняхъ уѣхалъ въ Москву. Я его просилъ всѣмъ вамъ поклониться. Впередъ я буду всѣ свои рукописи посылать черезъ васъ, а когда

*) См. выше: янв., 329 стр.

вы прочтете „Постоялый Дворъ“—напишите мнѣ свое мнѣніе. Я просилъ также Кирѣевскаго сказать мнѣ, что онъ объ этомъ думаетъ. Мнѣ очень жаль, что вы все хвораете—авось весна васъ поправитъ. Что за жестокая зима у насъ! Сегодня здѣсь совершенная кура и вьюга. Повѣсть г-жи В. я не читалъ и теперь еще менѣе прочту — есть же такія дрянныя души, которыя не останавливаются даже передъ святыней смерти.

Прощайте, добрый С. Т., поклонитесь отъ меня вашимъ сыновьямъ—и вѣрьте въ искреннюю привязанность вашего, и т. д.

13.

С. Спасское. 2-го апрѣля 1853.

Я только вчера вернулся изъ 10-дневной поѣздки, добрые друзья мои, С. Т., К. С. и И. С., и нашелъ здѣсь ваши милыя письма. Не могу отвѣтить вамъ теперь, какъ бы хотѣлось—у меня опять разыгралась моя гастрическая лихорадка и порядкомъ меня мучитъ—поѣздка-то моя очень не во-время была сдѣлана —но хотя нѣсколько словъ долженъ вамъ сказать сегодня. Я очень счастливъ и радъ, что вамъ мой „Постоялый Дворъ“ понравился — всякія похвалы болѣе или менѣе, по человѣческой слабости, пріятны; но въ вашихъ словахъ я не похвалы себѣ вижу, а поощреніе, ручательство въ томъ, что я не сбиваюсь съ дороги — и это меня радуетъ и подкрѣпляетъ. Дай Богъ, чтобы и впередъ я заслужилъ ваше драгоцѣнное для меня одобреніе! Отвѣчать же на все то, что вы мнѣ пишете по поводу „П. Д.“, я теперь не въ силахъ—когда-нибудь въ другое время, насколько это будетъ возможно въ письмѣ — но, отложивъ въ сторону всякое сочинительство или, говоря правильнѣе, всякое сочинительское самолюбіе, не могу не повторить, что со всѣмъ сказаннымъ К. С. согласиться мнѣ трудно. Это не мѣшаетъ мнѣ быть душевно благодарнымъ за его участіе—и со вниманіемъ взвѣшивать и обдумывать каждое его слово. Ваша оцѣнка каждаго отдѣльнаго лица въ „П. Д.“, милый С. Т., меня просто возродила:—стало быть,—подумалъ я,—я не напуталъ, коли С. Т. такъ вѣрно понялъ все, что я хотѣлъ сказать. Я для васъ приказалъ уже переписать „П. Д.“ и пошлю его вамъ. Буду ждать вашихъ самомалѣйшихъ замѣчаній съ нетерпѣньемъ; что касается до провинціальныхъ выраженій, то, къ несчастью, я самъ ихъ незамѣтно употребляю въ разговорѣ—и покойный критикъ В. Г. Б. всегда называлъ меня „орловцемъ, не умѣющимъ говорить по-русски“. Прошу васъ указать мнѣ такія выраженія.

Вашъ „Охотничій Сборникъ“—блистательная и, я надѣюсь, выгодная въ денежномъ отношеніи мысль. Разумѣется, я вашъ сотрудникъ и мое перо, мое имя къ вашимъ услугамъ. На дняхъ примусь думать о содержаніи статей и сообщу вамъ—на чемъ остановлюсь.

Кончаю мое короткое письмо—лихорадка моя почти исчезла, но осталась какая-то слабость и тупость. Считайте за мною, по крайней мѣрѣ, два большихъ и дѣльныхъ письма, а теперь позвольте обнять васъ всѣхъ отъ души и пожелать вамъ всего хорошаго.

14.

С. Спасское. 23-го апрѣля 1853. Четвергъ.

Давно я не писалъ къ вамъ, добрые друзья мои, С. Т., К. С. и И. С., какъ бы мнѣ хотѣлось, хоть и недавно послалъ къ вамъ письмо—хочу сегодня немного поговорить съ вами. Здоровье мое все еще неудовлетворительно—желудокъ мой находится въ положеніи довольно скверномъ—однако я въ теченіе послѣднихъ десяти дней поправился и раза три былъ на охотѣ. Вальдшнеповъ въ нынѣшнемъ году у насъ очень было мало; въ болотистыхъ мѣстечкахъ попадались бекасы (болотъ у насъ—вы знаете—нѣтъ); дроздовъ прилетѣло множество—и такіе они жирные, какихъ я отроду не видывалъ; съ грачами сдѣлалась какая-нибудь бѣда—совсѣмъ ихъ не встрѣчаешь; ласточки еще не прилетали, хотя время стоитъ теплое и трава такъ и лѣзетъ изъ земли, и деревья, особенно ракиты, сильно зазеленѣли. Впрочемъ, мнѣ кажется, что къ намъ еще завернутъ холода. Сегодня Егорьевъ день—но скотъ уже съ недѣлю какъ выгоняютъ въ поле; всѣмъ была бы хороша Святая, еслибъ къ намъ не прибыла хотя ожидаемая, но непрошенная гостья—холера; уже нѣсколько дней она давала о себѣ знать, а вчерашняго дня открылась и довольно круто. Человѣкъ 5 уже умерло. Что будетъ дальше—неизвѣстно; мѣры предосторожности взяты. Крестьяне, къ счастью, получили довѣренность къ моей больницѣ—и тотчасъ являются, какъ только дурно себя чувствуютъ. Вѣроятно, холера и васъ не оставила безъ своего посѣщенія—вы такъ близко живете отъ Москвы, гдѣ она до сихъ поръ сильна. Но однако—Богъ съ ней!

Съ будущей тяжелой почтой пошлю вамъ копію „Пост. Двора“ и прошу замѣчаній. Романъ мой переписывается тоже—праздники его пріостановили. Да, кстати, поздравляю васъ съ ними и за-

очно христосуюсь съ вами. Самъ я ничего не дѣлалъ; перечитывалъ и исправлялъ написанныя главы — безжалостно выкидываю всякое, не идущее къ дѣлу, сочинительское слово. Впрочемъ, вы знаете, какъ всякое желудочное разстройство дѣйствуетъ на человѣка, и потому не удивитесь, если я вамъ скажу, что все это время я ни на что и никуда не годился—да и теперь еще вялъ, какъ по утру скошенный лопухъ. Право!

Отлагаю конецъ моего письма до субботы—до меня дошли слухи насчетъ продолженія „Сборника“ и литературной дѣятельности вашихъ сыновей, любезный С. Т.—Правда ли это? А для вашего „Охотничьяго Сборника“ у меня уже составленъ планъ двухъ статей.

Пятница—вечеромъ.

Вчера была удивительная погода—я много гулялъ и увидалъ первыхъ ласточекъ. Я намѣренъ для вашего „Сборника“ составить, во-первыхъ, статью о ловлѣ курскихъ и бердичевскихъ соловьевъ, списанную со словъ моего стараго охотника, который разъ двадцать ѣздилъ за ними по порученьямъ купцовъ и вывозилъ тысячныхъ соловьевъ — за занимательность этой статьи я отвѣчаю; а во-вторыхъ, разсказъ о стрѣльбѣ мужиками медвѣдей на овсахъ въ Полѣсьѣ. Это тоже, я надѣюсь, выйдетъ статья порядочная. Если здоровье мое окончательно утвердится, къ Петрову дню вы получите обѣ статьи.

Я въ теченьи послѣднихъ двухъ недѣль убилъ 4 вальдшнеповъ, одну куропатку (спѣшу замѣтить: самца), 6 бекасовъ, 2 гаршнеповъ, 1 кулика и нѣсколько дроздовъ — сущая бездѣлица! Посмотримъ, что скажутъ дупеля.

Дайте объ себѣ вѣсточку и не взыщите за пустоту этого письма. Впрочемъ будьте здоровы и веселы—крѣпко жму вамъ всѣмъ руки.

15.

С. Спасское. Вторникъ, 12-го мая 1853.

Я только третьяго дня вернулся съ поѣздки за 150 верстъ отсюда, любезный Сергѣй Тимофѣевичъ, и нашелъ здѣсь ваше письмо. Я ѣздилъ стрѣлять дупелей въ выводныхъ болотахъ, лежащихъ между лѣсами вдоль береговъ Десны. Я немного опоздалъ — самки уже сѣли на яйца, а самцы уже начали разлетаться и точки прекратились. Однако мы на три ружья убили въ три поля 105 штукъ красной дичи—на мою долю пришлось 41. Молодая моя собака меня очень радовала—и мѣста велико-

лѣпныя. Къ сожалѣнію, погода намъ не благопріятствовала—холода стояли пренепріятные, а въ послѣдніе дни дождикъ лилъ почти постоянно. На будущую весну, если Богъ дастъ, я заберусь туда гораздо раньше. Теперь до Петрова дня ружье на крючокъ и по мѣрѣ возможности — за перо. Романа моего я кончилъ только первую часть, и она теперь переписывается. По недоразумѣнію, безъ меня вамъ „П. Д.“ не выслали—онъ отправляется завтра. Здоровье мое нѣсколько поправилось. Люди, умершіе въ нашемъ околоткѣ, отправились на тотъ свѣтъ, вѣроятно, отъ объѣденія, по крайней мѣрѣ, съ того времени холерныхъ припадковъ не слыхать. За совѣтъ очень благодаренъ, и если холера серьезно къ намъ пожалуетъ, я набрюшникъ надѣну. Видно, одно слово: „Сборникъ“ такъ напугало цензуру, что она не рѣшается позволить даже охотничьяго сборника! Во всякомъ случаѣ, издайте непремѣнно вашу книгу. Я горжусь тѣмъ, что я отчасти былъ причиною скорѣйшаго напечатанія вашихъ „Записокъ“. Позвольте мнѣ и теперь настоять на томъ, чтобы вы ни за что не отказывались отъ вашего предпріятія. Статьи мои непремѣнно будутъ готовы къ Петрову дню. Одну я уже началъ (поѣздку въ Полѣсье) и написалъ страницъ 5.

Погода у насъ теперь (я это пишу 16-го мая—въ годовщину освобожденія моего изъ части) стоитъ удивительная. Я не помню такой свѣжей и юной зелени. Все ликуетъ—другого слова употребить нельзя. Вчера мы ходили вдоль осиноваго лѣса, со стороны тѣни, вечеромъ; солнечные лучи забирались съ своей стороны въ глубь лѣса и обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Эта картина была удивительна—ее словами передать невозможно. Калямъ бы ее схватилъ своею кистью. Вы слышали—онъ умеръ. Очень его жаль!

Хоть я вовсе не рыбакъ, но въ честь вашу пойду сегодня удить карасей въ прудѣ. Другой рыбы у меня здѣсь нѣтъ.

Прощайте, добрый С. Т. Будьте здоровы съ вашими сыновьями и со всѣмъ вашимъ семействомъ. И я скажу: когда-то Богъ приведетъ увидѣться? Вмѣстѣ поѣхали бы, между прочимъ, къ Троицѣ; вообразите—я въ Троицѣ никогда не бывалъ. Крѣпко жму вамъ руку и остаюсь навсегда вашъ, и т. д.

16.

С. Спасское. 5-го іюня 1853.

Мнѣ очень весело, что мы состоимъ съ вами въ перепискѣ, добрый и любезный Сергѣй Тимофѣевичъ — всякое ваше письмо мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе, и вы видите, что я не мѣшкаю моими отвѣтами. Я очень радъ, что у вашихъ дѣтей лихорадка прошла; и у насъ здѣсь было много лихорадокъ, но съ весной онѣ кончились. Вотъ уже пятый день какъ у насъ стоитъ удивительная погода—говорятъ, надо желать дождей; озимые хлѣба вездѣ довольно плохи — есть большія вымочки — во многихъ мѣстахъ пшеница совсѣмъ пропала. Охотники могутъ утѣшаться мыслью, что, судя по веснѣ, выводки будутъ славные.

Я про себя должепъ сказать, что я никакъ не могу работать — желудокъ мой меня мучитъ. Ничего не варитъ и заставляетъ меня проводить безсонныя ночи, которыя меня очень разслабляютъ. Хочу попробовать лѣчиться бѣлой горчицей, которая, говорятъ, многимъ помогаетъ. Однако первую часть романа кончилъ. Я ее уже отправилъ къ Анненкову въ Петербургъ — по обѣщанію—но какъ только онъ ее прочтетъ—она будетъ вамъ доставлена, и я тогда попрошу вашего мнѣнія, которымъ вы знаете какъ я дорожу. Также прошу вашихъ сыновей сказать мнѣ, что они думаютъ. Это — вещь совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ „Постоялый Дворъ“. Кстати о немъ—вѣрно, ему не судьба тотчасъ попасть къ вамъ; я согласился на просьбу одного человѣка, который желалъ его переписать, но вы его скоро получите. Впрочемъ оно теперь кажется и не такъ къ спѣху. Мнѣ, главное, хочется знать, что вы скажете о моемъ романѣ и попалъ ли я въ тонъ романа.

Холера къ намъ подвигается; говорятъ, она уже въ Тулѣ, но здѣсь всѣ припадки пока прекратились. Что будетъ, то будетъ, а мы готовы.

А все-таки я надѣюсь скоро написать статьи для „Сборника“. Если только я возьмусь за перо—онѣ будутъ готовы. Но для этого нужно, чтобы желудокъ оправился, а то просто ничего невозможно дѣлать. Валяешься цѣлый день на разныхъ диванахъ, словно кто колесомъ по тебѣ переѣхалъ. Это очень скучно.

Письмо мое чрезвычайно вяло и пусто, но я настолько надѣюсь на ваше расположеніе, чтобы не заставлять себя быть остроумнымъ и любезнымъ, когда тупо въ головѣ.—Ахъ, да, у меня на дняхъ былъ Фетъ, съ которымъ я прежде не былъ зна-

комъ. Онъ мнѣ читалъ прекрасные переводы изъ Горація. Иныя оды необыкновенно удались—напрасно только онъ употребляетъ не только устарѣлыя слова—каковы: „перси“ и т. д.—но даже небывалыя слова въ родѣ: „завой“ (завитокъ), „уханіе“ (запахъ) и т. д. Я всячески старался ему доказать, что „уханіе“ такъ же дико для слуха, какъ, напр., „получіе“ (отъ *благо*получія). Собственныя его стихотворенія не стоютъ его первыхъ вещей; его неопредѣленный, но душистый талантъ немного выдохся. Попадаются однако прелестные стихи—напр. эти два, оканчивающіе граціозное описаніе лѣтней тихой ночи:

И сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ міріады звѣздъ.

Самъ онъ мнѣ кажется милымъ малымъ. Немного тяжеловатъ и смахиваетъ на малоросса,—ну и нѣмецкая кровь отозвалась уваженіемъ къ разнымъ систематическимъ взглядамъ на жизнь и т. п. Но все-таки онъ мнѣ весьма понравился. Онъ ѣдетъ въ Новгородъ — его перевели въ какой-то уланскій гвардейскій полкъ.

А затѣмъ прощайте, добрый Сергѣй Тимофѣичъ. Жму вамъ крѣпко руку и желаю вамъ и всѣмъ вашимъ всего хорошаго—а Ивану Сергѣевичу—успѣха въ его предпріятіи. Прощайте и т. д.

17.

Спасское. 29-го іюня 1853 (Петровъ день).

„Давненько не бралъ я въ руки шашекъ“, говаривалъ Чичиковъ Ноздреву; давно не получалъ я отъ васъ писемъ, любезный Сергѣй Тимофѣевичъ, говорю я. Вслѣдствіе этой мысли я взялъ перо и принялся писать къ вамъ. Начну съ того, что сегодня Петровъ день—а я дома! Что прикажете дѣлать? Обѣ суки мои въ пустовкѣ — да и мнѣ вчера поставили піявки, желая уменьшить брюшное полнокровіе, не дающее моему желудку варить самую легкую пищу. Должно надѣяться, что черезъ нѣсколько дней и суки мои, и я—мы придемъ въ порядокъ и начнемъ охотиться.

Получили ли вы черезъ Кетчера 1-ую часть моего романа—или нѣтъ еще? Анненковъ давно ее прочелъ и уже написалъ мнѣ о ней свое мнѣніе, весьма дѣльное и справедливое. Я бы сказалъ вамъ, что именно онъ критикуетъ, но мнѣ хочется посмотрѣть, сойдетесь ли вы съ нимъ въ воззрѣніи на мою по-

сильную работу. Жду вашего приговора съ нетерпѣніемъ. По прочтеніи, пришлите романъ ко мнѣ, если Кетчеръ не сказалъ вамъ, чтобы вы его ему возвратили.—Какъ ваше здоровье въ это неестественное лѣто? У насъ отъ продолжительной засухи всѣ яровыя почти-что пропали. И погода стоитъ какая-то непріятная. Крестьяне болѣютъ кровавыми поносами.

Очень мнѣ жаль, что Кокоревъ умеръ. Его „Саввушка“ подавалъ большія надежды. Много въ немъ было теплоты и наблюдательности. Нездоровится нашимъ писателямъ.

А я все лѣнюсь и ничего дѣлать не могу. Вотъ и Петровъ день—а статьи для вашего „Сборника“ и до половины не доведены. Но два-три дня дѣятельности все это могутъ поправить.

Знаете ли, въ чемъ состоитъ главное мое занятіе? Играю въ шахматы съ сосѣдями или даже одинъ, разбираю шахматныя игры по книгамъ. Отъ упражненья я достигъ нѣкоторой силы. Также много занимаюсь музыкой, т.-е., говоря правильнѣе, занимаюсь тѣмъ, что слушаю музыку. Жена живущаго у насъ Тютчева и сестра ея много играютъ въ четыре руки. Бетховенъ, Моцартъ, Мендельсонъ и Веберъ—наши любимцы.

6-го іюля.

Охотился 2 раза—неудачно. Дичи мало. Придется ѣхать подальше. Дайте о себѣ вѣсточку — а пока будьте здоровы, дружески жму вамъ руку и кланяюсь всему вашему семейству. Вашъ и т. д.

18.

С. Спасское. 30-го августа 1853 г.

Если я такъ долго не писалъ вамъ, любезный и добрый Сергѣй Тимофѣевичъ, если я и теперь напишу вамъ очень мало—пожалуйста не думайте, что я забылъ васъ, и въ особенности не думайте, что я не благодаренъ вамъ и вашему сыну за ваши дѣльныя и славныя письма. Но вотъ въ чемъ дѣло: Тютчевъ, которому я поручилъ-было управленіе моимъ имѣніемъ, отъ меня отходитъ—и теперь это все падаетъ на меня. Я все это время ѣздилъ по деревнямъ, не охотился и теперь у меня въ головѣ одно хозяйство, разсчеты, счеты и т. д. Такъ что ни о чемъ литературномъ я и подумать—пока—не въ состояніи. Предоставляю себѣ впослѣдствіи поговорить съ вами о моемъ романѣ, но теперь же скажу, что съ вашими замѣчаніями я согласенъ и только выгораживаю одно: въ мою героиню (которую, впрочемъ, я всю

передѣлаю) въ сущности не влюбляется *никто*—и менѣе всѣхъ Дмитрій Петровичъ, который, напротивъ, ее такъ же капризно возненавидитъ; а чтобы пояснить его лицо, я въ первой же части помѣщу главу о его воспитаніи, которою я предполагалъ начать 2-ую часть. Сцена объясненія вамъ теперь, вѣроятно, станетъ понятнѣе — хотя, видно, ее тоже нужно переиначить, чтобы не оставлять читателя въ сомнѣніи. Главныя мои лица: Чермакъ, Дмитрій Петровичъ и Глафира Ивановна. Въ нихъ я, если смогу, постараюсь выразить современный бытъ, какимъ онъ у насъ *выродился*.

Но все это въ будущемъ — а въ настоящемъ пропасть занятій, интересныхъ и любопытныхъ, если хотите, но съ непривычки обременительныхъ. И потому извините меня, если я больше не прибавлю словъ. Присылайте мнѣ мой романъ, если онъ еще у васъ, *пишите мнѣ* и вѣрьте въ искреннюю и неизмѣнную дружбу вашего и т. д.

P. S. Рукопись „Постоялаго Двора“ будетъ вамъ выслана изъ Москвы г. Ѳеоктистовымъ.

19.

С. Спасское. 6-го октября 1853.

Съ перваго сентября не писалъ я къ вамъ, любезный и добрый мой Сергѣй Тимофѣевичъ (и то я отвѣчалъ тогда очень коротко на ваши большія письма)—это ни на что не похоже! Но вѣдь вы уже знаете, что я теперь самъ занимаюсь хозяйствомъ—и потому не взыщете на меня. Я въ ужасныхъ былъ хлопотахъ все это время — и теперь едва начинаю привыкать къ новому моему положенію. Стерпится-слюбится. Но пока тяжеленько, особенно при наступившей снова холодной осенней погодѣ — и въ одиночествѣ. Вѣтеръ такіе выводитъ переливы, что невозможно не воскликнуть иногда невольно: фу! какъ гадко и скучно и холодно и непріязненно жить на землѣ! Точно та „волшебница“ зима, о которой говорилъ Пушкинъ, выслала впередъ свою злую дворную собаку—и сидитъ она, и воетъ передъ каждымъ домомъ, возвѣщая прибытіе своей хозяйки и злобно скучая о ней. Вотъ-вотъ—вишь какъ высоко забираетъ! Надо встряхнуться и думать о другомъ.

Скажу вамъ о себѣ, что я намѣренъ или, выражаясь точнѣе, принужденъ прожить въ деревнѣ до Новаго года,—а тамъ съѣзжу недѣль на шесть въ Орелъ—и останусь тамъ, между прочимъ, для выборовъ. Этого я никогда не видалъ, а говорятъ—любопыт-

ное зрѣлище. Могу сказать, что я стараюсь не упускать никакого случая извлекать изъ провинціальной жизни всевозможную пользу. Я познакомился съ великимъ множествомъ новыхъ лицъ и ближе сталъ къ современному быту, къ народу.

Съ наступленіемъ зимы наступитъ для меня литературная работа, которую я совсѣмъ-было бросилъ въ это послѣднее время. Стану передѣлывать, а потомъ, если Богъ дастъ, и продолжать свой романъ. Я еще не получалъ обратно рукописи, но надѣюсь, что она скоро явится. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ было сказано нѣсколько словъ насчетъ вашихъ замѣчаній — теперь же не хочется больше говорить, а дѣлать; письма ваши перечтены мною не разъ—и многое принято къ свѣдѣнію. Кончу я также обѣщанныя статьи для вашего „Сборника“ —лишь бы новыя занятья мои не развлекли меня. Любопытно мнѣ также знать, что̀ ваша статья о Державинѣ? Я чай, вы тоже полѣнились, то-есть удили рыбу—я охотился мало и неудачно. Вальдшнеповъ—послѣдней нашей радости—совсѣмъ почти не было.

Извѣстите меня о себѣ и о семействѣ вашемъ. На дняхъ мы много говорили обо всѣхъ васъ съ П. В. Кирѣевскимъ, который пріѣзжалъ ко мнѣ изъ своей орловской деревни. Что̀ за милый и чистый человѣкъ!

Это письмо будетъ отправлено къ вамъ изъ Москвы — или доставлено прямо вамъ въ руки, если вы въ Москвѣ. Его отвозитъ туда Тютчевъ, который сегодня (7-го октября) уѣзжаетъ. Когда увижу я васъ?—Господь знаетъ; а какъ бы мнѣ этого хотѣлось!

Прощайте пока, добрый Сергѣй Тимофѣевичъ. Кланяюсь вашимъ сыновьямъ, жму вамъ всѣмъ руки и желаю всего хорошаго. Будьте здоровы и не забывайте искренно любящаго васъ —

20.

С. Спасское. 14-го ноября 1853.

Очень было мнѣ пріятно получить отъ васъ, наконецъ, письмо, любезный Сергѣй Тимофѣевичъ, и очень непріятно узнать, что причиною вашего молчанія было ваше нездоровье. Надѣюсь, что установившаяся зима поможетъ вамъ,—лишь бы бѣлизна снѣга не повредила вашимъ глазамъ. Не оставляйте меня безъ вѣсти о себѣ.

Мой, какъ вы называете его, полный тёзка будетъ принятъ въ Спасскомъ съ отверзтыми объятіями. Кромѣ того, что я на-

дѣюсь побесѣдовать съ нимъ, такъ какъ давно уже это мнѣ не удавалось — самъ по себѣ онъ очень мнѣ милъ и симпатиченъ. Порученіе ему досталось интересное, и я увѣренъ, что онъ превосходно его исполнитъ.

Я, кажется, уже писалъ вамъ, что я намѣренъ переѣхать на зиму въ Орелъ (я выѣзжаю отсюда послѣ Николина дня); что же касается до управленія дѣлъ моихъ, то я призвалъ на помощь дядю, брата моего отца, который при покойницѣ матушкѣ лѣтъ двадцать этимъ занимался. Видно, нашъ братъ щелкопёръ дѣйствительно ни къ какому дѣльному занятію не способенъ.—Что дѣлать! Всего не соединишь и не обхватишь—и дай Богъ, чтобы въ своемъ-то, въ собственномъ ремеслѣ не дѣлалъ промаховъ на каждомъ шагу!

За литературу я только-что начинаю приниматься—до сихъ поръ всякія другія дрязги сидѣли въ головѣ сиднемъ. Первое, что я кончу—будетъ непремѣнно статья для вашего „Сборника“. Я въ Орелъ повезу также свой романъ, который я во многомъ передѣлаю. Я немного охладѣлъ къ нему—однако чувствую, что надо его кончить и развить тѣ характеры и мысли, которыя только еще обозначены въ первой части.

У насъ совершенно стала зима. Барометръ на 2 градуса выше „Яснаго“; обледенѣлыя деревья блестятъ на солнцѣ какъ стеклянныя—и снѣгъ все затянулъ твердой бѣлой корой. А завтра Введенье—или, какъ говорятъ, „Веденьё, которое ломаетъ леденьё“. На оттепель не похоже. Притомъ снѣгъ легъ не на сырую, а на сухую землю. Но вотъ увидимъ—а пока зимній путь чудный.

Доставили мнѣ 9-ую и 5-ую главу „Мертвыхъ Душъ“ (2-й части). 9-я глава, гдѣ Пѣтухъ и Костанжогло—удивительна, но 5-я съ небывалымъ и невозможнымъ откупщикомъ Муратовымъ... Лучше не говорить о ней—и набросить, какъ почтительные сыновья Ноя, покровъ на обпажившагося нашего литературнаго отца.

Съ удовольствіемъ послушаю я статью о Державинѣ и постараюсь узнать отъ И. С.—въ чемъ именно состоитъ новая грамматическая система К. С. Я никогда не занимался языкомъ русскимъ теоретически и плохо знаю его исторію—но у меня есть на его счетъ нѣкоторыя мысли—посмотрю, совпадаютъ ли онѣ съ воззрѣніемъ вашего сына.

Прощайте, добрый С. Т. Пожалуйста, не забывайте меня,—а главное—какъ можно скорѣе выздоравливайте. Если не можете писать или читать, то играйте въ карты—это мнѣ напоминаетъ то тинтерѣ, которое я узналъ у васъ въ Москвѣ и гдѣ трефы

играютъ такую важную роль. Помните, еще покойный Загоскинъ игралъ съ нами...

Иныхъ ужъ нѣтъ,—а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Кстати, давно вы не читали Восточныхъ Стихотвореній Пушкина? Перечтите ихъ—я отъ нихъ безумствую. Еще разъ прощайте — жму вамъ крѣпко руку и кланяюсь вашему семейству.

P. S. Славную мысль вы возымѣли насчетъ 2-го изданія „Записокъ объ уженьѣ". Чѣмъ больше отъ васъ—тѣмъ лучше.

21.

С. Спасское. 20-го ноября 1853.

Дорогой гость, о пріѣздѣ котораго вы меня предувѣдомляли, любезный Сергѣй Тимофѣевичъ, былъ у меня третьяго дня и просидѣлъ до вечера. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ ему радъ и какъ много мы съ нимъ толковали и разговаривали. Это посѣщеніе было для меня истиннымъ праздникомъ. Желаю, чтобы дѣятельность, которой онъ теперь себя посвящаетъ, его удовлетворила — обидно видѣть такой запасъ силъ, которыя никуда не идутъ. Для него это еще тѣмъ тяжеле, что у него нѣтъ той безпечности, по милости которой нашъ братъ свистунъ коротаетъ свой вѣкъ безъ особенной скуки.

23-го ноября.

Сообщаю вамъ, любезный С. Т., извѣстіе, сейчасъ мною полученное—Государю было угодно дозволить мнѣ выѣздъ изъ деревни и возвращеніе въ С.-Петербургъ. Я увѣренъ, что вы будете сочувствовать моему удовольствію—а мнѣ болѣе всего пріятна возможность видѣться съ друзьями, между которыми вы занимаете одно изъ первыхъ мѣстъ. Я выѣзжаю отсюда тотчасъ послѣ 6-го декабря. На этотъ разъ я въ Москвѣ не могу остановиться болѣе чѣмъ на день—но на возвратномъ пути (я въ Петербургѣ пробуду около мѣсяца) непремѣнно заѣду къ вамъ въ Абрамцево и погощу у васъ. Съ удовольствіемъ думаю уже теперь о нашей встрѣчѣ.

Посылаю вамъ статью вашу о Державинѣ. Она чрезвычайно интересна и любопытна—и хотя великій поэтъ является въ ней въ чуть-чуть комическомъ свѣтѣ, тѣмъ не менѣе общее впечатлѣніе трогательно — словно изъ другого міра звучитъ этотъ голосъ. Непремѣнно надобно напечатать эту статью.

Писать больше некогда—я не хотѣлъ отложить этого извѣ-

стія до другой почты—а теперь крѣпко жму вамъ и К. С. руку и говорю: до свиданія. Преданный вамъ —

22.

С.-Петербургъ. 13-го декабря 1853.

Сегодня пятый день, что я пріѣхалъ сюда, любезный и добрый Сергѣй Тимофѣевичъ—и я еще не успѣлъ хорошенько оглядѣться—а потому не ждите отъ меня путнаго письма. Я хочу дать вамъ пока мой адресъ—а именно: я поселился въ Поварскомъ переулкѣ, въ домѣ Тулубьева, близь Владимірской. Мнѣ очень было бы пріятно, еслибъ вы написали мнѣ нѣсколько строкъ о себѣ и о вашихъ. Имѣете ли вы извѣстіе отъ Ивана Сергѣевича? Какъ онъ началъ свое дѣло?

Меня здѣсь всѣ встрѣтили очень любезно и благосклонно—буду стараться, чтобъ и впредь эти чувства не измѣнились.

Я уже видѣлъ Рашель—но отлагаю поговорить о ней и о многомъ другомъ до слѣдующаго письма.

Будьте здоровы—крѣпко жму вамъ руку, кланяюсь всѣмъ вашимъ и остаюсь душевно вамъ преданный —

1854-й годъ.

23.

С.-Петербургъ. 10-го февраля 1854.

Давнымъ давно собирался я писать къ вамъ, любезный и добрый Сергѣй Тимофѣевичъ—да всё не могъ улучить свободнаго времени; сегодня однако рѣшился дать вамъ вѣсть о себѣ. Прежде всего искреннее спасибо вамъ за „Травлю Перепелокъ“—которую я не прочелъ, а проглотилъ цѣликомъ. Это превосходная вещь—и написана тѣмъ славнымъ русскимъ языкомъ, которымъ вы одни владѣете. Кстати, въ 9 № Современника будетъ напечатано письмо мое къ вамъ, въ которомъ изложится мнѣніе одного здѣшняго охотника и хорошаго моего знакомаго, доктора Берса—о разныхъ темныхъ вопросахъ, касающихся до прилета и улета дичи. Кажется, его замѣчанія справедливы и во всякомъ случаѣ могутъ вызвать отвѣтъ съ вашей стороны.

Здоровье мое въ послѣднее время стало опять немного поправляться—моя болѣзнь состоитъ въ гастритѣ, или хрониче-

скомъ желудочномъ разстройствѣ, часто сопровождаемомъ лихорадкой и безсонницей. Мнѣ очень жаль, что и вы не совсѣмъ въ своей тарелкѣ; авось весна насъ обоихъ поправитъ—а вы ждите меня непремѣнно въ первыхъ числахъ апрѣля или даже въ концѣ марта.

Я здѣсь веду жизнь хотя не разсѣянную—но какъ-то растраченную на тысячу мелочей и т. д. Впрочемъ я сдѣлалъ здѣсь двѣ хорошія вещи: уговорилъ Тютчева (Ѳ. И.) издать въ свѣтъ собранныя свои стихотворенія и помогъ Фету окончательно привести въ порядокъ и выправить свой переводъ Горація. Самъ же я ничего пока не дѣлаю—надѣюсь приняться за дѣло въ деревнѣ.

Сегодня вышелъ здѣсь манифестъ о войнѣ съ Англіей и Франціей. Вы, вѣроятно, скоро его получите, если уже не получили.

Вы мнѣ ничего не пишете объ Ив. Серг. Думаю, что онъ здоровъ и работаетъ. Спасибо К. С. за его поклонъ. Жму вамъ всѣмъ руки—и говорю: до свиданія. Душевно васъ любящій...

PS. Изданіе Пушкина подвигается, хотя очень медленно. Пользуясь отъѣздомъ англійскаго посланника, я купилъ очень дешево 2 отличныхъ англійскихъ ружья Форсайта.

24.

28-го февраля 1854. С.-Петербургъ.

Спѣшу отвѣтить хоть немногими словами на ваше письмо отъ 15-го февр., любезный и добрый Сергѣй Тимофѣевичъ. Пишете вы мнѣ, что слышали, будто я отправляюсь на Кавказъ—но это несправедливо; я имѣю намѣреніе провести лѣто въ деревнѣ—если здѣсь не произойдутъ какія-нибудь необыкновенныя событія—и въ первыхъ числахъ апрѣля во всякомъ случаѣ, если буду живъ, буду у васъ въ Абрамцевѣ. Я на дняхъ познакомился съ однимъ кн. Оболенскимъ (кажется, Юріемъ), который много мнѣ говорилъ о васъ. Заранѣе радуюсь нашему свиданію и нашимъ разговорамъ.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ новаго изданія книги „Объ уженьѣ“—и исполню ваше желаніе на ея счетъ.

Письмо отъ Берса должно было быть помѣщено не въ 9-й, а въ 3-й кн. Современника, но отложено до 4-го, т.-е. до апрѣльскаго, номера.

Могу сообщить вамъ пріятное извѣстіе—Пушкинъ, наконецъ,

начнетъ печататься. Слухъ о дороговизнѣ новаго изданія до васъ дошелъ ложный; напротивъ—оно, сколько я знаю, будетъ сравнительно очень дешево.

Господинъ, которому я поручилъ доставить вамъ рукопись „Постоялаго Двора", потерялъ ее—придется велѣть переписать ее снова.

До свиданія, добрый Сергѣй Тимофѣевичъ, будьте здоровы и веселы—кланяйтесь всѣмъ вашимъ. Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ...

PS. Письмо это кончено 4-го марта.

25.

С.-Петербургъ. 31-го марта 1854. Среда.

Очень вамъ благодаренъ, добрый и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, за присланную книгу „Объ уженьѣ". Я перечелъ ее съ наслажденьемъ и предоставляю себѣ удовольствіе поговорить о ней въ Современникѣ — такъ что она не поспѣетъ къ апрѣльской книжкѣ. „Семейную Хронику" я еще не успѣлъ прочесть, но слышу великія похвалы со всѣхъ сторонъ.

Я выѣзжаю отсюда черезъ недѣлю — въ Москвѣ пробуду только день Свѣтлаго Воскресенія—но увижусь съ вами въ началѣ мая, т.-е. на обратномъ пути изъ деревни, гдѣ я пробуду не болѣе трехъ недѣль. Я здѣсь нанялъ дачу въ Петергофѣ, чтобы быть на мѣстѣ дѣйствія, или, выражаясь правильнѣе, чтобы не слишкомъ отдалиться отъ центра, куда будутъ приходить всѣ извѣстія. Въ маѣ мѣсяцѣ я у васъ проведу дней 5. Вы мнѣ кстати покажете, какъ должно удить — вѣдь май мѣсяцъ, говорятъ, лучшее время для уженья. Наговоримся вволю.

Итакъ, до свиданья около 5-го мая. Надѣюсь найти васъ тогда веселымъ и бодрымъ, крѣпко жму вамъ руку, кланяюсь всѣмъ вашимъ и остаюсь навсегда преданный вамъ, и т. д.

26.

С. Спасское. 8-го мая 1854.

Пишу вамъ сегодня только нѣсколько строкъ, любезный Сергѣй Тимофѣевичъ, для того, чтобы увѣдомить васъ, что я выѣзжаю отсюда во вторникъ 11-го числа (раньше я съ дѣлами справиться не могъ), буду въ Москвѣ 12-го, а у васъ, если буду живъ, 13-го обѣдаю. 14-е число — самый поздній срокъ.

Итакъ, до скораго свиданія. Заочно жму вамъ руку и остаюсь душевно вамъ преданный, и т. д.

27.

Петергофъ. 31-го мая 1854. Троицынъ день.

Пишу къ вамъ, любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, по минованіи обоихъ майскихъ Михайловыхъ дней (вы помните?), въ которые ничего особеннаго со мной не случилось. Я поселился здѣсь въ небольшомъ домикѣ колониста, въ двухъ верстахъ отъ Петергофа и въ полуверстѣ отъ моря, которое видно изъ моихъ оконъ надъ верхушками сосноваго лѣса. Завелъ себѣ лошадь и таратайку—и располагаю здѣсь прожить до осени. Къ сожалѣнію, погода у насъ до того невыразимо гадкая, что и сказать нельзя. Холодъ, дождь, вѣтеръ воетъ и ноетъ—тоска! Куда дѣвались красные дни, которые тѣшили насъ въ Абрамцевѣ! Надо вооружиться терпѣньемъ. Вотъ буквально пришлось сидѣть у моря и ждать погоды. Въ Кронштадтъ, который отсюда всего въ пяти верстахъ, я еще не ѣздилъ. Англичане, говорятъ, близко, по носу къ намъ сюда еще не кажутъ.

Поговоримъ немного о литературныхъ новостяхъ. Во-первыхъ, скажу вамъ, что я познакомился со вдовою Баратынскаго, и она мнѣ вручила альбомъ, куда она вписала все, что̀ осталось отъ ея мужа, письма и пр. Можно будетъ составить довольно любопытную статью. Отъ Толстого. автора „Исторіи моего дѣтства“, прислана повѣсть, продолженіе первой, подъ названіемъ „Отрочество“; говорятъ, превосходная. Въ Парижѣ появился переводъ моей книги съ длиннымъ предисловіемъ—то-то, я думаю, насказано вздору!

Баратынскій не поэтъ въ единственно-истинномъ, въ Пушкинскомъ смыслѣ, но нельзя не уважать его благородную художническую честность, его постоянное и безкорыстное стремленіе къ высшимъ цѣлямъ поэзіи и жизни. Константину Сергѣичу онъ бы понравился, несмотря на свое западничество. Ума, вкуса и проницательности у него было много, можетъ быть слишкомъ много—каждое слово его носитъ слѣдъ не только рѣзца—подпилка, стихъ его никогда не стремится, даже не льется. Вотъ вамъ неизданное его стихотвореніе (которое не давайте списывать); въ немъ довольно вѣрно выразились всѣ особенности его музы.

Когда твой голосъ, о поэтъ,
Смерть въ высшихъ звукахъ остановитъ,
Когда тебя во цвѣтѣ лѣтъ
Нетерпѣливый рокъ уловитъ —

Кого закатъ могучихъ дней
Во глубинѣ сердечной тронетъ?
Кто въ отзывъ гибели твоей
Стѣсненной грудію возстонетъ?

И тихій гробъ твой посѣтитъ—
И надъ умолкшей Аонидой,
Рыдая, пепелъ твой почтитъ
Нелицемѣрной панихидой?

Никто!—Но сложится пѣвцу
Канонъ намереннымъ зоиломъ —
Уже кадящимъ мертвецу,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ.

Отголосокъ великой нашей классической эпохи слышится въ формѣ стиха Баратынскаго.

Некрасовъ, котораго вы такъ не любите, написалъ нѣсколько хорошихъ стихотвореній, особенно одно — плачъ старушки-крестьянки объ умершемъ сынѣ.

Адресъ мой очень простъ: въ Петергофъ. Я уже распорядился здѣсь на почтѣ — письма будутъ мнѣ доставляться. Пожалуйста, напишите мнѣ два слова о себѣ, о вашемъ житьѣ въ Абрамцевѣ, которое я такъ душевно полюбилъ. Поклонитесь, прошу васъ, вашей супругѣ и всему вашему семейству. Жму вамъ и К. С. руки дружески и остаюсь преданный вамъ...

28.

Петергофская колонія. 7-го августа 1854.

Послѣ долгаго молчанья берусь опять за перо, любезный Сергѣй Тимофѣевичъ, и прежде всего благодарю васъ за ваше милое письмо отъ 11-го іюня, на которое я до сихъ поръ, къ стыду моему, не отвѣчалъ. Я только третьяго дня вернулся съ поѣздки (за 160 верстъ) на тетеревовъ и бѣлыхъ куропатокъ. Ѣздилъ долго—дней 16—и только къ самому уже концу отыскалъ отличныя, истинно царскія мѣста по множеству дичи и удобству стрѣльбы. Недостатокъ проводниковъ, хорошо знавшихъ мѣстность, и собственная недогадливость были тому причиной—а эти превосходныя мѣста были всего въ 10 верстахъ отъ села, гдѣ я

поселился. Впрочемъ я своей поѣздкой былъ доволенъ — чувствовалъ себя совершенно здоровымъ — да оно и не мудрено было, при удивительной погодѣ, которая стоитъ у насъ уже около двухъ мѣсяцевъ. Теперь вычистилъ ружье, даю отдыхать собакѣ и жду дупелей, а на вальдшнеповъ поѣду къ себѣ въ деревню около 10-го сентября.

Я вамъ не писалъ о тѣхъ планахъ, которые у меня были въ головѣ во время пребыванія моего въ Абрамцевѣ, потому что всѣ эти планы упали въ воду — карты сказали правду.

Получилъ я наконецъ французскій переводъ моихъ „Записокъ“ — и лучше бы, еслибъ не получилъ ихъ! Этотъ г-нъ Шарріеръ чортъ знаетъ что̀ изъ меня сдѣлалъ — прибавлялъ по цѣлымъ страницамъ, выдумывалъ, выкидывалъ — до невѣроятности; вотъ вамъ образчикъ его манеры: у меня, напр., сказано: „я убѣжалъ“; онъ переводитъ эти два слова слѣдующимъ образомъ: „je m'enfuis d'une course folle, effarée, échevelée, comme si j'eusse eu à mes trousses toute une légion de couleuvres, commandée par des sorcières“. И все въ этакомъ родѣ. Каковъ безсовѣстный французъ! — и за что я теперь долженъ превратиться, по его милости, въ шута?

Здѣсь всѣ — и, разумѣется, начиная съ меня — въ восторгѣ отъ вашего „Шутерина“. Это просто прелесть; а что касается до слога — мы всѣ у васъ должны учиться. Отголосокъ этихъ мнѣній вы найдете въ августовскомъ Современникѣ, въ фельетонѣ Панаева. Очень я радъ, что вы продолжаете ваши драгоцѣнныя „Воспоминанія“. Да не пришлете ли вы что-нибудь для Современника? Хоть статью о Державинѣ. Они бы вамъ въ ножки поклонились. Если вздумаете, пришлите на мое имя — *до* 10-го сентября.

Я думаю пробыть у себя въ деревнѣ до половины октября — и непремѣнно васъ въ концѣ октября увижу.

О политическихъ дѣлахъ вамъ не пишу — ничего важнаго въ послѣднее время не случилось, кромѣ блистательнаго отраженія перваго приступа французовъ къ Аланду. Они кончатъ тѣмъ, что возьмутъ его — превосходство силъ слишкомъ велико — но онъ имъ станетъ дорого. Когда англійскій флотъ былъ здѣсь — мы ѣздили смотрѣть его на Красную-Горку, за 50 верстъ отсюда.

Прощайте, любезный и добрый Сергѣй Тимофѣевичъ. Желаю вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья. Передайте мой дружескій поклонъ всему вашему семейству — и въ первомъ письмѣ къ моему тёзкѣ — поклонитесь ему отъ меня. Гдѣ онъ теперь и

что дѣлаетъ? К—а С—а обнимаю. До свиданья—въ октябрѣ, если Богъ дастъ. Преданный вамъ и т. д.

Суббота, 14-го августа.

Письмо это, по недоразумѣнію, не было отнесено на почту — отправляю его сегодня. Въ Journal de St.-Pétersbourg помѣстили мое письмо къ редактору насчетъ Шарріеровскаго перевода. Будьте здоровы.

29.

С. Спасское. 8-го октября 1854.

Съ 22-го сентября нахожусь я здѣсь, любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, но охотился очень плохо—вальдшнеповъ совсѣмъ почти не было—ранніе ночные морозы и послѣднихъ прогнали. Куропатокъ тоже очень мало и перепелокъ — словомъ, плохо дѣло! Я со вчерашняго дня повѣсилъ ружье на крючокъ и хочу приняться за работу—непремѣнно окончу двѣ обѣщанныя вамъ статейки и привезу ихъ въ Абрамцево черезъ мѣсяцъ; раньше я отсюда не выѣду. Надѣюсь, что застану васъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ—и наговоримся тогда вдоволь о томъ, о чемъ писать невозможно въ двухъ словахъ. Веселы ли будутъ бесѣды наши—Богъ вѣсть; но знаю навѣрное, что время я проведу въ Абрамцевѣ пріятно. Напишите мнѣ, не ждете ли вы къ тому времени Ивана Сергѣевича домой—а адресъ мой все тотъ же: орловской губерніи, въ городъ Мценскъ. Извините, пожалуйста, краткость этого письма—поздно хватился и боюсь опоздать на почту.

Итакъ, до свиданія—крѣпко жму вамъ всѣмъ руки и остаюсь преданный вамъ, и т. д.

PS. Цензура, говорятъ, сильно исказила „Отрочество“ въ 10-мъ нумерѣ Современника — а все-таки прочтите и скажите ваше мнѣніе.

30.

С. Спасское. 11-го ноября 1854.

Вообразите себѣ, какая досада, любезный С. Т.—я не могу быть у васъ въ Абрамцевѣ. Такое вышло дѣло, что мнѣ сейчасъ надо въ Петербургъ ѣхать—я въ Москвѣ остановлюсь всего нѣсколько часовъ. Но если я буду живъ и здоровъ—я непремѣнно доставлю себѣ удовольствіе быть у васъ въ январѣ мѣсяцѣ: а именно—я хочу присутствовать на юбилеѣ московскаго университета 12-го января. Къ Крещенью я пріѣду къ вамъ и,

можетъ быть, мы вмѣстѣ всѣ поѣдемъ въ Москву. Это я непремѣнно исполню—и потому до свиданія черезъ два мѣсяца.

Посылаю вамъ одну статейку о соловьяхъ. Мнѣ совѣстно, что я изъ-за такой бездѣлицы задержалъ поданіе вашей книги въ цензуру. Другая моя статья (о стрѣльбѣ медвѣдей на овсахъ въ Полѣсьи) не готова — та гораздо больше—я не надѣюсь ее довольно скоро кончить—къ генварю будетъ готова. Ужасная лѣнь на меня напала—даже стыдно. Я еще не благодарилъ васъ за ваше послѣднее письмо — стихи ваши хотя и старой фактуры, какъ вы говорите, но исполнены жизни. Досадно мнѣ очень, что я не увижу теперь Ивана Сергѣича—думаю, что онъ въ январѣ будетъ въ Москвѣ или въ Абрамцевѣ. Разсказъ о соловьяхъ записанъ мною съ дипломатическою точностью, слово въ слово. Пишите мнѣ въ Петербургъ по слѣдующему адресу: Въ Главномъ Штабѣ, на квартирѣ вице-директора Инспекторскаго Департамента, Павлу Васильевичу Анненкову, для передачи И. С. Т. Какъ только я найму себѣ квартиру, напишу вамъ. Будьте здоровы, веселы и счастливы—кланяюсь всѣмъ вашимъ и остаюсь навсегда любящій васъ —

31.

С.-Петербургъ. 8-го декабря 1854.

Я съ недѣлю тому назадъ получилъ ваше письмо, любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣичъ, но у меня такъ много теперь дѣла (для 1-хъ нумеровъ Совр—а и Отеч. Зап.), что рѣшительно не имѣлъ времени отвѣчать вамъ и сегодня ограничусь только немногими строками. Прежде всего повторяю, что непремѣнно, если буду живъ, буду у васъ 8-го или 9-го генваря. Я непремѣнно хочу присутствовать на юбилеѣ—и не могу представить, что бы могло помѣшать мнѣ быть у васъ въ Абрамцевѣ. Я имѣлъ свѣдѣніе объ васъ и о вашемъ семействѣ отъ Самарина, съ которымъ на дняхъ обѣдалъ. Я радъ, что статья о „Соловьяхъ“ вамъ понравилась.

Вотъ гдѣ я теперь поселился: на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ Степанова. Пишите мнѣ, пожалуйста, по этому адресу.

Совѣстно посылать такое короткое письмецо, но дѣлать нечего. Вознагражу себя при свиданіи. До тѣхъ поръ желаю вамъ заочно всего хорошаго, крѣпко жму руку, кланяюсь всему вашему семейству и остаюсь преданный вамъ —

P.-S. Ловля съ острогой и крытіе тетеревовъ шатромъ—прелесть, особенно первое.

32.

С.-Петербургъ. 29-го декабря 1854. Четвергъ.

Любезнѣйшій Сергѣй Тимофѣевичъ, спѣшу увѣдомить васъ, что я непремѣнно—если буду живъ и здоровъ—выѣзжаю отсюда черезъ недѣлю, т.-е. въ самое Крещеніе, и буду у васъ въ Абрамцевѣ 8-го или 9-го числа января. Я для того пишу къ вамъ заранѣе, чтобы вы могли—въ случаѣ если вы сами или кто-нибудь изъ вашихъ будете къ тому времени въ Москвѣ—предупредить меня объ этомъ по слѣдующему адресу: на Пречистенку, возлѣ пожарнаго депо, въ домѣ Тургенева (моего брата). Я остановлюсь не у него—помѣщеніе у него слишкомъ тѣсное—но я навѣрное увижу его въ самый день пріѣзда.

Писать пока болѣе нечего—скоро увидимся и наговоримся. Кланяюсь всему вашему семейству и дружески жму вамъ руку. Душевно васъ любящій —

1855-й годъ.

33.

С. Спасское. 2-го іюня 1855.

Разъ десять собирался я къ вамъ писать, любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, но у меня полонъ былъ домъ гостями, которые разъѣхались только вчера, проживъ три недѣли—и я не имѣлъ минуты свободнаго времени. Ваше письмо, полученное мною на дняхъ, заставило меня покраснѣть—мнѣ стало стыдно своей лѣни и я поспѣшилъ взяться за перо. Гостили у меня Григоровичъ, Боткинъ и Дружининъ; мы проводили время очень весело—разыграли на доморощенномъ театрѣ доморощенный же фарсъ и т. д., и т. д. Теперь опять въ домѣ все пусто и я не прочь отдохнуть. Я долженъ однако вамъ отдать отчетъ въ своихъ охотничьихъ похожденіяхъ. Я пріѣхалъ сюда 12-го апрѣля—и къ изумленію не засталъ уже ни одного вальдшнепа—они уже протекли—въ нынѣшнемъ году все дѣлается двумя недѣлями раньше обыкновеннаго—и рѣки прошли въ половинѣ марта, надѣлавъ много раззоренія и убытковъ. 18-го апрѣля я отправился на весеннихъ дупелей и бекасовъ на берега Десны, въ 200 верстахъ отсюда. Дупелей и бекасовъ мы уже застали на яицахъ, однако еще были точки — и охота вышла недурная. Въ 5 полей мы на 4 ружья убили 220 штукъ. На мою

долю пришлось 52. Я стрѣлялъ довольно плохо, за то собака моя меня порадовала. Время стояло превосходное и я вполнѣ насладился весною. Въ одномъ изъ моихъ полей я убилъ странную птицу: помѣсь курочки и коростеля. Ростъ ея и весь складъ былъ коростелиный—перья на спинѣ какъ у него; перья на груди, животѣ и бокахъ—какъ у курочки, носъ весь красный и длиннѣе и острѣй, чѣмъ у коростеля. Къ сожалѣнію, чучелы я не могъ сохранить. Я до сихъ поръ вовсе не зналъ, какъ кошка ловитъ рыбу и даже всегда удивлялся, отчего она такъ до нея жадна—теперь это мнѣ понятно. Вѣкъ живи—вѣкъ учись. Мнѣ очень пріятно, что гр. Соллогубъ доставилъ вамъ наконецъ „Постоялый Дворъ“—и еще пріятнѣе, что это заставило васъ вспомнить обо мнѣ и написать ко мнѣ; считаю излишнимъ говорить вамъ, какъ ваше одобреніе и память ваша обо мнѣ—мнѣ дороги.

Я пока ничего не дѣлаю, но собираюсь приняться снова за свой романъ и передѣлать его съ основанья. Здоровье мое порядочно.

Ради Бога, издайте вашу книгу въ Петербургѣ и не позже первыхъ чиселъ октября. Это непремѣнно нужно. Что дѣлаетъ мой тёзка? Спасибо К. С. за поклонъ.

Я отсюда выѣду въ половинѣ октября—какъ только кончатся осеннiе вальдшнепы—и непремѣнно къ вамъ изъ Москвы заѣду. Но до того времени мы, я надѣюсь, не разъ перепишемся.

Передайте мой усердный поклонъ вашей супругѣ и всѣмъ вашимъ; будьте здоровы и не забывайте душевно вамъ преданнаго...

34.

С. Спасское. 3-го августа 1855.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Сергѣй Тимофѣевичъ, я еще не получалъ отъ васъ отвѣта на мое послѣднее письмо—но можетъ-быть оно затерялось—и мнѣ очень хочется поговорить съ вами. Какъ вы провели лѣто, которое уже на исходѣ? Я его провелъ весьма однообразно—почти не выѣзжалъ, не охотился—у насъ вездѣ была холера и довольно сильная; я ее побаиваюсь—дома-то все ничего, а заѣдешь въ какую-нибудь деревню—и вдругъ придется умирать въ сѣномъ сараѣ—скверно! Такъ я и не охотился. Теперь она—не подстереги врагъ слова!—замѣтно ослабѣла—и я, можетъ быть, рѣшусь отправиться верстъ за 100 на дупелей. Очень меня разстроила эта невозможность предаться моей любимой страсти; собаки славныя, ружья отличныя—мѣста

открыты удивительныя—и все это задаромъ! Авось въ будущемъ году посчастливится.

Я воспользовался уединеніемъ и бездѣйствіемъ и написалъ большую повѣсть, которую завезу къ вамъ, когда буду въ Москвѣ—около 10-го октября—ибо я непремѣнно намѣренъ къ вамъ заѣхать. Не знаю, что вы скажете; я ни надъ однимъ моимъ произведеніемъ такъ не трудился и не хлопоталъ, какъ надъ этимъ; конечно, это еще не ручательство; но по крайней мѣрѣ самъ передъ собою правъ. Коли Пушкины и Гоголи трудились и передѣлывали десять разъ свои вещи, такъ ужъ намъ, маленькимъ людямъ, самъ Богъ велѣлъ. А то придетъ порядочная мысль въ голову, полѣнишься обдумать ее хорошенько, да обдѣлать какъ слѣдуетъ—и выйдетъ какая-то смутная чепуха. Это со мною не разъ случалось—и я далъ себѣ слово впередъ не позволять себѣ этого.

Напишите мнѣ, пожалуйста, гдѣ теперь Иванъ Сергѣевичъ? Наши всѣ ополченія выступили—вѣроятно и московское тоже. Вижу я по объявленіямъ, что Константинъ Сергѣевичъ издалъ брошюру о глаголахъ; выпишу и прочту, если это только не этимологія, которой я боюсь пуще холеры. Разскажите мнѣ о себѣ и о всемъ вашемъ семействѣ.

А, нечего сказать, живемъ мы въ невеселое время. Война ростетъ, ростетъ—и конца ей не видать, лучшіе люди (бѣдный Нахимовъ!) гибнутъ—болѣзни, неурожай, падежи—у насъ коровы и лошади мрутъ какъ мухи... Впереди еще пока никакого не видать прòсвѣту. Надо потерпѣть. Еще разикъ, еще разъ, какъ говорятъ бурлаки. Авось все это вознаградится съ лихвою. Читали ли вы статью Толстого: „Севастополь“ въ Современникѣ? Я читалъ ее за столомъ, кричалъ: ура! и выпилъ бокалъ шампанскаго за его здоровье.

А что „Семейная Хроника“? Не явится ли хоть какой-нибудь отрывокъ на Божій свѣтъ? „Москвитянинъ“ въ агоніи—никто его не читаетъ и печатать въ немъ—значитъ бросать свои вещи ночью въ темную яму въ безлюдномъ мѣстѣ. Надо что-нибудь придумать—мы объ этомъ потолкуемъ въ октябрѣ. У меня-было много плановъ зашевелилось въ головѣ въ началѣ нынѣшняго года—теперь это все притихло. Можетъ быть къ зимѣ они закопошатся вновь. Кн. Вяземскій—вы вѣроятно читали—назначенъ товарищемъ министра просвѣщенія—только онъ, говорятъ, очень плохъ и слабъ. У Норова, сколько слышно, намѣренія отличныя—что-то изо всего этого выйдетъ?

До свиданія, любезный Сергѣй Тимофѣевичъ, черезъ два мѣ-

сяца. Мой усерднѣйшій поклонъ вашей супругѣ и всему вашему семейству. Будьте здоровы и веселы—дружески жму вамъ руку и остаюсь душевно вамъ преданный —

35.

С. Спасское. 5-го сентября 1855.

Хотѣлъ-было я въ благодарность за ваше письмо, любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, написать вамъ о моихъ (весьма неудачныхъ) охотничьихъ похожденьяхъ—но извѣстіе о Севастополѣ, полученное здѣсь вчера, лишило меня всякой бодрости—и мнѣ только хочется пожать вамъ молча руку и повторить, что я непремѣнно буду у васъ черезъ мѣсяцъ. Хотя бы мы умѣли воспользоваться этимъ страшнымъ урокомъ, какъ пруссаки іенскимъ пораженіемъ!.. Но пѣтъ—писать объ этомъ нельзя. Я получилъ книгу К. С. и еще не прочелъ ея—но благодарю за память. Объ Иванѣ Сергѣичѣ я имѣлъ извѣстіе отъ карачевскаго богача, Кирѣевскаго, который угощалъ его со всей дружиной и познакомился съ нимъ. Когда соберусь съ духомъ, напишу ему въ Кіевъ. Будьте здоровы. Я отъ васъ перваго слышу о новомъ московскомъ журналѣ. Дай Богъ, чтобъ онъ пошелъ хорошо и дѣльно. Давно пора. Обо всемъ этомъ переговоримъ—а теперь еще разъ кланяюсь всему Абрамцеву и говорю: до свиданія. Преданный вамъ —

36.

С.-Петербургъ. 16-го октября 1855.

Я проѣхалъ черезъ Москву и не былъ у васъ, любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ—дѣла не терпящія отлагательства требовали моего присутствія въ Петербургѣ—но я бы все-таки непремѣнно сдержалъ мое обѣщаніе, еслибы я не имѣлъ твердой надежды увидѣть васъ въ декабрѣ. 12-го декабря я *обязанъ* быть на выборахъ по тульской губерніи, и я на возвратномъ пути побываю у васъ несомнѣнно. Мнѣ такъ хочется переговорить съ вами о многомъ, многомъ... время, въ которое мы живемъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя повторяются слишкомъ рѣдко—и всѣ люди мыслящіе, любящіе свою родину, должны желать сближенія и духовнаго сообщенія.

Напишите мнѣ нѣсколько строчекъ по прежнему адресу (на

Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста, въ домѣ Степанова), что̀ дѣлаетъ ваша „Хроника“, и увеличивается ли вѣроятность увидѣть ее въ печати?

Я пріѣхалъ въ Москву къ самому дню похоронъ Грановскаго. Давно ничего такъ на меня не подѣйствовало. Потерять этого человѣка въ теперешнюю минуту—слишкомъ горько; съ этимъ вѣроятно согласятся всѣ, къ какому бы образу мыслей ни принадлежали. Самыя похороны были какимъ-то событіемъ—и трогательнымъ — и возвышеннымъ. Вы навѣрное замѣтили въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью о Грановскомъ, подписанную: Студентъ XXX. Превосходная вещь—желалъ бы я знать, кто этотъ студентъ? Я написалъ о Гр. небольшую статью, которая появится въ Современникѣ. Повѣсть, написанная мною лѣтомъ, будетъ помѣщена въ январской книжкѣ Совр—а. Я вамъ прочту ее въ декабрѣ.

Сообщите мнѣ какія-нибудь извѣстія объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Кланяюсь всему вашему семейству—васъ и К. С. обнимаю дружески и желаю вамъ всего хорошаго. Будьте здоровы, пишите мнѣ и до свиданья. Преданный вамъ.

37.

С.-Петербургъ. 19-го ноября 1855.

Не понимаю вслѣдствіе чего—письмо ваше, любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, дошло до меня только сегодня поутру—и я спѣшу вамъ отвѣтить. Вотъ что̀ я намѣренъ дѣлать насчетъ Щепкинскаго юбилея. Въ теченіе трехъ дней соберу на листѣ ото всѣхъ знакомыхъ литераторовъ приношенія для обѣда и подарка—и тотчасъ пошлю ихъ вмѣстѣ съ листомъ къ вамъ. Время, къ сожалѣнію, такъ коротко, что извернуться почти нельзя. Самъ я въ Москву теперь никакъ поѣхать не могу; напишите мнѣ, пожалуйста, когда именно назначенъ день юбилея—я бы могъ, кромѣ листа, прислать письмо отъ имени здѣшнихъ литераторовъ и художниковъ къ тому дню. Ужасно жалко, что я обо всемъ этомъ извѣстился такъ поздно.

Я лучше всѣхъ знаю, какъ глупо поступилъ я съ „Постоялымъ Дворомъ“—но, во-первыхъ, я сговорчивъ и уступчивъ до нелѣпости за неимѣніемъ характера—а во-вторыхъ, меня убѣждали во имя журнала (роковой 11-й книжки, которая такъ дѣйствуетъ на подписку)—нечего было помѣстить, авторы не прислали своихъ статей и т. д. Я махнулъ рукой и согласился. Литератур-

ная репутація моя не такая, чтобы дрожать надъ ней—не первая глупость—и увы! вѣроятно не послѣдняя.

Вмѣстѣ съ листомъ и деньгами вы получите письмо потолковѣе этого, а теперь я спѣшу—разъ что вы въ Москвѣ и здоровы—до свиданья—жму вамъ дружески руку.

1856-й годъ.

38.

С.-Петербургъ. 27-го февр. 1856. Понедѣльникъ.

Любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, я получилъ ваше письмо отъ 18-го числа, и хотя чувствую, что отвѣчу немногими словами, но рѣшаюсь отвѣчать, чтобы не откладывать письма въ долгій ящикъ. Мною овладѣло въ послѣднее время какое-то безпокойство, которое не даетъ мнѣ ничѣмъ заняться послѣдовательно. Въ головѣ точно дымъ бродитъ какой-то и на сердцѣ не совсѣмъ легко. Это все пройдетъ—и уже бывало со мной; я вамъ пишу объ этомъ только для того, чтобы напередъ извиниться въ незначительности моего письма.

Ваше мнѣніе о 2-й части моей повѣсти меня искренно обрадовало—вы знаете, какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ. Мнѣ пріятно также и то, что вы не ищете въ „Рудинѣ“ копіи съ какого-нибудь извѣстнаго лица... Ужъ коли съ кого списывать, такъ съ себя начинать.

Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ подвизаются на критическомъ поприщѣ какіе-то баши-бузуки—и потому отъ нихъ нечего ждать, чтобы они уважали приличія. Впрочемъ никто на нихъ и не обращаетъ вниманія. Въ Современникѣ — въ мартовскомъ нумерѣ—явится статья объ васъ, Анненкова, которою, я надѣюсь, вы останетесь довольны. Толстому я передалъ вашъ поклонъ и ваше порученіе. Онъ написалъ превосходный разсказъ, подъ названіемъ: „Метель“. Вы увидите его въ мартовской книжкѣ Совр—а.

Я уже боюсь говорить вамъ, когда я прибуду въ Москву—чувствую, что извѣрился—но все-таки мнѣ кажется, что если я буду живъ и здоровъ—въ половинѣ марта васъ увижу. А до тѣхъ поръ будьте здоровы и веселы—кланяюсь вамъ и всѣмъ вашимъ. Душевно вамъ преданный —

39.

С. Спасское. 25-го мая 1856.

Любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, супруга ваша мнѣ сказывала, когда я проѣзжалъ черезъ Москву, что вы еще съ мѣсяцъ въ ней пробудете, и потому я это письмо посылаю въ Денежный переулокъ, въ надеждѣ, что въ случаѣ вашего отъѣзда—его вамъ перешлютъ въ Абрамцево. Вотъ уже двѣ недѣли слишкомъ какъ я у себя въ деревнѣ и живу растительной (чтобы себя не обидѣть, не сказать—животной) жизнью. Ѣмъ *все*—даже салатъ!—и сплю какъ моська. Дѣлать ничего не могу, читаю однако съ большимъ удовольствіемъ „Исторію Греціи“ Грота и любуюсь моими милыми и счастливыми аѳинянами. Былъ на охотѣ два раза—побилъ коростелей и перепеловъ да двухъ дупелей, да небывалую у насъ птицу—маленькаго (съ дрозда) *чорнаго* рыболова съ огромнѣйшими сѣрыми крыльями и красными лапками съ перепонками; теперь, до тетеревовъ, повѣшу ружье на гвоздикъ. Много я думалъ все это время—во-первыхъ, о услышанномъ мною продолженіи „Семейной Хроники“, а во-вторыхъ о нашихъ толкахъ съ вашимъ сыномъ. „Семейная Хроника“—вещь положительно эпическая, а съ Константиномъ Сергѣичемъ, я боюсь, мы никогда не сойдемся. Онъ въ „мірѣ“ видитъ какое-то всеобщее лѣкарство, панацею, альфу и омегу русской жизни; а я, признавая его особенность и свойственность—если такъ можно выразиться—Россіи, все-таки вижу въ немъ одну лишь первоначальную, основную почву—но не болѣе какъ почву, форму, *на* которой строится, а не *въ* которую выливается государство. Дерево безъ корней быть не можетъ; но К. С., мнѣ кажется, желалъ бы видѣть корни на вѣтвяхъ. Право личности имъ, что̀ ни говори, уничтожается—а я за это право сражаюсь до сихъ поръ и буду сражаться до конца. Обо всемъ этомъ мы еще поговоримъ въ іюлѣ—но пословица гласитъ: „горбатаго исправитъ могила“—а мы съ нимъ чуть ли не оба горбаты, только въ разныя стороны. Хотя я принадлежу болѣе къ „тряпкамъ“, къ которымъ К. С. причисляетъ, напр., Фета—но вѣдь и у тряпки есть свое упорство: разорвать ее легко, а молотомъ сколько угодно бей по ней, ничего не сдѣлаешь.

До меня дошли слухи, что вашъ сынъ Иванъ сошелся съ Васильчиковымъ и ѣдетъ въ Крымъ; радуюсь за него и за само дѣло. Горько было думать, что такой человѣкъ, какъ И. С., могъ воскликнуть: „когда же власть твоя пройдетъ, о молодость, о тягостное бремя!“

До свиданія, любезнѣйшій С. Т. Желаю вамъ всего хорошаго на землѣ, прежде всего здоровья. Кланяюсь вашей супругѣ и всему вашему семейству и остаюсь навсегда преданный вамъ душою, и т. д.

40.

Парижъ. 1-го (13-го) ноября 1856.

Любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, до сихъ поръ я все странствовалъ, или, говоря точнѣе, до сихъ поръ я не свилъ себѣ хотя временнаго гнѣзда—но теперь я поселился на квартирѣ, rue de Rivoli, № 206, и взялся за перо, отъ котораго рука отвыкла-было. Я часто думалъ объ васъ и о вашихъ, а теперь одно изъ первыхъ моихъ желаній — дать вамъ о себѣ вѣсть и услыхать отъ васъ, какъ вы можете и что дѣлаете хорошаго. Я даже не знаю навѣрное, гдѣ вы—въ Абрамцевѣ или въ Москвѣ — и пишу, на-удачу, въ редакцію Русской Бесѣды. Здѣсь я—пока—отрѣзанъ отъ живого сообщенія съ Россіей; письма-то я получаю, хотя немного; но журналовъ (кромѣ 2 нумеровъ Современника) — не вижу; впрочемъ я надѣюсь помаленьку все это достать; здѣсь есть одинъ князь Трубецкой, который все получаетъ, и съ которымъ я надѣюсь познакомиться; сверхъ того здѣшній священникъ получаетъ Русскую Бесѣду. Хочется мнѣ очень прочесть во 2-мъ № „Р. Б.“ тѣ главы изъ вашихъ воспоминаній, которыя я слышалъ въ нынѣшнемъ году, весной, въ Москвѣ. Книга ваша произвела впечатлѣніе даже за границей; скоро появится подробный отчетъ о ней въ Revue des 2 Mondes. Что касается до меня, то пребываніе во Франціи произвело на меня обычное свое дѣйствіе: все, что я вижу и слышу, какъ-то тѣснѣе и ближе прижимаетъ меня къ Россіи, все родное становится мнѣ вдвойнѣ дорого—и еслибъ не особенныя, отъ меня ужъ точно не зависящія обстоятельства—я бы теперь же вернулся домой. Во всякомъ случаѣ, если я буду живъ и здоровъ—я въ маѣ мѣсяцѣ у себя въ деревнѣ. Я охотился здѣсь осенью; но дичи было весьма мало (кромѣ зайцевъ); куропатки переводятся—и скоро даже эта послѣдняя однообразная французская охота прекратится. Впрочемъ я убилъ одного фазана. Я заказалъ себѣ великолѣпнѣйшее ружье у перваго мастера въ Лондонѣ, Ленга, и весной вывезу оттуда двухъ отличныхъ собакъ. Кролика я никакъ не могъ убить ни одного; ужасно трудно стрѣлять ихъ на перемычкахъ; какъ мыши шмыгаютъ они черезъ узкія дорожки, оставляемыя во Франціи въ лѣсахъ, и выстрѣлъ всегда приходится позади.

Я написалъ въ Петербургъ, чтобы доставили вамъ одинъ экземпляръ моихъ собранныхъ „Повѣстей и Разсказовъ“ Анненковскаго изданія. Въ нихъ, я это знаю, слишкомъ много слабаго, недодѣланнаго—недодѣланнаго отчасти отъ лѣни, а отчасти —что грѣха таить! — отъ безсилія; но вы пропускайте или дополняйте мысленно плохое и взгляните снисходительно на остальное. Я одинъ изъ писателей междуцарствія—эпохи между Гоголемъ и будущимъ главою; мы всѣ разработывали въ ширину и въ разбивку то, что великій талантъ сжалъ бы въ одно крѣпкое цѣлое, добытое имъ изъ глубины; что же дѣлать! Такъ насъ и судите.

Напишите мнѣ, пожалуйста, хотя два слова о себѣ и о всѣхъ вашихъ. Что, И. С. вернулся изъ Крыма и какъ его здоровье? Что дѣлаетъ К. С? Какъ идетъ Бесѣда въ отношеніи финансовомъ, т.-е. много ли у ней подписчиковъ? Что дѣлается въ Москвѣ? Мы здѣсь чуяли вѣяніе новой жизни, начавшейся на родинѣ, и радовались душевно; скажите слово и о ней. Передайте мой поклонъ Самарину и Хомякову.

Хочу я познакомиться съ здѣшними литераторами, хотя ни къ одному не чувствую симпатіи и ничего не ожидаю для себя отъ этого знакомства; но оно любопытно—и, можетъ быть, поучительно. Состояніе умовъ во Франціи, сколько я могу судить, довольно странное и совсѣмъ не такое, какимъ его почитаютъ у насъ. Этого въ письмѣ и особенно въ немногихъ словахъ не передашь. Постараюсь глядѣть на все безъ предубѣжденья и пристрастья—и буду также стараться много видѣть.

Прощайте, любезнѣйшій Сергѣй Тимофѣичъ, желаю вамъ отъ души всего хорошаго на свѣтѣ. Кланяюсь вашей супругѣ и всѣмъ вашимъ, крѣпко жму вашу руку и остаюсь навсегда душевно вамъ преданный, и т. д.

1857-й годъ.

41.

Парижъ. 8-го января нов. ст. 1857.

Любезный и почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, давно я получилъ ваше письмо и давно собираюсь отвѣтить—и не то чтобы времени не было, но не приходило того расположенія духа, въ которомъ хочется бесѣдовать съ отсутствующими друзьями. Впрочемъ не „вихрь“ парижской жизни тому причиной: я здѣсь

живу только-что не отшельникомъ—да притомъ Парижъ съ своимъ трескомъ и блескомъ можетъ вскружить голову юношѣ или, пожалуй, старику; а я еще не старикъ, хотя уже Богъ знаетъ какъ давно пересталъ быть юношей. Я съ тѣхъ поръ, какъ писалъ вамъ, познакомился со многими здѣшними литераторами—не съ старыми славами, бывшими коноводами—отъ нихъ, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока—а съ молодыми, передовыми. Я долженъ сознаться, что все это крайне мелко, прозаично, пусто и безталанно. Какая-то безжизненная суетливость, вычурность или плоскость безсилія, крайнее непониманіе всего нефранцузскаго, отсутствіе всякой вѣры, всякаго убѣжденія, даже художническаго убѣжденія—вотъ что встрѣчается вамъ, куда ни оглянитесь. Лучшіе изъ нихъ это чувствуютъ сами—и только охаютъ и кряхтятъ. Критики нѣтъ,—дряннное потаканіе всему и всѣмъ; каждый сидитъ на своемъ конькѣ, на своей манерѣ и кадитъ другому, чтобы и ему кадили—вотъ и все. Одинъ стихотворецъ вообразитъ, что нужно „проводить“ реализмъ—и съ усиліемъ, съ натянутой простотой воспѣваетъ „Паръ“ и „Машины“; другой кричитъ, что должно возвратиться къ Зевсу, Эроту и Палладѣ—и воспѣваетъ ихъ, съ удовольствіемъ помѣщая греческія имена въ свои французскіе стишки; и въ обоихъ капли нѣтъ поэзіи. Сквозь этотъ мелкій гвалтъ и шумъ пробиваются, какъ голоса устарѣлыхъ пѣвцовъ, дребезжащіе звуки Гюго, хилое хныканье Ламартина, болтовня зарепортовавшейся Сандъ; Бальзакъ воздвигается идоломъ и новая школа реалистовъ ползаетъ въ прахѣ передъ нимъ, рабски благоговѣя передъ Случайностью, которую величаютъ Дѣйствительностью и Правдой; а общій уровень нравственности понижается съ каждымъ днемъ и жажда золота томитъ всѣхъ и каждаго—вотъ вамъ Франція! Если я живу здѣсь, то вовсе не для нея и не для Парижа, а въ силу обстоятельствъ, не зависящихъ отъ моей воли. Но весна придетъ—и я полечу на родину, гдѣ еще жизнь молода и богата надеждами. О, съ какой радостью увижу я наши полу-степныя мѣста! А въ маѣ я буду у васъ въ Абрамцевѣ, непремѣнно.

Очень меня огорчаетъ извѣстіе о болѣзни вашей дочери и о собственномъ вашемъ разстройствѣ. Дай Богъ, чтобы все это поправилось и пришло въ обычную колею! Статью о вашихъ „Хроникахъ“ написалъ нѣкто Делавò, здѣшній литераторъ, хорошо знакомый съ русскимъ языкомъ; я ему помогъ и кое-что истолковалъ. Статья должна скоро явиться въ Revue des 2 Mondes. Ваша мысль написать исторію ребенка для дѣтей—прекрасна, и я увѣренъ, что вы исполните ее какъ нельзя лучше,

съ тою эпической ясностью и простотой, которая составляетъ вашу особенность между всею пишущей братьей. Русскій Вѣстникъ, въ которомъ находится отрывокъ вашей „Хроники“, обѣщанъ мнѣ кн. Трубецкимъ (пріятелемъ Константина Сергѣевича). Я его вижу довольно часто; онъ очень милый и добрый человѣкъ и васъ всѣхъ весьма любитъ. Онъ получаетъ также Русскую Бесѣду, но 4-я часть еще здѣсь не получена.

Поклонитесь отъ меня всему вашему семейству, супругѣ вашей и К. С. и И. С. въ особенности. Пусть мнѣ К. С. напишетъ письмо—я ему отвѣчу непремѣнно; а весною какъ мы будемъ спорить! Я очень люблю спорить съ нимъ, потому что, несмотря на нашъ крикъ и жаръ, дружелюбная улыбка не сходитъ у насъ съ души и чувствуется въ каждомъ словѣ. А съ нимъ во всемъ соглашаешься и спорить нѣ о чемъ, а между имъ и тобой—цѣлый оврагъ.

Я здѣсь вижу Васильчикова, брата генерала В., у котораго И. С. Сколько я могу судить, изъ слѣдствія ничего особеннаго не вышло.

Ну прощайте, любезный и почтенный С. Т. Будьте здоровы и дай вамъ Богъ время и охоту писать. Я что-то не могу ничего дѣлать—точно рука вывихнута. Авось справлюсь. До свиданія весной. Весь вашъ, и т. д.

PS. Какъ мнѣ жаль обоихъ Кирѣевскихъ—передать вамъ не могу.

42.

(Москва? Безъ числа.)

Къ крайнему моему сожалѣнію, добрый мой Сергѣй Тимофѣевичъ, я никакъ не могу быть у васъ сегодня вечеромъ. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ досадно и непріятно, что я не могу присутствовать при чтеніи Садовскаго. Надѣюсь еще успѣть заѣхать къ вамъ завтра, но если нѣтъ—примите отъ меня сегодня увѣреніе въ искренней моей привязанности къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ. Будьте здоровы—жму вамъ и Константину Сергѣевичу крѣпко руку и остаюсь вашъ, и т. д.

Сдѣлайте одолженіе, скажите отъ меня Садовскому, что Щепкинъ проситъ его убѣдительно никому не давать и не показывать моей статьи — это запрещено прежде общей подписи цензора, да и вообще онъ бы этого не желалъ.

АМЕРИКАНСКАЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПРЕССА

ЕЯ ОБЫЧАИ И НРАВЫ.

Мнѣ припоминается одна шутка англійскаго юмориста, имя котораго я, къ сожалѣнію, забылъ: — представьте себѣ — онъ говоритъ — большое разношерстное общество, собранное въ гостиной; всѣ чинно сидятъ, обмѣниваясь обычными въ этомъ случаѣ фразами; сначала идетъ рѣчь о погодѣ, — всѣ одинаково согласны, что погода скверная, и достаточно взглянуть въ окно, чтобы каждому убѣдиться въ этой истинѣ. Затѣмъ упоминается вскользь о послѣдней рѣчи Гладстона въ парламентѣ; сообщается объ извѣстной всѣмъ поѣздкѣ королевы въ Бальморалъ, о новомъ цѣнномъ пріобрѣтеніи въ Національную Галерею и т. д. Однимъ словомъ, разговоръ не выходитъ изъ предѣловъ пережевыванія несомнѣнныхъ истинъ. Нѣкоторые говорятъ, другіе слушаютъ и всѣ скучаютъ. Но вотъ кто-то коснулся мимоходомъ лорда X., имя котораго незадолго передъ тѣмъ надѣлало много шуму въ связи съ громкимъ бракоразводнымъ дѣломъ извѣстной герцогини Y. Общество встрепенулось, всѣ насторожили уши. Нѣкто вызвался сообщить новую версію приключеній этого молодого лорда на континентѣ или послѣднюю судьбу герцогини, хотя оговорился, что онъ знаетъ обо всемъ лишь по слухамъ и за достовѣрность не ручается. Пожилая лэди, какъ родственница лорда, сочла своимъ долгомъ вмѣшаться и привела пересказъ по тому же предмету еще болѣе удивительный, слухи еще менѣе правдоподобные... Публика замѣтно оживилась, скука и равнодушіе исчезли

съ лицъ, слышались многозначительные „о-го“ и „гм“, всѣ съ интересомъ прислушивались къ розсказнямъ и вставляли свои комментаріи и замѣчанія. Въ воздухѣ запахло сплетней, и тамъ, гдѣ безсильной оказалась несомнѣнная истина, чтобъ оживить общество, дѣйствительнымъ средствомъ явилась ложь.

Эта шутка неоднократно приходила намъ въ голову при чтеніи американскихъ газетъ во время недавняго путешествія на всемірную чикагскую выставку: громкіе, зазывающіе заголовки газетныхъ статей, преувеличенныя или явно сомнительныя новости, ими сообщаемыя, высокопарная шумиха трескучихъ фразъ, безцеремонное самовосхваленіе, руководящія статьи, написанныя, очевидно, для рекламы и, наоборотъ, рекламы, написанныя въ видѣ литературныхъ, а иногда даже политическихъ статей, совершенно непонятное для европейца гаерство мысли и въ то же время и на тѣхъ же страницахъ рѣзкая иногда отповѣдь правительственныхъ дѣйствій и безпощадная критика партійныхъ злоупотребленій. Все это вмѣстѣ невольно смущаетъ и озадачиваетъ читателя. Таковы первыя впечатлѣнія при чтеніи американскихъ газетъ. Долго не знаешь, чему и насколько можно вѣрить, что̀ считать за серьезное обращеніе газеты къ читателю и что̀ за простую торговую выходку. Тѣмъ не менѣе это чтеніе васъ замѣтно завлекаетъ, вы невольно перебрасываете взглядъ съ одного заманчиваго заголовка газеты на другой и поглощаете одинъ столбецъ вслѣдъ за другимъ. Можно быть увѣреннымъ, что если вы не очень торопитесь и не дорожите особенно своимъ временемъ, американская газета сдѣлаетъ свое дѣло и заставитъ васъ, какъ бы вы сильно ни негодовали на ея содержаніе, просмотрѣть ее или прочесть до конца, несмотря на огромные размѣры ея простыни, передъ которой иногда лондонскій „Times“ покажется чуть не пигмеемъ.

Незавидная нравственная репутація американской прессы относится, впрочемъ, ко временамъ сравнительно ужъ отдаленнымъ, хотя упреки въ этомъ отношеніи сдѣлались частыми и особенно заслуженными преимущественно въ послѣднее время. Такъ, еще въ 1813 г. Веніаминъ Рёшъ оставилъ по завѣщанію послѣ своей смерти крупную денежную сумму въ пользу филадельфійской библіотеки, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ни одной копѣйки изъ его наслѣдства не тратилось на пріобрѣтеніе газетъ, ибо онъ убѣжденъ, что газеты являются „учителями безсвязнаго мышленія“. Когда 30 лѣтъ позднѣе знаменитый Чарльзъ Диккенсъ путешествовалъ по Америкѣ, то предложилъ, какъ подходящее имя для типической американской газеты, дать названіе:

„The Daily Sewer“, т.-е. „Ежедневная помойная яма“! Между тѣмъ, какъ оказывается по сознанію самихъ американцевъ, со временъ сороковыхъ годовъ, когда Диккенсъ высказалъ свой шутливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ суровый приговоръ американской прессѣ, ея моральный обликъ во многомъ измѣнился къ худшему, хотя газета, какъ торговое предпріятіе, и сдѣлала съ тѣхъ поръ огромный шагъ впередъ. Въ недавнемъ нумерѣ „Forum“ г. Келлеръ, президентъ нью-іоркскаго клуба печати („New-York Press Club“) и старый газетный писатель, высказался, что „фундаментальнымъ принципомъ современнаго журнализма въ Нью-Іоркѣ можетъ считаться пріобрѣтеніе бѣлой бумаги по 3 цента за фунтъ и продажа печатной по 10 центовъ съ фунта, и при этомъ во многихъ случаяхъ никого и ничто не озабочиваетъ, какъ бы дѣвственная бѣлизна этой бумаги не маралась или не пачкалась, лишь бы эта пачкотня продавалась“ [1]). Другой американскій писатель, многіе годы сотрудникъ и одинъ изъ редакторовъ одной изъ крупнѣйшихъ американскихъ газетъ „World“ — Джильмеръ Спидъ—выражаетъ сужденіе о современной американской прессѣ еще болѣе рѣзкое: „существуетъ,— говоритъ онъ,— избитая фраза: „газета представляетъ собою исторію міра за одинъ день“, и нѣкоторые въ это болѣе или менѣе вѣрятъ; между тѣмъ въ сущности нѣтъ лживѣй утвержденія, чѣмъ настоящее. Наши газеты вовсе не сообщаютъ истинно серьезныхъ событій, но однѣ только сенсаціи, катастрофы исторіи“. Далѣе, Спидъ поясняетъ, ссылаясь на авторитетъ Джона Стюарта Милля, что внезапные эффекты въ исторіи вообще поверхностны; что причины, которыя являются корнями будущихъ событій, производятъ самыя серьезныя дѣйствія лишь медленно, успѣвая слиться съ обычнымъ порядкомъ вещей гораздо раньше, нежели общее вниманіе будетъ привлечено къ перемѣнамъ, ими вызваннымъ. Когда, наконецъ, перемѣны становятся очевидными, поверхностный наблюдатель уже не видитъ связи явленій съ причинами. Что касается до нью-іоркскихъ газетъ, то онѣ, по мнѣнію Спида, не помышляютъ вовсе ни объ исторической точности, ни о правильной оцѣнкѣ событій, и во всякомъ случаѣ заботятся объ этомъ въ настоящее время гораздо меньше, чѣмъ когда-либо, прикрывая все до такой степени дымкой сенсаціонности, что развѣ мудрѣйшій изъ читателей можетъ открыть въ газетахъ истину“ [2]).

Особенно сильныя перемѣны произошли въ американскихъ га-

[1]) Journalism as a Career, by I. W. Keller. „The Forum“. August, 1893.

[2]) Do Newspapers now give the News? by John Gilmer Speed. „The Forum“. August, 1893.

зетахъ черезъ сорокъ примѣрно лѣтъ послѣ посѣщенія Америки Диккенсомъ, т.-е. съ начала восьмидесятыхъ годовъ и по сіе время, или за послѣднія двѣнадцать лѣтъ, съ 1881 до 1893 года. За это время, благодаря разнымъ техническимъ улучшеніямъ, а также удешевленію писчей бумаги (выдѣлкѣ ея изъ древесной массы) и инымъ причинамъ, американскія газеты сильно увеличились въ объемѣ (отъ трехъ до пяти разъ), подешевѣли (нѣкоторыя спустили цѣны съ 3 на 2 цента за выпускъ) и главное усилили свое обращеніе или значительно распространились въ народѣ. Джильмеръ Спидъ вздумалъ статистическимъ путемъ провѣрить, насколько и въ какомъ направленіи за этотъ самый періодъ измѣнился и характеръ ежедневной прессы, а для этой цѣли прибѣгнулъ къ слѣдующему оригинальному и въ то же время простому пріему. Онъ взялъ для опыта по одному воскресному нумеру четырехъ крупнѣйшихъ нью-іоркскихъ газетъ за произвольное число—апрѣля 17-го 1881 года—и четыре нумера тѣхъ же самыхъ газетъ ровно черезъ 12 лѣтъ, т.-е. 16 апрѣля 1893 г. и сравнилъ ихъ по содержанію (считая колоннами, или столбцами), размѣстивъ матеріалъ въ слѣдующей любопытной таблицѣ:

СОДЕРЖАНІЕ.	Tribune.		World.		Times.		Sun.	
	1881.	1893.	1881.	1893.	1881.	1893.	1881.	1893.
Редакціонныя статьи. . . .	5.00	5.00	4.75	4.00	6.00	5.00	4.00	4.00
Религіозныя	2.00	0.00	0.75	0.00	1.00	0.00	0.50	1.00
Научныя	1.00	0.75	0.00	2.00	1.00	0.00	0.00	2.50
Политическія	3.00	3.75	0.00	10.50	1.00	4.00	1.00	3.50
Литературныя	15.00	5.00	1.00	2.00	18.00	12.00	5.75	6.00
Болтовня и сплетни	1.00	23.00	1.00	63.50	.50	16.75	2.00	13.00
Скандалы	0.00	1.50	0.00	1.50	1.00	2.50	0.00	2.00
Спортъ	1.00	6.50	2.50	16.00	3.00	10.00	0.50	17.50
Беллетристика	0.00	7.00	1.50	6.50	1.00	1.50	0.00	11.50
Историческія статьи	2.50	2.50	2.75	4.00	2.50	1.50	4.25	14.00
Музыка и драма	2.50	4.00	1.50	11.00	4.00	7.00	0.00	3.50
Преступл. и преступн. . . .	0.00	0.50	0.00	6,00	0.00	1.00	0.00	0.00
Искусство	1.00	1.00	3.00	3.00	2.00	0.00	0.25	1.25

Первый выводъ, который вытекаетъ изъ этой таблицы заключается въ томъ, что статьи редакціонныя, научнаго, религіознаго и даже политическаго содержанія играютъ въ американскихъ газетахъ довольно неважную роль, и первыя три за послѣднія 12 лѣтъ еще болѣе уменьшились въ объемѣ. Больше мѣста занимаетъ отдѣлъ литературный, но и онъ упалъ въ двухъ газетахъ. Зато, обратно съ предъидущимъ, во всѣхъ газетахъ чрез-

вычайно выросъ и увеличился тотъ отдѣлъ, который Спидъ назвалъ словомъ „болтовня“ или „сплетни“ (Gossip), а также и отдѣлъ „скандалы“. Такъ, въ газетѣ „Times“ „сплетни“, занимавшія прежде всего лишь $^4/_{10}$ процента цѣлаго нумера, въ настоящее время, черезъ 12 лѣтъ, занимаютъ уже 11,7 процента пространства. „Скандалы“, которые въ 1881 году въ этой газетѣ наполняли лишь одинъ столбецъ, нынѣ уже требуютъ для себя $2^1/_2$ столбца. Въ то же самое время научныя и религіозныя статьи равны теперь нулю. То же самое въ газетѣ „Sun“: „болтовня“ и „сплетни“ въ ней выросли съ 2-хъ до 13 столбцовъ, а скандалы — отъ нуля въ 1881 году до 2-хъ столбцовъ въ 1893 г., или 1 процента всего пространства. Въ третьей газетѣ „Tribune“ „скандалы“ точно также изъ ничего выросли до $1^1/_2$ столбца, а „сплетни“ — съ 1 столбца до 23-хъ, или наполняютъ собою 16 процентовъ всей газеты. Наконецъ, четвертая газета „World“, по примѣру своихъ сестеръ, въ 1881 г. не занималась „скандалами“ и содержала только одну колонну „сплетенъ“, а въ 1893 году „скандалы“ наполнили собою уже $1^1/_2$ столбца, а сплетни — цѣлыхъ $63^1/_2$! Въ добавленіе къ этому слѣдуетъ присоединить 6 столбцовъ, посвященныхъ описанію преступленій и преступниковъ, что въ нумерѣ 17 апрѣля 1881 г. совершенно отсутствуетъ... Еще сильнѣе выразится общій выводъ, если взять содержаніе и сложить всѣ четыре газеты вмѣстѣ: двѣнадцать лѣтъ назадъ у нихъ заключалось $4^1/_2$ колонны „сплетенъ“ и одна колонна „скандаловъ“, въ четырехъ же нумерахъ настоящаго года „сплетни“ занимаютъ $116^1/_4$ колонны или столбцовъ, а „скандалы“ — цѣлыхъ $7^1/_2$! „Сплетни“ заступили въ нынѣшнемъ году въ значительной степени мѣсто „литературнаго“ отдѣла 1881 года, а „описаніе преступленій и преступниковъ“ заняло мѣсто, прежде посвященное статьямъ научнаго и религіознаго характера [1]).

Если американскія газеты сопоставить съ родственными имъ по языку англійскими, то окажется немедленно весьма сильное различіе: какъ ни велики объемы англійскихъ газетъ сравнительно, напримѣръ, съ русскими или нѣмецкими, но онѣ значительно уступаютъ по величинѣ американскимъ, гдѣ даже дешевыя, одноцентовыя газеты (т.-е. 2 коп. цѣною) содержатъ въ себѣ обыкновенно не менѣе 10, 12 большихъ страницъ мелкой печати и вдобавокъ рисунки, каррикатуры и даже модныя картинки! Совсѣмъ иной зато характеръ американской газеты сказывается, помимо

[1]) „The Forum“. August, 1893.

разнороднаго содержанія, въ сравнительной важности тѣхъ или иныхъ отдѣловъ, въ достоинствѣ общаго тона газеты и печати, въ серьезности, которая лежитъ почти на всѣхъ представителяхъ англійской прессы, отсутствуя большею частью въ Америкѣ. Мортонъ Фуллертонъ, писатель весьма сильно ратующій въ одномъ англійскомъ журналѣ за американскія газеты, тѣмъ не менѣе считаетъ долгомъ истины признать, что газеты эти далеко не могутъ считаться удовлетворительными. „Исключая весьма небольшого количества примѣровъ,—говоритъ онъ,—онѣ никоимъ образомъ не могутъ выдержать сравненіе съ англійскими газетами по серьезному интересу, да во всякомъ случаѣ онѣ не служатъ представителями *лучшей Америки* въ томъ смыслѣ, какъ англійская пресса является представительницей *лучшей Англіи*. Это—непріятный фактъ, въ которомъ нужно сознаться“ [1]).

Въ Соединенныхъ Штатахъ газета является въ истинномъ смыслѣ „публикаціей новостей“ (Newspaper) и существуетъ прежде всего *только для новостей*. Главная цѣль редактора заключается въ томъ, чтобы доставить читателямъ ежедневно какъ можно большее количество свѣжихъ новостей въ наиболѣе удобочитаемой формѣ. Поэтому, между прочимъ, при первомъ же взглядѣ на американскую газету, когда ее берешь въ руки, бросается прежде всего въ глаза, въ отличіе отъ англійской, множество завлекательныхъ, такъ называемыхъ „выставочныхъ заголовковъ“ (Display Heads), которые пестрятъ по всей газетѣ и предназначены, такъ сказать, заинтересовывать читателя. Возьму для примѣра случайно сохранившійся у меня нумеръ чикагской газеты „Herald“ за воскресенье іюля 9-го 1893 года (36 страницъ большого формата, болѣе 1/2 фун. вѣсомъ—51 зол.—и цѣною въ пять центовъ). Вотъ на выдержку нѣсколько такихъ заголовковъ: „Вильгельмъ на всемірной ярмаркѣ“, „Германскій императоръ собирается насъ посѣтить“, „Наканунѣ революціи“, „Критическое положеніе общественнаго мнѣнія во Франціи“, „Сорокъ-одинъ день голодала въ болотѣ“, „Утонулъ, чтобъ выиграть пари въ 5 долларовъ“, „Мрачный день Помероя“, „Число жертвъ урагана ростетъ“, „Единственно пережившіе страшное несчастіе“ (при этомъ картинка, изображающая мальчика среди развалинъ, обнимающаго теленка), „Несерьезно боленъ“ (Кливелендъ поправляется), „Народъ долженъ добиться уменьшенія тарифа на выставку отъ желѣзныхъ дорогъ“, „Славянскій конгрессъ въ Чи-

[1]) The Significance of the Newspaper in the United States, by W. Morton Fullerton. „The New Review“. June, 1893.

каго", „Жатва въ Канзасѣ уничтожена жгучимъ вѣтромъ", „Исповѣдь преступника", и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ. Всѣ эти странные, шокирующіе глазъ и чувство европейца заголовки пользуются въ Америкѣ такимъ большимъ значеніемъ, что въ составѣ редакціи каждой большой газеты находится непремѣнно нѣсколько лицъ, *единственная обязанность которыхъ состоитъ въ сочиненіи подобныхъ заголовковъ*; ихъ дѣло, такъ сказать, по выраженію одного американскаго писателя, „выудить душу изъ всякой новости и выразить ее двумя или тремя строчками бьющей въ глаза фразы"; они же обязаны выбирать или назначать и шрифты для этихъ заголовковъ, соотвѣтственно важности сообщаемой новости.

Длинныя статьи безъ заглавія, нерѣдко встрѣчаемыя въ газетахъ европейскихъ, напр. у насъ, въ Америкѣ—немыслимы и привели бы въ ужасъ любого редактора. Даже такъ называемыя передовыя или руководящія статьи редакціи встрѣчаются въ американскихъ газетахъ сравнительно рѣдко. Точно также новости, не имѣющія практическаго значенія, совсѣмъ не терпятся въ американской прессѣ: извѣстіе, хотя бы отъ самаго почтеннаго лица о томъ, напр., что въ такомъ-то паркѣ появились первые подснѣжники или прилетѣли нѣвчія птички, не нашло бы себѣ мѣста ни въ одной американской газетѣ. „Газета,—по выраженію Фуллертона, —издается для того, чтобы быть продаваемой, а не служить посредникомъ или мѣстомъ для литературнаго или поэтическаго вдохновенія. Чтобы находить лучшій сбытъ, газета не должна уклоняться отъ своей главнѣйшей функціи собиранія новостей, для чего въ дѣловитой Америкѣ нѣтъ недостатка. Наконецъ, даже въ случаѣ дороговизны или отсутствія новостей на рынкѣ тамъ *отнюдь не считается аксіомой правило, что изъ ничего получится лишь ничто*" [1]). „Good News is no News" говоритъ любимая американская поговорка („хорошія новости—вовсе не новости"), и вотъ, слѣдовательно, гдѣ лежитъ причина того, что американскія газеты въ ихъ горячей погонѣ за свѣжими новостями непремѣнно должны придти къ сплетнямъ и болтовнѣ, влекущей за собою часто судебную отвѣтственность за клевету и пасквиль!

Нѣтъ сомнѣнія, какъ это ни покажется съ перваго взгляда страннымъ, тому же результату косвенно способствуетъ обособленность Америки отъ всѣхъ почти происшествій и событій европейской политики. Американское общественное мнѣніе никогда не занимается достаточно международными вопросами, столь важными

[1]) Статья Фуллертона въ „New Review", June, 1893, стр. 152.

и жгучими, напр., для англійскаго журналиста. Выгоды географическаго положенія Соединенныхъ Штатовъ состоятъ прежде всего именно въ томъ, что европейскія дѣла для нихъ въ большинствѣ маловажны, почему иностранная политика и играетъ, какъ мы видѣли, сравнительно такую ничтожную роль въ американской печати, занимая мало мѣста въ газетахъ. Но если американцевъ такъ мало интересуетъ европейская „злоба дня“, то жажда новостей нигдѣ, можетъ быть, такъ не велика и неутолима, какъ именно въ Америкѣ, при чемъ наиглавнѣйшій интересъ сосредоточивается на своихъ мѣстныхъ американскихъ новостяхъ, и къ добыванію-то ихъ и направляются всѣ усилія сложнаго механизма американскаго издательскаго дѣла. Репортеръ, добыватель новостей—это первый персонажъ за кулисами американской печати; роль его въ будущемъ поднимется, нѣтъ сомнѣнія, еще больше въ своемъ значеніи—пропорціонально вѣроятному умаленію иностранныхъ новостей на столбцахъ американскихъ газетъ, что̀ замѣчается годъ отъ году сильнѣе. Но мѣстный отдѣлъ и свои внутреннія новости представляютъ матеріалъ очень опасный и требующій большой осторожности. Трудно, почти невозможно провести нерѣдко должную границу между невиннымъ событіемъ мѣстной жизни, или простой сплетней, или даже клеветой. Отвѣтственный редакторъ газеты, гоняющійся за полнотой и свѣжестью новостей, всегда, такъ сказать, балансируетъ между рискомъ съ одной стороны упустить какую-нибудь интересную новость, съ другой—попасть подъ судъ за клевету. Нечему удивляться поэтому, что при нѣкоторыхъ редакціяхъ большихъ газетъ въ Америкѣ, равно, впрочемъ, какъ и въ Англіи, состоятъ особыя лица, или „юрисконсульты по предупрежденію процессовъ о клеветѣ“ (Libel-Preventer). На обязанности ихъ лежитъ заблаговременно просмотрѣть въ корректурахъ весь обширный матеріалъ газеты по внутреннему и мѣстному вопросамъ и высказать свое сужденіе, какія статьи или извѣстія угрожаютъ отвѣтственностью за клевету и какія нѣтъ, и какія, наконецъ, слѣдуетъ сдѣлать измѣненія въ языкѣ или выраженіяхъ статьи, чтобы избѣжать отвѣтственности. Знаменитый редакторъ лондонскаго „Таймса“ m-r Delane былъ долгое время при газетѣ именно такимъ юрисконсультомъ, или „предупредителемъ процессовъ по клеветѣ“, прежде, нежели сдѣлался, по предложенію м-ра Вальтера, собственника „Таймса“, однимъ изъ его редакторовъ и, какъ показали послѣдствія, очень удачнымъ. Благодаря описанной причинѣ, довольно значительная часть полученныхъ американской газетою новостей пропадаетъ даромъ, т.-е. остается ненапечатанной: по разсчету

одного опытнаго лица отъ $^1/_{10}$ до $^1/_2$ всего собраннаго матеріала [1]). Тѣмъ не менѣе размѣры американскихъ газетъ вообще и спеціально по внутреннимъ извѣстіямъ такъ велики, а жадность къ новостямъ такъ сильна, что и изъ части свѣденій, попавшихъ въ печать, очень многое, какъ мы видѣли на разсчетѣ Джильмера Спида, относится къ сплетнямъ и скандаламъ.

Вся суть американскаго журнализма, или условій, обезпечивающихъ успѣхъ газеты, покоится на такъ называемой „сенсаціонности“ (sensationalism)—произведеніи извѣстнаго впечатлѣнія или сенсаціи, которое заставляетъ, возбуждая любопытство и привлекая вниманіе публики, раскупать газету. Какъ извѣстно, въ Америкѣ еще больше, нежели въ Англіи, обратно съ Россіей (или повсюду—мѣсячными журналами), газетный доходъ покоится преимущественно на розничной продажѣ, а не на подписчикахъ, составляющихъ въ смыслѣ дохода уже второстепенный предметъ важности. По разсчету столь опытнаго лица, какъ бывшій управляющій редакціей наиболѣе распространенной изъ американскихъ газетъ (около 400 тысячъ нумеровъ ежедневной продажи и подписки) нью-іоркской газеты „World“, г. Чамберсъ, ежегодно изъ числа старыхъ читателей удерживается изданіемъ не болѣе 25 процентовъ и слѣдовательно для того только, чтобы сохранить прежнее распространеніе, не говоря о расширеніи подписки, газета обязана, по его выраженію, „заарканить (to lasso) 75 процентовъ новыхъ читателей каждый годъ!“ [2]) Вотъ для этой-то послѣдней цѣли главный завѣдующій редакціей „the Managing Editor“, лицо, на которомъ лежитъ высшая отвѣтственность въ редакціи за циркуляцію или распространеніе газеты, и обязанъ прибѣгать къ упомянутой сенсаціи или, какъ вѣжливо Чамберсъ называетъ это свойство газеты, „эксцентричности“, чтобы добиться ей вящшаго успѣха. „The Managing Editor“ есть главная двигательная пружина каждой американской газеты: онъ съ ранняго утра уже долженъ пересмотрѣть всѣ главнѣйшія утреннія газеты и, имѣя возможно точное представленіе о вѣроятныхъ событіяхъ за ближайшіе 24 часа, обязанъ составить предварительный планъ кампаніи на цѣлый день газетной работы и соотвѣтственно распредѣлить редакціонный трудъ и направить самую работу. Депеши летятъ во всѣ углы страны, указывая мѣстнымъ сотрудникамъ-

[1]) A. E. Watrous, The City Editor of the *New-York Press*. См. The Making of a Newspaper. Experiences of Certain Representative American Journalists Related by Themselves and Edited by Melville Philips. G. P. Putnam's Sons, 1893.

[2]) The Managing Editor by Julius Chambers. The Making of a Newspaper. 1893, стр. 46.

корреспондентамъ то, что отъ нихъ ожидается по тѣмъ или инымъ имѣющимъ быть событіямъ; если обстоятельство требуетъ того, посылаются въ отдѣльные пункты спеціальные корреспонденты, или же находящимся на мѣстѣ телеграфируются спеціальныя распоряженія или инструкціи, и т. д., и т. д.

Но публика,—говоритъ Чамберсъ,—„ожидаетъ чуть не каждые 24 часа паденія Бастиліи, но, къ несчастію для душевнаго мира и спокойствія завѣдующаго редакціей,—добавляетъ онъ,—подобныя событія ежедневно не совершаются, и вотъ редактору приходится выдумывать оригинальные методы отношенія или трактованія самыхъ заурядныхъ событій“, т.-е. изобрѣтать тѣ самыя „эксцентричности“ и дѣлать „сенсацію“, столь любимыя американскою публикою и столь нестерпимыя для чувства и понятій образованнаго европейца. Приведемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ выдумокъ или фортелей, употребляемыхъ въ этомъ случаѣ американскими редакторами. Въ 1889 году праздновался столѣтній юбилей, въ воспоминаніе президентства Вашингтона, и праздникъ продолжался цѣлыхъ три дня. Большинство газетъ ограничились лишь голымъ описаніемъ этихъ празднествъ и предварительной перепечаткой циркуляра и программы комитета, устроившаго это юбилейное торжество. Но вотъ редакторъ одной нью-іоркской газеты придумалъ нѣчто особое: главная часть празднуемаго историческаго событія заключалась въ знаменитой поѣздкѣ генерала Вашингтона изъ его жилища въ Маунтъ-Вернонѣ въ Элизабетпортъ, въ Нью-Джерси. Газета (вѣроятно „World“) вздумала устроить пародію этой поѣздки, для чего командировала спеціальнаго корреспондента съ экипажемъ и четверкой лошадей въ Маунтъ-Вернонъ и приказала ему шагъ за шагомъ повторить знаменитую поѣздку, сдѣланную сто лѣтъ тому назадъ. Корреспондентъ обязанъ былъ часъ за часомъ продѣлать то же, что Вашингтонъ, т.-е. ѣхать по той же дорогѣ, завтракать и обѣдать, гдѣ дѣлалъ это Вашингтонъ, и останавливаться, гдѣ онъ останавливался. Все время пути корреспондентъ описывалъ свои впечатлѣнія, и письма эти производили чрезвычайную сенсацію, а газета распродавалась нарасхватъ. Тысячи людей, которые никогда не заинтересовались бы этимъ празднествомъ, внимательно слѣдили за каждымъ шагомъ передвиженій корреспондента и жадно набрасывались на газету. Однимъ словомъ, эта курьезная поѣздка сдѣлалась чуть не событіемъ дня.

Другой примѣръ: въ 8 часовъ вечера въ субботу 9-го ноября 1872 года въ Бостонѣ начался крупный пожаръ, уничтожившій наилучшую торговую часть этого цвѣтущаго города. Въ утрен-

нихъ воскресныхъ газетахъ въ Нью-Іоркѣ помѣщено было, конечно, краткое описаніе начала этого бѣдствія; но пожаръ продолжался цѣлый день воскресенья, и масса торговаго люда въ Нью-Іоркѣ сгарала отъ нетерпѣнія знать точнѣе размѣры пожарныхъ убытковъ, или же, по крайней мѣрѣ, поименное названіе фирмъ, которыя пострадали. Всѣ газеты немедленно послали въ Бостонъ спеціальныхъ корреспондентовъ и съ нетерпѣніемъ ждали полученія новостей; но, какъ часто бываетъ при подобныхъ крупныхъ бѣдствіяхъ, нѣсколько телеграфныхъ станцій сгорѣло, а остальныя были завалены непосильно огромнымъ количествомъ депешъ, и газетамъ приходилось пользоваться на этотъ разъ телеграфомъ въ сравнительно недостаточной степени. Кромѣ того, собирать справки при господствовавшей сумятицѣ и паникѣ, передъ лицомъ разъяренной стихіи, объ именахъ пострадавшихъ фирмъ было болѣе, нежели затруднительно, почти невозможно. Между тѣмъ каждая изъ нью-іоркскихъ газетъ разсчитывала отличиться, представивши въ понедѣльникъ утромъ возможно полный отвѣтъ на эти жгучіе для публики запросы. Нью-іоркская газета „Tribune“ разрѣшила затрудненіе слѣдующей остроумной выходкой: еще въ ночь съ субботы на воскресенье редакція телеграфировала своему мѣстному корреспонденту въ Бостонѣ купить за любую цѣну полный адресъ-календарь города и прислать его немедленно въ Нью-Іоркъ, телеграфируя о пожарѣ какъ можно чаще, сообщая лишь нумера сгорѣвшихъ домовъ или, по крайней мѣрѣ, улицу и сторону ея, гдѣ дома пострадали отъ пожара. Въ редакціи газеты немедленно разрѣзали полученный адресъ-календарь, купленный корреспондентомъ за дорогую цѣну у ночного сторожа, на части, и нѣсколько человѣкъ, слѣдя часъ за часомъ по телеграммамъ корреспондента за распространеніемъ пожара, отмѣчали синимъ карандашемъ имена владѣльцевъ пострадавшихъ домовъ и фирмы, въ нихъ помѣщенныя; наборщики тутъ же немедленно ихъ набирали, а третьи лица единовременно составляли алфавитный и спеціальный (т.-е. по роду занятій) списокъ пострадавшихъ отъ огня фирмъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ утромъ въ понедѣльникъ читатели этой газеты получили о пожарѣ, который только лишь кончался, самыя подробныя и детальныя свѣденія, важнаго въ практическомъ отношеніи характера. Какъ оказалось впослѣдствіи, увѣряетъ Чамберсъ, весь этотъ искусственно составленный списокъ, крайне существенный для интересовъ и соображеній торговыхъ людей, въ дѣйствительности заключалъ мало ошибокъ и во всякомъ случаѣ не

больше, нежели оффиціальный, опубликованный лишь много дней спустя.

Если въ обоихъ приведенныхъ выше примѣрахъ сенсаціонныхъ выходокъ американскихъ газетъ ради завлеченія читателей или подписчиковъ нравственное чувство еще не страдаетъ, то единственно потому, разумѣется, что авторамъ выдумки не представлялось къ тому повода. Та же самая погоня за сенсаціонными новостями у менѣе разборчивыхъ людей среди американскихъ журналистовъ непремѣнно должна вызывать даже прямо случаи возмутительные. Занимаясь много описаніемъ преступленій и преступниковъ и различныхъ каждодневныхъ приключеній криминальнаго характера, сотрудникъ американской газеты или редакція становятся иногда въ слишкомъ близкое соприкосновеніе съ фактами преступности и едва сами не участвуютъ въ совершаемомъ преступленіи. Вотъ что, напримѣръ, сообщаетъ А. Э. Ватрозъ о приключеніяхъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ американскихъ газетъ при добываніи новостей, въ книгѣ нѣсколько разъ уже нами цитированной: „The Making of a Newspaper“, предназначенной для того, чтобы познакомить всю читающую публику съ обиходомъ американскаго газетнаго дѣла. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ очень ловкій и умный мошенникъ по профессіи познакомился на далекомъ западѣ съ однимъ весьма способнымъ и скромнымъ литераторомъ, въ умѣніи котораго во-время молчать онъ имѣлъ случай убѣдиться. „Я обдѣлываю въ настоящее время,—сказалъ плутъ,—одного простака на золотомъ песочкѣ и разсчитываю заработать 17 тысячъ долларовъ; я охотно взялъ бы васъ въ долю, но если вы предпочитаете остаться бѣднымъ, но честнымъ, то хотите — я вамъ разскажу по крайней мѣрѣ всю операцію, какъ я оберу этого стараго попугая. Вы дадите мнѣ время убраться изъ города, а затѣмъ можете увѣдомить полицію и помѣстить всю эту смѣшную исторію въ вашей газетѣ, чѣмъ надѣлаете, конечно, шуму на весь городъ“. Соображенія, что потерпѣвшимъ при извѣстной продѣлкѣ съ золотымъ пескомъ можетъ быть только вящшій плутъ въ родѣ покупателя краденаго добра, говоритъ Ватрозъ, примирили совѣсть репортера съ этимъ фактомъ: онъ далъ на время обѣтъ молчанія мошеннику, а затѣмъ публиковалъ исторію въ своемъ изданіи, чѣмъ произвелъ, разумѣется, большой фуроръ!.. [1])

Другой случай почти аналогиченъ, только съ нѣсколько инымъ окончаніемъ: репортеръ одной американской газеты познакомился

[1]) Непереводимое американское выраженіе: „to get a beat“.

случайно съ однимъ профессіональнымъ ночнымъ воромъ, занимающимся взломомъ квартиръ. Воръ такъ полюбилъ литератора, что въ видѣ особеннаго одолженія сдѣлалъ ему предложеніе: заблаговременно увѣдомлять его о каждомъ предполагаемомъ воровствѣ и обстоятельствахъ взлома, съ тѣмъ, чтобы онъ находился недалеко отъ мѣста совершенія воровства и, такъ сказать, по свѣжимъ слѣдамъ описалъ это интересное приключеніе, съ полнымъ знаніемъ техники всего дѣла, въ своей газетѣ. На этотъ разъ, однако, оказался литераторъ болѣе совѣстливый и осторожный, и къ огорченію и удивленію вора,—сообщаетъ г. Ватрозъ,—онъ отказался отъ столь выгоднаго и любопытнаго для своей репортерской дѣятельности и газеты предложенія, заявивши даже, что онъ счелъ бы себя обязаннымъ, зная напередъ о подобномъ дѣяніи своего пріятеля, дать знать полиціи. Затѣмъ репортеръ долго успокаивалъ своего огорченнаго пріятеля и примирилъ его съ отказомъ тѣмъ лишь аргументомъ, что вѣдь взломъ производится обыкновенно въ очень поздніе часы ночи, когда печатаніе газеты уже прикапчивается и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ извѣстіе о воровскомъ подвигѣ, рискованно имъ полученное, оставалось бы до другого дня непапечатаннымъ, а тогда уже узнаютъ въ полиціи, и интересъ новизны, все равно, пройдетъ! [1])

Сдѣлавшись односторонпимъ поставщикомъ новостей и игнорируя большею частью остальныя задачи европейской ежедневной прессы, американскія газеты, отыскивая во что бы то ни стало сенсаціоннаго матеріала, естественно, должны часто ставить своихъ сотрудниковъ въ неловкое положеніе, подобное описанному. Самое значеніе газеты поэтому должно было принизиться, и дѣйствительно, каждый почти большой городъ въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ свой „Times“, но всѣ эти „Таймсы“, вмѣстѣ взятые, не имѣютъ, безъ сомнѣнія, на общественное мнѣніе и десятой доли вліянія одного лондонскаго „Таймса“, хотя бы число ихъ читателей и считалось милліонами. Американцы не имѣютъ у себя центра, подобнаго Лондону или Парижу, хотя и часто называютъ Нью-Іоркъ „метрополіей“. Что касается до Вашингтона, то онъ пользуется, какъ извѣстно, только административнымъ значеніемъ, являясь резиденціей временной федеральной власти. Понятно, что уже поэтому Америка не можетъ имѣть въ числѣ своихъ газетъ такихъ могущественныхъ политическихъ органовъ, какими являются въ старой Европѣ нѣкоторыя

[1]) The Making of a Newspaper. Стр. 74, 75 и 76.

столичныя газеты. Международная политика, какъ мы уже упомянули, отходитъ въ американской печати и общественномъ мнѣніи вообще на задній планъ: у каждаго штата, кромѣ того, своя внутренняя политика, свои собственные интересы.

Такимъ образомъ, американской газетѣ, чтобы имѣть распространеніе, при крупныхъ расходахъ изданія, приходится, во-первыхъ, разсчитывать на большую массу читателей, что̀ не можетъ не отражаться вредно на пониженіи ея уровня и достоинства тона, и, во-вторыхъ, наполнять безконечные столбцы своихъ листовъ сомнительнаго качества новостями и болтовней, а также широковѣщательными рекламами, на которыя американцы такъ падки. Въ Европѣ, какъ правило, газеты представляютъ собою интересы того или иного, сравнительно ограниченнаго, круга лицъ; масса народа, какъ правило, большихъ политическихъ газетъ не читаетъ, поэтому, за немногими исключеніями („Petit Journal“ въ Парижѣ имѣетъ болѣе 700.000 подписчиковъ), крупныя европейскія газеты считаютъ подписчиковъ или продажу обыкновенно только десятками тысячъ. Напротивъ, въ Америкѣ очень многія переходятъ за сто тысячъ и, предназначаясь для обширнаго круга читателей малообразованныхъ, необходимо должны сдѣлаться такой публикѣ по плечу. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ Канадой насчитывается около 20 тысячъ періодическихъ изданій съ количествомъ выпусковъ болѣе 4 билліоновъ, что̀ составитъ ежегодно 300 экземпляровъ какого-либо періодическаго изданія на каждую американскую семью въ 5 человѣкъ; однѣхъ ежедневныхъ газетъ въ этомъ числѣ насчитывается до 2 тысячъ со многими десятками милліоновъ читателей. Газета проникаетъ въ Америкѣ одинаково во всѣ слои народа, составляя насущную потребность для людей, занятыхъ самымъ грубымъ физическимъ трудомъ: De Young, редакторъ „San-Francisco Chronicle“ разсказываетъ, что недавно еще было время, когда калифорнійскій золотоискатель не жалѣлъ заплатить 5 долларовъ за нумеръ газеты изъ Восточныхъ Штатовъ, случайно занесенный къ нему въ лагерь, или не жалѣлъ даже потратить нѣсколько дней на путешествіе въ сосѣдній городокъ, чтобы добыть новостей. Но и въ настоящее время, судя по словамъ этого компетентнаго лица, Калифорнія, нужно полагать, необыкновенно благодарная страна для интересовъ газетчиковъ: „Ни въ какомъ другомъ штатѣ,— говоритъ онъ,—вы не найдете, чтобы посылалось такъ много ежедневныхъ газетъ въ самые удаленные, глухіе уголки, какъ въ Калифорніи; рудокопы, дровосѣки, скотоводы и земледѣльцы чувствуютъ себя одинокими въ этой глуши и стараются возна-

градить себя и поддержать сношеніе съ міромъ посредствомъ газетъ". Не довольствуясь даже подпиской на однѣ мѣстныя газеты, они выписываютъ ихъ изъ большихъ городовъ, хотя часто по нѣскольку дней уходитъ только на ихъ доставку [1]).

Но распространеніе газетъ въ массѣ американскаго народа вызвало за собою, какъ утверждаютъ сами компетентные журналисты, косвенно и другое неблагопріятное послѣдствіе, на этотъ разъ болѣе для нравственнаго, чѣмъ умственнаго уровня прессы: изданіе газеты, при сотняхъ тысячъ продажи, сдѣлалось очень выгоднымъ торговымъ предпріятіемъ; лица, не имѣющія ничего общаго съ литературой и думающія только о гешефтѣ, обратились къ изданію газетъ и внесли въ это дѣло, разумѣется, торговые пріемы и разсчеты. Вотъ что̀, напримѣръ, говоритъ по этому поводу президентъ нью-іоркскаго клуба печати, Келлеръ. Почти всѣ деньги, по его словамъ, всѣхъ возникшихъ въ Нью-Іоркѣ газетъ, одинаково, какъ преуспѣвающихъ, такъ и неуспѣшныхъ, проистекаютъ изъ источниковъ совершенно чуждыхъ журнализму; лица, основывающія газету, какъ правило, не владѣя никакой подготовкой къ этому дѣлу, имѣютъ зато хорошую дѣловую или купеческую складку (a business-training), знаютъ, какъ купить и продать, будь это, все равно, бѣлая бумага, чернила или продуктъ человѣческихъ мозговъ. Не имѣя лично достаточно знаній и образованія для веденія газеты, издатель подыскиваетъ и нанимаетъ столько-то подходящихъ литературныхъ рабочихъ, по такой-то платѣ въ недѣлю, такъ же точно, какъ еслибы онъ пріискивалъ и нанималъ искусныя руки для приготовленія машинъ, желѣзно-дорожныхъ вагоновъ или ювелирнаго мастерства. Всякаго рода писатели, годные въ редакторы и репортеры, такъ многочисленны въ Америкѣ, что предприниматель газеты можетъ ихъ мѣнять хоть каждый день; въ нихъ недостатка не будетъ. Само собою разумѣется,—добавляетъ Келлеръ, —онъ внутренно презираетъ ихъ литературныя достоинства и самихъ этихъ лицъ по той уже причинѣ, что онъ привыкъ мѣрять всѣхъ людей исключительно по ихъ способности собирать деньги. Для него „дѣловая цѣль или торговая" (business-end) составляетъ самую суть изданія, и сообразно съ этимъ и ведется, конечно, вся газета. Издатель готовъ, напримѣръ, заплатить гораздо дороже жалованья хорошему управляющему газетой (The Managing Editor), на отвѣтственности котораго лежитъ продажа

[1]) California Journalism, by M. H. De Young. „The Making of a Newspaper" стр. 242.

или циркуляція газеты, нежели самому лучшему главному редактору (Editor in Chief), обязанности которыхъ въ американской прессѣ обыкновенно строго раздѣлены, и второе лицо обычно находится въ зависимости отъ перваго.

Какъ характерный примѣръ Келлеръ приводитъ далѣе отношенія къ объявленіямъ и рекламамъ новѣйшей американской прессы и добраго стараго времени: прежде,—говоритъ онъ,—всякія объявленія появлялись лишь въ безошибочной формѣ объявленій и въ мѣстѣ особо для того отведенномъ: „никакое судно не должно плавать подъ фальшивымъ флагомъ“. Нынѣшняя новая школа—противъ такихъ ограниченій. „Если,—говорятъ ея представители,—дозволяется продавать одно мѣсто въ газетѣ для рекламы, то почему, за хорошую, конечно, цѣну, не продать его и во всякомъ другомъ?“ Въ результатѣ многія американскія газеты сплошь наполнены объявленіями самаго разнороднаго характера и содержанія, въ перемежку съ редакціонными статьями, и часто рекламы имѣютъ цѣликомъ наружность статей или литературныхъ произведеній, такъ что бываетъ затруднительно отличить, гдѣ дѣйствительныя свѣденія или матеріалъ, печатаемый редакціей, и гдѣ просто безцеремонная вылазка противъ вашего кармана [1]). Извѣстенъ знаменитый случай съ лондонскимъ „Таймсомъ“ въ сороковыхъ годахъ, во время желѣзно-дорожной спекуляціи: Джонъ Вальтеръ, издатель „Таймса“, загребавшій лопатой деньги отъ рекламъ и аннонсовъ этихъ спекуляторовъ въ своей газетѣ, выступилъ тѣмъ не менѣе ихъ ярымъ противникомъ и, громя ихъ нечистыя стремленія и предостерегая публику противъ увлеченій дутыми компаніями и ихъ бумагами, потерялъ сотни тысячъ на доходѣ съ объявленій, но выигралъ на цѣлые милліоны въ довѣріи и уваженіи публики къ своей газетѣ. Подобный случай, при настоящей торгово-промышленной постановкѣ газетнаго дѣла, въ Америкѣ былъ бы, конечно, немыслимъ.

Точно также вопросъ о *направленіи*, столь существенный и жгучій, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для большинства европейскихъ газетъ, для американскихъ—почти не существуетъ. Правда, встрѣчаются и въ Америкѣ по временамъ органы, какъ „Boston Advertiser“, „Nation“ и другіе, предназначенные для защиты спеціальныхъ интересовъ, но такіе составляютъ сравнительно лишь немногія исключенія и притомъ имѣютъ малое распространеніе; огромное же большинство газетъ и въ томъ

[1]) An Inside View of Daily Journalism—въ „Forum“. August, 1893, стр. 700.

числѣ всѣ крупныя собственно никакого направленія въ европейскомъ смыслѣ не держатся и сплошь и рядомъ не только въ разныхъ выпускахъ, но даже въ одномъ нумерѣ большой газеты можно встрѣтить статьи съ совершенно противоположными тенденціями; напр., въ нашу бытность въ Америкѣ, въ обширномъ юбилейномъ нумерѣ нью-іоркской газеты „World“ (отъ 7-го мая 1893 г.) помѣщены были рядомъ двѣ статьи извѣстныхъ американскихъ экономистовъ о положеніи народнаго хозяйства въ странѣ за послѣднія десять лѣтъ. Изъ нихъ Schoenhof доказываетъ блестящій успѣхъ и экономическій прогрессъ Соединенныхъ Штатовъ: ихъ благосостояніе ростетъ и увеличивается; другой же, T. E. Wilson, наоборотъ,—что оно, т.-е. благосостояніе и спеціально земледѣліе, главный его источникъ, идетъ быстро къ упадку и вообще положеніе ухудшается! Обыкновенно американская газета придерживается лишь до нѣкоторой степени и защищаетъ такъ называемую „программу“ (platform) одной изъ большихъ политическихъ партій, на которыя распадается американскій народъ („республиканская“, „демократическая“, „народная“), но газета удерживаетъ за собою и въ этомъ случаѣ весьма значительную свободу мнѣнія по отдѣльнымъ весьма важнымъ вопросамъ и мѣняетъ ихъ, какъ и представительство органа партіи, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, такъ же часто и просто, какъ того или иного редактора изъ своего состава или наружную внѣшность своего изданія! Въ бытность мою въ Нью-Іоркѣ я прочелъ однажды въ утреннихъ газетахъ извѣстіе о перемѣнѣ партіи „New-York Times“ вмѣстѣ съ новымъ главнымъ редакторомъ и о переходѣ изъ республиканскаго, кажется, лагеря въ демократическій, и при этомъ высказывалось любезное привѣтствіе своему обновленному собрату и пожеланіе всякаго успѣха!! Извѣстный „New-York Herald“, до нынѣшняго года принадлежавшій столь прославившейся разными оригинальными затѣями фамиліи Беннетъ, съ 1889 года издается единовременно въ Нью-Іоркѣ, Лондонѣ и Парижѣ, отличаясь тѣмъ не менѣе во всѣхъ трехъ изданіяхъ весьма значительной разницей въ своихъ воззрѣніяхъ. „Herald“ въ Нью-Іоркѣ, какъ истый американецъ, не любитъ англичанъ, расположенъ къ нѣмцамъ и готовъ при случаѣ заигрывать съ ирландцами. Лондонскій „Herald“, нынѣ уже прекратившійся, былъ истиннымъ защитникомъ британскихъ интересовъ и въ ирландской политикѣ строго держался statu quo. Наконецъ, третій „Herald“—парижскій, донынѣ благополучно существующій, дружественно расположенъ къ Франціи, болѣе нежели хладнокровенъ къ нѣмцамъ, зато очень любитъ русскихъ!

Audiatur et altera pars! Какъ ни велики недостатки американской ежедневной прессы, нарисованные нами на предшествовавшихъ страницахъ, какъ ни значительны, наконецъ, тѣ измѣненія къ лучшему, которыя могутъ быть въ ней сдѣланы въ будущемъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно американская ежедневная печать несетъ и свою полезную службу для страны, оказывая ей разнообразныя и немаловажныя услуги. Прежде всего, средній американецъ читаетъ лишь газеты и ничего больше; книгъ въ Америкѣ, особенно со времени улучшеній законовъ о литературной собственности, уменьшившихъ тамъ случаи контрафакціи англійскихъ произведеній и слѣдовательно дешевыхъ книгъ, издается сравнительно съ Европой весьма немного; наконецъ, на книги на англійскомъ языкѣ существуетъ значительная ввозная пошлина (25% ad valorem). По утвержденію компетентнаго источника „Literary World", собственно книгъ въ Соединенныхъ Штатахъ издается даже меньше, нежели въ Россіи (т.-е. своихъ авторовъ). Чуть не всякій продуктъ мысли, слѣдовательно, выливается и принимаетъ форму газетной или журнальной статьи. Такимъ образомъ, для огромнаго большинства американскаго народа газета составляетъ почти единственную умственную пищу, изъ которой средній американецъ извлекаетъ всѣ свои свѣденія и знанія, входитъ въ общеніе со своими выборными представителями власти, а отчасти и со всѣмъ міромъ, и во всякомъ случаѣ, читая ежедневно свои газеты, американецъ не рискуетъ, увы, подобно многимъ европейцамъ, впасть въ рецидивъ безграмотности и забыть все, чему учили его въ школѣ! Гласность и публичность, наконецъ, цѣлой общественной жизни, сложной государственной машины и ея отправленій—эти необходимые спутники въ высшей степени развитой и распространенной прессы—не остаются опять-таки безъ самыхъ разнообразныхъ и благопріятныхъ послѣдствій для блага страны. Онѣ являются цѣлительной силой и предупредителемъ самаго разнообразнаго зла. Всякій общественный дѣятель въ Соединенныхъ Штатахъ, по выраженію одного американца, какъ бы „живетъ въ стеклянномъ домѣ", и каждый шагъ не только публичной, но и частной жизни его становится широко извѣстнымъ благодаря печати. Ни одинъ неблаговидный поступокъ такого дѣятеля, можно быть увѣреннымъ, въ Америкѣ не останется въ тайнѣ, а непремѣнно какой-либо досужій репортеръ откопаетъ его исторію и разнесетъ по всему свѣту; и скорѣе въ послѣднемъ отношеніи американская печать грѣшитъ въ противную сторону, впадая въ сплетню или преувеличеніе, нежели умалчивая о томъ, что̀ заслуживаетъ

сколько-нибудь извѣстности. Вообще, какъ ни велики описанные недостатки американскихъ газетъ, но они не уничтожаютъ всѣхъ полезныхъ плодовъ гласности: нельзя себѣ представить такого случая, чтобы всѣ газеты въ униссонъ искажали истину; сама конкурренція заставляетъ постоянно ту или иную газету въ каждомъ щекотливомъ или важномъ общественномъ вопросѣ поднимать знамя истинныхъ народныхъ интересовъ и, при общемъ одобреніи, выступать на ихъ защиту; еще менѣе возможно вообразить въ Америкѣ случаи подкупа или застращиванія всѣхъ или даже большинства газетъ: онѣ для этого слишкомъ богаты, слишкомъ сильны и слишкомъ многочисленны.

Могущественныя корпораціи различнаго рода, синдикаты и разнаго наименованія союзы капиталистовъ, которые ростутъ въ Америкѣ какъ грибы, иногда подчиняя, иногда даже ломая правительство, законы, а часто даже самую народную жизнь, тѣмъ не менѣе не всегда могутъ справиться съ силой ежедневной печати. Само собою разумѣется, они стараются склонить печать на свою сторону, но имъ удается это лишь отчасти относительно нѣкоторыхъ органовъ, черезъ что прочіе обрушиваются на нихъ съ еще бо́льшею силою и, встрѣчая поддержку въ мнѣніи публики, газеты иногда сокрушаютъ самыя, повидимому, несокрушимыя твердыни, колеблютъ силу и приводятъ къ компромиссамъ и уступкамъ самые богатые синдикаты или уничтожаютъ значеніе многолюдныхъ политическихъ кружковъ и клубовъ. Такъ, напримѣръ, обще признаны: заслуга „New-York Herald“ въ 1871 году въ побѣдѣ надъ такъ называемымъ туидскимъ синдикатомъ (Tweed Ring), побѣдоносная борьба газеты „Sun“ съ такъ-называемымъ вашингтонскимъ синдикатомъ (Washington Ring), дѣятельное вмѣшательство „New-York Times“ въ ходъ состязанія въ 1876 году президентскихъ выборовъ Тильдена и Гейса, которые, благодаря главнымъ образомъ усиліямъ газеты, окончились побѣдой послѣдняго, и т. д.

Еще, можетъ быть, важнѣе полезная роль американской печати въ различныхъ мѣстныхъ и городскихъ вопросахъ. Всякій кандидатъ въ какую-нибудь, напримѣръ, муниципальную должность подвергается, разумѣется, отъ цѣлой кучи газетъ самому тщательному обсужденію и оцѣнкѣ; все, что̀ о немъ можно сказать, навѣрняка будетъ сказано и въ хорошую, и въ дурную сторону, и никакой вопросъ не считается слишкомъ мелкимъ. Какое-либо несчастіе, преступленіе или катастрофа вызываетъ часто со стороны американскихъ газетъ какъ бы цѣлыя формальныя слѣдствія и иногда съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели это

исполняютъ для соблюденія интересовъ потерпѣвшей стороны и наказанія виновныхъ оффиціально назначенныя слѣдственныя коммиссіи. Преслѣдованіе частныхъ злоупотребленій въ газетахъ — всегда весьма сильно и отличается характеризующей всю англо-саксонскую расу настойчивостью и чисто американской чертой — рѣзкостью своихъ формъ. Мнѣ припоминается слѣдующее личное наблюденіе надъ чикагскими газетами по одному поводу. Городъ Чикаго, при его огромномъ протяженіи и быстромъ ростѣ, весь перерѣзанъ множествомъ желѣзно-дорожныхъ линій, проходящихъ непосредственно по улицамъ, а еще чаще ихъ пересѣкающихъ; понятна отсюда страшная масса несчастныхъ случаевъ убитыхъ и задавленныхъ почти каждодневно желѣзными дорогами: за одинъ 1892 годъ цифра однихъ убитыхъ въ Чикаго, не считая изувѣченныхъ и раненныхъ, доходила до 322, т.-е. чуть не по человѣку въ день и въ одномъ лишь городѣ приносится въ жертву желѣзно-дорожному Молоху! [1]) Мѣстная печать, нужно отдать ей справедливость, въ виду этого ужаснаго факта и несмотря на все могущество желѣзныхъ дорогъ во всей Америкѣ, борется съ бѣдствіемъ, какъ только можетъ, предавая гласности каждое случившееся несчастіе, и навѣрное, благодаря настойчивости, она добьется какихъ-нибудь цѣлесообразныхъ мѣръ; одна чикагская газета, кажется „Tribune“, завела у себя ежедневную рубрику подъ сенсаціоннымъ заголовкомъ: „Поднимите полотно желѣзно-дорожныхъ линій и прекратите человѣкоубійства!“ Подъ этимъ заголовкомъ и помѣщается тамъ описаніе всѣхъ несчастныхъ случаевъ даннаго рода. Другая газета, „Chicago Herald“, какъ бы подстрекаемая этимъ примѣромъ, открыла и у себя для такой же цѣли рубрику, періодически наполняемую, подъ общимъ заглавіемъ: „Убитые корыстолюбіемъ“, и различными мелкими заголовками не менѣе сенсаціоннаго характера, въ родѣ: „Жертва желѣзныхъ дорогъ“, „Нѣтъ уменьшенія человѣкоубійства“! „Городскія власти въ сдѣлкѣ съ желѣзными дорогами“ и т. д. Общественное мнѣніе сильно волнуется по этому справедливому поводу, насколько можно было замѣтить за періодъ выставки, и раньше или позже желѣзныя дороги, нѣтъ сомнѣнія, будутъ вынуждены уступить этому законному требованію, затративши навѣрное значительныя средства на передѣлку путей.

Еще выше сравнительно съ европейскою печатью и не подлежатъ спору внѣшнія достоинства американской прессы, о ко-

[1]) „Chicago Herald“, отъ 13-го іюня 1893 г.

торыхъ мы упоминали вскользь раньше. Правда, нѣкоторыя англійскія газеты печатаются на лучшей бумагѣ и тщательнѣе корректируются, но зато американскія газеты такихъ необычайно крупныхъ размѣровъ и, соотвѣтственно съ этимъ, дешевизны, что въ этомъ отношеніи превосходятъ всякихъ конкуррентовъ. Обыкновенный размѣръ большой американской газеты—въ будни не менѣе шестнадцати страницъ большого формата, часто 24, а въ воскресенье отъ 24 страницъ даже до 44, а иногда и больше, мелкой печати. Добавьте къ этому множество рисунковъ въ текстѣ, иногда по нѣскольку десятковъ, а по временамъ и раскрашенныя приложенія. Въ нѣкоторыхъ газетахъ, напримѣръ нью-іоркской „The Mail and Express“ (вечерняя газета), отводятся даже цѣлыя страницы, спеціально для дѣтскаго чтенія съ соотвѣтствующимъ содержаніемъ, сказками, разсказами, шарадами, описаніемъ разнаго рода очень милыхъ игръ и даже раздачей дѣтямъ отъ редакціи призовъ за наилучшій уходъ за комнатными растеніями, за „добрыя дѣла“ (отъ имени оригинальнаго, такъ называемаго, „общества солнечныхъ лучей“ (Sunbeam Society) и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, еслибы обыкновенный нумеръ большой американской газеты перепечатать обычнымъ русскимъ шрифтомъ, то вышла бы довольно изрядная книжка среднихъ размѣровъ, а по вѣсу болѣе третьей части фунта. Вѣсъ воскреснаго нумера многихъ американскихъ газетъ превосходитъ $^1/_2$ фунта, а двойной юбилейный нумеръ газеты „World“ отъ 7-го мая 1893 года, заключая въ себѣ, кромѣ обертки, 98 страницъ мелкой печати, вѣсилъ, напримѣръ, одинъ русскій фунтъ 60 зол., тогда какъ цѣлая книжка „Вѣстника Европы“ (ноябрь, 1893 г.) вѣситъ лишь 1 фунтъ 30 зол. Принимая во вниманіе такой размѣръ и общую американскую дороговизну, обычная плата за нумеръ газеты можетъ считаться очень дешевой—два, три цента за выпускъ, и лишь по воскресеньямъ платится 5, а указанный юбилейный нумеръ „World“, снабженный цѣлыми сотнями рисунковъ, стоилъ всего 10 центовъ, т.-е. 20 коп. Такимъ образомъ, соотвѣтственно съ величиной, американскія газеты дешевле даже англійскихъ „penny papers“, гдѣ 8, много 10, 12 стр. газетнаго листа составляютъ обычный размѣръ.

Само собою разумѣется, такая относительная дешевизна газетъ въ дорогой Америкѣ можетъ быть обусловлена лишь огромной подпиской и продажей, о размѣрахъ которой мы уже упоминали, а затѣмъ превосходной организаціей въ техническомъ отношеніи всего газетнаго дѣла и возможностью затрачивать на него очень крупные капиталы. По разсчету извѣстнаго Мель-

виля Филипса, ежегодное производство газетъ въ Соединенныхъ Штатахъ составляетъ матеріальную цѣнность въ 100 милліоновъ долларовъ, или 200 мил. руб. Изъ этой громадной суммы львиная доля предназначается собственно на типографскую работу и, такъ сказать, внѣшнюю сторону изданія. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ расходъ на бумагу, который для большихъ газетъ указаннаго выше размѣра достигаетъ колоссальныхъ цифръ. Нѣкто Е. Кемпъ приводитъ такія цифры годового расхода наиболѣе распространенныхъ американскихъ газетъ на бумагу:

Philadelphia „Press“ . .	245.000 долл.
Chicago „Herald“ . . .	265.000 „
Boston „Herald“	315.000 „
Chicago „News“	324.000 „
Boston „Globe“	326.000 „
New-York „World“ . . .	667.500 „

Прочіе расходы, хотя и болѣе скромные, но по разсчету того же автора составляютъ для важнѣйшихъ американскихъ газетъ весьма крупныя цифры: напримѣръ, за наборъ газеты платятъ отъ $1^1/_2$ тысячъ въ недѣлю до 6 тыс., т.-е. отъ 78 тыс. до 312 тыс. за годъ. „Новости“, наполняющія американскія газеты, собираются со всего свѣта изъ самыхъ различныхъ источниковъ и самыми разнообразными средствами: наибольшая масса извѣстій поставляется столь развитыми въ Америкѣ такъ называемыми „бюро корреспонденцій“ (Press Associations), изъ которыхъ важнѣйшія суть: „Associated Press“, „United Press“, „United States Press Association“ и „Dunlap Cable Company“. Кромѣ того, каждая газета тратитъ весьма крупныя суммы на такъ называемыя „спеціальныя“ корреспонденціи, получаемыя отъ собственныхъ корреспондентовъ, какъ мѣстныя, такъ и изъ другихъ городовъ и заграничныя. Этотъ расходъ, впрочемъ, нѣсколько уменьшился въ послѣднее время посредствомъ такъ называемаго „синдикатнаго“ способа единовременной разсылки по телеграфу или почтѣ однѣхъ и тѣхъ же корреспонденцій въ разныя редакціи. Тѣмъ же способомъ уменьшились въ послѣднее время и расходы на телеграфныя сообщенія по кабелю изъ Европы и другихъ странъ свѣта. Тѣмъ не менѣе, издатели газетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, по даннымъ Филипса, платятъ ежегодно за „новости“, имъ доставляемыя разными путями, 16.570.000 долларовъ, изъ которыхъ 1.820.000 дол. уходитъ на „новости“, получаемыя изъ „бюро корреспонденцій“, 2.250.000—уплата за „спеціальныя новости“ и 12.500.000—мѣстнымъ корреспон-

дентамъ (репортерамъ). По разсчетамъ другихъ лицъ, этотъ расходъ для большихъ газетъ еще значительнѣе. Такъ, по словамъ Вильяма-Генри Смитъ, большая газета должна тратить на однѣ только „спеціальныя“ депеши отъ 8 до 9 и болѣе тысячъ долларовъ въ мѣсяцъ, или до 100.000 дол. въ годъ. Наконецъ, остается еще большой расходъ на постоянный составъ редакціи, который обыкновенно слагается, какъ увидимъ ниже, изъ довольно значительнаго числа лицъ. Этотъ расходъ, по чрезвычайному разнообразію размѣровъ получаемаго различными сотрудниками гонорара и жалованья, не поддается правильному разсчету, составляя во всякомъ случаѣ для крупныхъ газетъ многіе десятки и даже сотни тысячъ. Поэтому, не считая даже экстренныхъ единовременныхъ расходовъ, какъ, напримѣръ, посылку спеціальнаго корреспондента куда-либо за границу, на мѣсто военныхъ дѣйствій, когда однѣ его телеграммы могутъ за одинъ день вызывать расходъ въ нѣсколько тысячъ долларовъ, обыкновенный годовой расходъ каждой большой газеты въ Америкѣ компетентными лицами высчитывается *свыше милліона долларовъ*.

Соотвѣтственной величины, конечно, должны быть и доходы многихъ, по крайней мѣрѣ преуспѣвающихъ, американскихъ газетъ, хотя эта часть газетнаго производства не поддается никакимъ разсчетамъ, и лишь косвенно по тѣмъ же расходамъ нѣкоторыхъ редакцій можно заключить, что доходъ ихъ измѣряется часто сотнями тысячъ и даже милліонами, при чемъ плата за объявленія составляетъ главную доходную статью, размѣръ же продажи и подписки газетъ въ сущности является лишь средствомъ привлеченія тѣхъ же объявленій. Внѣшнимъ образомъ прибыльность газетныхъ предпріятій въ Америкѣ съ торговой стороны выражается довольно оригинально воздвиганіемъ монументальныхъ собственныхъ зданій на лучшихъ улицахъ города, что̀ служитъ, конечно, постоянной рекламой для газеты. Напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ, въ самомъ центрѣ торговой части города, около главнаго почтамта, красуются рядомъ дома нѣсколькихъ конкуррирующихъ между собою крупныхъ газетъ метрополіи. Изъ нихъ первое мѣсто по распространенію газеты, а потому, вѣроятно, и по красотѣ зданія занимаетъ громадный десятиэтажный домъ-великанъ газеты „World“ съ огромной шапкой или куполомъ наверху, видимымъ почти отовсюду, и съ высоты котораго открывается одно изъ лучшихъ зрѣлищъ на обширный городъ. Всѣмъ извѣстная старая газета „New-York Herald“ имѣла также свой огромный домъ, но владѣлецъ, молодой Беннетъ, недавно продалъ его на сломъ, чтобы выстроить зданіе, вѣроятно, еще болѣе достойное газеты.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобъ обширные доходы газетныхъ собственниковъ уходили только на подобную выставку тщеславія и рекламы, какъ эти зданія. Подобно всѣмъ американцамъ-богачамъ, редакціи газетъ (точнѣе собственники ихъ) жертвуютъ зачастую громадныя суммы, поражающія европейца, на всевозможныя благотворительныя и научныя предпріятія, никакой имъ выгоды лично не доставляющія. Напомнимъ извѣстную всему міру посылку старымъ Беннетомъ сдѣлавшагося потомъ знаменитостью Станлея для отысканія Ливингстона, и затѣмъ имъ же снаряженную полярную экспедицію судна „Жанеттъ", такъ несчастно погибшаго въ устьяхъ Лены. Мѣстныя пожертвованія газетъ, разумѣется, повторяются еще чаще и въ сложности поглощаютъ у нихъ крупныя суммы денегъ. Уже помянутая выше газета „Mail and Express", помимо различныхъ призовъ дѣтямъ въ связи съ дѣтскимъ отдѣломъ своего изданія, содержитъ на свой счетъ образцовый „Kindergarten"—дѣтскій садъ для народа, ежегодно участвуетъ расходами въ трогательномъ школьномъ празднествѣ „Arbor day" (въ первую пятницу послѣ 1-го мая), установленнаго почти повсюду въ Америкѣ оффиціально, съ цѣлью развить у дѣтей чувство любви къ растеніямъ и этимъ способомъ поощрять въ странѣ лѣсонасажденіе и сохраненіе лѣсовъ вообще. Точно также „New-York Tribune" и „New-York Evening Post" агитировали всегда за устройство для городскихъ бѣдныхъ дѣтей лѣтнихъ колоній, т.-е. такого рода деревенскихъ убѣжищъ, гдѣ они могли бы дышать чистымъ воздухомъ и поправляться здоровьемъ. Редакціи явились главными подписчиками для образованія такъ называемаго „фонда свѣжаго воздуха" (Fresh Air Fund), на который посылаются такія дѣти въ деревню и тамъ содержатся въ теченіе двухъ недѣль. Съ 1877 по настоящій годъ на эту цѣль въ Нью-Іоркѣ уже издержано 278.000 долларовъ, и болѣе сотни тысячъ дѣтей (109.317 д.) окрѣпли здоровьемъ на свѣжемъ воздухѣ, не говоря о многочисленныхъ дневныхъ экскурсіяхъ съ той же цѣлью и на тѣ же средства другихъ десятковъ тысячъ молодого поколѣнія (81.650 д.) [1]). Богатѣйшая газета „World" точно также почти ежегодно принимаетъ участіе, какъ и всѣ ея собратья, въ различныхъ благотворительныхъ предпріятіяхъ: то устроиваетъ школы, то весеннія пиршества для дѣтей городскихъ школъ (Strawberry festival), то поѣздку для швей и другихъ городскихъ работницъ за городъ и т. п.

Къ немалымъ достоинствамъ, которыми гордятся американцы,

[1]) См. Demorest's Family Magazine. August, 1893, стр. 603.

несомнѣнно слѣдуетъ отнести также хорошую организацію собиранія новостей и всего, такъ сказать, редакціоннаго механизма газеты. Все отличается чрезвычайной практичностью и цѣлесообразностью, работа раздѣлена между нѣсколькими самостоятельными отдѣлами, ведущими дѣло независимо подъ руководствомъ цѣлаго ряда самостоятельныхъ редакторовъ, о которыхъ во многихъ европейскихъ газетахъ и понятія не имѣютъ. Составъ редакціи большой американской газеты обыкновенно слагается изъ слѣдующихъ лицъ: 1) Editor in Chief — главный редакторъ; 2) The Managing Editor — управляющій или завѣдывающій редакціей газеты; 3) The City Editor — городской редакторъ; 4) The Literary Editor — редакторъ литературнаго отдѣла; 5) The Sporting Editor — редакторъ отдѣла по спорту; 6) The Financial Editor — редакторъ финансоваго отдѣла, и 7) нѣсколько человѣкъ (иногда 5), такъ называемые Telegraph Editors — редакторы телеграммъ, т.-е. лица, могущія не только принять телеграмму съ аппарата, проведеннаго прямо въ редакцію, но прочесть и проредактировать ея содержаніе. Какъ правило, въ Америкѣ большинство корреспонденцій, даже весьма длинныхъ, присылается по телеграфу, но въ очень сокращенномъ видѣ или иногда на языкѣ условномъ. Къ этому списку еще прибавляется въ большихъ редакціяхъ, имѣющихъ нѣсколько выпусковъ въ день, такъ называемый The Night Editor — ночной редакторъ, и наконецъ, во всѣхъ редакціяхъ въ составъ газеты входятъ репортеры и такъ называемые Interviewers, которыхъ насчитывается иногда отъ 20 до 25 человѣкъ при каждой редакціи. Сюда не включаются, конечно, болѣе или менѣе многочисленные „спеціальные“ корреспонденты въ разныхъ мѣстахъ и за границей, но зато подразумѣваются такъ называемые The Travelling Correspondents — „путешествующіе корреспонденты“, которые временно командируются куда-либо съ спеціальной цѣлью и обыкновенно назначаются изъ состава редакціи, изъ лицъ болѣе довѣренныхъ и опытныхъ.

Первое мѣсто по своей важности въ редакціи американскихъ газетъ занимаетъ, какъ было упомянуто, скорѣе „управляющій редакціей“, т.-е. второе изъ приведенныхъ лицъ, нежели первое — „главный редакторъ“. Дѣло въ томъ, что на обязанности управляющаго лежитъ вся матеріальная сторона газеты, или онъ отвѣчаетъ за ея матеріальный успѣхъ, что, конечно, вслѣдствіе торговой постановки американскаго газетнаго дѣла, ставитъ его волю выше, нежели „главнаго редактора“, гдѣ ихъ взгляды почему-либо сталкиваются. Далѣе, „главный редакторъ“ состоитъ въ

редакціи тѣмъ „козломъ отпущенія“, на голову котораго обрушиваются, иногда единолично, иногда купно съ „городскимъ редакторомъ“, всѣ процессы газеты по закону о клеветѣ и оскорбленіи чести. По сознанію Макклюра, главнаго редактора „Philadelphia Times“, ему пришлось въ теченіе времени исполненія своей обязанности быть подъ судомъ 29 разъ по обвиненію въ клеветѣ! Строгость въ этомъ случаѣ американскаго закона и беззащитность обвиняемаго, нужно полагать, весьма велика, особенно въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ дѣйствуетъ до сихъ поръ англійскій обычный законъ (Common Law). Въ силу его въ Пенсильваніи, напримѣръ, обвиняемый въ клеветѣ, чтобы подтвердить имъ высказанное въ печати и сбросить съ себя обвиненіе, отнюдь не можетъ представлять доказательствъ бо̀льшаго преступленія; или положимъ, что извѣстное лицо, выставленное имъ въ газетѣ, въ дѣйствительности въ десять разъ чернѣе, нежели оно нарисовано, а все-таки онъ долженъ суду доказать *лишь тотъ самый позорящій* человѣка *фактъ*, ни на волосъ больше или меньше, который выставленъ въ газетѣ. Постановленіе, напримѣръ, обычнаго права таково, что если какая-либо женщина обозвана виновной въ дурномъ поведеніи, а обвиняемый въ клеветѣ доказалъ на судѣ, что она даже посредница женщинъ дурного поведенія или живетъ даже ихъ порокомъ, что̀, конечно, гораздо хуже, то, тѣмъ не менѣе, фактъ клеветы признается доказаннымъ и подсудимый подвергается карѣ закона. Г. Ватрозъ, „городской редакторъ“ изъ „New-York Press“, вѣроятно, такъ много страдалъ отъ несовершенства и односторонности означеннаго закона, что не находитъ достаточно желчи при своемъ мрачномъ описаніи обязанностей „городского редактора“ и предлагаетъ, презирая всякіе компромиссы, одну изъ двухъ рѣшительныхъ мѣръ: или совсѣмъ уничтожить этотъ старинный законъ о клеветѣ, или (horribile dictu!) установить въ Соединенныхъ Штатахъ цензурный комитетъ (Press Censorship), которому и поручать на предварительный просмотръ всѣ сомнительныя новости! Онъ предполагаетъ, повидимому, что послѣ такого цензурнаго пересмотра редакторъ уже будетъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности по закону о клеветѣ [1]).

„Редакторъ литературнаго отдѣла“ газеты не имѣетъ въ Америкѣ большого значенія, и его обязанности, повидимому, заключаются не столько въ редактированіи беллетристики, мало

[1]) The City Editor, by A. E. Watrous. „The Making of a Newspaper“, стр. 64 и дальше.

встрѣчаемой въ американскихъ ежедневныхъ газетахъ, сколько въ писаніи и редактированіи литературной критики въ нѣкоторыхъ лучшихъ газетахъ и, вообще, веденіи библіографіи и отчета о новыхъ книгахъ. Иногда эта обязанность соединяется также съ завѣдываніемъ музыкальными или драматическими новостями и даже соотвѣтствующими отдѣлами въ нѣкоторыхъ газетахъ, а по временамъ, что обычно, впрочемъ, въ немногихъ американскихъ газетахъ, и писаніе передовыхъ или редакціонныхъ руководящихъ статей. Вообще кругъ его обязанностей находится въ зависимости отъ характера органа, въ которомъ онъ участвуетъ.

Несравненно важнѣе въ американскихъ газетахъ обязанности „редактора спорта", понятіе котораго весьма широко, а значеніе развилось и поднялось вмѣстѣ съ прогрессомъ въ американскомъ обществѣ уваженія къ физической культурѣ человѣка и распространенія во всемъ народѣ вкусовъ къ гимнастическимъ упражненіямъ и, главное, разнымъ играмъ на воздухѣ. Соотвѣтственно этому, 25 лѣтъ тому назадъ, кромѣ „New-York Herald", въ газетахъ почти ничего не сообщалось о спортѣ, кромѣ мелкихъ извѣстій; между тѣмъ нынѣ каждый день можно видѣть въ газетахъ по цѣлой иногда страницѣ, наполненной извѣстіями, посвященными спорту, и явилась потребность въ спеціальномъ редакторѣ по этому предмету. Любовь въ Америкѣ къ спорту всякаго рода въ смыслѣ разнообразныхъ физическихъ упражненій распространилась лишь со средины шестидесятыхъ годовъ, т.-е. послѣ междоусобной войны изъ-за уничтоженія рабства. Тысячи людей изнѣженнаго городского воспитанія сдѣлались въ то время солдатами, и лишенія и физическое напряженіе, которыя пришлось имъ переносить въ теченіе ея, остались у всѣхъ ихъ въ памяти, и первымъ хорошимъ результатомъ этой братоубійственной войны оказалась именно забота о физическомъ укрѣпленіи тѣла, или уваженіе къ гимнастикѣ, разнаго рода атлетическимъ упражненіямъ, а также играмъ на воздухѣ. Люди среднихъ лѣтъ и пожилые, сверстники этой войны, передали свои склонности и вкусы молодежи, и Америка быстро превратилась, подобно Англіи, въ страну спорта съ самыми благопріятными послѣдствіями для здоровья ея обитателей. Не говоря о лошадиныхъ бѣгахъ и скачкѣ и гребной гонкѣ, распространенной особенно между студентами, на первомъ мѣстѣ въ спискѣ спорта по своей популярности стоятъ въ Америкѣ цѣлыхъ 9 шаровыхъ игръ различнаго рода, изъ которыхъ первый нумеръ занимаетъ (т.-е. наиболѣе любима) игра, т. н. „base-ball" (нѣчто въ родѣ

лапты). Она сдѣлалась настоящей американской національной игрою, въ которую играютъ одинаково всѣ возрасты отъ малаго и до стараго, укрѣпляя свое здоровье, а отчасти и пріучаясь къ извѣстной выдержкѣ и дисциплинѣ характера. Городскіе парки, городскія площади считаютъ своимъ долгомъ отводить вездѣ мѣсто для подобныхъ игръ; частныя лица, редакціи газетъ (напримѣръ, „World“) жертвуютъ средства, необходимыя для пріобрѣтенія такихъ участковъ земли. Для этихъ игръ и особенно „base-ball“ назначаются большіе денежные почетные призы, также какъ для скачекъ или гонокъ; состязаются лучшіе игроки изъ отдаленныхъ на тысячи верстъ городовъ; вчерашняя дѣтская забава становится дѣломъ національнымъ. Для подобной игры пріѣзжаютъ любители изъ Англіи въ Америку или, наоборотъ, американцы отправляются въ Англію и Австралію, и цѣлые столбцы телеграфныхъ извѣстій о результатахъ такихъ международныхъ состязаній проходятъ черезъ руки „редактора по спорту“ и печатаются въ американскихъ газетахъ. Нѣкоторымъ изъ подобныхъ корреспондентовъ приходится совершать кругосвѣтное путешествіе, переѣзжая изъ одной страны въ другую и отдавая отчеты объ одномъ лишь „base-ball“.

Результаты для физическаго здоровья жителей Соединенныхъ Штатовъ—этого распространенія наклонности къ спорту подобнаго рода, по всѣмъ свидѣтельствамъ, оказались блестящими. Замѣтно общее несомнѣнное улучшеніе здоровья въ американскомъ народѣ и даже измѣненіе тѣлосложенія, одинаково какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Согласно утвержденію извѣстнаго спортсмэна Маккормика, средній американецъ или американка 40 лѣтъ тому назадъ представляли несравненно худшій образчикъ физической красоты и здоровья, нежели въ настоящее время; „если они учились въ высшемъ учебномъ заведеніи, то, какъ правило, прежде, дѣлали это всегда на счетъ крѣпости своего тѣла, и люди „съ здоровымъ духомъ въ здоровомъ тѣлѣ“ составляли между ними исключенія. Достаточно добавить, что старый каррикатурный типъ американца „брата Іонаѳана“ — длиннаго, сухого, со впалыми щеками, со впалой грудью и длинными руками — типъ этотъ можно считать нынѣ уже вымершимъ“ [1]). И дѣйствительно, посѣтители чикагской выставки 1893 года въ отдѣлѣ воспитанія (въ верхнемъ этажѣ зданія „Мануфактуръ“) могли любоваться множествомъ фотографій сту-

[1]) The Sporting Editor, by J. B. Mc Cormick („Macon“), см. „The Making of a Newspaper“, стр. 207.

дентовъ и студентокъ различныхъ американскихъ университетовъ, снятыхъ большею частью въ греческихъ или гимнастическихъ костюмахъ и поражающихъ одинаково своимъ здоровьемъ, правильностью формъ, красотой пластики и даже граціей, не уступая нисколько во всѣхъ отношеніяхъ античнымъ грекамъ.

Но главную суть американской ежедневной прессы, какъ было нѣсколько разъ упомянуто, составляютъ „новости", а потому лица, ихъ добывающія,—„репортеры", интервьюэры" и „корреспонденты"—являются той солью газеты, отъ качества которой зависитъ ея успѣхъ или неуспѣхъ. Поэтому хорошія качества репортера высоко цѣнятся въ Америкѣ, и онъ предпочитается десятку литературныхъ сотрудниковъ или писателей передовицъ. „Одно извѣстіе исключительной важности,—говоритъ старый и опытный газетный писатель,—стоитъ описанія цѣлаго мѣсяца событій во всемірной исторіи!" [1]) Качества, которыя дѣлаютъ въ Америкѣ хорошаго репортера, это—особый нюхъ къ новостямъ, пріобрѣтаемый отъ природы и обусловливаемый, вѣроятно, даромъ наблюдательности, находчивость, сообразительность, быстрота дѣйствій и физическая выносливость. Приведемъ одинъ образчикъ этихъ качествъ по разсказамъ самихъ американскихъ журналистовъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ Кливелендъ вступалъ въ бракъ. Желая справить свою свадьбу какъ можно скромнѣе и избѣжать глазъ надоѣдливыхъ репортеровъ и назойливой публики, онъ рѣшилъ отпраздновать свою свадьбу тайно, вѣнчаясь въ церкви, извѣстной только самымъ близкимъ своимъ друзьямъ, и затѣмъ провести медовый мѣсяцъ съ молодой женой въ мѣстѣ опять-таки никому неизвѣстномъ, кромѣ родныхъ. Едва объ этомъ извѣстіе дошло до газетъ, какъ цѣлая армія репортеровъ была немедленно командирована всѣми большими газетами, чтобы выслѣдить, описать и иллюстрировать во что бы то ни стало свадебное торжество и поѣздку Кливелепда. Всѣ предосторожности президента и даже заступничество полиціи оказались тщетными предъ назойливостью и ловкостью этихъ ищеекъ. Они выслѣдили и открыли, гдѣ онъ вѣнчался, и затѣмъ слѣдовали за нимъ по пятамъ, когда президентъ съ молодой супругой отправился въ Deer park, нѣсколько разъ, чтобы сбить съ толку преслѣдователей, мѣняя поѣзда и направленіе пути. Ватрозъ, нынѣ „городской редакторъ" „New-York-Press", а тогда репортеръ, весьма картинно описываетъ эту погоню за президентомъ, въ которой онъ участвовалъ. Въ постоянномъ пе-

[1]) „The Making of a Newspaper", стр. 45.

редвиженіи съ мѣста на мѣсто по слѣдамъ Кливеленда ему пришлось тогда въ теченіе двухъ сутокъ ровно ничего не ѣсть и спать за все время только пять часовъ. Одинъ изъ репортеровъ на его глазахъ при этомъ впалъ въ глубокій обморокъ отъ нервнаго истощенія или продолжительнаго голоданія [1])!

Наиболѣе способные и ловкіе изъ репортеровъ принимаютъ обязанность „путешествующихъ корреспондентовъ“ (The Travelling Correspondents) и отправляются куда-либо на болѣе или менѣе продолжительное время съ спеціальной миссіей. Мужество, смѣлость и въ то же время джентльменство многихъ изъ такихъ корреспондентовъ пользуются широкой извѣстностью по всему міру. Достаточно привести для доказательства имена Макъ-Гахана и Арчибальда Форбса, спеціальныхъ корреспондентовъ въ нашихъ войскахъ во время послѣдней турецкой войны,—а первый прославился еще раньше во время нашего хивинскаго похода; оба выносили всѣ трудности военнаго времени и заслужили общее уваженіе за свое мужество и энергію, доставляя прославившимъ ихъ газетамъ превосходныя корреспонденціи. Подобные корреспонденты подвергаютъ свою жизнь опасности самымъ различнымъ способомъ, рискуя ею постоянно. Съ своей стороны, редакціи американскихъ газетъ отличаются почти необычайною въ Европѣ щедростью, открывая своимъ корреспондентамъ неограниченный кредитъ, и лишь при этихъ условіяхъ послѣдніе получаютъ, конечно, возможность успѣшно работать при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Извѣстный анекдотъ, сообщаемый Жюлемъ Верномъ въ его „Michel Strogoff“ объ американскомъ корреспондентѣ, диктовавшемъ по телеграфу библію, оказывается, имѣетъ реальное основаніе и, по утвержденію Мигена, сотрудника „New-York Herald“ (W. I. C. Meighan), этотъ фактъ случился въ дѣйствительности еще при жизни стараго Беннета съ корреспондентомъ, посланнымъ отъ „Herald“’а въ Канаду для описанія тамъ приключеній и путешествія принца Уэльскаго много лѣтъ тому назадъ. Желая захватить въ одномъ городкѣ, гдѣ ожидался пріѣздъ принца и встрѣча его, телеграфную станцію въ свое исключительное распоряженіе и тѣмъ лишить корреспондентовъ прочихъ газетъ возможности сдѣлать первыми сообщеніе, онъ положилъ передъ телеграфистомъ библію и, указывая на первую страницу, сказалъ: „начинайте здѣсь“. На запросъ его старому Беннету, можетъ ли онъ такъ поступать, онъ получилъ лишь лаконическій приказъ: „телеграфируйте хоть цѣлую библію, если

[1]) Тоже, стр. 81.

понадобится!“ Въ дѣйствительности чиновникъ успѣлъ протелеграфировать книгу „Бытія“ на 600 долларовъ, прежде нежели корреспондентъ составилъ и послалъ свою депешу, и такимъ образомъ опередилъ всѣхъ прочихъ корреспондентовъ. Какія лично приходится иногда дѣлать траты подобнымъ корреспондентамъ на счетъ, конечно, редакціи, можно судить по тому, что для наилучшаго выполненія принятыхъ обязанностей, они жертвуютъ прямо тысячами рублей въ день, въ надеждѣ наверстать все новизной и качествомъ полученныхъ свѣденій. Тотъ же Мигенъ, напримѣръ, посланный газетой „Herald“ въ Чикаго во время огромнаго пожара въ 1871 году, истребившаго городъ совершенно, вынужденъ былъ имѣть у своихъ дверей день и ночь для себя осѣдланную лошадь и двухъ всадниковъ—отвозить его депеши, а когда телеграфъ въ Чикаго сдѣлался недоступенъ, то нанималъ экстренный поѣздъ (локомотивъ съ тендеромъ) и отсылалъ депеши въ ближайшій городокъ Кливелендъ, откуда онѣ уже и отправлялись по мѣсту назначенія. Другому корреспонденту „New-York Tribune“—Генди (Handy) пришлось, напримѣръ, исполняя порученіе газеты въ 1873 году по поводу одного столкновенія Соединенныхъ Штатовъ съ испанцами, нанять собственное судно, чтобы слѣдить за дѣйствіями флота, платя его владѣльцу 800 долларовъ въ день, угощать обѣдами адмирала и превратить свою богатую квартиру, нанятую въ лучшей гостинницѣ города, въ клубъ или штабъ-квартиру для всѣхъ офицеровъ американскаго флота на время ихъ пребыванія на берегу! [1])

Въ результатѣ такихъ значительныхъ затратъ американскія газеты получаютъ возможность имѣть новости быстро и по такимъ часто вопросамъ, которые съ умысломъ держатся въ возможной тайнѣ. Всякое лицо, отъ котораго, по мнѣнію репортера, можно узнать что-либо важное въ смыслѣ новости, подвергается интервью самымъ назойливымъ и настойчивымъ образомъ; если данное лицо уклоняется отъ свиданія съ репортеромъ, онъ ожидаетъ его у выхода, старается встрѣтить въ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ и не прочь даже подкупить прислугу. Вообще, репортеръ-интервьюэръ—это большею частью самый безпокойный и непріятный человѣкъ для каждаго лица въ Соединенныхъ Штатахъ, почему-либо имѣвшаго несчастіе привлечь его вниманіе. Зато газеты получаютъ извѣстія, печатаютъ, иллюстрируютъ ихъ съ такой чрезвычайной быстротой, къ которой

[1]) См. „A Magnificent Beat“, by Moses P. Handy, стр. 151 и дальше, а также „The Travelling Correspondent“, by W. I. C. Meigan, стр. 131.

Европа не привыкла. Не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ ввелъ обычай украшать газету рисунками Пулицеръ, нынѣшній владѣлецъ „New-York World“. Первымъ газетнымъ иллюстраторомъ, какъ я слышалъ, въ Америкѣ былъ нашъ художникъ Грибоѣдовъ, донынѣ проживающій тамъ. Нынѣ же всѣ рѣшительно газеты въ Америкѣ чаще или рѣже прибѣгаютъ къ иллюстраціи, сообщая изображенія всѣхъ выдающихся событій дня, начиная съ казни извѣстнаго преступника или какого-либо желѣзно-дорожнаго крушенія, или иной катастрофы, и кончая портретами всѣхъ сколько-либо извѣстныхъ лицъ, занимающихъ публику. Въ одной нью-іоркской нѣмецкой газетѣ я видѣлъ однажды даже портретъ извѣстной въ городѣ гадалки, а рядомъ съ нимъ адресы другихъ гадалокъ и предсказательницъ будущаго въ Нью-Іоркѣ всевозможнаго рода, начиная съ гаданія на картахъ и кофейной гущѣ и кончая якобы съ помощью кабалистики!!

Для характеристики быстроты печатанія новостей въ Америкѣ сообщимъ со словъ Самуэля Мерриля подлинную исторію одной депеши, напечатанную въ цитированной книгѣ Мельвиля Филипса съ сохраненіемъ всѣхъ необходимыхъ документовъ и цифръ. Въ городѣ Ворчестерѣ, въ штатѣ Массачузетсъ, въ одну зимнюю и очень вѣтреную ночь случилось слѣдующее происшествіе. На одной изъ улицъ города въ началѣ второго часа стояла лошадь, запряженная въ городскую телѣгу, для собиранія золы, которую въ Америкѣ обыкновенно выставляютъ для этой цѣли у дверей домовъ. Въ это время шли по улицѣ два китайца, часто встрѣчаемые въ Америкѣ. Сильный вѣтеръ сдулъ большую круглую шляпу съ головы одного изъ сыновъ Небесной Имперіи, и онъ съ крикомъ пустился за ней въ погоню. Лошадь, до тѣхъ поръ мирно дремавшая, пока ея хозяинъ ходилъ за золой, испугалась шляпы, а можетъ быть необычайной фигуры самого китайца съ его длинной косой и широкими развѣвающимися рукавами рубашки, и бросилась скакать во всю прыть, возможную для клячи; единовременно за ней бѣжали испуганный кучеръ и китаецъ, сознавшій свою невольную вину. На крутомъ поворотѣ съ улицы Мэнъ въ улицу Перри, благодаря ли темнотѣ или большому испугу лошади, вмѣсто того, чтобы повернуть направо, она бросилась прямо: внезапно раздался трескъ выбитой оглоблей рамы, затѣмъ звонъ огромнаго зеркальнаго стекла—и лошадь очутилась вмѣстѣ съ телѣжкой въ обширномъ помѣщеніи булочной (она же и кондитерская) нѣкоего Китса (Keith). Когда кучеръ прибѣжалъ вмѣстѣ съ китайцемъ, дѣло уже было сдѣлано, лошадь уже находилась внутри булочной, преспокойно жевала су-

хари, близко находившіеся отъ ея морды, и не показывала ни малѣйшаго желанія удалиться изъ этого помѣщенія. Въ эту же ночь м-ръ Джонсъ, сотрудникъ газеты „Boston Daily Press", возвращался съ поздняго и бурнаго засѣданія городской управы домой, когда знакомый полицейскій сообщилъ ему объ означенномъ происшествіи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста ихъ встрѣчи. Джонсъ немедленно поспѣшилъ въ означенный пунктъ и засталъ лошадь еще на мѣстѣ преступленія, т.-е. въ булочной, а кучера, китайцевъ и еще нѣсколькихъ людей у дверей—въ жаркомъ спорѣ, кто будетъ отвѣчать за происшествіе и какъ вытянуть назадъ изъ окна лошадь. Въ нѣсколько минутъ Джонсъ разспросилъ о происшествіи участниковъ, осмотрѣлъ булочную и въ 1 ч. 35 м. ночи онъ уже бѣжалъ на ближайшую телеграфную станцію; въ 1 ч. 58 м., т.-е. безъ двухъ минутъ 2 часа, онъ написалъ и сдалъ свою депешу телеграфисту; въ 2 ч. 8 м. бостонскій телеграфъ принялъ депешу, въ 2 ч. 12 м. она уже была послана, въ 2 ч. 28 м. доставлена въ бюро газеты, когда вся работа была уже въ разгарѣ, и первыя страницы печатались окончательно. Редакторъ ее исправилъ, а въ 2 ч. 32 м. она была отдана для набора, въ 2 ч. 44 м. наборъ былъ готовъ и вновь исправленъ, а къ 3 ч., когда метранпажъ затребовалъ прибавки матеріала, депеша поступила уже на восьмую страницу. Въ 3 ч. 11 м. былъ уже готовъ стереотипъ и началось печатаніе послѣднихъ страницъ газеты, а къ 4 ч. ночи еще влажная газета запаковывалась въ связки для отправки на почту и станціи желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, прошло лишь $2^1/_2$ часа послѣ происшествія, какъ оно уже было отпечатано и отослано на почту!

Между тѣмъ за все это время, пока происходило описанное событіе, давшее пищу для этой депеши, и она печаталась, м-ръ Китсъ, владѣлецъ потерпѣвшей булочной, провелъ безпокойную ночь, страдая инфлюэнціей, но рѣшительно ничего не зная о происшествіи въ своей булочной: квартира его помѣщалась совсѣмъ въ другомъ домѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ булочной, домашніе же и приказчики, не желая безпокоить больного, скрыли отъ него непріятную исторію и пригласили немедленно стекольщика и другихъ рабочихъ привести все въ порядокъ. Проснувшись въ 7-мъ часу и чувствуя себя лучше, Китсъ приказалъ подать себѣ кофе и свою обычную газету „Boston Daily Press", которую домашніе ему и подали, ничего не подозрѣвая (она была доставлена въ Ворчестеръ желѣзною дорогой въ $6^1/_2$ ч. утра). Во время просмотра газеты глазъ почтеннаго булочника и кондитера невольно остановился на сенсаціонномъ заголовкѣ: „Рас-

продажа поврежденныхъ пирожковъ по дешевой цѣнѣ", и подъ нимъ прочелъ слѣдующее: „Ворчестеръ, февраля 10. Сегодня рано утромъ лошадь, запряженная въ городскую телѣгу для сбора золы, испугалась китайца и бросилась скакать изъ Мэнъ-стритъ въ Перри-стритъ. На углу Перри и Спрюсъ-стритъ лошадь проломила зеркальное стекло булочной и кондитерской Китса и въѣхала въ лавку. Когда кучеръ догналъ наконецъ лошадь, то оказалось, что она уже успѣла истребить 6 дюжинъ сухарей и 5 фунтовъ шоколадной карамели, большой столъ съ пирожками былъ опрокинутъ и погребенъ подъ 8 баррилями золы, которая высыпалась изъ опрокинутой телѣги. Лошади угрожаетъ несваренiе желудка, а впрочемъ никто больше не пострадалъ". Можете вообразить—при чтеніи этого извѣстія, столь быстро опубликованнаго,—чувства бѣднаго м-ра Китса и неудовольствіе его домашнихъ на репортеровъ и газету [1])!

Но времени, въ теченіе котораго описанное приключеніе было напечатано и дошло въ руки читателя, было бы также достаточно, при бо́льшемъ интересѣ и важности сообщаемаго факта, и для того, чтобъ та же исторія появилась на страницахъ газеты предъ удивленными глазами г. Китса въ иллюстрированномъ видѣ, въ формѣ нѣсколькихъ рисунковъ. Въ настоящее время во многихъ редакціяхъ американскихъ газетъ для ускоренія быстроты всего дѣла заведены наборныя, такъ называемыя линотипныя машины, которыя набираютъ текстъ механически со скоростью хорошаго письма; здѣсь же имѣется всегда фотографія, цинкографія и нѣсколько телефоновъ. Корреспондентъ сообщаетъ извѣстія съ мѣста происшествія въ телефонъ, при чемъ рабочій по слуху набираетъ его на машинѣ съ быстротой письма, а художникъ, тоже часто по слуху, набрасываетъ рисунокъ, который сначала поступаетъ въ фотографію, затѣмъ быстро проходитъ всѣ остальныя стадіи производства, и въ два часа рисунокъ уже готовъ и поступаетъ въ руки метранпажа для печатанія. Въ случаѣ надобности, даже этотъ срокъ работы можетъ быть сокращенъ, и черезъ пять часовъ послѣ происшествія извѣстное событіе появляется въ газетахъ не только записанное, но и нарисованное.

Въ этой горячечной быстротѣ, съ которой въ Америкѣ производятся ловля и сообщеніе новостей въ газетахъ, вполнѣ естественно, силы всего рабочаго персонала, конечно, должны быть скоро истощены: истинный газетный работникъ не знаетъ ни

[1]) The History of a News Despatch, by Samuel Merrill. „The Making of a Newspaper", стр. 91 и другія.

праздниковъ, ни устали; онъ долженъ работать всегда, когда этого требуетъ интересъ газеты; воскресный отдыхъ даже въ пуританскихъ штатахъ новой Англіи соблюдается для газетъ очень плохо, уже по особенному свойству ихъ ежедневнаго выпуска. Послѣ этого слѣдовало бы ждать, что профессія журналиста, газетчика въ Америкѣ должна оплачиваться, при тамошней большой заработной платѣ, особенно высоко и вообще являться привлекательной и почетной. Всѣ данныя, однако, которыя имѣются въ нашихъ рукахъ, говорятъ сильно противъ этого предположенія. Газетный трудъ въ Америкѣ, правда, вознаграждается недурно, но, во-первыхъ, далеко ниже, чѣмъ многія иныя такъ называемыя либеральныя профессіи, а жизнь газетнаго работника связана съ столь значительными и разнообразными невыгодами, что въ концѣ концовъ профессія американскаго журналиста является крайне незавидной. Занятіе это представляется заманчивымъ лишь на первыхъ шагахъ, такъ какъ при извѣстной ловкости даетъ возможность заработывать молодому человѣку сразу въ первый же годъ отъ 500 до 700 долларовъ; при нѣкоторомъ умѣніи и усердіи на второй годъ эта цифра можетъ удвоиться, а на третій дойти до своего апогея для большинства американскихъ журналистовъ— 3.000 дол., что для Америки очень немного. По словамъ столь опытнаго наблюдателя, какъ президентъ нью-іоркскаго клуба печати Келлеръ, журнализмъ является существенно занятіемъ для молодыхъ людей; они бросаются въ него сотнями, остаются же въ немъ лишь десятками; 90 процентовъ изъ этихъ лицъ покидаютъ журнализмъ раньше, къ счастью, чѣмъ сдѣлались стары, такъ что въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности, по словамъ Келлера, онъ встрѣтилъ лишь одного газетнаго писателя старше 50 лѣтъ, большинство же ихъ моложе 35 лѣтъ. Благодаря напряженной дѣятельности и неправильной въ гигіеническомъ отношеніи постановкѣ всей жизни, смертность между газетными рабочими весьма сильная и многіе изъ нихъ умираютъ сравнительно юными. „Что же ожидаетъ журналиста подъ старость?“ спрашиваетъ Келлеръ. При особенномъ счастьѣ газетный работникъ можетъ сдѣлаться редакторомъ и получать отъ 3 до 5 тысячъ долларовъ; еще отдаленнѣе возможность сдѣлаться завѣдующимъ редакціей и получать бо́льшую цифру жалованія. Въ Нью-Іоркѣ насчитывается, по словамъ Келлера, на 10 большихъ ежедневныхъ газетъ 5.000 газетныхъ литераторовъ; изъ нихъ только двое получаютъ по 15 тыс. дол. и четверо—по 10 тыс. дол. Такимъ образомъ, огромное большинство литераторовъ, за этими немногими исключеніями, въ своемъ невѣрномъ и необезпечен-

номъ трудѣ перебиваются, — утверждаетъ Келлеръ, — со дня на день, и если не успѣли кое-что сберечь или застраховать себя своевременно, или еще лучше—совсѣмъ уйти изъ журналистики, то ихъ ждетъ подъ старость одно попрошайничество, нищенство, подачки благотворительнаго литературнаго общества и, наконецъ, похороны въ могилѣ для бѣдныхъ на общественный счетъ! [1])

Но кромѣ того газетная работа сопряжена и съ другими большими невыгодами. Прежде всего работа эта безлична, такъ какъ статьи постоянныхъ сотрудниковъ, какъ правило, не подписываются, ихъ рѣшительно никто не знаетъ, кромѣ состава редакціи. Бывали случаи,—говоритъ Келлеръ, — когда статьи извѣстнаго сотрудника доставляли газетѣ распространеніе, а между тѣмъ даже владѣлецъ газеты не знаетъ его имени, если только самъ лично не участвуетъ въ ней. Онъ можетъ даже всю жизнь трудиться въ газетѣ, а его работа утонетъ въ морѣ газетнаго матеріала, и никакой извѣстности дальше редакціи его имя не получитъ. Между тѣмъ его участь въ высшей степени необезпечена и находится вполнѣ въ зависимости отъ хозяина газеты; онъ всегда можетъ быть разсчитанъ и выброшенъ вонъ изъ редакціи. Журнализмъ есть одинъ изъ немногихъ видовъ труда въ Америкѣ, который до сихъ поръ не сложился въ рабочій союзъ или Trades Union для защиты себя отъ произвола капитала. Поэтому журналистъ въ Америкѣ терпитъ часто самое унизительное положеніе, исполняетъ самыя неблаговидныя порученія, чтобъ не потерять только кусокъ хлѣба. Ему нерѣдко, напримѣръ, по словамъ Келлера, приходится соблазнять и подкупать прислугу, чтобы отъ нея выпытать секреты господъ или добиться свиданія съ ними, или принимать роль, какъ мы приводили раньше, прямо сыщика. Съ другой стороны, вращаясь часто между людьми выше себя по общественному положенію, газетный репортеръ въ то же время долженъ тянуться часто за ними въ тратахъ, не имѣя соотвѣтственныхъ средствъ и не пользуясь ихъ уваженіемъ.

Насколько въ Америкѣ въ дѣйствительности даже презираютъ репортеровъ и въ какомъ иногда унизительномъ положеніи приходится быть образованному человѣку этой профессіи, доказательствомъ можетъ служить истинное происшествіе, передаваемое тѣмъ же писателемъ. Личный другъ главнаго редактора

[1]) Journalism as a Career, by J. W. Keller. „The Forum“, August, 1893., стр. 692 и 693.

одной газеты, вѣроятно, крупный капиталистъ, далъ парадный обѣдъ и, желая, чтобы пиршество съ его рѣчами было описано въ газетѣ, просилъ редактора прислать къ нему репортера. Репортеръ явился передъ обѣдомъ, но хозяинъ не нашелъ возможнымъ посадить его не только за своимъ столомъ, но даже оставить въ одной комнатѣ съ обѣдающими, а помѣстилъ въ небольшой чуланъ, прилегающій къ столовой, гдѣ хранилось серебро и откуда репортеръ могъ все слышать и частью даже видѣть. Хозяйка дома, которая пришла въ столовую позже, увидавши въ чуланѣ незнакомаго человѣка, начала рѣшительно протестовать противъ его тамъ присутствія. Мужъ объяснилъ ей, что этотъ журналистъ присланъ по его личной просьбѣ и для какой цѣли. Весь обмѣнъ мыслей, конечно, происходилъ въ присутствіи репортера. Затѣмъ хозяйка, повидимому, не удовлетворенная объясненіемъ, вошла сама въ чуланъ и, подозрительно оглядывая несчастнаго журналиста, тщательно собрала серебряныя ложки и все цѣнное въ чуланѣ унесла съ собой, увѣрившись, очевидно, что украсть больше нечего [1])!.. Понятенъ изъ этого разсказа смыслъ мнѣнія другого американскаго журналиста—Чамберса. „Если,—говоритъ онъ,—журнализмъ является въ Америкѣ привлекательнымъ занятіемъ для молодого человѣка, то онъ оказывается въ то же время и наименѣе удовлетворительнымъ по своимъ конечнымъ результатамъ“ [2]). Нравственному достоинству человѣка здѣсь предстоитъ большое испытаніе, почему такое значительное число, какъ было указано выше, журнальныхъ работниковъ въ Америкѣ (90%) и старается покинуть заблаговременно газетный трудъ при первой возможности, чтобы промѣнять его на болѣе спокойное и уважаемое въ обществѣ занятіе.

Мы кончили нашъ очеркъ положенія американской ежедневной прессы, для котораго пользовались какъ мнѣніями самихъ американскихъ журналистовъ, такъ отчасти и личными наблюденіями во время нашего трехмѣсячнаго пребыванія въ Америкѣ. Мы старались съ возможной объективностью указать всѣ хорошія какъ и слабыя стороны американскихъ газетъ, насколько онѣ намъ извѣстны, и въ настоящее время, подводя заключительный итогъ всему до сихъ поръ сказанному или общему нашему впе-

---

[1]) Journalism as a Career, by J. W. Keller. „The Forum“. August, 1893, стр. 697.

[2]) The Managing Editor, by Julius Chambers. „The Making of a Newspaper“, стр. 57.

чатлѣнію, желаемъ высказать его нѣсколько иносказательно, путемъ нижеслѣдующей аналогіи.

Намъ пришлось въ теченіе жизни не одинъ разъ наслаждаться живописными видами à vol d'oiseau различныхъ большихъ городовъ въ Европѣ: мы видѣли, не говоря о Москвѣ съ Ивана Великаго, Вѣну—со Стефана и Каленберга, Римъ—съ Monte Pincio, Парижъ—съ Nôtre-Dame и Эйфелевой башни, Лондонъ—съ вершины Павла и съ холмовъ Гринвича, но ни одинъ изъ этихъ видовъ не можетъ сравниться по красотѣ и привлекательности съ дивной панорамой, которая разстилается передъ глазами съ высоты знаменитаго Бруклинскаго моста въ Нью-Іоркѣ. Какъ извѣстно, этотъ мостъ соединяетъ Нью-Іоркъ съ Бруклиномъ и лежитъ на высотѣ 135 фут. надъ поверхностью Истъ-Риверъ, при ея соединеніи съ обширной нью-іоркской гаванью. Онъ весь держится, безъ всякихъ быковъ по срединѣ, на стальныхъ канатахъ, прикрѣпленныхъ къ башнямъ на берегу и кажется издали сдѣланнымъ какъ бы изъ паутины или кружева. Съ середины его, вслѣдствіе такой системы постройки, открывается совершенно свободный кругозоръ на всѣ четыре стороны. Впереди—огромная нью-іоркская гавань съ тысячами двигающихся судовъ во всевозможныхъ направленіяхъ и всякаго рода и цвѣта; въ отдаленіи виднѣются скалы и холмы ея противоположнаго берега; налѣво выдается на островкѣ грандіозная статуя Свободы съ высоко поднятой рукой; а далѣе лежитъ узкій входъ изъ океана въ гавань (The Narrows), нѣсколько красивыхъ островковъ и Бруклинъ съ цѣлымъ моремъ красныхъ крышъ, а сзади него зеленѣетъ на пригоркѣ обширное и необыкновенно изящно расположенное Гринвудское кладбище. На правой сторонѣ взгляду представляются крайне разнообразныя и величавыя зданія самого Нью-Іорка; обратно съ казарменнымъ типомъ большинства лондонскихъ и парижскихъ построекъ, портящихъ впечатлѣніе своимъ однообразіемъ, въ Нью-Іоркѣ каждое зданіе имѣетъ свою физіономію и, какъ кажется съ Бруклинскаго моста, старается перегнать своего сосѣда высотой и превзойти особенностью своихъ очертаній. Башни, церковныя колокольни, необычные въ Европѣ цвѣтные куполы нѣкоторыхъ домовъ—составляютъ вмѣстѣ пеструю и крайне оригинальную картину.

Вы любуетесь пейзажемъ всего лишь нѣсколько минутъ, какъ вашъ взглядъ уже останавливается невольно на надписи, сдѣланной колоссальными буквами на крышѣ какого-то десятиэтажнаго великана: „Castoria, castoria, children cry for it!“ Вы непріятно поражены этой рекламой и переводите взглядъ на другое мѣсто,

но и тамъ почти немедленно встрѣчаетесь съ той же самой дикой надписью, повторенной на стѣнѣ огромнаго дома. Вы переносите вашъ взглядъ на нѣсколько сотъ саженъ по горизонту дальше и опять читаете: „Castoria, children cry for it!“ Тогда вы уже съ досадой отворачиваетесь отъ Нью-Іорка лицомъ къ Бруклину, но и тутъ первыми вмѣсто пейзажа видите высоко надъ крышей одного дома тѣ же знакомыя слова! Вы становитесь спиной къ нью-іоркской гавани по направленію къ Истъ-Риверъ, но это не помогаетъ, и та же реклама рѣжетъ вамъ глазъ! Однимъ словомъ, куда бы вы ни обратились, „Castoria“ васъ преслѣдуетъ повсюду, наслажденіе чуднымъ зрѣлищемъ для васъ уже пропадаетъ, а все вниманіе привлекается, противъ воли, этой пошлой надписью. Сначала вы, быть можетъ, улыбаетесь ея безсмысленности, но позднѣе вы уже негодуете на безстыдство этой рекламы, увѣряющей, будто дѣти могутъ просить или молить о такомъ отвратительномъ на вкусъ лекарствѣ! Въ концѣ концовъ ваша живописная прогулка по мосту и прелестный пейзажъ совсѣмъ испорчены, и вы съ самымъ непріятнымъ воспоминаніемъ объ американско-аптекарскомъ остроуміи покидаете Бруклинскій мостъ, чтобы не возвращаться на него никогда болѣе!

Однородное впечатлѣніе испытываетъ иностранецъ и отъ знакомства съ американскими газетами. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ имѣютъ многія свои хорошія стороны, но ложь рекламы и сенсаціи, играющей въ нихъ столь видную роль, одинаково съ приключеніемъ на Бруклинскомъ мосту, ослабляетъ значеніе этихъ достоинствъ, невольно оставляя въ памяти лишь непріятное воспоминаніе.

Иванъ Янжулъ.

Москва, дек 1893 г.

ПЕРЕВАЛЪ

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIX *).

Вокругъ одноэтажнаго дома въ усадьбѣ тихо завывала метель. Она крутила по пригорку, сметала снѣгъ съ его боковъ и наваливала сугробы на террасу, такую же бѣлую по окраскѣ, какъ и снѣгъ.

Сзади надвигался на усадьбу съ ея небольшимъ садомъ — внизъ по пригорку — синій боръ, мерцающій сквозь снѣжную погоду.

Изъ трехъ большихъ оконъ, съ закрытыми ставнями, проходили, сквозь скважины досокъ, тонкія полоски свѣта.

Это была тѣсноватая гостиная, занимавшая весь фасадъ по террасѣ.

Беззвучными шагами ходила по засвѣжѣвшей комнатѣ, съ голыми оштукатуренными стѣнами, — освѣщенной одной лампой — молодая женщина, въ темномъ домашнемъ платьѣ, съ пелериной, обшитой мѣхомъ; голову ея окутывала кружевная косынка; это была хозяйка усадьбы и окрестнаго участка земли—Лидія Павловна Радина, пріятельница Лыжина.

Изъ-подъ чернаго кружева выглядывали глубоко-посаженные, огромные глаза,—то блестящіе, съ длиннымъ и ровнымъ блескомъ, то совсѣмъ потухающіе, обведенные темными вѣками. Худое лицо,

*) См. выше: январь, стр. 45.

съ мелкими нервными чертами—продолговатое и чрезвычайно тонкое по очертаніямъ своего овала и лба—блѣднѣло въ складкахъ кружева. Ротъ утратилъ свѣжесть и былъ сжатъ.

Ходила она медленно, какъ бы съ усиліемъ переступая,—съ руками, заложенными за талью, гибкую и еще стройную. Ноги—въ изящныхъ туфляхъ—были маленькія и съ высокимъ подъемомъ.

Она прислушивалась къ гулу метели, подходила къ двери балкона и сквозь щели ставень смотрѣла въ темную снѣжную ночь. Во всемъ домѣ чувствовалась жуткая тишина. Шелъ шестой часъ вечера.

Гостиная стояла съ голыми стѣнами, безъ портретовъ и занавѣсей, съ однѣми ставнями. И тѣмъ рѣзче выдѣлялась остальная обстановка: коверъ, мебель, піанино, множество вещей, покрывавшихъ круглый столъ, гдѣ горѣла лампа, этажерка и письменное дамское бюро, приставленное къ одному изъ оконъ.

По всей гостиной, въ углахъ и за диваномъ, зеленѣли лучистые и лапчатые листы большихъ латаній и фикусовъ.

Всѣ эти портреты, статуэтки, альбомы привезены были изъ далёка, изъ того далёка, куда уже не тянетъ больше эту дѣвушку, еще не совсѣмъ отцвѣвшую, но уже съ налетомъ сѣдины на когда-то роскошныхъ черныхъ волосахъ: они порѣдѣли послѣ тифа, бывшаго съ ней два года назадъ.

Въ домѣ всего пять комнатъ: спальня хозяйки, рядомъ съ гостиной, комнаты для гостей и для прислуги—и кухня. Широкій коридоръ раздѣляетъ его на двѣ половины — съ переднимъ и заднимъ крыльцомъ.

Ея горничная—Евгенія—пожилая дѣвушка, ѣздившая съ ней часто за границу—безмолвно сидитъ у себя въ комнатѣ и читаетъ. Она большая грамотейка и любительница газетъ. Готовитъ ходитъ „женщина", Настасья—жена садовника и кучера Финогена, единственнаго мужчины во всемъ хозяйствѣ. При немъ состояло цѣлыхъ пять псовъ: двѣ овчарки, одна лягавая и двѣ шавки.

Иногда, по ночамъ, они начинали выть на яркую луну или безпокойно заливаться лаемъ, зачуя волковъ.

Если зима будетъ сурова—появятся и волки около самаго дома. Въ прошломъ году они заходили на террасу.

Прислушиваясь къ метели, Ида вспоминала, какъ прошлой зимой—въ январѣ—она зачиталась, сидя у стола. И вдругъ слышитъ какое-то гудѣніе. Она подумала сначала, что это вѣтеръ. Но звукъ сдѣлался яснѣе и рѣзче. Онъ былъ похожъ на отдаленный паровой свистокъ.

Это ее такъ заинтересовало, что она подошла къ окну и—какъ всегда это дѣлала—приложилась лицомъ къ стеклу, чтобы глядѣть сквозь щель въ ставнѣ. Ночь стояла облачная.

Сначала пара, потомъ двѣ пары угольковъ мелькнули передъ ней—и послышались быстрые и мягкіе прыжки по снѣгу.

Волкъ съ волчицей забѣжали на террасу.

И тотчасъ же пошелъ лай всѣхъ пяти собакъ, не грозный, а раздраженно страстный и прерывистый. Онѣ зачуяли опасность и не выбѣжали за ограду.

Вотъ и сегодня—она не удивилась бы, еслибъ музыка метели перешла внезапно въ волчій вой, похожій на гулъ парового свистка.

Она привыкла къ своему почти полному одиночеству—особенно по вечерамъ. Сколько такихъ вечеровъ протекло въ прошлую зиму!

Кококольчику она не бывала рада послѣ сумерекъ—и слѣдила за нимъ всегда съ недовольнымъ чувствомъ. Еле выносила она „дамскіе“ разговоры о помѣщикахъ—и съ сосѣдями почти не зналась, кромѣ двухъ-трехъ ближайшихъ усадьбъ. Бесѣда мужчинъ была ей менѣе тяжка; да и то если они говорили про деревенскія дѣла.

Народъ начиналъ вызывать въ ней жалость и даже любопытство; всего больше дѣти.

Не нужно было никакихъ подговариваній со стороны земскаго начальства, чтобы мысль построить школу—въ верстѣ отъ себя, на шоссе, между тремя деревнями—возникла въ ней. Цѣлый годъ она этимъ занималась, обдумывала планъ, рубила лѣсъ, покупала кирпичъ, ходила все лѣто и осень, пѣшкомъ, на постройку. Изъ-за нѣкоторыхъ формальностей и выбора учительницы открытіе запоздало на два мѣсяца. Но желающихъ наберется, кажется, болѣе ста человѣкъ,—мальчиковъ вдвое больше, чѣмъ дѣвочекъ. Надо будетъ имѣть въ будущемъ двухъ учительницъ. Въ мезонинѣ найдутся двѣ спальни и общая столовая.

Рекомендованная ей изъ Москвы учительница Суревичъ понравилась ей. Завтра она должна придти сюда—приготовлять съ ней и горничной Женей подарки всѣмъ дѣтямъ: сто картузовъ съ лакомствами. Они ихъ разставятъ въ кухнѣ.

Отъ пріятеля своего Лыжина Ида ждала депеши. Сегодня, рано утромъ, Финогенъ поѣхалъ въ Москву и долженъ былъ, кромѣ закупки провизіи и винъ для завтрака, узнать—когда Юрій Петровичъ будетъ и гдѣ остановится. Она писала ему:

„Мы съ вами такіе ужъ старые, что, право, вы можете остаться переночевать у меня, если мы заговоримся и вы попадете ко мнѣ поздно. Постель будетъ лучше, чѣмъ въ ужасной гостинницѣ нашего уѣзднаго города“.

До ея тонкаго слуха долеталъ малѣйшій звукъ. Ей послышалось что-то въ концѣ коридора.

Ида вышла въ него и окликнула горничную:

— Женя! Пришелъ кто-нибудь?..

Въ родномъ языкѣ у нея былъ трудно уловимый, но несомнѣнный акцентъ—полу-французскій, полу-англійскій, усвоенный съ дѣтства, проведеннаго исключительно за границей. Голосъ звучалъ утомленно. На букву „р“ она слегка картавила — и по-русски, и на другихъ языкахъ...

Изъ темной глубины коридора раздался въ отвѣтъ мужской голосъ:

— Это я, Лидія Павловна.

— Вы, Финогенъ?

— Такъ точно.

— Все привезли? Подите сюда.

Финогенъ, еще покрытый снѣгомъ, въ высокихъ бѣлыхъ валенкахъ и полушубкѣ, отряхивался и обтиралъ ноги о половикъ. Вышла изъ своей комнаты и Евгенія и замѣтила ему:

— Какъ васъ засыпало, Финогенъ Авдѣичъ!

— Погода!—нѣвуче проговорилъ Финогенъ и, отряхнувшись, какъ слѣдуетъ, прошелъ къ дверямъ гостиной, гдѣ Лидія Павловна приняла отъ него докладъ о поѣздкѣ въ городъ.

Коренастый, съ огромной русой бородой и вздернутымъ носомъ, Финогенъ смотрѣлъ подгороднимъ дворникомъ или прасоломъ, былъ очень рѣчистъ, и всѣхъ господъ, разговорившись съ ними, называлъ всегда „милостивый государь“.

Онъ подалъ барынѣ, кромѣ счета, еще нѣсколько нумеровъ газетъ, письмо и телеграмму.

— Позвольте вамъ доложить, сударыня: Юрія Петровича я не засталъ. Они уѣхали.

— Куда?

— Да, должно полагать, сюды... Не отъ нихъ ли и депеша?

Она была дѣйствительно отъ Лыжина и отправлена утромъ. Въ ней онъ извѣщалъ, что можетъ попасть къ Идѣ сегодня, если его не задержатъ въ уѣздномъ городѣ до поздняго вечера.

— Ah! mon Dieu!—полу-громко вскрикнула Ида, по привычкѣ—про себя думать и говорить по-французски.

И тотчасъ же она распорядилась, чтобы Евгенія приготовила комнату для Юрія Петровича, а Финогенъ подмететъ парадный подъѣздъ—и ворота не запирать до десяти часовъ. Его жена, Настасья, должна придти и быть на-готовѣ—что-нибудь приготовить горячее—къ чаю.

Туалета своего Лидія Павловна не разсудила мѣнять.

Ожиданіе Лыжина очень оживило ее.

XX.

Самоваръ весело мурлыкалъ. Они сидѣли за столомъ другъ противъ друга.

Ида угощала Лыжина, извиняясь за стряпню Настасьи. Лыжинъ находилъ все превосходнымъ и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ—ему не удалось пообѣдать ни на станціи, ни въ уѣздномъ городѣ.

Разговоръ ихъ шелъ на половину по-русски, на половину по-французски. Больше полугода они не видались. Онъ нашелъ, что Ида немного поправилась въ лицѣ, и еслибъ не замѣтная сѣдина на вискахъ, то—скорѣе помолодѣла, чѣмъ постарѣла.

И она похвалила его бодрый видъ, сказала—когда Лыжинъ вылѣзъ изъ своего ергака, засыпаннаго снѣгомъ—что онъ сталъ интереснѣе.

Ночевать онъ не могъ у нея остаться сегодня, потому что долженъ былъ, завтра утромъ, очень рано встать; а изъ города ему было ближе къ его имѣнію—на нѣсколько верстъ ближе.

— Вотъ завтра, канунъ вашего праздника—открытія школы—я проведу у васъ, пріѣду подъ вечеръ и останусь ночевать.

Они пошутили и насчетъ того, что Ида писала ему о неловкости холостому проводить ночь въ домѣ дѣвушки, гдѣ не было никого больше: ни дѣтей, ни гувернантки, ни старой родственницы.

— Меня никто здѣсь не считаетъ барышней,—сказала ему Ида, когда они уже сидѣли за самоваромъ, и улыбнулась своей грустной улыбкой, немного вкось.

Говорила она это совсѣмъ просто, безъ ироніи, горечи или задора. Лыжинъ зналъ, что она—„не барышня“, что ея молодость ушла на потребность быть любимой, на исканіе беззавѣтнаго чувства.

Иду онъ сравнивалъ съ собою. Онъ—банкрутъ принциповъ и теоретическихъ программъ жизни; она—банкрутъ любви и жертва

мужской „пакости“ — какъ выражался онъ, не въ разговорахъ съ нею, а про себя.

Они подружились въ промежутокъ между двумя полосами ея женской судьбы, когда она была впервые выбита изъ колеи. Ранняя свобода сироты, воспитанной въ англійскихъ привычкахъ, отдала ее въ руки увлекательнаго „просвѣтителя“ женщинъ. Тогда она не знала, что̀ такое—не вѣрить кому-нибудь, если какое-нибудь человѣческое существо даетъ вамъ слово, или говоритъ: „это такъ“. Ея англійскія подруги не умѣли лгать и не понимали, какъ можно не сдержать слова. А онъ былъ русскій баринъ, „могучая“ натура, большой актеръ, даже и въ тѣ минуты, когда страсть увлекала его. Ему *казалось*, что онъ свободенъ, что онъ можетъ назвать ее женой. Но онъ *былъ* женатъ, онъ презрѣнно лгалъ, даже и тогда, когда признался въ томъ, что женатъ, и клялся, что добьется развода. Она скоро помирилась съ своей долей, не требовала законнаго брака, переносила тяжесть своего положенія—только бы ее любили и не лгали ей. Но ее бросили черезъ два года, и бросили постыдно, нахально; а раньше, чуть не съ четвертаго мѣсяца связи, она испытала, что̀ такое мужчина — развратный, игрокъ, способный въ пьяномъ видѣ быть грубымъ, циническимъ, доходить до полнаго скотства. Она и это выносила изъ-за „миража любви“ — по собственному ея выраженію.

Отрезвленіе ея казалось глубокимъ въ ту пору, когда Лыжинъ подружился съ нею. Оба были свободны; она съ разбитымъ сердцемъ, онъ—съ сердцемъ, не знавшимъ страсти, отданнымъ только исканію правды и пути въ жизни. Они могли бы полюбить другъ друга — и дальше дружбы не пошли. Какая-то неизгладимая и неуловимая черта залегла между ними. Въ сердцѣ Иды—на днѣ его—была капля любовнаго яда, и Лыжинъ чуялъ, что онъ ее не вылечитъ. На женщину онъ не могъ тогда отдать всей своей души, даже и на такую привлекательную — съ изящной внѣшностью, языкомъ, тономъ, съ глубокимъ обаяніемъ женственности, какой въ русскомъ обществѣ онъ рѣшительно не встрѣчалъ.

Друзьями имъ легко было сдѣлаться. У нихъ почти сразу установилась большая простота и смѣлость пріятельской бесѣды— и при личныхъ встрѣчахъ, и на перепискѣ. Ида ничего не скрывала въ своей интимной жизни — не скрывала и не прикрывалась; всегда у нея найдется настоящее слово и вѣрное опредѣленіе.

Познакомились они за границей, откуда Лыжинъ вскорѣ

уѣхалъ. Онъ тогда звалъ ее въ Россію, въ деревню — вотъ въ эту самую мѣстность,—сулилъ ей врачеваніе ея сердечной раны, если она уйдетъ въ какое-нибудь общее дѣло.

Ида—въ то время—была еще слишкомъ мало русская. Ее тянула къ себѣ заграничная жизнь. Она еще не высвободилась изъ-подъ ея авторитета... И года черезъ три опять проснулась въ ней жажда *настоящаго* чувства, ея вѣра въ то, что есть же на землѣ мужчины, способные любить безъ лжи и грязи.

Два года длился новый миражъ—и пробужденіе совсѣмъ ее пришибло. На этотъ разъ просвѣтитель былъ уже не русскій породистый хищникъ, безшабашный и жалкій въ своей дрянности, а европеецъ высшей пробы, парижанинъ, извѣстный писатель—„un aimeur“, какъ называлъ онъ самъ себя, настоящій спеціалистъ по женщинѣ и любви. Тотъ велъ свои кампаніи упорно, съ особеннымъ искусствомъ, могъ—цѣлыми годами—носить личину, только затѣмъ, чтобы—подобно классическому Донъ-Жуану—испытать, хоть на мгновеніе, „un nouveau frisson“. И вотъ этого-то „frisson“ онъ, должно быть, и не испыталъ, когда страждущая и обреченная на обманъ женщина предалась ему и тѣломъ, и душой.

Съ тѣхъ поръ пріятельница Лыжина заживо похоронила себя, пріѣхала сюда, выстроила себѣ домикъ и заперлась въ немъ. Народа она раньше не знала и не льнула къ нему, и вдругъ—по своей волѣ—надумала выстроить школу и обезпечить ея содержаніе.

Лыжинъ былъ бы глубоко обрадованъ такимъ „починомъ“, будь это еще въ прошломъ году; теперь же онъ не могъ хвалить ее безъ оговорокъ; а оговорокъ не хотѣлъ дѣлать. Онъ увидалъ во всемъ этомъ признакъ неизбѣжной скуки и радъ былъ *за нее* гораздо больше, чѣмъ за самое дѣло.

— Продаете землю?—тихо спросила Ида, послѣ того, какъ они перешли изъ столовой въ гостиную.

— Вамъ жаль изъ-за меня?

— Жаль... Вы могли бы поселиться здѣсь.

Ида заговорила объ этомъ по-русски. И вообще Лыжинъ нашелъ въ этотъ пріѣздъ, что она значительно „пообрусѣла“.

Ему бы слѣдовало излиться передъ ней—почему онъ хочетъ продать имѣніе — и ему стало не то что стыдно, а какъ бы „тошно“—перебирать все одно и то же. Въ началѣ ихъ разговора онъ ей сказалъ полушутя, полусерьезно, что дѣлается простымъ обывателемъ-буржуа, думаетъ устроиться въ Москвѣ и жить безъ всякихъ затѣй. Она его не разспрашивала и не возражала.

У нея было драгоцѣнное свойство — не мѣшать вопросами, не вынуждать откровенности и самой говорить о себѣ тогда только, когда это ведетъ къ еще большему сближенію, когда это—новое доказательство дружбы и довѣрія.

За чаемъ Лыжинъ сказалъ ей, что пригласилъ на открытіе школы Кострицына, съ которымъ пріѣхалъ дѣлать осмотръ имѣнія. Ей надо было позвать на завтра нѣсколько мѣстныхъ „gros bonnets", въ томъ числѣ и ближайшую свою сосѣдку — старуху Козлишеву, жившую въ усадьбѣ съ лѣта.

— Vous verrez,—весело сказала Ида:—un vrai type!

Ида узнала отъ него и про то, кому онъ продаетъ имѣніе, и разговоръ перешелъ, въ гостиной, на Нину Кумачеву—ея знакомую, еще за границей, когда та была еще подросткомъ, незадолго до смерти ея матери.

— Смотрите,—заговорила она тихо въ шутливомъ тонѣ:—не увлекитесь ею.—И прибавила по-французски: — Elle est très suggestive.

Лыжинъ повторилъ это слово и покачалъ головой.

— А развѣ нѣтъ?—спросила Ида.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—что у нея, какъ народъ говоритъ, не душа, а паръ.

— Да, она—fin de siècle!

— О, да!—вырвалось у Лыжина.

Онъ протянулъ къ ней обѣ руки.

— Мы съ вами—инвалиды,—выговорилъ онъ грустно и медленно.

— Инвалиды,—повторила Ида.

— Обломки крушенія... У васъ—любовь, у меня... скитанья и поиски чего-то.

— Вы—мужчина... Мужчина никогда не можетъ сказать, что жизнь его кончена,—твердо и спокойно вымолвила она.

— А женщина?.. Она въ другое ударится. Сердце въ васъ только замираетъ... временно... И проснется.

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Она вырвала свои руки и провела ими по глазамъ.

— Нѣтъ, Лыжинъ! Вотъ здѣсь я хочу прожить всю свою жизнь. Здѣ нечѣмъ уже любить. Мужчина для нея больше не существуетъ. И мнѣ хорошо, увѣряю васъ... Лучше не надо.

— И туда не тянетъ?

— Куда? За границу? О! Нѣтъ!—воскликнула она иностраннымъ звукомъ.—Мнѣ тамъ противно. Кажется, я кончу тѣмъ, что полюблю...

Она остановилась.

— Народъ?—подсказалъ онъ.

— Да... Это что-то совсѣмъ для меня новое... И своя жизнь кажется теперь... чѣмъ-то въ родѣ сна... Какъ-то стыдно думать о себѣ.

— Вотъ какъ! Ужъ не начитались ли книжекъ?

— Du Tolstoï?—шутливо спросила она.—Oh, non! Я не мистикъ—вы знаете. И потомъ одиночество—такая чудная вещь!

— Не думаете въ монастырь пойти?

— Puisque je ne suis nullement mystique... А когда я сильно захочу говорить съ другомъ—у меня есть вы... у меня есть Елена.

Она назвала имя ихъ общей пріятельницы—Елены Константиновны Акридиной. Лыжинъ вспомнилъ, что Кумачевой она приходится теткой. Ему захотѣлось разспросить о ней—скоро ли она будетъ сюда.

Въ дверяхъ гостиной послышался кашель Финогена. Онъ пришелъ доложить, что лошадей покормили и ямщикъ подалъ тройку къ парадному.

Надо было проститься—до завтра, до вечера.

XXI.

Ровно черезъ сутки, въ чистой и ярко освѣщенной кухнѣ шло приготовленіе подарковъ дѣтямъ, на открытіе школы.

Лыжинъ пріѣхалъ къ позднему обѣду, и теперь пришелъ помогать женщинамъ уставлять на полу бумажные картузы съ гостинцами.

Кромѣ Настасьи—огромнаго роста бабы, въ сапогахъ и суконномъ кафтанѣ—и Евгеніи, имѣвшей видъ засохшей сидѣлки, въ коричневомъ платьѣ съ пелериной,—Лидіи Павловнѣ помогали еще учительница и дочь ея арендаторши. Суревичъ была ростомъ ниже средняго, съ худощавой грудью. Мужественное, доброе лицо, довольно полное—давно потеряло румянецъ. На ней опрятно сидѣло черное люстриновое платье, и свѣтло-русую косу она завертывала на затылкѣ въ плотный узелъ. Дочь арендаторши, пріятельницы Лыжина—вдова мѣщанина Анисья Прохоровна Козѣхина—станомъ своимъ выслалась надо всѣми остальными женщинами, кромѣ Настасьи: съ могучей грудью, бѣлая лицомъ, брюнетка, въ цвѣтномъ шерстяномъ платьѣ, хорошо и по модному сшитомъ. Ея большіе, продолговатые глаза искрились, пряди во-

лосъ лоснились на вискахъ. Надъ верхней губой пробивался пушокъ. Довольно крупный носъ шелъ къ ея лицу народнаго склада.

Она оказалась самой ловкой и проворной въ сортировкѣ лакомствъ и укладываніи ихъ въ бумажные картузы.

Лыжинъ, стоявшій, въ эту минуту, безъ дѣла, около двери, залюбовался на нее.

— Анисья Прохоровна!—окликнулъ онъ ее.

— Что вы?—пѣвуче спросила она своимъ контральтовымъ голосомъ.

— Вы всѣхъ насъ за поясъ заткнете. Не правда ли?—обратился онъ къ Идѣ, успѣвшей устать.

— Еще бы! Анисья Прохоровна такая же, какъ и Хіонія Ивановна.

Эти имена Ида произносила съ своимъ полу-иностраннымъ акцентомъ и медленно, точно читала ихъ по печатному.

— А что же маменька?—спросилъ Лыжинъ, принимаясь опять помогать вдовѣ.

Они стояли рядомъ и до его слуха достигало дыханіе Анисьи Прохоровны—дыханіе здоровой женщины, не очень привыкшей къ узкому корсету. На свой пышный станъ она живописно наклоняла голову, укладывая большой пряникъ въ картузъ.

— Маменька?—переспросила она и ласково поглядѣла на Лыжина вбокъ.

— Да, маменька Хіонія Ивановна? Она здравствуетъ?

— Благодарствуйте. Маменька будетъ завтра... утромъ, туда —прямо въ школу.

У арендаторши Лыжинъ частенько бывалъ и видалъ ея дочь еще дѣвушкой. Она вышла замужъ въ Москву, за приказчика въ суровскую лавку; но скоро овдовѣла. У матери—ихъ четыре дочери и двое сыновей, и всѣ при ней, и всѣ при какомъ-нибудь дѣлѣ. Когда Анисья Прохоровна овдовѣла, то мать ей сказала: „учись швейному мастерству у хорошей мадамы, я за твое ученье заплачу“. И въ полгода она постигла тайны кройки; теперь, живя при матери, работаетъ на щеголихъ уѣзднаго города, на женъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ и даже на барынь по усадьбамъ. Платье, которое сидитъ на ней такъ ловко и красиво, она сама и скроила, и сшила.

Взглядъ Лыжина отъ сосѣдки перешелъ къ учительницѣ. Она уставляла на полу, у стѣны, картузы—вмѣстѣ съ Идой. Эта—пострадавшая за какія-то свои убѣжденія дѣвица, жертва „самодурства“ того самаго Кумачева, которому онъ продаетъ землю—

не вызывала въ немъ особенной жалости, не вызывала также и никакихъ брезгливыхъ мыслей.

Правда, она попадала изъ поповъ въ дьяконы, но въ этой школѣ, съ такой попечительницей, какъ Ида, ей, конечно, будетъ не плохо. Передъ тѣмъ, за чаемъ, она говорила, безъ фразы и слащавости, что она цѣлыхъ пять лѣтъ провела въ одномъ „медвѣжьемъ углу", до назначенія въ Москву, и смотритъ на то время какъ на самое дорогое для себя воспоминаніе.

Въ ней нѣтъ угловатости и рѣзкости настоящей „красной"— и Кумачевъ, устраняя ее, вѣроятно, желалъ передъ кѣмъ-нибудь заявить себя въ надлежащемъ свѣтѣ благонамѣренности.

Лыжинъ подошелъ къ учительницѣ и спросилъ ее ласково:

— Не помочь ли вамъ?

— Мы сейчасъ кончимъ,—весело отвѣтила она, и по ея широкому, некрасивому лицу улыбка расходилась точно ровное, свѣтлое пятно.

Ида бродила по кухнѣ беззвучно, медленно—то переставитъ готовый картузъ на полу, то наложитъ лакомствъ въ новый, то отдѣлитъ одинъ большой пряникъ отъ кучи.

— Вы, кажется, товѣ... пріустали? — тихо спросилъ ее Лыжинъ.

— Немножко.

Ея глаза—эти чудные глаза въ глубокихъ впадинахъ, когда-то метавшіе искры любовнаго экстаза—мягко улыбались.

„Хорошо, что нашла себѣ игрушку!"—подумалъ Лыжинъ и оглянулъ еще разъ всѣхъ этихъ женщинъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, легкимъ и пріятнымъ, потому что завтра оно дастъ сильную радость цѣлой толпѣ ребятишекъ.

„Вотъ такъ бы, — продолжалъ онъ говорить про себя:—и каждому найти свою игрушку, или свое неизбѣжное дѣло. Каждая изъ нихъ *живетъ* въ эту минуту,—даже моя бѣдная Ида, обломокъ крушенія, моя родная сестра по духу"...

И какъ бы устыдившись своего безплоднаго резонерства, Лыжинъ вернулся къ Анисьѣ Прохоровнѣ и сталъ помогать ей насыпать въ послѣдніе свободные картузы.

Въ дверяхъ показался Финогенъ, одѣтый по дорожному.

— Лошади готовы,—объявилъ онъ и тише окликнулъ:— Лидія Павловна, позвольте вамъ доложить одну вещь.

Ида вышла съ нимъ въ коридоръ, и оттуда можно было разслышать, какъ Финогенъ обстоятельно докладывалъ насчетъ завтрашняго дня. Провизія вся готова и поваръ доставленъ, также и вина. Самъ онъ довезетъ теперь „барышню", т.-е. учитель-

ницу, и Анисью Прохоровну въ школу, гдѣ онѣ и останутся ночевать, и вернется, чтобы завтра—засвѣтло—отвезти подарки и еще разныя вещи—для сервировки стола.

Тихій голосъ Иды, ея односложныя слова: „хорошо", „это такъ",—раздавались въ отвѣтъ на докладъ Финогена. Раза два онъ ее назвалъ „милостивая государыня".

Черезъ пять минутъ работа въ кухнѣ прекратилась и всѣ вышли въ коридоръ—провожать уѣзжавшихъ въ школу. Ида заботливо спросила учительницу—не нужно ли дать еще плэдъ; но та бодро отвѣтила:

— Помилуйте, Лидія Павловна, тутъ два шага.

— А вы, Юрій Петровичъ,—сказала Лыжину вдова, когда онъ поправилъ ей бѣлый платокъ на головѣ, откуда ея энергическое и ясное лицо живописно смотрѣло:—вы завтра, небось, будете къ самому молебну?

— Буду, буду... И съ матушкой вашей облобызаюсь.

— Она васъ очень одобряетъ, — съ усмѣшкой выговорила Анисья Прохоровна и, наклонившись къ нему, прибавила:—жаль ей вашихъ угодій.

— Что-жъ сама не купитъ?

— Капиталовъ нѣтъ, а въ разсрочку вы не уступите, небось?

Лыжинъ ничего не отвѣтилъ.

— Вы здѣсь почевать будете?—спросила Анисья Прохоровна, и въ ея глазахъ проскользнули змѣйки.

— Здѣсь,—просто отвѣтилъ Лыжинъ.

И когда они остались вдвоемъ съ Идой, перейдя въ гостиную онъ, по-французски, передалъ ей послѣдній вопросъ вдовы.

Она разсмѣялась.

— C'est ça,—сказала она, подходя къ піанино.—La belle veuve vous jalouse, ami!

Лыжинъ также разсмѣялся.

— А ваша учительница?—спросилъ онъ и сѣлъ въ глубинѣ комнаты.—По ея понятіямъ, вы свободный человѣкъ и можете жить, какъ вамъ угодно... Но и она навѣрно думаетъ, что я...

— Кто?—откликнулась Ида, взявшая уже нѣсколько аккордовъ.

— Monsieur l'amant.

— Откуда это выраженіе?—спросила она.

Онъ сталъ припоминать.

— Вотъ откуда... Я читалъ книгу о мадамъ де-Сталь.

— Какая старина!

— Подъ-конецъ, когда ей было уже за сорокъ лѣтъ, послѣ несчастной любви—вы помните, многіе годы героемъ ея романа

былъ Бенжаменъ Констанъ—она успокоилась на связи съ молодымъ болѣзненнымъ итальянцемъ... кавалеромъ Рокка. Вотъ его-то ея пріятели и называли „monsieur l'amant“—когда она была съ нимъ уже тайно обвѣнчана.

— Такъ вы думаете, что m-lle Суревичъ et la belle veuve считаютъ васъ тѣмъ же?..

Она сказала это такъ просто и спокойно, что Лыжинъ тотчасъ же подумалъ:

„Для Иды нѣтъ теперь ничего щекотливаго. Все въ ней перегорѣло“...

И ему стало менѣе жалко ее, чѣмъ это было даже и вчера. Чего же лучше, какъ не застраховать себя отъ страданій?

Раздались аккорды—и перешли въ горячую, порывистую мелодію, съ аккомпаниментомъ, похожимъ на переливы арфы.

— Откуда?—спросилъ Лыжинъ.

— „Les pêcheurs de perles“.

— Это, кажется, Бизе,—того, кто написалъ „Карменъ“?

— Да,—протяжно отвѣтила Ида.

Изъ-подъ ея нервныхъ, тонкихъ пальцевъ вырывался любовный дуэтъ; мятежная страсть и клокотала, и нѣжилась подъ раскаленнымъ небомъ Индіи.

Кругомъ метель чуть слышно доносилась съ террасы, занесенной снѣгомъ.

XXII.

Пара бойкихъ лошадокъ, съ бубенчиками поднимала на изволокъ пошевни, покрытыя ковромъ. На облучкѣ сидѣлъ Финогенъ, въ полушубкѣ и башлыкѣ.

Лыжина везли въ школу. Было сѣренькое утро, теплое и тихое, послѣ вчерашней „погоды“. Снѣговая пелена—чистая и нетронутая—облекала все вокругъ шоссейной дороги и только поодаль—справа и слѣва—темнѣли опушки хвойнаго лѣса.

Финогенъ, на полъ-пути, обернулъ къ Лыжину свое широкое лицо съ вздернутымъ носомъ и крякнулъ, прежде чѣмъ заговорить. Молчать онъ не могъ, разъ онъ ѣхалъ съ бариномъ, кто бы это ни былъ, а тѣмъ менѣе съ человѣкомъ, который находится въ пріятельствѣ съ его барышней.

Насчетъ того, „есть ли у него что-нибудь такое“ съ Лидіей Павловной—Финогенъ не позволялъ себѣ мудрить и подозрѣвать. Этотъ баринъ не былъ у нихъ на хуторѣ нѣсколько мѣсяцевъ,

да и прежде наѣзжалъ не надолго. Не помнится ему—оставался ли ночевать. Какая же важность... У нихъ и „допрежъ“ ночевали господа—и молодые, и пожилые, какъ придется, безъ барынь. Барыння его такъ себя держитъ, какъ бы дама—и ее уважаютъ „на всю окру́гу“.

Онъ слышалъ отъ арендаторши, отъ Хіонін Ивановны Шустовой и дочери ея Анисьи Прохоровны, что Лыжинъ продаетъ имѣніе купцу. Это его обижало,—и именно то, что купцу, а не барину, хотя онъ и долженъ былъ сознаться, что господа „совсѣмъ отбились“ отъ хозяйства, а купцы „забираютъ силу“ и умѣютъ „вести свою линію“.

— Позвольте васъ обезпокоить вопросомъ, милостивый государь,—спросилъ Финогенъ, съ особой боковой усмѣшкой, почтительной и тонкой:—правда ли, что ваша милость продаетъ свою вотчину?

Лыжинъ высвободилъ лицо изъ-подъ воротника своей дахи и кивнулъ молча головой—въ знакъ согласія.

— И, слышно, тому фабриканту, господину Кумачеву?

— Ему.

— Экую силу забираетъ! На сколько верстъ все его угодья.. Лѣсъ весь, поди, въ его руки перейдетъ. Вонъ,—Финогенъ указалъ кнутомъ влѣво:—у сосѣдки нашей, госпожи Кдзлишевой—тоже никакъ хочетъ покупать.

— Не слыхалъ, — откликнулся Лыжинъ. Ему разспросы Финогена не были особенно пріятны.

— Да она кряжиста. У ней деньги водятся. А вамъ, милостивый государь, нешто не жаль своей маетности?

Онъ опять обернулся всѣмъ своимъ фасомъ—и его лицо растянула въ ширь улыбка большого краснобая.

— Я —не хозяинъ.

— Вотъ бы такую же усадебку соорудили, какъ у нашей барынни; у васъ тамъ есть одно мѣсто, на рѣчкѣ—важное. И стали бы жить да поживать.

Его игривые глаза какъ бы досказывали:

„Да и подъ вѣнецъ бы не худое дѣло встать, благо вы и годами подходите другъ къ дружкѣ: она ужъ не очень молоденькая“.

Улыбнулся и Лыжинъ.

— Вамъ, Финогенъ, я думаю,—онъ говорилъ прислугѣ „вы“, а крестьянамъ „ты“:—житьё у Лидіи Павловны, точно у Христа за пазухой?

Финогенъ тряхнулъ на особый ладъ головой въ хорошей котиковой шапкѣ и опять протяжно крякнулъ:

— Барышня—благороднѣйшей души! Довѣрчивы ужъ больно. И всякое снисхожденіе готовы сдѣлать... По осени,—оживляясь, заговорилъ онъ:—арендательша... изволите знать, дошлая старушенція—онъ сдержанно засмѣялся—плотину у ней прорвало. По условію ей съ барышни надо было получить сорокъ деревъ счетомъ, на выборъ. А она говоритъ: „мнѣ, матушка, надо ихъ двойной комплектъ. Вѣдь ежели вы мнѣ запретите, я все-равно порублю ихъ, и вы ни о чемъ не догадаетесь, хоша у васъ и полѣсовщикъ есть". Видите, ваша милость, безъ главы въ домѣ—неудобно. Такъ, пожалуй, все и растащатъ.

Онъ ударилъ по коренной, и сани покатили—по новой порошѣ—подъ изволокъ.

За цѣлыхъ полъ-версты, въ ровной лощинѣ, у самой почти дороги виднѣлась школа—высокая, съ красной крышей, обшитая тесомъ, веселая и уютная. Впереди—палисадникъ съ зеленой деревянной рѣшеткой. Сзади дворикъ съ сарайчикомъ. Въ мезонинѣ, сбоку, терраса, откуда долженъ былъ открываться красивый видъ на перелѣсокъ и станцію желѣзной дороги, стоявшую меньше чѣмъ въ верстѣ, и на усадьбу помѣщицы Козлишевой, съ бѣлой пятиглавой церковью и старинnымъ, бѣлымъ же каменнымъ домомъ.

Подъѣздъ приходился сбоку. Крыльцо и часть двора, около него, усыпаны были толпой ребятъ, ихъ отцовъ и матерей. У сарайчика урядникъ привязалъ свою верховую лошадь съ казацкимъ сѣдломъ. Въ глубинѣ двора стояли два господскихъ экипажа.

— Вишь какая команда! — весело указалъ рукой Финогенъ на толпу ребятъ.

Лыжинъ зналъ порядочно эту мѣстность, хотя и не живалъ тутъ, не имѣлъ даже и своей избушки, а когда навѣдывался, то останавливался всегда въ городѣ. Его имѣніе лежало по ту сторону города, верстъ за двадцать-пять, и въ другомъ уѣздѣ. Крестьяне окрестныхъ деревень жили не плохо, промышляли огородами и московскимъ легковымъ извозомъ.

Толпа смотрѣла скорѣе городскою, чѣмъ деревенской; на мужчинахъ—суконные поддёвки и полушубки; на бабахъ и дѣвкахъ—суконные же кафтаны или пальто, шерстяные платки на головахъ. Никто не носилъ лаптей. Незамѣтно было и оборванныхъ, плохо обутыхъ дѣтей, ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ. Много мальчиковъ были въ ваточныхъ, суконныхъ и даже бархатныхъ картузахъ.

Сани подкатили къ крыльцу. Урядникъ, стоявшій тутъ, снялъ картузъ и потомъ крикнулъ:

— Разступитесь, православные... Дайте дорогу!

Финогенъ кивнулъ ему пріятельски и спросилъ вполголоса:

— И земскій начальникъ здѣсь?
— Сейчасъ прибылъ.
— А предводитель?
— И предводитель тутъ.

Изъ мѣстныхъ властей этого уѣзда Лыжинъ никого лично не зналъ. Но слышалъ, что предводитель—новый, изъ бывшихъ мировыхъ судей, и фамилія его Боярцевъ. Про земскаго начальника ему тоже что-то разсказывали; но что̀ именно—онъ очень смутно припоминалъ. Кажется—то, что онъ пошелъ служить „по принципу“ и состояніе у него хорошее.

Протолкавшись, Лыжинъ вошелъ въ обширныя сѣни, гдѣ будущіе школьники и школьницы скучились въ дверяхъ одного изъ двухъ классовъ—самаго обширнаго. Тамъ уже шли приготовленія къ молебну. Шубу принялъ отъ него сторожъ, изъ унтеровъ.

Лыжинъ искалъ глазами Кострицына; тотъ долженъ былъ пріѣхать прямо въ школу къ одиннадцати часамъ. Но вѣроятно его что-нибудь задержало. Отсюда они вернутся въ городъ и завтра произведутъ осмотръ той части лѣса, гдѣ они еще не были третьяго дня.

Впередъ Лыжинъ не захотѣлъ пробираться и зашелъ въ другой классъ, стоявшій пустымъ. Оттуда, въ боковую дверь, ему видно было и столъ съ образами и чашей воды, и всѣхъ, кто стоялъ впереди. Священникъ и дьяконъ уже облачились. Кромѣ причетниковъ, пѣть пришли еще четверо мужчинъ—видомъ мастеровые; одинъ изъ нихъ былъ еще подростокъ.

Ида—въ темносинемъ платьѣ, съ широкими буффами на плечахъ, съ непокрытыми волосами—занимала уголъ. Она опустила голову и не замѣтила его прихода. По другую сторону стола—Анисья Прохоровна, во вчерашнемъ платьѣ, и рядомъ съ ней ея мать — Хіонія Ивановна, въ черномъ платочкѣ и шолковой темной кацавейкѣ. Лицо ея—морщинистое и загорѣлое, безъ бровей — оживлялось юркимъ выраженіемъ двухъ сѣрыхъ глазокъ, которые такъ и шныряли. Ротъ былъ сжатъ и немного выпяченъ. Она шепнула дочери, и та сейчасъ же повернула лицо къ двери и истово поклонилась Лыжину.

Передъ толпой дѣтей — человѣкъ въ восемьдесятъ—темнѣло платье учительницы, и ея широкое ясное лицо сдержанно улыбалось.

Мужчинъ было трое. Лыжинъ въ одномъ изъ нихъ призналъ предводителя—и ошибся. Онъ принялъ за него огромнаго роста барина, съ раздавшимся животомъ, лысаго, румянаго, лѣтъ за сорокъ, затянутаго въ черный сюртукъ съ отложными воротнич-

ками рубашки, изъ которыхъ бѣлѣла его толстая шея съ длиннымъ подбородкомъ. По формѣ усовъ онъ смотрѣлъ отставнымъ кавалеристомъ.

Ближе къ Идѣ стали двое другихъ: одинъ—большого же роста блондинъ, курчавый, съ мелкими чертами лица, стройный, близорукій, одѣтый въ темную визитку и сѣрыя панталоны, не похожій ни на мѣстное служебное лицо, ни на деревенскаго хозяина. Въ его красивыхъ глазахъ съ темными рѣсницами, въ бородкѣ, округленныхъ плечахъ и поворотѣ головы сквозило что-то совсѣмъ не отзывающееся уѣздомъ. Лыжинъ принялъ его за земскаго начальника—и опять ошибся. Рядомъ съ нимъ—небольшого роста брюнетъ, худой, хмурый, плотно остриженный, съ длинными и тонкими усами, весь въ синемъ шевіотѣ. Это и былъ земскій начальникъ.

Молебенъ начался. Священникъ, совсѣмъ ушедшій въ ризу, сшитую на другой ростъ, сильно по-московски произносилъ „а“, дѣлая свои возгласы; дьяконъ задыхался; пѣвчіе запѣли съ большимъ усердіемъ, и одинъ изъ причетниковъ, съ дрожащимъ голосомъ, давалъ имъ тонъ, забираясь безпрестанно на верхи.

Лыжинъ, глядя на Иду, въ первый разъ спросилъ себя: какія у нея вѣрованія? Можетъ ли она сливаться, хотя бы и въ видѣ символа, съ крестьянской массой, со всѣмъ этимъ взрослымъ и малолѣтнимъ людомъ, для котораго безъ обряда не можетъ быть никакого начинанія. Лыжинъ никогда не задѣвалъ съ ней такихъ вопросовъ; но думалъ, что она несклонна къ мистицизму, что врядъ ли найдетъ она прибѣжище въ вѣрѣ „своихъ отцовъ“ отъ мятежныхъ испытаній ея скорбной и грѣшной жизни—грѣшной на взглядъ каждой бабы, дѣлающей теперь поклоны передъ столомъ, гдѣ стоятъ иконы вокругъ миски съ водой.

Позади его послышался осторожный скрипъ сапогъ.

Вошелъ Кострицынъ и всталъ за нимъ, сдѣлавъ ему знакъ рукой, чтобы онъ не безпокоился.

Пѣвчіе между тѣмъ пѣли. Молебенъ былъ въ полномъ ходу.

XXIII.

Къ концу молебна сторожъ, растолкавъ толпу ребятишекъ и крестьянъ, провелъ впередъ даму—высокую, въ черномъ шолковомъ платьѣ и кружевной, черной же косынкѣ, въ парикѣ, старуху съ крупными и еще не очень полинялыми чертами. Глаза бойко озирались изъ-подъ густыхъ бровей. Фальшивыя челюсти сверкали

бѣлизной зубовъ въ ея широкомъ и властномъ рту. Она упиралась на палку.

— Знаете, кто это?—спросилъ Кострицынъ на-ухо Лыжина, подойдя къ нему.—Это знаменитая Катерина Яковлевна Козлишева... Прямо изъ „Горе отъ ума“. Новѣйшая Анфиса Ниловна Хлестова. Нинѣ Борисовнѣ приходится троюродной бабушкой, что-ли... Экземпляръ!

Лыжинъ вглядѣлся пристальнѣе въ старуху. Онъ уже зналъ, что она—ближайшая сосѣдка Иды, и слыхалъ—и не отъ одного Финогена—про нее кое-что. Въ ней владѣтельскій типъ сохранился еще въ чистомъ видѣ. И она, по свидѣтельству Финогена, не уступаетъ своихъ угодій купцу, хотя и въ Москвѣ, и въ усадьбѣ, живетъ больше лѣтомъ и осенью; зимы же часто проводитъ гдѣ-то въ Санъ-Ремо или По.

Владѣльческій элементъ значился на-лицо и въ мужчинахъ. Средняго, купцовъ-помѣщиковъ, не было. Дворяне — и позади народъ. Къ народу принадлежали и двѣ женщины, стоявшія ближе къ господамъ: арендаторша Шустова и ея дочь.

Долголѣтіе дьяконъ возгласилъ томительно и хрипло, задыхаясь и растягивая слова. Идѣ, навѣрно, сдѣлалось жутко отъ того, что имя „болярыни Лидіи“ нужно было дьякону такъ громко выкрикивать.

Она переглянулась съ Лыжинымъ передъ тѣмъ, какъ священникъ пошелъ кропить святой водой оба этажа.

За нимъ двинулись гурьбой всѣ, и топотъ дѣтскихъ ногъ загудѣлъ въ просторныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ школы.

Почетные гости остались въ классѣ, и Ида спросила издали Лыжина глазами, хочетъ онъ быть сейчасъ имъ представленъ... Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головой и ушелъ съ Кострицынымъ въ сѣни, гдѣ они жадно закурили папиросы.

Съ Кострицынымъ Лыжину теперь гораздо легче. Вчера, объѣзжая часть имѣнія, они много говорили о „постороннихъ“ предметахъ, и Кострицынъ сталъ выясняться передъ нимъ. Онъ былъ несомнѣнный „интеллигентъ“, врядъ ли практикъ и карьеристъ. Если онъ и надѣвалъ на себя какой-то мундиръ—мундиръ, похожій не то на скептицизмъ, не то на позитивизмъ — въ немъ было что-то менѣе тошное и прѣсное, чѣмъ обыкновенное „направленство“.

Кострицынъ не высказывался насчетъ того, какого онъ мнѣнія о состояніи лѣсного участка, видѣннаго имъ; но въ его тонѣ чувствовалось, что онъ подтвердитъ докладъ управляющаго, и Кумачевъ не будетъ предлагать „легкую скидочку“.

Наверхъ поднялись только священникъ и нѣкоторые изъ взрослыхъ крестьянъ.

Учительница собрала всю молодую команду въ тотъ классъ, гдѣ служили молебенъ, и уставляла ихъ—мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно.

Сторожъ, Финогенъ и двѣ женщины, доставленныя Хіоніей Ивановной, принесли всѣ картузы съ лакомствами и разставили ихъ по цѣлому ряду школьныхъ „партъ“ — на столахъ и скамейкахъ.

Дѣтскія головы, бѣлобрысыя и темныя, повертывались безпрестанно въ сторону этихъ картузовъ съ выраженіемъ веселой неувѣренности. Дѣвчонки жались другъ къ дружкѣ и перешептывались. Мальчики смѣлѣе взглядывали на ряды картузовъ, и по ихъ лицамъ можно было видѣть, какъ они увѣрены — что̀ тамъ положено.

Священникъ, въ рясѣ, сошелъ внизъ, покончивъ кропленіе водой комнатъ верхняго этажа. Ида все съ той же медленностью движеній и съ утомленно-довольнымъ лицомъ пригласила почетныхъ гостей присѣсть и потомъ вошла въ кругъ дѣтей.

Началась раздача гостинцевъ. Учительница подавала ей картузы. Сторожъ и двѣ женщины сдерживали натискъ толпы малолѣтокъ. Съ четверть часа ихъ ручонки протягивались къ картузу и головы отвѣшивали поклоны. Иные, охваченные неожиданной радостью, убѣгали безъ поклона и сейчасъ же засовывали руку въ картузъ и вытаскивали оттуда расписной пряникъ съ глазурью.

Лыжинъ съ Кострицынымъ смотрѣли на все это изъ сѣней. Картина эта забавляла ихъ.

— Въ ожиданіи горькой духовной пищи,—сказалъ Кострицынъ и не выдержалъ—пустилъ свое „хе-хе“.

— По вашему какъ?—спросилъ его Лыжинъ:—для народа такая пища—роскошь? И особенно та, которую будетъ давать имъ здѣсь госпожа Суревичъ, удаленная вашимъ патрономъ?

Кострицынъ повелъ плечомъ.

— Патронъ мой, по-своему, былъ правъ. Я говорю: по-своему, ибо ему эта дѣвица казалась слишкомъ красной. Здѣсь она, можетъ, и ко двору придется. Ваша пріятельница, Лидія Павловна, кажется, индифферентна насчетъ направленія?

Отвѣтить Лыжинъ не успѣлъ. Ихъ увидала Ида. Она поручила учительницѣ раздать остальные картузы и подошла къ дверямъ въ сѣни.

Лыжинъ представилъ ей Кострицына. Она пожала ему руку, сильно, по-англійски, и тотчасъ же сказала:

— Вы проголодались. Я такая плохая хозяйка. Юрій, — обратилась она къ Лыжину, при чемъ Кострицынъ невольно поглядѣлъ на него:—помогите мнѣ... Закуска должна быть готова. Пришлите мнѣ сказать сверху... А сами,—она глазами улыбнулась и Кострицыну:—не дожидайтесь почетныхъ особъ.

Они поднялись по свѣжимъ ступенькамъ широкой лѣстницы, построенной, какъ и весь домъ, изъ ядрёнаго сосноваго лѣса.

Наверху они прошли обширными сѣнями съ русской печкой, гдѣ были устроены низкія нары на десять мѣстъ для дѣтей, которымъ въ суровую погоду далеко будетъ возвращаться домой.

— Умно!—одобрилъ Кострицынъ. — Безъ особыхъ затѣй и даже въ народномъ вкусѣ,—указалъ онъ на печь.

Въ свѣтлой продолговатой комнатѣ, раздѣлявшей спальни учительницъ, все уже было готово къ завтраку. Анисья Прохоровна, раскраснѣвшись, такъ и летала съ одного края большого стола на другой. Ей помогалъ выписанный съ желѣзно-дорожной станціи степеннаго вида оффиціантъ во фракѣ и нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ. И старуха Шустова не оставалась сложа руки, ставила стулья и поправляла на столѣ тарелки съ закуской.

— Хіонія Ивановна! — привѣтствовалъ ее Лыжинъ, подведя къ ней и Кострицына.—Вотъ, Иванъ Кузьмичъ, представительница народной мудрости и домовитости, моя пріятельница Хіонія Ивановна Шустова... арендуетъ у Лидіи Павловны хуторокъ и ведетъ хозяйство, что твоя Марѳа Борецкая.

Тонкая усмѣшка повела морщинистое лицо старухи. Она низко кланялась и разводила руками.

— А поцѣловать можно? — спросилъ Лыжинъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ, батюшка.

Они три раза поцѣловались.

Пожелалъ сдѣлать то же и Кострицынъ.

— А вотъ ея дочка! Анисья Прохоровна,—окликнулъ Лыжинъ:—пожалуйте сюда!

Вдова, съ розовыми щеками и блескомъ своихъ густыхъ волосъ, быстро подошла къ нимъ и поклонилась крестьянскимъ поклономъ.

Оба подали ей руку.

— Вотъ этакихъ у Хіоніи Ивановны четыре дочери и два сына,—объяснилъ Лыжинъ, стряхнувшій съ себя высматривающее настроеніе, бывшее у него внизу, во время всего молебна.

— Мое вамъ почтеніе!—вырвалось у Кострицына.—И всѣ дочери у васъ такія матерыя?—спросилъ онъ у старухи.

— Которыя и поплоше маленько,—отвѣчала она имъ въ тонъ, и ея глазки весело заслезились.

Дочь ея улыбнулась и наклонила голову полу-стыдливымъ, народнымъ жестомъ.

— Анисья Прохоровна,—сказалъ ей Лыжинъ:—вотъ гость проголодался да и выпилъ бы водки. Вы здѣсь набольшая. Разрѣшите съ позволенія Лидіи Павловны. Мы никакого безпорядка не произведемъ.

— И—и, батюшка, ваша воля,—сказала старуха.—Никто и не замѣтитъ. Мы и рюмочки вытремъ, и закуску поправимъ.

Хіонія Ивановна засуетилась около стола, приглашая ихъ обоихъ присѣсть. Анисья Прохоровна налила имъ водки и подставила два-три сорта закусокъ, приготовленныхъ вкусно и красиво. Лакея онѣ не допускали.

— Такъ, значитъ, все готово?—спросилъ Лыжинъ.—Лидія Павловна просила дать ей знать.

— Мы готовы-разготовы — отозвалась старуха.—И чай приготовили, и кофей. Анисья,—кивнула она дочери:—сбѣгай, милая, на кухню и спроси повара—можно ли подавать горячее кушанье.

— Слушаю, маменька,—весело и покорно откликнулась дочь и той же величавой и быстрой походкой пошла къ сѣнямъ.

— Не повторить ли?—спросилъ Кострицына Лыжинъ, указывая на бутылку съ красной рябиновой настойкой.

— Съ холодку—пожалуй.

Незамѣтно у нихъ установился пріятельскій тонъ, и Лыжинъ былъ рѣшительно доволенъ тѣмъ, что на предстоящемъ завтракѣ около него будетъ умный человѣкъ, понимающій все по-своему, очень тонко,—родъ партнера, болѣе подходящаго къ нему, чѣмъ всѣ почетные гости, за исключеніемъ, быть можетъ, того высокаго блондина, котораго онъ все еще считалъ земскимъ начальникомъ.

Внизу застучали сапоги мальчиковъ, двинувшихся гурьбой на крыльцо, и заслышались окрики сторожа.

XXIV.

— Все это не то!—вдругъ разразился полный лысый баринъ и поднялъ кулакъ съ ножемъ, которымъ онъ только-что рѣзалъ ростбифъ.

Лыжинъ уже зналъ теперь по именамъ всѣхъ троихъ мужчинъ.

Это былъ почетный мировой судья, по фамиліи Кличъ-Обношинъ.

— Почему же?—глухимъ голосомъ, но твердо спросилъ брюнетъ съ короткими волосами, земскій начальникъ Ястребовъ, про котораго всѣ говорили, что онъ пошелъ служить „изъ принципа".

— Ничего до тѣхъ поръ не будетъ у насъ путнаго, пока не убѣдятся, что для арміи нужны особеннаго рода кадры.

— Какъ же это?—съ косой усмѣшкой своего нервнаго рта спросилъ опять земскій начальникъ, служившій въ кавалеріи.

— А вотъ какъ-съ...

Мировой судья прожевалъ сначала большой кусокъ мяса и въ это время обводилъ весь столъ круглыми глазами съ масляннымъ блескомъ.

Завтракъ уже подходилъ къ концу, но шампанскаго еще не подавали и никто не собирался произносить спичъ или предложить здравицу. На двухъ концахъ стола сидѣли Ида и старуха Кдзлишева; около Иды съ обѣихъ сторонъ—Лыжинъ и высокій блондинъ, оказавшійся предводителемъ Боярцевымъ. Мировой судья и земскій начальникъ сидѣли другъ противъ друга. Кострицынъ помѣщался возлѣ предводителя, наискосокъ отъ Лыжина—и дальше учительница и батюшка, съ смуглымъ лицомъ восточнаго типа, въ бирюзовой рясѣ, съ рукавами, подбитыми шолкомъ. Дьякона и причетниковъ угощали особо.

— А вотъ какъ-съ!—повторилъ Кличъ-Обношинъ, прожевалъ окончательно кусокъ мяса и отпилъ краснаго вина.—Необходимы кадры двоякаго рода, чтобы въ нихъ народъ находилъ и духовную выучку, и военную.

— Духовную? — спросила съ своего почетнаго угла Кдзлишева... Что это такое, mon cher? Я что-то въ толкъ не возьму.

— Да и мнѣ не ясно,—съ сдержанной ироніей выговорилъ земскій начальникъ.

— Родъ обителей! Чтобы въ нихъ поступали молодые парни болѣе зажиточныхъ семей... и проходили бы тамъ искусъ... въ монастырской строгости и безусловномъ повиновеніи... А въ то же время обучались бы строю.

— И конному, и пѣшему?—спросилъ Кострицынъ и поглядѣлъ на Лыжина.

„Qu'est-ce qu'il radote?"—спросила его глазами и Ида, хранившая молчаніе утомленной хозяйки.

Разговоръ, оживившійся со второго блюда, былъ для нея

чѣмъ-то совершенно чуждымъ и курьёзнымъ; но ея нервы уже не позволяли ей прислушиваться къ нему съ болѣе живымъ любопытствомъ.

— Да-съ,—громко и вкусно выпалилъ Кличъ-Обношинъ:—по конному и по пѣшему!

— Это было бы нѣчто въ родѣ аракчеевскихъ военныхъ поселеній?—продолжалъ съ безстрастнымъ лицомъ освѣдомляться Кострицынъ.

— А что-жъ?— еще побѣдоноснѣе крикнулъ мировой судья.— Въ поселеніяхъ была превосходная идея, непонятая... И потомъ ее глупо охаяли, осмѣяли... всякіе разрушители.

Лыжинъ смотрѣлъ въ ту минуту на лицо учительницы. Она только-что сказала что-то батюшкѣ; но, прислушиваясь къ послѣдней фразѣ Кличъ-Обношина,—какъ-то вся передернулась и удивленно поглядѣла на священника. Тотъ высматривалъ своими смѣющимися черными глазами съ хитрымъ выраженіемъ: „Пускай, молъ, господа суесловятъ“.

— Вы это серьезно, Ѳеофилъ Ѳеофиловичъ? — съ трудомъ выговорилъ Ястребовъ, и опять косая усмѣшка повела его нервный ротъ.

— Безусловно серьезно! Знаю, это можетъ показаться страннымъ. Но надо вникнуть въ идею. Русскій крестьянинъ всегда былъ и пахарь, и воинъ... Его брали на войну. Служилые люди являлись каждый съ своимъ мужицкимъ контингентомъ пѣшихъ и конныхъ... Конные цѣнились вдвое... И теперь намъ нарочито нужны лошади. Вѣдь скоро настанетъ время, когда на десять дворовъ будетъ по одной запряжкѣ. Развѣ это не вѣрно, Геннадій Николаевичъ?—окликнулъ онъ земскаго начальника.

— Пожалуй... Но въ вашихъ кавалерійскихъ монастыряхъ будутъ на лошадяхъ въ манежѣ ѣздить, а не пахать.

— И то, и другое! На все хватитъ время. И солдаты военныхъ поселеній въ Чугуевѣ и новгородской губерніи были и земледѣльцы, и уланы. Но это не все! Обратите вниманіе на другую— духовную сторону дѣла. Парень получитъ не одну выучку солдата и пахаря, но и религіозное воспитаніе, въ духѣ народно-государственной церкви — вотъ что̀ важно! Это лучшій оплотъ противъ раскола, противъ штунды и всякой преступной пропаганды, идущей отъ господъ разрушителей.

Онъ обвелъ молодцоватымъ взглядомъ весь столъ, и глаза его остановились на священникѣ.

— Отецъ Антонъ? Развѣ въ этомъ нѣтъ самой плодотворной идеи? Что̀ вы скажете?

Батюшка вскинулъ волнистыми прядями, потревоженный въ своемъ пріятномъ настроеніи слушателя и наблюдателя.

— Одно дѣло идея, другое дѣло—выполненіе... хе, хе!—отшутился онъ, и съ той же лукавой усмѣшкой повелъ головой.

— И выполненіе было бы возможнымъ, еслибъ у насъ теперь не мудрили изъ города *Санктпетербурха*,—выговорилъ онъ, скандируя слоги, — и понимали бы духъ и потребности русскаго народа. Вы, Романъ Денисовичъ, — повернулся онъ въ сторону предводителя: — насколько я знакомъ... такъ сказать съ поправкой вашихъ идей — вы должны сочувствовать...

— Такимъ военнымъ обителямъ? — спросилъ Боярцевъ, не мѣняя спокойной и увѣренной позы, и только поднялъ голову молодымъ жестомъ. — Русскій народъ въ тѣ времена, когда онъ жилъ безъ всякой искусственной петербургской муштры—не зналъ казарменнаго устройства. Иноки спасались, а служилые люди жили на своихъ участкахъ, среди черныхъ и бѣлыхъ хлѣбопашцевъ, и тѣ переходили отъ сохи къ дротику и пищали; но никто ихъ, однако, не загонялъ въ остроги для обученія военному строю пополамъ съ иноческой жизнью.

Лыжинъ опять встрѣтился взглядомъ съ Костицынымъ. Этотъ предводитель заинтересовалъ его своимъ тономъ и манерой говорить. Въ его отповѣди чуялся человѣкъ съ характернымъ развитіемъ.

— Господа,—вдругъ заговорила Козлишева густымъ голосомъ и точно вбивая гвозди въ каждый слогъ:—вы удалились куда-то въ сторону. У Ѳеофила Ѳеофиловича — прекрасныя намѣренія. Надо нашего мужичка поднять—это такъ. Онъ не долженъ быть предоставленъ самому себѣ. Бога онъ почитаетъ; но его богопочитаніе пейдетъ ему въ прокъ. Надъ нимъ нуженъ надзоръ, и слѣдуетъ радоваться, что такіе люди, какъ нашъ Геннадій Николаевичъ,—она кивнула головой въ сторону земскаго начальника:—идутъ на службу съ этой благой цѣлью. Нравственности нѣтъ, страха нѣтъ—и работать онъ не хочетъ. Мой другъ, князь Жеребьевъ, не нашъ, не блаженненькій князь Иларіонъ, — засмѣялась она зычно:—а двоюродный братъ его, князь Петръ — тотъ мнѣ прошлой зимой, за границей, читалъ записку. Онъ доказываетъ цифрами, что нашъ народъ работаетъ втрое меньше, чѣмъ гдѣ угодно—у нѣмцевъ, у французовъ, даже у итальянцевъ. Сто слишкомъ дней надо выкинуть изъ года.

— Это вѣрно! — убѣжденнымъ звукомъ пустилъ земскій начальникъ.

— Но, — продолжала Козлишева, и ея голосъ гудѣлъ еще

внушительнѣе: — друзья мои! мы забываемъ, что мы здѣсь на открытіи школы. И просвѣщеніе нужно народу. Это—такъ!

Оффиціантъ, какъ разъ, началъ разливать шампанское.

— Пускай одинъ изъ васъ, господа, привѣтствуетъ устроительницу школы. Надо пожелать,—при этомъ Кѳзлишева подняла палецъ кверху:—надо пожелать, чтобы грамота пошла въ прокъ мальчикамъ и дѣвочкамъ. Батюшка—она кивнула священнику—наставитъ эту юную паству свою. Это такъ же важно, какъ и всякіе методы.

— По новѣйшему звуковому способу! — задорно подхватилъ Кличъ-Обношинъ.

— Итакъ, господа,—продолжала Кѳзлишева, — мы ждемъ... Геннадій Николаевичъ, вы—пѣстунъ народа, вамъ и слѣдуетъ...

— Почему же?—тревожно спросилъ Ястребовъ.—Здѣсь Романъ Денисовичъ. Онъ—представитель сословія, къ которому Лидія Павловна имѣетъ честь принадлежать!

Ида потупилась. Она, почти съ замираніемъ сердца, ждала какого-нибудь спича, обращеннаго къ ней.

— Романъ Денисовичъ! Мы ждемъ!—торжественно и властно окликнула Кѳзлишева.

Боярцевъ поднялся и взялъ бокалъ.

— Честь и хвала учредительницѣ школы, Лидіи Павловнѣ Радиной! Въ лицѣ ея—щеки предводителя слегка зарумянились —отрадно видѣть возвращеніе на лоно родины русской женщины, которая,—вообще говоря, — такъ часто теряетъ на западѣ чувство своей связи съ народомъ. Какъ его учить — мудреный вопросъ, но учить его надо, и учить въ духѣ его вѣковыхъ упованій и задачъ. Не создавать себѣ изъ него кумира, не дѣлать его игрушкой своихъ тлетворныхъ и безумныхъ затѣй; а войти въ его духъ и не давать ему камня тогда, когда онъ проситъ духовнаго хлѣба. Здоровье Лидіи Павловны!—закончилъ онъ высокой, вибрирующей нотой.

Всѣ встали и началось чоканье съ хозяйкой. Ида молча улыбалась, и только послѣ одобрительнаго возгласа Кѳзлишевой выговорила:

— Vous me comblez!

Съ учительницей она поцѣловалась и, подавая руку Лыжину, сказала:

— Вы довольны?

— Доволенъ, больше всего тѣмъ,—отвѣтилъ онъ громко:— что вы—такая ясная и милая!

И онъ поцѣловалъ ея руку.

Когда, послѣ пирожнаго, окончательно поднялись отъ стола, то Лыжинъ замѣтилъ, что изо-всѣхъ мужчинъ, кромѣ батюшки, перекрестился, и очень истово, одинъ только предводитель.

Кострицынъ подошелъ къ Лыжину съ бокаломъ и сказалъ:

— Чокнемтесь, Юрій Петровичъ, и выпьемъ за освобожденіе личности!

Лыжинъ чокнулся и допилъ до дна свое вино.

XXV.

Узкій проселокъ, между сугробами, вился по перелѣску въ гору. Полдень, съ радостнымъ, искристымъ солнцемъ, игралъ на свѣжемъ снѣгу.

Въ рогожной кибиткѣ, безъ верха, Лыжинъ съ Кострицынымъ, лежа на сѣнѣ, прикрытомъ какой-то дерюгой, тихо разговаривали, подъ звяканье туго привязаннаго колокольчика.

Они ѣхали къ князю Иларіону. Заѣхать къ нему предложилъ Кострицынъ по дорогѣ въ городъ. У него было къ нему письмо отъ Антонины Борисовны Кумачевой, съ предложеніемъ погостить у нихъ, такъ какъ князь собирался въ Москву, зимой. Лыжина давно занимала эта фигура; но онъ не искалъ ближайшаго знакомства съ княземъ, изъ боязни — найти совсѣмъ не то, что представлялъ себѣ.

Кострицынъ тоже былъ наслышанъ о немъ — зналъ даже, что князь — рѣдкій, почти единственный „эпигонъ“ гегеліанской эпохи, оставшійся все такимъ же вѣрующимъ послѣдователемъ берлинскаго философа.

— Да который же ему годъ?—спросилъ Лыжинъ, поворачиваясь лицомъ къ своему спутнику.

— Подъ восемьдесятъ. Онъ если не слыхалъ самого Гегеля, то попалъ въ Берлинъ въ первые годы послѣ холеры.

— Холеры? — переспросилъ Лыжинъ.

— Да; вѣдь Гегель умеръ холерой, въ началѣ тридцатыхъ, когда она перекочевала изъ Россіи въ Пруссію. Онъ былъ Rector magnificus.

— Вы видали князя?

— Всего разъ. И въ очень курьезной обстановкѣ. Мнѣ случилась надобность—я еще былъ студентомъ-филологомъ — заказать себѣ недорогую этажерку для книгъ — знаете, такую висячую. Захожу къ столяру, тамъ, на Патріаршихъ-прудахъ. Столяръ не важный, безъ вывѣски, старичокъ... Мы съ нимъ раз-

говорились. Изъ бывшихъ крѣпостныхъ... И вотъ этого самаго князя Иларіона Ивановича. Захожу къ нему—онъ, разумѣется, въ срокъ вещи не доставилъ—и застаю у него старца. Наружность—точно пророкъ Илья. Богатырь! Вотъ вы увидите, если только онъ еще сохранился въ прежнемъ видѣ. И что же оказалось? Князь — въ ту зиму — имѣлъ еще свою мастерскую, гдѣ онъ производилъ разные опыты по технической части, столярныя вещи производилъ, изобрѣлъ особый станокъ пилить фанерки изъ цѣнныхъ деревьевъ. И съ моимъ старикомъ онъ водилъ пріятельство и помогалъ ему.

— Вѣдь онъ далъ своимъ крестьянамъ волю?

— Какъ же! Еще до эмансипаціи.

— Подарилъ всю землю?

— Подарилъ! Оставилъ себѣ только кусокъ лѣса, гдѣ стоитъ его избушка.

Они переглянулись, и Лыжинъ, приподнявшись немного, выговорилъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Значитъ,—господа народники,—какъ французы говорятъ —enfoncés? Съ носомъ?

Оба они засмѣялись. Наканунѣ у нихъ былъ большой разговоръ о народѣ и его радѣтеляхъ „изъ интеллигенціи“, и Лыжину дѣлалось ясно, что они съ Кострицынымъ ближе другъ другу по взглядамъ, чѣмъ онъ думалъ; но „амбарный Сократъ“ болѣе выспрашивалъ его, чѣмъ самъ говорилъ.

— А вы какъ смотрите на такой поступокъ?—спросилъ Кострицынъ вмѣсто отвѣта.

— Само по себѣ разумѣется — хорошо.

— Красиво! И въ тысячу разъ скромнѣе и проще, чѣмъ нынѣшніе опростѣлые радѣтели. Тѣ сами въ юродство впадаютъ, по части мужицкой жизни, но что-то не слыхать, чтобы они вотчину въ нѣсколько тысячъ десятинъ отдавали мужикамъ. Прежде бывали такіе случаи при крѣпостномъ правѣ. И князь Иларіонъ, и его предшественники по той же части дѣлали это, — говорю я,—въ сто разъ проще, не носились съ своей пра-а-вдой,— растянулъ Кострицынъ—и не кичились своей мудростью и евангельской чистотой. Все это такъ! Но, спрашиваю я васъ—помѣщика, прошёдшаго, если не ошибаюсь, черезъ народолюбіе,—что своимъ даромъ земли князь Иларіонъ сдѣлалъ?

— Навѣрно — очень мало.

— Если не ровно ничего! Я слышалъ—и это не трудно фактически узнать,—что его бывшіе крѣпостные, которымъ отошли всѣ его угодья, живутъ очень плохо, во много разъ хуже, чѣмъ

по ту сторону, тамъ вотъ, гдѣ усадьба Лидіи Павловны; всѣ пропились, въ кабалѣ у мелкихъ прасоловъ и кабатчиковъ, слывутъ первыми жуликами и плутами, за недоимки постоянная у нихъ идетъ порка и продажа животишекъ... Хе, хе!

— Этотъ аргументъ господа народники не примутъ.

— Мало ли что! Но онъ—на-лицо. Князь самъ себя ослабилъ, свою личность, свой даровитый и благородный починъ. Вѣдь онъ не такъ, какъ нынѣшніе *нейзанофилы*—подчеркнулъ Кострицынъ сочиненное имъ слово: — онъ противъ знанія не бунтуетъ. Напротивъ, метафизика не помѣшала ему и точными науками заниматься. Онъ вѣдь и механикъ, и инженеръ, и музыкантъ, и столяръ. Его идея была—какъ я знаю—а знаю это отъ Антонины Борисовны—поднять въ крестьянствѣ кустарные промыслы. Кое-какія деньжонки онъ себѣ оставилъ и на нихъ заводилъ въ Москвѣ и мастерскія. И долженъ былъ все это прекратить. Никого онъ не выучилъ и никакой отрасли ремесленнаго труда не развилъ у себя. На это нужно было — кромѣ денегъ — и земля, и угодья, и вліяніе вотчинника. А онъ въ глазахъ своихъ мужиковъ—„блаженъ мужъ“. Отцы еще были ему благодарны, а сыновья-то, навѣрно, перестали и помнить.

— Я слышалъ, однакожъ,—перебилъ Лыжинъ: — что-то такое... какъ будто все село его кормитъ?

— Какъ же! Какъ же! Но въ этомъ я и вижу чудачество. Врядъ-ли онъ доходитъ до того, что ему—ѣсть нечего. Легенда есть очень красивая—какъ князь выходилъ на опушку лѣса и, стоя на пригоркѣ, кричалъ своимъ громовымъ голосомъ: „хлѣба нѣтъ!“ — И ему несли.

— Я что-то въ этомъ вкусѣ и слышалъ.

— Можетъ быть... Сомнѣваюсь: до послѣдняго ли года такъ было? Бывшіе его мужики — пропойцы и полунищіе. Ему—бѣднягѣ—очень плохо приходится. Врядъ ли приносятъ ему все, что слѣдуетъ. Дрова онъ самъ рубитъ.

Кострицынъ помолчалъ и заговорилъ другимъ тономъ.

— Антонина Борисовна—между нами—и просила меня до всего этого дойти. Ей жаль старика.

— Да и непріятно, изъ дворянскаго гонора, — добавилъ Лыжинъ.

— Не безъ того. И здоровье его, кажется, немного покачнулось. Прежде онъ, когда въ Москву пріѣзжалъ, у нихъ не живалъ. Она хотѣла бы, чтобы онъ провелъ у нихъ мѣсяцъ-другой... Конечно, Захаръ Лукьяновичъ готовъ былъ бы всячески поддержать его, но старецъ гордъ.

„Для полноты семейной картины, красивый дядя—князь съ наружностью пророка Иліи и въ нѣкоторомъ родѣ приживальщикъ“,—подумалъ Лыжинъ, но вслухъ этого не сказалъ.

— Скоро поворотъ къ селу Сазонову?—окликнулъ ямщика Кострицынъ.

— Верста — не больше. Вамъ къ князю Иларіону Ивановичу?—спросилъ ямщикъ, оборачивая къ нимъ красное молодое лицо.

— Къ нему.

— Знаемъ, ваша милость.

— И самого князя видалъ?

— Видалъ.

— Ну, какъ ты о немъ скажешь?—вмѣшался въ разговоръ и Лыжинъ.

— Да какъ сказать, господа?.. Чудаковатъ! Для души спасенья проживаетъ, какъ ровно пустынникъ.

— Вотъ слышите,—тихо подсказалъ Кострицынъ.—Я вамъ говорю: „блаженъ мужъ“. И его отреченіе отъ владѣльческихъ правъ въ глазахъ народа—барское юродство. Православные, хоть и той вѣры, что „земля наша“, а будь они—всѣмъ міромъ—на мѣстѣ князя—они полоски бы даромъ никому не отдали.

— Они сами землю пахали,—почти нехотя возразилъ Лыжинъ.

— Юрій Петровичъ! Извините. Вѣдь этотъ аргументъ давно выдохся. Будь князь Иларіонъ писатель, заработай онъ трудомъ сто тысячъ и отдай ихъ тѣмъ же мужикамъ—вѣдь этотъ капиталъ былъ бы его кровный, все равно, что распаханная новь. Это первое. А второе—подарилъ онъ имъ и лѣсъ... Ужъ согласитесь: лѣсъ-то они не распахивали, а только, я думаю, воровали и до воли.

— Конечно! — согласился Лыжинъ.

— И выйдетъ: „блаженъ мужъ“ — для народа; а для насъ съ вами—обломокъ цѣлой эпохи умственнаго расцвѣта. Родовитому русскому князю — пламенному ученику Гегеля — я поклонюсь, хоть я и не его философскаго толка. И онъ, и ему подобные воздѣлывали свою ниву, какъ подобаетъ людямъ, составлявшимъ соль своей земли. Это было главное. А остальное—благородное юродство!

Тройка круто свернула вправо и, оставя въ сторонѣ околицу села, стала подниматься къ лѣсу.

XXVI.

— Вонъ туды идите,—указалъ имъ ямщикъ, когда тройка остановилась у новаго пригорка, совсѣмъ занесеннаго снѣгомъ.

— Да здѣсь завязнешь,—весело замѣтилъ Кострицынъ.

Они оба уже вылѣзли изъ саней.

— Тропка есть... По ней и придете.

Свѣжіе слѣды видны были въ снѣгу и вели къ рѣдкой опушкѣ, позади которой на небольшой „плѣшинкѣ" стоялъ домикъ князя съ дворикомъ, на половину въ сугробахъ.

Оба были въ высокихъ валенкахъ и безъ особеннаго труда добрались до калитки. Передъ домикомъ шелъ садикъ съ фруктовыми деревьями—саженъ пять въ длину—отъ калитки до крылечка. Бревна домика потемнѣли, но весь онъ смотрѣлъ исправно.

Изъ конуры выскочилъ песъ—шершавый и очень старый—хрипло и злобно залаялъ на нихъ и запрыгалъ на цѣпи.

— Ничего, не страшимся,—пошутилъ Кострицынъ, проникая первый въ калитку.

Она была заперта на задвижку.

Лай собаки и звонъ колокольчика вызвали хозяина домика на крыльцо.

Лыжинъ пріостановился у порога калитки, точно за тѣмъ, чтобы схватить цѣльнѣе и отчетливѣе весь обликъ того, кто—по толкованію Кострицына—только „блаженъ мужъ" въ глазахъ народа, котораго онъ облагодѣтельствовалъ.

Князь вышелъ на крыльцо, въ сѣромъ домашнемъ казакинѣ, съ стоячимъ воротникомъ, въ родѣ такого, какіе носили ополченскіе офицеры, въ крымскую кампанію, въ большихъ сапогахъ и на головѣ высокая мѣховая шапка. Она необычайно хорошо—на свѣту, смягченномъ деревьями—выставляла его крупное, загорѣлое лицо, съ орлинымъ носомъ и длинной роскошной бородой, шедшей почти до пояса. Брови—темнѣе бороды и вьющихся волосъ на вискахъ—шли острой дугой и были гуще кнаружи. Широкая грудь и посадка головы давали ему—при ростѣ вершковъ въ десять—могучую молодцоватость. Онъ совсѣмъ еще не горбился и, выйдя на крыльцо, отъ солнца защитилъ глаза рукой.

Сейчасъ же Лыжинъ вспомнилъ знаменитаго пѣвца въ роли мельника, въ операѣ Даргомыжскаго, котораго видѣлъ студентомъ, кажется, на прощальномъ бенефисѣ, попавъ въ Петербургъ. Только князь былъ на полъ-головы выше ростомъ.

„Нѣтъ, это—не „блаженъ мужъ",—подумалъ онъ и, пропу-

стивъ впередъ Кострицына, съ такимъ именно выраженіемъ поглядѣлъ на него. Тотъ тоже улыбнулся ему въ отвѣтъ одними глазами и, снявъ шапку, окликнулъ вопросительно:

— Князь Иларіонъ Ивановичъ?

— Онъ!.. Милости прошу.

Голосъ князя звучалъ какъ труба, съ чуть замѣтной старческой шепелявостью.

Оба вошли на крылечко. Хозяинъ приподнялъ шапку, его сѣрые, острые и добрые глаза пытливо и спокойно блеснули изъ-подъ живописныхъ бровей.

— Имѣю честь кланяться, князь... Кострицынъ, Иванъ Кузьмичъ... Съ письмомъ къ вамъ отъ вашей племянницы—Антонины Борисовны. А это—Юрій Петровичъ Лыжинъ, мой спутникъ, давно желающій быть вамъ представленнымъ.

Лыжинъ приподнялъ свою бурую войлочную шляпу и почтительно поклонился.

Старикъ сдѣлалъ широкій жестъ правой рукой, повертываясь къ двери, и повторилъ такъ же зычно:

— Милости прошу.

Входя, онъ долженъ былъ нагнуть голову.

Изъ тѣсныхъ сѣней князь ввелъ ихъ въ комнату съ пятью окнами. Свѣту входило много—комната стояла на юго-западъ — солнце пошло уже на склонъ, но еще высилось надъ деревьями опушки.

Комната—съ кафельной высокой печкой—казалась тѣсноватой отъ множества разныхъ вещей. На клеенчатомъ диванѣ лежали кожаная подушка и одѣяло; рядомъ—станокъ съ столярными инструментами, старинное фортепіано, множество книгъ и на полкахъ, и просто на полу, длинный изъ бѣлаго дерева столъ, заваленный всякимъ добромъ. На немъ выдѣлялся микроскопъ и какой-то химическій аппаратъ.

Пахло травами, табакомъ и столярнымъ лакомъ. Общій видъ этой лѣсной кельи былъ очень своеобразный. Особенной грязи не замѣчалось. Стѣны стояли въ деревѣ и пестрѣли литографіями и картами. Два-три фотографическихъ портрета висѣли въ простѣнкахъ. Блестѣлъ мѣдной оправой круглый барометръ.

— Садитесь, господа, гдѣ можно,—пригласилъ князь и тихо разсмѣялся.—Извините... У меня стульевъ не много... въ моемъ кафернаумѣ. Въ этой комнатѣ я и днюю, и ночую. Тамъ черезъ сѣни у меня—на лѣтнее время—свѣтлица есть.

— Неужели вы здѣсь совсѣмъ одинъ?—спросилъ Лыжинъ, снимая свой ергакъ.

— По утрамъ приходитъ паренекъ, поможетъ мнѣ прибрать

и дровъ принесетъ. У меня тамъ сажень нарублена. Теперь не тѣ силы, а еще ничего—справляемся.

Въ глазахъ старика заискрилось желаніе пріободрить себя.

— Вотъ и письмо отъ Антонины Борисовны,—обратился къ нему Кострицынъ.—Я бы васъ попросилъ, князь, прочесть это письмо при насъ и дать мнѣ отвѣтъ... какой угодно, письменный или устный.

— Позвольте вздѣть pince-nez.

Князь началъ рыться на столѣ въ бумагахъ, нашелъ pince-nez и у окна быстро пробѣжалъ письмо.

— C'est ça!..—промолвилъ онъ вполголоса.

Письмо было по-французски, и у него самого не пропала привычка думать иногда на этомъ языкѣ и довольно часто употреблять французскія слова и поговорки.

— Что-жъ!—громко заговорилъ онъ, кладя письмо на столъ.—Поблагодарите Нину. Я бы ей написалъ сейчасъ же. Да врядъ-ли у меня водится почтовая бумага—онъ широко улыбнулся и показалъ свои рѣдкіе и крупные зубы.—И простой-то бумаги не всегда хватаетъ. Я ее истребляю въ порядочномъ количествѣ.

— Все пишете?—спросилъ Лыжинъ.

— Пишу... Тороплюсь! — старикъ разсмѣялся... Вѣдь мнѣ нельзя мѣшкать. Я вѣдь—двѣнадцатаго года.

— Въ отечественную войну?—воскликнулъ Кострицынъ.

— Какъ же! Матушка испугалась француза. Отецъ былъ въ арміи при графѣ Коновницынѣ, а она впопыхахъ двинулась по владимірскому тракту, и дорогой я произошелъ на свѣтъ, тоже въ избѣ... Такъ мнѣ и на роду было написано—въ бревенчатыхъ стѣнахъ скоротать свой вѣкъ!

Говоръ у князя былъ плавный, и грудной оттѣнокъ голоса съ басовыми оттяжками. Такъ нынче произносятъ только хорошіе актеры старой школы, въ бытовыхъ и историческихъ пьесахъ.

— Не будетъ нескромностью спросить: что же именно вы торопитесь покончить?

— Да то, надъ чѣмъ сидѣлъ тридцать лѣтъ... не больше, не меньше. Полный и вѣрный переводъ...

— Вѣроятно, вашего учителя?—подсказалъ, скромно усмѣхнувшись, Кострицынъ и поглядѣлъ значительно на своего спутника.

Лыжину вдругъ стало совѣстно: точно они оба репортеры и явились „интервьюировать“ курьёзнаго старика, по порученію какого-нибудь листка, гдѣ торгуютъ пикантными новостями, съ приложеніемъ воскресныхъ иллюстрацій.

Но князь повелъ рукой по своимъ серебрянымъ кудрямъ—волосы у него сохранились роскошные—и сразу заговорилъ тономъ человѣка, который обрадовался, что можетъ съ понимающими людьми отвести душу.

— Да, *его* подлинныя сочиненія, вышедшія при его жизни.

— Вы застали *его* еще въ живыхъ?

— Нѣтъ. Я пріѣхалъ въ Берлинъ двумя годами позднѣе. Въ Москвѣ, студентомъ, я только на послѣднемъ курсѣ познался—что̀ такое его философія.

Кострицынъ не могъ воздержаться—не взглянуть на Лыжина—отъ этого звука „философія“,—съ буквой „з“,—который у князя былъ привычнымъ.

— Тогда вѣдь словесный факультетъ назывался, кажется, философскимъ?

— Я былъ, по второму отдѣленію, математикъ. Сидѣли мы тогда не четыре, а всего три года... Да годъ я пропустилъ, пролежалъ больной.

— И вы довели до конца свой трудъ?—съ участіемъ спросилъ Лыжинъ.

— Довелъ, но надобны еще примѣчанія. Приглашеніе племянницы,—обратился онъ къ Кострицыну:—мнѣ улыбается... Хотя я—между нами—сталъ тяготиться тамъ, гдѣ большіе пріемы. Но надо сдѣлать послѣднюю попытку найти издателя.

— А Захаръ Лукьяновичъ?

На вопросъ Кострицына князь повелъ бровями и послѣ маленькой паузы выговорилъ:

— Предлагать самъ не буду... Нина пишетъ мнѣ, что вы,—повернулся онъ опять къ Кострицыну:—занимаетесь тоже философіей.

— Немножко, грѣшнымъ дѣломъ.

— И прекрасно!.. Вы мнѣ укажете. Можетъ, и найдется такой чудодѣй, что заново будетъ издавать Гегеля. И это необходимо—безусловно необходимо для подлинныхъ его сочиненій... А остальное, эстетика и прочее... это все лекціи, которыя составлялись слушателями. У меня только несомнѣнно имъ самимъ изданныя вещи. И къ нимъ есть и мое собственное слово—съ того свѣта... слово гегеліанца! Въ видѣ отдѣльнаго труда.

Глаза его зажглись и изъ груди вырвался добродушный и раскатистый смѣхъ.

Засмѣялись и оба гостя.

XXVII.

Громадную голову князя Иларіона окружили клубы дыма. Онъ усиленно раскуривалъ, по старинному, бумажкой, трубку, изъ короткаго чубука.

— Я позволяю себѣ выкурить трубку, когда кто-нибудь зайдетъ ко мнѣ. Вы чувствуете, какой это табакъ?—спросилъ онъ своихъ гостей, радостно улыбнувшись.

— Это, кажется,—Жуковъ?—осторожно замѣтилъ Лыжинъ; у него изъ первыхъ годовъ дѣтства остался въ памяти запахъ „Жукова".

— Именно! Угадали! Его можно было доставать только въ одной лавкѣ, въ Зарядьѣ, да и тамъ прекратился запасъ. Теперь у меня идетъ послѣдній фунтъ. И когда подойдетъ къ концу—больше не стану курить. Дорого! Да и пора перестать угождать плоти такимъ, въ сущности, дѣтскимъ видомъ чувственности.

— Вы, конечно, сдѣлаете это, князь, не изъ угожденія тѣмъ, кто громитъ табакъ за то, что онъ будто бы заглушаетъ совѣсть?

— Ха, ха, ха!—громко и продолжительно захохоталъ князь, ходя широкой и развалистой походкой.—Нѣтъ! Я этой ереси не придерживаюсь и скорблю, что съ ней теперь носятся, какъ съ писаной торбой. Совѣсть у меня чиста. Если и дѣлалъ много глупостей, то гадостей—никогда... Вотъ видите,—живо обернулся онъ и близко подошелъ къ Кострицыну...

Передъ тѣмъ у нихъ—совершенно незамѣтно—зашелъ не споръ, но обмѣнъ мыслей о „великомъ откровеніи":—такъ называлъ старикъ ученіе объ „идеѣ", какъ началѣ всего.

— Вотъ изволите видѣть,—продолжалъ онъ, дымя изъ трубки:—Отчего теперь такое, можно сказать, мизерабельное шатаніе въ умахъ и характерахъ? Оттого, что *идеи* признать не хотятъ, въ ея великомъ, абсолютномъ значеніи!..

Это слово „идея"—князь произносилъ его протяжно и всей грудью—вдругъ напомнило Лыжину другого старика, недавно умершаго, знакомаго всей мыслящей старой и молодой Москвѣ. И тотъ ужинъ ему припомнился, гдѣ старикъ—проникнутый своеобразной смѣсью метафизическихъ ученій—развивалъ своимъ густымъ, надтреснутымъ и пылкимъ голосомъ одну изъ любимѣйшихъ темъ о красотѣ. И въ концѣ каждаго монолога онъ потрясалъ своими волосами, обводилъ всѣхъ добрыми близорукими глазами энтузіаста и выставлялъ изъ-подъ стола—характернымъ

и забавнымъ жестомъ—указательный палецъ и выговаривалъ убѣжденно и торжественно:

— Идея!

— Не всѣмъ, князь, можно признавать абсолюты,—выговорилъ Кострицынъ, переложивъ ногу на ногу.—И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Но позвольте,—горячѣе возразилъ князь.—Ne nous payons pas de mots! Или система ведетъ къ открытію истины, или нѣтъ? Средняго термина быть не можетъ. Но кто же повалилъ ее — спрашиваю я васъ?—обратился онъ къ Лыжину.

— Я, князь,—откликнулся тотъ: —въ спеціальныхъ вопросахъ философіи не компетентенъ. Иванъ Кузьмичъ—другое дѣло!

И онъ указалъ головой на Кострицына.

— Кто же повалилъ ее?—тѣмъ же тономъ непоколебимой вѣры спросилъ князь у Кострицына.—Не Тренделенбургъ ли? Этотъ филистеръ, впитавшій въ себя разные сорта самой жалкой эклектики? И что такое его тройственная формула, которую онъ предложилъ вмѣсто вѣчной, глубочайшей, единой? — нараспѣвъ протянулъ старикъ.—Припомните!..

— Sein, Nicht-Sein, Werden?—по-нѣмецки, съ рѣзкимъ русскимъ акцентомъ и улыбнувшись глазами, подсказалъ Кострицынъ.

— Да-съ! А у него вдругъ *бытію* противопоставлено *движеніе*, а по срединѣ *мысль*. Развѣ это не жалкое смѣшеніе понятій и сущностей? Это все равно, какъ еслибъ я, напримѣръ, вмѣсто: вода — земля — огонь — сказалъ: вода — льняное масло, молоко!

И опять раздался его могучій и дѣтски радостный смѣхъ.

— Между тѣмъ какъ у Гегеля: бытіе—небытіе—ста-но-вленіе! Величайшая философическая...

— Троица!—подсказалъ опять съ тою же усмѣшечкой Кострицынъ.

— Именно! ипостась!.. И остальныя категоріи — такого же абсолютнаго значенія!

Князь взялъ короткій чубукъ въ правую руку и повелъ имъ въ воздухѣ, точно писалъ на невидимой доскѣ монументальными буквами.

— И все остальное—такъ же ясно, глубоко и геніально найдено: время—пространство и—въ серединѣ—движеніе... А? Или: единство—притяженіе—множественность... А? Или: цѣлое—сила—части... Потомъ: причина—онъ сталъ искать слова:—взаимность...

— Взаимодѣйствіе, — какъ бы про себя поправилъ его Кострицынъ.

— Благодарю. Причина—взаимодѣйствіе—слѣдствіе... И наконецъ,—князь поднялъ плечи и закинулъ голову—и наконецъ, бытіе въ себѣ, или по себѣ—и для себя.

— Это и есть знаменитое an und für sich?—скромно спросилъ Лыжинъ.

— Именно! Это и есть то выраженіе, которымъ разные грошовые писаки такъ злоупотребляютъ... Бытіе въ себѣ—абсолютное, но не сознаваемое; бытіе въ себѣ и *для себя*—такое же абсолютное, но уже сознаваемое, и инобытіе.

„Инобытіе" долго звучало въ ушахъ Лыжина, вмѣстѣ съ раскатомъ зычныхъ возгласовъ князя и особымъ широкимъ звукомъ „ѣ„ въ словѣ „себѣ"—точно онъ произносилъ иностранное „э", съ французскимъ акцентомъ.

За тысячи верстъ очутился онъ отъ завтрака у своей пріятельницы Иды Радиной и проекта „кавалерійскихъ монастырей" —почетнаго мирового судьи Кличъ-Обношина. Черезъ нѣчто подобное проходилъ онъ, на дняхъ, только въ „избушкѣ на курьихъ ножкахъ" Цыбашева, младшаго сверстника чудака-гегельянца.

— И что такое какой-нибудь герръ Тренделенбургъ?—доносилось до него въ клубахъ ходившаго по комнатѣ дыма отъ жуковскаго табаку.—Кто теперь о немъ помнитъ? Жилъ былъ берлинскій шмерцъ, покушавшійся повалить гиганта—и нѣтъ шмерца, и даже мокренько отъ него не осталось!

— Ха, ха!—захохоталъ и Кострицынъ.

И Лыжину стало весело, на особый ладъ, отъ обаянія такой изумительной рьяности мозга и всей натуры въ древнемъ старцѣ.

— Прошу извиненія, господа,—сразу сбавивъ діапазонъ, заговорилъ князь и присѣлъ на диванъ: — угостить мнѣ васъ нечѣмъ... не осудите. Я вѣдь живу схимникомъ. И на обязательномъ сухояденіи. Опять-таки не изъ мистицизма—я имъ не зашибаюсь, а такъ легче... И давно я у себя, дома, не знаю, что такое обѣдъ. Даже отъ горячей пищи совсѣмъ отстаю.

Захотѣлось Лыжину спросить: есть ли правда въ легендѣ о томъ, какъ князь выходитъ на опушку и кричитъ: „хлѣба нѣтъ!" — но онъ удержался.

Кострицынъ мягко и безъ своего „хе, хе" спросилъ:

— Ваши сосѣди—мужички—навѣщаютъ васъ, князь?

— Я къ нимъ самъ хожу. Особенныхъ дѣлъ у нихъ до меня нѣтъ; а помочь совѣтомъ всегда успѣется.

Брови его немного сдвинулись, и грустная усмѣшка повела его губы.

— Видите, господа, о нашемъ крестьянскомъ людѣ—до вто-

рого пришествія не переговоришь. Вы слыхали про меня кое-что. . Я просто чудачина... Un naïf! „Un idiot intelligent!“—какъ меня звала покойница-матушка. Когда я пожелалъ подѣлиться съ моими крѣпостными чѣмъ могъ—я сдѣлалъ это такъ, безъ всякихъ теорій; но мечталъ—посвятить и имъ половину моей души, поднять ихъ бытъ, подтолкнуть, направить. Для нихъ и самъ сталъ учиться всякой всячинѣ, надолго забросилъ главную работу моей жизни. Что-жъ! Изъ *эстаго*—выговорилъ онъ, пожавъ плечами,—не вышло ничего. Петръ Великій добился другихъ результатовъ, потому что у него была въ рукахъ всесильная дубинка... А я только предлагалъ, и убѣждалъ, и давалъ образцы. Кое-что привилось въ кустарномъ дѣлѣ; но двѣ трети села—когда-то цвѣтущаго, при моихъ родителяхъ—теперь живутъ впроголодь.

— И даровая земля не помогла?—спросилъ Лыжинъ.

— Вѣдь съ тѣхъ поръ втрое больше душъ стало на той же землѣ. Земля-то еще есть кое-какая; а лѣсъ давно перевели и пахать-то не на чемъ. Такой новый мужицкій недугъ водворился повсемѣстно: *безлошадіе*.

— Безлошадіе!—повторилъ Кострицынъ... Мѣткое слово! Оно ваше, князь?

— Не знаю! Я его не сочинялъ... И ежели придетъ, хоть на одинъ годъ, настоящій недородъ—я не говорю голодъ—моимъ сазоновцамъ не подняться никогда — на одной землѣ. Тутъ они помянутъ и чудака князя Иларіона Иваныча, когда его не будетъ. Возьмутся, быть можетъ, за умъ и вспомнятъ—чему онъ ихъ даромъ училъ.

Старикъ всталъ. Поднялись вмѣстѣ и оба его гостя.

— Стало-быть, князь, — спросилъ Кострицынъ, приближаясь къ нему:—вы сами сознаете, что потрачено слишкомъ много силъ на неразумную толпу, которая и понять-то васъ не хотѣла,—а тѣмъ самымъ вы обдѣляли ровно настолько же вашу собственную мыслящую личность. Служеніе абсолютной истинѣ выше непрошенныхъ жертвъ.

— Положимъ, что оно и такъ—выговорилъ князь медленно и опять съ грустной усмѣшкой.—Но зато умру съ чистой совѣстью. Каковы бы они ни были, — провелъ онъ рукой въ ту сторону, гдѣ стояло село Сазоново:—передъ ними я чистъ, и они меня лихомъ поминать не будутъ. Нужды нѣтъ, что и у нихъ молодежь—нынѣшняя-то, что въ *спинжакахъ* ходитъ и *цыгарки* куритъ—называетъ меня „блаженненькій князь“.

Кострицынъ поглядѣлъ на Лыжина и они оба почуяли—какъ

трезво смотритъ на себя и на свое „юродство“ этотъ обломокъ канувшей въ вѣчность эпохи.

XXVIII.

Ида получила отъ Лыжина письмо дня черезъ четыре послѣ открытія школы—уже изъ Москвы.

„Ушелъ я изъ вашихъ мѣстъ, какъ владѣлецъ—совсѣмъ ушелъ, дорогой другъ мой,—писалъ ей Лыжинъ:—и вы за это на меня не попеняете. Къ вамъ я думаю наѣзжать, и чаще, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалъ. Меня не будетъ уже смущать вопросъ: почему я самъ не сажусь на землю и не превращаюсь въ *опростьлаго интеллигента*—какъ только, бывало, попадалъ къ вамъ. Мужъ великолѣпной Нины, коммерсантъ Кумачевъ, даетъ мнѣ—окончательно — хорошую цѣну. Лучше никто не дастъ. Что я стану дѣлать въ Москвѣ—еще пока не знаю. Я, другъ мой, слишкомъ усталъ отъ возни съ самимъ собой и погони за тѣмъ: какъ жить, что достойно усилій мыслящаго и честнаго человѣка и что недостойно. Просто, хочу *жить* на первыхъ порахъ — хотя бы изо дня въ день, только безъ ковырянья въ себѣ самомъ. Быть можетъ, возьму какое-нибудь немудрое дѣло; безъ всякихъ задачъ и громкихъ программъ. Тотъ „амбарный Сократъ“, съ наружностью сидѣльца, котораго я пригласилъ къ вамъ на открытіе школы — господинъ Кострицынъ,—соблазняетъ меня предложеніемъ, котораго я пока еще не принялъ. Случиться можетъ, что пріѣду къ вамъ на дняхъ, потолковать именно объ этомъ. Если вы скоро ждете пріѣзда вашего друга—Елены Константиновны Акридиной—жму ея руку и хотѣлъ бы съ ней повидаться—тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Москву, гдѣ она остановится, вѣроятно, все у той же великолѣпной Нины, какъ и дядя Нины—князь Иларіонъ“.

„Со мной она—на особый ладъ—любезна; только это меня, тоже на особый ладъ, не то что раздражаетъ, а покалываетъ“.

Ида тихо усмѣхнулась, перечитывая послѣднія строки и мысленно повторила выраженіе: „на особый ладъ“.

Ей сдавалось, что „Юрій“ начинаетъ подпадать подъ то, что она на своемъ языкѣ называла „suggestion féminile“. А у „Нины“ — этого было достаточно во всемъ: въ „великолѣпной“ наружности, въ изящныхъ туалетахъ, въ тонѣ, въ талантахъ.

Она читала письмо у лампы. Шелъ осьмой часъ. На дворѣ

не было метели, какъ въ тотъ вечеръ, когда пріѣхалъ, въ первый разъ, Юрій Петровичъ. Стояли послѣдніе дни полнолунія, и сквозь щели ставень, выходившихъ на террасу, виднѣлся свѣтъ, отраженный снѣжными глыбами сада.

Свою пріятельницу—Елену Константиновну Акридину — она ждала съ часу на часъ. Наканунѣ пришла отъ той депеша изъ Петербурга; но съ какимъ поѣздомъ она оттуда выѣдетъ — не значилось въ депешѣ. Съ Еленой не видалась она около двухъ лѣтъ. Это было еще за границей. Потомъ Акридина дѣлала ученую экспедицію въ Малую Азію, производила тамъ раскопки, имя ея стало извѣстнымъ и въ Европѣ, ее выбрали членомъ-корреспондентомъ одной заграничной академіи. И она много печатала въ ученыхъ изданіяхъ. Много ѣздила, въ этотъ же промежутокъ времени, и по Россіи, была на Кавказѣ и за Кавказомъ—и тамъ рыла курганы.

Но это все—работа головы. Неужели она совсѣмъ не живетъ сердцемъ, съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла? Вдовѣетъ Елена больше пяти лѣтъ и въ мужа своего не была влюблена, уважала его, считала себя его ученицей — и только. Дѣтей у нея нѣтъ и не родилось. Она еще не стара — онѣ съ ней погодки: ей самой пошелъ тридцать-шестой, а Еленѣ—тридцать-седьмой. Въ письмахъ, за послѣдніе мѣсяцы, Елена про себя, про свои чувства и настроенія писала мало, всего чаще коротенькія записки или письма побольше — фактическія, полныя именъ и своихъ маршрутовъ.

Врядъ-ли въ ней—такой живой и смѣлой по своимъ взглядамъ, съ большимъ самолюбіемъ и жаждой всякихъ впечатлѣній —заглохла потребность любить!

Когда Ида у нея объ этомъ спрашивала—та отговаривалась недосугомъ или повторяла свою характерную фразу: „мой часъ еще не пробилъ“.

Ида этому не вѣрила. У ней сложился въ душѣ особый догматъ: каждая женщина обречена на то, чтобы быть живой жертвой, приносимой ненасытному идолу — любви. Однѣ сразу погибаютъ въ его раскаленномъ жерлѣ; другія до самой смерти ходятъ съ надрѣзаннымъ сердцемъ, откуда сочится кровь; третьи— и она въ томъ числѣ —доживаютъ, отравленныя любовнымъ ядомъ, который высосалъ жизненный сокъ изъ ихъ души и оставилъ ихъ дотягивать до смерти, превратясь въ тѣнь того, чѣмъ онѣ были когда-то. Тѣ же, кто устоялъ—совсѣмъ не женщины...

И Елена не изъ такихъ. Еще два-три года—и она уже старушка, какой Ида и себя считала, безъ всякой рисовки.

Она сильно задумалась—и эта дума объ Акридиной заставила ее потянуться къ альбому, гдѣ былъ и портретъ ея, снятый въ какомъ-то полу-мужскомъ восточномъ платьѣ и высланный съ годъ назадъ, съ Кавказа, хотя этотъ портретъ Ида не любила: на немъ Елена смотрѣла старымъ безусымъ мальчикомъ-подросткомъ.

Въ коридорѣ хлопнули дверью и раздались мягкіе шаги въ валенкахъ Финогена; черезъ нѣсколько секундъ и его борода выставилась изъ двери.

— Отъ станціи кто-то къ намъ заворачиваетъ, Лидія Павловна. Что прикажете?

— Отчего же колокольчика я не слыхала?—спросила Ида, не смущенная и не обрадованная вѣстью о какомъ-то гостѣ.

— Ѣдутъ на легковомъ, въ пошевняхъ, парой.

— Что-жъ! Просите и скажите Настасьѣ, чтобы самоваръ былъ готовъ.

— Слушаю-съ.

И пяти минутъ не прошло, какъ Ида и Елена уже обнимались въ коридорѣ.

— Sans crier gare!—ласково упрекала Ида, развязывая, при помощи Евгеніи, башлыкъ на головѣ своей пріятельницы.—Я бы выслала за тобой.

— Некогда было, милая! Заторопилась вчера, на скорый поѣздъ не попала. И депешу послать забыла. Прости.

Елена говорила быстро, мало связно, очень высокимъ голосомъ, звукомъ и тономъ молодой дѣвушки.

— Озябла! Сядь къ печкѣ.

Ида ввела ее въ гостиную, поддерживая за талію—она была повыше Елены—и, поставивъ противъ лампы, осмотрѣла ее пристально, щуря на нее свои глубокіе и грустные глаза, оживленные пріѣздомъ друга.

— Постарѣла? — спросила Елена, кидая свой башлыкъ на стулъ, и встряхнула волосами.

Голова ея—большая по росту—курчавая, съ черными, густыми волосами—выступала изъ широкихъ плечъ, закинутая, по привычкѣ, нѣсколько назадъ. Лицо—отъ мороза—разгорѣлось, еще свѣжее, съ полными щеками. Носъ—крупный, прямой, говорящій о характерѣ, и толстоватыя губы дѣлали ее похожей на молодого мужчину. Но руки и ноги были маленькія, чисто женскія—и грудь полная.

На ней ловко сидѣло дорожное фланелевое платье, полосками,

и кофта, песочнаго цвѣта. Одѣвалась она не особенно модно, но безъ умышленной небрежности.

— Постарѣла?—повторила она и тотчасъ же, подбѣжавъ къ изразцовой печкѣ, приложила ладони заложенныхъ за спину рукъ.

— Нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ!—серьезно отвѣтила Ида.—Только...

— Будетъ непремѣнно предательское „только"! Что же только? Ида, моя милая?

И она еще разъ порывисто обняла ее и поцѣловала въ губы.

— Только ты—какъ на томъ портретѣ—смотришь мальчикомъ.

— Тѣмъ лучше!.. Это сохраняетъ.

Глаза Елены—съ широкимъ разрѣзомъ и голубые, при черныхъ волосахъ—задорно блеснули.

Ея возбужденность пахнула на Иду чѣмъ-то молодымъ. Она еще никогда не видала Елену такой непохожей на женщину, ушедшую въ ученые труды и разъѣзды. Прежде, бывало, она сейчасъ же начнетъ говорить, безъ устали, о своихъ работахъ—въ обязательно серьезномъ тонѣ. Теперь ей—впервые—хотѣлось, прежде всего, болтать, по-пріятельски, забывъ, что она—Елена Константиновна Акридина, ѣдущая въ Москву на ученый конгрессъ, гдѣ она будетъ читать блистательные рефераты о своихъ раскопкахъ и разныхъ топкостяхъ по археологіи.

— Чаю, конечно, хочешь?

— О! Чаю, чаю! Полъ-царства за самоваръ!—вскричала Елена.

— Сейчасъ будетъ готовъ... Ты надолго ко мнѣ?

— Хотѣла бы на цѣлую недѣлю, да меня потянутъ раньше... До субботы проживу.

— Только?

— На возвратномъ пути опять... дня два, можетъ, и больше.

— Ты у своей племянницы, la belle Nina?

— Да, она проситъ, хотя мнѣ не очень это улыбается.

Ида, стоя противъ нея, положила ей руки на плечи; та продолжала грѣть свои ладони, прикладывая ихъ къ гладкимъ изразцамъ кафельной печки. Тутъ же разсказала она про письмо Лыжина и, прищурившись, дала понять, что его, кажется, начинаетъ интересовать Нина, и онъ, вѣроятно, будетъ часто бывать у Кумачевыхъ.

— Лыжинъ!.. Въ какихъ онъ теперь? Въ толстовцахъ?

— О, нѣтъ!—протянула Ида.—Il a liquidé! Il veut simplement vivre.

— И это всего лучше!—горячо выговорила Елена и, взявъ Иду за талію, заходила съ ней по гостиной.

XXIX.

Было уже поздно; опѣ все еще не расходились спать. Въ гостиной догорала лампа. Ида лежала на диванѣ; Елена прилегла на короткой кушеткѣ, поджавъ подъ себя ноги.

Безъ умолку говорила она, за чаемъ, о своихъ планахъ, разъѣздахъ и работахъ. Въ гостиной тонъ ея сталъ вдругъ совсѣмъ иной, даже въ голосѣ заслышались болѣе низкія ноты, и фразы не сыпались такъ быстро, съ обычнымъ, рѣзковатымъ ритмомъ.

Она стала спрашивать Иду про ея послѣдній романъ. Та отвѣчала односложно, не то чтобы нехотя, а какъ о вещи, безвозвратно канувшей въ вѣчность.

— Неужели ты похоронила свое сердце? — воскликнула Акридина среди этого разговора.

— J'ai enrayé!—возразила Ида, своимъ всегдашнимъ французскимъ терминомъ.

— Enrayé! Enrayé!—подхватила Акридина.—Это тебѣ только такъ кажется. Еще еслибъ на твоемъ мѣстѣ была женщина, способная удариться во что-нибудь другое — въ науку или въ благочестіе, въ дѣтей, въ пропаганду... А вѣдь у тебя такихъ рессурсовъ нѣтъ. Какъ же ты проживешь?

— Живу, — откликнулась кротко и спокойно Ида,—и мнѣ не нужно прежняго постыднаго рабства передъ мужчиной.

Она отвѣчала по-французски. Елена вела разговоръ больше по-русски. У нея не было такой привычки думать на чужомъ языкѣ, какъ у ея друга.

— Рабство!—опять съ какимъ-то новымъ для Иды оттѣнкомъ задора повторила Елена. — Это, милая моя, фраза! — Все рабство! Безъ кислорода воздуха ты не проживешь трехъ минутъ. И это тоже рабство? Нѣтъ ни одного сильнаго ощущенія, ни идей, ни высокихъ чувствъ и дѣлъ—безъ жертвы; другими словами—безъ преклоненія передъ чѣмъ-нибудь, выше насъ стоящимъ, безъ боли, безъ потерь.

— У тебя больше умѣнья говорить, Елена,—и я спорить не буду. Ты меня спрашиваешь. Я отвѣчаю: теперь мнѣ легче, мнѣ совсѣмъ легко. Нельзя любить всю жизнь. На все—своя пора. И въ мужчинахъ это такъ же; только они испорченнѣе и менѣе смѣшны—когда влюбляются съ сѣдыми волосами.

— Ты ошиблась—вотъ и все,—говорила медленно и вдумчиво Елена, лежа на кушеткѣ, съ подушкою, которую она обняла одной рукой.—Ты ошиблась, милая,—и жестоко ошиблась. Дурной

выборъ былъ сдѣланъ цѣлыхъ два раза. Они могли и совсѣмъ тебя раздавить—такіе два опыта. Ты не потеряла, однакожъ, ничего, кромѣ призрака счастья.

— Какъ ты можешь знать?

— А ты знаешь? — Акридина приподняла голову и уперла ее на ладонь руки.—Если ты думаешь, что сердце твое заморожено навѣки—ты можешь грубѣйшимъ образомъ ошибаться! Давно какой-то мудрецъ сказалъ, что одна жизнь въ состояніи показать намъ—порочны мы или праведны. Такъ точно и въ дѣлѣ любви.

Ида слушала ее не безъ нѣкотораго удивленія, все съ возроставшимъ интересомъ. Она не могла отвѣчать ей иначе; но тутъ дѣло шло не объ одномъ ея счастіи. Въ своей пріятельницѣ зачуяла она что-то новое, и ей невольно припомнилось то, что она думала объ Еленѣ, еще сегодня, у лампы.

— Ты пойми,—доходилъ до нея вздрагивающій голосъ Елены. —Пойми, Ида: мужчина—только поводъ, или объектъ, по ученому выраженію. Но отправленіе...

— La fonction?—переспросила Ида—серьезно, точно хорошая ученица на урокѣ.

— Ну да, функція, сила, стремленіе, высшій жизненный позывъ—сидитъ въ тебѣ, въ насъ, во всѣхъ насъ—женщинахъ. И если ты этой функціи не лишилась—ничто не потеряно... Я это—не о тебѣ одной, милая... Ты испытала любовь, и она тебѣ дорого обошлась; другія и до твоей поры дожили, и ничего не испытали. Имъ, быть можетъ, сдается, что имъ не дано этой силы души, что они—нравственные уроды. И вдругъ—толчокъ, искра!..

— Un monsieur plein de suffisance et d'égoisme crasseux,— добавила Ида, безстрастно и вѣско.

— Не въ этомъ дѣло! Одинъ—негодяй, другой—герой и праведникъ... Не въ этомъ совсѣмъ дѣло! Но онъ — именно онъ, а не другой кто—заронитъ искру, и женщина сразу познаетъ—какая въ ней дремала сила и сколько эта сила въ состояніи дать радости. Или страданій—это все равно! Но какихъ страданій? Великихъ, захватывающихъ!

Голосъ Елены оборвался и точно всхлипнулъ. Въ этомъ звукѣ далъ себя знать не простой задоръ женщины, любившей „принципіально“ споръ,—что-то иное.

Идѣ припомнился другой, такой же долгій разговоръ—ночью, —это было въ Парижѣ,—и Елена, послѣ утѣшеній, въ ея послѣднемъ любовномъ ударѣ, стала негодовать, какъ женщина сра-

митъ себя, точно она неспособна ни на что, кромѣ страсти къ мужчинѣ, что для нея вся суть жизни — въ *этомъ*, въ страсти, и во всемъ, что̀ съ нею связано; а какъ только̀ ее не хотятъ больше любить, она — безполезное, никуда негодное существо, безъ идей, безъ таланта, безъ энергіи, безъ малѣйшей любви къ труду, къ человѣчеству, къ истинѣ.

Ей припомнилось даже извѣстное изреченіе, которымъ Елена заклеймила женщинъ:

— „Гробы повапленные!“

И тогда она попросила ее—объяснить ей это выраженіе: евангеліе она читала по-англійски и славянскаго языка до сихъ поръ хорошенько не понимаетъ, кромѣ самыхъ употребительныхъ молитвъ.

Лампа стала гаснуть.

— Ah, mon Dieu! — слабо воскликнула Ида и торопливо встала съ дивана.

— Погаси ее. Свѣту не нужно. Останемся въ потьмахъ... Я люблю.

Ида погасила и вернулась на диванъ. Онѣ продолжали разговаривать и темнота охватила обѣихъ особеннымъ настроеніемъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, въ потьмахъ.

— Елена!—окликнула ее Ида вполголоса.—Ты совсѣмъ другая... Неужели?..

Она не договорила своего вопроса.

— Ахъ, милая!—Акридина заложила руки за голову и лежала навзничь, смотря въ темноту, куда чуть-чуть проникалъ свѣтъ лунной ночи и отражался на изразцахъ печи.—По правдѣ тебѣ сказать, я чувствую, что во мнѣ происходитъ...

Она не сразу нашла слово.

— Une crise—quoi?—спросила Ида.

— Пожалуй! Что-жъ грѣха таить—я злоупотребляла работой ума... Это хорошо: мужское дѣло—и женщина должна за него браться, если не желаетъ быть вѣчно на правахъ малолѣтней... И вотъ, милый мой другъ,—съ нѣкоторыхъ поръ, когда много уже сдѣлано... успѣхъ, репутація—все это идетъ въ гору—совсѣмъ не того хочется!

„Я знаю—чего“,—подумала Ида и улыбнулась; не злорадно, а съ горечью за свою подругу.

— Ты понимаешь — археологія, раскопки... все это прекрасно—только сушь это непомѣрная, какъ ни приправляй ее всякимъ гарниромъ.

— Oui,—выговорила шутливо Ида:—ce n'est pas du dernier drôle!

— Талантъ хочется выразить въ чемъ-нибудь другомъ... въ краскахъ, въ звукахъ или въ образахъ. Иной разъ меня защемитъ досада на то, что я не занималась ни живописью, ни музыкой. Даже ни одной повѣсти не написала за цѣлую жизнь.

— Пиши.

— Легко сказать!

— Попробуй. Если есть талантъ—это сейчасъ будетъ видно.

— И не одно это, — продолжала какъ бы вслухъ мечтать Акридина, также вполголоса и гораздо медленнѣе:—не одно это! Встряхнуться, идти на борьбу не съ отвлеченной идеей, а съ живымъ человѣкомъ.

— Avec un mâle,—проронила Ида.

Елена точно не слыхала этихъ словъ.

— Все бросить, хоть на время, и узнать что̀ такое—когда забываешь себя, когда новая, сладкая сила подниметъ тебя надъ землей и понесетъ, какъ въ сказкѣ.

— Mais, mon vieux,—выговорила громче Ида,—tu veux aimer!

— Не знаю,—вымолвила она почти съ горечью.

— Или ты уже любишь?

— И не думаю!—болѣе весело вырвалось у Акридиной.—Однако пойдемъ спать; а то мы—какъ двѣ институтки на вакаціи.

Ида зажгла свѣчу и, взявъ, съ блуждающей улыбкой, свою подругу за талію, повела ее въ ея комнату.

Горничная спала—и онѣ ее не будили.

Дверь комнаты „для гостей“ приходилась наискосокъ спальни Иды. Онѣ оставили обѣ двери открытыми, чтобы можно было переговариваться.

Свѣчи были уже потушены.

— Елена, ты спишь?

— Нѣтъ, совсѣмъ не хочется.

— Здѣсь ночевалъ Юрій Лыжинъ.

— Каковъ онъ теперь?—спросила возбужденно Елена.—Постарѣлъ? Опустился?

— Au physique—point. Il peut plaire.

— Ну, а душой?

— Очень милый; но утомленный... Мы понимаемъ другъ друга.

— Отчего же ты нейдешь за него?

— Онъ не сватается,—полу-смѣясь, отвѣтила Ида.

— Чего же ему еще надо?

— Мы оба мужчины.

— Не вѣрю, — протянула Елена.—Прощай! Пора, милая.

— Прощай!

Все смолкло; только на дворѣ собака-овчарка тявкнула разъ, другой и опять забилась въ конуру.

„Cette pauvre Hélène a quelque chose“,—убѣжденно подумала Ида и стала засыпать.

XXX.

Сосновый лѣсъ стоялъ безмолвно, окрашенный съ одного конца косвенными лучами заката. Тропка, расчищенная вдоль просѣки, вела къ усадьбѣ.

Впереди шли рядомъ Акридина и Боярцевъ.

Онъ поѣхалъ утромъ поблагодарить Лидію Павловну за приглашеніе на открытіе школы и переговорить о какихъ-то формальностяхъ насчетъ училищнаго совѣта. У нея въ домѣ онъ былъ въ первый разъ. За завтракомъ у нихъ съ Акридиной зашелъ разговоръ, до какихъ она была такая охотница, и продолжался на прогулкѣ въ лѣсъ.

Ида уже замѣтила, что этотъ стройный и красивый блондинъ, съ его особеннымъ серьезнымъ тономъ и симпатичнымъ голосомъ, сразу вызвалъ въ ея подругѣ желаніе помѣряться съ нимъ идеями и вкусами. Онъ далъ понять, что знаетъ ее по репутаціи и самъ интересуется русскими древностями. Къ концу завтрака у нихъ вышелъ уже споръ, и Елена сказала ему довольно рѣзко:

— Извините меня, я занимаюсь археологіей, какъ наукой; но руссофильства на деревянномъ маслѣ не придерживаюсь.

Боярцевъ смолкъ и до конца завтрака говорилъ почти исключительно съ Идой. Это задѣло Акридину, и въ лѣсу, когда Ида, двигаясь очень медленно, отстала отъ нихъ, она возобновила разговоръ въ другомъ, болѣе сдержанномъ тонѣ.

Внутренно она волновалась и теперь, идя съ нимъ въ ногу, еще явственнѣе для самой себя, чѣмъ за завтракомъ.

Въ профиль она находила Боярцева еще красивѣе. Черты были, правда, нѣсколько мелки для такого виднаго роста. Общій обликъ нравился чистотой линій и выраженія. Щеки розовѣли, совсѣмъ какъ у юноши. Она уже замѣтила за завтракомъ, что онъ не разучился краснѣть, хотя былъ совсѣмъ не застѣнчивъ и

говорилъ убѣжденно, хорошо владѣя фразой. Она уже сообразила, что Боярцевъ университетскаго образованія и очень начитанъ. Можетъ быть, онъ даже магистрантъ: нынѣче не рѣдкость и въ уѣздѣ, въ званіи предводителя, встрѣтить такихъ. Въ немъ—въ его языкѣ, звукѣ голоса, манерахъ, тонѣ, во всемъ—сидѣлъ настоящій москвичъ, „барское дитя", какъ она мысленно опредѣлила его,—но барское дитя „вкусившее интеллигенціи"—и въ значительной долѣ.

— Вы, пожалуй, — заговорила Елена и взглянула на него въ-бокъ:—въ правѣ были счесть меня за нетерпимую сектантку... за нигилистку, можетъ быть, ха, ха...

Елена уже знала, что его зовутъ Романъ Денисовичъ; но не называла его по имени и отчеству.

Боярцевъ замигалъ—это у него часто бывало въ разговорѣ—и поправилъ рукой бобровую шапку. Одѣтъ онъ былъ въ дорожный тулупчикъ, съ таліей, на мерлушкѣ, со стоячимъ воротникомъ, что его еще болѣе моложавило.

— Нисколько,—отозвался онъ, подумавши.—Мы, кажется, не одного лагеря; но развѣ я такъ отзываюсь деревяннымъ масломъ?

— Ха, ха!—Елена разсмѣялась очень молодо и, остановившись, протянула ему руку... Sans rancune! Я беру свои слова назадъ.

Боярцевъ пожалъ ея руку съ двойственной усмѣшкой.

Она почувствовала себя задѣтой. Этотъ „аристократишка" хочетъ все давать ей уроки такта и обращенія. Вѣдь и она не разночинка и не выскочка. И ее воспитали какъ барышню. Это не помѣшало ей стать тѣмъ, что она есть, и свое душевное и умственное добро защищать всегда и вездѣ по-мужски.

— Можно,—сказалъ Боярцевъ, помолчавъ опять,—не быть ни ханжей, ни даже руссофиломъ, въ извѣстномъ смыслѣ, и чувствовать между собою и народомъ своимъ коренную связь.

И онъ поглядѣлъ на нее въ-бокъ, съ полуопущенными рѣсницами.

— Я этого не отрицаю.

— И мнѣ кажется, — мягче и задушевнѣе продолжалъ Боярцевъ:—для тѣхъ, кто, какъ вы, изучаетъ, между прочимъ, и нашу старину—тяжело сознавать, что между вами и народомъ—пропасть, во всемъ, чѣмъ онъ духовно живетъ.

„Вонъ ты куда пробираешься!" — подумала она и чуть замѣтно закусила губу.

— Его духовной жизнью мы и занимаемся — его религіей, бытомъ, преданіями и искусствомъ...

— Не спорю. Я васъ... Елена Константиновна, — тономъ полу-вопроса произнесъ онъ: — недостаточно знаю, въ смыслѣ вашихъ основныхъ идей и вѣрованій; но мнѣ кажется, что у многихъ изслѣдователей народной души отношеніе къ нашему народу—точно къ какимъ папуасамъ. Это для нихъ такой же предметъ, какъ и каннибалы, какъ первобытные народы въ эпоху матріархата, поліандріи, общности женъ или кровомщенія.

— Наука стоитъ выше отжившихъ пристрастій и вѣрованій! — выговорила Акридина опять болѣе твердымъ, мужскимъ тономъ.

Въ ней забродило сложное чувство: этотъ „дворянчикъ", въ званіи предводителя, который и сегодня, за завтракомъ, крестился съ какой-то особой обстоятельностью, — человѣкъ не ея лагеря. Она такихъ уже встрѣчала и въ свѣтскихъ гостиныхъ, и въ интеллигенціи, часто и среди ученыхъ. Многіе ея коллеги по археологіи и первобытной культурѣ „зашибаются" славянофильствомъ и руссофильствомъ. Пускай бы и этотъ, во всякомъ случаѣ, дилеттантъ, хотя и начитанный, вѣрилъ, во что ему угодно. Не это ее теребило, а то, что онъ держится съ ней тона *молодого* человѣка, ведущаго умный разговоръ съ спеціалисткой извѣстной репутаціи и извѣстныхъ *лѣтъ*.

Дорогой она нѣсколько разъ, незамѣтно для него, взглядывала на Боярцева. Онъ — еще совсѣмъ молодой человѣкъ; на видъ ему много двадцать-четыре года, хотя Ида и говорила ей, что ему—подъ тридцать.

И рядомъ съ нимъ она уже дама, годится ему въ *старшія* сестры; а злобный шутникъ скажетъ: „и въ тетеньки". Женщины онъ въ ней точно совсѣмъ не замѣчалъ.

Быть можетъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла, испытывала она около молодого мужчины такое раздвоеніе своей личности. И женщина въ ней заговорила сильнѣе спеціалистки и сторонницы строго научныхъ взглядовъ, не желающей вдаваться ни въ какой мистицизмъ, чѣмъ бы онъ себя ни прикрывалъ.

Съ нѣкотораго времени она стала гораздо больше заниматься своимъ туалетомъ, и Ида уже замѣтила это ей сегодня съ одобреніемъ. Но она пошла гулять въ шубкѣ „по тальѣ", отзывавшейся третьегодней модой. Она ей была узковата. Шапочка тоже не особенно шла къ ней. На ногахъ большія калоши— „бахилы", какъ говорятъ въ Москвѣ.

Все это она должна была обновить, какъ только поселится у своей племянницы, Нины Кумачевой.

— Вы живете въ имѣніи или только наѣзжаете сюда? — спросила она, не безъ желанія перемѣнить тему разговора, чтобы не выдавать себя.

— У меня въ Москвѣ—pied-à-terre, зимой, но я больше въ усадьбѣ.

— И ваша должность васъ интересуетъ?

Противъ ея воли вопросъ звучалъ скептически.

— Весьма!.. Должность эта теперь,—онъ протянулъ слово,— очень вліятельная и очень серьезная.

— Будто?

— Увѣряю васъ.

И во взглядѣ его слегка прищуренныхъ глазъ она могла прочесть:

„Какъ же это вы, сударыня, занимаетесь отечествовѣденіемъ, а не знаете: какъ живетъ теперь русскій уѣздъ и какую серьезную роль можетъ играть въ немъ предводитель?“

— Вы считаете и земскихъ начальниковъ важнымъ институтомъ?

Не сразу отвѣтилъ Боярцевъ.

— И они могутъ быть очень полезны. Народъ нашъ нуждается въ хорошемъ руководительствѣ.

— Но если вы народникъ, какого бы то ни было оттѣнка, вы не должны ему навязывать опеку.

— Я не считаю себя народникомъ, какъ вамъ, быть можетъ, угодно думать, — медленно выговорилъ Боярцевъ, точно прислушиваясь къ своему голосу.—Правду и добро, все, что̀ есть въ нашемъ крестьянствѣ здороваго и благотворнаго—оно воспитало въ себѣ на общечеловѣческой почвѣ...

— Какой же?—нетерпѣливо подхватила Акридина.

— Христовой вѣры.

„Ну да, ну да... такъ и есть“, — подтвердила она, и ей стало досадно на самоё себя: она все волнуется въ разговорѣ; а у него—прекрасный тонъ.

— Подождемте Иду!—сказала она у опушки лѣса.

Ида догнала ихъ черезъ три-четыре минуты. Она запыхалась и щеки ея порозовѣли. Воротникъ живописно обрамлялъ ея интересную голову.

— Все въ спорахъ?—сказала она, подойдя къ нимъ.

— Нисколько!—отвѣтила за обоихъ Акридина.

Боярцевъ сталъ прощаться, не входя въ комнаты; ему надо было попасть засвѣтло на станцію.

— Вы вѣдь знакомы съ Ниной? — спросила Акридина Боярцева.

— Встрѣчалъ.

— Мы еще увидимся... Вы посѣтите нашъ съѣздъ?

— Постараюсь.

— Я попрошу моего знакомаго Лыжина дать вамъ знать о пріѣздѣ Иды.

Боярцевъ молча поклонился и пожалъ имъ обѣимъ руки.

Его сани дожидались тутъ же у крыльца.

XXXI.

Все было готово къ отъѣзду Акридиной въ Москву послѣ ранняго завтрака.

Ида ходила по гостиной и подносила изрѣдка папиросу къ своимъ блѣднымъ губамъ. Къ ней иногда возвращалось желаніе курить, но чаще въ разговорѣ, чѣмъ въ одиночествѣ.

Наклонившись надъ кожанымъ дорожнымъ мѣшкомъ, Елена укладывала въ него какія-то брошюры.

— Ты даешь мнѣ слово пріѣхать въ Москву?—живо окликнула она Иду.

— Развѣ это нужно? Вѣдь ты еще заѣдешь сюда?

— Милая! Я не могу ручаться, что меня не начнутъ таскать по разнымъ обществамъ и вечерамъ и я, противъ воли, заживусь.

— Если такъ... я пріѣду.

— Ты у Нины не остановишься?

— Съ какой стати?

Елена защелкнула замокъ мѣшка и, сдѣлавъ жестъ руками, похожій на тотъ, когда апплодируютъ, подошла къ Идѣ.

— Видишь ли... я сама не очень рада тому, что буду гостить у Нины. Но я не хотѣла ее обидѣть. Въ ея родственныя чувства—между нами—я не очень вѣрю. Она и мужъ ея интересуются мною, потому что я—на виду. Въ нѣкоторомъ родѣ феноменъ,—со смѣхомъ добавила она.

И тотчасъ же, о чемъ-то подумавъ, она остановила Иду и положила ей руки на плечи, своимъ любимымъ жестомъ.

— Помнишь, мы видѣли съ тобой въ Парижѣ или въ Пе-

тербургѣ... кажется, въ Петербургѣ, какую-то пьесу, она еще меня возмутила... гдѣ главное лицо—женщина-врачъ?

— La doctoresse?

— Да, да! И когда она попадаетъ въ семейство клоуновъ, ей старшая дочь говоритъ: „Vous êtes phénomène... Moi aussi je fus phénomène!“

Онѣ обѣ засмѣялись.

— Вотъ и я для Нины феноменъ,—повторила Елена.

— Тебѣ будетъ тамъ хорошо. Юрій сегодня встрѣтитъ тебя.

— Ты развѣ писала?

— Я послала ему депешу.

— Зачѣмъ?

— Il faut qu'il se dégourdisse un peu.

— Ты думаешь, что Нина... lui donne sur la peau?—кончила она по-французски.

— Peut-être.

— Не надо этого желать, милая. Онъ можетъ увлечься. А у Нины здѣсь, кажется, ничего нѣтъ.

Она указала на сердце.

—Любить ему—поздно,—сказала Ида. Онъ слишкомъ утомленъ.

— Отъ чего? Настоящей жизнью онъ не жилъ, только дѣлалъ опыты. Вы съ нимъ, Ида, слишкомъ рано ликвидировали.

— Не такъ жили. Ты вотъ собираешься, кажется, заново жить?

Ида поцѣловала подругу и взглянула на нее игриво.

— Le beau blond? Hein?—вполголоса выговорила она.

— Какой?

— Боярцевъ.

— Вотъ глупости какія!

— Ты покраснѣла!.. Елена, ты покраснѣла!

— И не думала! Если это и герой, то не моего романа. Онъ еще мальчуганъ. Я ему въ тетки гожусь.

— Qui sait!—протянула Ида.

Изъ дверей показалась борода Финогена, съ обычнымъ выраженіемъ, говорящимъ: „все готово“.

— Пора?—спросила его Елена.

— Пора, Елена Константиновна, къ поѣзду только что такъ.

— Хорошо. Вещи вынесъ?

— Такъ точно.

Елена отдала ему мѣшокъ, въ коридорѣ поспѣшно одѣлась съ помощью Евгеніи и нѣсколько разъ поцѣловала Иду въ лобъ и въ губы.

— Пріѣзжай. Тебѣ надо встряхнуться. Я не хочу, чтобы ты заживо себя похоронила.

— Хорошо.

Ида укутала ее въ бѣлый пуховый платокъ и хотѣла проводить въ сѣни; Елена остановила ее.

— Простудишься. Поклонись отъ меня твоей учительницѣ. Она мнѣ очень понравилась. Толковая и скромная.

Елена посѣтила наканунѣ школу и оставалась тамъ до обѣда.

— Что въ ней краснаго?—вполголоса спросила Ида.

— Ничего! Я доложу господину Кумачеву, что онъ сдѣлалъ просто гадость. Но ей у тебя не хуже. Ну, прощай.

Онѣ еще разъ обнялись, и Елена бодро сбѣжала со ступеней крыльца и сѣла въ пошевни, покрытыя ковромъ.

Финогенъ погналъ лошадей. Всѣ собаки провожали ихъ съ радостнымъ лаемъ. Дорога была уже укатана, морозъ легкій, и пріятный свѣтъ лился съ блѣднаго неба.

— Что не погостили у насъ подольше, милостивая государыня?—спросилъ Финогенъ, обернувши къ ней улыбающееся лицо.

— Пора въ Москву.

— Барышню нашу не соблазнили попасть въ столицію?

— Пріѣдетъ. Обѣщала.

— Разлюбезное бы дѣло... Авось и женишка. А то все въ одиночествѣ обрѣтаются.

И, не докончивъ, Финогенъ ударилъ по лошадямъ; но внезапно опять обернулся и добавилъ:

— Вы меня не обезсудьте, милостивая государыня... я отъ своего убогаго разумѣнія.

Она весело кивнула ему головой и внутри ея все смѣялось отъ его „милостивой государыни“.

Собаки продолжали скакать по сторонамъ и впереди саней. Лошадки такъ и рвались. Финогенъ пускалъ особое гиканье и онѣ сбивались тогда вскачь.

До прохода поѣзда въ Москву оставалось всего четверть часа. Финогенъ суетливо сталъ выгружать изъ саней вещи и пригласилъ Елену Константиновну—„пожаловать“ въ пассажирскую залу и поручить ему покупку билета и сдачу багажа.

Онъ со всѣмъ этимъ справился очень быстро. Билетъ онъ взялъ перваго класса, о чемъ Акридина немного пожалѣла; но потомъ подумала, что за ней, вѣроятно, выѣдетъ Нина и поморщится, видя, какъ ея тетка вылѣзаетъ изъ вагона второго класса.

Совсѣмъ уже смерклось, когда оберъ-кондукторъ усадилъ ее

въ дамское отдѣленіе, гдѣ она оказалась одна и одной просидѣла до самой Москвы.

Читать ей не хотѣлось, хотя спальный кондукторъ, заглянувъ къ ней, предлагалъ свѣчу. Она легла на одинъ изъ диванов и, съ закрытыми глазами, въ сизомъ полусвѣтѣ, который шелъ отъ фонаря, завѣшеннаго матеріей, раздумалась.

Сначала объ Идѣ. Она уѣзжала отъ нея точно отъ тяжкобольной, не сознающей, что ее давно приговорили къ смерти. Ида не жаловалась, увѣряла ее, что ничего не желаетъ, кромѣ тишины, свободы и хорошаго одиночества. Школа—правда—занимаетъ ее; но она не кладетъ въ нее всей души. Да и что же такое школа? Развѣ она можетъ такъ захватить? Есть хорошая учительница... Каждый день надзирать и опекать — это только путать безъ толку.

Нѣтъ, она не вѣрила, чтобы Ида покончила жизнь женщины. А если—да, то она—мертвецъ. Безъ любви ея существованіе не имѣетъ смысла.

И это слово „любовь", выговоренное ею мысленно, какъ-то непроизвольно вызвало въ головѣ картинку. Они идутъ по лѣсной тропѣ съ предводителемъ... Ида напрасно думаетъ, что „le beau blond" задѣлъ ее. Однако, оставилъ какое-то чувство не то досады, не то задора, не то любопытства, если не яркаго желанія—приглядѣться къ этому „спиритуалисту": такъ она его и назвала—для себя.

До сихъ поръ вездѣ, гдѣ она играла первую роль, мужчины—даже и не ея лагеря—или говорили общія лестныя фразы, или спорили—въ деталяхъ. Этотъ „дворянчикъ" едва-ли не первый сказалъ ей сразу, что между нею и народомъ, который она изучаетъ, лежитъ пропасть, и до души этого народа—ей дѣла нѣтъ! Это—неправда. Она всегда жалѣла и любила народъ,—разумѣется, не на основѣ „деревяннаго масла".

Въ родѣ Боярцева она встрѣчала мужчинъ, въ послѣдніе три-четыре года; совершенно похожаго—нѣтъ. И по внѣшности — также.

Подъ качающій ритмъ поѣзда она забылась, и ей, въ полуснѣ, опять среди снѣжной природы, видѣлось мужское лицо, съ тонкими, некрупными чертами, съ нѣжной краской щекъ. И голосъ—высокій, почти юношескій—слышался, вплоть до манеры произносить отдѣльныя слова.

Какъ иглой проколола ей мозгъ мысль: „Я гожусь ему въ тетеньки".

Елена раскрыла глаза и быстро подняла голову.

Поѣздъ въѣхалъ уже подъ сводъ вокзала и электрическій свѣтъ заливалъ все, забираясь и въ полутемноту вагона.

Первый подошелъ къ ней на платформѣ высокій мужчина въ сибирскомъ ергакѣ и бурой войлочной шапкѣ.

Она очень обрадовалась Лыжину и звонко поцѣловала его въ щеку, когда онъ наклонился къ ея рукѣ.

— Здѣсь Антонина Борисовна—сказалъ онъ ей, улыбнувшись изъ-подъ своихъ длинныхъ усовъ:—и вашъ знакомый — Эсауловъ.

Нина уже подходила къ ней, съ другой стороны, и шуба—свѣтло-гороховая, съ богатымъ шитьемъ, подбитая розовымъ тибетскимъ мѣхомъ—въ первую минуту совсѣмъ озадачила ее.

— Ma tante!—музыкально воскликнула Нина, сіяя своимъ чудеснымъ цвѣтомъ лица. Вы со мною, въ каретѣ. Monsieur Эсауловъ—указала она на своего пріятеля—пріѣхалъ привѣтствовать васъ.

— Мы старые знакомые,—замѣтила Елена, и тутъ же почувствовала—какъ она мала ростомъ, немолода и не нарядна, рядомъ съ этой „великолѣпной“ Ниной, въ ея шубѣ на розовомъ мѣху, придававшей ей что-то полусказочное—въ волнахъ голубоватаго электрическаго свѣта.

XXXII.

Сторы были еще спущены въ тѣхъ двухъ комнатахъ, куда Нина помѣстила Акридину, въ первомъ этажѣ, по другую сторону сѣней, гдѣ не такъ давно была дѣтская, переведенная наверхъ.

Наканунѣ Елена вернулась въ третьемъ часу почи съ совѣщанія, которое затянулось и кончилось очень длиннымъ, чисто московскимъ ужиномъ, съ рѣчами и здравицами. Взглянувъ на часики, поставленные на почномъ столикѣ, она застыдилась своего „безобразія“ и тотчасъ же вскочила съ постели.

Горничной она не звала. Она привыкла—давнымъ-давно—обходиться безъ прислуги. Все было приготовлено съ вечера на ея умывальномъ столѣ, и платье висѣло въ шкафу, вынутое изъ чемодана.

Обѣ комнаты—спальня и родъ гостиной—составляли особое помѣщеніе и были отдѣланы съ солидной, англійской роскошью. Такъ помѣщаютъ своихъ гостей только въ англійскихъ усадьбахъ. Она даже вспомнила такія двѣ комнаты, отведенныя ей въ кот-

тэджѣ, въ окрестностяхъ Лондона, у одного богатаго адвоката, имѣющаго имя въ соціальныхъ наукахъ; только тамъ была еще ванна, а въ домѣ Кумачевыхъ она помѣщалась особо.

Все—начиная съ вида и костюма горничной и до послѣдней подробности комфорта — поражало въ русскомъ домѣ своей добротностью и изяществомъ. Ничего подобнаго не видала она и въ самыхъ богатыхъ барскихъ домахъ. Тамъ, почти всегда, парадныя комнаты, будуаръ, спальня хозяйки отдѣланы роскошно; а остальное—кое-какъ—даже въ деревенскихъ домахъ, съ десятками комнатъ.

Родители Нины прожили большое состояніе, и она помнитъ, какъ ея мать бросала деньги на разныя затѣи, но еслибъ ей пришлось у нихъ гостить, въ Россіи или за границей—ее бы помѣстили въ тѣсную комнату съ желѣзной койкой и плохимъ умывальникомъ.

Поспѣшно одѣваясь, Елена не могла не думать о новомъ классѣ русскихъ людей, откуда вышелъ супругъ великолѣпной Нины — купчикъ Кумачевъ, находящійся на прямой линіи къ камеръ-юнкерству и къ должности лорда-мэра, когда придетъ его чередъ. И она еще не знала, кто кого перевоспитываетъ на свой фасонъ: Нина—Захара Лукьяновича, или онъ — жену? Кажется, происходитъ,—какъ она вчера замѣтила, засыпая,—органическій „экзосмозъ“ и „эндосмозъ“, проникновеніе взаимно притягивающихся элементовъ.

И вчера же, уѣзжая послѣ обѣда на совѣщаніе, она невольно поставила рядомъ двѣ фигуры и двѣ физіономіи: коммерсанта Кумачева и предводителя Боярцева. При всемъ ихъ несходствѣ—въ обоихъ есть что-то общее. Они оба — одной полосы и того же десятилѣтія. Въ обоихъ — сознательный и довольно твердый консерватизмъ, съ національной окраской, хотя одинъ—кажется идеалистъ; а другой—несомнѣнный практикъ.

Еленѣ стало почти непріятно, что Кумачевъ напомнилъ ей о Боярцевѣ.

Она еше вчера, за завтракомъ, спрашивала — знакомы ли Кумачевы съ Боярцевымъ. Нина встрѣчала его въ одномъ строгомъ дворянскомъ домѣ; мужъ ея зналъ его по какой-то коммиссіи, гдѣ они оба засѣдали, какъ гласные. Но у нихъ онъ не бываетъ. Нина тотчасъ же предложила ей позвать его обѣдать, на что она отвѣтила, что знакома съ нимъ слишкомъ еще мало.

Съ Ниной онѣ на „вы“. Она ей приходится теткой, но самой отдаленной: она была троюродная сестра ея матери, чуть не на двадцать лѣтъ моложе той. На это она обратила вниманіе

Захара Лукьяновича—чего съ ней никогда не случалось. Своихъ лѣтъ она никогда не скрывала и даже любила повторять, что ей подъ сорокъ, когда ей было только „сильно“ за тридцать. И она ощутила—за тѣмъ же разговоромъ о Боярцевѣ—явственное удовольствіе, когда мужъ Нины на ея замѣчаніе, что онъ „юнъ“ обстоятельно отвѣтилъ:

— Это только такъ кажется... Я полагаю, что ему за тридцать, не меньше тридцати двухъ-трехъ

Стало-быть онъ моложе ея на какихъ-нибудь три-четыре года, а можетъ—и ровесникъ.

Въ гостиной — пока Акридина спала — все было готово для утренняго чая—и опять въ англійскомъ вкусѣ—даже и гренки стояли въ серебряномъ штативѣ, и приборъ для бараньихъ котлетъ, и чашечка для яицъ въ смятку. Стоило только позвонить—и оффиціантъ сейчасъ все внесетъ и уставитъ. Нина сама предложила ей пить утромъ чай у себя, „какъ въ отелѣ“ — прибавила она, и если она желаетъ, то у себя же и завтракать.

И какъ въ хорошемъ отелѣ, на одинъ звонокъ являлся лакей, на два—горничная, на три—швейцаръ.

Два оффиціанта въ темно-коричневыхъ ливрейныхъ фракахъ сразу внесли серебряный самоваръ и горячую ѣду.

Одинъ изъ нихъ, уходя, доложилъ ей:

— Господинъ Лыжинъ приказали спросить: могутъ ли они пройти къ вамъ? Они теперь въ кабинетѣ Захара Лукьяновича.

Это ее обрадовало. Вчера она мелькомъ видѣлась съ нимъ; а въ этотъ пріѣздъ ей о столькомъ надо было переговорить съ нимъ по душѣ.

Лыжинъ нашелъ ее за ѣдой и шутливо попенялъ ей позднее вставаніе — было уже около двѣнадцати. Отъ чая и яицъ онъ отказался.

Лицо Елены нашелъ онъ несвѣжимъ, съ красноватыми вѣками отъ вчерашняго ужина. Туалетъ ея — хотя она и очень быстро одѣвалась—былъ уже не домашній, а приготовленный къ выѣзду и онъ шелъ къ ней. Но, какъ всегда, она смотрѣла скорѣе мальчикомъ, чѣмъ дамой за тридцать.

— Спасибо, Юрій Петровичъ, большое спасибо, что зашли именно теперь. Я—черезъ полчаса—улетучиваюсь и на цѣлый день. А я такъ жажду бесѣды съ вами. Извольте, прежде всего, говорить о себѣ... Чаю хотите?

— Чашку выпью.

Лыжинъ сидѣлъ сбоку стола, наклонивъ голову, и тихо улыбался. Съ Акридиной ему было не такъ легко и покойно, какъ

съ Идой; но онъ теперь уже не боялся ея „прямолинейности“ и готовъ былъ прямо сказать ей, что считаетъ себя „нравственнымъ банкрутомъ“.

На это ему не нужно было никакихъ подходовъ; да и она отъ Иды слышала про его теперешнее настроеніе.

— Что-жъ, Лыжинъ, — говорила она ему, прихлебывая изъ чашки послѣ котлеты:—вамъ надо осмотрѣться и просто пожить.

— Я это и дѣлаю.

— Но не думать, что вы ликвидируете. Нѣтъ! Вы покончили съ временнымъ сектантствомъ... И прекрасно. Я васъ за это хулить не буду. Довольно! Это все бунтъ противъ науки. Я вотъ не считаю себя падшей душой оттого, что, признавая знаніе, не желаю создавать себѣ кумира ни изъ чего — вплоть до народа.

— У васъ есть наука... а у меня?

— А передъ вами—вся книга жизни. Берите изъ нея, что хотите.

Елена оглядѣла его своими близорукими большими глазами, гдѣ заискрилась ласка.

— Да вы еще — интересный мужчина! Нужды нѣтъ, что виски серебрятся. Вы и Ида— „des malades imaginaires“—каждый по своей части, ха, ха! И слѣдовало бы вамъ кончить бракомъ.

— Куда!

Лыжинъ комически тряхнулъ головой.

— Ничего! И вообще, другъ мой, вы мнѣ кажетесь совсѣмъ не заштатнымъ, убитымъ жизнью. Вздоръ!

Понизивъ тонъ, она спросила его быстро:

— Вы продаете имѣніе Кумачеву?

— Уже продалъ. Послѣ завтра—купчая.

— И неужели будете простымъ буржуемъ? — подчеркнула она съ усмѣшкой.—Купоны отрѣзывать?

— Представьте...—Лыжинъ еще придвинулся къ ней и сталъ говорить вполголоса.—Этотъ милліонеръ, черезъ своего фактотума, очень курьёзную личность—нѣкоего господина Кострицына...

— Я вчера съ нимъ здѣсь обѣдала. Онъ, кажется, изъ интеллигентовъ?

— Еще изъ какихъ! Такъ вотъ Захаръ Лукьяновичъ сначала черезъ него посондировалъ почву—не соглашусь ли я принять должность... какъ бы это сказать—оберъ-контролера что-ли —его двухъ мануфактуръ и лѣсныхъ угодій?

— Да развѣ вы смыслите въ фабричномъ дѣлѣ?

— Контроль—понимаете—общій: положеніе рабочихъ, дѣй-

ствія мѣстной администраціи, надсмотръ за лѣснымъ хозяйствомъ —въ немъ я кое-что смыслю, какъ бывшій землевладѣлецъ. И господинъ Кострицынъ—я его прозвалъ: „амбарный Сократъ“— подошелъ очень ловко: „Въ васъ-де, все-таки, сидитъ до сихъ поръ народолюбецъ, такъ чего же лучше, какъ не быть посредникомъ между капиталомъ и трудомъ?.. Захаръ-де Лукьяновичъ не долюбливаетъ фабричныхъ инспекторовъ, потому что они умничаютъ и носъ во все суютъ. Онъ надумалъ имѣть контроль по своему почину, столько же въ интересахъ хозяйской экономіи, сколько въ интересахъ трудовой массы“.

— Идея хороша... Но нѣтъ ли тутъ подвоха?

— Не знаю.

— Можетъ быть,—она подмигнула:—тутъ есть починъ моей великолѣпной племянницы?

— Врядъ-ли.

— А Ида думаетъ,—выговорила Акридина совсѣмъ тихо:— что она... qu'elle vous donne sur la peau, — добавила она по-французски.

— Очень ужъ скоро было бы.

И онъ спросилъ звукомъ ниже:

— Такъ какъ вы находите?

— Попробуйте. Берите. Къ чему васъ это обязываетъ? Вы сейчасъ очутитесь въ самомъ пеклѣ жизни.

— Но вѣдь это, голубушка, опять къ той же приведетъ неразрѣшимой дилеммѣ: народъ, его нужды, забитость или—капиталъ, невозможность повалить его.

— Да, тому Лыжину, который страдалъ искаліемъ абсолютовъ морали и справедливости — стало бы тяжко; но вѣдь теперешній Лыжинъ сбросилъ съ себя иго всякихъ прописей?

— И вмѣсто свободы и простой, тихой жизни попадетъ въ пекло, какъ вы сейчасъ выразились.

— Попробуйте!.. Одно то, что это васъ сдѣлаетъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Нины. А ею, какъ типомъ, стоитъ заняться.

— Я не писатель.

— Во всякомъ случаѣ васъ здѣсь по-своему оцѣнятъ.

Она встала и положила салфетку на столъ.

— Мнѣ пора! Такая досада. Завтра я ваша, цѣлый вечеръ.

И какъ бы вскользь, она кинула ему, уходя въ спальню, докончить туалетъ:

— Вы вѣдь познакомились у Иды съ Боярцевымъ? Какъ вы его нашли?

— Онъ интересенъ.

— Не правда ли? Нина предлагала мнѣ просить его обѣдать. Но надо сначала, чтобы онъ заѣхалъ ко мнѣ... Вы, быть можетъ, встрѣтитесь съ нимъ...

— Если онъ васъ интересуетъ, я вамъ его добуду.

— Mercі! Другъ!—оживленно откликнулась она и еще разъ кивнула ему головой на прощанье.

XXXIII.

Въ приходѣ „Успенья - на - Могильцахъ“ небольшой барскій особнякъ съ мезониномъ уютно помѣщался на углу переулка. Передъ домомъ шелъ чистенькій палисадникъ изъ подстриженныхъ тополей, съ широкой дорожкой, покрытой красноватымъ пескомъ. Подъѣздъ былъ со двора, по старинному.

Часу въ десятомъ утра въ домѣ стояла глубокая тишина; но въ немъ и господа, и прислуга давно уже встали.

Мезонинъ занималъ Боярцевъ, когда жилъ въ Москвѣ; низъ дома — его мать; принималъ онъ менѣе близкихъ знакомыхъ и по дѣлу—въ залѣ.

Сегодня, какъ и ежедневно, мать его, Татьяна Егоровна Боярцева, уже пошла пѣшкомъ къ поздней обѣднѣ. Сынъ проснулся часовъ въ восемь и, до полнаго разсвѣта, читалъ больше часа у себя въ мезонинѣ, гдѣ онъ изъ цѣлой его половины устроилъ себѣ обширный кабинетъ, весь уставленный книжными шкафами. Письменный столъ, піанино и токарный станокъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими креслами и кожанымъ диваномъ — дополняли обстановку.

Уже много лѣтъ, какъ Татьяна Егоровна Боярцева вдовѣетъ. Ея старшій сынъ живетъ въ другой губерніи и служитъ тамъ по земству. Дочери она внезапно лишилась два года назадъ, и эта смерть наложила на ея жизнь еще болѣе строгую тѣнь. Она почти никуда не выѣзжала, кромѣ одного общества, гдѣ была членомъ совѣта, и двухъ-трехъ институтскихъ подругъ, изъ которыхъ одна попала недавно въ игуменьи. Къ ней Боярцева ѣздила каждую недѣлю.

Цѣлые дни—когда сынъ жилъ въ усадьбѣ—она или читала —часто духовныя книги — или вышивала воздухи и ковры для своей приходской церкви и въ церкви обоихъ селъ, гдѣ ея сыновья жили. Компаньонки или чтицы она не держала: глаза у

нея прекрасно сохранились; она даже не надѣвала очковъ, когда работала за пяльцами и только при лампѣ читала въ очкахъ.

Въ передней сидѣлъ пожилой человѣкъ. При молодомъ баринѣ состоялъ въ камердинерахъ его посыльный изъ уѣзднаго города, гдѣ Боярцеву приводилось бывать каждую недѣлю. Это постоянное переѣзжанье изъ уѣзда въ Москву и обратно сначала утомляло его; теперь онъ привыкъ.

И кабинетъ его, и спальня—въ задней половинѣ мезонина—смотрѣли чинно и скромно, держались въ большой чистотѣ, безъ всякихъ модныхъ излишествъ мебели, бронзы и стѣнныхъ украшеній. Въ спальнѣ, въ углу, стоялъ цѣлый кіотъ и горѣла „неугасимая“ лампада. Ее поддерживала няня Ульяна, выходившая всѣхъ дѣтей Татьяны Егоровны.

Чай сынъ пилъ у себя; но каждый день—какъ только мать вернется изъ церкви — сходилъ внизъ, цѣловалъ у нея руку и оставался нѣкоторое время съ нею въ угловой, гдѣ она пила не чай, а кофе.

Сегодня ему хотѣлось — до выѣзда—кончить статью въ духовномъ журналѣ, по расколу. Онъ вообще имъ очень интересовался. Читалъ онъ, ходя короткими шагами по кабинету, отъ одного шкафа къ другому.

Дома онъ безсмѣнно носилъ синюю военную блузу и смотрѣлъ еще моложе, чѣмъ въ сюртукѣ или во фракѣ.

И до смерти отца, и послѣ нея, онъ привыкъ чувствовать себя „сыномъ своей матери“—точно онъ все еще носитъ блузу гимназиста и каждый день, надѣвъ ранецъ, бѣжитъ въ ближайшую гимназію, гдѣ высидѣлъ семь полныхъ лѣтъ; или студентомъ, который еще не носилъ формы, и, одѣтый безъ франтоватости, также пѣшкомъ отправлялся къ Арбатскимъ воротамъ и оттуда на Моховую, по Воздвиженкѣ.

Мать воспитывала его гораздо замѣтнѣе и глубже, чѣмъ отецъ—въ послѣдніе годы больной — или школа, или аудиторія. Отъ нея перешли къ нему серьезность, интересъ къ вопросамъ нравственнаго „бытія“, религіозное чувство — безъ ханжества, любовь къ родинѣ, уваженіе къ родовымъ традиціямъ, сознаніе долга „просвѣщеннаго человѣка и дворянина“ — передъ всѣмъ тѣмъ, что онъ долженъ поддерживать и защищать—и въ своемъ сословіи, и въ народѣ.

Она поощряла его любовь къ нимъ и была бы рада видѣть его на ученомъ поприщѣ. Его оставляли при университетѣ и онъ серьезно думалъ о магистерскомъ экзаменѣ, но попалъ въ деревню, которой надо было заняться—и это его затянуло въ

общественное дѣло. На свою должность смотрѣлъ онъ такъ, какъ говорилъ объ этомъ съ Акридиной, когда они шли по лѣсу. Книга, міръ идей—всего больше религіозно-философскихъ и на почвѣ народно-бытовой исторіи—не теряли своего обаянія на Боярцева. Въ деревнѣ и въ уѣздномъ городѣ, внѣ службы, онъ постоянно читалъ и библіотека у него въ усадьбѣ была такихъ же размѣровъ, какъ и здѣсь, въ мезонинѣ.

Въ Москву онъ возвращался каждый разъ съ юношескимъ, почти дѣтскимъ влеченіемъ домой, туда, гдѣ личность его матери служила ему оплотомъ и вѣчно живымъ примѣромъ тихаго мужества передъ натискомъ жизни съ ея утратами и неизбѣжнымъ концомъ. Что бы ему ни готовила судьба—онъ ничего не желалъ, какъ дожить свой вѣкъ такъ же чисто, строго и безобидно, съ такой же ясностью и твердостью души, какъ его мать. У него являлось всегда особенное настроеніе въ Москвѣ, въ своемъ мезонинѣ—чувство той прочности, какое у большинства людей бываетъ только въ дѣтствѣ и въ ранней молодости, когда отчій кровъ защищаетъ какъ бы отъ возможности какого бы ни было удара.

Вотъ и теперь—мраморные часы на письменномъ столѣ показывали половину одиннадцатаго—онъ, доканчивая статью, зналъ, что черезъ десять минутъ раздастся внизу слабый звонокъ въ передней, мать его вернется отъ обѣдни—непремѣнно съ просфорой—и онъ сойдетъ къ ней, въ угловую, гдѣ она будетъ пить кофе, и на ея ясномъ, немного строгомъ лицѣ, въ глубокихъ, до сихъ поръ красивыхъ глазахъ—прочтетъ все ту же убѣжденную покорность Промыслу и вдумчивость, лишенную всякаго малодушнаго страха за свою особу, свое здоровье или посѣщеніе смерти.

Звонокъ раздался нѣсколькими минутами раньше.

Боярцевъ дочелъ статью и минутъ черезъ пять, тихо ступая по нѣсколько скрипучимъ ступенямъ старой деревянной лѣстницы, спустился внизъ и прошелъ въ угловую.

Татьяна Егоровна встрѣтила его на порогѣ своей любимой комнаты, откуда пяльцы никогда не выносились.

Большого роста, совсѣмъ сѣдая, въ черномъ, съ креповой наколкой на головѣ—она немного горбилась на ходу, но сохранила станъ молодой женщины и не носила ни серегъ, ни браслетъ. Большіе, совсѣмъ черные глаза и прямой носъ дѣлали ея лицо съ мягкимъ оваломъ нѣсколько суровымъ. Ротъ, со свѣжими, довольно крупными зубами, она держала полуоткрытымъ, и это смягчало выраженіе лица.

— Здравствуй, дитя мое.

Она поцѣловала его въ лобъ и слегка дотронулась лѣвой рукой до его плеча. Ея руку онъ цѣловалъ всегда съ такимъ же точно чувствомъ, какъ и пятнадцать лѣтъ назадъ, когда онъ кончалъ курсъ въ гимназіи.

— Вотъ, мама́,—заговорилъ онъ своимъ высокимъ теноромъ,—статья. Она тебя очень заинтересуетъ.

Татьяна Егоровна взглянула на обертку журнала.

— Опять объ ученіи Толстого?—спросила она своимъ низкимъ голосомъ, котораго не передала сыну.

— Нѣтъ, о штундѣ.

— Прочту.

Кофе она сама себѣ заварила на маленькомъ столикѣ, на машинкѣ, и въ это время разговоръ съ матерью напомнилъ Боярцеву цѣлый рядъ такихъ бесѣдъ, съ тѣхъ поръ, какъ у него утра стали свободны, по окончаніи курса, и когда отца уже не было въ живыхъ.

— Ты будешь посѣщать засѣданія съѣзда?—спросила Татьяна Егоровна, поправляя спиртовую лампочку.

— По археологіи? Да, я, было, готовилъ и рефератъ по обычному праву—въ Купріяновой волости. Да все время ушло на сессіи.

— Что дѣлать!

Должность сына Татьяна Егоровна ставила очень высоко и не считала потерей времени никакихъ, даже и скучныхъ обязанностей. Она всегда разспрашивала его о деревенскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ, и серьезность ея тона какъ-то особенно бодрила его, не допускала до лживаго и высокомѣрнаго отношенія къ должности.

И ему тутъ же захотѣлось сообщить ей объ одномъ столкновеніи, которое онъ имѣлъ на дняхъ, чтобы выслушать ея приговоръ. Такъ онъ поступалъ всегда, и на душѣ у него не было ни одного важнаго поступка, неизвѣстнаго его матери.

— Романъ Денисовичъ,—окликнулъ его отъ дверей степенный и глухой голосъ лакея:—васъ желаютъ видѣть.

Онъ подалъ на подносикѣ карточку.

Боярцевъ прочелъ на ней: „Юрій Петровичъ Лыжинъ“.

Не сразу вспомнилъ онъ фигуру гостя Радиной—на открытіи школы.

На карточкѣ внизу приписано было: „Отъ Елены Константиновны Акридиной“.

О знакомствѣ съ этой „ученой“ женщиной онъ вчера не

успѣлъ сообщить матери и передать ей разговоры за завтракомъ и въ лѣсу. *Такихъ* женщинъ онъ встрѣчалъ рѣдко и никогда не искалъ ихъ общества, но въ ней ему понравилась убѣжденность и даже мужской складъ фразы. Рѣзкость тона не оттолкнула его.

— Попроси,—сказалъ онъ человѣку, и по-французски пояснилъ матери—кто это и отъ кого.

Онъ принялъ Лыжина внизу, въ залѣ—гдѣ обыкновенно принималъ своихъ посѣтителей.

— Извините, что немного рано,—сказалъ Лыжинъ, тономъ человѣка, желающаго поддержать случайное знакомство.

— Помилуйте... Я съ восьми на ногахъ.

— Елена Константиновна просила меня передать вамъ карту на входъ въ ея отдѣленіе. Она слышала, что вы интересуетесь обычнымъ правомъ... Можетъ, не прочтете ли рефератъ?

Боярцевъ покачалъ головой и улыбнулся.

— Во всякомъ случаѣ, Романъ Денисовичъ,—Лыжинъ нарочно справился о его имени и отчествѣ у человѣка:—Елена Константиновна надѣется видѣть васъ на засѣданіяхъ... А она дома —въ свободные часы—до обѣда, съ четырехъ.

— А когда она собирается читать?

— Въ концѣ этой недѣли. Объ этомъ будутъ объявленія.

— Если не придется ѣхать въ уѣздъ—постараюсь.

Лыжину тонъ Боярцева показался чопорнымъ. Какъ будто его посѣщеніе имѣло видъ зазыванія. Ему стало несовсѣмъ пріятно и за свою пріятельницу. Онъ и поспѣшилъ сейчасъ же удалиться, показавъ, что самъ онъ не желаетъ вовсе навязываться съ своимъ знакомствомъ.

— Благодарю васъ и Елену Константиновну.

Боярцевъ проводилъ Лыжина въ переднюю и спросилъ:

— Она гдѣ же квартируетъ?

— У Кумачевыхъ.

— Это—урожденная княжна Жеребьева?

— Елена Константиновна приходится ей родственницей.

— Она у нихъ и гоститъ?

— У нихъ... занимаетъ отдѣльное помѣщеніе.

И когда Лыжинъ вышелъ на крыльцо, то ему все еще было совѣстно и онъ спросилъ себя: „хорошо ли я дѣлаю, что сближаю ихъ?“

XXXIV.

Въ трактирѣ, въ Петровскихъ Линіяхъ, подъ грохотъ машины, гдѣ, кромѣ трубъ, слышалось и механическое фортепьяно—Лыжинъ доканчивалъ свой завтракъ.

Отъ Боярцева онъ проѣхалъ къ потаріусу, у кого писалась купчая по продажѣ имѣнія Кумачеву. Потомъ надо было еще побывать въ одномъ мѣстѣ и застать Акридину. Она просила завернуть къ ней около двухъ.

Дни его начали наполняться сами собою, и, незамѣтно, онъ отставалъ отъ „самоковыряніа“ — такъ онъ называлъ привычку подводить итоги и сдавать самому себѣ экзамены.

Сейчасъ, визитъ къ Боярцеву—хотя онъ и продолжался всего десять минутъ—заставилъ его подвинтиться. „Дворянчикъ съ направленіемъ“—онъ вспомнилъ выраженіе Акридиной—во всемъ себѣ вѣренъ. Въ немъ есть что то несомнѣнно прочное и новое. Этотъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ — даже и на предводительскомъ мѣстѣ. И самая зала, гдѣ онъ принималъ его—отзывалась прочными семейными преданіями. И ему нельзя не позавидовать. Вѣроятно и Акридину привлекаетъ въ Боярцевѣ внутренняя чистота помысловъ и ясность идей и правилъ, исходящихъ совсѣмъ не изъ того источника, который она считаетъ единственно вѣрнымъ, какъ „выученица“ своего покойнаго мужа — позитивиста.

Въ послѣднія двѣ недѣли Лыжина затягивала жизнь постороннихъ, и Москва, гдѣ онъ давно не проводилъ зимъ, съ ея теперешнимъ „букетомъ“ — онъ вспомнилъ при этомъ обѣдъ у Кумачевыхъ—представлялась ему въ новомъ свѣтѣ. Онъ не хотѣлъ ни особенно возмущаться, ни мирволить тому, что находилъ „пакостнымъ“. Онъ чувствовалъ только, что надо больше знать эту центральную „машйнищу“, этотъ городъ, куда стекаютъ всѣ ручьи русской жизни.

И свои дѣла получили въ его глазахъ другой оборотъ, новую окраску. Продажа имѣнія развязала ему руки. Онъ достаточно колебался — продавать его или нѣтъ. Чувство связи съ землей удерживало его до послѣдней минуты; но взяла все-таки верхъ потребность стряхнуть ярмо безплоднаго, набившаго оскомину если не сектантства, то „направленства“; это слово онъ употреблялъ всего охотнѣе, когда думалъ про себя словами, что онъ дѣлалъ почти всегда. Скучающимъ „буржуемъ“, обреченнымъ на отрѣзываніе „купончиковъ“—онъ, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ. Капиталъ — не настолько большой, чтобы на него жить

порядочно; а жаться онъ не желалъ, довольствуясь мизерабельнымъ прозябаніемъ какого-нибудь парижскаго рантьé, считающаго себя на верху блаженства, если онъ можетъ каждый день выпивать свой абсентъ въ четыре часа и ѣсть въ дешевомъ ресторанчикѣ обѣдъ изъ всякой подозрительной стряпни, за полтора франка.

Сегодня онъ долженъ заѣхать къ Кумачеву въ амбаръ, на Ильинку, и весьма вѣроятно, что тотъ упомянетъ ему о томъ предложеніи, о которомъ онъ говорилъ третьяго дня съ Акридиной. Кострицынъ еще разъ возвращался къ этому—вчера, зайдя къ нему поутру.

Съ „амбарнымъ Сократомъ“ у Лыжина установилось нѣчто въ родѣ пріятельства. Кострицынъ продолжалъ интересовать его. И ему—видимо—хотѣлось, чтобы Лыжинъ пошелъ въ „инспекторы“ къ Захару Лукьяновичу. Насчетъ „подхода“ Лыжинъ уже не перебиралъ въ головѣ и сознавалъ, что серьезныхъ доводовъ противъ такой службы нѣтъ. Отъ него будетъ зависѣть—сдѣлаться обычнымъ посѣтителемъ дома Кумачевыхъ и кавалеромъ „великолѣпной“ Нины Борисовны. Ея „образъ“ и отталкивалъ, и привлекалъ его. Все равно, тамъ гоститъ Елена. Тамъ же будетъ жить и князь Иларіонъ Ивановичъ — старикъ, стоющій болѣе близкаго знакомства.

Половой, въ однихъ усахъ и съ короткой стрижкой — подошелъ къ Лыжину дробной походочкой и спросилъ наклонившись:

— Кофею прикажете?

— Хорошо.

— А какой угодно нумеръ поставить на машинѣ?

Лыжинъ полуудивленно взглянулъ на него.

— Чтобы не очень барабанила... Изъ „Евгенія Онѣгина“ вальсъ.

— Сію минуту-съ.

Только-что отошелъ половой, какъ изъ двери, ведущей въ проходную комнату, показалась приземистая фигура Кострицына.

Онъ первый завидѣлъ Лыжина и быстро, съ перевальцемъ, подошелъ къ нему.

— *Хайрэ полѝта!*

И съ этими словами онъ протянулъ ему руку черезъ столъ.

— Это по-каковски, Иванъ Кузьмичъ? — весело спросилъ Лыжинъ.

— Извините... Такая у меня греческая прибаутка образовалась привѣтствовать тѣхъ... кому искренно желаю всего хорошаго.

— Это что же значитъ?

— Буквально — „радуйся, гражданинъ!“ А въ вольномъ переводѣ: добраго здоровья, землякъ!

Кострицынъ сейчасъ же присѣлъ къ столу.

— Вы у Захара Лукьяновича еще не бывали?

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ Лыжинъ, кладя салфетку на столъ.

— Онъ васъ навѣрно будетъ ждать къ часу—въ амбарѣ.

— Знаю. И сейчасъ двинусь туда.

— Юрій Петровичъ,—Кострицынъ поднялъ на него взглядъ, гдѣ блеснула ласковая пытливость:—какъ же вы рѣшили? Вчера мой принципалъ пощупалъ меня маленько насчетъ того—дѣлать ему предложеніе самолично и какъ — на письмѣ или устно. У него большая амбиція и осторожность... И вы понимаете... Иначе и не можетъ быть. И въ древнемъ Римѣ, equites—всадники—по теперешнему коммерсанты — отличались бо́льшей амбиціей, чѣмъ родовитѣйшіе патриціи.

— Что́ же вы ему сказали?

— То, что́ позволялъ мнѣ нашъ послѣдній разговоръ. Я сказалъ, что вы, повидимому — замѣтьте, только повидимому — ничего не имѣете противъ этого въ принципѣ.

— Мнѣ кажется,—мягко возразилъ Лыжинъ,—въ принципѣ-то все и дѣло.

— Почему же? Сколько я васъ разумѣю, Юрій Петровичъ,—въ вашемъ теперешнемъ отношеніи къ тому, что́ творится на Руси, нѣтъ принципіальнаго препятствія.

— Вамъ — лично — развѣ хочется, чтобы я служилъ вмѣстѣ съ вами у коммерсанта Кумачева?

— Хочется! Идея такой должности принадлежитъ — увѣряю васъ—самому Захару Лукьяновичу. Я только...

— Указали на меня?

— Что-жъ! Развѣ я васъ этимъ обидѣлъ? Не есть это — съ другой стороны—и captatio benevolentiae—какъ бы подходъ къ добрымъ чувствамъ. Не такая это благодать. Вы человѣкъ независимый—въ полномъ смыслѣ. Поладите—хорошо; нѣтъ—и мое почтеніе, Захаръ Лукьяновичъ, я удаляюсь.

— Ужъ если пошло на исповѣдь, Иванъ Кузьмичъ, скажите мнѣ — если вы не смотрите на это какъ на профессіональную тайну: —Кумачевъ сейчасъ же схватился за ваше указаніе?

— Сейчасъ!.. Даю вамъ слово и не думаю, что поступаю дурно, разоблачая это. Захаръ Лукьяновичъ—человѣкъ тонкій... вы увидите. И если онъ держится вообще охранительно-патріотическихъ началъ, то, какъ представитель капитала, онъ очень

широкихъ взглядовъ на положеніе и даже правà рабочихъ — только бы они не волновались съ политическимъ оттѣнкомъ.

— Прекрасно,—перебилъ Лыжинъ.—А супруга Захара Лукьяновича?

Кострицынъ усмѣхнулся глазами.

— На это ничего не могу вамъ сказать — положительнаго.

— Вѣдь онъ навѣрно говорилъ ей?

— Нина Борисовна даже аффишируетъ свое невмѣшательство въ дѣла мужа.

Говоря это, Кострицынъ своей миной какъ бы показывалъ, что онъ не ручается за то, что Нина Борисовна подсказала бы Захару Лукьяновичу такой именно выборъ.

И это почему-то задѣло Лыжина, и въ головѣ его всплыло тотчасъ же восклицаніе:

„Хорошо же!“

Онъ допилъ свой кофе и, вставая, сказалъ:

— Ѣду. Если принципалъ вашъ представитъ дѣло такъ, какъ вы мнѣ говорили—можно будетъ посмотрѣть.

— Въ добрый часъ, Юрій Петровичъ!

Кострицынъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Вы, значитъ, туда?.. И я черезъ полчасика. Теперь на́скоро закушу.

Онъ довелъ Лыжина до передней и еще разъ пожалъ руку.

Въ началѣ второго Лыжинъ, на плохенькомъ извозчикѣ, спускался по Ильинкѣ на Красную площадь, мимо новаго гостинаго двора, еще заставленнаго лѣсами. Онъ приказалъ Ванькѣ ѣхать Кремлемъ, въ Никольскія ворота. На минуту онъ хотѣлъ завернуть къ себѣ, чтобы запереть деньги и документы, а къ тремъ заѣхать въ домъ Кумачевыхъ—сказать Еленѣ, что онъ исполнилъ ея порученіе.

Разсѣянно смотрѣлъ онъ по сторонамъ.

Отъ подъѣзда историческаго музея отъѣхали парныя сани съ синей сѣткой. Въ саняхъ сидѣла дама.

— Лыжинъ!..—окликнула его дама.

Онъ узналъ Акридину, соскочилъ съ саней и подошелъ къ ней, немного путаясь въ своемъ длинномъ ергакѣ.

— Вы ко мнѣ, другъ?—спросила она его.

На ней была красивая шапочка съ бобромъ и новая шуба съ какимъ-то сѣрымъ заграничнымъ мѣхомъ.

— Къ вамъ, въ три.

— Милый!.. Я не попаду домой къ тремъ. Вы были у Боярцева?

— Былъ и передалъ. Онъ вамъ нанесетъ визитъ.

— Когда?—живо спросила она.

— Я сказалъ, что вы дома въ четыре.

— Спасибо!

— Какая вы нынѣче блистательная! Въ обывательскихъ грандёрахъ,—указалъ онъ на сани и лошадей.

— Нина предложила для визитовъ.

— Совсѣмъ по-московски!

— Да!.. А что, другъ,—Акридина весело оглянула площадь:—вѣдь городъ—единственный?

— Единственный!—повторилъ Лыжинъ и кивнулъ ей вслѣдъ, когда пара вороныхъ тронулась, по направленію къ Никольской.

XXXV.

На другой день, часу въ пятомъ Кострицынъ выходилъ изъ кабинета Захара Лукьяновича Кумачева. Тотъ не заѣзжалъ въ амбаръ въ теченіе дня; вернулся съ торжества въ пріютѣ, гдѣ онъ состоялъ попечителемъ; а теперь собирался тоже на оффиціальный мужской обѣдъ.

Иванъ Кузьмичъ былъ рѣшительно доволенъ разговоромъ, бывшимъ у него сейчасъ съ патрономъ. Лыжинъ принималъ предложеніе Кумачева подъ условіемъ осмотрѣться въ своей должности и черезъ мѣсяцъ—много шесть недѣль—рѣшить: въ состояніи ли онъ будетъ исполнять ее „безъ серьезныхъ недоразумѣній“.

Кострицыну нравился этотъ „интеллигентъ“, пришедшій на распутье, послѣ всякихъ надъ собою опытовъ. Къ начинавшейся симпатіи примѣшивалось тайное желаніе: довести Юрія Петровича до полнаго освобожденія отъ разныхъ „прописей“, какія онъ переписывалъ слишкомъ долго.

Еще глубже лежало и другое желаніе—вдвоемъ пересиливать Нину Борисовну во всемъ, что не ея женское царство, хотя въ Захарѣ Лукьяновичѣ онъ признавалъ—рядомъ съ влюбленностью въ жену—настоящій характеръ и выдержку.

Швейцаръ подавалъ Кострицыну шубу, когда въ сѣни вошелъ Лыжинъ.

— Юрій Петровичъ! Очень радъ!

Кострицынъ подбѣжалъ и сталъ крѣпко жать руку.

— Очень радъ!—тише повторилъ онъ.—Вы согласны?

И онъ показалъ головой въ ту сторону, гдѣ помѣщался кабинетъ Кумачева.

— Условно,—выговорилъ Лыжинъ, не понижая голоса.

Ему не хотѣлось, ни подъ какимъ видомъ, мѣнять въ чемъ бы то ни было своей манеры держаться и говорить въ домѣ будущаго „принципала“. И это сейчасъ же понялъ Кострицынъ.

— Все равно. Вы будете довольны Захаромъ Лукьяновичемъ. Вы къ нему теперь?

— Нѣтъ, я къ Еленѣ Константиновнѣ.

— Василій! — окликнулъ швейцара Кострицынъ.—Госпожа Акридина—у себя?

— У себя-съ.

— Всего хорошаго. И если вамъ меня зачѣмъ-нибудь нужно—пустите депешку. Я забѣгу!

Онъ суетливо запахнулся въ свою короткую шубу и исчезъ за дверью.

Елена только-что пріѣхала, и Лыжинъ засталъ ее въ первой комнатѣ, на кушеткѣ, очень утомленной.

Свѣтъ косвенно падалъ на нее изъ-подъ широкаго абажура лампы. Лицо осунулось; подъ глазами потемнѣло.

— Вы нездоровы? — участливо спросилъ ее Лыжинъ, подсаживаясь.

— Нѣтъ. Я плохо спала и измучена отъ разнаго ученаго вздора, отъ суесловія и пустоболтанія.

— Гдѣ? На засѣданіи?

— Гдѣ же иначе!

Она приподняла голову и рукой оправила волосы.

— Что такъ строго?

— Сколько мертвечины!—продолжала Акридина.—И какіе это ископаемые... нѣкоторые изъ моихъ коллегъ!.. Одинъ въ особенности... чистѣйшій ихтіозавръ!

Лыжинъ тихо разсмѣялся.

— И такъ меня вдругъ охватило сегодня, Юрій,—пронизало меня чувство ужасной пустоты!..

На глазахъ ея блеснули слезы.

— Вдругъ захандрили!

— Такъ сдѣлалось пусто-пусто въ груди!.. Слушаю и кромѣ тоскливаго чередованья звуковъ—ничего не ощущаю. И говорятъ ужасно, мямлятъ и топчутся на одномъ мѣстѣ, вяло, безжизненно или со смѣшнымъ задоромъ. Толкуетъ о какой-нибудь суздальской колокольнѣ, точно онъ повѣствуетъ о красотахъ эллинскаго Парѳенона.

— А какъ же?—весело перебилъ Лыжинъ.—Нынче вѣдь всему своему надо кадить взапуски.

— Послѣ-завтра я дѣлаю свой главный докладъ—и нѣтъ у меня ни малѣйшей охоты. Право, я была бы рада заболѣть.

— Неужели трусите?

— Вовсе нѣтъ!—Акридина сдѣлала жестъ правой рукой.—Охота пропала. Вся мертвечина представляется какимъ-то буквоѣдствомъ, какой-то работой маньяка, считающаго—сколько приходится на мѣсяцъ минутъ и сколько въ десять лѣтъ родится телятъ, если въ стадѣ двадцать коровъ.

— Просто вы утомлены. Вамъ бы произвести маленькую диверсію, на тройкѣ, что-ли...

— Куда это? Въ Стрѣльну? Ха, ха! Елена Константиновна Акридина! Какой скандалъ!

Она не докончила и спросила:

— Вы вѣдь вчера были у Боярцева?

— Вчера.

— Онъ еще не пожаловалъ. Вотъ хоть бы этакіе у насъ были. Нужды нѣтъ, что онъ немного на лампадномъ маслѣ. И наши ихтіозавры тоже вѣдь пропахли византійщиной и суздальщиной. Въ немъ что-то есть цѣльное и новое.

— И я того же мнѣнія.

Лыжинъ улыбался глазами, взглядывая на свою пріятельницу.

— Что вы на меня такъ смотрите?

— Ничего—пока. Вотъ жизненная задача для женщины:—обратить такого новаго человѣка изъ его вѣры въ свою.

— Не берусь. И вообще, другъ Лыжинъ, мнѣ порядочно-таки пріѣлись всякія препирательства. Надо жить, а не „выгораживать только свое обличье“, какъ любилъ, кажется, выражаться покойный критикъ Аполлонъ Григорьевъ.

— Будемъ жить,—повторилъ Лыжинъ, все съ той же усмѣшкой въ глазахъ.—Я не успѣлъ вамъ сказать вчера тамъ у музея...

— О себѣ?

— Да. Я ѣхалъ отъ Захара Лукьяновича.

— Имѣніе вы окончательно продали?

— И купчая подписана. Но вы забыли... Я вамъ говорилъ насчетъ предложенія его степенства,—прибавилъ онъ, не опуская голоса.

— Да, да! Помню. Вы соглашаетесь?

— Соглашаюсь условно. Беру мѣсяцъ на испытаніе—и себя, и моего будущаго хозяина.

— Что-жъ! И прекрасно, другъ! Пускайтесь въ настоящую

жизнь. Это гораздо лучше, чѣмъ пребывать въ неблагодарномъ амплуа опростѣлаго дворянина, не знающаго, къ чему приоститься.

Она нагнулась къ нему и сбавила тонъ:

— Присмотритесь къ четѣ моихъ родственниковъ. Сдѣлайтесь здѣсь первымъ нумеромъ.

— Съ какой стати?

— Это непремѣнно нужно. Пускай они оба прыгаютъ подъ вашу дудку.

— Ну, кажется, ни тотъ, ни другая не изъ такихъ... особенно Нина Борисовна.

Акридина поглядѣла на него пристально.

— Да она вамъ нравится?

Лыжинъ промолчалъ.

— Какъ наша Ида говоритъ: vous donne-t-elle un frisson nouveau?

— Очень ужъ скоро... да и къ чему?

— Нравится—тѣмъ лучше. Вы предлагаете мнѣ обратить въ свою вѣру убѣжденнаго предводителя—вотъ и вы бы производили такой же экспериментъ надъ Ниной. Придайте ей лиризма. Она—чудовищная матеріалистка... А у меня нѣтъ охоты исправлять ее.

Въ портьерѣ показался лакей.

— Прикажете принять?—спросилъ онъ, подавая карточку.

— C'est lui! — быстро и съ блескомъ въ глазахъ кинула Лыжину Акридина.—Просите.

Она встала съ кушетки и, наклонившись къ Лыжину, шопотомъ сказала:

— Примите его. Я сейчасъ... Надо поправить волосы.

И пробѣжала въ спальню. Лыжинъ улыбнулся ей вслѣдъ.

„Хандру какъ рукой сняло“,—подумалъ онъ, вставая, и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

XXXVI.

Оживленіе Акридиной замѣтно усилилось при Боярцевѣ. Глаза ея расширились и стали блестящѣе, ротъ получилъ игривую складку; вся она какъ-то подтянулась и, сидя у лампы, смотрѣла совсѣмъ молодой женщиной, принимающей въ своемъ салонѣ.

Боярцевъ—въ черномъ сюртукѣ и свѣтломъ галстукѣ—въ нѣсколько церемонной позѣ сидѣлъ по другую сторону стола и

положилъ на него одну руку—очень красивую, съ удлиненными пальцами, съ нѣжнымъ окрашиваніемъ кожи.

Лыжинъ сѣлъ нѣсколько поодаль, у этажерки, и такъ, что оба они были для него видны въ широкомъ пятнѣ свѣта лампы. Минутами онъ закрывалъ глаза и слушалъ ихъ голоса. По тэмбру голосовъ они казались совершенно однихъ лѣтъ; но онъ считалъ Акридину года на три или на четыре старше Боярцева. У Елены голосъ минутами звучалъ рѣзковато; но и самая эта рѣзкость моложавила ее. Боярцевъ говорилъ высокимъ теноромъ, слабѣе звукомъ и гораздо сдержаннѣе, чѣмъ она.

— Вы читаете послѣ-завтра?—спросилъ онъ ее, слегка наклонивъ голову надъ столомъ.

— Да, я вотъ уже говорила другу моему Лыжину—во мнѣ нѣтъ священнаго огня.

— Почему? Я читалъ программу. Это чрезвычайно живой вопросъ: связь первобытныхъ вѣрованій съ нравственнымъ положеніемъ женщины въ семьѣ и общинѣ.

— Вы будете?—какъ бы вскользь спросила Акридина.

Лыжинъ—въ звукѣ ея вопроса—почуялъ, что для его пріятельницы не безразлично—придетъ ли онъ, или нѣтъ.

— Непремѣнно постараюсь,—отвѣтилъ Боярцевъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ.

„Постараюсь“—мысленно повторилъ за нимъ Лыжинъ, и въ этомъ „постараюсь“ ему почудилась вся дальнѣйшая исторія борьбы, которая можетъ завязаться между Еленой и Боярцевымъ: натискъ пойдетъ отъ женщины; самозащита—отъ мужчины.

„А кто побѣдитъ?“—спросилъ онъ вслѣдъ затѣмъ.—„Тотъ, кто меньше потратится“.

— Очень лестно,—слышался ему вибрирующій голосъ Акридиной,—но впередъ прошу снисхожденія. Знаю, меня будетъ замораживать ближайшій антуражъ.

— Какой?—не понявъ сразу, спросилъ Боярцевъ.

— Ахъ, Боже мой! Тѣ окаменѣлые собраты по спеціальности, которые будутъ сидѣть за почетной загородкой, подъ каѳедрой.

Она засмѣялась немного напряженно, и Лыжину стало почти жутко оттого, что Елена повела разговоръ въ такомъ именно тонѣ. Боярцевъ могъ принять это за непужное кокетство, за желаніе быть остроумной и игривой—что ему могло показаться лишнимъ въ женщинѣ, имѣющей научное имя. Вообще она волновалась; а Боярцевъ не выходилъ ни на минуту изъ своего ровнаго и теперь менѣе сдержаннаго тона.

— Вы къ нимъ относитесь критически.

— Да развѣ археологія,—выговорила она,—не превратилась въ какой-то благонамѣренный спортъ, въ родѣ велосипеда?

— Почему же—благонамѣренный?

На вопросъ Боярцева, сдѣланный повеселѣе, Лыжинъ замѣтилъ съ своего мѣста:

— Елена Константиновна очень вѣрно опредѣлила эту отрасль знанія. Она—по нынѣшнему времени—самая благонамѣренная и поощряемая.

— Можетъ быть,—отозвался Боярцевъ, опять съ серьезной миной на своемъ красивомъ и ясномъ лицѣ.—Но если оно и такъ, то это только законная реакція...

— Противъ чего?—не дала ему досказать Елена, и на ея полныхъ щекахъ выступила краска.

— Противъ недавняго отрицанія, противъ рабскаго преклоненія передъ всѣмъ западнымъ, противъ равнодушія къ исторіи своего народа, его духа и его вѣковой борьбы съ природой и исконными врагами.

Тираду Боярцева—хотя она и была длинная—Лыжинъ не нашелъ книжной, заученной. Въ ней только вылился обычный складъ его мыслей и чувствъ къ родинѣ.

— Хорошо, кабы такъ!—воскликнула Акридина и вся встрепенулась:—но всего чаще это только мундиръ или признакъ умственной анестезіи,—если выразиться помягче.

Боярцевъ тихо разсмѣялся и спросилъ, наклонивъ голову:

— Вы считаете такое опредѣленіе мягкимъ?

— Конечно! Ха, ха!

Но онъ не сталъ вторить ея смѣху, и снова Лыжину начало дѣлаться непріятно за Елену.

„Теряетъ подпорки“,—подумалъ онъ, видя, до какой степени личное тревожное настроеніе можетъ отнимать у женщины тактъ. Вѣроятно, съ тѣмъ же отсутствіемъ самообладанія повелъ бы и онъ самъ разговоръ съ женщиной, съ которой начинается какая-то „игра“.

Мягкій шумъ портьеръ—въ глубинѣ комнаты—заставилъ его поднять голову.

Вошла Нина въ плюшевой, темно-огненнаго цвѣта накидкѣ съ собольей отдѣлкой. Брилліанты въ ушахъ и на кольцахъ рукъ заискрились. Надъ косой высилась золотая узкая гребенка, и ея матовый блескъ придавалъ головѣ ея еще больше живописности.

Оба мужчины встали. Нина, плавно выступая крупнымъ шагомъ, остановилась по ту сторону стола и протянула руку Боярцеву.

— Мы съ вами встрѣчались,—сказала она съ легкимъ величавымъ наклономъ головы.—Очень рада, что вы — гость Елены Константиновны. Надѣюсь, будете и нашимъ.

Боярцевъ молча поклонился низкимъ поклономъ.

— Юрій Петровичъ, здравствуйте!

Когда Нина, пройдя позади кресла Боярцева, пожимала руку Лыжину, отъ прикосновенія этой свѣжей, атласистой руки съ нажимомъ колецъ, по всему его тѣлу пробѣжала струйка; мгновенно онъ ощутилъ приливъ къ ушамъ и смутился — замѣтно только для него.

— Мужъ говорилъ мнѣ,—вполголоса выговорила она, благосклонно играя глазами,—что вы согласны. Я чрезвычайно рада, хотя въ его дѣла и не вхожу. Вы дома обѣдаете?—спросила она, отвернувъ тотчасъ же голову къ Еленѣ и сѣла между мужчинами.

— Нѣтъ, милая, я отозвана на оффиціальный обѣдъ.

— Туда, куда мой мужъ долженъ ѣхать?

— Именно.

— И вы?—спросила Нина, обращаясь къ Боярцеву.

— Нѣтъ. Я не имѣю никакихъ правъ.

— Будто бы меньше, чѣмъ мой мужъ? Вѣдь пыньче всѣ—любители старины. Это въ большой модѣ.

— Елена Константиновна сейчасъ сравнила археологію со спортомъ,—замѣтилъ Лыжинъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе: онъ вдругъ забоялся, что не съумѣетъ ничего вставить въ общій разговоръ.

— Да?—весело окликнула Нина и, обращаясь больше къ Боярцеву, добавила:—вы не находите?

— Если это и спортъ—отвѣтилъ онъ,—то спортъ благородный.

— Во всякомъ случаѣ—патріотическій, а отечество свое надо любить,—выговорила Нина полу-шутя, полу-наставительно, и сейчасъ же поднялась.

— До свиданія, ma tante.

При словахъ „ma tante“, соскочившихъ съ яркихъ губъ Нины легко и, кажется, безъ всякой задней мысли, Акридина привстала и косая усмѣшка повела ея энергичный ротъ.

— До свиданія, Нина, — отвѣтила она Кумачевой тономъ подруги.

Это не ускользнуло ни отъ Лыжина, ни отъ Боярцева.

— Въ день засѣданія, когда Елена читаетъ свою работу—Нина обратилась къ обоимъ мужчинамъ,—не хотите-ли отобѣдать у насъ... съ бенефиціанткой?..

— Нина!—не то конфузно, не то съ упрекомъ остановила ее Елена.

— Разумѣется, это будетъ вашъ бенефисъ... Мы можемъ разсчитывать на васъ?

Нина, протягивая руку Боярцеву, обволакивала его своимъ холодновато-ласковымъ взглядомъ.

— Благодарю васъ,—утвердительно вымолвилъ онъ.

— И вы, Юрій Петровичъ?

И опять пожатіе ея свѣжей и атласисто-твердой руки прошлось змѣйкой по спинѣ Лыжина.

Онъ молча поклонился и нарочно нагнулъ низко голову, чтобы избѣжать ея глазъ.

Только ей вслѣдъ поглядѣлъ онъ, и ея голова, съ золотой гребенкой въ античномъ комочкѣ волосъ, мелькнула и исчезла въ портьерѣ дальней двери.

Боярцевъ уже не присаживался и собрался уходить.

— Посидите!—упрашивала его Акридина, нагнувшись всѣмъ станомъ надъ столомъ.—Куда же вы спѣшите? У меня еще много времени. Обѣдъ—поздній. Сядутъ не раньше половины седьмого.

— Теперь уже шесть,—серьезно выговорилъ онъ, поглядѣвъ на часы.

— Вамъ еще надо перемѣнить туалетъ,—прибавилъ и Лыжинъ.

Она съ упрекомъ поглядѣла на него.

Гость сталъ прощаться.

— Гдѣ вы сядете? Хотите поближе?

— За перегородкой... гдѣ ископаемые?—тихо усмѣхнувшись спросилъ Боярцевъ.

— Это нехорошо—такъ ловить. Это—не по-товарищески.

Она провожала его до самыхъ дверей въ переднюю и два раза пожала ему руку.

Съ Лыжинымъ Боярцевъ раскланялся привѣтливо и, уходя, проговорилъ:

— До свиданія.

Оставшись одни—они съ минуту молчали. Акридина ходила возбужденно по комнатѣ, и ея рука безпрестанно приглаживала волосы на правомъ вискѣ—ея любимый жестъ.

— Елена Константиновна? — пріятельскимъ полушопотомъ окликнулъ ее Лыжинъ.

— Что, другъ?

— Дворянчикъ съ направленіемъ васъ интересуетъ?

— Ну, такъ что жъ?

— И вы не боитесь попасться?

— Я ничего не боюсь!

— Вотъ какъ!

— Вы что же хотите сказать этимъ вопроснымъ пунктомъ? Что я—стара? Гожусь ему въ тетки?.. И Нина со своимъ „ma tante“...

— Это у ней такъ сорвалось... безъ язвы.

— Почемъ вы знаете?

Акридина подошла къ нему и взяла его за обѣ руки.

— А вы, другъ, не боитесь?

— Чего?

— Что моя племянница, — подчеркнула она съ ироніей: — захлеснетъ васъ? Вы что-то сейчасъ притихли при ней. Такъ притихаютъ только когда женщина дастъ мужчинѣ...

— Un nouveau frisson?

— Именно. Не лгите. Признайтесь.

— Не знаю,—тихо и вдумчиво выговорилъ Лыжинъ, и стыдливо-боязное чувство вползло ему въ сердце.—Намъ такая— не ко двору.

— Вздоръ, милый! Вздоръ! Нѣчего въ старики записываться. Любите, коли любится, и другимъ не мѣшайте.

И оба они опять смолкли, охваченные—каждый по-своему—чѣмъ-то и жуткимъ, и отраднымъ, точно ощущеніемъ холоднаго лезвея, за которымъ ждешь острой боли.

П. Боборыкинъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА

1725—1727 гг.

По документамъ вѣнскаго архива.

Окончаніе.

IV *).

Проектъ брака дочери Меншикова съ великимъ княземъ.

Графъ Рабутинъ и въ слѣдующихъ своихъ депешахъ постоянно обращаетъ вниманіе австрійскаго правительства на вражду между Меншиковымъ и герцогомъ голштинскимъ. Въ этихъ донесеніяхъ проглядываетъ твердое убѣжденіе австрійскаго дипломата въ томъ, что князь успѣетъ удержать въ своихъ рукахъ власть. Въ октябрѣ 1726 г., Рабутинъ писалъ къ графу Зинцендорфу, что „принцесса“ Елисавета Петровна принадлежитъ къ самымъ ожесточеннымъ противникамъ Меншикова. Въ этомъ же письмѣ Рабутинъ замѣтилъ, что Бассевичъ старается всячески примирить герцога съ княземъ. Немного позже Рабутинъ писалъ, что Толстой, завзятый врагъ Меншикова, сблизился съ герцогомъ, и что оба они стараются погубить князя. Особенно Толстой, герцогъ, Анна Петровна и Елизавета стали обсуждать вопросъ о престолонаслѣдіи съ цѣлью уговорить Екатерину устроить дѣло такъ, чтобы Меншиковъ лишился своего значенія; по мнѣнію Рабутина, даже великій князь Петръ Алексѣевичъ и его сестра, Наталья Алек-

*) См. выше: янв., 121 стр.

сѣевна, раздѣляли убѣжденіе другихъ членовъ царской фамиліи по вопросу о необходимости ограниченія власти князя. Толстой, сказано въ письмѣ Рабутина, сообщилъ императрицѣ о чрезмѣрно смѣлыхъ и опасныхъ для государства замыслахъ князя Меншикова и пр. При всемъ томъ однако Рабутинъ считалъ вѣроятнымъ, что старанія повредить князю не поведутъ къ желанной цѣли. „Я не думаю,—писалъ Рабутинъ,—чтобы императрица хотѣла или имѣла возможность отказаться поддерживать князя".

Считая распрю между герцогомъ голштинскимъ и Меншиковымъ особенно опасною и для австрійскихъ интересовъ, Рабутинъ старался вліять на Карла-Фридриха въ духѣ примиренія и неоднократно бесѣдовалъ съ нимъ о необходимости уступать Меншикову въ нѣкоторыхъ дѣлахъ; въ этомъ смыслѣ Рабутинъ дѣйствовалъ на герцога и чрезъ Бассевича, и чрезъ Штамбке. Въ октябрѣ герцогъ былъ назначенъ начальникомъ лейбъ-гвардіи: въ этомъ заключалась уступка князя, и герцогъ казался довольнымъ. Въ ноябрѣ Рабутинъ писалъ о нѣкоторомъ разногласіи между Меншиковымъ и герцогомъ по вопросу о предложенной княземъ перемѣнѣ въ монетной системѣ. Толстой всячески старался вредить князю; однако эти козни Толстого, какъ доносилъ Рабутинъ, содѣйствовали развитію нѣкотораго сочувствія къ князю въ публикѣ. При сильномъ вліяніи Меншикова на войско и на нѣкоторую часть народа, Рабутинъ не переставалъ говорить въ своихъ донесеніяхъ къ Карлу VI о необходимости поддерживать князя въ надеждѣ, что онъ станетъ дѣйствовать въ пользу Петра Алексѣевича. Вотъ почему Рабутинъ былъ всегда доволенъ упроченіемъ положенія Меншикова.

Около этого времени возникъ вопросъ о бракѣ великаго князя Петра Алексѣевича съ дочерью Меншикова, который такимъ образомъ надѣялся упрочить свое положеніе. Въ письмѣ Рабутина къ Зинцендорфу, отъ 7 января 1727 г., сказано: „Голштинскій дворъ считаетъ вѣроятнымъ, что Меншиковъ желаетъ выдать свою меньшую дочь за великаго князя. Нѣтъ сомнѣнія, что его честолюбіе вполнѣ согласуется съ столь смѣлымъ проектомъ; если же рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи въ пользу великаго князя оказалось бы возможнымъ такимъ способомъ, то, пожалуй, можно бы было помириться съ мыслью о неудобствѣ столь неравнаго брака".

Понятно, что этотъ проектъ, который Рабутину казался не лишеннымъ нѣкоторыхъ выгодъ, сильно безпокоилъ герцога Карла-Фридриха и дочерей Екатерины. Что же касается до самой

императрицы, то она въ это время особенно интересовалась молодымъ Сапѣгою, который былъ женихомъ другой дочери Меншикова. Въ октябрѣ 1726 г., Рабутинъ доносилъ, что молодой Сапѣга, сынъ маршала, сильно понравился Екатеринѣ. Въ февралѣ 1727 г., Рабутинъ писалъ въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ о расположеніи Екатерины къ молодому Сапѣгѣ, прибавляя къ этому, что императрица вслѣдствіе этого не желаетъ брака старшей дочери Меншикова съ Сапѣгою и готова предложить князю выдать дочь за Петра Алексѣевича. Рабутинъ сомнѣвался въ твердости намѣренія Екатерины; онъ однако, сообщая объ этомъ, замѣтилъ, что хаосъ при русскомъ дворѣ, измѣнчивость предположеній, враждебное отношеніе другъ къ другу различныхъ партій и удареніе на личные интересы, не исключаютъ возможности столь странныхъ комбинацій [1]). Нѣсколько позже, въ концѣ февраля ст. ст., Рабутинъ доносилъ: „Меншиковъ принялъ очень важное рѣшеніе. Онъ объявилъ императрицѣ, что согласенъ отказаться отъ брака дочери съ графомъ Сапѣгою и во всѣхъ отношеніяхъ готовъ исполнить волю Ея Величества; ей это очень понравилось, и я узналъ изъ вѣрнаго источника, что она согласна выдать дочь князя за великаго князя. Сознаюсь, что эта новость меня удивила, но я не сомнѣваюсь болѣе въ серьезности проекта; народъ любитъ великаго князя и не станетъ возражать противъ этого брака; принимая во вниманіе власть князя Меншикова, публика усмотритъ въ этомъ бракѣ лучшее средство упроченія правъ великаго князя на престолъ. Честолюбіе князя заставитъ его упорно дѣйствовать при осуществленіи этого плана“.

Никто не могъ предвидѣть въ это время перемѣны на престолѣ въ ближайшемъ будущемъ. Въ мартѣ 1727 г. заговорили серьезно о бракѣ Петра съ дочерью Меншикова, а въ маѣ этого же года не стало Екатерины. Не ожидая столь скорой кончины императрицы, родственники ея все-таки думали о средствахъ обезпечить себя. Меншиковъ считался не даромъ главнымъ препятствіемъ выгоднаго устройства судьбы дочерей Екатерины; осо-

[1]) Такъ какъ отзывъ Рабутина заключаетъ въ себѣ довольно рельефную характеристику состоянія дѣлъ при дворѣ, то мы считаемъ не лишнимъ привести его въ подлинникѣ. Замѣтивъ, что положеніе Меншикова въ послѣднее время оказывалось менѣе выгоднымъ, австрійскій дипломатъ пишетъ о проектѣ брака: „Il est cependant plus probable que l'on (Екатерина) n'a pas réellement cette idée, cette distinction était fort éloignée de la manière dont l'on agit avec lui (Меншиковъ) depuis un temps. J'ai toujours dis que la variété des projects régnait plus ici qu'ailleurs. La source en est facile à découvrir lorsque l'esprit de faction d'un côté et le tempérament de l'autre côté décide dans les delibérations les plus essentielles“.

бенно кандидатура великаго князя на престолъ въ связи съ мыслью о бракѣ его съ дочерью Меншикова не могла не возбудить опасеній „царской фамиліи“.

Голштинскій министръ, Бассевичъ, неоднократно игравшій роль посредника между Меншиковымъ и герцогомъ, въ это время составилъ подробный планъ примиренія интересовъ враждебныхъ сторонъ. Штамбке и Бассевичъ сообщили Рабутину объ этомъ проектѣ слѣдующее. Препятствовать назначенію великаго князя, Петра, наслѣдникомъ престола, по мнѣнію Бассевича, было рѣшительно невозможно. Голштинскій министръ на этотъ счетъ высказался и въ бесѣдѣ съ Елизаветою Петровною, выставляя на видъ, что при рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи нельзя не принять въ соображеніе настроеніе народа въ пользу внука Петра Великаго. Оставалось лишь думать о средствахъ задобрить князя Меншикова и обезпечить судьбу дочерей Екатерины. Для этой цѣли, какъ полагалъ Бассевичъ, должно было требовать часть завоеванныхъ Петромъ Великимъ провинцій для Анны Петровны и для Елизаветы Петровны. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ долженъ былъ уступить Голштинію своему двоюродному брату, епископу Эвтинскому, который могъ бы жениться на Елизаветѣ Петровнѣ; такимъ образомъ была бы обезпечена младшая дочь Екатерины. Далѣе, герцогъ Карлъ-Фридрихъ въ вознагражденіе за Шлезвигъ долженъ былъ домогаться Бремена, Вердена, Ольденбурга и Дельменгорста; наконецъ, онъ долженъ былъ царствовать въ Лифляндіи и Эстляндіи, а столицею его сдѣлался бы—до воцаренія его въ Швеціи—городъ Рига. На этихъ условіяхъ, какъ полагалъ голштинскій министръ, ближайшіе родственники Екатерины могли согласиться на бракъ великаго князя Петра съ дочерью Меншикова и на назначеніе Петра наслѣдникомъ престола.

Замѣчательна бесѣда Рабутина съ голштинскими министрами объ этомъ проектѣ Австрійскій дипломатъ выставлялъ на видъ, что герцогъ и Анна Петровна отказались отъ всѣхъ правъ на какія-либо пріобрѣтенія въ Россіи. Но Бассевичъ возразилъ, что въ его рукахъ находится тайный документъ, въ силу котораго, въ случаѣ рожденія сына герцога и Анны Петровны, этотъ послѣдній долженъ былъ считаться наслѣдникомъ престола. Таково, утверждалъ Бассевичъ, было распоряженіе Петра Великаго. Рабутинъ замѣтилъ, что осуществленіе проекта оказывается невозможнымъ, потому что онъ не соотвѣтствуетъ желаніямъ народа. Бассевичъ отвѣтилъ, что, понятно, нельзя разсчитывать на согласіе народа; но вовсе и не нужно обращать вниманіе на желанія сего послѣдняго: все это дѣло должно быть улажено путемъ согла-

шенія между герцогомъ и императрицею. Екатерина, какъ полагалъ Бассевичъ, въ качествѣ самодержицы, могла объявить всенародно, что Лифляндія и Эстляндія тотчасъ же превращаются въ собственность герцога Карла-Фридриха.

Донося Карлу VI о такомъ смѣломъ проектѣ Бассевича, Рабутинъ прибавилъ, что ему оставалось лишь относиться къ заявленіямъ голштинскаго министра съ крайнею осторожностью, довольствуясь замѣчаніемъ, что осуществленіе проекта легко можетъ встрѣтить затрудненія.

Мысль объ уступкѣ Лифляндіи и Эстляндіи герцогу Карлу-Фридриху и его супругѣ, Аннѣ Петровнѣ, съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ понятій, должна казаться въ высшей степени странною. Но, какъ видно изъ замѣчаній Рабутина, она и тогда считалась нарушеніемъ государственныхъ интересовъ и оскорбленіемъ народнаго чувства. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что въ то время многіе считали возможнымъ прежде всего думать, при рѣшеніи такихъ вопросовъ, о личныхъ и о династическихъ интересахъ, забывая необходимость сохраненія политическаго единства и національной выгоды. Завоеваніе прибалтійскаго края считалось какъ бы частнымъ предпріятіемъ Петра Великаго, ближайшіе родственники котораго имѣли право располагать этими новоприобрѣтенными провинціями по своему усмотрѣнію и въ свою пользу. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины нѣкоторые государственные люди считали возможнымъ отдѣленіе прибалтійскаго края отъ Россіи. Въ февралѣ 1725 года австрійскій дипломатъ Гогенгольцъ въ письмѣ къ Карлу VI высказалъ предположеніе, что „бывшія шведскія провинціи, по случаю вступленія голштинскаго герцога на шведскій престолъ, будутъ уступлены Швеціи“. Около этого же времени, т.-е. въ минуту воцаренія Екатерины, шведскій дипломатъ Седергіельмъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что императрица, выдавъ Елизавету Петровну за великаго князя Петра, уступитъ послѣднему московскую корону, довольствуясь для себя шведскими провинціями. Въ такомъ случаѣ, какъ говорилъ шведскій посланникъ Гогенгольцу, Москва служила бы столицею для Петра II, тогда какъ Екатерина оставалась бы жить въ С.-Петербургѣ. Седергіельмъ выразилъ надежду, что при такомъ устройствѣ дѣлъ бывшія шведскія провинціи послѣ кончины Екатерины были бы возвращены Швеціи. И Бассевичъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ совсѣмъ такъ же, говоря Гогенгольцу, въ минуту воцаренія Екатерины, что Петръ II легко можетъ сдѣлаться ея преемникомъ, лишь бы сама Екатерина и ея дочери были обезпечены уступкою имъ, какъ

бы въ частное владѣніе, шведскихъ провинцій. Понятно, что Швеція, лаская себя надеждою присоединить вновь прибалтійскій край къ своимъ владѣніямъ, поддерживала мнѣніе, яко-бы эти провинціи были лишь частною собственностью Екатерины и ея дочерей. На случай готовности императрицы рано или поздно отдѣлить эти завоеванныя области отъ прочаго русскаго государства, Швеція выразила готовность предоставить въ полное распоряженіе Екатерины 12.000 чел. войска для осуществленія этого проекта. Сообщая Карлу VI объ этихъ предположеніяхъ, Гогенгольцъ выразилъ мнѣніе, что все это легко можетъ повлечь за собою войну. Быть можетъ, проектъ путешествія Екатерины въ Ригу лѣтомъ 1726 года состоялъ въ связи съ этими мыслями. Въ Лифляндіи около этого же времени возникъ вопросъ о назначеніи герцога Карла-Фридриха губернаторомъ въ Лифляндіи, гдѣ тогда умеръ занимавшій эту должность князь Репнинъ. Герцогъ самъ желалъ этого, и дворянство прибалтійскаго края считало для себя важною выгодою такое назначеніе. Рабутину тогда казалось, что занятіе этого мѣста герцогомъ могло легко оскорбить національное чувство, и онъ совѣтовалъ дѣйствовать крайне осмотрительно въ этомъ случаѣ, обращая вниманіе на общественное мнѣніе [1]). Сообщивъ Карлу VI, мѣсяцемъ позже, что герцогъ отказался отъ своего желанія сдѣлаться лифляндскимъ губернаторомъ, Рабутинъ въ то же время писалъ къ Зинцендорфу о проектѣ „раздѣла“ Россіи съ цѣлью обезпеченія царской фамиліи, прибавляя къ этому, что предположеніе отдѣлить шведскія провинціи должно считаться во всякомъ случаѣ дѣломъ очень опаснымъ.

Однако, вопросъ объ обезпеченіи судьбы дочерей Екатерины оставался во все это время на очереди. Осенью 1726 г., Рабутинъ писалъ, что самыя вліятельныя лица требовали сохраненія единства государства, отвергая мысль объ отдѣленіи шведскихъ провинцій. Но въ то же время всѣ допускали, что въ случаѣ назначенія Петра наслѣдникомъ престола Анна и Елизавета имѣютъ полное право на какое-либо вознагражденіе. Какъ скоро, однако, въ мартѣ 1727 г. зашла рѣчь о бракѣ дочери Меншикова съ великимъ княземъ, Бассевичъ счёлъ своимъ долгомъ возбудить вновь вопросъ объ отдѣленіи шведскихъ провинцій отъ Россіи, требуя по крайней мѣрѣ уступки Лифляндіи и Эстляндіи герцогу Карлу-Фридриху и его супругѣ. Голштинская партія прямо объявила, что можетъ согласиться на этотъ бракъ не иначе какъ при уступкѣ провинцій.

---

[1]) Письмо Рабутина къ Шенборну, отъ 21-го сентября 1726 г.

Вражда между княземъ Меншиковымъ и герцогомъ могла легко подвергнуть опасности того или другого, или обоихъ. Поэтому мысль о способѣ примиренія ихъ занимала ихъ приверженцевъ. Въ мартѣ (1727 г.) молодой Сапѣга побывалъ у герцога для сообщенія о желаніи Екатерины женить великаго князя на дочери Меншикова. При этомъ Сапѣга умолялъ Карла-Фридриха не препятствовать этому браку и прибавилъ къ этому, что Меншиковъ искренно желаетъ примиренія съ нимъ и готовъ въ другихъ отношеніяхъ поддерживать его интересы. Бассевичъ въ свою очередь также выставлялъ на видъ, что препятствовать браку великаго князя невозможно, и герцогу остается лишь показывать видъ, будто онъ очень доволенъ этимъ проектомъ; однако, по мнѣнію голштинскаго министра, Карлъ-Фридрихъ долженъ былъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы настаивать на уступкѣ ему и Аннѣ Петровнѣ Лифляндіи и Эстляндіи.

Бассевичъ однажды явился у австрійскаго дипломата и, передавая подробности о ходѣ дѣла Рабутину, разсказалъ ему, что положеніе дѣлъ усложняется все болѣе и болѣе, такъ какъ герцогъ и дочери Екатерины ни подъ какимъ видомъ не хотятъ дать свое согласіе на бракъ Петра съ дочерью Меншикова до формальнаго обѣщанія, что имъ будутъ уступлены Лифляндія и Эстляндія. „Карлъ-Фридрихъ, Анна и Елизавета,— сообщалъ далѣе Бассевичъ,— намѣрены броситься къ ногамъ императрицы, объявляя, что Меншиковъ, выдавъ дочь за великаго князя, станетъ сильнѣе прежняго и сдѣлаетъ все возможное, чтобы погубить царскую фамилію“.

Сообщая обо всемъ этомъ Карлу VI, Рабутинъ высказалъ свое убѣжденіе, что Екатерина въ этомъ дѣлѣ намѣрена дѣйствовать независимо отъ герцога, и что Меншиковъ пользуется расположеніемъ императрицы. Впрочемъ австрійскій дипломатъ допускалъ, что, благодаря осуществленію проекта брака, власть Меншикова окажется чрезмѣрною, неограниченною. „Князь,—сказано въ депешѣ Рабутина,—будетъ имѣть въ своихъ рукахъ всѣ дѣла. Народъ будетъ доволенъ, такъ какъ Меншиковъ доставитъ великому князю права наслѣдства на престолъ“. Рабутинъ, очевидно, былъ доволенъ карьерою племянника Карла VI и твердилъ лишь одно, что австрійское правительство должно по возможности пріобрѣсть подарками расположеніе Меншикова.

Особенно подробно Рабутинъ писалъ о „кризисѣ“ при русскомъ дворѣ графу Зинцендорфу, 12-го (23-го) марта. „Герцогъ,— говорится тутъ,—настаивая на уступкѣ Лифляндіи и Эстляндіи для обезпеченія дочерей императрицы, сказалъ ей, что иначе Анна

и Елизавета будутъ принуждены покинуть Россію какъ нищіе, чего онъ, герцогъ, допустить не можетъ. Напрасно герцогу говорили, что не слѣдуетъ связывать вопросъ о бракѣ Петра съ вопросомъ объ обезпеченіи дочерей Екатерины, что о семъ послѣднемъ предметѣ рѣчь впереди, но что уступка обѣихъ провинцій немыслима, потому что ими обезпечивается безопасность имперіи, и что виновники проекта раздѣла непремѣнно будутъ предметомъ общей ненависти. Распря продолжается, и обѣ партіи готовы уничтожить другъ друга".

Рабутинъ такъ объясняетъ главную причину развитія кризиса: „расположеніе ея величества къ Сапѣгѣ было поводомъ этого дѣла. Она желала препятствовать браку дочери князя съ Сапѣгою, а князь съумѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы вступить въ родство съ великимъ княземъ"... „Герцогъ же,—сказано далѣе въ письмѣ Рабутина къ Зинцендорфу,—принялъ рѣшеніе употребить всѣ средства для того, чтобы вступить во владѣніе обѣихъ провинцій, или по крайней мѣрѣ уничтожить своихъ противниковъ и располагать всѣмъ по своему усмотрѣнію".

Считая положеніе крайне опаснымъ и желая содѣйствовать сохраненію мира, Рабутинъ бесѣдовалъ съ разными лицами объ этомъ кризисѣ. Соблюдая строгій нейтралитетъ въ борьбѣ между герцогомъ и княземъ, австрійскій дипломатъ все-таки совѣтовалъ Бассевичу дѣйствовать осторожно и избѣгать крайнихъ мѣръ для того, чтобы не сдѣлаться предметомъ общей ненависти. Впрочемъ самъ Меншиковъ однажды пришелъ въ это время къ Рабутину для объясненія и сказалъ: „Ея величество непремѣнно желаетъ этого брака моей дочери съ великимъ княземъ; безъ этого я никогда не поднялъ бы такого деликатнаго вопроса". Изъ словъ князя Рабутинъ заключилъ, что право Петра на наслѣдство престола могло считаться неподлежащимъ сомнѣнію; Меншиковъ выставлялъ на видъ, что Екатерина не имѣетъ возможности дѣйствовать по этому вопросу наперекоръ желаніямъ всего народа. „Князь,—замѣтилъ Рабутинъ,—будетъ полнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ, а герцогъ, настаивая на своемъ, не получитъ успѣха и, обнаруживая свои тайныя мысли, тѣмъ самымъ развѣ только умножитъ число приверженцевъ Меншикова". „Герцогъ,—пишетъ Рабутинъ,—очевидно, имѣетъ слишкомъ высокое понятіе о своемъ вліяніи; но императрица не станетъ обращать вниманія на его желанія,—русскіе оскорблены его предложеніемъ приступить къ раздѣлу государства и его стараніемъ препятствовать назначенію великаго князя наслѣдникомъ престола".

Какъ видно изъ писемъ Рабутина, Меншиковъ дѣйствовалъ чрезвычайно ловко и успѣшно. Такъ напр., онъ до поры до времени не настаивалъ на рѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи въ пользу Петра. Рабутинъ писалъ къ графу Шёнборну: „Меншиковъ обнаруживаетъ необычайную веселость; его отношенія къ императрицѣ особенно удовлетворительны, и онъ пользуется ея довѣріемъ. Онъ говорилъ мнѣ, что всѣ вельможи имперіи довольны проектомъ брака и думаютъ, поздравляя его, что такимъ образомъ легче всего можетъ состояться воцареніе Петра“.

Въ письмѣ Рабутина къ Карлу VI, отъ 14-го (25-го) марта, сказано, что герцогъ Карлъ-Фридрихъ старался чрезъ прусскаго дипломата Мардефельда дѣйствовать на него, Рабутина, чтобы заставить его препятствовать осуществленію проекта Меншикова. Рабутинъ однако не считалъ удобнымъ мѣшать князю и поддерживать герцога. Онъ, напротивъ, былъ очень доволенъ выгоднымъ положеніемъ племянника Карла VI. „Вліяніе Меншикова усиливается,—писалъ онъ,—великій князь ежедневно бываетъ въ его домѣ и показывается публикѣ въ сопровожденіи членовъ семейства князя и его приверженцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, благодаря трудамъ Меншикова, достигнетъ того, чего всѣ желаютъ“.

Никто изъ иностранныхъ дипломатовъ, находившихся въ то время въ С.-Петербургѣ, не сообщилъ столь подробныхъ свѣденій о проектѣ брака, какъ Рабутинъ. Однако и прусскій посланникъ, Мардефельдъ, и французскій дипломатъ Маньянъ въ своихъ депешахъ упоминали также объ этомъ дѣлѣ [1]).

Мардефельдъ писалъ 11-го (22-го) марта: „На дняхъ случилось происшествіе, доводящее вражду и ожесточеніе герцога голштинскаго и императорскихъ принцессъ противъ князя Меншикова до своего крайняго предѣла, такъ что они низвергнутъ князя, или сами попадутъ въ крайне опасное положеніе. Меншиковъ, по внушенію своего чрезмѣрнаго честолюбія, съумѣлъ заставить молодого великаго князя полюбить свою вторую дочь и довелъ ихъ отношенія до такой искренности, что великій князь уже началъ ее считать своею будущею супругою. Князь нашелъ средства убѣдить царицу, что это послужитъ средствомъ къ лучшему преуспѣянію кроткаго и спокойнаго правленія ея. Когда дѣло созрѣло совсѣмъ, Меншиковъ отправилъ молодого графа

[1]) Въ депешахъ Лефорта, напечатанныхъ въ III-мъ томѣ Сборника Ист. Общества, нѣтъ никакихъ данныхъ по этому дѣлу. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы Лефортъ о немъ не писалъ. Къ сожалѣнію, многихъ важныхъ депешъ саксонскаго дипломата вообще нѣтъ въ этомъ изданіи.

Сапѣгу къ герцогу голштинскому, чтобы извѣстить его объ этомъ и просить его содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Герцогъ отвѣтилъ, что онъ не будетъ ему сопротивляться, но надѣется, что князь потребуетъ его помощи не иначе, какъ подъ условіемъ обезпеченія интересовъ императрицы и ея дочерей. Бассевичъ и былъ посланъ герцогомъ къ князю для того, чтобы говорить о способѣ обезпеченія Анны и Елизаветы. Меншиковъ, не соглашаясь съ тѣмъ, настоялъ при многихъ изъявленіяхъ дружбы на томъ, чтобы герцогъ сначала самъ согласился на это дѣло. Герцогу показались послѣдствія его весьма опасными для себя; онъ отправился къ царицѣ и представилъ ей, какой великой опасности она подвергнетъ своихъ дѣтей согласіемъ на этотъ бракъ: князь возвыситъ свою власть и значеніе до крайняго предѣла, будетъ считаться тестемъ будущаго императора и не успокоится, пока не будетъ рѣшено наслѣдіе его зятя, не говоря о сильномъ искушеніи возвести зятя и дочь возможно скорѣе на престолъ. Царица и ея дѣти будутъ находиться въ рукахъ Меншикова, и участь ихъ будетъ зависѣть отъ него. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому: желаетъ ли царица и себя, и своихъ дѣтей, отдать на произволъ князю—или недопущеніемъ такого брака лишить его могущества, которымъ онъ до сихъ поръ пользовался. Къ тому герцогъ прибавилъ, что онъ, видя злополучныя слѣдствія этого дѣла и не желая сдѣлаться жертвою мстительныхъ умысловъ князя, твердо рѣшился, какъ только царица приметъ сторону послѣдняго, оставить Россію вмѣстѣ съ своею супругою, какая бы ни постигла его тамъ горькая участь. Увѣряютъ, что эти слова такъ встревожили царицу, что она въ сильномъ волненіи воскликнула: „А измѣнники хотѣли меня еще увѣрить, что въ этомъ бракѣ заключается обезпеченіе моихъ интересовъ и интересовъ моихъ дочерей. Теперь однако я вижу, куда они мѣтятъ при этомъ. Вотъ настоящее положеніе этого дѣла. Меня увѣряютъ, что ожесточеніе противъ князя дошло до такого предѣла, что ожидаютъ или полнаго торжества его, или окончательнаго низложенія“... Къ тому же царскія принцессы рѣшились со слезами припасть къ стопамъ царицы и не вставать раньше, пока послѣдняя не согласится на лишеніе милости князя. По слухамъ, Толстой даетъ чрезъ нѣкотораго посредника тайные совѣты какъ герцогу, такъ и принцессамъ. Такъ какъ царица часто возвращала полную свою милость Меншикову, то теперь нельзя судить объ исходѣ этой смуты. „По моему мнѣнію,—замѣчаетъ Мардефельдъ,—многое будетъ зависѣть отъ того, которая изъ обѣихъ партій съумѣетъ привлечь на свою сторону барона Остермана и графа Лёвен-

вольде, ибо послѣдніе вполнѣ въ состояніи склонить царицу къ твердому окончательному рѣшенію. Пока они держатъ себя въ сторонѣ, не желая участвовать въ этомъ дѣлѣ. Смятеніе съ обѣихъ сторонъ очень велико“ [1]), и пр.

Какъ видно, данныя въ депешѣ Мардефельда представляютъ нѣкоторыя любопытныя черты для характеристики Екатерины. Судя по этому разсказу, императрица, не понимавшая значенія вопроса, была доступна внушеніямъ разныхъ лицъ и мѣняла свои воззрѣнія, смотря по тому, кто имѣлъ случай бесѣдовать съ нею наединѣ. Нельзя отрицать, что прусскій посланникъ приписывалъ Екатеринѣ въ этомъ дѣлѣ довольно жалкую роль, выставляя на видъ ея полную зависимость отъ окружающихъ ее лицъ.

Далѣе, достойно вниманія замѣчаніе о той роли, которую въ это время игралъ Толстой.

Въ письмахъ и донесеніяхъ Рабутина мы не встрѣчаемъ указаній на значеніе Толстого въ дѣлѣ о проектѣ брака дочери Меншикова, хотя австрійскіе дипломаты неоднократно говорили о его вліяніи на дѣла вообще. Гогенгольцъ писалъ въ февралѣ 1725 г., что Толстой долженъ считаться главнымъ руководителемъ всѣхъ дѣлъ. Рабутинъ, бесѣдовавшій съ Толстымъ на итальянскомъ языкѣ, писалъ въ маѣ 1726 г., что онъ при всѣхъ совѣщаніяхъ занимаетъ самое видное мѣсто. Австрійскій посланникъ зналъ хорошо, что между Толстымъ и Остерманомъ существовала сильная непріязнь; особенно часто въ письмахъ Рабутина говорилось о враждѣ между Толстымъ и Меншиковымъ. Осенью 1726 г., Рабутинъ доносилъ, что герцогъ Карлъ-Фридрихъ часто пользуется совѣтами Толстого, нарочно разжигавшаго ненависть между Меншиковымъ и герцогомъ, возбуждавшимъ гнѣвъ дочерей Екатерины противъ князя, и въ бесѣдахъ съ Екатериною выставлявшаго на видъ опасность честолюбивыхъ замысловъ Меншикова. „Остерманъ сильно безпокоится, слѣдя за усиленіемъ вліянія Толстого“, сказано въ письмѣ Рабутина къ Зинцендорфу, отъ 11 (22-го) октября 1726 г. „Толстой поддерживаетъ всѣхъ противниковъ князя Меншикова“, писалъ онъ въ ноябрѣ этого же года. Рабутинъ, бывши скорѣе сторонникомъ Меншикова, нежели Толстого, говорилъ въ концѣ декабря 1726 г. о необходимости для Карла VI или купить Толстого, или содѣйствовать его удаленію отъ дѣлъ. И герцогъ въ это время считалъ Толстого опаснымъ интриганомъ, а потому не довѣрялъ ему

[1]) Сборникъ Ист. Общ., т. XV, стр. 328—331.

болѣе. Объ отношеніи Толстого къ вопросу о бракѣ дочери Меншикова Рабутинъ не зналъ, или по крайней мѣрѣ не доносилъ.

Тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаютъ нѣкоторыя данныя въ донесеніи Маньяна къ графу Морвилю, отъ 14 (25-го) марта 1725 г. Разсказавъ о проектѣ брака, французскій дипломатъ пишетъ: „Въ концѣ прошлой недѣли обѣ принцессы на колѣняхъ умоляли государыню обсудить неминуемыя гибельныя послѣдствія подобнаго дѣла и всячески старались, возбудивъ ея материнскую нѣжность, заставить ее отмѣнить проектъ брака. Къ нимъ присоединился и Толстой, съ которымъ царица не посовѣтовалась раньше. Онъ еще энергичнѣе принцессъ представилъ ей, какой непоправимый вредъ нанесетъ она себѣ и своему семейству, поставивъ притомъ и вѣрнѣйшихъ слугъ своихъ не только въ невозможность приносить ей отнынѣ какую-либо пользу, но и въ необходимость отшатнуться отъ нея. Ибо, говорилъ Толстой, онъ не можетъ скрыть, что и самъ предпочитаетъ скорѣе погибнуть, чѣмъ ждать тѣхъ страшныхъ послѣдствій, которыя онъ предвидитъ отъ подобнаго согласія (на бракъ); ему явственно представляется топоръ, готовый упасть на голову государыни и всѣхъ ея дѣтей, чего, впрочемъ, закончилъ Толстой, ему, можетъ быть, не придется ужъ увидать". „Слова министра, — продолжаетъ Маньянъ,—произвели, казалось, на царицу сильное и желанное впечатлѣніе. Голштинцы считали свое торжество почти вѣрнымъ и, твердо надѣясь на близкое паденіе Меншикова, уже видѣли его, такъ сказать, лишеннымъ всей своей власти. Въ этомъ смыслѣ еще на дняхъ разсуждалъ Бассевичъ; но онъ ошибся. Ни мольбы принцессъ, ни основательныя соображенія Толстого не могли воспрепятствовать Меншикову, послѣ еще одной тайной бесѣды съ государынею объ этомъ, получить отъ нея рѣшительное подтвержденіе даннаго прежде согласія. Меншиковъ тогда тотчасъ же поѣхалъ сообщить объ этомъ Рабутину, и, вѣроятно, главною цѣлью отправки курьера этимъ министромъ было именно желаніе передать императору столь пріятное извѣстіе. Датскій министръ такъ открыто и такъ чрезвычайно радуется этому событію, что, можно сказать навѣрное, онъ принималъ участіе въ подготовившихъ дѣло интригахъ. Онъ разсчитываетъ, что вліяніе герцога голштинскаго ослабѣетъ и не будетъ больше причинять столько тревогъ его государю" [1]), и пр.

Далѣе, Маньянъ, узнавъ еще нѣкоторыя подробности событій

[1]) Сб. Ист. Общ., т. LXIV, стр 525 — 531. Къ сожалѣнію, депеши датскаго резидента, Вестфалена, пока остаются неизвѣстными.

при дворѣ, писалъ: „Сознавая, что самъ онъ не можетъ успѣшно повліять на царицу въ смыслѣ отмѣны ея согласія, герцогъ заставляетъ дѣйствовать герцогиню, супругу свою, принцессу, сестру ея и Толстого. Но сторонники великаго князя, опираясь на громадное преимущество, какое дается послѣднему этимъ новымъ событіемъ, пріятнымъ и народу и большинству вельможъ, убѣждены, что никакія усилія повліять на царицу не измѣнятъ дѣла".

Французскій дипломатъ вскорѣ могъ подтвердить это предположеніе, сообщивъ 1-го апрѣля слѣдующія извѣстія: „Отказъ царицы отмѣнить свое согласіе на бракъ великаго князя приводитъ къ мысли, что не только царица не боится опасныхъ послѣдствій своего поступка въ пользу великаго князя, но еще считаетъ его наилучшимъ изъ всѣхъ доступныхъ ей средствъ прочно укрѣпить спокойствіе своего правленія, ибо этимъ государыня съ одной стороны успокаиваетъ сторонниковъ великаго князя, юность котораго дозволяетъ обвѣнчать его лишь весьма не скоро, съ другой же—она навсегда привязываетъ къ себѣ князя Меншикова, котораго очень основательно считаетъ вѣрнѣйшимъ слугою своимъ среди русскихъ вельможъ, и на котораго можетъ положиться болѣе, чѣмъ на кого-либо. Торжество Меншикова сильно огорчаетъ герцога. У князя въ день рожденія княгини былъ балъ. Меншиковъ пригласилъ и герцога, который извинился подъ предлогомъ нездоровья, равно какъ и герцогиня, супруга его, при чемъ однако оба объявили, что если имъ не удастся присутствовать на обѣдѣ, то они постараются пріѣхать къ ужину. Вечеромъ, видя, что ни тотъ, ни другая не ѣдутъ, Меншиковъ сказалъ, разсмѣявшись, при Бассевичѣ, что всячески старался заслужить расположеніе герцога, но, видимо, не успѣваетъ въ этомъ и больше ужъ ничего сдѣлать не можетъ" [1]).

Сколь зорко иностранные дипломаты слѣдили за этимъ дѣломъ, видно и изъ донесенія Мардефельда, отъ 25-го марта. „Дѣло между княземъ Меншиковымъ и императорскимъ семействомъ,—писалъ прусскій посланникъ,—хотя и не кончилось еще, но ярый гнѣвъ членовъ сего послѣдняго не уменьшился, и князь вѣроятно достигнетъ своей цѣли, ибо мнѣ передаютъ, будто Остерманъ и Лёвенвольде полагаютъ, что этимъ путемъ царица могла бы склонить на свою сторону молодого великаго князя. Онъ же тѣмъ временемъ опять побывалъ у княжны Меншиковой. Мѣры голштинскаго двора вмѣсто того, чтобы уменьшить могущество и кредитъ князя, доставляютъ ему, напротивъ, средства

[1]) Сб. И. О., т. LXIV, стр. 531—534.

къ постоянному возвышенію и къ лишенію довѣрія націи—герцога и Бассевича. Герцогъ требуетъ обезпеченія его самого и принцессъ, предлагая отдать одной Лифляндію, другой Эстляндію. Это несообразное предложеніе даетъ Меншикову средство навлечь на герцога подозрѣніе націи. Далѣе, герцогъ предлагаетъ лишить Меншикова его авторитета, но едва ли царица рѣшится на это, пока не найдутся болѣе вѣскія обвиненія, чѣмъ какія возбуждались пока противъ него" [1]).

Екатеринѣ приходилось выслушивать мнѣнія герцога, князя, Толстого, дочерей и другихъ лицъ. Вопросъ объ отношеніи Остермана и Лёвенвольда къ дѣлу о бракѣ великаго князя могъ имѣть большое значеніе. Лёвенвольде пользовался нѣкоторое время личнымъ расположеніемъ императрицы. Рабутинъ писалъ, что Екатерина вполнѣ довѣряетъ ему и даже говоритъ съ нимъ о дѣлахъ. „Остерманъ управляетъ всѣми государственными дѣлами", писалъ австрійскій дипломатъ въ апрѣлѣ 1726 г. „Зная отлично страну,—писалъ Рабутинъ 6 октября,—Остерманъ хорошо понимаетъ значеніе великаго князя". Что касается до придворныхъ дѣлъ, то Остерманъ, какъ извѣстно, держалъ себя крайне осторожно и по возможности не участвовалъ въ интригахъ. Въ дѣлѣ брака дочери Меншикова, однако, онъ, какъ узналъ Рабутинъ, былъ сторонникомъ интересовъ князя, не только благодаря своимъ личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ князю, но и по тому убѣжденію, что этотъ бракъ будетъ полезнымъ всему государству и посодѣйствуетъ тишинѣ и порядку въ немъ.

Голосъ Остермана могъ имѣть большое значеніе. Рабутинъ писалъ къ графу Зинцендорфу 18 (29-го) марта: „Ея величество твердо рѣшилась не отмѣнять проекта брака великаго князя, и герцогъ оказался недостаточно вліятельнымъ, чтобы опровергнуть этотъ планъ. Онъ думаетъ все болѣе и болѣе о примиреніи. Говорятъ, что онъ уже не надѣется болѣе на уступку Лифляндіи и Эстляндіи принцессамъ, и что онѣ готовы довольствоваться значительною суммою денегъ. Партія Меншикова сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы этимъ путемъ положить конецъ волненію". „Герцогъ,—писалъ Рабутинъ 21 марта (1 апрѣля), —видимо успокоился, не переставая, впрочемъ, интриговать противъ проекта брака; онъ для этой цѣли предложилъ свою племянницу въ невѣсты великому князю. Что же касается до Меншикова, то онъ разсчитываетъ на твердость императрицы, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ возьметъ верхъ". Нужно было думать объ

[1]) Сб. И. О., т. XV, стр. 332—333.

условіяхъ примиренія. Недѣлею позже Рабутинъ сообщилъ графу Зинцендорфу объ этихъ условіяхъ. Герцогъ чрезъ Остермана требовалъ, чтобы 1) опубликованіе брака великаго князя происходило лишь послѣ обезпеченія интересовъ герцога; 2) чтобы Екатерина дала свое согласіе на бракъ Елизаветы съ епископомъ любекскимъ, котораго нужно назначить генералъ-губернаторомъ Лифляндіи и Эстляндіи; 3) герцогъ готовъ согласиться на назначеніе великаго князя наслѣдникомъ престола, но не иначе какъ на томъ условіи, чтобы обѣимъ принцессамъ была назначена сумма денегъ для ихъ содержанія; для этой цѣли герцогъ предлагалъ уступить Аннѣ и Елизаветѣ пользованіе доходами рижской таможни и дать имъ полное право помѣщенія этихъ денегъ за границею, въ Голландіи или гдѣ имъ будетъ угодно; 4) герцогъ требовалъ самаго энергичнаго ходатайства русскаго правительства для поддержанія предъ Даніею его правъ на Шлезвигъ.

О ходѣ переговоровъ сообщаетъ Рабутинъ слѣдующее. Меншиковъ возразилъ, что при твердомъ рѣшеніи императрицы выдать дочь его за великаго князя, онъ не можетъ откладывать публичнаго провозглашенія этого дѣла. Сообщая объ отвѣтѣ Меншикова, Рабутинъ прибавилъ, что это возраженіе князя вполнѣ согласуется съ его честолюбіемъ; всенародное объявленіе льститъ его самолюбію и доказываетъ всѣмъ и каждому, что онъ пользуется всею властью. „Князь мнѣ вчера самъ говорилъ,—сказано въ письмѣ Рабутина,—что въ день рожденія императрицы, т.-е. 5 апрѣля стараго стиля, воспослѣдуетъ всенародное объявленіе о бракѣ, и что эта церемонія будетъ особенно торжественною. Это событіе докажетъ всѣмъ, до чего доходитъ власть князя, и неминуемо заставитъ герцога усилить еще болѣе свою агитацію противъ Меншикова. Что касается до второго условія,—продолжаетъ австрійскій дипломатъ,—то увѣряютъ, что ея величество никогда не дастъ своего согласія на бракъ принцессы Елизаветы съ епископомъ любекскимъ; самъ герцогъ не скрывалъ въ разговорѣ со мною, что императрица поручила ему, нѣсколько дней тому назадъ вступить въ переговоры съ Пруссіею насчетъ одного изъ прусскихъ принцевъ. Герцогъ не пользуется довѣріемъ императрицы. Есть основаніе думать, что она скрываетъ отъ него свои соображенія. Напрасно онъ надѣется откладываніемъ проекта брака выиграть время для уничтоженія его. Меншиковъ увѣрялъ меня, что еслибы даже онъ хотѣлъ отказаться отъ брака его дочери съ великимъ княземъ, онъ не могъ бы сдѣлать этого, такъ какъ императрица въ этомъ дѣлѣ твердо рѣшила испол-

нить свое намѣреніе. Я позволилъ себѣ замѣтить при этомъ случаѣ, что тогда слѣдуетъ думать объ удовлетвореніи герцога и объ объясненіи съ нимъ по этому вопросу для избѣжанія лишняго раздраженія. Что касается до двухъ остальныхъ условій, то они едва ли составляютъ затрудненіе", и пр.

Рабутинъ писалъ далѣе 1 (12-го) апрѣля, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ развязки въ день рожденія Екатерины, т.-е. 5-го (16-го) апрѣля. Въ его письмѣ къ Зинцендорфу отъ 11 (22-го) апрѣля сказано: „Въ день рожденія ея величества, т.-е. 5-го числа, объявленія о бракѣ не было. Извѣстія изъ Швеціи и сильные доводы, представленные обѣими принцессами, были причиною рѣшенія отложить это объявленіе. Тѣмъ не менѣе, Меншиковъ, какъ кажется, не сомнѣвается въ успѣхѣ. Всѣ лица, окружающія ея величество, отстаиваютъ интересы князя, и герцогъ попыпѣ продолжаетъ дѣйствовать безуспѣшно. Онъ даже прибѣгнулъ къ отчаянному средству, стараясь оказывать личное вліяніе на великаго князя, который, однако, слишкомъ молодъ, чтобы не зависѣть отъ людей, рудоводствующихся интересами партіи". Далѣе, Рабутинъ писалъ: „Герцогъ надѣется сдѣлаться генералиссимусомъ; но я не думаю, чтобы его надежда исполнилась, такъ какъ русскіе всячески постараются препятствовать его назначенію".

Въ такомъ положеніи находилось дѣло въ то время, когда императрица заболѣла опасно. Сообщая объ этомъ, австрійскій дипломатъ писалъ: „Я надѣюсь, что нынѣшнія обстоятельства заставятъ герцога дѣйствовать осмотрительно и подумать о примиреніи съ Меншиковымъ, который все еще держится въ полной силѣ". Объ этомъ, какъ видно изъ донесенія Рабутина отъ 18 (29-го) апрѣля, особенно заботился Бассевичъ. Въ тотъ же день Рабутинъ писалъ къ Зинцендорфу: „На этихъ дняхъ не говорили болѣе о бракѣ великаго князя; однако Меншиковъ продолжаетъ утверждать, что именно сама императрица желаетъ этого брака. Князь дѣйствуетъ весьма благоразумно, не настаивая на столь деликатномъ дѣлѣ". Рабутину въ это послѣднее время жизни и царствованія Екатерины казалось, что устройствомъ брака Елизаветы съ епископомъ любекскимъ можно лучше всего успокоить герцога Карла-Фридриха и уменьшить ожесточеніе между двумя враждебными партіями; по мнѣнію австрійскаго дипломата, судьба великаго князя, племянника Карла VI, могла считаться лучше всего обезпеченною связью съ княземъ Меншиковымъ. Поэтому Рабутинъ не безъ нѣкотораго удовлетворенія доносилъ Карлу VI-му 26 апрѣля (7 мая), что Петръ ежедневно бываетъ въ

домѣ Меншиковыхъ и разъѣзжаетъ по городу съ членами семейства князя.

Формальнаго сговора при Екатеринѣ не было. Но Меншиковъ былъ правъ, надѣясь на успѣхъ, не настаивая на этой церемоніи. Главная цѣль его была достигнута: вопросъ о престолонаслѣдіи былъ рѣшенъ въ пользу великаго князя, а другой вопросъ о бракѣ Петра съ дочерью Меншикова былъ тѣсно связанъ съ первымъ. Меншиковъ оставался, благодаря соединенію этихъ двухъ вопросовъ, самымъ вліятельнымъ лицомъ при русскомъ дворѣ, фактическимъ властителемъ. Не даромъ Рабутинъ, ожидая сохраненія перевѣса князя надъ его противниками, во все это время требовалъ отъ австрійскаго двора вниманія къ личнымъ интересамъ Меншикова. Австрійскій дипломатъ, заботившійся прежде всего о выгодахъ Карла VI и поэтому желавшій обезпеченія судьбы его племянника, Петра II, не могъ въ это время предвидѣть ни скорой кончины Екатерины I, ни окончательнаго паденія Меншикова въ исходѣ этого же года (1727). Считая, однако, возможною перемѣну на престолѣ, Рабутинъ еще въ апрѣлѣ высказалъ предположеніе, что торжество Меншикова или герцога въ рѣшительную минуту будетъ зависѣть отъ гвардіи, которая расположена къ великому князю, и поэтому положеніе герцога можетъ сдѣлаться болѣе выгоднымъ лишь тогда, когда онъ не станетъ болѣе мѣшать возвышенію Петра.

V.

Заговоръ Девіера и Толстого.

Какъ извѣстно, во время послѣдней болѣзни Екатерины была сдѣлана попытка лишить Меншикова значенія. Таково было дѣло Девіера, въ которомъ былъ замѣшанъ Толстой, и которое кончилось полнымъ торжествомъ князя. Въ немъ лишь косвенно участвовали герцогъ Карлъ-Фридрихъ и его сторонники; не могли они, хотя бы косвенно, не пострадать отъ исхода этого эпизода.

Такъ называемый „заговоръ“, составленный въ послѣднее время царствованія Екатерины, съ цѣлью устраненія чрезмѣрной власти Меншикова, понынѣ не разъясненъ достаточно. Самый важный матеріалъ объ этомъ эпизодѣ сообщенъ Соловьевымъ [1]), пользовавшимся документами государственнаго архива. Раз-

[1]) Исторія Россіи, т. XIX, стр. 88—93.

сказъ Соловьева, основанный исключительно на протоколахъ розыска, по самому свойству источника, отрывоченъ, далеко не исчерпывая дѣла. Данныя въ донесеніяхъ дипломатовъ также не вполнѣ разъясняютъ это событіе, такъ какъ правительство, очевидно, не считало удобнымъ разглашать подробностей его. Къ сожалѣнію, и письма, и донесенія австрійскаго дипломата, Рабутина, не заключаютъ въ себѣ хотя бы сколько-нибудь подробнаго разсказа объ этомъ „заговорѣ“ Девіера, въ которомъ, очевидно, важнѣйшую роль игралъ Толстой.

Не имѣя въ виду изслѣдовать подробнѣе частности этого эпизода, между прочимъ уже и потому, что окончательная развязка, т.-е. объявленіе о наказаніяхъ виновныхъ и исполненіе приговора, относится уже къ царствованію Петра II, и такимъ образомъ выходитъ изъ рамки настоящаго очерка, мы считаемъ однако не лишнимъ указать на нѣкоторыя данныя о слухахъ, распространенныхъ объ этомъ дѣлѣ въ то время, и далѣе—опредѣлить болѣе точно хронологію событій, чѣмъ, какъ мы думаемъ, можно будетъ содѣйствовать разъясненію различныхъ фазисовъ событій.

Екатерина заболѣла серьезно 10 (21-го) апрѣля; недѣлею позже состоялось формальное соглашеніе о престолонаслѣдіи въ пользу Петра II; немедленно послѣ этого арестовали Девіера; слѣдствіе происходило въ продолженіе послѣднихъ дней жизни Екатерины, которая скончалась 6 мая; 7 мая было читано завѣщаніе, а еще 6 мая состоялся указъ о наказаніи Девіера, Толстого, Бутурлина, Писарева и пр. На другой день происходило исполненіе приговора.

Рождается вопросъ: не содѣйствовало ли рѣшеніе о престолонаслѣдіи, вполнѣ выгодное князю Меншикову, рѣшенію его противниковъ приступить къ дѣйствіямъ съ цѣлью положить конецъ значенію Меншикова?

Вопросъ о бракѣ дочери князя съ Петромъ, какъ мы видѣли, вызвалъ сильную оппозицію „царской фамиліи“, т.-е. герцога Карла-Фридриха, Анны и Елизаветы. Ихъ воззрѣнія насчетъ пагубныхъ послѣдствій этого брака раздѣлялъ Толстой, лучше всѣхъ понимавшій, что вопросъ о бракѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Было ясно, что Меншиковъ хотѣлъ быть тестемъ будущаго императора. Екатерина, соглашаясь на бракъ Петра съ дочерью Меншикова, какъ кажется, въ мартѣ и въ началѣ апрѣля, не желала приступить къ рѣшенію вопроса о престолонаслѣдіи. Когда обѣ цесаревны въ мартѣ бросились къ ногамъ матери, заклиная ее подумать о гибельныхъ слѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага, она защищалась и говорила, что не можетъ

измѣнить слову, данному по фамильнымъ причинамъ, и что „бракъ великаго князя на Меншиковой не перемѣнитъ нисколько ея тайнаго для всѣхъ намѣренія относительно престолонаслѣдія“ [1]). Значитъ,—предполагая, что такова въ самомъ дѣлѣ была аргументація Екатерины,—она не имѣла въ виду назначить наслѣдникомъ Петра. Спрашивается: кого же? Легко возможно, что „тайное намѣреніе“ относилось къ Елизаветѣ Петровнѣ. Маньянъ писалъ тотчасъ же послѣ кончины Екатерины: „Мнѣ говорили, будто за нѣсколько дней до смерти царица самымъ положительнымъ образомъ объявила Меншикову, что желаетъ, чтобы ей наслѣдовала на престолѣ цесаревна Елизавета, вторая дочь ея, но что она потомъ измѣнила мнѣніе“ [2]).

„Тайныя намѣренія“ Екатерины при сильномъ вліяніи Меншикова и другихъ лицъ не могли имѣть какого бы то ни было значенія. Не даромъ Толстой говорилъ объ опасности, какой Екатерина подвергаетъ и дѣтей, и вѣрныхъ слугъ своихъ. Представленія Толстого произвели сильное впечатлѣніе на Екатерину, и герцогъ голштинскій сталъ надѣяться на побѣду; рѣчь Толстого была положена на бумагу; Бассевичъ носилъ ее въ карманѣ и всѣмъ читалъ. Но радость была непродолжительна: Меншиковъ имѣлъ вторую секретную аудіенцію, и дѣло о бракѣ было рѣшено окончательно [3]).

Противники Меншикова хотѣли препятствовать браку Петра именно потому, что этотъ проектъ былъ тѣсно связанъ съ намѣреніемъ Меншикова назначить Петра наслѣдникомъ престола. Изъ бумагъ слѣдствія, произведеннаго надъ Девіеромъ и его сообщниками видно, какъ „заговорщики“ разсуждали объ этомъ дѣлѣ. Бутурлинъ и Девіеръ боялись усиленія Меншикова. Девіеръ, замѣчая въ разговорѣ съ Толстымъ, что Меншиковъ овладѣлъ всѣмъ верховнымъ совѣтомъ, требовалъ, чтобы его, Девіера, опредѣлили въ верховный совѣтъ [4]). Всѣ соглашались, что бракъ великаго князя на дочери Меншикова опасенъ: Меншиковъ будетъ больше добра хотѣть зятю своему, чѣмъ императрицѣ и ея

[1]) Соловьевъ, т. XIX, стр. 87. Какъ кажется, ссылка относится къ донесенію Вестфалена. У Маньяна (Сб. Ист. Общ., т. LXIV, стр. 530) этихъ выраженій Екатерины нѣтъ.

[2]) Сб. Ист. Общ., т. LXIV, стр. 576, „mais depuis elle aurait changé de sentiment“. Переводъ: „но можетъ быть она потомъ измѣнила мнѣніе“—неправиленъ.

[3]) Соловьевъ, т. XIX, стр. 87. И эти данныя заимствованы, какъ кажется, изъ депешъ Вестфалена. Нельзя не сожалѣть о неточности ссылокъ у Соловьева.

[4]) Весьма любопытныя данныя о причинахъ личной ненависти между Меншиковымъ и Девіеромъ, женатымъ на сестрѣ князя, встрѣчаются въ сочиненіи Вебера: „Verändertes Russland“, т. III, стр. 79, 80. Пока нѣтъ возможности провѣрки этихъ данныхъ.

дочерямъ. Рѣшили представить императрицѣ необходимость распорядиться поскорѣе престолонаслѣдіемъ. Девіеръ и Бутурлинъ предпочитали назначеніе Анны Петровны, Толстой былъ за Елизавету. Такъ какъ главнымъ орудіемъ успѣха считалось войско, то герцогъ Карлъ-Фридрихъ хотѣлъ просить у императрицы чина генералиссимуса, а Толстой говорилъ герцогу: „Изрядно изволите промышлять къ своей пользѣ, что̀ вамъ угодно“ [1]).

Всѣ эти разговоры происходили, такъ сказать, наканунѣ опасной болѣзни Екатерины. Вопросъ о престолонаслѣдіи тогда могъ считаться очень важнымъ, но не жгучимъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось, какъ скоро (10-го апрѣля) у императрицы открылась горячка. Тогда-то и происходило совѣщаніе между герцогомъ, Толстымъ и Ушаковымъ. Герцогъ говорилъ: „Если императрица скончается, не распорядившись насчетъ престолонаслѣдія, то мы всѣ пропадемъ; нельзя ли теперь ея величеству говорить, чтобъ объявила наслѣдницею дочь свою“. На это отвѣчалъ Толстой: „Если прежде этого не сдѣлано, то теперь уже поздно, когда императрица при смерти“. Ушаковъ согласился съ этимъ [2]).

Значитъ, приходилось думать о сдѣлкѣ, уступить въ главномъ вопросѣ Меншикову, т.-е. согласиться на рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи въ пользу Петра, но въ то же время обезпечить хотя бы матеріальное положеніе дочерей Екатерины.

Уже въ 1725-мъ году, по поводу смерти Петра В., какъ мы видѣли выше, голштинскій министръ Бассевичъ игралъ выдающуюся роль, содѣйствуя рѣшенію вопроса о престолонаслѣдіи въ пользу Екатерины. И теперь, въ то время когда была при смерти императрица, онъ взялъ на себя важную роль посредника между княземъ Меншиковымъ и герцогомъ. Нѣкоторыя замѣчанія въ письмѣ австрійскаго посланника къ Шёнборну, отъ 18-го (29-го) апрѣля, разъясняютъ во многомъ ходъ всего дѣла. Тутъ сказано: „Въ виду опаснаго положенія царицы, русскіе опредѣлили систему будущаго правленія; эта система имѣетъ виновникомъ князя Меншикова. Бассевичъ же оказалъ при этомъ весьма важную услугу, уговоривъ герцога согласиться на эти условія“. Этими намеками ограничивается почти все то, что̀ мы знаемъ о ходѣ дѣла. Другихъ подробностей о переговорахъ между двумя враждебными партіями, т.-е. между Меншиковымъ съ одной стороны и „царскою фамиліею“ (т.-е. герцогомъ, Анною и Елизаветою) съ другой, мы почти вовсе не имѣемъ. Мы именно не знаемъ,

[1]) Соловьевъ, т. XIX, стр. 89.
[2]) Тамъ же, т. XIX, стр. 90.

что предшествовало тому засѣданію во дворцѣ, которое происходило въ воскресенье 13-го апрѣля, и въ которомъ было рѣшено объявить Петра наслѣдникомъ престола и обезпечить Анну и Елизавету значительными суммами денегъ и брилліантами.

Рабутинъ извѣщалъ лишь о результатахъ преній, происходившихъ при этомъ случаѣ [1]). Лефортъ писалъ 23 апрѣля (3-го мая) 1727 г.: „Въ прошлое воскресенье, въ виду того, что царица не можетъ уже выздоровѣть, были призваны во дворецъ начальники (les chefs), а именно верховный тайный совѣтъ, сенатъ, синодъ, гвардейскіе полковники и президенты коллегій для обсужденія мѣръ. Начали съ вопроса о престолонаслѣдіи: было четыре различныхъ мнѣній (sentiments): одно за принцессу Елизавету, другое за герцогиню голштинскую, третье за сына царевича и регентство Меншикова, до его совершеннолѣтія, и послѣднее, взявшее верхъ, за царевича на слѣдующихъ условіяхъ, всѣми ими подписанныхъ: сынъ царевича (Алексѣя) объявленъ наслѣдникомъ; несовершеннолѣтіе его окончится, когда ему будетъ 16 лѣтъ; до этого верховный тайный совѣтъ останется какимъ онъ есть, съ тою лишь разницею, что въ немъ будутъ участвовать [2]) Елизавета и Анна и пр. Далѣе, у Лефорта сказано, что царевичъ и государство обязуются выплатить Аннѣ и Елизаветѣ по $1^1/_2$ милліона звонкою монетою и раздѣлить поровну всѣ брилліанты, оставшіеся послѣ царицы [3]).

Все это было устроено довольно быстро и неожиданно, какъ видно между прочимъ изъ замѣчанія въ письмѣ Мардефельда отъ 18-го (29-го) апрѣля: „До сихъ поръ молодой великій князь не зналъ навѣрное ожидающей его участи и долженъ былъ опасаться возможности со стороны царицы размышлять о престолѣ для своихъ собственныхъ дочерей; эти опасенія притомъ поддерживались въ немъ различными наушниками, которымъ хотѣлось въ мутной водѣ ловить рыбу. Тѣмъ болѣе его тронуло то, что герцогъ и дочери императрицы столь великодушно объявились за него. Вмѣстѣ съ сестрой онъ пошелъ къ герцогу, благодарилъ его за это, обнялъ и увѣрялъ со слезами на глазахъ, что никогда не забудетъ, что тотъ для него сдѣлалъ“ [4]).

[1]) Письмо къ Шенборну, отъ 18-го (29-го) апрѣля.

[2]) Терминъ „y présideront“ едва ли обозначаетъ тутъ „предсѣдательствовать“?

[3]) Сб. Ист. Общ., т. III, стр. 464—465. Какъ кажется, Соловьевъ (т. XIX, стр. 91) заимствовалъ свой разсказъ у Лефорта; однако у него говорится о суммѣ 1.800.000 р. для каждой изъ цесаревенъ. У Рабутина и Мардефельда (Сб. И. О., т. XV, стр. 334) сказано объ одномъ милліонѣ для каждой изъ принцессъ и о ежегодномъ доходѣ 100.000 р.

[4]) Тамъ же, т. XV, стр. 335.

Особенно любопытны, но едва-ли вполнѣ достовѣрны слѣдующія данныя въ этомъ донесеніи Мардефельда: „Послѣ этого обѣдало вмѣстѣ все царское семейство, и были видны только одни ласки, искренность и лобзаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ они весьма довольны княземъ Меншиковымъ, ибо, говорятъ, что онъ велъ себя при этомъ случаѣ весьма умно. Это происшествіе имѣетъ весьма много хорошихъ послѣдствій: во-первыхъ, оно опровергаетъ всѣ ложные слухи касательно здѣшнихъ безпокойствъ и возмущеній; во-вторыхъ, оно показываетъ, къ успокоенію націи и императорскаго семейства, чего слѣдуетъ ожидать въ случаѣ смерти императрицы, и въ-третьихъ, оно возстановило опять замѣтнымъ образомъ согласіе между княземъ Меншиковымъ и царскою фамиліею. Двѣ вещи только еще весьма желательны; во-первыхъ, чтобы князь Меншиковъ отрекся отъ своего желанія касательно брака своей младшей дочери, и, во-вторыхъ, чтобы дали великому князю лучшее воспитаніе“ [1]).

Разсказъ Мардефельда оказывается нѣсколько наивнымъ. Нельзя было надѣяться на искренность примиренія герцога съ Меншиковымъ. Не совсѣмъ точны, но заслуживаютъ вниманія слѣдующія данныя въ письмѣ французскаго дипломата Маньяна отъ 6-го мая. Разсказавъ о важнѣйшихъ условіяхъ общаго соглашенія, онъ прибавляетъ: „Принцесса Елизавета будетъ допущена къ участію въ верховномъ тайномъ совѣтѣ съ правомъ располагать въ немъ двумя голосами. Въ случаѣ, еслибы она вышла замужъ за епископа любекскаго, а великій князь умеръ, не оставивъ потомства, престолъ перейдетъ къ принцессѣ Елизаветѣ. Герцогъ и герцогиня даже не упомянуты въ этомъ документѣ, который подписали всѣ министры, сенаторы, вельможи русскіе, князь Меншиковъ, генералъ-адмиралъ Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, князь Голицынъ и Толстой. Остерманъ, страдающій подагрой, не присутствовалъ при этомъ постановленіи, а герцогъ голштинскій хотя и былъ, но хранилъ глубокое молчаніе; увѣряютъ, что онъ и не пытался протестовать. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ, что скажетъ царица, и подписавшіе актъ нѣсколько встревожены тѣмъ, что ихъ желанія разоблачены теперь“.

Какъ видно, разсказъ Маньяна нѣкоторымъ образомъ противорѣчитъ даннымъ въ донесеніи Мардефельда. Также и въ письмѣ Рабутина встрѣчаются частности, не согласующіяся съ разсказами другихъ дипломатовъ. Такъ напр., австрійскій дипломатъ замѣчаетъ, что въ собраніи было рѣшено составить „администра-

[1]) Сборн. Ист. Общ., т. XV, стр. 335—336.

цію", которая занималась бы дѣлами во время малолѣтства Петра; въ ней должны были участвовать члены верховнаго тайнаго совѣта (въ томъ числѣ и герцогъ) и Анна и Елизавета; далѣе, было рѣшено, что всѣ указы должны быть подписаны всѣми членами „администраціи". Вопросъ объ участіи въ этой послѣдней самого великаго князя и о томъ, слѣдуетъ ли и ему подписывать всѣ бумаги или нѣтъ, возбудилъ нѣкоторыя пренія. Далѣе, у Рабутина сказано: „Тѣ лица, которыя участвовали въ смертномъ приговорѣ царевичу Алексѣю заговорили (aufs Tapet gebracht) объ условіяхъ на этотъ счетъ". Этому соотвѣтствуетъ замѣтка въ донесеніи Лефорта о рѣшеніяхъ этого собранія: „Сынъ царевича долженъ дать клятву, какъ и всѣ его подданные (ainsi que tous ses sujets) не мстить подписавшимъ смертный приговоръ отцу". По разсказу Рабутина, далѣе въ этомъ собраніи была рѣчь о бракѣ Елисаветы Петровны съ епископомъ любекскимъ. Зато, какъ кажется, ни однимъ словомъ не было упомянуто о бракѣ Петра съ дочерью Меншикова.

Таковъ былъ результатъ собранія, состоявшагося за три недѣли до кончины Екатерины. Эти постановленія затѣмъ считались „завѣщаніемъ" императрицы. Но до согласія ея всѣ эти условія могли оставаться лишь проектомъ. Въ продолженіе этихъ трехъ недѣль былъ открытъ „заговоръ" Девіера и его товарищей. Къ этому же времени относится появленіе мысли объ ограниченіи монархической власти въ томъ смыслѣ, какъ объ этомъ думали по случаю перемѣны на престолѣ въ 1730 году. Рабутинъ доносилъ Карлу VI-му 16-го (27-го) апрѣля, говоря объ опасной болѣзни Екатерины и о возможности перемѣны на престолѣ: „Я полагаю, что вельможи подумаютъ о средствахъ смягченія формы правленія". Объ этомъ предположеніи упомянуто и въ донесеніи Рабутина, отъ 18-го (29-го) апрѣля, въ которомъ идетъ рѣчь объ „администраціи" во время малолѣтства Петра. Рабутинъ писалъ: „Такъ какъ и прежде были случаи произвола, то вельможи думаютъ ввести перемѣну, смягчающую форму правленія" [1]). По дальнѣйшимъ оборотамъ въ донесеніи австрійскаго дипломата, эта мысль состояла въ связи съ опасеніемъ нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ Толстого, что Петръ II будетъ имъ мстить за трагическую судьбу отца, а далѣе—съ другимъ соображеніемъ, что бабка Петра II, бывшая царица Евдокія, могла бы оказывать вліяніе на дѣла и относиться неблагосклонно къ дочерямъ Петра Великаго, Аннѣ и Елизаветѣ.

---

[1]) „Die Grossen sind darauf bedacht Modificationen mit Linderungen einzuführen".

Эти данныя въ депешахъ Рабутина не лишены значенія въ виду событій 1730 года. Можно считать вѣроятнымъ, что и въ 1727 году нѣкоторыя лица говорили объ ограниченіи монархической власти съ цѣлью защитить себя противъ произвола. Въ данномъ случаѣ такая мысль могла возникнуть въ виду усиленія власти и значенія Меншикова.

Торжество Меншикова не могло не озадачивать его противниковъ. Хотя въ вышеупомянутомъ собраніи не говорили о бракѣ Петра съ дочерью князя, но каждый понималъ, что Меншиковъ намѣренъ сдѣлаться тестемъ будущаго императора, и что не Петръ, а Меншиковъ будетъ настоящимъ государемъ.

Препятствовать назначенію Петра наслѣдникомъ престола было невозможно. Въ собраніи участвовало множество лицъ; въ публикѣ знали о рѣшеніи собранія и о личномъ отношеніи самой Екатерины къ великому князю. Мардефельдъ доносилъ прусскому королю 29-го апрѣля (10-го мая): „Царица вполнѣ одобрила планъ престолонаслѣдія, составленный царскимъ семействомъ и Меншиковымъ на случай ея смерти; теперь, слѣдовательно, можно рѣшительно считать великаго князя за будущаго императора. Онъ и сестра его вели себя при этомъ случаѣ такъ превосходно и выказали столько любви къ императрицѣ, что послѣдняя оказала имъ искреннее расположеніе“ [1]).

Оставалось, значитъ, для ограниченія власти Меншикова высвободить Петра изъ рукъ князя. Объ этомъ думали Девіеръ и его сообщники, надѣявшіеся завладѣть личностью молодого наслѣдника.

Выписки изъ слѣдственнаго дѣла, сообщенныя Соловьевымъ и Арсеньевымъ, отрывочны. Воспроизведеніе бесѣдъ подсудимыхъ, анекдоты о томъ, сколь неблагоразумно и безтактно Девіеръ велъ себя въ обращеніи съ племянницею Екатерины, Софьею Карловною Скавронскою, съ Анною Петровною и съ Елизаветою Петровною въ то время, когда умирала императрица [2]), не имѣютъ особеннаго значенія. Зато важно показаніе великаго князя, что Девіеръ въ то время, посадя его съ собою на кровати, говорилъ ему: „Поѣдемъ со мною въ колескѣ, будетъ тебѣ лучше и воля“ [3]). Девіеръ на допросѣ, пока безъ пытки, сказалъ, что такихъ словъ онъ великому князю не говорилъ. Въ публикѣ, однако, ходили слухи о намѣреніи Девіера „увезти великаго

[1]) Сб. Ист. Общ., т. XV, стр. 336.

[2]) Соловьевъ, т. XIX, стр. 91—92.

[3]) Четвертый пунктъ обвиненія, у Соловьева, стр. 92.

князя". Такъ доносилъ прусскому королю Мардефельдъ [1]). Лефортъ писалъ еще 1-го (12-го апрѣля): „Каждый знаетъ, что князь Меншиковъ—заклятый врагъ Девіера. Герцогъ голштинскій употребилъ усилія, чтобы съиграть штуку съ княземъ Меншиковымъ и дать доступъ Девіеру въ верховный совѣтъ. Дѣло было почти устроено, но все-таки рушилось" [2]). Лефортъ лишь немного позже узналъ о слѣдующихъ частностяхъ дѣла Девіера, о которомъ онъ писалъ 7-го (18-го мая), значитъ, въ день исполненія приговора [3]): „Когда царица была въ агоніи и уже не было никакой надежды на ея выздоровленіе, не знаю почему (à quelle instigation) Девіеръ ласкалъ сына царевича и уговаривалъ его сѣсть въ карету, чтобы быть провозглашеннымъ народомъ, на что̀ тотъ и согласился бы, еслибы не попалась ему сестра, его отговорившая (qui l'en détourna). Этотъ поступокъ различно толкуютъ: одни говорятъ, будто это было сдѣлано, чтобы разставить сѣти сыну царевича, и что чернь, пришедши въ восторгъ, произвела бы безпорядки и тѣмъ разсѣяла бы страхъ тѣхъ лицъ, которыя подписали приговоръ его отцу [4]), и въ числѣ которыхъ былъ и Девіеръ. Другіе говорятъ, что еслибы сынъ царевича былъ провозглашенъ государемъ, а князь Меншиковъ регентомъ, то скорѣе отдѣлались бы отъ князя Меншикова, не давъ ему возможности покуситься на жизнь сына царевича, такъ какъ его обвиняли въ домогательствѣ престола".

Разсказъ Лефорта, какъ видно, не отличается ясностью. Не видно даже, имѣлъ ли Девіеръ въ виду провозглашеніе Петра государемъ или нѣтъ. Ясно только то, что Девіеръ хотѣлъ „отдѣлаться отъ Меншикова".

Въ донесеніяхъ французскаго дипломата, Маньяна, встрѣчаются слѣдующія данныя объ этомъ эпизодѣ. Онъ писалъ 2-го (13-го мая): „Графа Девіера уже три раза подвергали пыткѣ. Его обвиняютъ въ томъ, будто онъ въ то время, какъ царица была при смерти, предлагалъ великому князю провозгласить его императоромъ всероссійскимъ, не дожидаясь, пока царица закроетъ глаза; для этого онъ хотѣлъ воспользоваться поддержкою подполковника гвардіи Бутурлина и прежде всего отдѣлаться

---

[1]) Сб. Ист. Общ., т. XV, стр. 337.

[2]) Все относящееся къ этому эпизоду въ донесеніи Лефорта писано въ шифрахъ.

[3]) Неясность выраженій Лефорта требуетъ воспроизведенія словъ подлинника: „que ce n'était que pour tendre un piège au fils du czarewitz, que la population se serait amusée et aurait fait un mauvais coup pour dissiper la crainte de ceux" и проч.

[4]) Сб. Ист. Общ., т. III, 464.

(se défaire) отъ Меншикова. Великій князь сообщилъ это предложеніе своей сестрѣ, великой княгинѣ, которая уже и передала его принцессѣ Елизаветѣ, а сія послѣдняя сообщила объ этомъ царицѣ, послѣ того какъ удушье ея прошло и она снова могла дышать свободно. Говорятъ объ участіи въ заговорѣ братьевъ Нарышкиныхъ, княгини Волконской и другихъ лицъ. Девіеръ разсчитывалъ, говорятъ, что самъ онъ будетъ первымъ министромъ, Бутурлинъ главнокомандующимъ войсками, а Нарышкинъ получитъ какую-либо иную изъ главныхъ должностей въ государствѣ". Въ депешѣ Маньяна отъ 6-го (17-го мая) сказано: „Девіеръ признался, говорятъ, подъ пыткою, будто составлялъ съ Толстымъ заговоръ противъ князя Меншикова, съ цѣлью не допустить брака второй дочери его съ великимъ княземъ" [1]).

Значитъ, и тутъ говорится о намѣреніи Девіера провозгласить Петра государемъ. Объ этомъ говоритъ и Рабутинъ, сообщая слѣдующія любопытныя подробности. Говоря объ арестованіи Девіера 26-го апрѣля (7-го мая), онъ замѣчаетъ что Девіеръ склоненъ къ интригамъ и къ смѣлымъ предпріятіямъ, но что его можно считать сторонникомъ великаго князя. Въ другомъ письмѣ сказано, что Девіеръ руководствовался при своемъ предпріятіи чисто личными соображеніями. 29-го апрѣля (10-го мая) Рабутинъ писалъ: „Девіера обвиняютъ въ томъ, что онъ составилъ проектъ въ пользу великаго князя; однако ненависть, которую онъ питаетъ противъ Меншикова, желаніе его погубить князя и насильственныя мѣры, которыми онъ хотѣлъ воспользоваться, непремѣнно привели бы все государство въ страшную смуту. Говорятъ, что онъ хотѣлъ устроить регентство, во главѣ котораго находился бы одинъ изъ Нарышкиныхъ, родственникъ Петра Великаго. Его подвергнутъ пыткѣ. Царица (la dame qui gouverne) въ первый разъ прибѣгаетъ къ столь строгой мѣрѣ; но такъ какъ она оказала этому человѣку (Девіеру) столько благодѣяній, она намѣрена наказать его. Графъ Головкинъ состоитъ предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи; этотъ честный человѣкъ, какъ и всѣ русскіе вообще, отъ души преданъ интересамъ великаго князя. Сей молодой принцъ велъ себя при этомъ случаѣ весьма благоразумно и этимъ избѣгнулъ всякаго подозрѣнія; онъ не поддавался ни на какія искушенія; его печаль и чувствительность по случаю болѣзни императрицы заставили ее сказать ему, что онъ имѣетъ полное основаніе надѣяться на нее, и что ея совѣты окажутся для него полезнѣе совѣтовъ буйныхъ головъ, которыя,

[1]) Сб. Ист. Общ., т. LXIV, стр. 566—568.

показывая видъ, что желаютъ оказать ему услугу, думали лишь о произведеніи смуты и объ удовлетвореніи чувства личной ненависти и злого мщенія. Великая княгиня (Наталья Алексѣевна) оказала при этомъ случаѣ своему брату великую услугу... Проектъ заключался въ томъ, чтобы погубить Меншикова". 2-го (13-го мая) Рабутинъ сообщилъ нѣкоторыя подробности плана: „Девіеръ въ то время, когда императрица была въ большой опасности, уговаривалъ великаго князя отправиться въ церковь, гдѣ народъ провозгласилъ бы его наслѣдникомъ престола". Въ припискѣ Рабутинъ замѣчаетъ: „Пытка Девіера компрометтировала Толстого и другихъ лицъ. Впрочемъ считаютъ болѣе удобнымъ не разслѣдовать подробнѣе этого дѣла. Толстой удаленъ. Меншиковъ избавился отъ опаснаго противника". Наконецъ, еще въ письмѣ Рабутина, отъ 6-го (17-го мая), сказано: „Девіеръ умеръ вслѣдствіе пытки, или онъ, по крайней мѣрѣ, при смерти. Онъ хотѣлъ погубить Меншикова. Какъ скоро герцогъ (Карлъ-Фридрихъ) узналъ объ арестѣ Толстого, онъ былъ въ сильномъ волненіи, потому что въ случаѣ пытки Толстого узнали бы нѣкоторыя подробности о сношеніяхъ герцога съ нимъ. Герцогъ старается устроить такъ, чтобы Толстому возвратили свободу".

Таковъ былъ „заговоръ" Девіера. Но что значило обвиненіе Девіера въ томъ, что онъ говорилъ Петру: „Поѣдемъ со мной въ коляскѣ, будетъ тебѣ лучше и воля"? Хотѣлъ ли Девіеръ провозглашенія Петра—при жизни Екатерины—лишь наслѣдникомъ или императоромъ? Какимъ способомъ Девіеръ надѣялся „погубить" Меншикова? Насколько зналъ объ этихъ умыслахъ герцогъ голштинскій? Для разъясненія этихъ вопросовъ нѣтъ достаточнаго матеріала.

Безъ сомнѣнія, лица, составившія этотъ проектъ, не ожидали выздоровленія Екатерины, и предвидя усиленіе власти Меншикова, они желали устраненія его. Бутурлинъ, какъ мы видѣли, въ минуту воцаренія Екатерины, командуя войскомъ, былъ въ состояніи поддерживать въ рѣшительную минуту кандидата императрицы и интересы Меншикова. Тотъ же самый Бутурлинъ могъ бы въ 1727 году содѣйствовать при помощи того же средства устраненію Меншикова. Любопытно далѣе, что Нарышкинъ долженъ былъ сдѣлаться главою регентства. Едва ли онъ самъ былъ особенно сильно скомпрометтированъ, такъ какъ судьи удовольствовались ссылкою его въ имѣніе. Зато Толстой, какъ кажется, въ этомъ дѣлѣ игралъ болѣе важную роль. Онъ могъ считаться самымъ опаснымъ противникомъ Меншикова. Когда онъ представлялъ Екатеринѣ, что бракъ Петра съ дочерью князя опасенъ,

онъ говорилъ, „что онъ самъ скорѣе подвергнетъ жизнь свою опасности, чѣмъ станетъ спокойно дожидаться страшныхъ послѣдствій ея согласія на просьбу Меншикова". Толстой, какъ извѣстно, поплатился за враждебное отношеніе къ князю. Его политическая карьера кончилась печальнымъ образомъ, ссылкою [1]).

Въ исходѣ дѣла нельзя не видѣть полнаго торжества Меншикова. Объявленія о бракѣ его дочери съ наслѣдникомъ престола, правда, пока не было. Но самое предположеніе женить наслѣдника на княжнѣ Меншиковой оставалось въ полной силѣ и въ ту минуту, когда было рѣшено объявленіе Петра наслѣдникомъ престола. Открытіе заговора Девіера, состоявшееся, какъ кажется, благодаря благоразумію сестры великаго князя, Натальи Алексѣевны, избавило князя отъ страшной опасности [2]). Въ послѣдніе дни жизни и царствованія Екатерины онъ руководилъ всѣмъ. Сама императрица вполнѣ отъ него зависѣла. Въ сравненіи съ нимъ герцогъ, его супруга и Елизавета Петровна не имѣли никакого значенія. Маньянъ доносилъ 6 (17-го) мая: „Меншиковъ съ особенною бдительностью слѣдитъ за тѣмъ, чтобы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ никто не имѣлъ доступа къ царицѣ, кромѣ его довѣренныхъ лицъ" [3]).

Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины иностранные дипломаты ожидали смуты. Случай съ Девіеромъ и его сообщниками доказываетъ, что ожиданія современниковъ не были лишены основанія. Едва ли царствованіе Екатерины, еслибы оно было болѣе продолжительнымъ, оставалось бы безмятежнымъ. Кандидатура великаго князя, чрезмѣрная власть Меншикова, неудовлетворительное состояніе администраціи каждую минуту могли по-

[1]) Соловьевъ, т. XIX, стр. 87.

[2]) Лефортъ разсказываетъ о слѣдующей сценѣ, происходившей будто бы въ минуту арестованія Девіера: „Къ Девіеру явился дежурный капитанъ и, объявивъ ему арестъ, потребовалъ отъ него шпагу. Девіеръ, показывая видъ, что отдаетъ шпагу, вынимаетъ ее и хочетъ заколоть князя Меншикова, стоявшаго сзади его, но ударъ былъ отведенъ". См. Сб. Ист. Общ., т. III, стр. 471.

[3]) Выше мы имѣли случай замѣтить, что прусскій дипломатъ, баронъ Мардефельдъ, какъ кажется, не имѣлъ столь точныхъ свѣденій о положеніи дѣлъ при дворѣ, какъ Лефортъ, Маньянъ и Рабутинъ. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ указать на странную и нисколько не согласующуюся съ другими показаніями современниковъ замѣтку въ донесеніи Мардефельда отъ 9 (20-го) мая: „Die Actien des Herzogs von Holstein sind durch diese Epoque (т.-е. кончина Екатерины и процессъ Девіера) sehr gestiegen, des Fürst Menschikow aber so weit gefallen, dass er nichts mehr allein und vor seinen Kopf thun kann" и пр. Близорукій дипломатъ долженъ былъ сообщить 13 (24-го) мая совсѣмъ иное: „Des Prinz Menschikow Pouvoir ist in wenig Tagen verwünderlich gross geworden" и пр. См. Сб. Ист. Общ., т. XV, стр. 341—342.

родить безпорядки. Заговоръ Девіера не производитъ впечатлѣнія единичнаго факта и скорѣе можетъ считаться симптомомъ общеболѣзненнаго состоянія государственнаго организма. Неправильность, почти можно сказать—случайность воцаренія самой Екатерины подавала примѣръ другимъ агитаторамъ дѣйствовать въ свою пользу такъ, какъ дѣйствовали въ февралѣ 1725 года Меншиковъ, Бассевичъ, Бутурлинъ и пр. Проектъ Девіера въ пользу Петра походитъ на образъ дѣйствій сторонниковъ Екатерины въ то время, когда умиралъ Петръ Великій. Все зависѣло отъ того, кто изъ царедворцевъ съумѣетъ въ данную минуту располагать горстью солдатъ, чтобы распорядиться объ арестованіи противниковъ, о томъ, чтобы выставить того или другого кандидата на престолъ и, благодаря временной удачѣ, взять въ свои руки бразды правленія. Тотъ же самый Бутурлинъ, которому въ минуту кончины Петра Великаго удалось оказать услугу Меншикову распоряженіемъ касательно войска, могъ двумя годами позже быть полезнымъ Девіеру подобною же мѣрою. Не даромъ герцогъ Карлъ-Фридрихъ желалъ сдѣлаться генералиссимусомъ: распоряжаться войскомъ значило имѣть въ рукахъ средство „отдѣлаться отъ Меншикова“; возможность предпріятія Девіера ясно доказана участіемъ въ немъ Толстого, превосходившаго всѣхъ способностью и опытностью. Царствованіе Екатерины было въ сущности полновластіемъ Меншикова; въ продолженіе двухъ лѣтъ князь находился въ опасности, бывъ предметомъ ненависти многихъ лицъ; положить конецъ его власти считалось главною задачею его противниковъ; весь вопросъ заключался въ томъ: слѣдуетъ ли воспользоваться опасною болѣзнью Екатерины для достиженія этой цѣли, или нѣтъ; неудача противниковъ князя въ апрѣлѣ 1727 года въ сущности не измѣнила судьбы его; онъ палъ осенью этого же года; можно было думать о его катастрофѣ независимо отъ того, кто занимаетъ престолъ; при Екатеринѣ онъ успѣлъ сохранить свое положеніе; при Петрѣ онъ былъ сосланъ въ Сибирь; но уже при Екатеринѣ онъ очень легко могъ сдѣлаться жертвою козней своихъ противниковъ, и тогда бы Толстой и Девіеръ заняли первыя мѣста въ государствѣ. Въ 1727 г., Толстой дѣйствовалъ не хуже Меншикова, которому въ 1725 г. удалось возвести на престолъ Екатерину; въ 1749 г., Бутурлинъ хотѣлъ дѣйствовать въ пользу Петра Ѳеодоровича, сдѣлать то, что Лестоку удалось сдѣлать въ 1741 году въ пользу Елизаветы; Мировичъ въ 1764 г. похожъ на Орловыхъ въ 1762 г. и пр. Примѣръ удачнаго государственнаго переворота невольно дѣйствуетъ на воображеніе смѣльчаковъ, честолюбіе и сребролюбіе которыхъ

заставляетъ ихъ отваживаться на опасныя предпріятія такого рода.

Укажемъ, въ заключеніе, на нѣкоторыя данныя, доказывающія всю шаткость положенія Екатерины I и Меншикова съ самой минуты кончины Петра Великаго до воцаренія Петра II. Мы заимствуемъ эти данныя главнымъ образомъ изъ бумагъ вѣнскаго архива.

Во время провозглашенія Екатерины императрицею въ С.-Петербургѣ, какъ извѣстно, опасались протеста фельдмаршала Голицына, находившагося съ войскомъ въ Украйнѣ. Австрійскій дипломатъ Гогенгольцъ писалъ, что Голицына считаютъ завзятымъ сторонникомъ внука Петра Великаго, и поэтому считалъ весьма вѣроятнымъ, что возникнетъ смута. Онъ доносилъ далѣе, что въ столицѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали извѣстій „изъ губерній“ о впечатлѣніи воцаренія императрицы. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Меншиковъ и Екатерина боялись волненія въ Москвѣ, и что туда былъ отправленъ Мамоновъ съ порученіемъ распорядиться военными силами для сохраненія порядка. Тамъ, во время приведенія къ присягѣ, нѣкоторыя лица оказали сопротивленіе; кнутомъ и огнемъ принудили ихъ признать Екатерину императрицею. Были ослушники, которые говорили, что она „не прямая царица“; другіе говорили: „креста цѣловать не будемъ; если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ женщины“. Толковали: „нестаточное дѣло женщинѣ быть на царствѣ; она же иноземка“. Монахиня говорила: „Я за царицу Бога не молю; молю Бога за царевича; какая она царица?“ [1]) Меншикова выставляли Годуновымъ. Въ подметныхъ письмахъ его обвиняли въ томъ, что онъ лишилъ внука Петра престола. „О, горе, Россія,—сказано въ одномъ изъ такихъ памфлетовъ, — смотри на поступки ихъ, что мы давно проданы“... „поставляютъ на царство герцога голштинскаго“ [2]) и пр. Гогенгольцъ писалъ въ февралѣ 1725 г., что въ случаѣ отсутствія войска во время войны неминуемо будутъ волненія въ государствѣ. Въ мартѣ 1726 г. происходило въ Вѣнѣ засѣданіе министровъ, въ протоколѣ котораго сказано: „Многія государства непремѣнно разсчитываютъ на смуту въ Россіи; однако можно надѣяться, что приняты надлежащія мѣры для подавленія безпорядковъ, и въ случаѣ сохраненія тишины союзъ съ Россіею можетъ быть полезенъ“. Рабутинъ, въ маѣ 1726 года, доносилъ

[1]) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 268—270. Архимандритъ нижегородскаг монастыря Исаія въ 1726 г. поминалъ на ектеніяхъ „Благочестивѣйшаго великаго государя нашего Петра Алексѣевича“ и т. под. Соловьевъ, т. XIX, стр. 85.

[2]) Тамъ же, т. XIX, стр. 85.

Карлу VI о подметныхъ письмахъ, найденныхъ близъ дома канцлера Головкина. Тутъ было сказано, что Меншиковъ будетъ убитъ и тогда даже, когда станетъ искать спасенія въ рукахъ императрицы. Около этого же времени австрійскій дипломатъ писалъ о броженіяхъ въ губерніяхъ по поводу рекрутскихъ наборовъ. „Народъ,—писалъ Рабутинъ,—недоволенъ важною ролью герцога голштинскаго; Меншикова ненавидятъ; партія великаго князя сильна; поэтому весьма трудно положить твердое основаніе правленію [1]); ради опасности внутреннихъ волненій нельзя будетъ удалить войско изъ губерній. Народъ въ общей сложности любитъ великаго князя; и еслибы система деспотизма не была столь твердо основана, то непремѣнно случилась бы страшная революція; при дворѣ господствуетъ постоянно опасеніе... Какъ скоро только подростетъ великій князь, то я не ручаюсь за сохраненіе порядка, а будетъ непремѣнно страшный кризисъ. Въ октябрѣ 1726 г., Рабутинъ писалъ къ Зинцендорфу: „Екатерина уцѣлѣетъ лишь тогда, когда рѣшитъ вопросъ о престолонаслѣдіи въ пользу великаго князя. Будь онъ старше, то общее расположеніе въ его пользу обнаружилось бы непремѣнно. Тишина въ настоящее время объясняется лишь тѣмъ, что самые благоразумные люди ждутъ совершеннолѣтія великаго князя; жадность вельможъ во время регентства при несовершеннолѣтнемъ государѣ повела бы здѣсь къ еще болѣе пагубнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ въ другихъ странахъ“. Слѣдя за интригами при дворѣ, Рабутинъ сильно безпокоился, считая ожидаемый внутренній кризисъ средствомъ ослабленія государства, и въ такомъ случаѣ Австрія не могла считать выгоднымъ союзъ съ Россіею. Для избѣжанія безпорядковъ онъ совѣтовалъ русскимъ министрамъ заниматься реформами въ государствѣ и избѣгать розни въ центрѣ. Изъ дальнѣйшихъ донесеній австрійскаго дипломата видно, что и во время царствованія Петра II опасность смуты продолжалась главнымъ образомъ благодаря общей ненависти противъ Меншикова. Не многимъ позже господство его кончилось, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь.

Что касается до Екатерины,—она, быть можетъ, не сознавала мѣры опасности, угрожавшей престолу во время ея краткаго и номинальнаго царствованія. Она сошла въ могилу до катастрофы Меншикова и, благодаря болѣзни, вѣроятно не узнала даже всѣхъ подробностей заговора Девіера.

Въ депешахъ Рабутина встрѣчаются нѣкоторыя данныя о самой

[1]) „Il est difficile de former un système véritable“.

болѣзни Екатерины. Австрійскій дипломатъ замѣчаетъ въ припискѣ къ письму къ Зинцендорфу, отъ 6 (17-го) августа 1726 г.: „Сюда прибылъ знаменитый врачъ короля прусскаго Шталь, для того, чтобы составить мнѣніе о болѣзни императрицы: онъ рѣшилъ, что нерегулярность жизни, опухоль на ногахъ и кровотеченіе изъ носу не предвѣщаютъ ничего добраго. Я старался вывѣдать взгляды этого медика, когда онъ побывалъ у меня, и онъ сознался, что не считаетъ вѣроятнымъ, чтобы ея величество оставалась долго въ живыхъ". Въ октябрѣ 1726 г., Рабутинъ писалъ: „Вопреки мнѣнію, поданному докторомъ Шталемъ, здоровье ея величества, кажется, немного поправилось. Однако, перегулярный образъ жизни продолжается во вредъ ея здоровью. Она не спитъ по ночамъ, что къ тому же препятствуетъ занятіямъ дѣлами", и пр. И въ другихъ письмахъ Рабутинъ возвращается къ этому предмету, постоянно жалуясь на нарушенія Екатериною благоразумныхъ правилъ гигіены. Въ апрѣлѣ онъ счелъ нужнымъ отправить въ Вѣну курьера съ извѣстіемъ объ опасномъ положеніи императрицы; въ письмахъ его за послѣднее время этого царствованія не встрѣчается уже подробностей о свойствѣ болѣзни. Его интересовало главнымъ образомъ рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи въ пользу Петра. Какъ только Екатерина скончалась, онъ отправилъ въ Вѣну секретаря посольства, Гогенгольца, съ извѣстіемъ о воцареніи внука Карла VI.

А. Брикнеръ.

ПОТРЕБИТЕЛИ ВОДЫ

Очерки изъ жизни художниковъ.

— Les buveurs d'eau, par Henry Murger *).

IV.—У потребителей воды.

Вернувшись къ себѣ, Франсисъ прибралъ свою мастерскую. Онъ зналъ, что на всякое первое свиданіе, имѣющее опредѣленную цѣль, вліяніе окружающей среды весьма существенно.

Онъ думалъ, что ему легче будетъ сблизиться съ Антуаномъ, если первой мыслью послѣдняго, при входѣ къ нему, не будетъ вынужденное сравненіе, отъ котораго его обстановка можетъ показаться тому слишкомъ роскошной. Поэтому онъ спряталъ всѣ недавно купленныя вещи, придававшія его мастерской черезъ-чуръ уютный видъ; убралъ всѣ предметы, не имѣвшіе никакого отношенія къ его труду; снялъ со стѣны всѣ начатыя картины, которыя самъ признавалъ слабыми; перемѣстилъ тѣ, которыя ему казались заслуживающими похвалы, чтобы онѣ предстали въ наивыгоднѣйшемъ освѣщеніи. Черезъ часъ всѣ слѣды комфорта и изысканности исчезли. Онъ разсчитывалъ, что такая mise-en-scène сразу покажетъ посѣтителю, котораго онъ ждалъ, общность существованія, и это послужитъ для него исходной точкой, чтобы придти къ своей цѣли.

На другой день поутру Антуанъ пришелъ, какъ обѣщалъ наканунѣ. Франсисъ былъ bien en scène, выражаясь по театраль-

*) См. выше: январь, стр. 209.

ному. Антуанъ быстрымъ взглядомъ окинулъ мастерскую, и обзоръ казался благопріятнымъ. Первая четверть часа прошла банально; но придя къ собрату, Антуанъ по законамъ вѣжливости обязанъ былъ обратить нѣкоторое вниманіе на этюды, бывшіе у него передъ глазами. Антуанъ послѣдовалъ обычаю, тѣмъ болѣе, что картина, стоявшая на мольбертѣ, была слишкомъ на виду, чтобы нельзя было угадать—съ какой именно цѣлью. Антуанъ разумно похвалилъ то, что̀ видѣлъ. Когда онъ усматривалъ недостатокъ, то указывалъ и на него, чтобы придать больше значенія своимъ похваламъ; но въ его словахъ чувствовалось смущеніе, нерѣшительность.

Франсисъ не обманулся насчетъ Антуана. Тотъ платилъ ему притворнымъ участіемъ за оказанную услугу.

„У него полъ горитъ подъ ногами въ моей мастерской; ему хотѣлось бы уже быть на лѣстницѣ; будь у меня стѣнные часы, онъ поглядѣлъ бы, который часъ“.—думалъ Франсисъ.

Его въ особенности удивляло, что Антуанъ ни слова не говоритъ о выставленныхъ недавно Франсисомъ картинахъ. Во всѣхъ искусствахъ молодые люди, начинающіе производить, воображаютъ, что всѣ должны знать ихъ произведенія и заниматься ими. Поэтому молчаніе, хранимое при нихъ, равняется самой горькой критикѣ; такое невѣденіе стоитъ брани.

Не считая возможнымъ допустить, чтобы Антуанъ не зналъ его картинъ, Франсисъ заключилъ, что если онъ не пользуется случаемъ ихъ похвалить, то, значитъ, онѣ ему не нравятся, и въ душѣ находилъ, что общество „потребителей воды“, представляемое въ настоящую минуту Антуаномъ, очень требовательно.

Но мало-по-малу разговоръ вышелъ изъ предѣловъ общихъ мѣстъ. Франсисъ искусно воспользовался замѣчаніемъ объ одномъ извѣстномъ художникѣ и для критики намѣренно преувеличивалъ рѣзкость. По живости отвѣтовъ онъ угадалъ, что затронулъ живую струну, и Антуанъ, пришедшій съ оффиціальнымъ визитомъ къ чуждому ему человѣку и желавшій оставаться ему чуждымъ, выскажется наконецъ откровенно. Но Антуанъ не могъ допустить нападенія на своихъ кумировъ, не защищая ихъ, и рѣшительно не въ состояніи былъ спорить объ искусствѣ безстрастно. Разъ увлекшись, откровенная натура его забывала о сдержанности, и вся его личность, не только какъ художника, но и какъ человѣка, вполнѣ обнаруживалась.

По тону собрата Франсисъ угадалъ, что споръ будетъ длинный. Онъ раскрылъ шкафъ въ стѣнѣ, вынулъ нѣсколько полѣнъ дровъ и растопилъ огонь въ каминѣ.

— Каково!—наивно сказалъ Антуанъ:—у васъ есть дрова?

— У меня всю эту недѣлю сеансы; а такъ какъ я получилъ деньги за двѣ картины, то и запасся топливомъ.

— И мы будемъ, значитъ, бесѣдовать, какъ буржуа, грѣя спину у камина?

— Еще бы!—перебилъ Франсисъ:—и слѣдовало бы намъ дополнить картину и засѣсть за накрытый столъ.

— Но...—сказалъ Антуанъ нерѣшительно.

— Ну вотъ,—весело перебилъ Франсисъ:—не церемоньтесь. Вы, конечно, еще не успѣли позавтракать такъ рано, да и я также. А вдвоемъ гораздо веселѣе ѣсть.

У Антуана не было никакого предлога къ тому, чтобы отказаться, и онъ принялъ предложеніе.

„Прекрасно,—сказалъ себѣ Франсисъ:—если ледъ еще не окончательно сломанъ между нами, зато значительно пробитъ".

Онъ позвалъ въ окно портьé, и четверть часа спустя Антуанъ и Франсисъ осуществили картину буржуазнаго благополучія, являющагося часто утопіей для бѣдныхъ художниковъ. Позади нихъ трещалъ огонь въ каминѣ, а передъ ними накрытъ былъ столъ. Начатый споръ продолжался. Оба пріятеля—такъ уже величали они другъ друга—бесѣдовали, когда начинало уже темнѣть.

— А теперь, — сказалъ Франсисъ, — пойдемте обѣдать. Сегодня вы мой гость.

Одно слово покажетъ, до какой степени они сблизились. Антуанъ, видя, что Франсисъ ведетъ его въ большой ресторанъ, остановилъ его на порогѣ и откровенно объявилъ:

— Вы собираетесь кутить; я не хочу быть вашимъ сообщникомъ. Вы заплатите по меньшей мѣрѣ двадцать франковъ за то, что мы посидимъ съ часъ въ этихъ раззолоченныхъ салонахъ, гдѣ намъ даже неудобно будетъ поговорить по душѣ о вещахъ, насъ интересующихъ.

— Что за бѣда одинъ-то разокъ!—отвѣчалъ Франсисъ.

— Нѣтъ, право, не могу,—продолжалъ Антуанъ,—и кстати ужъ признаюсь вамъ... мнѣ было бы совѣстно засѣдать съ вами здѣсь въ то время, какъ другіе дома сидятъ впроголодь. Сдѣлайте лучше такъ: пойдемъ въ болѣе скромный ресторанъ. Мимоходомъ я забѣгу домой и дамъ брату нѣсколько су, которые вы мнѣ дадите взаймы. Завтра я вамъ ихъ отдамъ; я долженъ получить мѣсячный гонораръ за уроки.

— Сдѣлаемъ еще лучше,—сказалъ Франсисъ:—заберемъ вашего брата и вашихъ пріятелей, если они окажутся у васъ.

— Это невозможно. Вы будете стѣсняться, и они также. Когда

они познакомятся съ вами черезъ меня, тогда увидимъ. Къ тому же братъ хочетъ сегодня вечеромъ работать; если у него будетъ чѣмъ поужинать, растопить каминъ, зажечь лампу и купить табаку, то вы окажете ему услугу.

Франсисъ сунулъ золотую монету въ руку Антуана и проводилъ до дверей его квартиры.

— Подождите меня пять минутъ,—сказалъ тотъ.

Прогуливаясь по улицѣ, Франсисъ замѣтилъ, какъ изъ дому вышелъ братъ Антуана, въ сопровожденіи одного изъ молодыхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ наканунѣ на похоронахъ. Немного спустя они вернулись назадъ. Одинъ изъ нихъ несъ связку дровъ на спинѣ, другой—хлѣбъ подъ мышкой. Франсисъ отошелъ къ сторонѣ, чтобы не быть узнаннымъ. Черезъ пять минутъ пришелъ Антуанъ.

— Я васъ угощаю,—сказалъ онъ Франсису.

И онъ повелъ его въ пивную, гдѣ можно было и поѣсть. Если трапеза продлилась, то не вслѣдствіе многочисленности купаній. Антуанъ отказался отъ всякихъ экстренныхъ блюдъ. Когда они встали, чтобы уходить, Франсисъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что его собесѣдникъ расплачивается съ гарсономъ, служившимъ имъ.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ онъ.

— Оставьте,—отвѣчалъ Антуанъ.

И когда они вышли на улицу:—Вотъ вамъ сдачи,—сказалъ онъ, отдавая Франсису, что оставалось отъ золотой монеты.

Франсисъ разсчиталъ, что, сверхъ платы за обѣдъ, „потребители воды“ удержали себѣ не болѣе двухъ франковъ изъ луидора.

— Вы меня, значитъ, не поняли?—сказалъ онъ съ упрекомъ своему спутнику.

— Скорѣе вы меня не поняли. Я просилъ у васъ всего лишь нѣсколько су.

— Но если меня это не стѣснитъ...—началъ Франсисъ.

— Но васъ-то стѣснитъ!—отвѣчалъ Антуанъ такимъ тономъ, который давалъ понять, что дальнѣйшая настойчивость будетъ ему непріятна.

Франсисъ собирался что-то возражать.

— Послушайте,—продолжалъ Антуанъ.—Мой образъ дѣйствія имѣетъ свое основаніе. Вы видите, какъ безцеремонно я съ вами поступилъ. Мы въ такихъ отношеніяхъ, какихъ сегодня утромъ не предвидѣли. Переходъ былъ быстръ; но самая эта быстрота —залогъ откровенности, съ какою мы подали другъ другу руку. Время сообщитъ иное названіе чувствамъ, какія мы, можетъ быть, питаемъ другъ къ другу. Время играетъ ту же роль относительно

дружбы, что и относительно вина, которое, старѣясь, утрачиваетъ сухую терпкость, мѣшающую различить его прекрасное качество. Когда привычка поможетъ намъ узнать другъ друга, мы естественно и безъ усилій бросимъ всякія сомнѣнія и опасенія, неразлучныя съ первымъ шагомъ, на какой подвигаетъ взаимная симпатія. А теперь, любезный другъ, такъ какъ вамъ этого хочется, да и мнѣ также, идемъ смотрѣть ваши картины. Я бы уже видѣлъ ихъ, еслибы мнѣ пришлось побывать въ томъ кварталѣ, такъ какъ братъ говорилъ мнѣ о нихъ, какъ объ... удачныхъ вещахъ.

Подошли къ магазину Морена. Антуанъ посмотрѣлъ на картины и испыталъ то впечатлѣніе, которое извѣстно подъ именемъ le coup de fouet; но онъ оправился отъ перваго удивленія и отнесся къ картинамъ такъ, какъ къ нимъ относились серьезные люди, осматривавшіе ихъ.

— Ну что? — спросилъ его Франсисъ: — какъ вы находите мой дебютъ?

— Я не могу васъ похвалить за вашу живопись. Она сначала было-удивила меня, но эти двѣ картины не выдерживаютъ строгой критики. То, что въ нихъ поразительно и что вы приняли, конечно, за ихъ достоинства, есть не что иное, какъ ловкая пародія общихъ недостатковъ тѣхъ мастеровъ, которымъ вы подражаете. Вы попали въ вѣчную западню, разставляемую главами школъ. Глядя на ваши картины, я спрашивалъ себя сейчасъ, съумѣете ли вы повторить этотъ tour de force и послушается ли вторично ваша кисть вашихъ ловкихъ пріемовъ? Я вамъ скажу вещь, которая васъ удивитъ: я желаю, чтобы кисть вамъ измѣнила, и чтобы при первой же попыткѣ вы должны были вернуться къ опыту, къ исканію, словомъ—къ труду. Тогда вы вернетесь на истинный путь, такъ какъ ваши успѣхи будутъ результатомъ труда, а не случая; вы извлечете изъ нихъ прочную выгоду и съ пользой станете примѣнять ее. Вы отвѣтите мнѣ, что чувство и вдохновеніе могутъ замѣнить трудъ; но вдохновеніе при первомъ дебютѣ выражается съ большой наивностью. Въ этомъ случаѣ это нетерпѣливая идея, не дожидающаяся зрѣлости, сообщаемой трудомъ; это брилліантъ, не дожидающійся рѣзчика и проявляющій себя брилліантомъ первой искрой. Но это не ваша исторія. Вы не наивны, такъ какъ ваша живопись исполнена хитрости; вы не оригинальны, потому что у васъ чувствуются, быть можетъ помимо вашей воли, постороннія соображенія. Эти картины—не результатъ вдохновенія; оно бы чувствовалось въ вашихъ предъидущихъ произведеніяхъ. Что же это такое? Случайность, и случай-

ность эта будетъ удачной, смотря по тому, какъ вы ею воспользуетесь.

Франсисъ молчалъ, но не казался убѣжденнымъ.

— Моренъ, — продолжалъ Антуанъ, — знаетъ толкъ — этого нельзя отрицать — въ томъ искусствѣ d'à-peu-prѐs, которое доставляетъ ему богатство; онъ хочетъ сдѣлать изъ васъ то, что онъ сдѣлалъ уже со многими. Онъ васъ заставитъ много производить, будетъ доставлять вамъ кажущееся благосостояніе, какого вы не найдете, безъ сомнѣнія, если порвете съ нимъ. У него есть связи, и онъ поможетъ вамъ снискать тѣ успѣхи, какіе ему необходимы, чтобы сообщить вашему имени коммерческую цѣнность, такъ какъ это для него дѣло важное; онъ пуститъ васъ въ свѣтъ, который такъ же относится къ настоящему свѣту, какъ его товаръ къ настоящему искусству. Если вы откажетесь на нѣкоторое время отъ производства, онъ поможетъ вамъ лѣниться, увѣренный, что вы скоро разстанетесь съ лѣнью и прибѣжите въ его контору. Тогда снисходительный и уступчивый другъ исчезнетъ, и вы очутитесь лицомъ къ лицу съ кредиторомъ, который раскроетъ передъ вами свои приходо-расходныя книги и скажетъ вамъ, что вы занимаете слишкомъ большое мѣсто въ графѣ должниковъ, и что пора возстановить балансъ. Время, когда вы довольствовались малымъ, порою обходясь совсѣмъ безъ ничего, останется далеко позади васъ, вы уже втянулись въ дорогія удовольствія, привыкли баловать свое самолюбіе, привыкли къ глупымъ похваламъ, отъ которыхъ вы краснѣете, но которыя необходимы для ложныхъ художниковъ, чтобы они могли работать, подобно тому, какъ мулы возбуждаются отъ звона бубенчиковъ, привѣшенныхъ къ нимъ; вы втянетесь въ растлѣвающую атмосферу парижскаго шалопайства, съ утра до ночи пробавляющагося мелкой монетой легкомысленной веселости, которую чеканитъ злословіе. Ваши собратья по искусству накажутъ васъ за это равнодушіемъ; ваша незаслуженная репутація съ ихъ точки зрѣнія представится имъ лишь темной аферой ловкой бездарности. Вы же, въ свою очередь, будете изливать на нихъ свою раздавленную желчь; ихъ работы пробудятъ въ васъ всѣ муки зависти; вы пожелаете раздавить ихъ и отомстить за ихъ равнодушіе произведеніемъ истинно великимъ, — пожелаете въ одинъ годъ совершить то, чего они достигли долгими, безвѣстными, терпѣливыми трудами, — но Моренъ уже будетъ тогда держать васъ въ своихъ лапахъ и съумѣетъ заставить работать на себя; вамъ не останется времени на капризы творчества, онъ вамъ скажетъ: „я этого не хочу“, и напишетъ въ углу полотна свою про-

грамму. Потомъ, въ одинъ прекрасный день, когда онъ выжметъ изъ васъ всѣ соки, онъ скажетъ, что вы начинаете опускаться, станетъ вамъ колоть въ глаза успѣхами новаго рекрута, котораго онъ заботливо приготовилъ на смѣну вамъ, и котораго ожидаетъ въ будущемъ та же судьба, что и васъ. Наконецъ, онъ возвратитъ вамъ свободу, и самое меньшее — онъ предложитъ вамъ мѣсто живописца на фарфоровомъ заводѣ. Вы попробуете дѣйствовать безъ его помощи, но онъ такъ сдѣлаетъ, что вы всюду встрѣтите себѣ противодѣйствіе. Онъ отлично съумѣетъ окончательно провалить вашу сомнительную извѣстность. Тогда вы вновь воспылаете страстью къ трудному изученію искусства, но искусство не терпитъ продажности—оно отвернется отъ васъ, всѣ ваши усилія ни къ чему не приведутъ, и вы спуститесь до нижнихъ этажей картинной промышленности. Ваши картины очутятся въ грязной лавчонкѣ торговца старыми вещами, васъ оцѣнятъ наравнѣ съ желѣзнымъ ломомъ и тюками рухляди. Что сдѣлаете вы тогда, обезкураженный, опустившійся, презираемый, слишкомъ много уже прожившій, чтобы начать жизнь съ начала, и что вы почувствуете, когда ваше положеніе привлечетъ тягостное участіе тѣхъ, кого нѣкогда вы знали несчастными неизвѣстностями, и которые теперь, владѣя въ дѣйствительности тѣмъ, чего вы обладали только тѣнью, счастливые, гордые, шествуютъ по пути славы, между тѣмъ какъ вамъ приходится писать по сту франковъ за дюжину для провинціальной фабрики церковныхъ украшеній?..

Эти зловѣщія предсказанія показались мало убѣдительными Франсису.

— Однако,—сказалъ онъ Антуану:—какъ бы то ни было, но надо жить.

— А вы не жили до знакомства съ Мореномъ?—возразилъ тотъ.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ Франсисъ,—но не безъ труда. И если мнѣ вновь придется вести такой же образъ жизни, я не знаю, что со мною будетъ. Тѣмъ не менѣе,—поспѣшно прибавилъ онъ,—еслибы чужой примѣръ поддерживалъ и воодушевлялъ меня, еслибы я жилъ, какъ вы, въ атмосферѣ энтузіазма, въ центрѣ самоотверженной дѣятельности, какою вы окружены, въ братскомъ союзѣ избранныхъ умовъ и возвышенныхъ душъ, быть можетъ, я бы обрѣлъ ту вѣру, которой мнѣ недостаетъ, и настойчивость, преодолѣвающую всѣ препятствія. Но я одинокъ: друзья мои отъ меня отвернулись. Одиночество и скука приводятъ меня въ ужасъ. Вы понимаете меня?

— Совершенно,—отвѣчалъ Антуанъ.—Необходимо, чтобы вы вступили въ нашъ союзъ, пожили съ нами. Вѣдь это вы хотѣли сказать? Вы вѣроятно слышали о нашемъ маленькомъ обществѣ; какихъ только басенъ ни распускаютъ о насъ: легко осуждать то, чего совсѣмъ не знаешь, а еще легче, если слышалъ звонъ, да не знаешь, откуда онъ. Я вамъ скажу истину о нашей ассоціаціи. Если вы не чужды тѣхъ идей, которыя одушевляютъ насъ,—мои друзья и я возьмемъ на себя дѣло вашего спасенія; но необходимо, чтобы вы знали, на что вы идете, занимая мѣсто въ нашихъ рядахъ.

Антуанъ тогда подробно объяснилъ Франсису тайны того союза, о которомъ послѣдній уже зналъ кое-что. Онъ очертилъ фигуры всѣхъ своихъ друзей. По его словамъ, ни у кого еще изъ нихъ не проявился талантъ во всей силѣ.

— Въ нашемъ обществѣ,—сказалъ онъ,—есть поэты, муза которыхъ еще шепелявитъ, но въ ихъ стихахъ нѣтъ притворства.

— Но есть и другіе,—продолжалъ Антуанъ, и откровенно обозначилъ число тѣхъ, произведенія которыхъ уже доказали аристократическую расу ихъ музы.—Что касается нашей бѣдности, то мы ее переносимъ, какъ холодъ во время зимы; только надо признаться, что зима эта очень сурова. И что насъ спасаетъ отъ горечи этой жизни, такъ это примѣръ безропотной покорности судьбѣ, который показываетъ намъ наша бабушка. Я въ двухъ словахъ передамъ вамъ ея исторію и увѣренъ, что вы будете удивлены ролью, которую она играетъ между нами. Три года тому назадъ она спокойно жила у нашихъ родныхъ, оканчивая трудовую жизнь, и старческіе годы ея проходили въ спокойствіи отдыха, какъ оканчиваетъ трудовой день честный труженикъ. Но вотъ однажды, когда мы не пожелали остаться въ томъ состояніи, которое приготовилъ для насъ отецъ, когда онъ узналъ, что мы намѣрены работать въ отелѣ живописца, онъ въ концѣ обѣда сказалъ намъ:—„Вы въ послѣдній разъ ѣдите мой хлѣбъ; живите на свой счетъ и какъ вамъ угодно; чемоданы ваши готовы, можете отправляться“.

— „И я также съ ними,—сказала наша бабушка, поднимаясь изъ-за стола.—Я уйду съ моими внуками“.

— Мать плакала, но бабушка была спокойна: она поднялась въ свою комнату, связала свои скудные пожитки, и мы переступили порогъ родительскаго дома съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возвращаться. Почему мы уходимъ, къ чему стремимся, что такое искусство,—ничего этого не знала она, простая женщина. Она понимала только, что мы будемъ одни, что мы юны

и слабы. Могли ли мы ее оттолкнуть? Могли ли дать понять, что она будетъ только намъ въ тягость? Увы, мы не поняли ее.

— Два дня спустя послѣ того, какъ мы водворились въ нашей первой мастерской,—самоотверженіе, на которое была способна эта героическая душа, обнаружилось во всей своей простотѣ: бабушка стала искать работы и скоро нашла ее. Она казалась слишкомъ старой для труда; но какъ Антей почерпалъ новыя силы отъ прикосновенія къ землѣ, это трудолюбивое существо лишь взялось за работу, какъ неожиданно проявило новыя силы.

— „Бѣдныя мои дѣти,—говорила она намъ:—вы занялись такимъ дѣломъ, которое вамъ не приноситъ ни гроша, но главное въ томъ, что оно вамъ нравится. Я же не пропаду. Когда вы, наконецъ, заработаете денегъ и будете счастливы и богаты, когда ваши фантазіи осуществятся, вы купите мнѣ большое покойное кресло. Я сяду и уже не тронусь съ мѣста, и умру счастливая, видя ваше благополучіе".

— Мы хотѣли помѣшать ей работать и вернуть ее подъ кровъ нашихъ родителей, но всѣ наши убѣжденія были безполезны. Она заставляла насъ молчать однимъ своимъ словомъ:

— „Что жъ, вамъ стыдно будетъ, что ваша бабушка зарабатываетъ хлѣбъ по чужимъ людямъ?"

— Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули родительскій домъ, и если мы не умерли съ голоду за это время, то лишь благодаря труду этой бѣдной женщины, лѣта которой были вдвое болѣе моихъ и моего брата, вмѣстѣ сложенныхъ.

— Да и теперь еще, еслибы мы лишились ея помощи, весьма вѣроятно намъ пришлось бы измѣнить нашимъ принципамъ и пойти на сдѣлку, гибельную для истиннаго художника. Однимъ словомъ, если мы еще въ силахъ обходиться безъ протекціи Морена, то единственно благодаря самоотверженію этой великодушной женщины.

— Между тѣмъ именно этого рода аферы противны всему духу нашего общества. Каждый изъ насъ въ своей спеціальности работаетъ лишь въ томъ направленіи, которое даетъ полную свободу его творчеству, и терпѣливо ждетъ, пока изъ-подъ его кисти или пера выйдетъ истинно художественное произведеніе, когда, наконецъ, онъ будетъ обладать необходимой силой и всѣми нужными средствами. Нѣкоторые изъ насъ уже могли бы при помощи своихъ работъ устроиться въ матеріальномъ отношеніи, и не только улучшить свое положеніе, но и своихъ собратьевъ, такъ какъ въ нашей артистической семьѣ все дѣлается между всѣми ея членами.

— Несмотря на это, такъ какъ авторитета нѣтъ за ними, всѣмъ приходится выносить невзгоды, бороться съ вліяніями, противными ихъ убѣжденіямъ. Предпочитая сохранять свою независимость, они терпѣливо ждутъ, когда наконецъ настанетъ ихъ день. Насъ обвиняютъ въ гордости, но это—мнѣніе невѣждъ и недоброжелателей. Наша гордость совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ ее полагаютъ, и вовсе не такъ смѣшна и глупа. Мы съ радостью примемъ искреннее покровительство, откуда бы оно ни шло; мы откликнемся на симпатію, разъ она исходитъ отъ чистаго сердца, не заставитъ насъ поступиться своими взглядами, не потребуетъ отъ насъ раболѣпства. Мы легко преклоняемся предъ необходимостью вести суровую, полную лишеній жизнь, но ничто не заставитъ насъ склониться передъ моралью, болѣе удобною для практики, чѣмъ истинно честною. Мы вовсе не фанатичные пуритане и съ охотою измѣнимъ нашъ образъ жизни на болѣе пріятный, лишь бы эта метаморфоза не требовала отъ насъ поступиться нашими строгими взглядами на искусство. Мы люди и притомъ очень молодые; часто намъ не въ мочь это добровольное отрѣшеніе отъ всѣхъ удовольствій и радостей, свойственныхъ нашему возрасту. И мы знаемъ искушенія, но побѣждаемъ ихъ тѣмъ, что полагаемъ всѣ наши радости въ трудѣ, въ любимомъ искусствѣ.

Видя, что Франсисъ слушаетъ его съ живѣйшимъ интересомъ, Антуанъ пожелалъ заранѣе опровергнуть всѣ возраженія, которыя могли быть направлены противъ „общества потребителей воды“.

— Насъ обвиняютъ въ эгоизмѣ,—продолжалъ онъ,—потому что мы предоставляемъ старухѣ-бабушкѣ работать на насъ; но это великое сердце—лучшее опроверженіе взводимыхъ на насъ обвиненій. Она знаетъ, что ея самоотверженіе—фундаментъ нашего будущаго, и ея лицо сіяетъ гордостью, когда она видитъ, что мы въ ней находимъ поддержку и въ ея бодрости черпаемъ мужество и энергію.

— Годъ тому назадъ я хотѣлъ совершить небольшое путешествіе, чтобы писать съ натуры: каждый изъ моихъ товарищей, цѣною новыхъ лишеній, внесъ добровольную лепту, и вся сумма, необходимая на путешествіе, была собрана. Полнѣйшая искренность царствуетъ между нами. Настроеніе наше ровное и веселое, такъ какъ уныніе ни къ чему не ведетъ, а нашъ принципъ тотъ, что все безполезное—вредно.

— Мы уважаемъ мнѣнія объ искусствѣ, какія бы они ни были, хотя бы противныя нашимъ. Многіе изъ нашихъ избрали свою отдѣль-

ную тропу, но цѣль одна у всѣхъ, и, подчиняясь безпрекословно правиламъ общества, каждый въ то же время сохраняетъ свою независимость. Родные приводятъ насъ въ примѣръ безпорядочности и едва рѣшаются произносить наши имена при нашихъ сестрахъ, а между тѣмъ мы живемъ тихо, дружно, ведемъ нравственную, правильную жизнь. Общность всѣхъ интересовъ и строгая воздержность — вотъ основы нашего союза. Мы избѣгаемъ новыхъ знакомствъ: новый человѣкъ — новый характеръ, а мы боимся ввести диссонансъ въ нашу гармонію. Въ общемъ насъ оставляютъ въ покоѣ, и мы съ своей стороны еще менѣе занимаемся другими, чѣмъ они нами. Несмотря на нашу отчужденность, мы слѣдимъ за всѣмъ, что появляется новаго въ мірѣ искусства. Каждый въ своей сферѣ находитъ новое и знакомитъ насъ съ нимъ. Мы читаемъ новыя книги, и когда какое-нибудь драматическое произведеніе соберетъ толпу въ театрѣ, одинъ изъ насъ, кого этотъ успѣхъ можетъ интересовать, непремѣнно присутствуетъ на представленіи. При помощи воспоминанія мы стараемся продлить эти рѣдкія удовольствія. Мы еще какъ дѣти, не привыкшія видѣть игрушки, — мы стараемся беречь наши радости и длить ихъ какъ можно дольше. Когда звукъ умолкнетъ, слышно еще эхо. Выйдетъ ли что-либо изъ нашего союза? Будущее это покажетъ. Музы наши не въ силахъ запѣть полной грудью. Отъ нашихъ работъ пахнетъ потомъ; до сихъ поръ это еще болѣзненные плоды. Несмотря на торгашей, паразитовъ и шутовъ, подобно саранчѣ облѣпившихъ искусство, окончательная формула современнаго искусства уже почти выработана. Въ ожиданіи этого великаго событія, отдѣльныя трудолюбивыя личности, убѣжденныя, насколько можно быть убѣжденнымъ въ нашъ вѣкъ невѣрія, въ сторонѣ отъ гама, поднимаемаго сочинителями теорій, мало заботясь о дѣтскихъ тріумфахъ, терпѣливо работаютъ, примиренные съ своей скромной долей. Мы принадлежимъ къ числу этихъ людей. Въ этомъ наше назначеніе. Теперь, когда вы достаточно узнали насъ, желаете ли вы къ намъ присоединиться?—заключилъ Антуанъ, вглядываясь въ Франсиса.

— Это мое горячее желаніе,—отвѣчалъ тотъ.

— Прекрасно!—отвѣчалъ Антуанъ:—я улажу ваше поступленіе, но совѣтую вамъ еще подумать, такъ какъ вы можете легко видѣть изъ моего разсказа, что до сихъ поръ наше общество добилось лишь отрицательныхъ успѣховъ.

V. — Вступленіе въ общество.

Уже смерклось и молодые люди, которые въ пылу разговора разъ десять изъ конца въ конецъ прошли улицу ***, наконецъ разстались, условившись о слѣдующемъ свиданіи. На слѣдующій день Антуанъ навѣстилъ Франсиса.

— Вы знаете новость?—спросилъ Антуанъ новаго пріятеля.

— Какую?

— Ваши картины проданы.

— Какъ вы это узнали?—спросилъ Франсисъ.

— Я отлично знаю особу, которая купила ихъ. Я былъ тамъ, когда ихъ принесли. Онѣ теперь находятся въ гостиной русской княгини, которой я даю уроки... Кстати,—рѣзко перебилъ себя Антуанъ: — вы мнѣ и не сказали, что у васъ уже былъ разговоръ съ Мореномъ о панно, которое вы будете расписывать въ деревнѣ у одного изъ его кліентовъ.

— Между нами объ этомъ ни слова не было говорено, — съ удивленіемъ возразилъ Франсисъ.

— Моренъ говорилъ объ этомъ княгинѣ, интересовавшейся вами; онъ даже увѣрялъ, что вы уже уѣхали.

— На какого дьявола онъ это выдумалъ!—вскричалъ Франсисъ.

— Сдѣлка заключена уже двѣ недѣли тому назадъ,—отвѣчалъ Антуанъ.—Моренъ, однако, выговорилъ право оставить еще нѣкоторое время картины на выставкѣ, и княгиня согласилась.

— Знаете вы, сколько она заплатила за мои картины? — спросилъ Франсисъ.

— Довольно дорого,—отвѣчалъ Антуанъ, улыбаясь.—Но вы —мой другъ, и я въ этомъ случаѣ оказалъ вамъ первую товарищескую услугу, сказавъ княгинѣ, что она сдѣлала хорошую покупку. Моренъ получилъ полторы тысячи франковъ.

— Ахъ, я теперь понимаю!—вскричалъ Франсисъ:—я понимаю, почему онъ ни слова не сказалъ мнѣ объ этой продажѣ и почему онъ боялся, чтобы я не встрѣтился съ этой дамой. Онъ хотѣлъ, чтобы я остался въ невѣденіи, какой барышъ ему принесло первое же дѣло со мной.

— Это весьма возможно и совершенно въ характерѣ этого человѣка, — сказалъ Антуанъ: — и мнѣ то же приходило въ голову. Я сказалъ, что вы еще въ Парижѣ, и далъ моей ученицѣ вашъ адресъ. Если княгиня пожелаетъ войти съ вами въ личныя сношенія, вы легко можете избавиться отъ посредничества Мо-

рена. Княгиня очень богата, не жалѣетъ денегъ и скоро вамъ это докажетъ,—прибавилъ Антуанъ.

Въ словахъ его Франсисъ подмѣтилъ насмѣшку; такое отношеніе къ его первому успѣху было ему непріятно, но онъ постарался скрыть свою досаду.

— И вы думаете, что она мнѣ что-нибудь закажетъ?—спросилъ онъ.

— Быть можетъ, она пожелаетъ, чтобы вы сдѣлали два pendants къ вашей „Веснѣ“ и „Зимѣ“. Во всякомъ случаѣ, зная вашъ адресъ, она теперь навѣрно къ вамъ обратится. Кстати,—сказалъ Антуанъ:—мы просимъ васъ сегодня вечеромъ на обѣдъ. Мы будемъ праздновать ваше вступленіе въ общество. Я какъ разъ получу отъ княгини за уроки. Въ прошлый мѣсяцъ заработокъ былъ значительно меньше—недѣли двѣ княгиня не занималась: къ ней пріѣхали родные изъ Россіи, и все время уходило на нихъ.

— Она молода? — спросилъ Франсисъ.

— Молодая, хорошенькая вдова, необыкновенно благовоспитанная. Она занимается живописью, какъ другія вышиваньемъ, и заставляетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей разбирать билеты лотереи, въ которой она разыгрываетъ свои произведенія. И я взялъ однажды билетъ и имѣлъ удовольствіе выиграть. Въ ея фантазіяхъ есть доля свѣтскаго тщеславія, а бѣднымъ отъ этого выгода... Мужъ ея убитъ на Кавказѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ она стала свободной, она пользуется своею свободою такъ, какъ можетъ пользоваться ею женщина, извѣдавшая иго рабства. Она куритъ превосходный табакъ и душится восточными ароматами.

— Они-то бросились вамъ въ голову?—спросилъ Франсисъ.

— Да, сперва, потому что я не привыкъ къ духамъ, но теперь я начинаю къ нимъ принюхиваться...

— Я не объ этомъ вамъ хотѣлъ сказать,—перебилъ Франсисъ.—Я лишь хотѣлъ васъ спросить, неужели, находясь tête-à-tête съ женщиной, по вашимъ словамъ привлекательной, любезной и кокетливой, неужели вы никогда ни о чемъ больше не говорите, кромѣ живописи?!

— Мы говоримъ о самыхъ разнообразныхъ вещахъ,—отвѣчалъ Антуанъ:—между прочимъ о положеніи Польши... Во время урока я строгій учитель, а когда онъ кончается, мы болтаемъ безъ чиновъ. Вы меня безпокоите,—продолжалъ, смѣясь, Антуанъ.—Не хотите ли вы предложить княгинѣ руку и сердце?

Молодые люди разстались, пожавъ другъ другу руки и усло-

вившись свидѣться вечеромъ, когда Франсисъ долженъ былъ представиться всѣмъ „потребителямъ воды“.

Франсисъ, принявъ къ сердцу поведеніе Морена, отправился къ нему требовать объясненій; но съ перваго же слова этотъ послѣдній прервалъ его.

— Я хотѣлъ приготовить вамъ сюрпризъ, но вы меня предупредили. Такъ какъ я не упускаю никакого случая, чтобы помочь моимъ артистамъ, завтра же въ газетахъ появится: „Княгиня ***, извѣстная своей любовью къ живописи, пріобрѣла полотна молодого художника Франсиса Берніе, привлекавшія толпу любопытныхъ, когда картины были выставлены въ роскошной витринѣ извѣстнаго магазина г. Морена, гдѣ обыкновенно сходятся всѣ знатоки Парижа“. Коротко и ясно. Всякій думаетъ о своей выгодѣ. Продавъ такъ выгодно, какъ я и не ожидалъ, ваши картины, я нахожу возможнымъ сдѣлать нѣкоторую прибавку...

И Моренъ сунулъ въ руку Франсиса новенькую бумажку, которую тотъ спокойно положилъ въ карманъ.

Франсисъ, предупрежденный Антуаномъ о хитрости Морена, угадалъ ловушку въ неожиданномъ благородствѣ торгаша, и мотивы его поступковъ стали совершенно ясны ему, когда Моренъ велѣлъ ему приготовить два pendants къ проданнымъ картинамъ.

— Я ихъ впередъ покупаю, — прибавилъ онъ.

— На какихъ условіяхъ? — спросилъ Франсисъ.

— Но,—возразилъ купецъ:—кажется, вы не можете пожаловаться на тѣ условія, которыя были при первой сдѣлкѣ? Когда я предлагаю художнику войти со мною въ сдѣлку, его дѣло согласиться на нее или отказаться; но разъ она заключена—мое дѣло, сколько спросить съ покупщика. Безъ сомнѣнія, что я при этомъ кое-что наживаю, но вѣдь мы не воздухомъ питаемся, и всякій заботится о своей выгодѣ.

— Въ такомъ случаѣ вы не должны удивляться, что и я намѣренъ поступить какъ всѣ, — сказалъ Франсисъ,—и что, напримѣръ, я предпочитаю прямо имѣть дѣло съ лицомъ, которое желаетъ имѣть pendants къ уже купленнымъ имъ картинамъ: ведя дѣло самъ лично, я естественно положу въ карманъ и то, что въ противномъ случаѣ очутилось бы въ вашемъ. Вы сами сказали: всякій живетъ для себя и заботится о своей выгодѣ.

— Милѣйшій,—сказалъ Моренъ,—я васъ отыскалъ на вашемъ чердакѣ; я доставилъ вамъ возможность выдвинуться, и съ моею помощью вы пошли бы еще дальше. Но вы считаете себя уже достаточно сильнымъ, чтобы обойтись безъ меня. Ваше дѣло.

Деликатность, съ которою вы обошлись со мной, послужитъ мнѣ урокомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ Франсисъ,—я буду имѣть честь сообщить княгинѣ, что я вовсе не въ деревнѣ, какъ вамъ угодно было ей сказать, и готовъ къ ея услугамъ.

— Вы свободны поступить какъ вамъ заблагоразсудится,— отвѣчалъ Моренъ.

Въ назначенный часъ Франсисъ отправился къ „потребителямъ воды". Всѣ они были въ сборѣ. Была предложена скромная трапеза, но такъ какъ обычно „потребители воды" питались еще скуднѣе,—обѣдъ вызвалъ общее пріятное настроеніе. Избраніе Франсиса состоялось безъ всякихъ смѣшливыхъ формальностей, о которыхъ ему говорили. Съ него не брали никакой клятвы, а просто президентъ общества, живописецъ, котораго звали Лазаремъ, отвелъ его въ сторону и далъ прочесть уставъ, въ которомъ по параграфамъ было изложено то profession de foi, которое Антуанъ излагалъ ему наканунѣ. Лазарь особенно обратилъ его вниманіе на параграфъ 5, въ которомъ говорилось: „Цѣль общества главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы помочь каждому изъ членовъ совершенствоваться въ своемъ искусствѣ, не поступаясь имъ ради матеріальныхъ интересовъ и не работая ради денегъ".

— Но,—перебилъ Франсисъ:—какъ можно опредѣлить, когда я служу матеріальнымъ интересамъ, когда нѣтъ? Гдѣ искусство кончается и гдѣ начинается матеріальность? Истинный талантъ сказывается во всѣхъ произведеніяхъ художника, и никогда еще ни одно великое произведеніе не потеряло отъ того, что за него заплатили.

— Сильные таланты часто рискуютъ своей репутаціей,— отвѣчалъ Лазарь,—выпуская вещи, написанныя на живую руку, и которыя ничего не имѣютъ общаго съ серьезными вещами, надъ которыми и работать приходится дольше, и пристроить ихъ труднѣе. Но это развращаетъ кисть, и артистъ, думая одурачить публику, въ концѣ концовъ дурачитъ себя. Вотъ смыслъ § 5 нашего устава. Если вы не понимаете,—сказалъ Лазарь съ легкой ироніей, — поднимите руку; я не нахожу ничего лучшаго, какъ повторить чтеніе еще разъ.

— Я согласенъ съ этимъ параграфомъ, также какъ и съ остальными, — возразилъ Франсисъ, — и я уже раньше ознакомился съ содержаніемъ вашего устава. То, что я сюда пришелъ, доказываетъ, что я сочувствую вашимъ идеямъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Лазарь,—остается только

сообщить вамъ нѣкоторыя подробности относительно нашего запаснаго фонда. Этотъ фондъ, который, къ несчастью, существуетъ слишкомъ незначительное время, чтобы возрости въ достаточной степени, находится въ распоряженіи членовъ общества, которые могутъ имѣть нужду въ немъ для своихъ работъ. Онъ не можетъ служить ни на какія другія потребности, и нужды матеріальной жизни, какъ бы онѣ ни были велики, не даютъ права членамъ пользоваться имъ.

Такъ какъ это былъ первый день мѣсяца, два члена общества, единственные, которые регулярно получали деньги, передали кассиру-президенту общества свой взносъ.

— Тѣ, кому желательно получить сколько-нибудь изъ фонда, могутъ заявить объ этомъ,—провозгласилъ Лазарь, который былъ и кассиромъ общества.

— Я... я хотѣлъ бы получить немного, — сказалъ живописецъ Солейль, который жилъ вмѣстѣ съ братьями Антуаномъ и Полемъ.

— Объяснись, — сказалъ Лазарь.

— Видишь ли,—началъ съ взволнованнымъ видомъ Солейль: —я хотѣлъ бы... но ты, можетъ быть, не захочешь...

— Что, что такое?—нетерпѣливо перебилъ кассиръ:—говори, въ чемъ дѣло.

— Я желаю,—вскричалъ Солейль такимъ тономъ, точно онъ просилъ чего-то выходящаго изъ ряду вонъ,—я желаю получить четыре франка, на cadmium.

— Проси больше!—отвѣчалъ Лазарь. — Ты начинаешь надоѣдать со своими экстравагантными цвѣтами.

— Я не могу безъ нихъ обойтись. Что я буду дѣлать безъ нихъ съ моими заказами.

— Ну, пиши ночь!

Этотъ отвѣтъ повергъ художника въ уныніе на половину искренное, на половину комическое. Онъ повторялъ, что безъ этой краски ему совершенно невозможно работать.

— Да, — сказалъ онъ Лазарю, — ты дурно отзываешься о кадміи, потому что ты не умѣешь съ нимъ обращаться. Ты хочешь помѣшать мнѣ сдѣлать карьеру.

И Солейль съ страдальческимъ видомъ усѣлся въ уголъ. Взрывъ общаго смѣха привѣтствовалъ его выходку.

— Дай ему четыре франка,—сказалъ Антуанъ Лазарю:— не то онъ будетъ видѣть въ этомъ предлогъ не работать.

Лазарь, нахмурясь, открылъ кошелекъ.

— Получай, сколько тебѣ надо!—позвалъ онъ Солейля.

— Неужели! — вскричалъ тотъ, и радость удовлетвореннаго желанія освѣтила его лицо.

Франсисъ затѣмъ разсказалъ сотоварищамъ, какъ онъ покончилъ съ торговцемъ, и объяснилъ мотивы своего поступка.

— Вы понимаете,—сказалъ онъ:—я предпочитаю получать заказы непосредственно отъ знатоковъ и любителей живописи. Вѣдь уставъ не запрещаетъ мнѣ принимать заказы, не правда ли? —спросилъ онъ съ ироніей въ голосѣ.

— Разумѣется,—отвѣчалъ Лазарь: — еслибы вамъ заказали расписать потолки въ столовой богача, я бы вамъ напомнилъ параграфъ 5-й; но развѣ заказчики уже толпятся на вашей лѣстницѣ?

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ Франсисъ, краснѣя,—но я надѣюсь написать pendants къ моей „Зимѣ“ и „Веснѣ“.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Антуанъ,—кажется, княгиня намѣрена ихъ вамъ заказать. Кстати,—продолжалъ онъ, показывая Франсису пастель:—вотъ портретъ этой дамы. Она какъ-то мнѣ дала его, чтобы отдѣлать платье, которое немного потерлось. Эта пастель работы одного изъ нашихъ соотечественниковъ, который попалъ въ Россію и тамъ сдѣлалъ карьеру. А я такъ не далъ бы ему вычистить мою палитру.

— Похожъ?—спросилъ Франсисъ, вглядываясь въ портретъ.

— Надо быть справедливымъ,—отвѣчалъ Антуанъ:—это достоинство въ немъ есть. Что вы скажете?

— Ваша ученица очень хорошенькая женщина,—отвѣчалъ Франсисъ.—Надо признаться, что въ этихъ аристократическихъ типахъ есть что-то идеально-прельстительное.

Въ половинѣ вечера бабушка вернулась съ работы. Она явилась въ сопровожденіи стараго солдата.

— Я у казармы встрѣтила маркитанта, — сказала она,—и пригласила его, чтобы свести съ нимъ счетъ.

— А, служба!—вскричалъ Антуанъ:—ну, сколько за этотъ мѣсяцъ мы вамъ задолжали?

— Шестьдесятъ-шесть хлѣбовъ,—сказалъ Антуанъ:—это составитъ шестнадцать франковъ пятьдесятъ сантимовъ. И знаете что, служивый, вашъ хлѣбъ не особенно-то вкусенъ. Въ немъ есть все, что хотите, только пшеницы въ немъ не найдешь.

— Ваша правда, — отвѣчалъ солдатъ: — военная пекарня скверно исполняетъ свое дѣло. Но какъ-то военный министръ заходилъ въ хлѣбный магазинъ и сказалъ: „я вамъ рекомендую не обворовывать правительство, которое отечески печется о солдатахъ. Я желаю, чтобы ежедневно къ моему столу подавали

солдатскій хлѣбъ, и въ первый разъ, какъ мнѣ попадется на зубы какое-нибудь несообразное вещество, какъ-то: солома или чортъ знаетъ что̀, я отдамъ васъ подъ судъ". Говорятъ,—продолжалъ солдатъ,—что съ тѣхъ поръ интендантство присылаетъ намъ отличный крупитчатый хлѣбъ. Но это мнѣ все равно: я этотъ хлѣбъ продаю, а себѣ покупаю въ обыкновенной булочной.

Эти слова, которыя обнаруживали новую черту нищенской жизни „потребителей воды", опечалили Франсиса.

— Какъ! неужели вы до этого дошли? — спросилъ онъ Антуана, отведя его въ сторону.

— До чего?—спросилъ тотъ.—Ахъ, вы это говорите о солдатскомъ хлѣбѣ! Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ молодчина-военный министръ намылилъ голову интендантамъ, хлѣбъ сталъ превосходный, а когда онъ плохъ, его меньше съѣдаютъ—вотъ и экономія.

— Это грустно,—сказалъ Франсисъ.

— Напротивъ,—возразилъ Антуанъ,—наше сухояденіе напоминаетъ мнѣ Телемское Аббатство.

— Послушайте!—прервалъ Франсисъ:—вотъ я теперь вашъ, а вы мнѣ вчера сказали: „У насъ все общее". Подѣлимся.— И онъ вынулъ билетъ въ пятьсотъ франковъ, полученный имъ отъ Морена.

— Вы меня не такъ поняли, — возразилъ съ живостью Антуанъ.—Этими словами я только хотѣлъ обозначить то братство, которое между нами царитъ. Еслибы намъ приходилось очень плохо, я бы принялъ отъ васъ нѣкоторое пожертвованіе, поблагодаривъ отъ лица всего общества; но наши обстоятельства теперь сносны, а вамъ и самому эти деньги нужны. Теперь, когда вы покончили съ Мореномъ, пройдетъ, быть можетъ, не мало времени, пока вы что-либо заработаете. Съ этой суммой вы можете быть сами себѣ господиномъ цѣлый годъ, а годъ серьезнаго труда много значитъ.

— Годъ!—вскричалъ Франсисъ.—Это невозможно!

— Ну, хоть полъ-года, такъ какъ вы любите роскошь,— сказалъ Антуанъ, улыбаясь.

— Ба!—вскричалъ Франсисъ:—я могу себѣ позволить нѣкоторую расточительность, такъ какъ скоро получу заказъ, за который мнѣ хорошо заплатятъ—разумѣется.

— На вашемъ мѣстѣ,—сказалъ Антуанъ,—еслибы я получилъ такой заказъ, я не спѣшилъ бы его исполнить.

— Но мнѣ больше дѣлать нечего.

— Совершенствоваться.

— Вы думаете?

— Я въ этомъ убѣжденъ. И разъ ужъ я взялся дать вамъ совѣтъ, который бы способствовалъ скорѣйшему достиженію вашей цѣли, я вамъ посовѣтую переселиться въ другой кварталъ изъ того, въ которомъ вы живете. Поселитесь въ сосѣдствѣ съ нами: вамъ удобнѣе будетъ съ нами сообщаться, а главное, здѣсь вы найдете дешевую квартиру и жизнь будете вести болѣе скромную. Но главною выгодою, которую вы извлечете изъ вашего переселенія, будетъ то, что вы не будете здѣсь подвергаться ежедневнымъ искушеніямъ, которыя вамъ ежеминутно и на каждомъ шагу попадаются въ томъ блестящемъ и шумномъ кварталѣ, гдѣ вы теперь живете. Зрѣлище чужой роскоши, если и не пробуждаетъ завистливое чувство, то все же дѣлаетъ болѣе печальнымъ существованіе полное лишеній. Обстановка невольно вліяетъ на человѣка. Поселившись здѣсь, вы будете ограждены отъ непріятныхъ сравненій. Видя людей, которые живутъ ничего не дѣлая, невольно находишь болѣе грубыми руки, которыми заработываешь свой хлѣбъ.

— Я объ этомъ подумаю,—отвѣчалъ Франсисъ.

— Думайте теперь же,—возразилъ Антуанъ.

Такъ какъ было уже очень поздно,—Франсисъ намѣревался уходить. На прощанье онъ пожалъ руки своимъ новымъ товарищамъ.

— Ей-Богу!—сказалъ Лазарь, когда новый членъ общества „потребителей воды“ вышелъ:—вотъ малый, который мнѣ очень мало нравится. Онъ точно накрахмаленный. Надо будетъ его немного смять.

VI.—Русская княгиня.

Дорогою Франсисъ старался отдать себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ этого вечера. За исключеніемъ Лазаря, всѣ относились къ нему съ сердечностью, но въ словахъ и манерахъ этихъ людей онъ замѣтилъ что-то снисходительно-покровительственное. Повидимому, между ними царствовала искренность и полная свобода мнѣній; однако ему показалось, что мнѣнія эти высказывались съ большою осторожностью.

Два или три раза въ теченіе этого вечера ему представлялся случай говорить о своихъ картинахъ, и онъ убѣдился, что насколько они были щедры на совѣты, которые ему показались вообще не слишкомъ основательными, настолько скупы на выраженіе сочувствія.

„Въ концѣ концовъ,—думалъ Франсисъ,—я не вижу, чтобы мастерская общества изобиловала шэдѣврами".

Вспоминая нѣкоторыя обстоятельства разговоровъ съ ними, Франсисъ находилъ, что вообще въ ихъ протестѣ чувствуется затаенная горечь, что въ ихъ рѣчахъ много напыщенности, а въ кажущейся простотѣ—напряженность и поддѣлка.

Люди, которые ихъ не знали, легко могли подумать, что если они возстаютъ противъ извѣстнаго рода произведеній, то лишь потому, что сами не въ состояніи произвести ничего подобнаго. Когда онъ вернулся домой, консьержъ передалъ ему письмо, которое принесъ въ его отсутствіе ливрейный лакей.

— Я знаю, отъ кого это письмо,—сказалъ Франсисъ, поднимаясь по лѣстницѣ и шагая черезъ двѣ ступеньки.

Онъ разорвалъ конвертъ и искалъ глазами подпись, но подписи не оказалось. Это была записка, въ которой княгиня *** предлагала ему давать ей уроки. Она просила его извѣстить ее, чтобы ей знать — отпустить ли ей учителя, который теперь у нея, или сохранить его. Франсисъ почувствовалъ себя обманутымъ въ ожиданіяхъ. Онъ думалъ, что она заказываетъ ему картину, между тѣмъ княгиня ни слова не упоминаетъ даже о купленныхъ ею. Съ одной стороны, разсчеты его не оправдались, съ другой—тонъ письма укололъ его самолюбіе. Это было даже не письмо, а просто въ высшей степени вѣжливая записка, шесть строкъ, написанныхъ элегантнымъ, бисернымъ почеркомъ, безъ подписи, дѣловая, короткая записка.

Я ей просто ничего не отвѣчу,—съ досадой проворчалъ Франсисъ, комкая записку. Но тотчасъ же разсудилъ, что это молчаніе было бы самымъ дурнымъ тономъ, и принялся писать отвѣтъ, при чемъ измаралъ семь или восемь листковъ, начиная и не оканчивая. Ему хотѣлось, чтобы его отвѣтъ былъ полонъ сухого достоинства. Наконецъ, онъ нашелъ форму отказа, которою остался доволенъ, и рѣшилъ завтра же отправить письмо. Онъ такъ былъ занятъ своими соображеніями, что ему не пришелъ въ голову лучшій мотивъ, который онъ могъ выставить для отказа: то—что княгинѣ давалъ уроки Антуанъ, его другъ. Эта мысль пришла ему только на другой день. Онъ написалъ новое письмо, уже безъ раздражительнаго тона, а съ оттѣнкомъ сожалѣнія. Въ письмѣ не было ничего опредѣленнаго, но онъ постарался все-же пробудить нѣкоторыми его оборотами подозрѣніе насчетъ истинной причины отказа. Съ чувствомъ собственнаго достоинства онъ отказывался, но вмѣстѣ давалъ понять, что согласіе его по-

слѣдовало бы, еслибъ онъ не былъ оскорбленъ небрежностью въ отношеніи его, какъ артиста.

Франсисъ подумалъ, что будетъ приличнѣе велѣть отнести это письмо, чѣмъ посылать на почту. Потомъ ему пришло въ голову, что по неотложному дѣлу ему придется быть близко отъ квартиры княгини, и что онъ можетъ лично мимоходомъ забросить письмо въ ея отель. Онъ одѣлся, и такъ какъ погода была прекрасная, немного принарядился. Когда онъ вышелъ на улицу, погода перемѣнилась. Франсисъ взялъ карету съ извозчичьей биржи. Когда онъ отдавалъ письмо швейцару дома, въ которомъ жила княгиня, она вышла садиться въ карету. Замѣтивъ ее и сейчасъ же узнавъ по портрету, Франсисъ громко сказалъ:

— Это письмо отъ Франсиса Берніе.—Княгиня, которая могла отлично слышать эти слова, не останавливаясь, прошла въ карету, и черезъ минуту экипажъ отъѣхалъ отъ подъѣзда. Франсисъ остался раздосадованный, недовольный самимъ собой. Самолюбіе его было уязвлено. Его попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Ему пришлось отступить. Вернувшись домой, онъ засѣлъ за работу, но дѣло не шло на ладъ. Когда онъ уже собирался кинуть кисть и выйти на улицу, вошелъ Антуанъ, и на этотъ разъ, противъ воли, приходъ пріятеля былъ ему непріятенъ.

— Я пришелъ извѣстить васъ,—сказалъ „потребитель воды“, что отыскалъ для васъ въ улицѣ Notre-Dame des Champs мастерскую, вдвое больше вашей и на половину дешевле. Изъ окна хорошій видъ, и вы будете въ десяти минутахъ ходьбы отъ насъ. Черезъ недѣлю мастерская будетъ свободна. Я оставилъ ее за собою и далъ задатокъ.

— Вы поспѣшили! — съ живостью сказалъ Франсисъ:—я не знаю этой мастерской; она можетъ мнѣ не понравиться.

— Всѣ мастерскія похожи одна на другую,—возразилъ Антуанъ спокойно,—лишь бы работа шла на ладъ.

— Очень высоко,—сказалъ Франсисъ.

— Я вамъ не говорилъ, въ которомъ этажѣ, — отвѣчалъ съ улыбкой Антуанъ.—Мастерская помѣщается внизу.

— Ну, такъ будетъ слишкомъ сыро.

— Ахъ, мой другъ, — возразилъ Антуанъ:—скажите лучше просто, что вы не хотите жить по сосѣдству съ нами.

— Я этого не говорю,—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ отвѣчалъ Франсисъ.—Я просто привыкъ къ своей квартирѣ, къ этой части города.

— Послѣ вчерашняго дня вамъ надо постараться отвыкнуть отъ нѣкоторыхъ привычекъ.

— Ахъ, мой другъ,—сказалъ Франсисъ,—я начинаю находить отчасти тираническимъ общество, которое запрещаетъ своимъ членамъ жить, гдѣ имъ нравится. Впрочемъ, въ вашемъ уставѣ ничего не сказано на этотъ счетъ.

— Не сказано,—согласился Антуанъ:—но это все равно.

— Какъ вы это находите?—спросилъ Франсисъ, желая перевести разговоръ на другой предметъ и указывая на картину, которую онъ писалъ.

— А!—воскликнулъ Антуанъ:—аллегорическое изображеніе „Осени“! Вы уже получили заказъ княгини?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Франсисъ,—княгиня мнѣ писала, но не о заказѣ. Поднимите одну изъ этихъ бумажекъ, что̀ валяются на полу, и вы узнаете, въ чемъ дѣло.

— А!—съ нѣкоторымъ волненіемъ замѣтилъ Антуанъ, пробѣжавъ поднятый листокъ:—княгиня предлагаетъ вамъ давать ей уроки... Я, значитъ, оказалъ вамъ товарищескую услугу, сообщивъ ей вашъ адресъ.

— Но вы видите, что̀ я ей отвѣчалъ? — сказалъ Франсисъ.

— Письмо еще здѣсь; значитъ, вы еще ей не отвѣтили.

— Это только черняки,—отвѣчалъ Франсисъ.

— Какъ! вамъ понадобилось столько черняковъ, чтобы сказать „нѣтъ“?—спросилъ Антуанъ, пристально всматриваясь въ своего сочлена.

— Но,—сказалъ Франсисъ, опуская глаза:—мой отказъ уже въ рукахъ княгини. Вы можете быть спокойны.

Антуанъ ушелъ менѣе спокойнымъ, чѣмъ хотѣлъ показать. Молодые люди чувствовали, что что-то порвалось въ ихъ недавней дружбѣ. Франсисъ въ теченіе двухъ-трехъ дней не видѣлся съ „потребителями воды“, и такъ какъ и изъ нихъ никто не заходилъ къ нему, то это взаимное отдаленіе было причиной появленія холодности съ обѣихъ сторонъ.

„Антуанъ, повидимому, на меня дуется,—думалъ Франсисъ:—а между тѣмъ я поступилъ съ нимъ по-товарищески, отказавшись отъ урока“. Наконецъ, онъ получилъ записку, подписанную Лазаремъ. Это было оффиціальное приглашеніе пожаловать на чрезвычайное собраніе общества. Франсисъ встрѣтился въ тотъ день съ однимъ старымъ пріятелемъ, обѣдалъ съ нимъ и явился довольно поздно къ „потребителямъ воды“.

— Мы васъ ждали, чтобы начать засѣданіе, — сказалъ ему президентъ.— Наши оффиціальныя собранія очень рѣдки; тѣмъ желательнѣе аккуратность членовъ.

— Меня задержалъ одинъ изъ моихъ друзей,—сказалъ въ извиненіе Франсисъ;—при томъ я такъ далеко живу.

— Ваши друзья всѣ здѣсь и пришли раньше васъ,—возразилъ Лазарь: — слѣдовательно никто не могъ васъ задержать. Что касается до отдаленности вашего мѣста жительства, то именно этотъ вопросъ подлежитъ обсужденію настоящаго собранія, на которое мы звали васъ. Антуанъ, секретарь нашего общества, прочтетъ статью, которою онъ предполагаетъ дополнить нашъ уставъ. Вотъ эта статья: „Въ виду того, что товарищеское общеніе между членами составляетъ основу общества и желательно было бы возможно чаще собираться и видѣться другъ съ другомъ, чего легче всего достичь, если жительство каждаго будетъ возможно ближе къ центру, всякій изъ потребителей воды долженъ жить въ той части города, гдѣ живетъ президентъ общества".

— Но если президентъ будетъ постоянно мѣнять квартиру?— сказалъ Франсисъ.

— Это возраженіе предвидѣно,—отвѣчалъ Лазарь:—такъ какъ квартира моя не дорога, и я ею доволенъ, то я и заключилъ контрактъ на нѣсколько лѣтъ.

Предложеніе было пущено на голоса. Всѣ „потребители воды" подняли руки, за исключеніемъ Франсиса. Предложеніе было принято всѣми. Одинъ голосъ только былъ противъ.

По окончаніи засѣданія Франсисъ довольно холодно разстался съ сочленами.

— А что вашъ заказъ?—спросилъ его Антуанъ, провожая.

— Я еще его не получилъ,—отвѣчалъ Франсисъ,—и весьма жалѣю объ этомъ. Когда вы увидите княгиню, будьте столь добры— разспросите о ея намѣреніяхъ на этотъ счетъ.

— Я самъ жду, когда она пригласитъ меня опять давать ей уроки, а пока еще не вижусь съ ней, — отвѣчалъ Антуанъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого вечера и ровно мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ уроки были прерваны, Антуанъ получилъ весьма вѣжливую записку, но съ окончательнымъ отказомъ. При семъ прилагалась уплата за 12 уроковъ. Такъ какъ это случилось въ отсутствіе Антуана, бабушка, считая деньги платою за трудъ, истратила нѣсколько франковъ. Въ это утро Антуанъ зашелъ къ Франсису, чтобы взять у него какую-то гравюру. Франсисъ собирался идти куда-то и былъ одѣтъ съ большою изысканностью. Пара бѣлыхъ перчатокъ лежала на стулѣ. Прежде чѣмъ Антуанъ сказалъ слово, его обоняніе было поражено тонкимъ ароматомъ розовой эссенціи.

— Не побывали ли вы въ Константинополѣ, за время, что

мы съ вами не видались? — спросилъ Антуанъ. Приблизившись къ пріятелю, онъ убѣдился, что благоуханіе исходило отъ его одежды.—Запахъ изобличаетъ полученный заказъ,—сказалъ „потребитель воды".

— Это вѣрно,—отвѣчалъ Франсисъ:—я получилъ приглашеніе...

— А!—прервалъ Антуанъ:—знаю; это княгиня предлагаетъ вамъ вновь давать ей уроки?

— Завтра,—пробормоталъ Франсисъ.

Вернувшись къ себѣ, Антуанъ нашелъ благодарственное письмо княгини. Онъ поблѣднѣлъ, когда ему показали деньги, и пришелъ въ совершенное отчаяніе, узнавъ, что уже значительная часть денегъ истрачена.

— Необходимо сейчасъ же вернуть эти деньги, — сказалъ Лазарь, находившійся въ эту минуту у Антуана:—и дать понять этой госпожѣ, что артистъ не слуга, которому, разсчитывая его, даютъ впередъ за мѣсяцъ. Хотя это и противъ устава, но будь въ кассѣ деньги, я бы тебѣ ихъ далъ; къ сожалѣнію, въ кассѣ пусто.

— Сегодня первое ноября; Оливье и Леонъ получатъ жалованье—мы у нихъ возьмемъ взаймы.

— Къ сожалѣнію,—возразилъ Лазарь:—сегодня день неприсутственный. Вашимъ друзьямъ заплатятъ только завтра, а можетъ быть и еще отложатъ; а между тѣмъ необходимо, чтобы эти деньги сегодня же вечеромъ были доставлены княгинѣ.

— Что бы намъ такое продать?—задумчиво произнесъ Антуанъ. Вдругъ взглядъ его упалъ на Солейля, который сладострастно грѣлся, приложивъ руки къ трубѣ печки, распространявшей мягкое тепло въ мастерской.

— Отойди,—сказалъ Антуанъ, нарушая блаженство друга, и онъ оборвалъ клещами проволоки, которыми была прикрѣплена труба къ стѣнѣ.

— Зачѣмъ же ты портишь печку? — вскричалъ Солейль: — съ тѣхъ поръ какъ ее затопили, она дѣйствуетъ прекрасно!

— Помоги мнѣ ее потушить,—возразилъ Антуанъ, вытаскивая полуобгорѣлыя полѣнья и обмакивая ихъ въ ведро съ водою, которое ему принесъ братъ.

— Что ты дѣлаешь? Зачѣмъ тушишь огонь? — кричалъ Солейль.

— Нельзя же продать затопленную печку.

— Не особенно много за нее дадутъ,—сказалъ Лазарь, понявшій намѣреніе Антуана, и съ этими словами онъ исчезъ.

— Онъ пошелъ продавать печку! — горестно вскричалъ Солейль, сложивъ руки.

— Если ты позволишь, — отвѣчалъ Антуанъ: — а не то и безъ твоего позволенія.

Лазарь вернулся съ торговцемъ ломанаго желѣза, который долго торговался, прежде чѣмъ предложить половину той цѣны, которую стоила печка.

— Не долго же ее топили! — бормоталъ печально Солейль, въ то время какъ купившій выносилъ свою покупку.

Два часа спустя, княгиня получила деньги съ запиской, исполненной чувства собственнаго достоинства, а вечеромъ, вернувшись къ себѣ, Франсисъ нашелъ вложенный въ замочную скважину клочокъ бумаги съ слѣдующими словами:

„Имѣемъ честь извѣстить васъ, что вы исключены изъ числа членовъ общества. Президентъ общества П. В.“.

— Что-жъ, — сказалъ онъ философски: — я желаю имъ всякаго успѣха, но предпочитаю идти свободно своею дорогою, чѣмъ добровольно вогнать себя въ чужую колею. Мы увидимъ послѣ, кто изъ насъ первый придетъ къ цѣли. Пятый параграфъ ихъ устава просто смѣшонъ, и пытаться сдѣлать артистическую карьеру, повинуясь ему — все равно, что попробовать плавать съ камнемъ на шеѣ.

Что̀ сталось съ Франсисомъ послѣ того, когда онъ покончилъ съ „потребителями воды“? Конечно, то, что̀ ему было написано на роду. Изъ него вышелъ посредственный художникъ, добрый малый, безъ всякихъ претензій, а съ годами и страсти въ немъ улеглись. Онъ понялъ, что его успѣхъ обусловленъ ложнымъ вкусомъ толпы, и пользовался этимъ, какъ воспользовался бы всякій, самый честный человѣкъ, ошибкой, которая въ концѣ концовъ, казалось ему, никому не вредитъ.

А. Э.

ДРУЖБА
ШИЛЛЕРА И ГЁТЕ
1794—1805 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Эйзенахъ съ Вартбургскимъ замкомъ, Веймаръ и Іена—соединены желѣзными дорогами и столь сближены, что въ одинъ день можно побывать во всѣхъ этихъ мѣстахъ. Интереснѣйшее изъ нихъ, безъ сомнѣнія, Веймаръ, нѣмецкія Аѳины, уютное гнѣздо нѣмецкаго поэтическаго „ренесанса", городокъ тихій, мало оживленный, сплотившійся вокругъ велико-герцогскаго замка. Замокъ примыкаетъ къ излучистой рѣчкѣ Ильму и къ безконечному на обоихъ берегахъ, по ту и другую сторону теченія, тѣнистому парку. Флора этого парка—самая непзысканная: преобладаютъ простые, скоро ростущіе, но рыхлые и недолговѣчные тополи. Въ этой гущѣ зелени утопаетъ крошечный садовый домикъ Гёте (Gartenhaus) по ту сторону Ильма, въ которомъ Гёте прожилъ съ 1776 г. по 1782 годъ, работая днемъ въ герцогской библіотекѣ, часто бывая у г-жи Штейнъ, жившей въ двухъ шагахъ отъ библіотеки. Послѣ итальянской поѣздки Гёте, августѣйшій другъ его Карлъ-Августъ подарилъ поэту и бывшему своему министру ту каменную, обширную, но неуклюжую громадину, гдѣ Гёте прожилъ 39 лѣтъ—до своей смерти. Сюда стекались со всѣхъ сторонъ земного шара поэты, ученые, государственные люди

и артисты на поклоненіе къ геніальному и всезнающему, не перестающему работать старику. Невзрачный снаружи, мѣщанскій по своему виду домъ открытъ для публики только съ 1885 г., когда, по смерти внука Гёте, Вальтера, по духовному его завѣщанію домъ этотъ вмѣстѣ со всѣми богатыми коллекціями дѣда его сдѣлался общественною собственностью, народнымъ Гётевскимъ музеемъ. Внутри домъ весьма помѣстителенъ и весь устроенъ по вкусу Гёте-классика, Гёте retour d'Italie, совсѣмъ уже опредѣлившагося и значительно съузившагося въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ былъ въ первой молодости, когда онъ начиналъ свою литературную дѣятельность (1773) восторженною статьею о страсбургскомъ соборѣ и въ подражаніе Шекспиру сочинялъ „Гёца". Въ 1811 году Сюльпицію Буасерэ, замышлявшему возстановленіе и довершеніе кёльнскаго собора, только послѣ большихъ усилій и при величайшей настойчивости удалось одолѣть равнодушіе охладѣвшаго къ готикѣ Гёте и заинтересовать его кёльнскимъ соборомъ по первоначальному его плану [1]). Буасерэ отмѣтилъ черту гораздо бо́льшаго сродства Гёте съ античнымъ римскимъ стилемъ, нежели съ греческимъ, точно какъ бы Гёте жилъ еще при императорѣ Адріанѣ. Все римское его привлекаетъ невольно; это великое умѣніе, этотъ порядокъ во всѣхъ вещахъ—вполнѣ ему по душѣ, но греческое подходитъ къ нему въ меньшей степени. Къ Шекспиру Гёте до конца жизни питалъ благоговѣніе. Извлекаемъ изъ разговоровъ съ Эккерманомъ слѣдующія слова Гёте [2]). „Могу ли я ставить себя на ряду съ Шекспиромъ! что̀ о немъ ни говорить, все будетъ недостаточно. Я кружился (herumgetupft) вокругъ него въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ", но вышло немногое. По одной только въ годъ его пьесѣ полезно проштудировать творческому уму, больше же ему не подъ силу. Я хорошо сдѣлалъ, отдѣлавшись отъ Шекспира „Гёцемъ" и „Эгмонтомъ". Хорошо поступилъ Байронъ, идя своею собственною дорогою. Сколько же отъ Шекспира погибло талантливыхъ нѣмцевъ,—отъ него и отъ Кальдерона! Шекспиръ не былъ театральный драматургъ, онъ никогда не думалъ о сценѣ; весь видимый шаръ земной былъ для него слишкомъ тѣсенъ. Прочтите „Тронла и Кресспду", и вы удивитесь, какъ своеобразно пользуется онъ Иліадой". Преклоняясь передъ Шекспиромъ, Гёте ему не подражалъ; онъ былъ величайшій мастеръ въ искусствѣ самоограниченія съ цѣлью тѣмъ большей производительности. Были у него, въ періодъ общенія его съ Шиллеромъ, свои бо-

[1]) Biedermann, Goetes Gespräche. Leipzig, 1889, III B. № 525, 638, 666.
[2]) Biedermann, V, № 1016.

жества, но во всякомъ случаѣ не романтическія. Показывая Ламоттъ Фуке кусокъ мраморной облицовки дельфійскаго храма, онъ произнесъ [1]): „вотъ что я нынѣ чту какъ мощи (dass sind nun so meine Reliquien)".

Этотъ классическій духъ и это намѣренное самоограниченіе сказываются во всей домашней обстановкѣ Гётева жилища, гдѣ бездна предметовъ, интересныхъ для ума и пріятныхъ для вкуса, но мало отвѣчающихъ требованіямъ современнаго комфорта. Чрезвычайно простая, но геометрически красивая лѣстница безъ перилъ, съ первой площадки ведетъ въ жилыя и рабочія комнатки, а съ второй—въ пріемные, болѣе парадные покои. Два рабочіе кабинета и крошечная спальня съ окнами на садъ поражаютъ своею скромностью и простотою. Они загромождены столами и шкафами съ книгами и коллекціями. „Въ этихъ двухъ комнатахъ и спальнѣ,—говорилъ въ 1827 г. Гёте Эккерману [2]),—я провелъ всю прошлую зиму... не заходя въ другія". „Всмотритесь кругомъ,—говорилъ онъ въ 1831 г. [3]),—въ моемъ кабинетѣ нѣтъ ни одной софы. Сижу на деревянномъ креслѣ, и только недавно устроилъ я себѣ родъ опоры для головы. Комфортабельная мебель служитъ помѣхою мышленію, приводитъ меня въ состояніе пріятнаго бездѣйствія. Красивыя комнаты и роскошная мебель годны для людей совсѣмъ немыслящихъ". Столь же проста въ верхнемъ этажѣ столовая съ дверьми въ садъ; зато убраны изящно покои пріемные верхняго этажа, и стѣны ихъ густо увѣшены драгоцѣнными произведеніями и остатками древняго и новѣйшаго искусства, привезенными изъ Италіи, купленными и подпесенными въ даръ отъ почитателей. Особенно остались въ моей памяти большой прекрасно написанный портретъ какого-то герцога урбинскаго, итальянской школы, и античная голова Медузы—даръ короля баварскаго Людвига I-го. Въ главной пріемной свѣтло-желтое фортепіано напоминаетъ игравшую на немъ часто для старика піанистку г-жу Шимановскую. Что касается до живописи, то численно преобладающій въ ней родъ—портреты друзей, знакомыхъ (въ томъ числѣ г-жи Шопенгауэръ), сотрудниковъ, семейства. Много разъ воспроизведены довольно вульгарныя черты маленькой, живой и бойкой мѣщаночки, которую насмѣшники прозвали Vulpia, и съ которою Гёте прожилъ 30 лѣтъ. „Языкомъ и нравами она была настоящая тюрингенка.—говорилъ о ней старикъ Гёте еще при ея жизни;—она усерднѣйше испол-

[1]) Biedermann, № 591.
[2]) B. VI, № 1070.
[3]) B. V, 1358.

няла главную свою задачу—ухаживать за отцомъ своихъ дѣтей и услаждать ему физическую жизнь. Во всемъ остальномъ она своенравна и никого не слушается. Зато я ее и люблю, что она ни въ чемъ не отступилась отъ своего существа, осталась тѣмъ, чѣмъ была“ [1]). Румяный, рыжеволосый, смѣющійся, не то буршъ, не то Джонъ Буль въ молодости и какимъ его рисуютъ въ карикатурахъ, изображаетъ собою сына Гёте, Августа. Внукъ отъ этого сына и Оттиліи фонъ-Погвицъ, Вальтеръ Гёте, не имѣетъ ни одной черты, которая бы напоминала отца его или дѣда: черноволосый, узколицый, съ вытянувшимся подбородкомъ, со скучающимъ и соннымъ выраженіемъ лица. Изъ портретовъ самого Гёте наибольшее число относится къ годамъ поздней старости и соотвѣтствуетъ юпитеровскому типу, съ которымъ въ нашемъ воображеніи соединено обыкновенно само представленіе о Гёте. Но извѣстно, что въ цвѣтущей молодости своей, напр. во время итальянскаго путешествія, Гёте изображалъ собою скорѣе Аполлона. Такимъ является онъ на портретѣ кисти Тишбейна въ Шеделевскомъ музеѣ во Франкфуртѣ (въ бѣломъ плащѣ, лежащій на камнѣ среди развалинъ римской Кампаньи); такимъ въ особенности является онъ въ бюстѣ, изваянномъ изъ мрамора въ 1788 г. художникомъ Триппелемъ. Бюстъ этотъ—совершенство; когда художникъ задумалъ другой бюстъ съ того же лица, вышла полнѣйшая неудача — оба изображенія совсѣмъ не схожи. Оба бюста хранятся въ великогерцогской библіотекѣ, съ которой я бы совѣтовалъ посѣтителямъ Веймара начинать изученіе остатковъ великой литературной эпохи.

Въ 1562 г. возлѣ большого стараго дворца выстроенъ былъ малый, во французскомъ стилѣ „возрожденія“ по образцу Шатиліонскаго замка; потомъ его обратили въ книгохранилище. Завѣдуя книгохранилищемъ, Гёте-министръ передѣлалъ его, пробилъ потолки, образовалъ рядъ залъ въ два свѣта. Здѣсь происходило представленіе „Ифигеніи въ Тавридѣ“, въ которомъ участвовали Гёте, какъ Орестъ, герцогъ Карлъ-Августъ, какъ Пиладъ. Въ особомъ шкафу хранятся: монашеская ряса Лютера, прострѣленный лосиный кафтанъ, снятый съ мертваго Густава-Адольфа, придворный мундиръ Гёте съ золотыми пуговицами. На стѣнахъ и въ нишахъ вся литературная великая эпоха увѣковѣчена въ мраморѣ и полотнѣ, въ изображеніяхъ ея дѣятелей; кромѣ Триппелевскихъ, имѣется дивный юпитеровскій бюстъ Гёте рѣзца Давида д'Анже. Наконецъ, библіотека обладаетъ безцѣн-

[1] 1808 г., B. VIII, № 1497.

нѣйшимъ предметомъ—тѣмъ изъ нѣсколькихъ Даннекеровскихъ бюстовъ Шиллера, который отмѣченъ художникомъ числомъ 1805 и былъ сдѣланъ за два мѣсяца до смерти поэта. Это произведеніе—верхъ красоты патологической; послѣдняя фиксирована яркимъ пламенемъ вспышки погасающаго свѣточа. Тѣло изможденнаго, почти-что покойника—одна кожа да кости, но на захудалой мраморной щекѣ угадываешь чахоточный румянецъ и во всѣхъ чертахъ просвѣчиваетъ еще гордая, неунывающая и порывистая душа великаго идеалиста. Чтобы достигнуть полной эстетической оцѣнки этого произведенія, надобно его сопоставить съ другимъ совсѣмъ уже не-эстетическимъ, но реальнѣйшимъ предметомъ—съ посмертною гипсовою маскою, снятою съ преставившагося Шиллера. Она хранится въ бывшемъ домѣ Шиллера на Luisen—нынѣ Schillerstrasse, близъ Гётева дома и близъ театра. Домъ этотъ, узенькій, тѣсноватый, но въ три этажа, былъ Шиллеромъ купленъ въ 1802 г. за 2.000 талеровъ; нынѣ онъ общественный и обращенъ въ Шиллеровскій музей. Весь домъ занималъ Шиллеръ самъ; внизу онъ работалъ; верхніе три маленькіе покоя были жилые; спальня Шиллера обрѣталась тутъ же, въ помѣщеніи въ родѣ мансарды. Подъ конецъ жизни Шиллеръ не терпѣлъ настоящаго недостатка, но былъ стѣсненъ въ средствахъ существованія; тысячу талеровъ жалованья получалъ онъ отъ герцога и имѣлъ обѣщаніе на такую же сумму, въ случаѣ, еслибы болѣзнь помѣшала работать, чѣмъ онъ, однако, никогда не воспользовался [1]). Остальныя средства заработывалъ онъ перомъ; а такъ какъ для сведенія концовъ съ концами онъ долженъ былъ ставить по двѣ пьесы въ годъ, то онъ и работалъ до истощенія силъ, въ особенности по ночамъ. Домашняя обстановка его жилья, чистенькая, приличная, имѣетъ всѣ черты того средне-мѣщанскаго типа жизни, который отличается тѣмъ, что ни малѣйшій обрѣзокъ не пропадаетъ и накопляются годами дешевенькія бездѣлицы и разные сувенирчики. Зато спальня поражаетъ наготою; простой человѣкъ не рѣшился бы нынѣ довольствоваться низенькою, узкою кроватью, на которой испустилъ духъ поэтъ, а на лицѣ его тогда отразилось застывшее выраженіе несказанной душевной горечи и глубокой скорби съ долею какого-то величаваго презрѣнія. Вспоминаются невольно сохранившіяся подробности о томъ, что̀ послѣдовало за этимъ моментомъ. Не было на-лицо близкихъ людей или родныхъ, которые бы занялись похоронами; жена Шиллера, Шарлотта, лежала тяжко больная и

[1]) В. VI, № 1074, разг. съ Эккери.

почти не сознавала, что̀ кругомъ ея происходило. Похороны справляло приходское начальство. По мѣстному обычаю похоронную службу отправляли за малое вознагражденіе ремесленные цехи по очереди, организованные въ церковныя братства. На очереди при похоронахъ Шиллера былъ цехъ портныхъ. Хоронили его по-полуночи, безъ музыки и пѣнія. Знакомые и почитатели поэта устранили, однако, портныхъ и на своихъ рукахъ донесли гробъ въ ночь съ 11-го на 12-е мая 1805 г. до Hof und Garnisonskirche св. Іакова на кладбищѣ. И церковь, и кладбище—внутри самаго города; нынѣ ни въ склепѣ церковномъ, ни на погостѣ, никого не хоронятъ, но еще въ 1816 г. на этомъ погостѣ похоронена жена Гёте. Гробъ былъ простой, безъ всякой бляхи и надписи. Его опустили на веревкахъ въ подземелье подъ церковью, гдѣ обрѣталось десятка два такихъ же гробовъ. Ихъ прибыло еще много, пока не послѣдовалъ приказъ Карла-Августа о перенесеніи останковъ поэта въ болѣе достойное мѣсто. Когда при исполненіи приказа открытъ былъ церковный склепъ, на днѣ котораго долженъ былъ находиться Шиллеровъ гробъ, то его уже нельзя было отличить въ громадѣ другихъ, въ нѣсколько этажей гробовъ, уже прогнившихъ отъ сырости и разсыпавшихся отъ малѣйшаго ихъ передвиженія. Розыскомъ руководилъ мѣстный бургомистръ Швабъ, который самъ нѣкогда былъ въ числѣ несшихъ гробъ и опускавшихъ его въ подземелье. Работали до поздней ночи и вытащили 23 черепа. Эти черепа перенесены были на квартиру къ бургомистру, изъ нихъ выбранъ одинъ, наиболѣе подходящій по формѣ и размѣрамъ къ маскѣ, снятой по смерти съ поэта. Отдѣленный отъ подобраннаго такимъ же образомъ любителями и сочлененнаго ими остова, этотъ черепъ помѣщенъ въ постаментѣ подъ Даннекеровымъ бюстомъ, пока его не соединили, по совѣту короля баварскаго Людвига I-го, съ соотвѣтствующимъ ему, по предположенію, остовомъ. Еще при жизни своей Карлъ-Августъ въ 1827 г. перенесъ останки Шиллера въ выстроенный имъ для себя и для Гёте великогерцогскій некрополь (Fürstengruft), и самъ между этими двумя гробницами, изъ которыхъ одна была пустая, въ слѣдующемъ, 1828 году, опочилъ.

II.

Гдѣ обрѣтался и что̀ дѣлалъ Гёте, когда хоронили его сердечнаго друга? Въ январѣ 1805 г. онъ перенесъ весьма опасную болѣзнь; въ маѣ онъ уже ходилъ, но былъ слабъ и берегъ

себя. Притомъ въ числѣ многочисленныхъ питаемыхъ имъ отвращеній (онъ не выносилъ собакъ, куренія табаку, запаха чеснока, ношенія очковъ) не послѣднее мѣсто занимало отвращеніе къ смерти, къ ея виду и запаху. Отъ матери своей, Frau Rath, иначе Frau Aya [1]), Гёте унаслѣдовалъ веселый нравъ, выше всего цѣнилъ здоровье, любилъ страстно жизнь и избѣгалъ всякихъ страданій, и физическихъ, и нравственныхъ [2]). „Я былъ какъ пеликанъ,—говорилъ онъ,—и вскормилъ Вертера кровью моего сердца, но я перечелъ его только одинъ разъ послѣ изданія и никогда читать его не буду. Читая, я чувствую, что я самъ не свой (es wird mir unheimlich dabei), и я боюсь, чтобы я не ощутилъ опять того патологическаго состоянія, которое породило Вертера [3])". Гёте не была чужда физическая отвага, что̀ онъ доказалъ въ кампанію 1792 г. въ арміи герцога брауншвейгскаго подъ Вальми, когда онъ добровольно скакалъ подъ пушечнымъ огнемъ французовъ только ради того, чтобы испытать das Kanonenfieber и придти къ заключенію, что это ощущеніе вовсе не желательно. Эта неохота встрѣчаться съ реальною смертью съ глазу на глазъ была слабою стороною въ его характерѣ [4]). Она была извѣстна семьѣ и домашнимъ людямъ—тѣмъ ходячимъ словарямъ (lebende Lexika), которыми Гёте пользовался въ своихъ трудахъ (Meyer, Riemer, Eckermann). Всякую смерть дорогого лица старались, елико возможно, дольше передъ нимъ скрывать. Этого рода извѣстія были имъ принимаемы спокойно, почти равнодушно, безъ всякихъ оказательствъ чувства. Такъ встрѣтилъ онъ смерть матери, смерть великаго герцога Карла-Августа, смерть сына своего Августа, умершаго въ Римѣ (1830 г.). Глаза его наполнились слезами; „non ignoravi me mortalem genuisse", сказалъ онъ и присовокупилъ, обращаясь ко вдовѣ сына, Оттиліи: „Августъ не вернется, будемте держаться другъ съ другомъ" — и только, и не болѣе. Въ слѣдующемъ году другъ сына, фонъ-Гольтэй, затѣялъ съ Гёте разговоръ о сынѣ; Гёте оборвалъ его и заговорилъ о другихъ предметахъ [5]). Гёте во многихъ отношеніяхъ оправдывалъ даваемое ему названіе „великаго язычника";

[1]) Heinemann, Goethes Mutter. 1892, S. 345.

[2]) Biedermann, № 1434.

[3]) B., № 919.

[4]) См. Biedemann, VIII, № 1414, о послѣднихъ минутахъ жизни Гёте:... „fürchterliche, grässliche Todesangst". Послѣднія слова его перетолкованы,—имъ дано переносное значеніе. Гёте сказалъ только: „открой же другую половину окошка, чтобъ больше было свѣта въ комнатѣ".

[5]) B., № 1374.

сердцемъ грекъ или римлянинъ—онъ чуждался многихъ чувствъ, привитыхъ намъ христіанствомъ. Смерть Шиллера прочувствовалъ онъ, однако, сильно и глубоко. Во время болѣзни Шиллера видѣли, какъ онъ плакалъ. Одинъ изъ его „живыхъ словарей", Мейеръ (швейцарецъ, котораго прозывали Kunstmeyer), ушелъ отъ Гёте, не простившись, когда получилъ извѣстіе о томъ, что Шиллеръ скончался. Гёте догадался на другой день о случившемся по слезамъ жены своей Христины. 11-го мая онъ отправился подѣлиться скорбью съ своимъ давнишнимъ другомъ, m-me Штейнъ [1]), но на предложеніе ея навѣстить покойника отвѣтилъ отрицаніемъ: „nein, die Zerstörung!.." Въ 1813 году онъ оправдывался передъ Фалькомъ [2]): „не хотѣлъ я видѣть въ гробахъ ни Гердера, ни Шиллера, ни герцогиню Амалію. Смерть—плохой портретистъ. Хочу хранить въ памяти живые образы друзей, а не ихъ маски. Хочу, чтобы и со мною такимъ образомъ поступили. Въ смерти Шиллера мнѣ особенно нравится, какъ онъ отъ насъ ушелъ; не оповѣщенный прибылъ онъ въ Веймаръ, незамѣтнымъ образомъ оставилъ онъ насъ. Не люблю я похоронныхъ парадовъ. Выставка покойниковъ—добрый древній обычай, общеполезный и назидательный; публика должна знать не только, что человѣкъ скончался, но и какимъ образомъ онъ скончался. Каждому изъ насъ важно только то, чтобы ни одна жизнь не была прекращена, пока не положитъ ему конецъ сама природа". Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы Гёте соблюлъ этотъ общечеловѣческій, не только христіанскій, но и античный обычай возданія чести праху умершаго Шиллера, то онъ бы избѣжалъ печальной необходимости подбирать, можетъ быть, и не принадлежавшія покойному кости и складывать ихъ въ остовъ. Низкій столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на которомъ совершался этотъ подборъ, показываютъ и теперь въ великогерцогской библіотекѣ.

III.

Подъ этимъ мраморнымъ равнодушіемъ не скрывался ли холодный эгоизмъ? Многіе обвиняли Гёте въ такомъ безпредѣльномъ эгоизмѣ, въ томъ числѣ и самъ Шиллеръ, пока онъ не сблизился съ Гёте. Кто изучилъ вполнѣ отношенія обоихъ поэтовъ, и при жизни ихъ, и по смерти Шиллера, тотъ долженъ признать, что

[1]) Düntzer, Goetes Leben. 1880, S. 335.
[2]) B., № 573.

Гёте до самой своей кончины оказывалъ памяти умершаго высокій почетъ и не отзывался о немъ иначе, какъ съ теплымъ чувствомъ почти благоговѣнія. Въ бреду предсмертной агоніи ему мерещились разбросанные какъ бы по полу листки его переписки съ Шиллеромъ, которые онъ приказывалъ подбирать [1]). Онъ воздвигъ притомъ своему другу болѣе прочный памятникъ, нежели тотъ, который имѣется въ великогерцогскомъ некрополѣ. На первыхъ же порахъ послѣ кончины друга, Гёте сочинилъ (1805 г.) эпилогъ къ Шиллеровскому „Колоколу", къ которому, при позднѣйшихъ поминальныхъ сценическихъ представленіяхъ (1810—1815 г.), придѣлывались все новыя и новыя строфы.

Прекрасно выдается слѣдующее мѣсто въ эпилогѣ:

Indessen schritt sein Geist gewaltig fort
In's ewige des Wahren, Guten, Schönen
Und hinter ihm im bodenlosen Scheine
Lag was uns alle bändigt—das Gemeine.

(Стремился духъ его неудержимо въ вѣковѣчность правды, добра и красоты — а позади его вдали лежала безпочвеннымъ призракомъ та пошлость, которая всѣхъ насъ сковываетъ.)

„Не могу, не могу я этого человѣка забыть".—сказалъ Гёте,—прерывая произносившую эпилогъ артистку Вольфъ [2]). Въ 1813 г. онъ выразился въ разговорѣ съ Буасере: „то былъ послѣдній дворянинъ въ нѣмецкой литературѣ, рыцарь sans peur et sans reproche" [3]). „Онъ былъ аристократичнѣе меня,—увѣрялъ Гёте Эккермана [4]):—удивительный человѣкъ, каждую недѣлю онъ былъ иной и болѣе совершенный; при всякомъ новомъ свиданіи казалось, онъ сдѣлалъ новые успѣхи въ учености, въ начитанности и въ сужденіяхъ". Въ 1828 г., уже сильно состарѣвшійся Гёте сталъ печатать свою переписку съ Шиллеромъ — изданіе капитальное, необходимый ключъ для уразумѣнія характеровъ обоихъ поэтовъ и ихъ творчества въ довольно продолжительный періодъ наибольшей ихъ зрѣлости и блеска. Изданію предшествуетъ письмо Гёте къ королю баварскому Людвигу, отъ 18-го октября 1829 г., съ препровожденіемъ экземпляра изданія. Письмо это объясняетъ слѣдующимъ образомъ отношенія переписывавшихся: „когда насъ оставляетъ важное вліятельное лицо, мы обыкновенно углубляемся въ самихъ себя и болѣзненно ощущаемъ то, что мы съ ихъ

[1]) В., № 1415.
[2]) 1805. В., № 234.
[3]) В., № 632.
[4]) 1824. В., № 920, S. 971.

потерею утратили. Въ моемъ личномъ положеніи этотъ разсчетъ имѣлъ большую важность, потому что съ тѣхъ поръ я ощутилъ, что нѣтъ сердечнаго и надежнѣйшаго соучастника; я лишился умственнаго стимула и всего того, что возбуждаетъ достохвальное соревнованіе. Все это ощутилъ я тогда самымъ чувствительнымъ образомъ" (Mir fehlte nun mehr eine innige vertraute Theilnahme, ich vermisste eine geistreiche Anregung und was nur einen löblichen Wetteifer befördern konnte. Diess empfand ich damals auf schmerzlichste). Эта богатая содержаніемъ и интересующая, какъ любопытнѣйшій психологическій романъ, переписка обнаруживаетъ весьма рѣдкое и, можетъ быть, единственное во всемірной исторіи литературъ событіе—двухъ первостепенныхъ мастеровъ въ писательствѣ, разныхъ возрастовъ, несходныхъ темпераментовъ, сошедшихся однако, подружившихся и столь тѣсно соединившихся, что, дополняя другъ друга и, такъ сказать, взаимно себя оплодотворяя, они стали работать не въ складчину, не надъ тѣмъ или другимъ произведеніемъ сообща, но каждый надъ своими личными созданіями, совѣтуясь только, одобряя себя взаимно и дѣйствуя въ одномъ и томъ же духѣ и направленіи. Исключеніе составляютъ только „Ксеніи", писанныя въ складчину, но это все-таки бездѣлица.

Образованію подобныхъ союзовъ между художниками того же мастерства мѣшаютъ многочисленныя препятствія: авторское самолюбіе, болѣзненно чувствительное у поэтовъ; различія во взглядахъ этическихъ и политическихъ; одиночество геніевъ, не обрѣтающихъ обыкновенно вокругъ себя товарищей подъ стать себѣ и даже такихъ, которые были бы способны давать имъ реплику, какимъ былъ, напримѣръ, Бенъ-Джонсонъ по отношенію къ Шекспиру. Большею частью геній бываетъ окруженъ спутниками, какъ большая планета лунами (Мицкевичъ), или онъ тащитъ за собою длинный хвостъ подражателей (В. Гюго). Случалось, что сближались моментально крупные поэтическіе таланты, одинаковые по величинѣ размѣровъ, но столь противоположныхъ темпераментовъ, что о взаимномъ ихъ вліяніи на творчество другъ друга не могло быть и рѣчи (Байронъ и Шелли); красоту любили они одинаково, но мало другъ друга понимали. Случалось и то, что пылкіе люди-поэты влюблялись другъ въ друга какъ артисты; вспышка была яркая, но на одно мгновеніе, а потомъ пылкій нравъ, неугомонность характеровъ брали верхъ, въ особенности если къ размолвкѣ располагали ихъ еще и противоположныя общественныя теченія; друзья расходились въ разныя стороны по скрестившимся моментально путямъ (Красинскій и Словацкій).

Союзъ Гёте и Шиллера отличался тѣмъ именно, что два великана поэзіи сошлись какъ вполнѣ равные по степени дарованія и по достоинству; они вступили въ прочную и неразрывную дружбу на всю жизнь; этимъ своимъ артистическимъ общеніемъ они закрѣпили прочное свое господство надъ умами современниковъ и потомства. Почти сто лѣтъ прошло съ момента, когда союзъ образовался; господство друзей поколеблено, но оно еще не упало и попынѣ, по неимѣнію подходящихъ замѣстителей. Они—представители и продолжатели общечеловѣческаго гуманизма безъ вѣроисповѣданій, классическаго искусства, отливающаго современныя чувства и мысли въ красивыя формы, завѣщанныя древностью, располагающаго высокимъ стилемъ, образованнымъ на античныхъ образцахъ. Никто до сихъ поръ не достигъ вершины германскаго поэтическаго Олимпа, занятаго этими двумя людьми, которыхъ величаютъ не безъ нѣкотораго основанія Кастеромъ и Поллуксомъ—братьями Діоскурами. Идею ихъ духовнаго братства выразилъ мѣдный памятникъ, поставленный въ память ихъ въ 1857 г., работы скульптора Ритчеля, передъ знаменитымъ во всей Германіи веймарскимъ театромъ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ этотъ театръ построенъ по смерти Шиллера на мѣстѣ прежняго, сгорѣвшаго 22-го марта 1825 г., послѣ чего Гёте позаботился о новомъ сооруженіи, которое больше и красивѣе прежняго. Два мѣдные великана поставлены на весьма невысокомъ пьедесталѣ, точно они взошли случайно на это мѣсто, точно они отличаются отъ прохожихъ по площади только по своему исполинскому росту. Группа въ движеніи. Усмѣхающійся Гёте, въ штатскомъ мундирѣ, высокомъ галстухѣ и съ кружевнымъ жабо, подаетъ правою рукою лавровый вѣнокъ Шиллеру, а лѣвую положилъ покровительственно ему на плечо. И Ритчель, и Бегасъ—въ статуѣ Шиллера въ Берлинѣ передъ театромъ на Gendarmenmarkt—надѣли на Шиллера домашній длинополый развѣвающійся сюртукъ. Шиллеръ является моложавымъ студентомъ; его шея открыта, волоса длинные; онъ держитъ въ одной рукѣ свертокъ бумаги, онъ жестикулируетъ, точно ораторъ или восторгающійся поэтъ. Концами пальцевъ правой руки онъ уже коснулся вѣнка, такъ и ждешь, что онъ его приметъ, хотя въ первый моментъ онъ какъ будто бы еще колеблется. Справедливо замѣтилъ Германъ Гриммъ въ своихъ берлинскихъ публичныхъ чтеніяхъ о Гёте (1877 г.), что нарядъ Шиллеру данъ Ритчелемъ неподходящій и группировка поэтовъ неудачная. Въ 1804 г., г-жа Сталь передавала слѣдующимъ образомъ свое посѣщеніе герцогини Амаліи-матери: „я дожидалась герцогини, вдругъ вижу—въ той же комнатѣ стоитъ

мужчина, высокій, худой, блѣдный, въ мундирѣ съ эполетами. Чувствую уваженіе къ генералу, который держитъ себя неподвижно и молчитъ. Вдругъ является герцогиня и представляетъ мнѣ г. Шиллера. Я просто остолбенѣла.—Что же вы бы сдѣлали,—сказалъ мнѣ Гёте,—еслибы вы увидали меня въ такомъ же нарядѣ?—Я не ошиблась бы, притомъ нарядъ отлично бы шелъ къ вамъ по причинѣ вашей... полноты“ [1]). Сорокалѣтній свѣтскій человѣкъ, Шиллеръ, не походилъ уже нисколько на того бурша, какимъ онъ былъ смолоду. Допустимъ, что воображеніе художника-скульптора въ правѣ свободно воспроизвести черты великаго человѣка не реальныя, то-есть не соотвѣтствующія тому или другому историческому моменту, но легендарныя, до извѣстной степени условныя, какимъ его публика себѣ представляетъ. Я готовъ согласиться, что трудно представить себѣ Гёте не въ видѣ пожилого мудреца—и Шиллера не въ видѣ пылкаго юноши-энтузіаста. Я готовъ признать, что въ группѣ скульпторъ въ правѣ сопоставить два историческія лица, въ такой характеристикѣ, въ какой они никогда другъ съ другомъ не встрѣчались, но которая остается за ними окончательно въ исторіи или наиболѣе соотвѣтствуетъ легендарному сказанію. Все-таки, однако, ихъ постановка въ группѣ должна символизировать ихъ реальныя другъ къ другу отношенія, ихъ взаимныя другъ о другѣ понятія, ихъ взаимныя чувства. Съ этой точки зрѣнія, постановка поэтовъ въ группѣ Ритчеля совсѣмъ несвойственна ихъ роду знакомства и способу сближенія. Пока они не сошлись, отношенія ихъ были церемоніальныя и скорѣе непріязненныя, нежели дружескія. Когда они сблизились, то до самаго конца ихъ общенія не было ни одного момента, соотвѣтствующаго милостивому и покровительственному снисхожденію съ одной стороны, или умственному и сердечному самоподчиненію—съ другой стороны. Не только существовало полное равенство взаимныхъ услугъ, но и въ образованіи ихъ союза болѣе дѣятельную роль игралъ скорѣе Шиллеръ, нежели Гёте. Первый шагъ къ сближенію сдѣлалъ Шиллеръ, онъ рѣшилъ расшевелить Гёте; онъ достигъ своей цѣли и имъ дѣйствительно завладѣлъ. Несмотря на свое безденежье, на свою болѣзненность и зародыши чахотки въ легкихъ, Шиллеръ сталъ главнымъ литературнымъ дѣятелемъ въ Германіи ко времени возвращенія Гёте изъ итальянскаго путешествія. Онъ былъ писателемъ отзывчивымъ на всѣ потребности времени и на всѣ вѣянія духа своего вѣка. Онъ обладалъ способностями первостепеннаго публициста, увлекаю-

[1]) Biedermann, № 209.

щаго всѣхъ своею искренностью и сердечностью. Его сочувствіе всякому добру было столь обаятельно, что какъ скоро онъ захотѣлъ кого-нибудь увлечь, то увлекалъ и заставлялъ служить не себѣ, но общественному дѣлу и идеѣ. Въ моментъ сближенія съ Шиллеромъ, Гёте уже находился внѣ главнаго общественнаго теченія; масса публики становилась къ нему болѣе и болѣе равнодушна и переставала его понимать. Въ наукѣ онъ былъ естествоиспытатель, въ искусствѣ—классикъ-любитель античнаго, ко всему остальному довольно равнодушный. Будь у Шиллера крупинка мелкой зависти или авторскаго самолюбія, онъ бы сталъ кидать камни въ идола, какъ кидалъ ихъ Коцебу, какъ кидалъ ихъ Бёрне и вообще позднѣйшая молодая Германія. Увлекши за собою Гёте, Шиллеръ воспламенилъ опять погасающій въ Гёте огонь поэтическаго творчества. Гёте опять сталъ популяренъ, а Шиллеръ извлекъ изъ общенія съ нимъ ту непосредственную пользу, что почерпалъ вдохновеніе и поэтическіе замыслы и сюжеты въ умственной организаціи своего друга, необычайно глубокой, неисчерпаемой и разносторонней. По смерти Шиллера Гёте сосредоточился въ себѣ самомъ, сталъ болѣе ученымъ и критикомъ, нежели художникомъ; въ самомъ художествѣ онъ больше рефлектировалъ, символизировалъ, сочинялъ аллегоріи, создавалъ венци замысловатыя, загадочныя, „Wanderjahren В. Мейстера“, вторую часть „Фауста“. Его чествовали дымомъ кадильнымъ, ему кланялись какъ божеству, но мало ему сочувствовали, и почетъ былъ только внѣшній, церемоніальный. Въ бисмарковскій періодъ исторіи Германіи оба діоскура дождались того, что ихъ стали ругать за то, что они были всечеловѣки, а не настоящіе патріоты германскіе [1]). Самый образъ первой завязки отношенія между поэтами повліялъ несомнѣнно на роль каждаго изъ союзниковъ въ этомъ союзѣ. Потому, прежде чѣмъ приступать къ разбору содержанія ихъ переписки и затронутыхъ въ ней вопросовъ искусства, необходимо остановиться на обстоятельствахъ, непосредственно предшествовавшихъ тѣснѣйшему ихъ знакомству и сближенію.

IV.

Первая ихъ встрѣча была въ Штутгардтѣ и отмѣчена числомъ 14-го декабря 1779 года. Молодой саксенъ-веймарскій герцогъ, Карлъ-Августъ, объѣзжалъ тогда Германію; ему сопут-

[1]) Starke, Deutsche Geschichte, 1880, II, 554.

ствовалъ въ качествѣ больше пріятеля, нежели наставника, тайный совѣтникъ Johann Wolfgang von Goethe, весьма извѣстный авторъ „Гёца“, „Вертера“, „Клавиго“ и многихъ другихъ произведеній. Они приняли участіе въ засѣданіи основанной герцогомъ вюртембергскимъ медицинской академіи и въ раздачѣ наградъ воспитанникамъ. Учредитель имѣлъ по правую сторону Карла-Августа, по лѣвую—Гёте. При вызовѣ получателей наградъ оказалось, что изъ 124 присужденныхъ медалей три подлежали выдачѣ двадцатилѣтнему воспитаннику Фридриху Шиллеру, который былъ моложе Гёте ровно на десять лѣтъ (1749—1759). Худой, несложившійся юноша имѣлъ узкую выпуклую грудь, рыжіе волосы, лицо почти прозрачно-нѣжное, но все въ веснушкахъ; красивы были въ этой физіономіи широкій лобъ, тонкій орлиный носъ и смѣлые огненные взоры. Шиллеръ обожалъ Гёте какъ писателя, сознавалъ въ себѣ влеченіе къ театру, къ драматическому искусству, онъ уже сочинялъ тайкомъ, въ большомъ секретѣ, своихъ „Разбойниковъ“, которыхъ первое представленіе въ Маннгеймѣ, 13-го января 1782 г., вызвало гнѣвъ князя и заставило военнаго фельдшера Шиллера бѣжать дезертиромъ за границу. Съ момента бѣгства (осень 1782 г.—по апрѣль 1785 г.) слѣдовали три года скитаній, житья въ кредитъ или на чужой счетъ, безъ гроша за душою. Въ портфелѣ скитальца лежали много разъ переписываемые и исправляемые „Fiesco“, „Cabale und Liebe“, „Don Carlos“, которые ничего не приносили ему, потому что кто хотѣлъ—перепечатывалъ ихъ безъ зазрѣнія совѣсти, да и на сценѣ не имѣли они того колоссальнаго успѣха, который достался на долю „Разбойниковъ“. Нищенствуя и голодая, скитаясь и ухаживая за женщинами, пытаясь быть и литературнымъ критикомъ, и журналистомъ, Шиллеръ стремился неуклонно къ одной простой и великой цѣли: стать сценическимъ писателемъ-трагикомъ, играть на сердцахъ человѣческихъ, какъ на струнахъ, достигнуть того, чтобы отъ словъ его люди дрожали и плакали. Ничто не могло поколебать увѣренности его въ громадной внутренней своей силѣ, которая совладаетъ съ задачею и одолѣетъ препятствія. Въ борьбѣ за существованіе, въ сношеніяхъ съ труппами актеровъ, съ директорами театровъ и журналистами, въ соприкосновеніяхъ съ высшимъ обществомъ и придворными мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, Шиллеръ научался искусству жить съ людьми, пріобрѣлъ ловкость манеръ, практичность и удивительную способность нападать на слабыя стороны всякаго характера, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. Онъ былъ своего рода маркизъ Поза, обращающійся не къ Филиппу II, но къ сердцамъ

несравненно болѣе мягкимъ, чѣмъ даже наши современныя,—къ сердцамъ людей XVIII-го вѣка. Сердечностью Шиллера, чувствительностью людей, на которыхъ онъ дѣйствовалъ, объясняются многіе изъ тѣхъ неожиданныхъ сюрпризовъ, которые доставались на его долю. О немъ заботились неизвѣстныя ему женщины: въ тяжелыя минуты являлась неожиданная помощь отъ незнакомыхъ. Когда въ 1791 г. Шиллеръ, уже женатый, профессорствовалъ въ Іенѣ и весьма тяжко захворалъ отъ воспаленія легкихъ, онъ получилъ вдругъ даръ въ 3.000 талеровъ отъ герцога Августенбургскаго изъ Даніи. Къ числу такихъ сюрпризовъ принадлежало и полученіе шолковаго расшитаго мѣшечка съ четырьмя силуэтами, отъ поклонниковъ поэта, Готфрида Кёрнера, его невѣсты и родственницъ ихъ. Это приношеніе послужило началомъ идеальнѣйшей дружбы, нашедшей выраженіе въ извѣстной пѣснѣ: „An die Freunde“. Пребываніе Шиллера въ Дрезденѣ у этого консисторскаго чиновника-философа Кёрнера было въ жизни Шиллера счастливымъ поворотомъ къ лучшему. Послѣ такого отдыха Шиллеръ вернулся на прежнія мѣста, въ тюрингенскій край, въ окрестности Мейнингена, Веймара, Рудольфштадта. Веймаръ былъ тихъ и пустъ; Гёте, послѣ десятилѣтняго закрѣпощенія себя администраціи и нравственнымъ заботамъ (1775—1785) бѣжалъ въ Италію; герцогъ Карлъ-Августъ поступилъ въ Пруссію на военную службу; оставались въ маленькой столицѣ только дамы и нѣсколько литературныхъ знаменитостей, устроившихся при этомъ дворѣ—Виландъ, Гердеръ. Шиллеру улыбалась мысль профессорствованія въ Іенѣ, въ университетѣ, который содержали въ складчину четыре крошечныя государства (Gotha, Coburg, Meiningen, Weimar). Къ Рудольфштадту его привлекало знакомство съ вдовою фонъ-Ленгенфельдъ и ея двумя дочерьми, которыя обѣ были въ Шиллера влюблены, и изъ которыхъ на одной — Шарлоттѣ, онъ, уже профессорствуя въ Іенѣ, женился 22-го января 1790 г., а другая—Каролина (von Beulwitz) написала цѣнное для потомства его жизнеописаніе. Таково было положеніе Шиллера, когда состоялось 18-го іюня 1788 г. давно ожидаемое возвращеніе Гёте въ Веймаръ. Подробности ихъ новой встрѣчи передаетъ слѣдующимъ образомъ Шиллеръ въ своихъ письмахъ.

V.

Встрѣчи этой выжидалъ Шиллеръ съ нетерпѣніемъ и нѣкоторымъ безпокойствомъ. Онъ вполнѣ сознавалъ громадное значеніе Гёте въ литературѣ, но сознавалъ также и свою собственную

силу, а слѣдовательно и то, что сближеніе могло быть только при условіи равенства, и первый шагъ долженъ быть сдѣланъ не имъ, а Гёте. Не могъ Гёте не знать, что происходило въ германской литературѣ и журналистикѣ за послѣдніе годы; слѣдовательно, онъ не могъ обойти Шиллера, не обнаруживая того, что онъ намѣренно его избѣгаетъ. 12-го августа 1787 г., за годъ до пріѣзда Гёте, посѣщая его домикъ и садъ, которые занималъ общій знакомый ихъ, Кнебель, Шиллеръ отмѣтилъ [1]): „Духъ Гёте отпечатлѣлся на всѣхъ людяхъ его кружка. И его самого, и всю здѣшнюю секту отличаютъ презрѣніе ко всякому умозрѣнію и философскому изслѣдованію, до излишества доведенная привязанность къ природѣ и предоставленіе себя только своимъ пяти чувствамъ,—однимъ словомъ, нѣкоторая дѣтская простота разума". Несмотря на эти предубѣжденія, Шиллеръ слѣдитъ за каждымъ шагомъ Гёте съ момента его пріѣзда въ половинѣ іюня 1788 г. „Гёте теперь у васъ (пишетъ онъ 7-го іюля 1788 г. къ Риделю) [2]). Я горю нетерпѣніемъ повидать его; немногіе смертные меня въ такой степени интересовали. Пишите много о немъ, скажите ему обо мнѣ все лучшее. Его „Ифигенія" доставила мнѣ хорошій день, хотя я купилъ это удовольствіе цѣпою сокрушающаго сознанія, что я не въ силахъ произвести что бы то ни было подобное".

Шиллеръ разсчитывалъ, что свиданіе состоится у г-жи Штейнъ, но онъ ошибался насчетъ возможности ея посредничества. Гёте уѣзжалъ въ Италію, между прочимъ съ тѣмъ, чтобы освободиться отъ связи съ великосвѣтскою дамою, и хотя онъ переписывался съ нею, но эти письма становились болѣе и болѣе холодными. Съ перваго визита ей Гёте она уже знала, что онъ совсѣмъ перемѣнился. Черезъ три недѣли по его возвращеніи, въ домѣ Гёте уже хозяйничала молодая, рѣзвая, но совсѣмъ простая хозяйка, Христіана Вульпіусъ, на которой Гёте женился 20 лѣтъ потомъ, уже по смерти Шиллера.

Ожидаемое свиданіе состоялось 13-го сентября 1788 г. въ Рудольфштадтѣ, у будущей тещи Шиллера, г-жи Ленгенфельдъ, въ присутствіи г-жъ Штейнъ и Гердеръ. Со словъ Гердера Шиллеръ составилъ себѣ представленіе о Гёте, какъ объ универсальномъ человѣкѣ, въ родѣ Юлія Цезаря, но съ перваго же взгляда долженъ былъ сильно понизить это представленіе. Онъ увидѣлъ человѣка „средняго роста, у котораго въ манерѣ держать себя и въ

[1]) Schillers Briefe, ausg. von Fritz Jonas. 1892, I, 381.
[2]) II, 1885 г.

походкѣ есть нѣчто чопорное (steif); лицо его непроницаемо, но глаза живые и исполненные выраженія. Голосъ его весьма пріятный, рѣчь плавная, остроумная и оживленная. Въ сущности мое почитаніе не уменьшилось отъ личнаго знакомства, но я сомнѣваюсь, сойдемся ли мы съ нимъ когда-нибудь поближе. Многое, что̀ меня интересуетъ, чего я желаю и на что надѣюсь, уже имъ пережито. Онъ настолько опередилъ меня опытомъ жизни и саморазвитіемъ, что мы не можемъ идти рука объ руку. Притомъ наши существа совсѣмъ различно обоснованы (angelegt). Что̀ будетъ дальше—покажетъ время" [1]). Эти слова несомнѣнно свидѣтельствуютъ о разочарованіи. „Кёрнеръ въ своемъ отвѣтѣ выражаетъ, что онъ доволенъ встрѣчею, и присовокупляетъ: я не жду дружбы, но того, чтобы вы чаще сталкивались и другъ другомъ интересовались". Столкновеніе могло очень скоро послѣдовать, потому что Шиллеръ сдѣлалъ наступательное движеніе и помѣстилъ въ одномъ журналѣ рецензію „Эгмонта", по поводу изданія въ свѣтъ IX-го тома полнаго собранія сочиненій Гёте.

VI.

Рецензія Шиллера написана объективно, безпристрастно; прибавить къ ней или измѣнить приходится немногое. Рецензентъ изумляется мастерству, съ которымъ начерганъ общественный фонъ исторической картины Нидерландовъ,—предметъ крайне сложный и осуществимый только посредствомъ тончайшихъ штриховъ, а не крупными мазками кисти. Мы имѣемъ передъ собою не одну націю, а смѣсь разнообразнѣйшихъ провинціонализмовъ,—всякая частица обособлена, всѣ онѣ движутся. Облагорожены и очеловѣчены даже злыя и темныя личности, напримѣръ герцогиня Пармская или Альба, но и онѣ не вселяютъ къ себѣ отвращенія. Великолѣпна и превосходна обстановка, но не таковъ самъ герой. Тутъ и начинается анатомированіе трагедіи вообще, а потомъ самого Эгмонта. Сюжетомъ трагедіи могутъ быть: или необычайныя дѣйствія и положенія, или страсти, или характеры. Древніе трагики ограничивались обыкновенно трагедіями положеній и страстей, не вдаваясь въ подробную характеристику дѣйствующихъ лицъ. Впервые Шекспиръ создалъ трагедію характеровъ, поставилъ на сценѣ цѣльныхъ людей въ полномъ теченіи ихъ жизни. Гёте послѣдовалъ за Шекспиромъ и предста-

[1]) Письмо къ Кёрнеру, 12-го сентября 1788, II, 116.

вилъ въ Эгмонтѣ развитіе одного только характера. Въ положеніи Эгмонта находились въ Нидерландахъ всѣ крупные люди того времени подъ испанскимъ игомъ: они страдали и гибли. Гибнетъ и Эгмонтъ безъ всякихъ особенныхъ драматическихъ осложненій, которыхъ онъ сдѣлался бы жертвою. Далеко не великій, но — весьма симпатичный человѣкъ, храбрый, щедрый, гордый, чувственный, но рыцарскій, привлекающій насъ даже своими слабостями, безумною увѣренностью въ своей правотѣ. Ослѣпленіе, съ которымъ онъ подходитъ къ роковой, всѣмъ другимъ видимой, катастрофѣ, имѣетъ въ себѣ черты трагизма, возбуждающія боязнь за героя и состраданіе къ нему (условія трагизма по теоріи Аристотеля и Лессинга). Авторъ не придумалъ положенія, возбуждающаго интересъ, не одушевилъ Эгмонта сильною страстью; онъ избралъ милаго по характеру человѣка, полагая, что бѣдность содержанія онъ окупитъ богатствомъ своей геніальности. Онъ достигъ своей цѣли, но, спрашивается, какою цѣною? Прежде всего цѣною правды исторической. Отъ этой правды трагикъ воленъ отступать, но только тогда, когда необходимо усилить интересъ въ зрителяхъ къ своему предмету,—но ни въ какомъ случаѣ для того, чтобы его ослабить. Что же вышло однако? Историческій Эгмонтъ имѣлъ жену, девятеро дѣтей, онъ былъ въ долгахъ вслѣдствіе своей щедрости. Еслибы онъ покинулъ Нидерланды съ семьею, онъ бы превратился въ аристократа-нищаго. Оставаясь на мѣстѣ, онъ подвергалъ себя опасности изъ-за любви къ семьѣ, изъ-за заботъ о ея благосостояніи. Какимъ же сталъ онъ въ трагедіи?— Обыкновеннымъ жуиромъ, заурядным любовникомъ, дѣлающимся, не думая о томъ, виновникомъ несчастія двухъ людей: Кларочки и Бракенбурга, которые, можетъ быть, и сочетались бы, еслибы не онъ, а онъ, амурничая, только развлекался. О великихъ дѣлахъ Эгмонта идетъ въ пьесѣ только одно преданіе; на сценѣ видимъ только одни его слабости и легкомысліе. Когда, доведенный до гибели своею легкомысленностью, Эгмонтъ засыпаетъ въ тюрьмѣ передъ казнью, авторъ переноситъ вдругъ его и насъ въ оперный міръ; стѣны тюрьмы раздвигаются, въ облакахъ паритъ свобода, олицетворенная въ образѣ Кларочки. Авторъ зналъ, что онъ дѣлалъ, но не могъ устоять противъ искушенія отождествить аллегорически въ душѣ Эгмонта два преобладающія чувства: любовь къ женщинѣ и любовь къ свободѣ. Рецензентъ выразилъ въ концѣ сожалѣніе, что этому остроумному сближенію принесено въ жертву серьезное трагическое ощущеніе, совсѣмъ пропавшее послѣ этой сцены.

Шиллеръ ошибся, полагая, что можно произвести въ трагическіе

герои добраго семьянина, который погибаетъ потому, что не рѣшился во-время убраться за границу. Во всемъ остальномъ его приговоръ былъ справедливъ и произнесенъ съ полною независимостью. Его суть заключалась въ томъ, что драма мастерски написана, но слабо построена. Рецензентъ Шиллеръ питалъ по отношенію къ Гёте чувства, выраженныя молодымъ Альбою къ Эгмонту и повторенныя цѣликомъ въ рецензіи: „Имя твое сіяло въ первой моей молодости словно звѣзда на небѣ. Сколько разъ я прислушивался и спрашивалъ о тебѣ. Ты шелъ впередъ передо мною; я видѣлъ тебя передъ собою безъ зависти и слѣдовалъ за тобою: въ даль и въ даль"... Шиллеръ былъ столь наивенъ, что повѣрилъ, когда ему кто-то сказалъ, что Гёте отнесся къ рецензіи одобрительно; онъ написалъ о томъ къ Кёрнеру, значитъ вѣрилъ слуху, а можетъ быть и полагалъ, подобно Кёрнеру, что столкновеніе поведетъ къ заинтересованію критикуемаго критикомъ.

Шиллеръ грубо ошибался. Гёте, прочтя рецензію, не отвѣтилъ на нее и даже не соизволилъ заинтересоваться рецензентомъ. Единственный слѣдъ того, что рецензія была принята къ свѣденію, заключается въ письмѣ къ герцогу Карлу-Августу въ началѣ октября 1788 г.: тамъ говорится о рецензіи, но не упоминается фамилія рецензента, и сказано: „она разбираетъ довольно хорошо нравственную сторону пьесы; что же касается поэтической стороны, то рецензентъ оставилъ еще сказать весьма многое другимъ".

Смыслъ этой лаконической замѣтки былъ какъ бы слѣдующій: „невдалекѣ отъ меня проживаетъ въ Веймарѣ нѣкій публицистъ, который осудилъ моего „Эгмонта", можетъ быть даже и справедливо съ точки зрѣнія господствующихъ нынѣ въ политикѣ теченій, но что касается поэтической стороны этого произведенія, то онъ разсуждаетъ какъ слѣпой о цвѣтахъ"... Такое презрительное олимпійское равнодушіе ко всякимъ критикамъ, не вдаваясь даже въ разборъ, отъ кого онѣ происходятъ,—объясняется прежде всего данными, занесенными въ отрывочныя автобіографическія отмѣтки самого Гёте. Въ Италіи онъ не слѣдилъ за нѣмецкою литературою; когда вернулся, то нашелъ страшный сумбуръ въ головахъ, котораго самыя яркія выраженія были „Ардингелло", Гейзе, и „Разбойники", Шиллера. „Послѣдній былъ мнѣ ненавистенъ,—писалъ Гёте,—потому что его сильный, но незрѣлый талантъ изливалъ на всю Германію потоки этическихъ и театральныхъ парадоксовъ, отъ которыхъ я пытался отрѣшиться. Я ужаснулся, когда увидѣлъ, что эти уродливыя произведенія нравятся не

только „дикимъ“ студентамъ, но и образованнымъ придворнымъ дамамъ, что ими заражены даже мои ближайшіе знакомые Мейеръ, Морицъ, Тишбейнъ и Бюри; я готовъ былъ отказаться и отъ моихъ занятій пластическимъ искусствомъ и отъ стихотворства, потому-что какая же представлялась возможность взять верхъ надъ этими произведеніями геніальнаго содержанія, но дикой формы. Представьте себѣ мое положеніе. Я питалъ и распространялъ чистѣйшія представленія и вдругъ очутился точно въ клещахъ между Ардингелло и Францомъ Мооромъ. Я избѣгалъ Шиллера, который проживалъ въ моемъ сосѣдствѣ, и отклонилъ всѣ попытки лицъ ему и мнѣ благорасположенныхъ къ тому, чтобы насъ сблизить“. Эта отмѣтка свидѣтельствуетъ, что Гёте былъ неосновательно и весьма сильно предубѣжденъ противъ Шиллера. Онъ относился недружелюбно уже не къ автору „Разбойниковъ“, но къ автору „Донъ-Карлоса“, не къ революціонеру, затѣявшему поставить все вверхъ дномъ, но къ человѣку, пытающемуся обратить на путь прогресса просвѣщаемаго имъ автократа. Самъ Гёте былъ до нѣкоторой степени миніатюрный маркизъ Поза въ крошечномъ государствѣ. Если онъ приписалъ тутъ же въ отмѣткѣ слова: „появленіе Донъ-Карлоса не было надлежащимъ средствомъ къ нашему сближенію“, то это показываетъ только, что Гёте пересталъ быть энтузіастомъ, что онъ окончательно вышелъ изъ періода юношескихъ восторговъ и затыкалъ себѣ отъ нихъ уши, точно отъ фальши въ звукахъ и диссонансовъ въ музыкѣ. Сверхъ этого резона существовалъ, можетъ быть, еще одинъ болѣе глубокій поводъ къ отсутствію всякаго расположенія въ Гёте къ сближенію съ Шиллеромъ. Менѣе чѣмъ кто-нибудь, Гёте располагалъ своимъ творчествомъ; онъ созидалъ что-либо только когда испытывалъ наитіе вдохновенія и сознавалъ вполнѣ эту непроизвольность человѣческаго характера въ самомъ для него существенномъ. Главнымъ образомъ лирикъ и эпикъ, но не драматургъ, онъ въ молодости и вплоть до „Германа и Доротеи“ драматизировалъ только то, что было имъ реально пережито. Въ этомъ отношеніи онъ походилъ на Байрона, потому что не пересталъ изображать самого себя въ образахъ Гёца или Эгмонта, Фауста или Вильгельма Мейстера. Всегда его герой одинъ и тотъ же, много знающій, высоко даровитый, но колеблющійся, поддающійся ежеминутно натиску извнѣ; въ этой страдательной податливости и лежитъ весь трагизмъ его положенія среди постигающихъ его катастрофъ. Ницше (Unzeitgemässige Betrachtungen 11: Schopenhauer als Erzieher) изобразилъ весьма удачно этотъ типъ человѣка у Гёте, который въ ранней юности

былъ бунтующимъ отрицателемъ, какъ человѣкъ у Руссо, но затѣмъ измѣнился, сталъ ненавистникомъ всякаго насилія, всякихъ скачковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго практическаго дѣла, и изъ мироосвободителя Фауста превратился во всесвѣтнаго туриста (Weltreisender). Созерцатель перелетаетъ сквозь всѣ царства жизни и природы, чрезъ все прошлое, всѣ художества и миѳологіи, чрезъ всѣ науки, пока любознательность его не насытится, то есть пока не настанетъ минута, которую поджидаетъ злой его спутникъ Мефистофель, чтобы заполучить его душу. Когда нѣмецъ перестаетъ быть Фаустомъ, онъ превращается мгновенно въ филистера, попадаетъ въ когти чорту, если его отъ того не предохранятъ небесныя силы. Гётевскій человѣкъ—это высокаго стиля созерцатель, который только тѣмъ и держится, что питается всѣмъ, что только было и есть великаго и достопримѣчательнаго, отъ вожделѣнія переходя къ новому вожделѣнію, но не дѣйствуя. Этотъ человѣкъ есть консервативная и выносливая сила, но онъ легко вырождается въ филистера, какъ вырождается человѣкъ у Руссо въ послѣдователя Катилины. Побольше мышечной силы и дикости—и всѣ его хорошія качества выиграли бы отъ того несказанно. „Вы раскисли и прогоркли,—говоритъ гдѣ-то Ярно Вильгельму Мейстеру:—когда вы взаправду озлитесь, то будетъ еще того лучше“... Гёте сознавалъ, изъ какого глубокаго и затаеннаго, никому недоступнаго источника истекаетъ его творчество; онъ могъ, не входя въ препирательства, игнорировать своихъ рецензентовъ; они совсѣмъ не останавливали на себѣ его любознательности. Хотя къ сужденіямъ Шиллера о его творчествѣ онъ былъ вполнѣ равнодушенъ, однако онъ рѣшился оказать ему свое покровительство, можетъ быть не безъ задней мысли помочь ему выбраться изъ Веймара. По представленію Гёте, въ половинѣ декабря 1788 года, Шиллеръ опредѣленъ былъ профессоромъ исторіи іенскаго университета. Когда Шиллеръ явился благодарить Гёте за его участіе, Гёте отнесся къ нему церемоніально, со всею сухостью старшаго чиновника, разговаривающаго съ младшимъ о служебныхъ дѣлахъ. Эта намѣренно обнаруживаемая безсердечность довела Шиллера до отчаянія и заставила его излить свои жалобы въ перепискѣ съ Кёрнеромъ,—жалобы, въ которыхъ онъ былъ столь же несправедливъ къ Гёте, какъ Гёте къ нему самому; напримѣръ, 2-го февраля 1789, Sch. Briefe, II, 218: „У Гёте нѣтъ ни минуты изліянія даже въ отношеніяхъ его къ ближайшимъ друзьямъ; его нельзя ни на чемъ поймать. Я думаю, онъ въ высочайшей степени эгоистъ; у него есть талантъ привязывать къ себѣ людей и обязывать, но онъ

всегда ухитряется такъ, что самъ остается свободнымъ. Онъ благодѣтельствуетъ, но какъ Богъ—не отдавая себя никому; этотъ послѣдовательный и распланированный образъ дѣйствія разсчитанъ, какъ мнѣ кажется, на то, чтобы услаждаться въ наивысшей степени себялюбіемъ... Вотъ почему я его ненавижу, хотя его умъ всѣмъ сердцемъ люблю и имѣю о немъ высокое понятіе. Я питаю къ нему нѣчто въ родѣ смѣшанныхъ чувствъ любви и ненависти,—чувство, похожее на то, какое питали Брутъ и Кассій по отношенію къ Цезарю. Гёте сильно вліяетъ на то, что я стараюсь, чтобы мои стихи были сколько возможно лучше отдѣланы. Я крайне дорожу его мнѣніемъ. Его голова зрѣлая, а его сужденіе можетъ быть пристрастно, но только противъ, а не за меня. Я хотѣлъ слышать правду обо мнѣ, а это единственный человѣкъ, который можетъ мнѣ оказать такую услугу. Я окружу его подслушивающими (Lauscher), потому что я его никогда о себѣ не прошу"...

5-го февраля 1789 г., въ письмѣ къ Каролинѣ Бейльвицъ, II, 223: „Гёте, какъ я думаю, создалъ изъ величайшаго наслажденія себялюбіемъ идеалъ счастія, при которомъ онъ однако несчастливъ. Этотъ характеръ мнѣ не нравится. Вблизи его я самъ былъ бы не свой. Можетъ быть, будущее укрѣпитъ это сужденіе, или еще будетъ лучше, если оно его опровергнетъ.

9-го марта 1789 г., въ письмѣ къ Кёрнеру, II, 249, озлобленіе достигло крайняго предѣла: „этотъ человѣкъ, этотъ Гёте стоитъ поперекъ моего пути и напоминаетъ мнѣ часто, что судьба жестоко меня обидѣла, что она несла его геній на своихъ крыльяхъ, а я и донынѣ долженъ жестоко бороться. Потерянаго не наверстаешь, и послѣ тридцати лѣтъ себя не преобразуешь...

Между тѣмъ, къ Пасхѣ 1789 г., Шиллеръ уже поселился въ Іенѣ, сильно работалъ, женился, обзавелся хозяйствомъ, простудился въ началѣ 1791 г. и былъ при смерти боленъ. Съ самаго переѣзда въ Іену почти нѣтъ уже и помину о Гёте въ перепискѣ Шиллера. Въ то же время Гёте уединялся, работалъ и устроился такъ, чтобы наиболѣе успѣвать въ ограниченномъ кругѣ дѣятельности, который онъ оставилъ за собою. Онъ пересталъ быть главнымъ двигателемъ государственной машины, не участвовалъ въ совѣтѣ управленія герцога, завѣдывалъ только учебными заведеніями, музеями, театромъ, погрузился въ естествознаніе, мало занимался поэзіею, но сопутствовалъ герцогу въ посѣщеніяхъ нѣмецкихъ дворовъ и совершилъ французскую кампанію 1792 г. Что бы произошло, спрашиваетъ Гриммъ, еслибы Шиллеръ преждевременно умеръ? Въ виду его переписки съ друзьями

на памяти Гёте легло бы пятномъ весьма правдоподобное обвиненіе, что онъ оттолкнулъ отъ себя Шиллера по самымъ непохвальнымъ побужденіямъ. Что бы произошло, еслибы Гёте поразило французское ядро подъ Вальми въ рядахъ арміи герцога брауншвейгскаго; еслибы онъ погибъ, не завѣщавъ потомству ни цѣльнаго „Фауста“, ни „Германа и Доротеи“, ни „Вильгельма Мейстера“? Вѣроятно, были бы о немъ толки такіе же, какъ и по смерти Байрона въ 1824 г. Сказали бы, что скончался человѣкъ, давшій все то, что только способенъ былъ дать на самомъ исходѣ своего погасающаго таланта. Въ дѣйствительности всѣ подобныя предположенія оказываются обыкновенно вполнѣ неосновательными. Но вотъ наступилъ моментъ въ концѣ 1794 г., когда уже переставшіе думать другъ о другѣ поэты сблизились случайно самымъ неожиданнымъ и вполнѣ естественнымъ способомъ. Намъ дороги всѣ подробности этого интереснѣйшаго психологическаго момента.

VII.

Шиллеръ не былъ способенъ къ жизни замкнутой, вдали отъ философскаго и литературнаго движенія, безъ тѣснаго общенія съ духомъ вѣка и его стремленіями, безъ вліянія на людей не только съ каѳедры, но и журнальнаго. Въ 1793 г. онъ познакомился въ Штутгардтѣ съ бойкимъ и дѣятельнымъ тюбингенскимъ книгопродавцемъ-издателемъ, барономъ Іоганномъ-Фридрихомъ Коттою. Они согласились издавать ежемѣсячникъ въ девять листовъ подъ заглавіемъ „Ноген“ или „Часы“. Къ изданію надлежало привлечь щедрыми гонорарами по шести луидоровъ съ листа самыхъ знаменитѣйшихъ писателей и поэтовъ, въ числѣ которыхъ въ первомъ ряду стоялъ Гёте.

13-го іюня 1794 г. гофратъ и профессоръ Шиллеръ написалъ къ Гёте, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, пригласительное письмо, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ одинаково краткій, но исполненный благоволенія отвѣтъ (отъ 24-го іюня), выражающій, кромѣ принятія сотрудничества, еще нѣчто бо́льшее, а именно желаніе личнаго обсужденія предпріятія при ближайшей бытности Гёте въ Іенѣ. Свиданіе это состоялось неизвѣстнаго числа, но при условіяхъ, которыя записаны въ автобіографическихъ отмѣткахъ Гёте. Въ Іенѣ существовало общество естествоиспытателей; въ засѣданіи его присутствовали и Гёте, и Шиллеръ; они вмѣстѣ вышли и дошли до квартиры Шиллера,

разсуждая о слышанномъ. Гёте зашелъ къ Шиллеру для окончанія интересовавшей его бесѣды. Шиллеръ сожалѣлъ, что для непосвященныхъ въ естествовѣденіе мало привлекательны отрывочныя по частямъ изслѣдованія природы безъ взгляда на нее какъ на живое цѣлое; сомнѣвался, однако, не выходилъ ли бы подобный взглядъ за предѣлы опытнаго знанія. Гёте не только былъ увѣренъ въ возможности такого взгляда, но считалъ, что міръ обязанъ былъ всѣми своими открытіями по части естествознанія только смѣлымъ гипотезамъ. Такъ какъ въ то время онъ былъ сильно занятъ теоріею превращенія растеній, то для примѣра онъ изобразилъ Шиллеру немногими штрихами символическое растеніе, первообразъ всѣхъ растеній. Шиллеръ, выслушавъ Гёте со вниманіемъ, потрясъ головою и сказалъ: „это не опытъ, это просто идея“. Такое возраженіе чуть-чуть не сдѣлалось причиною разрыва налаживающихся между ними отношеній. Уму Гёте представилась діаметральная противоположность двухъ міровоззрѣній, вслѣдствіе котораго онъ и Шиллеръ были, такъ сказать, антиподы. Предъ нимъ стоялъ послѣдователь Канта, обособляющій въ человѣкѣ то, что вложено было въ его существо самою природою, и до того преувеличивающій свыше мѣры чувства субъекта, его свободу и самоопредѣляемость, что онъ становился неблагодарнымъ по отношенію къ матери своей—природѣ. Гёте стало досадно, но онъ сдержался и произнесъ: „вотъ что мнѣ нравится,—я имѣю идеи, не зная о томъ, и даже я ихъ глазами моими вижу“. Струна опять натянулась, но не лопнула. Шиллеръ, за которымъ Гёте признаетъ громадный тактъ и ловкость въ обращеніи, защищалъ только свою точку зрѣнія; никто не побѣдилъ, и остался открытымъ вопросъ: кто болѣе правъ, сторона ли, отождествлявшая съ опытомъ не индуктивно выведенное, но на воздухѣ висящее, хотя правдоподобное предположеніе,—или сторона, относящая предположеніе къ области внѣопытнаго умозрѣнія. Уяснялось, что оба мнѣнія резонны и могутъ быть такъ или иначе примирены; не отступая отъ своихъ мнѣній, Шиллеръ употребилъ всѣ средства расположить къ себѣ гостя, и Гёте поддался его обаянію, несмотря на свои прежнія предубѣжденія, несмотря на свое отвращеніе къ табаку, который Шиллеръ употреблялъ чрезъ мѣру. Гёте утверждаетъ, что Шиллеръ былъ чарующій человѣкъ, имѣвшій неудержимую притягательную силу. Бесѣда вечерняя имѣла результатомъ присылку отъ Гёте статей въ „Horen“ при слѣдующихъ выраженіяхъ, чрезвычайно знаменательныхъ со стороны столь сосредоточеннаго въ себѣ и застегнутаго на всѣ пуговицы человѣка (письмо 25-го іюля 1794 г.): „Erhalten Sie mir ein freund-

schaftliches Andenken und seid Sie versichert, dass ich mich auf eine öftere Auswechselung der Ideen mit Ihnen recht lebhaft freue“ [1]). Такимъ образомъ, запертый на семь замкомъ ларчикъ стоялъ открытымъ; первый шагъ сдѣланъ, ледъ сломанъ, и началось общеніе на требуемыхъ Шиллеромъ условіяхъ, то-есть на основаніи равенства и полной откровенности, съ признаніемъ заслугъ Гёте и авторитета, но безъ всякой лести и заискиванія. Два разные темперамента были уже настроены на одинъ камертонъ; требовалась только подача знака для начала музыки. Этотъ знакъ послѣдовалъ, какъ надо было ожидать, со стороны Шиллера въ образцовомъ его, съ дипломатической точки зрѣнія, письмѣ отъ 23-го августа 1794 г., письмѣ, которое на всю уже жизнь Шиллера служило программою сношеній и актомъ союза.

VIII.

Это письмо, длинное, писанное осторожно, обдуманно, по слогу весьма трезвое и безцвѣтное, начинается съ увѣренія, не имѣющаго вовсе вида комплимента, а именно, что бесѣда съ Гёте привела въ движеніе массу идей въ Шиллерѣ и освѣтила ему многое, происходящее въ его умѣ. Передавая содержаніе этого письма, мы должны освободить выводы отъ малопонятной нынѣ философской терминологіи, заимствованной у Канта, отъ категорій необходимости и произвола, переводимыхъ изъ области природы въ область духа. Шиллеръ полагаетъ, что „подобные ему, обыкновенные люди, прибѣгающіе къ анализу, доходятъ, съ неимовѣрнымъ трудомъ и окольными путями, до того, до чего сразу доходитъ прямѣе и совершеннѣе ваша непосредственная интуиція. Вы сами не знаете о своемъ богатствѣ, и что вамъ незачѣмъ заимствовать что-либо отъ философіи, потому что философія только расчленяетъ то, что ей подано, но сама подача не есть дѣло аналитика, а генія, совокупляющаго предметы по объективнымъ законамъ, при необъяснимомъ, но безошибочномъ вліяніи чистаго ума“ (der reinen Vernunft—спекулятивнаго умозрѣнія). Установивъ такимъ образомъ возможность для геніальныхъ людей, въ родѣ Гёте, становиться сразу, по геніальной догадливости, по какому-то наитію, для нихъ самихъ необъяснимому, по философскому инстинкту, на высочайшихъ вершинахъ знанія и творчества, до которыхъ до-

[1]) Сохраните меня въ дружеской памяти и будьте увѣрены, что я весьма радъ болѣе частому обмѣну мыслей между нами.

бираются медленно и съ трудомъ разсудокъ со своими эмпирическими данными и опытами и чистый трансцендентальный умъ со своимъ анализомъ,—Шиллеръ приподноситъ Гёте его настоящій психологическій портретъ. Онъ его изучалъ, онъ проникъ до самой его глубины, онъ знаетъ исторію его умственнаго развитія, лучше, чѣмъ кто бы ни было, лучше, чѣмъ самъ Гёте. Онъ проситъ Гёте присмотрѣться къ себѣ самому въ этомъ зеркалѣ. „Вы отыскиваете законы природы, но вы ищете ихъ на труднѣйшемъ и недоступнѣйшемъ для другихъ пути. Въ вашемъ умѣ природа есть непрерывное и организованное цѣлое, отражающееся въ каждой ея частицѣ и объясняющее каждую частицу. Вы слѣдуете по ступенямъ этой лѣстницы отъ простѣйшихъ устройствъ до самосложнѣйшаго, до самаго человѣка, котораго вы возсоздаете генетически изъ матеріаловъ всего природозданія по всѣмъ правиламъ техники. Это прекрасное единство связныхъ представленій выходитъ за предѣлы единичнаго человѣческаго существованія и осуществляется при наименѣе выгодныхъ эстетическихъ условіяхъ. Будь вы древній грекъ или итальянецъ временъ возрожденія, вы бы располагали изящною природою и идеализирующимъ искусствомъ, вы бы созидали сразу и безъ затрудненія вещи вполнѣ прекрасныя и въ высокомъ стилѣ. Но вы—германецъ, родившійся на дикомъ и суровомъ сѣверѣ, среди личностей некрасивыхъ и уродливыхъ. Такъ какъ вы грекъ духомъ, а сѣверянинъ тѣломъ, то, созидая достойныя Греціи произведенія при отсутствіи красивой природы и красивой культуры, вы обязательно должны исправлять по лучшимъ образцамъ навязанную вашему воображенію болѣе дурную природу. Это направленіе логическое и рефлектирующее не совмѣстно съ эстетическимъ творчествомъ, а потому работа ваша, по необходимости сугубая, отъ созерцанія переходитъ къ отвлеченностямъ, послѣ чего опять вамъ приходилось превращать эти отвлеченныя понятія въ образы и мысли, въ чувства, такъ какъ творчество можетъ дѣйствовать только этими средствами“...

Повторяю, — я изложилъ содержаніе письма не дословно, но смыслъ его переданъ вполнѣ точно. Изображая умственную организацію Гёте, Шиллеръ вполнѣ искренно выразилъ превосходство Гёте предъ нимъ и предъ всѣмъ молодымъ поколѣніемъ по возрасту, по зрѣлости и по природной даровитости, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытался перекинуть мысленно мостъ, по которому могли бы сойтись обѣ стороны, гдѣ-нибудь на серединѣ. Онъ какъ бы утверждалъ: вы сами не знаете и знать не можете (такъ какъ для генія его природа есть величайшая тайна), въ какой степени

ваша интуитивность совпадаетъ съ результатами философскаго умозрѣнія. Интуитивность имѣетъ отправную точку въ особенномъ, умозрѣніе—во всеобщемъ; интуитивность слѣдуетъ за опытомъ, умозрѣніе ищетъ закона; интуитивность имѣетъ дѣло только съ недѣлимыми, а умозрѣніе—съ родами; но они сходятся на полъ-дорогѣ, потому что геніальная интуитивность, имѣя дѣло съ недѣлимыми, заимствуетъ изъ нихъ только существенное, слѣдовательно изображаетъ особи, имѣющія всѣ признаки рода; а съ другой стороны, умозрѣніе, возвышаясь надъ опытомъ, не теряетъ его изъ виду и изображаетъ только роды, но роды жизнеспособные и состоящіе въ основательныхъ связяхъ съ дѣйствительностью.

Письмо Шиллера, отъ 23-го августа, попало прямо въ намѣченную цѣль и имѣло результатъ, превосходящій самыя ожиданія писавшаго. Гёте отвѣтилъ тотчасъ же, 27-го августа, наканунѣ дня своего рожденія (28-го августа). Обезоруженный письмомъ Шиллера и тронутый имъ, Гёте предложилъ ему безъ малѣйшихъ ограниченій себя самого, свою дружбу искреннюю и полную. Эта преданность выражена достойнымъ образомъ и соотвѣтственно зрѣлости обоихъ дружащихся и занимаемому ими положенію, безъ всякихъ изліяній чувства, весьма просто и спокойно, но и съ задатками дѣйствія. Гёте заявилъ, что письмо Шиллера, подводящее итоги существованію Гёте и ободряющее его къ живѣйшему и экономнѣйшему пользованію его силами, было лучшимъ приношеніемъ, какое только онъ могъ получить въ день своего рожденія. „Я доволенъ, что самъ собою, безъ особеннаго поощренія, шелъ по моей дорогѣ, но мнѣ кажется, что теперь, послѣ этой *неожиданной* встрѣчи, которую я считаю началомъ новой эпохи, намъ придется продолжать путь вдвоемъ. Я всегда цѣнилъ честную и весьма рѣдкую серьезность, проявляющуюся во всемъ, что вы пишете или дѣлаете, и теперь имѣю право требовать, чтобы вы познакомили меня съ развитіемъ вашего ума, особенно въ послѣдніе годы"... Важнѣе всего конецъ письма: „все, что во мнѣ есть и меня касается, я охотно вамъ сообщу, потому что мое предпріятіе превышаетъ мѣру силъ человѣческихъ и земного существованія. Я хотѣлъ бы многое дать вамъ въ депозитъ, чтобы оно не только сохранилось, но еще и ожило. Будемте непрерывно работать сообща. Сами увидите, какая для меня будетъ польза отъ вашего ко мнѣ участія, потому что при ближайшемъ знакомствѣ вы откроете во мнѣ нѣкоторую темноту и нѣкоторое колебаніе (Zaudern), съ которыми не могу никакъ справиться, хотя ихъ очень хорошо сознаю". Эти слова представляютъ намъ Гёте съ новой совсѣмъ стороны, какъ человѣка не вполнѣ

въ себѣ увѣреннаго и шатающагося, которому Шиллеръ будетъ служить зеркаломъ, отражающимъ его собственную, ему самому невидимую натуру. Онъ будетъ просить Шиллера въ послѣдующей перепискѣ помочь ему толковать его сны и мечты. До конца жизни Гёте былъ увѣренъ въ томъ, что̀ выразилъ въ письмѣ къ Шиллеру 1798 г., № 399 („ты далъ мнѣ вторую юность и сдѣлалъ то, что я вновь сталъ поэтомъ"), и въ автобіографическихъ отрывкахъ („съ тѣхъ поръ началась для меня новая весна, все весело всходило и росло изъ открывшихся сѣмянъ и вѣтвей"). Зрѣлымъ плодомъ этого умственнаго сожительства и служитъ переписка друзей изъ 999 нумеровъ. Прежде чѣмъ приступимъ къ разбору ея содержанія, позволю себѣ указать на несходныя черты и противоположность двухъ темпераментовъ, соединившихся осенью 1794 г. для общихъ художественныхъ работъ.

IX.

Умъ Шиллера былъ философскій, одинаково способный мыслить отвлеченностями или образами, помогать себѣ въ поэтическомъ творчествѣ изслѣдованіями о законахъ и задачахъ искусства. Въ 1795—1796 г., Шиллеръ написалъ обширный трактатъ: „Ueber naïve und sentimentalische Dichtung", дѣлившій поэзію на эти главные роды ея. Употребленные имъ термины могутъ быть оспариваемы; лучше было бы дать имъ названія объективной и субъективной поэзіи, или реализма и идеализма. Къ первому роду отнесены древніе греки, но не всѣ, Гомеръ и Шекспиръ; ко второму— изъ греческихъ поэтовъ Эврипидъ, римляне и почти вся новѣйшая и современная поэзія. Это дѣленіе имѣетъ свою особую, не выраженную ясно, но сквозящую въ немъ подкладку. Шиллеръ сопоставляетъ свое творчество съ творчествомъ Гёте второго его періода, второй его манеры, когда онъ вернулся изъ Италіи классикомъ, какимъ онъ остался потомъ до самой старости, за исключеніемъ „Фауста", символическихъ послѣднихъ произведеній и мысленной поѣздки на дальній востокъ, въ West-Oestlicher Divan. Шиллеръ отстаиваетъ свой способъ творчества, доказывая его законность и необходимость. Первый родъ изображаетъ природу въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, со включеніемъ и человѣка непосредственно и съ первой руки, чувственно и пластически, безъ всякихъ заботъ о томъ, чтобы изображаемое было красиво, и безъ всякаго поддаванія созерцающему идей собственнаго авторскаго издѣлія, безъ всякаго идеала. Авторъ прячется за образомъ, какъ

Богъ, становящійся невидимымъ за вселенною. Второй родъ свойственъ искусственнѣйшимъ и сложнѣйшимъ общественнымъ устройствамъ,—обществамъ, тоскующимъ о прошломъ, мечтающимъ о возвратѣ къ первобытности, стремящимся къ природѣ, свободной отъ цѣпей, отъ неестественныхъ отношеній и нравовъ. Онъ ищетъ природы, какую онъ измыслилъ при свѣтѣ своихъ идеаловъ, и представляетъ ее себѣ окрашенною своими личными чувствами. Чистымъ типомъ такого сентиментализма представляется Руссо. Шиллеръ объясняетъ, сколько труда ему стоило породниться съ Шекспиромъ, съ его ледянымъ безчувствіемъ, съ его сарказмомъ среди сильнѣйшаго пафоса. „Вслѣдствіе моего знакомства съ новѣйшими поэтами,—говоритъ Шиллеръ,—привыкши въ каждомъ произведеніи искать самого автора, сердцемъ привязываться къ нему, съ нимъ разсуждать о его предметѣ, словомъ—созерцать объектъ въ субъектѣ, я терпѣть не могъ, если авторъ ускользалъ отъ меня, если онъ самъ мнѣ не говорилъ. Геній обязательно наивенъ; геніальнымъ человѣкъ становится только вслѣдствіе своей наивности. Руководимый своею собственною природою, своимъ инстинктомъ, проходитъ онъ свободно чрезъ всѣ силки и западни фальшиваго вкуса, и, свободно распоряжаясь внѣ всего ему извѣстнаго точно у себя дома, онъ расширяетъ самую природу, не выходя за ея предѣлы“... Не называя Гёте, Шиллеръ его преимущественно имѣетъ здѣсь въ виду; онъ восторгается въ перепискѣ (№ 7) его интуитивностью, непосредственностью, стеченіемъ всѣхъ мыслепныхъ его силъ въ воображеніи, какъ общемъ ихъ представителѣ. Шиллеръ догадывался (Переписка, № 267), что Гёте въ молодости имѣлъ въ своей жизни аналитическій періодъ раздвоенія и разлада, по минованіи котораго онъ дошелъ до гармоніи при помощи науки и искусства. Теперь онъ возвращается, образованный и зрѣлый, къ своей молодости, опять обладая одновременно и цвѣтомъ, и плодомъ. Это и есть молодость боговъ, —какъ и они, безсмертная. Въ виду этой интуитивной наивности Шиллеръ сознавалъ свою относительно мѣньшую умственную состоятельность. „Мнѣ надо время,—писалъ онъ 29-го сентября 1794 г., вскорѣ послѣ бесѣды съ Гёте (№ 12),—чтобы справиться съ идеями, которыя вы во мнѣ расшевелили, присвоить себѣ все то, что допускаетъ принять моя воспріимчивость. Время покажетъ, взойдутъ ли эти посѣвы. Не ожидайте отъ меня (№ 7, письмо отъ 31-го августа 1794 г.) большого богатства идей; я изъ немногаго дѣлаю многое, мой умственный кругозоръ тѣснѣе, но мое круговращеніе быстрѣе и чаще, а посему я успѣваю дѣлать большіе обороты съ малыми моими наличными деньгами, успѣваю

наверстать формою недостаточность разнообразія въ содержаніи. Мой умъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ — символизируя. Онъ — смѣсь пониманія и созерцанія, правила и ощущенія, техники и геніальности. Эта двойственность дѣлала меня въ былое время неуклюжимъ и въ поэзіи, и въ философіи. Донынѣ зачастую воображеніе портитъ мои отвлеченности, а холодный разсудокъ мѣшаетъ моей поэзіи. Если я успѣю обуздать и ограничить обѣ эти силы, то буду счастливъ, но пока я совладаю съ моими моральными силами, физическая болѣзнь грозитъ мнѣ смертью. Большой внутренней переработки не успѣю я совершить, но попытаюсь сдѣлать, что могу, и охранить отъ пожара кой-какіе остатки“... Шиллеръ превосходно понималъ, въ чемъ заключается трудность предстоявшей ему задачи (№ 361). Поэтъ долженъ возвыситься надъ дѣйствительностью, но не переходя предѣловъ чувственности. Вращаясь среди некрасивой, безформенной природы, поэтъ отрѣшается слишкомъ легко и отъ дѣйствительнаго, и отъ чувственнаго, и становится идеалистомъ, а когда его разсудокъ слабъ, то и фантастомъ. Если же онъ отъ природы чувственный человѣкъ, то онъ примѣняется къ дѣйствительности и становится въ ограниченномъ смыслѣ слова реалистомъ; а когда притомъ у него мало фантазіи, то онъ дѣлается рабскимъ и вульгарнымъ реалистомъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ не эстетиченъ. Шиллеръ вполнѣ сознавалъ трудность переработки эмпирическихъ опытныхъ формъ въ эстетическія, и потому высоко цѣнилъ технику античныхъ мастеровъ. Лично онъ не выбиралъ для обработки другихъ сюжетовъ, кромѣ историческихъ, и чувствовалъ, что потерпѣлъ бы неудачу, еслибы задался мыслью сочинить нѣчто чисто вымышленное. „Я способенъ, писалъ онъ (№ 398), оживить, согрѣть и расплавить (aufquellen machen) извѣстный опредѣленный сюжетъ, при чемъ опредѣленная объективность матеріала обуздываетъ мои фантазіи и сдерживаетъ произволъ“... Онъ изумленъ и завидуетъ дивной способности Гёте и творить, и рефлектировать поочередно, не смѣшивая никогда этихъ двухъ функцій, слѣдствіемъ чего является необычайная чистота отдѣлки. „Вы работаете творчески въ потьмахъ, и свѣтъ обрѣтается только въ васъ самихъ (иными словами, сюжетъ укладывается неизвѣстно какъ и безсознательно въ произведеніе); но какъ только вы начинаете рефлектировать, внутренній свѣтъ проявляется наружу и озаряетъ предметы и для васъ, и для другихъ людей (№ 396). Во мнѣ оба способа дѣйствія перепутываются въ ущербъ дѣлу“...

Въ 1823 г., разговаривая съ Эккерманомъ [1]), Гёте смѣется

[1]) Biedermann, № 899.

надъ тщетою усилій Шиллера—полнаго разграниченія двухъ родовъ поэзіи, сентиментальнаго и наивнаго, какъ будто сентиментальная поэзія могла когда-нибудь существовать не на почвѣ наивности—общей родительницы обоихъ этихъ родовъ,—какъ будто могло какое-нибудь поэтическое произведеніе явиться не безсознательно и не отъ замысла, внезапно и неизвѣстно какъ пришедшаго въ голову. Безъ такого вдохновенія не бываетъ ни творчества, ни геніальности. Всякая драма Шиллера уже съ перваго замысла содержала цѣлое въ общемъ очертаніи; громадная разница между обоими поэтами была только въ томъ, что замыселъ у Гёте незримо слагался, развивался и созрѣвалъ, пока не появлялся въ свѣтъ, какъ доношенный ребенокъ. Между тѣмъ Шиллеръ, имѣя замыселъ, ковалъ его и отдѣлывалъ почти механически, какъ профессіональный ремесленникъ. Гриммъ въ своихъ чтеніяхъ даетъ слѣдующую весьма точную характеристику обоихъ способовъ работать: „Что Шиллеръ разумѣлъ подъ словомъ поэтическое творчество, то для Гёте совсѣмъ не было поэтическимъ творчествомъ. Шиллеръ отыскивалъ прежде всего какой-нибудь подходящій матеріалъ, какую-нибудь фабулу обыкновенно историческаго жанра. Въ письмѣ къ Гёте, № 290, онъ объясняетъ: „Суть дѣла въ искусствѣ—cardo rei заключается въ измышленіи поэтической фабулы. Я бы хотѣлъ знать [1]), какъ вы принимаетесь за работу. У меня чувство не имѣетъ сначала яснаго и опредѣленнаго предмета; предметъ образуется позднѣе. Ему предшествуетъ извѣстное музыкальное настроеніе, и только затѣмъ появляется во мнѣ поэтическая идея“. Затѣмъ, получивъ идею, Шиллеръ возился съ матеріалами, пока не уложилъ ихъ наиболѣе для себя сподручно. Потомъ онъ хладнокровно планировалъ ходъ пьесы и работалъ подобно каменьщику, возводящему многоэтажное зданіе изо дня въ день по утвержденному плану. Выстроивъ вчернѣ зданіе, онъ его меблировалъ и передавалъ окончательно отдѣланное и опрятное на пользованіе общественное. Шиллеръ располагалъ въ такой степени своимъ талантомъ, что пришпоривалъ своего Пегаса, возбуждалъ его крѣпкими ликерами среди безсонныхъ ночей за работою, запахомъ гнилыхъ яблокъ, которыя держалъ въ ящикѣ рабочаго стола и отъ которыхъ дѣлалось дурно Гёте и у него кружилась голова [2]). Это переутомленіе, эти потныя капли замѣчалъ Гёте въ произведеніяхъ Шиллера еще до сближенія съ Шиллеромъ [3]). Въ 1823 г. [4])

[1]) Biedermann, № 157; 1796.
[2]) Biedermann, № 1074, 1131.
[3]) Biedermann, № 111.
[4]) B., № 899.

Гёте утверждалъ, что Шиллеру несвойственно было создавать что-либо инстинктивно и безсознательно, онъ долженъ былъ рефлектировать; это философское направленіе его поэзіи вредило ей, потому что, давая идеѣ первенство надъ природою, онъ зачастую обходилъ природу. Все то, что̀ онъ выдумалъ, должно было осуществиться, было ли оно естественное или неестественное. Слѣдствіемъ этого были: недостаточная мотивировка дѣйствій, рядомъ со сценами возвышенными и потрясающими такія прегрѣшенія противъ жизненной правды, отъ которыхъ книга валится изъ рукъ вонъ, и чрезъ мѣру усложненная психологія характеровъ. Къ сюжету своему приступалъ Шиллеръ смѣло, осматривалъ его со всѣхъ сторонъ и перевертывалъ его, и лѣпилъ его, но смотря на него только снаружи и во внутрь, такъ какъ спокойное развитіе изнутри не было въ его натурѣ. Никогда онъ не былъ доволенъ своимъ созданіемъ, передѣлывалъ роли передъ пробнымъ представленіемъ, рѣшался на перемѣны смѣло и былъ противникомъ длинныхъ мотивировокъ. „Но онъ имѣлъ способность, которой я лишенъ,—говорилъ Гёте,—передавать другимъ планъ и дѣленія всякой пьесы, которая была у него на верстакѣ“ [1]). Вслѣдствіе того всѣ пьесы Шиллера были обсуждаемы напередъ имъ съ Гёте сообща. Гёте признаетъ, что длинная мотивировка, безъ которой онъ, Гёте, не умѣлъ обойтись, дѣлала пьесы его несценическими, между тѣмъ какъ дарованіе Шиллера было преимущественно сценическое [2]). Въ 1827 г., Гёте выразился, что, несмотря на всѣ свои несообразности (Roheiten), у Шиллера былъ столь возвышенный умъ и характеръ, что все, къ чему онъ ни прикоснулся, было безконечно выше того, что̀ приподносятъ новѣйшіе драматурги въ своихъ слабыхъ, мягкихъ, ходульныхъ и неестественныхъ произведеніяхъ. Шиллеръ превосходитъ этихъ господъ даже и тогда, когда онъ только обрѣзываетъ себѣ ногти [3]).

X.

Кончая пока эту предварительную характеристику творчества Шиллера, мы должны сказать нѣсколько заключительныхъ словъ и о Гёте, какъ о его антагонистѣ, діаметрально ему противоположномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Два эти темперамента невольно вызываютъ классическое сравненіе огня и воды, какъ двухъ ни-

[1]) Biedermann, № 813.

[2]) B., № 971.

[3]) B., № 1073, разгов. съ Эккерманомъ.

когда несогласуемыхъ стихій. Гёте былъ пластикъ, знатокъ контуровъ и формъ; Шиллеръ преимущественно музыкантъ. Шиллеръ былъ натура огненная; внутренній огонь преждевременно разрушилъ его физическій организмъ; у него была пылкая юность, была вѣчная гоньба за мечтаніями, за идеалами. Гёте, напротивъ того, имѣетъ видъ штиля на океанѣ послѣ довольно бурной, но безповоротно отошедшей молодости. Подъ гладью зеркальной почти поверхности происходятъ любопытныя явленія безъ предвзятаго въ мозгу плана, безъ натуги воли, проходящія такимъ образомъ, что никто не знаетъ, какъ и откуда они пришли.

Гёте признавался Шиллеру въ 1801 г. [1]), что все, что̀ создаетъ геній, какъ геній, дѣлается имъ безсознательно. Геній можетъ дѣйствовать и разсудительно, обдуманно и по убѣжденію, но это все случайно и несущественно. Геніальное произведеніе не можетъ быть рефлективнымъ образомъ исправлено и очищено отъ своихъ изъяновъ; однако генію свойственно при помощи рефлексіи и практики поставить себя на такой высотѣ, что онъ будетъ въ концѣ концовъ писать образцовыя произведенія. Творчество—это такая естественная сила, которая, ничѣмъ на свѣтѣ не руководимая, сама себя образуетъ и дѣйствуетъ ей только свойственнымъ способомъ. Это присущее Гёте сознаніе, что онъ своимъ геніемъ обязанъ только природѣ, а не характеру, дѣлало его мало экспансивнымъ, ненавидящимъ всякое хвастовство и позированіе, и старающимся въ обращеніи съ людьми казаться самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, ниже того, чѣмъ былъ онъ въ дѣйствительности. „Есть во мнѣ,—писалъ онъ къ Шиллеру (№ 156),—нѣкоторая реалистическая наклонность (sic), вслѣдствіе которой я расположенъ прятать отъ глазъ человѣческихъ мое существованіе, мои дѣйствія, мои писанія. Люблю я ѣздить incognito, носить простую одежду, а не изящное платье, употреблять, бесѣдуя съ неизвѣстными или малознакомыми лицами, мало характерныя и болѣе слабыя выраженія, словомъ, стушевывать себя по возможности. Прошу васъ, не упускайте выгонять меня изъ этихъ моихъ границъ“. Что касается до своего поэтическаго творчества, то Гёте хранилъ его въ глубочайшей тайнѣ. „Знаю,—писалъ онъ,—что все то̀ для меня пропало, о чемъ я разскажу кому-либо или о чемъ я сообщу, что у меня такой-то планъ извѣстной работы. Я не сообщалъ о задуманномъ даже и Шиллеру“ [2]). Сочиняя, Гёте самъ себя наблюдалъ, изслѣдуя тайны

[1]) В., № 807.

[2]) Разговоръ 1823 г., В., № 899.

своего собственнаго существа. При повѣркѣ этихъ выводовъ ему было также полезно участіе другого наблюдателя—Шиллера, который бы ему помогъ разъяснить многое загадочное въ его собственномъ творчествѣ. Такъ какъ вдохновеніе стало посѣщать его рѣже и рѣже, то общеніе съ Шиллеромъ было внѣшнимъ стимуломъ, побуждающимъ его къ творчеству. Изъ этого общенія извлекъ еще Гёте другую весьма существенную пользу: „Вы меня отвлекли отъ чрезмѣрнаго наблюденія внѣшнихъ предметовъ и отношеній и заставили меня входить въ самого себя. Вы меня научили правильнѣе оцѣнивать многосторонность внутренняго человѣка“.

Заканчиваемъ нашу характеристику творчества Гёте двумя заимствованными отъ него образными сравненіями. „Мы только укладываемъ въ костры большія массы дерева, — и просушиваемъ ихъ; потомъ онѣ загораются сами собою въ надлежащее время, что̀ и приводитъ насъ въ удивленіе“ (Переписка, № 52). Гёте поклонялся Шекспиру и ставилъ его безконечно выше современниковъ. „Шекспиръ,—говорилъ онъ,—подносилъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ. Послѣ большихъ трудовъ и изученій мы пріобрѣтаемъ искусство выдѣлывать серебряныя чаши, но бѣда наша въ томъ, что намъ нечѣмъ наполнить ихъ, —развѣ лишь простымъ картофелемъ“ [1]).

В. Спасовичъ.

[1]) 1825 г. В., № 1016.

ПѢСНЬ ВАРДАНА МАМИКОНЬЯНА

Изъ Рафаэла Патканьяна *).

И теперь намъ молчать?! и теперь свою рѣчь
Подавлять, когда врагъ свой губительный мечъ
Намъ приставилъ къ груди, какъ безсильнымъ рабамъ,
Не внимая рыданьямъ и горькимъ мольбамъ?!
Что же дѣлать намъ, братья? что въ горѣ начать?..
И теперь намъ молчать?!

И теперь намъ молчать, когда хитрымъ врагомъ
Все коварно повержено въ рабство кругомъ?!
Онъ намъ право арманами быть не даетъ,
И разрушилъ Таргома онъ царственный родъ...
Слово, мечъ и корону дерзнулъ онъ отнять...
И теперь намъ молчать?!

И теперь намъ молчать, когда мечъ, свой оплотъ,
Далъ похитить врагамъ беззащитный народъ,
Когда пахаря врагъ отъ сохи оторвалъ?!
Изъ меча и сохи онъ намъ цѣпи сковалъ...

---

*) Пѣснь Вардана Мамиконьяна представляетъ собою отрывокъ изъ исторической поэмы „Смерть храбраго Вардана Мамиконьяна", написанной однимъ изъ главныхъ армянскихъ поэтовъ, скончавшимся въ 1892 году, Рафаэломъ Патканьяномъ. Поэма изображаетъ геройскую борьбу армянъ съ персами за свою національность и религію въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х., главнымъ эпизодомъ которой была битва на аварайрскихъ поляхъ, 2-го іюня 451 года, а главнымъ вождемъ—доблестный Вардапъ Мамиконьянъ, погибшій въ битвѣ и прославленный за свои подвиги многими армянскими поэтами.—Настоящій отрывокъ изъ поэмы Патканьяна представляетъ собою ту пѣснь, которую герой поетъ передъ началомъ боя.

Мы въ плѣну, и безславно должны мы страдать...
И теперь намъ молчать?!

И теперь намъ молчать, когда правды укоръ
Врагъ въ себѣ заглушилъ, насъ обрекъ на позоръ?!
Изгоняютъ насъ вдаль изъ армянской страны,
На чужбинѣ, въ слезахъ, мы скитаться должны...
О, куда намъ идти? гдѣ пріюта искать?..
И теперь намъ молчать?!

И теперь намъ молчать, когда дерзкой рукой,
Унижая, позоря нашъ край дорогой,
Врагъ и церковь святую, глумясь, осквернилъ?!
Нашихъ пастырей хищникъ коварный смѣнилъ...
Нѣтъ святыхъ алтарей, гдѣ бъ молитвы свершать...
И теперь намъ молчать?!

И теперь намъ молчать?! Что же скажутъ въ тотъ часъ,
Когда камни начнутъ говорить вмѣсто насъ?!
Иль не скажутъ тогда, что армянскій народъ
Свой тяжелый удѣлъ по заслугамъ несетъ?!
Вѣдь умѣли же предки нашъ край защищать...
О, доколѣ молчать?!

Пусть нѣмой иль калѣка безсильный молчитъ,
Или тотъ, кто позорнымъ ярмомъ дорожитъ!
Но безъ трепета вступимъ въ рѣшительный бой
Мы съ врагомъ ненавистнымъ за край дорогой,
Чтобъ хоть смертью отчизнѣ свободу достать,—
И навѣкъ замолчать!..

Юрій Веселовскій.

Москва.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1833—1834 гг.

Въ 1827 году семья И. С. Тургенева переселилась въ Москву: время было подумать о воспитаніи дѣтей. Девятилѣтнимъ ребенкомъ покинулъ И. С. сельскій домъ—

> Свидѣтель буйной жизни, лѣни праздной
> Двухъ или трехъ помѣщичьихъ племенъ,

—домъ, въ которомъ онъ „росъ среди побоевъ и истязаній“. Домашнее воспитаніе кончилось; И. С. и его старшаго брата везли въ Москву, чтобы помѣстить въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ. Домашнее воспитаніе Тургенева совершалось „на французскій манеръ“; въ семьѣ даже Богу молились на французскомъ языкѣ. Наступала другая пора. Но и въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, сверху до низу, замѣтно было глубокое вліяніе того быта, той среды и особенно той полосы ея, къ которой принадлежалъ Тургеневъ,—полосы помѣщичьей крѣпостной (X, 3).

Помѣщики принципіально чуждались гимназій и предпочитали или воспитывать дѣтей дома, подъ непрерывными впечатлѣніями крѣпостного быта, или отдавать ихъ въ частные пансіоны, лишь бы оградить „барчуковъ“ отъ общества разночинцевъ. „Весьма рѣдко (писалъ въ своемъ циркулярѣ министръ народнаго просвѣще-

*) Читано въ засѣданіи Московскаго Общества любителей россійской словесности, въ октябрѣ 1893 г.; текстъ сохранился въ черновой рукописи, копія которой доставлена намъ В. Е. Якушкинымъ.—*Ред.*

нія С. С. Уваровъ) гимназіи наши снискивали довѣренность дворянскаго сословія, *по духу коренныхъ учрежденій* столь рѣзко еще отлученнаго отъ прочихъ“ [1]). Посѣтивши въ 1827 г. псковскую гимназію, Императоръ Николай нашелъ все принадлежащее къ сему учебному заведенію въ должномъ порядкѣ; но „съ удивленіемъ замѣтя необыкновенно малое число обучающихся“ въ главномъ псковскомъ училищѣ и между ними, по соразмѣрности, еще меньшее число дворянъ, Его Величеству „прискорбно было видѣть изъ сего, что дворянство и прочіе жители Пскова *не довольно заботятся* о воспитаніи дѣтей своихъ, забывая, что свѣденія, *нынѣ вообще необходимыя*, нужны въ особенности людямъ высшихъ состояній въ государствѣ“... Признавая, что суммы, опредѣляемыя на содержаніе псковской гимназіи, могутъ безъ отмѣны главнаго назначенія оныхъ быть употреблены инымъ, *выгоднѣйшимъ для народнаго просвѣщенія* образомъ, императоръ Высочайше повелѣлъ: „преподаваніе въ сей гимназіи остановить съ 1-го января будущаго года (Высоч. повелѣніе состоялось 15-го ноября 1827 г.) и самую гимназію закрыть, впредь до новыхъ по сему распоряженій“ [2]).

Такимъ образомъ къ концу 1828 г., передъ введеніемъ новаго гимназическаго устава (8-го декабря 1828 г.), во всемъ петербургскомъ учебномъ округѣ было только пять 4-хъ-классныхъ гимназій [3]). Указъ объ открытіи вновь гимназіи въ Псковѣ послѣдовалъ 1-го ноября 1832, когда псковское дворянство единогласно положило на устройство благороднаго пансіона при гимназіи для 24 воспитанниковъ изъ недостаточныхъ дворянъ вносить ежегодно изъ собственныхъ доходовъ 17.440 р. (Сб. пост., II, стр. 701).

Въ декабрѣ 1828 утвержденъ былъ новый уставъ гимназій; въ немъ предписывалось учрежденіе при гимназіяхъ особыхъ дворянскихъ пансіоновъ. Въ 1833 г., вступивши въ управленіе министерствомъ нар. просвѣщенія, Уваровъ разъяснилъ, что дѣти дворянъ преимущественно будутъ поступать въ эти благородные пансіоны, а гимназіи вмѣстѣ съ уѣздными училищами должны служить въ пользу прочихъ классовъ; при чемъ благородные пансіоны не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ приготовительными училищами къ слушанію лекцій въ университетѣ (Сб. расп. I, 858—859). Впрочемъ, псковская гимназія не была исключеніемъ

[1]) Сборн. распоряженій по вѣдомству нар. просв. I, 857.

[2]) Сборн. пост., II отд., стр. 81 –82.

[3]) Вороновъ, Историческо-статистич. обозрѣніе учебн. заведеній С.-Пет. уч округа съ 1829 по 1853 годъ. II, 114.

среди тогдашнихъ русскихъ гимназій. По свидѣтельству самого министра народнаго просвѣщенія, въ началѣ 30-хъ годовъ гимназіи оставались частію праздными [1]); дворяне приготовляли своихъ дѣтей къ высшему образованію посредствомъ или домашняго воспитанія, или частныхъ пансіоновъ; тотъ и другой способъ оказались недостаточными. Отвлекая отъ правительственныхъ гимназій лицъ дворянскаго сословія, которому въ тѣ времена почти исключительно принадлежали высшія служебныя и государственныя должности, частные пансіоны, въ которыхъ „учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь", оказывали вредное вліяніе и на составъ университетскихъ студентовъ, и на самый умственный и нравственный уровень чиновничества. Въ 1833 г. частные пансіоны положительно признаны были вредными. Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го ноября 1833 г. пріостановлено открытіе вновь частныхъ пансіоновъ въ обѣихъ столицахъ, и министерству разрѣшено было выработать „мѣры надзора за частными пансіонами и учрежденіе особеннаго постояннаго наблюденія, могущаго обезпечить сколько можно внутреннее благоустройство оныхъ" [2]).

Въ одинъ изъ такихъ частныхъ пансіоновъ помѣщенъ былъ девятилѣтній Тургеневъ (въ 1827 г.?) по переѣздѣ его родителей въ Москву: то былъ пансіонъ Вейденгаммера. Не сохранилось никакихъ свѣденій о томъ, чему учился тамъ Тургеневъ. Ему было всего 9 лѣтъ; въ пансіонѣ занимались, конечно, только практикою въ новыхъ иностранныхъ языкахъ. Изъ пансіона Вейденгаммера Тургеневъ, года черезъ полтора или два, перемѣщенъ былъ въ лучшій изъ тогдашнихъ московскихъ пансіоновъ, пансіонъ, изъ котораго впослѣдствіи образовался Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Открытое въ 1815 г. въ объемѣ тогдашнихъ 4-хъклассныхъ уѣздныхъ училищъ, съ прибавленіемъ лишь армянскаго языка [3]), это Лазаревское училище скоро вышло за предѣлы своей первоначальной задачи (30 безплатныхъ воспитанниковъ изъ бѣдныхъ армянъ) и уже въ 1819 начало привлекать въ свои стѣны и русскихъ воспитанниковъ [4]), благодаря недостатку въ Москвѣ казенныхъ гимназій.

Въ началѣ 20-хъ годовъ, кромѣ 30 казенокоштныхъ армянскихъ пансіонеровъ, въ училище принимались уже платные пансіонеры и приходящіе. Въ 1827 ихъ было уже 75. Воспитан-

[1]) Сб. расп. I, 857.

[2]) Сборн. пост. II, 473; ср. Отчетъ по мин. просв за 1834 годъ.

[3]) Капановъ, 19, Журн. мин. нар. просв. 1845 г., 99.

[4]) Капановъ 21, Зиновъ. 34.

ники и пансіонеры составляли два особые разряда; каждый разрядъ имѣлъ своего дежурнаго надзирателя; воспитанники и пансіонеры имѣли отдѣльныя помѣщенія, сходились только въ классѣ, рекреаціонномъ залѣ и столовой.

Долгое время основатели училища не могли добиться, чтобы оно было принято въ вѣдомство министерства нар. просв., и только въ 1835 году оно включено было во второй разрядъ учебныхъ заведеній, т.-е. до того времени это собственно былъ дворянскій пансіонъ, но безъ всякихъ правъ. Курсъ ученія въ институтѣ раздѣлялся въ 1828 г. на 4 класса: высшій, средній, низшій и приготовительный; въ трехъ низшихъ классахъ воспитанники должны были оставаться по два года, въ высшемъ одинъ. Каждый классъ имѣлъ свою спеціальную задачу; въ нижнихъ классахъ обращалось особенное вниманіе на изученіе новыхъ языковъ, которые признавались нужными для продолженія наукъ [1]). Не обучавшіеся восточнымъ языкамъ должны были „въ особенности упражняться во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ". Изученіе латинскаго языка поставлялось въ необходимость. Этотъ пунктъ тогдашняго институтскаго Устава очень важенъ: обязательное обученіе латинскому языку вызвано было тѣмъ, что Лазаревское училище рано поставило себѣ цѣлью приготовить воспитанниковъ къ поступленію въ университетъ. Въ этотъ-то пансіонъ помѣщены были Николай и Иванъ Сергѣевичи Тургеневы—12-го августа 1829 г.—и ввѣрены были заботамъ инспектора Краузе. Бывшій почетный попечитель института, князь Семенъ Давыдовичъ Абамеликъ-Лазаревъ, былъ пансіонскимъ товарищемъ Тургеневыхъ; даже въ 1883 онъ указывалъ мѣсто, гдѣ они жили въ институтѣ, и помнилъ разныя черты ихъ ученической жизни. Въ 1850 годахъ кн. Семенъ Давыдовичъ встрѣчался съ Ив. Сергѣевичемъ въ Петербургѣ и даже имѣлъ случай оказать нѣкоторую услугу своему пансіонскому товарищу. Для Тургенева было особеннымъ счастіемъ, что онъ помѣщенъ былъ въ пансіонъ армянскаго института, а не въ одинъ изъ тѣхъ благородныхъ пансіоновъ, въ которыхъ „питомцы (по словамъ министерскаго циркуляра отъ 16-го мая 1833 г.), получая за поверхностное энциклопедическое образованіе значительные чины, выходили оттолѣ прямо въ гражданскую службу, минуя университеты" (Сб. расп. I, 853). Но въ армянскомъ институтѣ Тургеневъ не оставался и трехъ мѣсяцевъ; 1-го ноября того же 1829 года онъ былъ взятъ изъ этого заведенія. Немного воспоминаній сохранилось у Тургенева о пансіонѣ Краузе;

[1]) Въ казенныхъ гимназіяхъ обученіе новымъ языкамъ начиналось съ 4 класса.

помнилъ онъ, что Краузе началъ учить его англійскому языку. Сильное впечатлѣніе на него произвелъ одинъ изъ гувернеровъ пансіона—русскій, который разсказывалъ ему на память всего „Юрія Милославскаго“ (только-что появившагося въ печати), какъ говорится, „отъ доски до доски“. Обыкновенно онъ сажалъ мальчика къ себѣ на колѣни и тотъ съ особеннымъ увлеченіемъ вслушивался въ его разсказъ и почти отъ слова до слова въ состояніи былъ потомъ его повторить. По выходѣ изъ института Тургеневъ продолжалъ подготовляться къ университету домашними учителями; въ числѣ ихъ рядомъ съ тогдашними знаменитыми московскими педагогами Погорѣловымъ и Дубенскимъ находился и тотъ нѣмецъ, который очень плохо говорилъ по-русски, не могъ безъ слезъ читать Шиллера и вскорѣ оказался простымъ сѣдельникомъ, безъ всякой педагогической подготовки“ [1]). Это было первымъ знакомствомъ Тургенева съ нѣмецкою литературою. По всеобщей исторіи Тургенева готовилъ въ университетъ Иванъ Петровичъ Клюшниковъ. Онъ былъ еще студентомъ московскаго университета. Иванъ Сергѣевичъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе. Клюшниковъ первый установилъ заочную, такъ сказать, нравственную связь Тургенева съ будущими товарищами послѣдняго, студентами московскаго университета. Клюшниковъ одаренъ былъ замѣчательнымъ остроуміемъ; по свидѣтельству Анненкова, онъ былъ Мефистофелемъ небольшого московскаго кружка, Клюшниковъ направлялъ свои эпиграммы на педантизмъ и низость побужденій. Онъ написалъ въ стихахъ „Обозрѣніе всемірной исторіи“, въ которомъ, по увѣренію слышавшихъ, далъ полную волю своему остроумію. „Съ Кл. (писалъ Станкевичъ въ мартѣ 1835 года) мы читаемъ одинъ разъ въ недѣлю Шеллинга; это—пріемъ самый умѣренный. Мы хотимъ непремѣнно вполнѣ понять его, ясно увидѣть ту точку, до которой могъ дойти умъ человѣческій въ свою долговременную жизнь“. Въ ноябрѣ, Клюшниковъ съ Станкевичемъ „принялись за Канта“. „Мы съ нимъ читали Шеллинга (пишетъ Станкевичъ Невѣрову) и если не поняли вполнѣ его хода, его діалектики, то постигнули основныя идеи, сущность системы. Чтобъ возвести свое горячее убѣжденіе на степень знанія, надобно хорошенько изучить основаніе, на которомъ утверждается новая нѣмецкая философія. Это основаніе системы Канта“ [2]). Такъ въ самомъ преддверіи

[1]) I, 16.

[2]) П. В. Станкевичъ, Переписка его и біографія, напис. П. В. Анненковымъ. М. 1858 (Переписка), стр. 131, 153.

университетской аудиторіи Тургенева встрѣтилъ студентъ, интересовавшійся новой нѣмецкой философіей. Впослѣдствіи Клюшниковъ печаталъ свои стихотворенія. Въ нихъ нерѣдко замѣчались „туманность и отвлеченность“ — слѣдъ философскихъ занятій; но въ нихъ ярко отражалась личность автора. Вотъ отзывъ о нихъ Бѣлинскаго: „они отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностью, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо ихъ безъ душевнаго участія“ [1]).

Тургеневъ поступилъ въ московскій университетъ въ сентябрѣ 1833. Тогда второй годъ дѣйствовали въ московскомъ университетѣ новыя правила о вступительныхъ экзаменахъ. Въ началѣ текущаго столѣтія, вскорѣ послѣ введенія новаго унив. Устава (1804 г.), московскій университетъ привлекалъ лишь немногихъ слушателей въ свои стѣны. Передъ началомъ 1805—6 академическаго года университетъ „обвѣстилъ почтенное Общество“ особымъ „провозглашеніемъ“ о предстоявшемъ пріемѣ въ студенты. Это провозглашеніе прекрасно характеризуетъ тогдашнее общественное положеніе университета. „Одаренъ Монаршими Его Импер. Величества щедротами и возвышенъ Августѣйшимъ покровительствомъ, Университетъ усерднѣйше приглашаетъ юношей всѣхъ состояній, желающихъ украсить разумъ свой многоразличными знаніями, удостоить оный вписаніемъ именъ своихъ въ число его слушателей. Университетъ торжественно обѣщаетъ особенное вниманіе и покровительство новымъ согражданамъ своимъ, творя ихъ причастниками всѣхъ правъ и преимуществъ, пожалованныхъ состоянію сему Всепресвѣтлѣйшимъ Государемъ нашимъ. По совершеніи трехлѣтняго курса наукъ, имѣютъ Господа студенты, по предъявленіи профессорскихъ свидѣтельствъ, вступить въ гражданскую службу Оберъ-офицерскимъ чиномъ, какъ воздаяніе похвальной прилежности и памятникъ трудовъ, въ Университетѣ положенныхъ“. Въ студенты принимались всѣ тѣ изъ юношей, которые положили *„основаніе* домашними ученіями въ исторіи и географіи, въ ариѳметикѣ и геометріи, и къ знанію природнаго языка присоединили достаточное знаніе одного или двухъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ“. Завлекая студентовъ обѣщаніемъ оберъ-офицерскаго чина, университетъ старается въ то же время

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. III, стр. 547.

разсѣять предразсудокъ родителей, что въ университетѣ юноши могутъ развратиться. „Родители могутъ положиться на бдительность Университетскаго Правленія, что оно не попуститъ никакому худому примѣру имѣть дѣйствіе на безпорочность нравовъ, которую поселили они въ юныхъ сердцахъ дѣтей своихъ. Какъ профессоры во время преподаванія лекцій обратятъ все свое вниманіе на внушеніе благонравія, такъ наипаче ректоръ и безсмѣнный засѣдатель, особенный предстатель свободныхъ студентовъ, извѣстить неукоснительно родителей о всемъ томъ, что̀ можетъ касаться до поведенія и обращенія дѣтей ихъ“. Обвиняя петербургскій университетъ (педагогическій институтъ) въ томъ, что его профессора „упражняются въ расколахъ и безвѣріи“, княгиня Тугоуховская была вѣрною выразительницею настроенія и воззрѣній, господствовавшихъ по отношенію къ университету въ аристократической средѣ. Московскому университету приходилось считаться съ этимъ воззрѣніемъ. Отчужденіе дворянства отъ гимназій и связанное съ нимъ предпочтеніе послѣднимъ частныхъ пансіоновъ и домашняго ученія, предубѣжденіе противъ университетовъ имѣли ближайшимъ послѣдствіемъ слабую подготовку студентовъ къ слушанію университетскихъ лекцій. Какъ ни ничтожны были требованія на курсовыхъ экзаменахъ, но болѣе половины курса нерѣдко оставалось на другой, даже на 3-й годъ и затѣмъ выходили изъ университета безъ диплома. Съ 1-го курса нравственно-политическаго отдѣленія, куда преимущественно поступали дѣти дворянъ и которое числомъ студентовъ и слушателей въ 1833 превышало даже медицинскій факультетъ (студ. 26, слуш. 10=36; на медиц. 16+6=22), изъ 26 студентовъ удостоено было перевода только 10. А условія перевода были для студентовъ самыя льготныя: въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ требовалось не менѣе $2\frac{1}{2}$; 0—изъ нѣмецкаго и 1—изъ латинскаго не препятствовали переходу на 2-й курсъ. Изъ всѣхъ 21 студентовъ ни одинъ не получилъ 5, хотя бы по одному предмету; но не было недостатка въ отличившихся въ противоположномъ направленіи; одинъ студентъ, проэкзаменовавшись изъ 6 предметовъ, получилъ въ общей суммѣ отмѣтокъ скромную цифру 2, т.-е. четыре нуля и двѣ единицы; другой пошелъ еще далѣе: сумма отмѣтокъ изъ 7 предметовъ дала въ общей сложности 1 (т.-е. онъ получилъ 6 нулей и одну единицу).

Наконецъ, до свѣденія государя доведено было, что въ университеты часто поступаютъ молодые люди студентами безъ надлежащихъ предварительныхъ познаній, отъ чего, „не въ состояніи будучи слѣдовать за чтеніемъ университетскихъ лекцій, вмѣ-

сто пріобрѣтенія высшаго образованія теряютъ понапрасну время". 9 ноября 1831 г. министру народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣно было принять мѣры и строго наблюсти, чтобы впредь въ студенты университетовъ никто не былъ принимаемъ, не окончивъ въ гимназіяхъ полнаго курса положенныхъ наукъ и не получивъ одобрительнаго о томъ свидѣтельства; тѣхъ же, кои, обучась дома у родителей своихъ или въ частныхъ пансіонахъ, пожелаютъ вступить въ университетъ, подвергать строгому испытанію во всѣхъ предметахъ полнаго гимназическаго ученія, и тогда только принимать въ студенты, когда окажутъ равныя познанія съ тѣми, кои съ успѣхомъ окончили ученіе въ гимназіяхъ [1]).

Въ московскомъ университетѣ въ первый разъ это Высочайшее повелѣніе примѣнено было къ вступительнымъ экзаменамъ въ 1832 году. Въ концѣ (27) мая 1833 министръ Уваровъ въ особенномъ циркулярѣ выразилъ желаніе, „чтобы при пріемѣ студентовъ въ университетъ была соблюдаема та же самая строгость, которая въ прошломъ году принесла столь много пользы московскому университету". Министръ выразилъ убѣжденіе при этомъ, что не число студентовъ, а уравнительное между ними пріуготовленіе къ высшему образованію и стройное развитіе умственныхъ силъ обѣщаютъ полезныхъ гражданъ и хорошихъ учителей, и призналъ нужнымъ въ 1833 году еще болѣе ограничить пріемъ въ студенты, предписавши подвергать вступительнымъ экзаменамъ и гимназистовъ, хотя бы они имѣли аттестаты. Такимъ образомъ въ 1833 году, когда Тургеневъ явился въ московскій университетъ ко вступительнымъ экзаменамъ, строгость послѣднихъ была еще болѣе усилена, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Въ началѣ августа совѣтомъ составленъ былъ испытательный комитетъ, которому вмѣнено было въ обязанность „обращать особенное вниманіе на свѣденія испытуемыхъ въ законѣ Божіемъ, русской словесности, латинскомъ языкѣ, одномъ изъ иностранныхъ новѣйшихъ, французскомъ или нѣмецкомъ, такъ, чтобы въ сихъ предметахъ испытаніе производилось прежде прочихъ, и не оказавшимъ въ ономъ достаточныхъ свѣденій не дозволялось уже дальнѣйшее продолженіе испытаній". Сверхъ того для поступающихъ въ словесный факультетъ признано было необходимымъ полное одобреніе по обоимъ новѣйшимъ языкамъ. Отъ экзамена въ греческомъ языкѣ хотя не освобождены были поступавшіе на словесный факультетъ,—преподаваніе его не было

[1]) Сборн. пост., II, 366—367.

еще введено въ гимназіи московскаго учебнаго округа,—но принимались въ студенты и тѣ, которые оказывали въ немъ слабыя свѣденія; для такихъ учреждалось при московскомъ университетѣ временное преподаваніе, *началъ* греческаго языка". Программа вступительныхъ экзаменовъ какъ нельзя болѣе благопріятствовала Тургеневу; для словесниковъ центръ тяжести лежалъ въ двухъ новыхъ языкахъ; большинство экзаменовавшихся (17 изъ 31) получили неудовлетворительную отмѣтку именно изъ нѣмецкаго языка: въ большей части частныхъ пансіоновъ и въ домашнемъ воспитаніи почти исключительно обучали французскому языку. Тургеневъ былъ счастливымъ исключеніемъ изъ этого правила. Безъ основательнаго знанія нѣмецкаго языка Тургеневъ не могъ бы всецѣло раздѣлять стремленія своихъ молодыхъ сверстниковъ за границу, стремленія, которое напоминало исканіе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ; не могъ бы „броситься внизъ головою въ Нѣмецкое море, долженствовавшее очистить и возродить его" (X, 3). Граповскій очень плохо зналъ по-нѣмецки, когда печаталъ первыя свои произведенія въ „Библ. для Чтенія". Когда ему предложено было отправиться за границу на казенный счетъ, чтобы впослѣдствіи занять каоедру исторіи въ московскомъ университетѣ, Граповскій понялъ, что съ его слабымъ знаніемъ нѣмецкаго языка ему нельзя было ѣхать въ Берлинъ, и бросился за совѣтомъ къ Я. М. Невѣрову, какъ заниматься. Одинъ изъ ближайшихъ друзей Станкевича, Невѣровъ не только далъ ему этотъ совѣтъ, но и сталъ учить его нѣмецкому языку: въ этихъ занятіяхъ прошелъ конецъ 1835 и начало 1836 [1]). Станкевичъ не даромъ побуждалъ Бѣлинскаго учиться по-нѣмецки, въ 1836 [2]). Изъ греческаго языка Тургенева не экзаменовали: началамъ этого предмета сталъ онъ обучаться въ московскомъ университетѣ на томъ временномъ курсѣ, который тогда устроенъ былъ для греческаго языка. На строгихъ вступительныхъ экзаменахъ 1833 г. Тургеневъ не получилъ *ни одной* неудовлетворительной отмѣтки и принятъ былъ въ студенты московскаго университета опредѣленіемъ совѣта отъ 20 сентября 1833 г. Насколько строги были экзамены, видно изъ того, что изъ 167 экзаменовавшихся на всѣ четыре факультета принято было только 25 человѣкъ. Самъ предсѣдатель испытательнаго комитета, ректоръ Болдыревъ, „принявъ въ уваженіе: 1) весьма малое число удостоиваемыхъ быть студентами, 2) от-

[1]) Русская Старина, 1880 г. апрѣль, стр. 735.

[2]) Станкевичъ, Анненкова (Переписка), стр. 175.

личныя способности нѣкоторыхъ, обнаружившіяся въ продолженіи испытанія, и 3) несовершившееся преобразованіе гимназій, предложилъ испытательному комитету довести до свѣденія совѣта и о тѣхъ, которые оказались слабыми *по одному* изъ предметовъ, существенно необходимыхъ при производствѣ испытаній, и дозволить ихъ утвердить студентами". Въ комитетѣ противъ этого ходатайства протестовалъ одинъ Давыдовъ. Въ совѣтѣ съ мнѣніемъ Давыдова согласились только пять профессоровъ. Значительнымъ большинствомъ голосовъ совѣтъ опредѣлилъ принять въ студенты еще 26 человѣкъ: изъ нихъ 16 имѣли неудовлетворительныя отмѣтки по латинскому и 5 по русскому языку и, слѣдовательно, по правиламъ не должны были допускаться къ продолженію экзаменовъ. Отвѣтственность за это распоряженіе, повидимому, принялъ на себя Болдыревъ.

При старыхъ порядкахъ, до изданія въ 1828 г. новаго гимназическаго устава и до реформы вступительныхъ въ университетѣ экзаменовъ 1832 г., московскій университетъ чувствовалъ необходимость поднять знанія студентовъ, вышедшихъ изъ пансіоновъ или получившихъ домашнее воспитаніе, до уровня знаній гимназистовъ и потому учредилъ при нѣкоторыхъ факультетахъ „такъ называемые приготовительные курсы, въ коихъ преподаваніе по содержанію и объему не восходило за предѣлы гимназическаго ученія". Теперь эти курсы признаны были безполезными и несовмѣстными съ достоинствомъ университета, почему и отмѣнены совершенно [1]). Въ то же время совѣтъ учредилъ для вступающихъ вновь слушателей всѣхъ факультетовъ *общій предварительный курсъ*, состоящій изъ наукъ, коимъ необходимо должны учиться всѣ, желающіе быть полезны себѣ и отечеству, какой бы родъ жизни и какую бы службу ни избрали. Въ составъ этого общаго курса входили: чтеніе св. писанія, русская словесность, всеобщая исторія, физика и языки латинскій, французскій и нѣмецкій. Съ этихъ поръ къ слушанію спеціальныхъ факультетскихъ лекцій допускались только тѣ, которые доказали на экзаменѣ свои успѣхи въ этихъ предметахъ.

Этотъ общеобразовательный курсъ и успѣлъ выслушать Тургеневъ въ московскомъ университетѣ. Долгое время держался въ московскомъ университетѣ этотъ общеобразовательный курсъ, такъ могущественно поддерживавшій въ студентахъ идеальныя стремленія, гуманныя начала и охранявшій ихъ отъ безсердечнаго и

[1]) Очень характерно для того времени, что въ словесномъ отдѣленіи (въ 1834 г.) вновь введено было преподаваніе исторіи словесности новѣйшихъ современныхъ народовъ (на высшихъ курсахъ).

черстваго спеціализма. „Прежде выработай въ себѣ человѣка, которому не чуждо было бы ничто человѣческое, а потомъ вырабатывай ученаго спеціалиста“, думали наши идеалисты 30-хъ и 40-хъ годовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ опущенъ былъ въ могилу прахъ Грановскаго, Тургеневъ писалъ въ „Современникѣ“: „Время еще впереди, когда настанетъ для насъ потребность въ спеціалистахъ, въ ученыхъ; мы нуждаемся теперь въ безкорыстныхъ и неуклонныхъ служителяхъ науки, которые бы твердой рукою держали и высоко поднимали ея свѣточъ, которые, говоря намъ о добрѣ и нравственности, о человѣческомъ достоинствѣ и чести, собственною жизнью подтверждали бы истину своихъ словъ“ (X, 475). Конечно, при тогдашнемъ составѣ студентовъ и профессоровъ этотъ общеобразовательный курсъ не могъ сразу достигнуть той высоты и того нравственнаго вліянія, котораго онъ достигъ впослѣдствіи, но для характеристики направленія преподаванія въ московскомъ университетѣ важно было принципіальное признаніе необходимости такого общегуманитарнаго курса. Въ то время отъ профессора даже и не требовались спеціальныя занятія той наукой, которую онъ преподавалъ. Такъ въ 1826 году Давыдовъ былъ профессоромъ философіи. Вступительная лекція его о возможности философіи, какъ науки, составленная по Шеллингу, повела къ закрытію каѳедры философіи и къ перемѣщенію Давыдова въ математическій факультетъ для преподаванія высшей алгебры; въ 1831 г. Давыдовъ возвращенъ былъ въ словесное отдѣленіе для преподаванія русской словесности; въ 1833/4 году Тургеневъ слушалъ курсъ Давыдова по исторіи русской словесности. Въ томъ же году Погодинъ читалъ на общемъ для всѣхъ факультетовъ курсѣ всеобщую исторію по Бёттигеру. Онъ впослѣдствіи перевелъ и издалъ учебникъ Бёттигера, очень краткій и сухой, въ родѣ нынѣшнихъ гимназическихъ учебниковъ. Кубаревъ объяснялъ XXI-ю книгу Ливія и II-ю книгу Энеиды; Оболенскій повторялъ съ студентами греческую этимологію и синтаксисъ и объяснялъ отрывки изъ греческой хрестоматіи Каченовскаго. Всѣ эти чтенія не особенно поднимались надъ уровнемъ тогдашняго гимназическаго преподаванія. Коркуновъ преподавалъ вспомогательныя историческія науки: географію древнюю и новую, хронологію и нумизматику. Младшій профессоръ русской словесности „занималъ студентовъ практическими упражненіями въ россійскомъ языкѣ, приспособляя оныя къ правиламъ, коими руководствовались образцовые отечественные писатели, и если позволяло время, показывалъ силу и богатство россійскаго языка“. „Корифеями словесности, проник-

шими до глубины отечественнаго языка", профессоръ считалъ Ломоносова и Шишкова, образцами краснорѣчія—проповѣди, между прочимъ, Дмитрія Ростовскаго, Стефана Яворскаго и другихъ. Профессоръ рекомендовалъ студентамъ „руководствоваться правилами и примѣрами благомыслящихъ писателей нашихъ"; рядъ этихъ благомыслящихъ писателей профессоръ оканчивалъ Карамзинымъ и Мерзляковымъ, имени Жуковскаго не стояло въ ряду образцовыхъ благомыслящихъ писателей: вѣроятно Жуковскій исключенъ былъ изъ этого ряда съ тѣхъ поръ, какъ сталъ писать баллады, поднявшія противъ него гоненіе классика Мерзлякова. Профессоръ, о которомъ идетъ рѣчь, убѣжденъ былъ, что не чужеземные токмо писатели (французскіе?), но и отечественные вполнѣ удовлетворяютъ любопытству искателей просвѣщенія.

Съ ученіемъ старой славянофильской школы, преслѣдовавшей западника Карамзина, Тургеневъ познакомился впервые въ моск. университетѣ. Профессоръ-славянофилъ и классикъ, рекомендовавшій своимъ слушателямъ избрать вождями своими Ломоносова и Хераскова, конечно напоминалъ ему стараго камердинера матери Василія Филипповича, хранившаго ключи отъ бакалейнаго шкафа и отъ библіотеки. Извѣстно, что Василій Филипповичъ первый заинтересовалъ ребенка-Тургенева произведеніями русской литературы: украдкой, гдѣ-нибудь въ саду или въ дальней комнатѣ, онъ читалъ ему „Россіаду" Хераскова. Читалъ онъ основательно, повторяя каждый стихъ, сначала „на-черно скороговоркой, а потомъ на-бѣло", громогласно, съ необыкновенной восторженностью (I, XVI).

„— Эхъ барышня!—говорилъ Василій Филипповичъ воспитанницѣ матери Ивана Сергѣевича: — все-то вы французскую книжку читаете, ну что въ нихъ? Вотъ вы бы Хераскова почитали: книжка хорошая" [1]).

Наставленія Василія Филипповича обновилъ въ памяти Тургенева профессоръ-классикъ, и нѣкоторыя черты того и другого художественно сочетались въ Пупинѣ, который нерѣдко употреблялъ въ разговорѣ славянскія реченія и объяснялъ „барчуку". „Положимъ, въ обыкновенной бесѣдѣ подобныя реченія не всегда умѣстны, но какъ только воспаришь духомъ, такъ сейчасъ и слогъ является возвышенный. Неужто же вамъ учитель, преподаватель словесности россійской, неужто же онъ вамъ этого не объясняетъ?" (VIII, 45). Ломоносовской теоріи возвышеннаго стиля

[1]) „Вѣстн. Европы" 1884, ноябрь, 103.

Тургеневъ не могъ, конечно, слышать отъ своего крѣпостного камердинера...

Московскіе студенты 30-хъ годовъ восторженно встрѣтили первыя произведенія Гоголя: „Московскіе студенты (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ) всѣ пришли отъ него въ восхищеніе, и *первые* распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ“. Въ студенческомъ кружкѣ Станкевича культъ Гоголя установился прежде, чѣмъ стало извѣстно, кто скрывается подъ псевдонимомъ Рудый Панько. Станкевичъ приводилъ изъ „Вечеровъ“ отрывки на память. „Изъ Конька Горбунка я читалъ одинъ небольшой отрывокъ; это, какъ говоритъ Рудый Панько, соръ не соръ, земля не земля, прости Господи! чортъ знаетъ что̀ такое! плюнулъ да и руки вымылъ“ [1]).

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Станкевичъ присылки въ Москву „Ревизора“ и 1-й книги Пушкинскаго „Современника“. Въ этой книгѣ его интересовали пуще всего статьи Гоголя (стр. 175), а не произведенія Пушкина, ибо въ это время Станкевичъ убѣжденъ былъ, что поэтическій огонь въ душѣ Пушкина началъ угасать [2]). Изъ кружка Станкевича вышелъ критикъ, мощное и энергическое слово котораго поддержало автора въ глазахъ публики и ослабило вліяніе, произведенное многочисленными петербургскими его противниками. Бѣлинскій первый опредѣлилъ историческое значеніе Гоголя въ русской литературѣ. Авторъ „Ревизора“ хорошо понималъ это. „Съ гордостью понесу въ душѣ своей просвѣщенную признательность старой столицѣ изъ моей родины и сберегу ее какъ святыню въ чужой землѣ“ (V, 259). „Москва всегда была ко мнѣ благосклонна; Петербургъ былъ не за меня“. Въ черновыхъ наброскахъ статьи „О движеніи журнальной литературы“, Гоголь въ 1835 г. далъ такой отзывъ о Бѣлинскомъ: „Въ критикахъ Бѣлинскаго, помѣщающихся въ „Телескопѣ“, виденъ вкусъ, хотя еще не образовавшійся и молодой, но служащій порукою за будущее развитіе, потому что основанъ на чувствѣ и душевномъ убѣжденіи“. Понятно, какъ должны были московскіе студенты относиться къ лекціямъ профессора-славянофила!

Студенты, конечно, пропускали мимо ушей лекціи старика славянофила и только незадолго до экзаменовъ зубрили разныя риторики. Передъ экзаменомъ изъ русской словесности Станкевичъ пишетъ одному изъ старшихъ своихъ товарищей. „Прошли Могилевскаго риторику и Никольскаго; когда есть, то и Рижскаго.

---

[1]) Станк., стр. 105.

[2]) Станкевичъ (біографія), стр. 75.

Пропасть глупостей надобно дѣлать сегодня. За чужими я и своей отпустить не успѣю ни одной. Сегодня я рѣшительно подъ вліяніемъ обстоятельствъ“ [1]). Повидимому, Тургеневъ мало занимался „правилами“ профессора-славянофила; изъ предметовъ, которые имъ преподавались, онъ получилъ при переходѣ на второй курсъ только 3. Ту же отмѣтку получилъ онъ изъ закона Божія, греческаго и латинскаго языка. Изъ остальныхъ шести предметовъ Тургеневъ получилъ по 4; въ общей суммѣ 36; выше его по успѣхамъ, оказаннымъ на переходныхъ въ слѣдующій курсъ испытаніяхъ, были только два студента: одинъ имѣлъ въ общемъ итогѣ 38, другой—37. Изъ 13 студентовъ и слушателей тогдашняго курса переведены были на второй курсъ только 6.

Интересъ къ нѣмецкой философіи, одушевлявшій студентовъ московскаго университета съ самаго конца 20-хъ годовъ, находилъ себѣ удовлетвореніе и поддержку и съ профессорскихъ каѳедръ, хотя философія оффиціально и не преподавалась. Въ общеобразовательномъ курсѣ для первогодичныхъ студентовъ, который прослушанъ былъ въ Москвѣ Тургеневымъ, читалась проф. Павловымъ физика [2]). „Горячій поклонникъ философіи Шеллинга и Окена, онъ излагалъ ихъ ученіе съ такою пластическою ясностію, какой никогда не достигалъ ни одинъ натуръ-философъ, и такимъ образомъ возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ охоту къ серьезному умственному труду“ (I, XVIII). На его лекціяхъ студентамъ часто трудно было найти себѣ мѣсто. Его публичные курсы, построенные на тѣхъ же началахъ, привлекали постоянно массу слушателей даже изъ высшаго московскаго общества, въ которомъ пробужденъ былъ интересъ къ нѣмецкой философіи. Особенно могущественно дѣйствовалъ Павловъ на развитіе студентовъ въ математическомъ отдѣленіи, потому что онъ преподавалъ тамъ не только общій курсъ физики, но и спеціальные курсы. Изъ его аудиторіи въ 1832 вышелъ кандидатомъ Александръ Герценъ. Московская студенческая среда, въ которой вращался Тургеневъ, не могла не имѣть вліянія на развитіе его вкусовъ, на направленіе его университетскихъ занятій, особенно домашнихъ. Старшими товарищами Тургенева, между студентами московскаго университета, были между прочими Н. В. Станкевичъ, Василій Красовъ, Александръ Ефремовъ, между слушателями—И. А. Гончаровъ; они были на послѣднемъ (т.-е. на 3-мъ) курсѣ, когда Тургеневъ былъ студентомъ „первогодичнымъ“. Въ іюнѣ 1834 г.,

[1]) Станк. (Переписка), стр. 4.
[2]) Обозр., стр. 5.

когда Тургеневъ переведенъ былъ на 2-й курсъ, студенты Станкевичъ, Красовъ и Ефремовъ выпущены были изъ университета со степенью кандидата, слушатель Гончаровъ—дѣйствительнымъ студентомъ. Мы не имѣемъ указаній на то, чтобы Тургеневъ сблизился или только познакомился съ Станкевичемъ еще въ пору своего студенчества: первогодичные студенты слушали лекціи совершенно отдѣльно отъ студентовъ двухъ высшихъ курсовъ; но лучшіе представители университетскихъ слушателей одушевлены были одними и тѣми же стремленіями, которыя впослѣдствіе нашли себѣ полное выраженіе въ кружкѣ Станкевича. Это были искренніе романтики, крайніе идеалисты.

Гончаровъ, не принадлежавшій къ студенческому кружку Станкевича, потерявшій изъ виду своихъ товарищей словесниковъ, былъ въ 30-хъ годахъ сантиментальнымъ романтикомъ и въ младшемъ Адуевѣ выразилъ „всю праздную, мечтательную и аффектаціонную сторону старыхъ правовъ съ обычными порывами юности къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ“. Въ Адуевѣ-дядѣ выразилась практическая мудрость, служебная дѣятельность, доставившая ему прочное положеніе и положительныя блага. Идеалистическое направленіе господствовало среди московскихъ словесниковъ въ 30-хъ годахъ. Станкевичъ не разъ называлъ Москву мечтательной, Петербургъ практическимъ. А Гоголь въ то же время писалъ: „московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и пр.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности. Въ Москвѣ журналы идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжкой; въ Петербургѣ журналы не идутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно въ положенное время“.

При самомъ концѣ университетскаго курса „общество, въ которомъ Станкевичъ бесѣдовалъ еще о старыхъ предметахъ, согрѣвающихъ душу“, ограничивалось Бѣлинскимъ и Красовымъ: „эти люди способны вспыхнуть, прослезиться отъ всякой прекрасной мысли, отъ всякаго благороднаго подвига“ [1]). Красовъ былъ поэтъ; его лирическія произведенія (по отзыву Бѣлинскаго) часто отличались пламеннымъ, хотя и не глубокимъ чувствомъ, а иногда и художественной формою [2]). Клюшниковъ читалъ съ Станкевичемъ Шеллинга и Канта, Красовъ—стихи Козлова. Красову отдавалъ Станкевичъ на судъ свои стихотворенія [3]). Незадолго до

[1]) Станк. (Переписка), стр. 93.

[2]) Соч., т. III, стр. 547.

[3]) Станк., стр. 32, 33.

выпускныхъ экзаменовъ, въ ночь передъ Свѣтлой заутреней, Станкевичъ съ Красовымъ не ложились; сначала читали Шиллера; Станкевичъ вспоминалъ ему первую любовь свою, пришелъ Бѣлинскій и увлекъ ихъ въ Кремль [1]). Въ одной изъ своихъ повѣстей („Несчастная“) Тургеневъ вывелъ Станкевича въ лицѣ „студента-поэта“. „Во время моего пребыванія въ Москвѣ, въ одномъ обществѣ при мнѣ упомянули о Сусанѣ и самымъ невыгоднымъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ. Я всячески постарался заступиться за память несчастной дѣвушки; но мои доводы не произвели большого впечатлѣнія на моихъ слушателей. Одного изъ нихъ, молодого студента-поэта, я однако поколебалъ. Онъ прислалъ мнѣ на другой день стихотвореніе, которое я позабылъ, но которое оканчивалось слѣдующими четырьмя стихами.

Но и надъ брошенной могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы...
Она тревожитъ призракъ милый
И жжетъ надгробные цвѣты!“

Эти четыре строки представляютъ буквальную выписку изъ написаннаго въ 1833 г. стихотворенія Станкевича „на могилѣ Эмиліи“ [2]), стихотворенія, въ которомъ студентъ-поэтъ оплакалъ „кроткій геній, смущенный земными тревогами и отлетѣвшій отъ людей“ [3]). Съ неподдѣльнымъ страхомъ смотрѣли молодые идеалисты на практическую жизнь, которая должна была начаться за порогомъ университетскихъ аудиторій. Въ 1832 году, провожая одного молодого кандидата въ Петербургъ на скользкое, колкое и бурное поприще жизни, Станкевичъ напутствовалъ его слѣдующими стихами Шиллера:

„Твердость духа—въ день терпѣнья!
Помощь скорая—слезамъ!
Клятвамъ—вѣчность, лжи—презрѣнье,
Правда—ближнимъ и врагамъ!
Все—противу сильныхъ права,
Достояніе и кровь,
Гибель—злу, заслугѣ—слава,
Къ человѣчеству—любовь!

Въ половинѣ 1834 г., Тургеневъ выбылъ изъ кружка московскихъ идеалистовъ: въ 1834 г. семья Тургенева переселилась въ

---

[1]) Станк., стр. 90.
[2]) Н. В. Станкевичъ (Стихотворенія и пр., М. 1890), стр. 41.
[3]) Анненковъ, Станк. (Переписка), стр. 49.

Петербургъ, Ивану Сергѣевичу пришлось перейти въ петербургскій университетъ.

„Мнѣ всего было тогда 16 лѣтъ. Я былъ просто мальчикъ, чуть не дитя. Ненависть къ крѣпостному праву уже тогда жила во мнѣ“.

Лѣтомъ 1838 года Тургеневъ встрѣтился въ Эмсѣ съ Я. М. Невѣровымъ [1]), который соединенъ былъ съ Станкевичемъ, еще въ бытность свою въ московскомъ университетѣ, узами самой тѣсной и нѣжнѣйшей дружбы и питалъ къ нему самую восторженную и благоговѣйную привязанность [2]). Гораздо ранѣе 1838 г. тотъ же Невѣровъ познакомилъ съ Станкевичемъ и Граповскаго, и вотъ въ этомъ-то кружкѣ, подъ преобладающимъ вліяніемъ Станкевича, воспиталось большинство тѣхъ, которыхъ теперь называютъ людьми сороковыхъ годовъ: Невѣровъ, самъ Станкевичъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Граповскій. Къ этому кружку примкнулъ и старый московскій идеалистъ Герценъ. Эти „люди сороковыхъ годовъ“, кромѣ Граповскаго, учились въ 1830-хъ годахъ въ московскомъ университетѣ.

Пусть въ московскомъ университетѣ Тургеневъ могъ набраться только приготовительныхъ свѣденій для знакомства съ наукой; но здѣсь, въ этой средѣ, сердце Тургенева впервые потрясено было благородною радостью великихъ ощущеній.

„Въ Москвѣ мнѣ отраднѣе, нежели гдѣ-нибудь, — писалъ Станкевичъ Невѣрову:—здѣсь стѣны, въ которыхъ я въ первый разъ сталъ дышать новою жизнью; здѣсь люди, съ которыми подѣлился въ первый разъ идеями“ [3]). И то же можно сказать о Тургеневѣ...

Н. С. Тихонравовъ.

---

[1]) Р. Старина, 1883, ноябрь, стр. 417.

[2]) Русск. Стар., 1880, апр., 734.

[3]) Аннепк., Станк., 140.

ИЗЪ АРМАНА СИЛЬВЕСТРА

I.—ПѢСНИ О ЗВѢЗДАХЪ.

1.—Безсмертіе.

Куда текутъ во мглѣ свѣтила?
Въ тотъ свѣтлый край, что̀ озарила
Собою вѣчная заря;
И имъ во слѣдъ къ его предѣламъ
Поднимемся порывомъ смѣлымъ,
Высоко духомъ воспаря.

Полночный сумракъ лишь порогомъ
Для насъ является къ чертогамъ,
Куда приводитъ смерть сама.
И этотъ сумракъ безъ просвѣта—
Лишь трудный путь въ обитель свѣта,
Но онъ блеснетъ,—и сгинетъ тьма!

Изъ міра скорби и сомнѣнья
И намъ заря освобожденья
Предвозвѣщаетъ переходъ.
Когда, какъ звѣзды, мы мерцаемъ
И тихо гаснуть начинаемъ—
О, значитъ, близится восходъ!

2.—Желаніе.

Тропинкой мы шли отдаленной,
При блѣдномъ сіяньѣ луны,
И трепетъ любви затаенной
Намъ слышался въ плескѣ волны.

Казалося, имъ трепетали
Во мракѣ деревьевъ листы.
И звѣзды въ сіяющей дали;
И тихо головки склоняли
Объятые нѣгой цвѣты.

И молвилъ я съ нѣжной любовью:
—О, другъ мой! безумно любя,
Всей жизнью моею и кровью
Пожертвую я для тебя.

Скажи—и, велѣнью покорный,
Я брошусь въ шумящій потокъ;
Повиснувъ надъ бездною черной,
Тебѣ я съ вершины нагорной
Достану альпійскій цвѣтокъ!

Но звѣздной любуяся далью,
Сребрившейся въ темномъ пруду,
Она прошептала съ печалью:
—Кто дастъ мнѣ вонъ эту звѣзду?—

Предъ нею, безъ слова отвѣта,
Стоялъ я, потупивъ глаза.
Она продолжала:—Вѣдь эта
Звѣзда золотая—слеза.

То первыя чистыя слезы
Сіяютъ звѣздой съ высоты,
Счастливыя юности грёзы
И отблескъ ея чистоты!—

3.—Закатъ.

Вся глубина небесъ пылаетъ, какъ въ огнѣ,
Багрянца дымкою прозрачною объята.
Подобно блеску дня, хотѣлось бы и мнѣ
Угаснуть въ золотѣ заката.

Я отгорѣть хочу, какъ заходящій день,
И надъ полями пасть живительной росою,
Землѣ покинутой прохладу, миръ и тѣнь
Оставивъ за собою.

Что было бъ для меня холодной смерти мгла
И тайны вѣчности и ранняя могила—
Когда бы, отлетѣвъи авѣки, перешла
Душа моя въ надзвѣздныя свѣтила!

Угаснуть, умереть, окончить путь земной,
Всему сказать: прости! безстрастно и сурово,
И возродиться вновь въ лучахъ зари иной
Для жизни радостной и новой.

Какъ солнце, совершать побѣдоносный кругъ,
За грань чудеснаго проникнувъ безъ запрета;
Носить въ себѣ самомъ и разливать вокругъ
Источникъ пламени и свѣта.

Не солнечный ли лучъ рождается порой
И въ сердцѣ у меня оберегаемъ свято?
О, еслибъ отгорѣть, какъ онъ, въ огнѣ заката,
И возродиться вновь съ сіяющей зарей!

II.—ИЗЪ ОСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ.

1.—Послѣдній листъ.

Осень роковая, блѣдною рукою
Что за даръ печальный ты несешь съ собою?
Что въ дождѣ и вѣтрѣ мнѣ приносишь ты?
—Желтые листы!

Что же означаетъ этотъ даръ печальный:
Тихую ли ласку и привѣтъ прощальный,
Иль судьбы насмѣшку съ дикимъ торжествомъ?
—Память о быломъ!

Кто мнѣ посылаетъ этотъ даръ священный,
Какъ залогъ былого счастья незабвенный?
Отвѣчай, откуда мнѣ онъ присланъ былъ?
—Съ дорогихъ могилъ!

2.—Поздняя любовь.

Твоя улыбка въ сердцѣ властно
Рождала трепетъ роковой,
Но смыслъ его разсудокъ мой
Постичь надѣялся напрасно.

Встрѣчая взоръ твоихъ очей,
Я втайнѣ чувствовалъ волненье
И уяснить въ душѣ своей
Не въ силахъ былъ его значенье.

Но видя взоры этихъ глазъ,
Вдругъ заблиставшіе слезою,—
Я понялъ сердцемъ и душою,
Что полюбилъ въ послѣдній разъ.

3.—Serenade d'automne.

И вѣтеръ, и небо, и волны
Все шепчетъ во тьмѣ о любви.
Молю я, отчаянья полный,
О, выслушай рѣчи мои!
—Объяты серебряной мглою,
Сіяютъ созвѣздій огни;
Межъ небомъ, о другъ, и землею
Умчимся далеко съ тобою
Одни!—

И вѣтеръ, и небо, и море
Все молитъ во тьмѣ о любви.
Взгляни съ состраданьемъ во взорѣ
На тяжкія муки мои.
—Сіяютъ небесные своды,
Лепечутъ морскія струи;
Предъ ликомъ всесильной природы
Забудемъ былыя невзгоды
Въ блаженствѣ любви!

Тоскуютъ и вѣтеръ, и волны,
Проснуться готова земля;
Печалью и нѣжностью полный,
Стою предъ тобою, моля:
—Окончился мигъ сновидѣнья...
О, другъ мой, съ тобою вдвоемъ
Къ чему ожидать пробужденья?
Испивъ до конца наслажденье,
Какъ боги, умремъ!

О. Михайлова.

1893 г.

ЗАДАЧИ ЭСТЕТИКИ

ВЪ ОБЩИХЪ ЧЕРТАХЪ.

Когда мы учились въ консерваторіи, то имѣли случай часто замѣчать бо́льшую или мѣньшую односторонность у своихъ товарищей. Обыкновенно они усердно изучали лишь технику выбранной ими спеціальности: пѣнія, инструмента, композиціи. Многіе интересовались мало даже величайшими музыкальными произведеніями, не входящими въ ихъ репертуаръ, и оставляли безъ вниманія прочія искусства. Оттого художественный горизонтъ учащихся въ консерваторіи не могъ не съузиться... Крайняя трудность музыкальной техники, заставляющая сосредоточивать на послѣдней всю энергію учащагося съ его малыхъ лѣтъ, мѣшаетъ и общему научному образованію музыкантовъ. Въ результатѣ получается такая односторонность, которая грозитъ превращеніемъ артиста въ простого техника, могущаго блистать лишь своею виртуозностью... Подобный недостатокъ замѣчается иногда и у другихъ художниковъ. Безъ широкаго научнаго образованія художникъ своими произведеніями едва ли въ состояніи заинтересовать лицъ, находящихся на высшемъ уровнѣ умственнаго развитія даннаго времени. Такой художникъ можетъ нравиться внѣшней отдѣлкой своихъ произведеній, но едва ли онъ обратитъ вниманіе зрителя ихъ содержаніемъ. Выборъ послѣдняго зависитъ отъ умственнаго и нравственнаго развитія художника и обнаруживаетъ мысли, наполняющія его умъ, чувства, волнующія его сердце, словомъ—интересы, которыми онъ проникнутъ. Незнаніе свойствъ каждаго изъ искусствъ въ отдѣльности приводитъ иногда къ выбору такихъ сюжетовъ, которые не поддаются художественной ихъ обработкѣ. Такъ, напри-

мѣръ, музыкантъ, живописецъ, скульпторъ—иногда берутся за темы, доступныя лишь поэзіи; поэтъ нерѣдко начинаетъ соперничать съ музыкантомъ безсодержательностью своего благозвучнаго стиха, и съ живописцемъ, пытаясь рисовать словами. Оттого кажется, что нѣкоторые поэты и художники забыли или не читали „Лаокоона“ Лессинга [1]). Неясное пониманіе задачъ искусства приводитъ нѣкоторыхъ изъ его представителей къ опасной въ художественномъ отношеніи тенденціозности, — другихъ къ фотографической механичности, оправдываемой реализмомъ, но дѣлающей изъ искусства какой-то дубликатъ дѣйствительности, надобность въ которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна. Если односторонность невыгодно сказывается въ художественной дѣятельности, то тѣмъ болѣе она вредна для критики. Иногда случается, что неудача на художественномъ поприщѣ заставляетъ приниматься за перо рецензента. Неудавшійся художникъ или музыкантъ съ своимъ одностороннимъ образованіемъ превращается въ недостаточно компетентнаго цѣнителя художественныхъ произведеній. Въ результатѣ получается почти полное отсутствіе серьезной художественной критики въ наше время.

Насколько широкій эстетическій кругозоръ нуженъ для критики, всего лучше доказываетъ тотъ фактъ, что спеціалисты часто не въ состояніи понять оригинальное творчество генія, цѣнимаго справедливѣе не его собратами, а людьми, отличающимися широкимъ образованіемъ. Такъ, напримѣръ, композиторъ Глукъ, совершенно непонятый музыкальнымъ историкомъ и критикомъ Форкелемъ, былъ оцѣненъ Лессингомъ, Гердеромъ, Виландомъ, Гейнце и пр. [2])

---

[1]) Въ виду особенно частыхъ несоблюденій границъ въ художественныхъ произведеніяхъ, полагаемыхъ особенностями каждаго изъ искусствъ, мы написали этюдъ по сравнительной эстетикѣ („Сравненіе поэзіи и начертательныхъ искусствъ“), помѣщенный въ „Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ“ (1885 г., томъ III, выпускъ 1, 4 и 5), въ которомъ указали на исправленія и дополненія, дѣлаемыя современной эстетикой въ „Лаокоонѣ“ Лессинга.

[2]) Гейнце одинъ изъ первыхъ понялъ великое историческое значеніе Глука и оцѣнилъ сдѣланную этимъ композиторомъ оперную реформу. То, что Гейнце пишетъ въ своемъ романѣ: „Hildegard von Hohenthal“, объ „Армидѣ“, „Орфеѣ и Эвридикѣ“, „Альцестѣ“, „Ифигеніи въ Авлидѣ“ и „Ифигеніи въ Тавридѣ“, Глука, заслуживаетъ быть прочитаннымъ и принятымъ во вниманіе и теперь, несмотря на обширную литературу о названномъ композиторѣ (H. Hettner, Literatur-Geschichte des achtzenten Jahrhunderts. 1879. Th. 3. B. 3. Abth. I, S. 303—304).

Мнѣніе ограниченныхъ музыкальныхъ критиковъ и великихъ нѣмецкихъ писателей о Глукѣ см.: Langhans, Die Geschichte der Musik im 17, 18, und 19 Jahrhundert: II, S. 64—65.

Отчеты объ операхъ, концертахъ, выставкахъ и т. п. иногда обнаруживаютъ бо́льшую или меньшую несостоятельность въ эстетическомъ образованіи какъ критиковъ, такъ и критикуемыхъ...

Искусство можно изучать различно. Архитекторъ, скульпторъ и живописецъ стремятся къ тому, чтобы творить новыя художественныя произведенія; въ поэзіи и музыкѣ существуетъ еще дѣятельность исполнительная: актеръ, пѣвецъ и инструменталистъ могутъ ограничиваться однимъ лишь воспроизведеніемъ того, что̀ создали поэты и композиторы. Но изучается ли искусство, чтобы создавать новыя художественныя произведенія или исполнять прежнія,—цѣль остается та же: достигать наибольшей красоты въ творчествѣ или въ исполненіи. Если искусство изучается для достиженія возможной въ его области красоты, то оно становится предметомъ художественнымъ.

Но можно изучать искусство независимо отъ спеціально-художественнаго интереса, а для удовлетворенія любознательности. Интересно узнать: какія были художественныя произведенія въ разныя времена и у разныхъ народовъ, какъ развивались искусства, что̀ содѣйствовало художественному прогрессу или тормазило его, какія обстоятельства поощряли развитіе однихъ искусствъ и мѣшали процвѣтанію другихъ. Такое изученіе искусства равнодушно къ его красотѣ; оно стремится лишь къ истинѣ, т.-е. къ познанію фактовъ и законовъ, объясняющихъ художественную эволюцію человѣчества. При изученіи исторіи искусства, оно становится предметомъ научнаго изслѣдованія.

Наконецъ, можно изучать искусство съ цѣлью чуждой какъ художнику, такъ и историку. Художникъ можетъ инстинктивно стремиться къ высшей красотѣ въ области своего творчества, не давая себѣ отчета въ томъ, что̀ такое прекрасное. Историкъ можетъ игнорировать вопросъ о сущности и значеніи искусства. Что̀ такое красота; какія явленія природы и какія художественныя произведенія прекрасны; есть ли мѣрило градаціи красоты; какое отношеніе красоты искусства къ красотѣ природы; допускаетъ ли искусство безобразіе, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ; какое отношеніе между красотой, истиной и добромъ, безобразіемъ, ложью и зломъ, искусствомъ, религіей и наукой; какая разница между художественною виртуозностью и ремесленной техникой; какое значеніе искусства въ цивилизаціи и какая роль художника въ обществѣ,—вотъ вопросы, на которые пытается отвѣтить эстетика, изучающая искусство, какъ предметъ философскій.

Художникъ увлекается потокомъ своей богатой фантазіи, постоянно вдохновляющей его на творчество; и онъ принимается за новую работу, едва успѣвъ кончить предъидущую. Но онъ можетъ очнуться отъ этого художественнаго бреда и спросить себя: что онъ дѣлаетъ, къ чему стремится, какой смыслъ его художественнаго труда? И чѣмъ энергичнѣе онъ станетъ отыскивать отвѣты на эти вопросы, чѣмъ опредѣленнѣе онъ выработаетъ свои взгляды на красоту, искусство и собственное творчество,—словомъ, чѣмъ сознательнѣе станетъ его художественное міросозерцаніе, тѣмъ будутъ глубже идеи его произведеній, тѣмъ интенсивнѣе онѣ повліяютъ на общество и тѣмъ серьезнѣе окажется его значеніе въ исторіи искусства и прогрессѣ культуры. „Что учитель для дѣтства, то поэтъ для зрѣлаго общества“,—говоритъ Эсхилъ въ „Лягушкахъ“ Аристофана. По мнѣнію Гёте:

„Wer Wissenschaft und Kunst besitzt,
Hat auch Religion.
Wer jede beide nicht besitzt,
Der habe Religion“.

Изъ разговора Микель Анджело съ Витторіей Колонна мы узнаемъ, что для великаго художника „искусство благородно и благочестиво въ силу творящаго въ немъ духа“. Для него нѣтъ „ничего болѣе набожнаго и чистаго, чѣмъ усиліе создать нѣчто совершенное, и стремиться къ совершенству значитъ стремиться къ божественному. Настоящая живопись есть отпечатокъ божественнаго совершенства, тѣнь кисти, которою Богъ рисуетъ, — мелодія, стремящаяся къ созвучію“ [1]). Въ одномъ изъ своихъ писемъ Бетховенъ совѣтуетъ проникать въ самую суть искусства. „Оно заслуживаетъ этого, потому что искусство и наука возвышаютъ человѣка до Божества“ [2]).

Историкъ искусства удовлетворяетъ своей любознательности, изслѣдуя художественныя произведенія разныхъ временъ и народовъ. Результатомъ его работы является болѣе или менѣе обширное собираніе матеріала и накопленіе фактовъ. Но среди погони за обогащеніемъ своихъ свѣденій въ области искусства прошедшихъ временъ можетъ возникнуть вопросъ: что такое само искусство, и какую роль оно играло въ жизни создавшихъ его людей.

[1]) Hermann Grimm, Leben Michelangelo's. Fünfte Auflage, Bd. II, S. 305—306.

[2]) A. W. Thayer, Ludwig von Beethoven's Leben. III, S. 205.

Весьма интересны взгляды Бетховена на музыку, высказанные имъ въ письмахъ къ Беттинѣ Арнимъ. Но подлинность ихъ возбуждала сомнѣнія. Въ ея защиту Тейеръ приводитъ весьма вѣскія соображенія (Ibid., III, S. 453—462).

И чѣмъ яснѣе станутъ взгляды историка на жизнь человѣчества, сущность цивилизаціи, значеніе искусства въ культурѣ разныхъ народовъ во всѣ моменты ихъ историческаго развитія—тѣмъ менѣе трудъ такого историка ограничится однимъ констатированіемъ отрывочныхъ фактовъ, тѣмъ болѣе связи получатъ они въ его глазахъ, тѣмъ рельефнѣе обнаружится ему относительное достоинство изслѣдованныхъ имъ художественныхъ произведеній, тѣмъ понятнѣе будутъ законы эстетическаго роста разныхъ націй и отношенія искусства къ остальнымъ духовнымъ сторонамъ внутренняго міра людей—религіи, наукѣ и нравственности.

Широкое эстетическое введеніе предпослалъ Шнаазе своему капитальному труду по исторіи образовательныхъ искусствъ (Chnaase, Geschichte der bildenden Künste). Авторъ новѣйшей, еще не оконченной книги по тому же предмету пишетъ: „Намъ необходимо проникнуть въ духъ цивилизацій, мы должны понять ихъ душу и геній и уразумѣть, откуда онѣ вышли, чего достигли и гдѣ остановились; мы должны опредѣлить, какъ онѣ понимали идею красоты, и показать на удачно выбранныхъ примѣрахъ, въ какой мѣрѣ и какими средствами онѣ достигли реализаціи этого пониманія“ (Perrot et Chipiez, Histoire de l'art de l'antiquité, I, p. XLII). Исторія музыки еще слишкомъ молода, чтобы достигнуть подобной высоты. Но она исполнитъ свое назначеніе лишь тогда, когда прослѣдитъ эволюцію названнаго искусства параллельно съ развитіемъ и обогащеніемъ эмоцій, волнующихъ человѣческую душу. Крикъ есть прототипъ музыки. Когда внутренній міръ человѣчества былъ бѣденъ, то и музыка его была крайне проста. Есть пѣсни дикарей, состоящія всего изъ двухъ звуковъ. Развитіе музыки обусловливается обогащеніемъ сердечной жизни новыми аффектами. Оттого каждое художественное произведеніе названнаго искусства служитъ выраженіемъ послѣднихъ. Съ этой точки зрѣнія исторія музыки должна сдѣлаться широкой картиной, изображающей тѣ чувства, настроенія и страсти, которыми волновалась грудь человѣчества на пути его культурнаго развитія. Если исторія литературы показываетъ прежняго человѣка „внутреннимъ очамъ“ [1]) историка, то исторія музыки должна дать возможность прислушаться къ воплямъ радости и горести людей, создававшимъ своимъ гигантскимъ трудомъ все болѣе увеличивающіяся блага цивилизаціи....

---

[1]) Taine, Histoire de la littérature anglaise, t. I, p. V.

Для человѣка, всецѣло преданнаго дѣлу, трудъ и жизнь—одно. Поэтому вопросъ о смыслѣ его труда тождественъ съ вопросомъ о смыслѣ его жизни вообще. Масса причинъ наводитъ на этотъ вопросъ человѣческую мысль. Мы живемъ, но знаемъ, что умремъ, и перспектива смерти заставляетъ насъ спросить себя, какой смыслъ жизни, зачѣмъ она намъ дана, и какъ слѣдуетъ ею пользоваться? Эти вопросы повергаютъ насъ въ тѣмъ большее недоумѣніе, что смерть естественная, старческая, какъ слѣдствіе постепеннаго угасанія жизненныхъ силъ, есть скорѣе исключеніе; въ большинствѣ случаевъ смерть кажется намъ преждевременной. Зачѣмъ родится человѣкъ, если ему суждено умереть въ возрастѣ, полномъ силъ и энергіи, или въ пору цвѣтущей молодости, или даже младенчества?..

Смерть для человѣка—величайшее зло. Всѣ люди любятъ жизнь. Самосохраненіе есть сильнѣйшій двигатель всѣхъ человѣческихъ поступковъ,—двигатель, побѣждаемый лишь иногда самоотверженіемъ, заключающимся въ предпочтеніи жизни породы индивидуальному существованію. Даже самоубійство не всегда есть доказательство не-любви къ жизни, являясь обыкновенно слѣдствіемъ невозможности жить такъ, какъ хотѣлось бы.

Для человѣка не одна смерть есть зло, способное возбудить сомнѣніе въ смыслѣ жизни, но и все вредящее ей: болѣзни, пороки, несчастія и пр. Все это не только наноситъ непосредственныя страданія, но и смущаетъ душевный покой, возбуждая вопросъ: зачѣмъ дана жизнь со свойственной ей неутолимой жаждой наслажденія и счастія? Не всегда и имъ удается доставить забвеніе человѣку. Наоборотъ, они-то иногда и пробуждаютъ мучительныя сомнѣнія. Избытокъ счастія пугалъ грековъ. Имъ казалось, что оно возбуждаетъ зависть въ самихъ богахъ. Для насъ этого страха не существуетъ, но наше благополучіе болѣе или менѣе можетъ быть отравлено сознаніемъ его непрочности. Возможность въ каждую минуту потерять его тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ слаще приносимыя имъ радости и наслажденія.

Не одна непрочность счастія мѣшаетъ намъ безпечно ему предаваться. Если мы испытываемъ наслажденіе продолжительное время, то оно обыкновенно надоѣдаетъ намъ. Издали удовольствія насъ манятъ съ бо́льшею силою. Достиженіе ихъ можетъ показаться величайшимъ благомъ. Но въ большинствѣ случаевъ они оказываются или менѣе пріятными, чѣмъ мы ожидали, или, обжигая насъ въ моментъ пылкаго удовлетворенія страсти, они немедленно влекутъ за собой холодъ разочарованія и скуку пресы-

щенія. Тогда можетъ возникнуть вопросъ: не есть ли вся наша жизнь одна безплодная погоня за иллюзіей?

Перенося свои взоры отъ индивидуальной жизни на коллективное существованіе всего человѣчества, мы видимъ, что народы, находясь въ благопріятныхъ для культуры условіяхъ, болѣе или менѣе быстро развиваются. Но по мѣрѣ достиженія кульминаціонной точки своего прогресса, народная мощь слабѣетъ, пріобрѣтенныя блага изнѣживаютъ нравы, и нація вступаетъ на путь своего паденія. Иногда результатомъ всей цивилизаціи остается нѣсколько обезображенныхъ обломковъ въ печальной пустынѣ, гдѣ прежде цвѣла радостная жизнь. Такова участь не только отдѣльныхъ націй, но, можетъ быть, и всего человѣчества, которое, подобно прежнимъ, менѣе приспособленнымъ къ жизни существамъ, можетъ также исчезнуть, чтобы оставить мѣсто болѣе совершеннымъ.

Отрываясь отъ земли и переносясь мыслію въ небесное пространство, мы встрѣчаемъ еще болѣе грандіозную, міровую тайну. Изъ туманныхъ пятенъ образуются новыя планеты и солнечныя системы. Планеты рождаются, переживаютъ вулканически-бурный періодъ своей юности, затѣмъ достигаютъ болѣе регулярнаго, спокойнаго періода, сопровождаемаго появленіемъ органической жизни, наконецъ остываютъ, старѣютъ и умираютъ, превращаясь въ колоссальную охолодѣвшую глыбу. Если такова перспектива и земли, то какой смыслъ нашей промышленности, окружающей жизнь такимъ комфортомъ, нашей науки, просвѣщающей умъ знаніемъ, нашего искусства, влекущаго насъ къ идеалу? Вопросы жизни, зародившись въ душѣ человѣка, смущаютъ ея покой. Иногда мы ихъ преднамѣренно гонимъ и стремимся забыться въ погонѣ за удовольствіями или въ толкотнѣ будничной суматохи. Но не всегда это удается. Наоборотъ, изнуренные и разочарованные, мы снова становимся лицомъ къ лицу съ мучившими насъ тайнами и настоятельнѣе требуемъ отвѣтовъ на неразрѣшенные вопросы. Насколько эти отвѣты были важны для человѣчества, видно изъ того, что съ незапамятныхъ временъ оно искало ихъ. Какъ отвѣчало человѣчество на вопросы жизни, свидѣтельствуютъ религіи и философскія системы.

Религіи объясняютъ, какъ произошелъ міръ, зачѣмъ человѣкъ живетъ на землѣ и что такое его жизнь: есть ли она главный моментъ его существованія или лишь приготовленіе къ важнѣйшему, въ смыслѣ искуса для полученія награды или наказанія въ иномъ мірѣ. Отвѣчая на вопросы: что такое жизнь и зачѣмъ она намъ дана, религіи указываютъ и на то, какъ слѣдуетъ жить.

Надѣленный ненасытной страстью къ наслажденію, для удовлетворенія которой къ услугамъ человѣка вся роскошь земныхъ утѣхъ, онъ, однако, безпрестанно наталкивается на страданія и вездѣ видитъ угрозу его бренному существованію. Въ этомъ злѣ религіи усматриваютъ кару разгнѣванныхъ божествъ, для умилостивленія которыхъ человѣчеству необходимо расположить къ себѣ исполненіемъ ихъ законовъ. Съ религіями постепенно связывается извѣстный кодексъ поведенія, заключающій въ себѣ болѣе или менѣе совершенную систему этики, отвѣчающей на вопросы: какъ жить?

Но не всегда и не всѣ люди въ состояніи вѣрить отвѣтамъ религій на вопросы жизни. Языческія религіи были слишкомъ ограниченны, чтобы постепенно развивающійся умъ не сбросилъ ихъ авторитета. Начавъ изслѣдовать внѣшній и внутренній міръ, человѣкъ сталъ самостоятельно искать разрѣшенія вопросовъ жизни и создалъ философію, пытающуюся независимо отъ религіи разгадать тревожащія душу тайны.

Отвергнувъ религіозный авторитетъ, требующій безусловной вѣры, философія прежде всего должна была узнать, что̀ правда и что̀ ложь. Исканіе истины—вотъ разумъ философіи. Найдя методы для изслѣдованія истины, проторивъ путь къ знанію, человѣкъ силою собственнаго ума, независимо отъ религіознаго свидѣтельства, отвѣчаетъ на вопросы жизни и, болѣе или менѣе убѣждаясь въ вѣрности этихъ отвѣтовъ, по крайней мѣрѣ на время удовлетворяется ими. Пытаясь постигнуть сущность бытія, философія учитъ, что̀ такое жизнь. Стремясь проникнуть въ смыслъ и назначеніе вещей и явленій, философія отвѣчаетъ на вопросы: зачѣмъ мы живемъ и какъ слѣдуетъ жить.

Горькій опытъ привелъ человѣчество къ разочарованію въ силахъ своего разума. Постоянная смѣна одной философской системы другою обнаружила бо̀льшую или меньшую несостоятельность ихъ всѣхъ. Человѣческій разумъ оказался слишкомъ слабъ для раскрытія міровыхъ тайнъ, и онъ сталъ искать истину въ предѣлахъ наблюденія и опыта. Въ этой области науки открывается безконечная масса знаній, драгоцѣнныхъ для нашего земного обихода.

Религіи и философскія системы самимъ фактомъ ихъ существованія свидѣтельствуютъ о томъ, какъ было важно для человѣчества разрѣшить свои недоумѣнія по поводу важнѣйшихъ вопросовъ, задаваемыхъ самою жизнію; исторія религіи и философіи показываетъ намъ, какимъ образомъ люди, подъ вліяніемъ

разныхъ условій мѣста и времени, удовлетворяли этой неотложной потребности своего духа.

Но какъ ни важно для человѣчества отвѣчать себѣ на вопросы, что̀ такое жизнь, зачѣмъ мы живемъ и какъ слѣдуетъ жить, оно въ своемъ внутреннемъ мірѣ не ограничивается однимъ лишь стремленіемъ къ ихъ разрѣшенію и усиліямъ вести себя и поступать согласно съ полученными отвѣтами; другими словами: оно не удовлетворяется однимъ стремленіемъ къ истинѣ и добру; познавательная дѣятельность ума и нравственныя усилія воли не исчерпываютъ всей полноты человѣческой души. Да и жизнь, сосредоточенная на стремленіи только къ истинѣ и добру, едва ли по силамъ человѣку. Познаваніе истины требуетъ постоянныхъ усилій мысли. Разъ человѣкъ вступитъ на путь самостоятельныхъ изслѣдованій внѣшняго и внутренняго міра, его ждутъ постоянныя сомнѣнія, и каждая пріобрѣтенная истина есть лишь болѣе или менѣе продолжительная остановка въ процессѣ безконечнаго умственнаго прогресса. Стремленіе къ добру предполагаетъ постоянныя усилія воли для исполненія нравственныхъ законовъ. Совпаденіе долга и склонности есть явленіе рѣдкое въ нашей внутренней жизни, являясь исключительнымъ случаемъ немногихъ, счастливыхъ по своему гармоническому развитію натуръ. Обыкновенно страсти парализуютъ наши добрыя намѣренія, а если побѣждаются послѣдними, то путемъ мучительной борьбы. Такимъ образомъ, познаваніе истины и дѣланіе добра требуютъ отъ человѣка постоянныхъ напряженій, усилій и труда.

Жизнь, задавъ человѣку свои вопросы, налагающіе на него такія тяжелыя задачи, не вовсе лишила его отдохновенія, въ которомъ онъ могъ бы черпать новыя силы и запасаться душевною бодростью для совершенія своихъ умственныхъ и нравственныхъ подвиговъ. Этотъ отдыхъ заключается въ томъ, что человѣкъ иногда останавливается въ своихъ попыткахъ отвѣтить на вопросы жизни, чтобы полюбоваться ею самою, отдаться созерцанію необозримаго разнообразія всѣхъ ея проявленій, симпатизировать всѣмъ формамъ ея обнаруживанія, въ которыхъ мы, какъ живыя существа, видимъ нѣчто родное, себѣ подобное, тождественное.

Стремленіе къ познанію жизни есть научный принципъ. Желаніе содѣйствовать жизни есть нравственный принципъ. Созерцаніе проявленія жизни есть эстетическій принципъ. Между ними есть тѣсное родство. Сходство эстетическаго принципа съ научнымъ заключается въ безкорыстіи. Подобно тому, какъ мы любуемся явленіями, не принимая въ разсчетъ ихъ способности или неспособности приносить намъ пользу, точно такъ же мы стремимся

къ истинѣ, подчиняясь одной любознательности, независимо отъ утилитарныхъ соображеній. Сходство эстетическаго начала съ этическимъ заключается въ симпатіи къ жизни. Восхищеніе ея проявленіями влечетъ за собою любовь. Послѣдняя возбуждаетъ желаніе содѣйствовать благополучію живого существа.

Отличіе научнаго и нравственнаго принципа отъ эстетическаго заключается въ томъ, что первые два требуютъ труда и борьбы. Для созерцанія же проявленій жизни не нужно усилій: человѣкъ ее слишкомъ сильно любитъ, чтобы не увлекаться всѣмъ ея разнообразіемъ. Если же она обнаруживается во всей полнотѣ своего развитія, не искалѣченная враждебными силами, въ ненарушимой гармоніи ея разностороннихъ, ничѣмъ не прерываемыхъ функцій, то такое проявленіе жизни, представая предъ очами созерцателя во всемъ блескѣ своей красоты, доставляетъ ему блаженныя минуты радостнаго восторга.

Лишь нѣкоторыя исключительныя натуры, рѣзко отличающіяся отъ обыкновенныхъ людей своею нравственною и умственною жизнью, почти всецѣло сосредоточиваются или на этическомъ, или научномъ принципѣ. Немногіе могутъ сказать съ Сенекой:

„Одну имѣлъ я въ жизни цѣль
И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой“...

Да и нужна ли такая односторонность? Спиноза, жизнь и ученіе котораго были тождественны, хотя всецѣло сосредоточилъ свой могучій разумъ на этическихъ проблемахъ, и въ своемъ поведеніи достигнулъ высшаго идеала человѣческой добродѣтели, пишетъ въ „Этикѣ“: „Разумный человѣкъ, говорю я, доставляетъ себѣ удовольствія умѣренной пищею и питьемъ, равно какъ и запахомъ и пріятнымъ видомъ зеленѣющихъ растеній, хорошей одеждой, музыкой, гимнастическими играми, зрѣлищами и другими подобными предметами, которыми каждый можетъ пользоваться безъ вреда для другого“ [1]).

Любопытный фактъ о притупленіи способности наслаждаться художественными произведеніями сообщаетъ Дарвинъ въ своей автобіографіи. До тридцатилѣтняго возраста онъ любилъ читать поэтическія произведенія, смотрѣть на картины и слушать музыку. Но съ теченіемъ времени искусство стало интересовать

[1]) Этика Бенедикта Спинозы. Переводъ подъ редакціей проф. В. И. Модестова. Изданіе второе, стр. 262.

Дарвина все менѣе и менѣе и, наконецъ, ему стали казаться даже произведенія Шекспира нестерпимо-скучными. Дарвинъ весьма сожалѣлъ объ утратѣ эстетической способности. „Мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—что мой умъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ машины для извлеченія общихъ законовъ изъ громаднаго количества фактовъ, но я не могу понять, отчего эта способность причинила атрофію той части мозга, отъ которой зависятъ эстетическіе вкусы. Человѣкъ съ умомъ, лучше организованнымъ, чѣмъ мой, не такъ пострадалъ бы, и еслибы я могъ снова пережить свою жизнь, то я постановилъ бы себѣ правиломъ читать поэзію и слушать музыку по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Вѣроятно, часть мозга, теперь атрофированная, сохранила бы свою дѣятельность, благодаря упражненію. Потеря этихъ вкусовъ есть потеря счастья, она можетъ быть вредна уму, еще вѣроятнѣе, нравственному характеру, ослабляя эмоціональную сторону нашей природы“ [1]).

Но Дарвинъ сохранилъ способность наслаждаться красотами природы. Онъ очень любилъ цвѣты. „Восхищаясь цвѣтами, — пишетъ его сынъ, Фрэнсисъ Дарвинъ, — онъ посмѣивался надъ тусклыми цвѣтами живописи, противопоставляя имъ яркость природныхъ оттѣнковъ. Я любилъ слушать, какъ онъ восхищался красотою цвѣтка: это было въ одно и то же время благодарность самому цвѣтку и личная любовь къ его изящной формѣ и цвѣту. Мнѣ кажется, что я его вижу, какъ онъ нѣжно дотрогивается до одного изъ его любимыхъ цвѣтковъ. Онъ восхищался ими, какъ дѣти“ [2]).

Быть можетъ, красоты природы заслонили собою искусство въ глазахъ Дарвина.

Его научные труды выяснили біологическое значеніе эстетическаго начала. У животныхъ потомство улучшается, благодаря тому, что родители выбираются изъ наиболѣе красивыхъ представителей породы. Дарвинъ собралъ много фактовъ, указывающихъ на то, что даже животныя руководствуются въ своемъ выборѣ красотою. Это инстинктивное влеченіе къ прекрасному навѣрно было у человѣка въ первобытную пору его существованія. Доказательствомъ могутъ служить дикари. Дарвинъ приводитъ много случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что дикарки „вовсе не находятся въ такомъ униженномъ положеніи относительно

---

[1]) The life and letters of Charles Darwin, including an autobiographical chapter edited by his son, Francis Darwin. Vol. I, p. 101—102.

[2]) Ibid., p. 116—117.

брака, какъ часто полагали. Онѣ могутъ выбирать мужчинъ, которыхъ предпочитаютъ, и иногда отвергать тѣхъ, которые имъ противны, до и послѣ брака“ [1]).

„Прежде чѣмъ дѣвушки согласятся дать слово, онѣ заставляютъ мужчину показаться имъ сначала спереди, затѣмъ сзади и смотрятъ на его походку“ [2]). Эстетическое чувство обнаруживается у дикарей не въ одномъ бракѣ. Они въ состояніи отрѣшаться отъ утилитарнаго взгляда и любоваться красотой даже тогда, когда имъ наносятъ вредъ. Англичане, мстя за убійство Кука, зажгли селенья туземцевъ. Ваитянки, стоя на мосту, восхищались зрѣлищемъ, восклицая: „майтай!“ — что значитъ: „прекрасно“ [3]). Какъ бы ни были грубы художественныя попытки дикарей, онѣ свидѣтельствуютъ о безкорыстномъ отношеніи къ предмету, слѣдовательно, о присутствіи эстетическаго принципа въ душѣ дикаря. Первобытный человѣкъ сталъ разукрашивать свою утварь, свое оружіе „не вслѣдствіе необходимости: инструментъ не становился болѣе годнымъ и удобнымъ для своего употребленія, вслѣдствіе его орнамента“ [4]).

Интересъ къ красотѣ долженъ былъ увеличиваться въ человѣчествѣ, по мѣрѣ развитія религіи и философіи. Для человѣка религіознаго красота есть печать совершенства, наложенная на міръ самимъ Божествомъ. Энтузіазмъ, возбуждаемый ея содержаніемъ, есть гимнъ въ душѣ человѣка, которымъ онъ прославляетъ Творца, любуясь дѣломъ рукъ Его. Для философа красота есть загадка, которую нужно разрѣшить и опредѣлить отношеніе прекраснаго къ истинному и доброму. Для этого философія создала особую вѣтвь—эстетику, развившуюся теперь въ особую науку. Послѣдняя есть необходимое дополненіе къ философскому міросозерцанію, потому что сама человѣческая природа не ограничивается познаваніемъ истины и дѣланіемъ добра, но стремится и къ созерцанію красоты. Такова роль эстетики для человѣчества вообще. Но послѣдняя имѣетъ особенную важность для художниковъ.

Подготовка къ художественной профессіи обыкновенно начинается очень рано. Техника нѣкоторыхъ искусствъ до такой степени трудна, что иногда ранняя спеціализація необходима.

---

[1]) Чарльзъ Дарвинъ. Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Сѣченова. 2-е изданіе. Томъ II, стр. 283—284.

[2]) Тамъ же, II, стр. 283.

[3]) Létourneau, L'évolution morale. Paris. 1887, p. 163—164.

[4]) Perrot et Chipiez, Histoire de l'art de l'antiquité, I, p. XLIX.

Успѣхъ художника, начинающаго заниматься своимъ искусствомъ въ болѣе или менѣе зрѣлые годы, обыкновенно весьма сомнителенъ [1]). Музыканты сосредоточиваютъ всю свою энергію на изученіи того или другого инструмента съ ранняго дѣтства. Такая преждевременная спеціализація, обрекающая человѣка на большую или меньшую односторонность, нерѣдко поощряется родителями и воспитателями: успѣхъ юнаго артиста льститъ ихъ самолюбію, а иногда представляетъ выгодную аферу... Но если спеціальное изученіе искусства даже было слѣдствіемъ одной ни чѣмъ не преоборимой склонности ребенка, находившаго въ любимомъ занятіи высшее наслажденіе, то это еще не служитъ ручательствомъ за способность искусства удовлетворить взрослаго человѣка. Послѣдній не можетъ всецѣло отдаться тому, что̀ ему только нравится: ему еще нужно вѣрить, что его дѣло имѣетъ серьезный, разумный смыслъ. Въ противномъ случаѣ игра на билліардѣ была бы такою же почтенною дѣятельностью, какъ и любого музыканта-виртуоза. Рано или поздно въ душѣ каждаго человѣка, слѣдовательно и художника, возникаютъ вопросы жизни, могущіе возбудить сомнѣніе въ разумности его спеціальности. Если искусство избирается профессіей въ дѣтствѣ, то лишь потому, что оно тѣшитъ ребенка. Но даетъ ли оно ему возможность исполнить жизненный долгъ человѣка? [2])...

Когда человѣкъ начнетъ всматриваться въ окружающую жизнь, то увидитъ такую массу зла, что едва ли будетъ въ состояніи безмятежно заниматься искусствомъ только потому, что оно ему нравится. Разъ достигнетъ до его ушей страшный вопль людского страданія, художникъ можетъ спросить себя: что̀ онъ дѣлаетъ для улучшенія человѣческой жизни, и приноситъ ли онъ свою лепту въ общую сокровищницу общественнаго благосостоянія? Отсюда естественно возникаютъ вопросы: что̀ такое искусство, и въ чемъ̀ заключается его назначеніе?

На эти вопросы и пытается отвѣтить эстетика. Она стремится узнать, что̀ такое прекрасное; какія особенности красотъ природы и искусства; есть ли искусство лишь дубликатъ природы, въ который оно можетъ превратиться вслѣдствіе реалистическихъ увлеченій, или нѣчто самостоятельное; останавливается ли искусство

---

[1]) „Двухъ только художниковъ мы знаемъ въ исторіи живописи,—говорилъ Брюловъ Ѳедотову,—которые принялись за краски въ 30 лѣтъ и достигли цѣли“ (Ѳ. И. Булгаковъ, Ѳедотовъ и его произведенія, стр. 6).

[2]) Какая трагедія иногда разыгрывается въ душѣ художника по поводу вопросовъ о смыслѣ и значеніи искусства, разсказываетъ намъ Гоголь въ „Портретѣ“, Гаршинъ—въ „Художникѣ“.

на одномъ подражаніи природѣ, воспроизведеніи дѣйствительности или стремится въ область идеала [1]), увлекая человѣчество по пути прогресса, маня перспективой лучшаго будущаго... Но не одно отношеніе искусства къ дѣйствительности занимаетъ эстетику; она старается опредѣлить его мѣсто въ ряду прочихъ дѣятельностей человѣка: религіозной, научной и промышленной. Эстетика, пытаясь разрѣшить самую важную и трудную задачу въ жизни художника, а именно: смыслъ и значеніе искусства, отвѣчаетъ и на болѣе спеціальные вопросы, задаваемые выбранною профессіей. Прекрасное есть главная цѣль искусства; поэтому вопросъ: какія художественныя произведенія и въ какой мѣрѣ достигаютъ этой цѣли—одинъ изъ самыхъ интересныхъ для художника. Но найти для него отвѣтъ нелегко. Для данной мѣстности прекрасно то художественное произведеніе, которое ей нравится. Но изъ этого не слѣдуетъ, что оно дѣйствительно отличается высокими художественными достоинствами. Довѣряться личному вкусу нельзя, вслѣдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, самъ онъ измѣняется съ теченіемъ времени, и рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что онъ въ какой-либо данный моментъ болѣе правиленъ, чѣмъ въ другой; во-вторыхъ, у каждаго отдѣльнаго лица свой собственный вкусъ.

Итакъ, есть множество фазисовъ развитія каждаго индивидуальнаго вкуса, а поэтому нельзя довѣрять самому себѣ при оцѣнкѣ красоты созерцаемаго предмета; есть множество различныхъ индивидуальныхъ вкусовъ; оттого—постоянные споры между людьми о достоинствѣ художественныхъ произведеній, споры—рѣдко приводящіе къ какимъ-нибудь разумнымъ результатамъ. Больше согласія замѣчается въ опредѣленіяхъ достоинства художественныхъ произведеній болѣе или менѣе отдаленныхъ временъ. Одинъ фактъ, что данное художественное произведеніе уцѣлѣло въ памяти людей, доказываетъ, что оно обладаетъ достаточными свойствами удовлетворять ихъ эстетической потребности. Внимательное изученіе художественной эволюціи указываетъ на то, что не всѣ вѣтви даннаго искусства ростутъ одновременно. Каждая его отрасль развивается отдѣльно и постепенно достигаетъ своей кульминаціонной высоты, послѣ которой болѣе или менѣе скоро наступаетъ упадокъ. Исторія располагаетъ художественныя произведенія, такъ сказать, по уступамъ пирамиды, на верхней площадкѣ которой находятъ мѣсто лишь немногіе шедѣвры. Они

[1]) Мы разумѣемъ художественный идеализмъ въ смыслѣ, приданномъ ему Мечниковымъ въ его статьѣ: „Законъ жизни“ „Вѣстн. Европы“ 1891, сентябрь, стр. 258).

могутъ служить маяками для современныхъ художниковъ, служа вѣчными образцами высшей художественной красоты въ отдѣльныхъ родахъ искусства. Сравненіе съ образцовыми произведеніями прежнихъ временъ продуктовъ современной художественной дѣятельности даетъ наиболѣе вѣрный и объективный критерій. Оттого исторія есть надежнѣйшая основа художественной критики. Многое изъ современной художественной жизни поддается сравненію съ явленіями, оцѣненными исторіей. Но иногда провести эту параллель болѣе или менѣе затруднительно. Въ особенности это случается при обсужденіи художественныхъ произведеній, принадлежащихъ новой отрасли, находившейся въ прежнія времена въ зачаточномъ состояніи или совсѣмъ еще не зарождавшейся. Въ одномъ изъ нашихъ этюдовъ, „Основы музыкальной критики“, мы собрали нѣсколько яркихъ примѣровъ, указывающихъ на то, что ошибки музыкальныхъ рецензентовъ происходили отъ ихъ мнѣній, основанныхъ на прежнихъ образцахъ. Оттого имъ казалось посягательствомъ на основные художественные законы новаторство современныхъ имъ геніевъ, творчество которыхъ раздвигало предѣлы искусства. Отсюда происходитъ тотъ интересный и крайне назидательный фактъ, что вѣрное пониманіе художественнаго прогресса наблюдается не у присяжныхъ цѣнителей даннаго искусства, а у людей, владѣющихъ широкимъ эстетическимъ образованіемъ (какъ объ этомъ упоминалось выше по поводу Глука). Эстетика пытается установить особенности прекраснаго, присущія каждому изъ искусствъ, вслѣдствіе его матеріала и обусловленныхъ послѣднимъ границъ, и градацію красоты, доступной каждому роду искусства. Если эстетика знаетъ, что возможно для даннаго искусства и въ чемъ заключаются его спеціальныя красоты, его преимущества и недостатки въ сравненіи съ остальными, то она можетъ дать основаніе для сужденія и объ отдѣльныхъ художественныхъ произведеніяхъ современной эпохи, помогая опредѣлить, насколько художникъ въ данномъ случаѣ воспользовался преимуществами извѣстнаго искусства и удержался въ границахъ своей области.

Наконецъ, эстетика полезна массѣ людей, способныхъ лишь пассивно воспринимать красоты природы и искусства. Она помогаетъ замѣчать прекрасное, глубже и сознательнѣе имъ наслаждаться. Красоты природы такъ щедро разсыпаны всюду, что мы часто въ разсѣянномъ равнодушіи не замѣчаемъ ихъ. Эстетика научаетъ насъ внимательно присматриваться къ красотѣ и вездѣ замѣчать ее, несмотря на ея склонность иногда застѣнчиво ютиться въ скромныхъ уголкахъ міра. Въ этомъ отношеніи за-

мѣчателенъ англійскій эстетикъ Рёскинъ (Ruskin), въ особенности его книга: „Modern painters“, въ которой авторъ пишетъ о небѣ, облакахъ, горахъ, водѣ и растеніяхъ. Эстетика растеній была предметомъ и его лекцій, читанныхъ въ Оксфордѣ, въ которыхъ, между прочимъ, онъ обратилъ вниманіе на красоты маслины, оставшіяся незамѣченными даже величайшими живописцами юга [1]).

Эстетика содѣйствуетъ и лучшему пониманію художественныхъ произведеній. Конечно, ей незачѣмъ учить спеціалистовъ, но каждый художникъ, выбравшій одно изъ искусствъ своею профессіей, можетъ быть профаномъ въ остальныхъ. Эстетика, открывая художнику глаза на прекрасное вообще, на красоты природы и искусства, расширяетъ его художественный горизонтъ. Насколько важно художнику не замыкаться въ тѣсныя рамки своей спеціальности, видно изъ того благотворнаго вліянія, которое обыкновенно на нее оказываетъ изученіе или по крайней мѣрѣ бо́льшее или мѐньшее пониманіе другихъ искусствъ. Леонардо да-Винчи—геній универсальный; Микель Анджело и Рафаэль соединяютъ въ себѣ живописца, скульптора и архитектора. Гёте признаетъ за изученіемъ образовательныхъ искусствъ большую пользу для поэтической дѣятельности [2]). Стихотворенія Гёте вдохновляли Бетховена на композицію [3]). Корелли (1653—1713 г.),

---

[1]) Ernest Chesneau. La peinture anglaise, p. 251. По мнѣнію этого писателя, Рёскинъ въ продолженіе тридцати лѣтъ эстетически воспиталъ, можетъ быть, не однихъ художниковъ, но конечно и англійскую публику (Ibid., p. 248).

[2]) „Въ своемъ послѣднемъ стихотвореніи,—пишетъ Гёте Шиллеру 8-го апрѣля 1797 г.,—я воспользовался тѣмъ, что мнѣ дало изученіе образовательныхъ искусствъ. Въ конкретномъ произведеніи, стоящемъ прямо передъ глазами, все лишнее гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ томъ, которое обозрѣвается духовными очами въ послѣдовательномъ порядкѣ. Это принесло бы большую пользу театру. Недавно меня поразило то, что въ нашемъ театрѣ группы—или сентиментальныя, или патетическія; но вѣдь мыслимы сотни другихъ. Такъ, напримѣръ, на этихъ дняхъ мнѣ показались нѣкоторыя сцены въ Аристофанѣ совершенно подобными древнимъ рельефамъ и, конечно, онѣ такъ и изображались“ (Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe in den Jahren 1794 bis 1805. Dritter Theil. Stuttgart und Tübingen, 1829, S. 59—60).

[3]) A. W. Thayer. Ludwig von Beethoven's Leben, III, S. 147 — 148. Этотъ біографъ Бетховена пишетъ, что послѣдній возбуждалъ свою фантазію ревностнымъ чтеніемъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводовъ древнихъ и англійскихъ классиковъ, а именно: Гомера, Плутарха и Шекспира, и охотно погружался въ созерцаніе ихъ образовъ, казавшихся ему достойными примѣрами для слѣдованія въ собственной жизни“ (Ibid., II, S. 68). Шиллеръ, Гёте, Оссіанъ и Гомеръ — любимые поэты Бетховена (Ibid., III, S. 82).

Подъ вліяніемъ литературы Листъ создалъ нѣсколько „симфоническихъ поэмъ“ (Simphonische Dichtungen): „Dante“; „Eine Faust-symphonie“; „Tasso, lamento e trionfo“; „Ce qu'on entend sur la montagne“ (V. Hugo); „Die Ideale“ (Schiller) и пр.

На благотворное вліяніе изученія литературы указывалъ художникъ Ѳедотовъ.

величайшій скрипачъ своего времени, искалъ сближенія съ живописцами, помогавшими ему пріобрѣтать для своей коллекціи картины, которыя онъ страстно любилъ [1]). Широкимъ эстетическимъ кругозоромъ отличался Дель-Круа [2]). Знатоками музыки были Швиндъ и Роттманъ [3]).

Даже геніальные художники нуждаются въ помощи для того, чтобы освоиться съ красотами искусствъ, чуждыхъ ихъ спеціальности. Такъ, напримѣръ, Гёте, для лучшаго пониманія архитектуры, сталъ изучать Палладіо и Витрувія [4]). Тѣмъ болѣе необходимости для профановъ въ особомъ руководствѣ, чтобы лучше понимать художественныя произведенія. Величайшія изъ нихъ, какъ напримѣръ: Прометей, Ніоба, Гамлетъ, Фаустъ, Страсбургскій соборъ, фрески Сикстинской капеллы, 9-ая симфонія и пр., выражаютъ глубочайшія идеи, доступныя человѣческому духу. Чтобы вполнѣ понять ихъ и вкусить присущія имъ красоты, необходимо основательное изученіе. Масса художественныхъ произведеній, съ менѣе серьезнымъ содержаніемъ, но облеченныхъ въ изящную форму, легко усвоиваются публикой, оттого склонной видѣть въ искусствѣ, вообще, одно лишь пріятное препровожденіе времени, до котораго можно снизойти въ минуты отдыха. Дѣло эстетики— предохранить общество отъ этого ошибочнаго взгляда: искусство —не блестящая бездѣлушка, тѣшащая взоръ, не сладострастная сирена, плѣняющая слухъ. Близость истины, добра и красоты, выясняемая эстетикой, дѣлаютъ изъ искусства мощный двигатель культурнаго прогресса. „Эстетика,—пишетъ Лудвигъ Эккардтъ,— открываетъ любителю искусства глубочайшіе тайники художественной дѣятельности, показываетъ ему и неподозрѣваемыя имъ

По его мнѣнію, изъ чтенія древнихъ авторовъ „больше выучишься, чѣмъ переглядѣвъ всѣ галереи картинъ на свѣтѣ“. Ѳедотовъ понялъ, „что всякій художникъ новаго періода не можетъ жить безъ чтенія. Я знаю многихъ талантливыхъ людей, не имѣющихъ случая образовать себя въ этомъ отношеніи, — говорилъ онъ. — Ихъ трудъ и слава отъ этого терпятъ много-много. Возьмите новую французскую школу: при всей поверхностности, недобросовѣстности, привычкѣ писать отъ себя, она держится и славится черезъ начитанность ея представителей. Эти ловкіе люди мечутся во всѣ стороны, читаютъ, выдумываютъ, поднимаютъ на ноги Данта, Гёте, Байрона, Боккаччіо; знаютъ, съ которой стороны зацѣпить вниманіе публики, и черезъ это пишутъ вещи, одинъ сюжетъ которыхъ есть уже половина успѣха. Придайте теперь эту ловкость нашимъ трудолюбивымъ, хорошо знающимъ анатомію молодымъ людямъ —и вы увидите, что они въ состояніи сдѣлать“ (Ѳ. И. Булгаковъ, П. А. Ѳедотовъ и его произведенія, стр. 19).

[1]) Wasielewski, Die Violine und ihre Meister. Zweite Auflage, S. 83.

[2]) Julius Meyer, Geschichte der modernen französischen Malerei, I, S. 206.

[3]) Pecht, Deutsche Künstler der XIX J., I, S. 198, II, S. 25.

[4]) Гёте, Путешествіе въ Италію. Изд. Гербеля, стр. 52, 89.

красоты образцовыхъ произведеній всѣхъ временъ, расширяетъ горизонтъ его пониманія и наслажденія и учитъ его смотрѣть на искусство не какъ на одно разсѣяніе или игрушку, которой можно позабавиться въ минуты отдыха, но какъ на нѣчто высокое и святое, какъ на особый родъ богослуженія, до котораго нужно возвыситься, чтобы быть достойнымъ принять участіе въ его священнодѣйствіи“ [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ задачи эстетики.

Но покуда эстетика только стремится къ разрѣшенію предложенныхъ ей вопросовъ. При современномъ ея состояніи она еще не можетъ дать вполнѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Красота, искусство—явленія крайне сложныя. Для полнаго ихъ пониманія и объясненія она нуждается въ помощи другихъ наукъ, въ особенности исторіи искусствъ, физіологіи и психологіи. Первая изъ нихъ нужна эстетикѣ для того, чтобы имѣть надежную точку опоры: эстетика старается понять, что̀ такое красота; — исторія искусствъ показываетъ неоспоримые образцы прекраснаго и, давая возможность сравнить ихъ съ произведеніями менѣе совершенными, помогаетъ пониманію разницы между градаціями художественности, достигнутой человѣчествомъ въ разныя времена его культурнаго развитія. Физіологія служитъ эстетикѣ своими изслѣдованіями внѣшнихъ чувствъ. Область послѣдней ограничивается одними конкретными явленіями. Они воспринимаются внѣшними чувствами, служащими посредниками между объектомъ, доставляющимъ эстетическое впечатлѣніе, и способнымъ на его воспріятіе субъектомъ. Физіологія указываетъ на условія, благодаря которымъ впечатлѣніе можетъ доставить наслажденіе или страданіе внѣшнему органу, и объясняетъ причину плѣняющаго дѣйствія красоты на физическую сторону нашей природы. Но красота не ограничивается лишь доставленіемъ чувственныхъ наслажденій нашимъ глазамъ и ушамъ: эти органы, получая впечатлѣнія отъ прекраснаго и чувственно наслаждаясь вслѣдствіе соприкосновенія съ нимъ, передаютъ свои раздраженія головному мозгу, въ которомъ физіологическое удовольствіе зрительнаго и слухового нерва претворяется въ блаженную радость эстетическаго восторга. Этотъ феноменъ лежитъ въ области психологіи. Ея задача заключается также въ объясненіи сходства между нравственнымъ удовлетвореніемъ отъ сознанія исполненнаго долга, радостью, причиняемой пониманіемъ законовъ природы и, вообще, познаніемъ истины

[1]) Ludwig Eckardt, Vorschule des Aesthetik, I, S. 4.

и безкорыстнымъ наслажденіемъ отъ созерцанія красоты,—сходства, обусловленнаго тѣмъ, что добро, истина и красота есть результатъ троякаго отношенія къ одному и тому же: добро есть содѣйствіе жизни, истина—пониманіе жизни, красота—созерцаніе жизни. Наука о душѣ должна выяснить законы активнаго элемента художественной дѣятельности, то-есть творчества, и пассивнаго воспріятія его продуктовъ, помогая эстетикѣ сдѣлаться психологіей фантазіи.

Но всѣ эти науки далеки еще отъ тѣхъ результатовъ, въ которыхъ эстетика такъ нуждается. Оттого и она сама неспособна дать удовлетворительные отвѣты на многіе вопросы, относящіеся къ ея области. Впрочемъ, едва ли она когда-нибудь станетъ наукой вполнѣ законченной [1]), раздѣляя въ этомъ отношеніи судьбу человѣческаго знанія вообще. Область прекраснаго безгранична, и художественное развитіе человѣчества безконечно. Эстетика, приводя по временамъ къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе важнымъ результатамъ, вѣроятно, никогда не остановится и не застынетъ въ оцѣпенѣніи, а станетъ постоянно слѣдовать за художественной эволюціей человѣчества, по мѣрѣ возможности приводя его къ болѣе сознательному наслажденію прекраснымъ. Поэтому, какъ, вообще, для всѣхъ областей духовной жизни, гдѣ человѣкъ предназначенъ къ постоянному развитію, безпрерывному прогрессу, безконечной работѣ, такъ въ особенности для эстетики глубоко знаменательны слова одного изъ величайшихъ ея представителей, заключающія въ себѣ призывъ идти все впередъ и долженствующія стать девизомъ для всякаго приступающаго къ изученію науки о прекрасномъ: „Достоинство человѣка,—говоритъ Лессингъ,—зависитъ не отъ предполагаемаго имъ обладанія истиной, а отъ искренняго усилія достигнуть ея, потому что не познаніе, а изслѣдованіе истины укрѣпляетъ его силы, въ чемъ и заключается

[1]) „Эстетическія, этическія и интеллектуальныя понятія произошли изъ чувства: они образовались тогда, когда мышленіе овладѣло чувствами и вывело на свѣтъ сознанія содержавшееся въ нихъ инстинктивное познаніе. Но и на этой ступени научный анализъ чувствъ не можетъ имѣть той вѣрности и точности, какой бы мы желали, потому что и здѣсь процессъ, вырабатывающій чувство, принадлежитъ совершенно къ области безсознательной души. Поэтому понятія, изслѣдованіемъ которыхъ занимаются эстетика, этика и даже философія (Erkenntnisslehre), не имѣютъ ничего твердаго и безспорнаго. Науки эти могутъ только все болѣе и болѣе приближаться къ полному опредѣленію своихъ понятій, но окончательно достигнуть этой цѣли имъ нечего и думать. Такимъ образомъ, граница, положенная всякому научному изслѣдованію, въ сущности основана на неясности чувства“ (В. Вундтъ, Душа человѣка и животныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго Кемница. Петербургъ, 1868 г., томъ II, стр. 59).

его все возростающее совершенство. Всякое обладаніе дѣлаетъ человѣка инертнымъ, лѣнивымъ и гордымъ. Еслибы Богъ держалъ въ своей десницѣ всю истину, а въ лѣвой рукѣ одно лишь внутреннее, живое стремленіе къ ней, хотя бы сопряженное съ постоянными и вѣчными заблужденіями, и сказалъ бы мнѣ: —выбирай! —то я палъ бы на колѣни передъ его лѣвой рукой и сказалъ бы: дай мнѣ то, что̀ держишь въ ней, потому что вся правда доступна лишь одному Тебѣ“.

Л. Саккетти.

ДРЕВНЕЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ

Въ исторіи литературнаго развитія имѣетъ важность та или другая степень образованности, на которой стоятъ сами дѣятели литературы и на которую могутъ они опираться, если не въ народной, то въ болѣе тѣсной общественной средѣ. Успѣхи литературы часто отождествляются съ успѣхами образованія, и дѣйствительно, они тѣснѣйшимъ образомъ связаны; тѣмъ не менѣе они остаются въ большой мѣрѣ отдѣльными областями. Литература въ своей высшей стадіи, какъ художественное изображеніе дѣйствительности и идеала, есть область личнаго творчества, трудно исчислимаго, которое въ своихъ наиболѣе глубокихъ выраженіяхъ является какъ бы таинственно возникающимъ созданіемъ національнаго духа (какъ всѣ геніальные писатели). Образованіе есть результатъ практически дѣйствующей школы; успѣхъ его можетъ быть и бываетъ дѣломъ сознательнаго памѣренія—или круга людей, полагающихъ на него свои усилія, или просвѣщенной власти, употребляющей волю и средства государства на основаніе и распространеніе школы (какъ у насъ было при Владимірѣ Святомъ, или при Петрѣ В., даже безъ всякихъ соображеній о могущемъ произойти отсюда будущемъ успѣхѣ націи и только съ мыслью о непосредственной пользѣ болѣе широко распространенныхъ знаній. Эти независимыя функціи національной мысли, какъ мы сказали, тѣсно однако связаны: писатель, сильный дарованіемъ, богатый содержаніемъ, можетъ остаться безъ вліянія на общество, не говоря о народной массѣ, если его содержаніе слишкомъ превышаетъ данную ступень образованности въ обществѣ; съ другой стороны, развитіе образованности во всякомъ случаѣ расширяетъ умственный горизонтъ цѣлаго общества, и слѣдовательно самой среды, воспитывающей писателя, усиливаетъ

умственную производительность и неизмѣнно отражается въ литературѣ возростаніемъ уровня самого художественнаго творчества и, въ концѣ концовъ, національнаго сознанія...

Даже въ эпохи, которыя бывали исполнены заблужденіями, поголовнымъ суевѣріемъ, переходившимъ въ систему (какъ нѣкоторыя отрасли средневѣковой схоластики), распространеніе школы ускоряло паденіе ложныхъ міровоззрѣній: когда средневѣковый ученый человѣкъ старался систематизировать данный кругъ понятій, онъ тѣмъ самымъ открывалъ путь къ ихъ пересмотру и къ запросамъ критики, которая, разъ возникнувъ, сначала медленными, а потомъ все болѣе увѣренными шагами шла къ созданію науки. Знакомство съ чужими литературами, въ средніе вѣка сначала съ латинской, потомъ съ греческой, было дѣломъ школы и съ теченіемъ времени произвело переворотъ въ цѣломъ міровоззрѣніи образованнаго круга, а затѣмъ во всей судьбѣ европейской литературы. И въ начальномъ періодѣ европейскихъ среднихъ вѣковъ школа оказала несомнѣнное вліяніе на расцвѣтъ литературъ народныхъ. Предметомъ школы была прежде всего церковная латынь; знаніе послѣдней само собою открывало какъ литературу церковную первыхъ христіанскихъ вѣковъ запада, такъ и латинскую литературу классическую: возбуждаемая школой любознательность и вкусъ къ поэтическому направились на національное поэтическое преданіе, такъ что съ VIII—IX вѣка идутъ сохранившіеся донынѣ памятники, какъ Беовульфъ, пѣсня о Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ и проч., за которыми послѣдовало богатое развитіе національнаго эпоса, лирики, наконецъ драмы. У народовъ запада изъ этихъ начатковъ и изъ распространившагося позднѣе гуманизма идетъ цѣлое развитіе новѣйшихъ литературъ. Въ южномъ и восточномъ славянскомъ мірѣ, несмотря на раннее появленіе народнаго языка въ церкви, этого явленія не произошло. Послѣ первоначальной эпохи языка старославянскаго,—племенная принадлежность котораго составляетъ доселѣ спорный вопросъ,—языкъ церкви не былъ, однако, вполнѣ народнымъ, повидимому у самихъ болгаръ, а еще менѣе у сербовъ и русскихъ. Церковное освященіе этого языка какъ бы дѣлало его исключительнымъ, единственно полноправнымъ языкомъ книги; люди книжные подъ вліяніемъ обстоятельствъ, о которыхъ мы говорили раньше, усвоили отрицательное отношеніе къ народно-поэтическому, какъ къ языческому; школа или отсутствовала, или существовала въ видѣ случайнаго, разъединеннаго и только элементарнаго обученія, а потому и не могла развить литературныхъ вкусовъ въ такой мѣрѣ, чтобы внушить

интересъ къ народно-поэтическому преданію, какъ это было на западѣ.

Новѣйшія изслѣдованія показали, однако, что въ древне-русскомъ періодѣ не было недостатка въ народно-поэтическомъ матеріалѣ, который могъ бы послужить для литературнаго воспроизведенія: отсутствіе послѣдняго должно быть отнесено къ условіямъ школы и образованія.

Подобнымъ образомъ новѣйшія сравнительныя разысканія открыли большое сходство въ содержаніи народнаго міровоззрѣнія у насъ и въ народныхъ массахъ на западѣ, какъ выражалось оно въ церковно-популярной литературѣ: тѣ же легендарныя представленія о созданіи міра и міроправленіи, взятыя не столько изъ библіи, сколько изъ апокрифическаго сказанія, развитаго народной фантазіей и дополненнаго изъ своихъ мѣстныхъ матеріаловъ; тѣ же фантастическія сказанія о природѣ, животномъ мірѣ, человѣческомъ существѣ. Сходство источниковъ—древняго народнаго преданія и книжно-пріобрѣтеннаго христіанскаго сказанія—создавало сходные, иногда тождественные результаты въ народной легендѣ средневѣкового запада и востока; но разница въ дальнѣйшемъ развитіи этой основы обнаружилась уже вскорѣ. Раньше и несравненно шире распространившаяся книжность, съ одной стороны, ввела этотъ матеріалъ въ поэтическое обращеніе; съ другой, раннее собственное знакомство съ классиками повело къ попыткамъ логическаго осмысленія и систематизаціи, которыя послужили исходнымъ пунктомъ научнаго движенія. Этого послѣдняго у насъ совершенно не было: то, что въ западной литературѣ возникало, въ этомъ отношеніи, еще въ XII—XIII вѣкѣ (какъ, напр., система Альберта Великаго, не говоря о болѣе раннихъ произведеніяхъ средневѣковой философіи), достигаетъ къ намъ, въ повтореніи, не раньше XVII-го вѣка, у кіевскихъ ученыхъ.

Вопросъ о древнемъ русскомъ просвѣщеніи еще не вышелъ изъ области споровъ. Нѣкогда это просвѣщеніе было высоко поставлено Шевыревымъ, въ его исторіи древней русской словесности: основой его сужденій были обиліе церковно-назидательной письменности и примѣры благочестія, которые находилъ онъ въ писаніяхъ церковныхъ учителей и въ дѣяніяхъ, сохраненныхъ лѣтописью и житіями. Но назидательныя писанія и факты благочестія, въ которыхъ онъ видѣлъ доказательства высокаго просвѣщенія, во-первыхъ, не представляли общаго порядка вещей, во-вторыхъ, не были однозначительны съ успѣхами образованности обычной, мірской, заключающей познанія научнаго характера и стоящей въ связи съ поэтическими интересами лите-

ратуры. Подобнымъ образомъ древнее просвѣщеніе оцѣнивалось нѣкоторыми писателями славянофильской школы. Съ другой стороны, однако, бросались въ глаза скудость въ старой письменности научныхъ познаній, а также и прямыя свидѣтельства памятниковъ объ отсутствіи школы, о недостаткѣ даже первоначальнаго обученія, какъ напр., въ извѣстной грамотѣ новгородскаго архіепископа Геннадія въ концѣ XV-го вѣка, о которой скажемъ далѣе. Новѣйшій историкъ церкви, г. Голубинскій, мнѣнія котораго мы не однажды приводили, изъ фактовъ древней жизни и письменности извлекалъ заключеніе о весьма невысокомъ уровнѣ просвѣщенія и въ древнемъ, и въ среднемъ періодѣ: лишь одно время, именно при Владимірѣ Святомъ (и частію при Ярославѣ) была прилагаема забота къ установленію школы, но затѣмъ просвѣщеніе было вообще предоставлено произволу случая.

Первый изслѣдователь этого предмета [1]) собралъ изъ старыхъ и позднихъ лѣтописей, лѣтописныхъ сводовъ и житій упоминанія, которыя, по его заключенію, давали право заключать о существованіи училищъ преимущественно въ мѣстахъ пребыванія епископовъ, или называли города, гдѣ были училища, или утверждали только существованіе совокупнаго обученія, или вообще указывали на распространеніе первоначальнаго обученія. Справедливость этихъ заключеній подтверждалась „характеромъ водворенія христіанства въ Россіи (обдуманною общегосударственною мѣрою), степенью образованности въ странѣ, сообщившей намъ христіанство, степенью древне-русскаго образованія вообще и исторіею водворенія христіанства въ другихъ славянскихъ земляхъ“. Предметами обученія въ древне-русскихъ училищахъ были чтеніе, письмо и пѣніе; главными руководствами при обученіи чтенію были азбука и псалтырь; въ обученіе письму входила и забота объ его правильности, т.-е. соблюденіи извѣстныхъ правилъ правописанія. Одна хронологическая статья XII-го вѣка давала поводъ заключать, что еще въ древнемъ періодѣ существовала у насъ особая нумерація и знаніе нѣкоторыхъ ариѳметическихъ дѣйствій [2]).

---

[1]) О древне-русскихъ училищахъ. Ник. Лавровскаго. Харьковъ, 1854.

[2]) Лѣтописныя показанія о существованіи училищъ немногочисленны:

— Подъ 988, первое извѣстіе о томъ, какъ Владиміръ началъ раздавать дѣтей „нарочитой чади“ на ученье книжное.

— Подъ 1030, извѣстіе позднихъ лѣтописей, относимое г. Лавровскимъ къ древнему источнику, о томъ, что Ярославъ, придя въ Новгородъ, „собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ“. Подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе новгородской 2-й лѣтописи: „преставися Акимъ новгородскій (епископъ Іоакимъ), и бяше ученикъ

Мы привели въ сноскѣ тѣ немногія данныя о древне-русской школѣ, которыя можно было собрать въ старыхъ памятникахъ. Послѣдующая эпоха, времена татарскаго ига, по мнѣнію изслѣдователя, „могла только разрушительно дѣйствовать на установившійся уже порядокъ образованія: она способна была породить одно отчаяніе, способное въ свою очередь подавить всякую мысль даже о поддержаніи существовавшаго порядка, не только о его распространеніи и усовершенствованіи“ [1]).

Дальнѣйшія изслѣдованія, напр. въ трудахъ г. Сухомлинова [2]) и особливо въ церковной исторіи пр. Макарія, прибавили еще

его Ефремъ, иже ны учаше“, — послѣднее г. Лавровскій понимаетъ не въ смыслѣ церковнаго поученія, а именно въ смыслѣ преподаванія, согласно съ Татищевымъ, который въ своемъ лѣтописномъ сводѣ толкуетъ прямо: „Ефремъ, который насъ училъ греческому языку“.

— Подъ 1037, Ярославъ, по Лаврентьевской лѣтописи, „церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ“... По мнѣнію г. Лавровскаго, здѣсь опять разумѣется не церковное назиданіе, а обученіе въ училищѣ.

— Объ училищѣ въ Курскѣ можно заключать изъ житія Ѳеодосія, который, живя въ этомъ городѣ, просилъ родителей, „да дадутъ его въ ученіе божественныхъ книгъ“: они такъ и сдѣлали, и онъ „вскорѣ изучися всему божественному писанію“.

— Свидѣтельства Степенной книги и Татищева объ Аннѣ, дочери Всеволода Ярославича, и кн. Евфросиніи Полоцкой. Обѣ учились писанію и обучали молодыхъ дѣвицъ и инокинь.

— Въ концѣ XII-го вѣка, князь смоленскій Романъ Ростиславичъ (ум. 1180), по Татищеву, былъ вельми ученъ и „къ ученію многихъ людей понуждалъ, устроя на то училища и учителей, грековъ и латинистовъ своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ“. Онъ такъ истощилъ этимъ свое имѣніе, что когда онъ умеръ, смольяне похоронили его на складчину.

— Таково же свидѣтельство Татищева о королѣ галицкомъ Ярославѣ Владиміровичѣ (Осмомыслѣ), который „учить понуждалъ, монаховъ же и съ нхъ доходы къ наученію дѣтей опредѣлилъ“.

— Далѣе, свидѣтельства Татищева объ училищахъ во Владимірѣ, въ княженіе Константина Всеволодовича, который и по Лаврентьевской лѣтописи (подъ 1218 годомъ) отличался благочестіемъ и любовью къ книжному наученію: „часто бо чтяше книгы съ прилежаньемъ, и творяше все *по писанному*“... По Татищеву этотъ князь въ завѣщаніи „домъ свой и книги вся въ училище по себѣ опредѣлилъ“.

— Посланіе константинопольскаго патріарха Германа къ русскому митрополиту (какъ думаютъ, отъ 1228 г.) о запрещеніи обучать плѣнниковъ и ставить въ священники, не освободивъ раньше отъ рабства.

[1]) Лавр., стр. 51. Новѣйшій историкъ русской церкви, останавливаясь на тѣхъ данныхъ, которыя выше приведены и которыя г. Лавровскій принималъ за весьма вѣроятныя, сильно въ нихъ сомнѣвается. См. Голубинскаго, Ист. р. церкви, т. I, первая половина. М. 1880, стр. 598.

[2]) О языкознаніи въ древней Россіи,—въ Учен. Запискахъ II Отд. Акад. Спб. 1854, кн. I, отд. II, стр. 177—260.

нѣсколько соображеній о состояніи древняго русскаго просвѣщенія—но мало увеличили количество данныхъ и не измѣнили впечатлѣнія крайней скудости этого просвѣщенія. Собранныя г. Лавровскимъ данныя (кромѣ единичнаго извѣстія Татищева о „грекахъ и латинистахъ“) говорили лишь о первоначальной школѣ; онъ думалъ однако, что „образованіе того времени не ограничивалось этими знаніями, а усвоивало себѣ *все*, что̀ представлялъ значительно развитой кругъ знаній, обращавшихся въ византійской имперіи и даже въ сопредѣльныхъ съ Русью государствахъ западныхъ“ [1]) и пр., и ссылался на „множество лѣтописныхъ свидѣтельствъ“. Но эти свидѣтельства указываютъ только любовь къ божественнымъ книгамъ, начитанность или такую степень знаній, какая требовалась іерейскому чину. И въ томъ же изслѣдованіи, указывая, какъ въ самой Византіи творческій духъ старыхъ грековъ ослабѣвалъ, какъ истинно-христіанское начало стѣснялось одностороннею догмой, какъ наука потеряла жизненность и смѣнилась утонченной діалектикой въ богословіи и искусственными умозрѣніями въ философіи,—авторъ находилъ, что такая выродившаяся наука не могла утвердиться на древне-русской почвѣ. „Полные жизненной силы, свѣжей и юной, которая вся была направлена на общественную дѣятельность, наши предки не были способны понимать ея отвлеченныхъ умозрѣній... Если такія знанія и могли быть перенесены къ намъ въ древнѣйшее время, то они могли существовать у насъ только какъ пустыя формы... въ этихъ узкихъ, хитро-придуманныхъ рамахъ не могла умѣститься наша жизнь, полная силъ и дѣятельности, стремившаяся къ саморазвитію безъ всякаго стѣсненія внѣшними формами... И начальный періодъ нашего историческаго развитія, и наша народная личность служили неразрывно-крѣпкимъ оплотомъ противъ вторженія вредныхъ вліяній византійской образованности. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что ни древнѣйшая исторія, ни древнѣйшая словесность доселѣ не находитъ въ себѣ ни одного изъ указанныхъ выше недостатковъ послѣдней“ [2]).

Эти слова весьма неопредѣленны: наша древняя образованность вообще никакъ не могла быть поставлена вровень съ образованностью византійской. Послѣдняя имѣла за собой вѣковое литературное развитіе, и между прочимъ античный эллинизмъ, которымъ, при желаніи, могла пользоваться и дѣйствительно пользовалась, потому что повторяла изъ него различныя научныя

[1]) Стр. 59—60.
[2]) Стр. 73—74.

и философскія положенія; наша древность дѣлала только первые шаги, перенимая, что могла, изъ византійскаго источника, рядомъ съ христіанскимъ ученіемъ и первые опыты научнаго знанія,—и притомъ эти первые шаги были сдѣланы не въ нашей, а въ южно-славянской письменности, особливо въ расцвѣтъ болгарской письменности при Симеонѣ. Въ первыхъ основныхъ трудахъ новаго просвѣщенія, русскіе, насколько доселѣ извѣстно, не принимали участія: таковъ былъ переводъ писанія, когда была создана цѣлая новая область книжнаго языка для передачи терминовъ церкви, нравоученія, отвлеченныхъ понятій; таковы были первые переводы церковныхъ писателей, историческихъ сочиненій какъ „Палея“ и византійскіе хронисты; полагаютъ не безъ основанія, что изъ южно-славянскаго источника пришли и первые опыты свѣтской героической повѣсти, какъ Троянская исторія, „Девгеніево Дѣяніе“, позднѣе „Александрія“,—и несомнѣнно отсюда пришли первые начатки поэзіи церковной, какъ житія и апокрифическія сказанія. Правда, русская письменность выказала большую дѣятельность,—какой не было на славянскомъ югѣ,—произвела обширную лѣтопись, массу легендарныхъ сказаній, позднѣе обширные труды учительные и полемическіе, однажды выступила съ героическимъ эпосомъ,—но уровень міровоззрѣнія не повысился: между прочимъ, послѣ первыхъ южно-славянскихъ опытовъ усвоенія научныхъ произведеній византійской литературы, эта отрасль почти не двинулась позднѣе. Не было, напримѣръ, ничего прибавлено къ тому, что было съ самаго начала получено изъ византійскихъ хроникъ или иныхъ „научныхъ“ сочиненій [1]). Самое содержаніе старыхъ научныхъ переводовъ прививалось мало.

Раньше мы имѣли случай касаться свойствъ этой древней переводной дѣятельности. Если былъ замѣчательнымъ фактомъ и въ чисто литературномъ отношеніи переводный трудъ Кирилла и Меѳодія, то послѣдующіе переводы изъ писателей византійскихъ нерѣдко свидѣтельствовали о несоизмѣримости двухъ литературъ. Для того, чтобы могъ состояться переводъ, необходимо, чтобы была возможность пониманія содержанія подлинника, чтобы языкъ давалъ средства для передачи чужихъ понятій, или, наконецъ, чтобы новыя образованія языка, произведенныя при первомъ переводѣ, вжились въ его составъ, поддержаны были дальнѣйшимъ усвоеніемъ и развитіемъ. Мы упоминали, какъ замѣчательныя усвоенія этого рода сдѣланы были при первомъ переводѣ св. пи-

[1]) Два-три исключенія упомянемъ дальше.

санія и богослужебныхъ книгъ. Не совсѣмъ то мы видимъ въ дальнѣйшихъ переводахъ, собственно уже изъ византійской литературы. Первые болгарскіе переводчики, какъ знаменитый Іоаннъ Экзархъ, какъ переводчики Златоструя, Палеи, Симеонова (Святославова) Сборника, Амартола и т. д., имѣли видимо широкіе литературные планы, хорошо знали составъ греческой литературы, старались усвоить изъ нея что считали важнымъ и заложить основаніе новой литературы. Переводились между прочимъ сочиненія научныя—по философіи, естествознанію, реторикѣ, грамматикѣ, исторіи. Въ этихъ переводахъ полагалась основа того церковно-славянскаго языка, который съ тѣхъ поръ обильной струей вошелъ въ русскую рѣчь, сталъ необходимой составной частью ея книжной формы, живетъ въ ней до сихъ поръ въ массѣ выраженій для отвлеченныхъ понятій—отчасти въ тѣхъ самыхъ словахъ, какія созданы въ X—XI вѣкѣ, отчасти въ новыхъ формаціяхъ по данному образцу. Но это движеніе, начало котораго было по истинѣ замѣчательно для своего вѣка, не нашло равномѣрнаго продолженія: дальнѣйшихъ трудовъ въ этомъ направленіи не послѣдовало, многіе изъ сдѣланныхъ тогда начатковъ остались почти единственными въ своемъ родѣ; то, что было естественно непривычнымъ на первый разъ, осталось таковымъ на весь старый періодъ нашей письменности—пока не явились новыя возбужденія изъ иного источника и не обновили старыхъ начатковъ или не поставили дѣла вновь. Причиной, почему эти начатки остались тогда неразвитыми, былъ именно недостатокъ школы—не той первоначальной, которая поддерживала простую грамотность, а школы нѣсколько болѣе широкой, которая могла бы объяснить, что такое грамматика, реторика,—если ужъ не философія. „Всего“ наши книжники, очевидно, не пріобрѣли изъ Византіи. Мы замѣчали прежде, что усвоеніе и того, что было переведено съ греческаго въ первые вѣка славяно-русской письменности, совершалось туго и съ трудомъ: если во многихъ случаяхъ—какъ въ переводахъ св. писанія и болѣе простыхъ учительныхъ и историческихъ памятниковъ, и особливо въ собственныхъ произведеніяхъ нашей письменности—мы часто видимъ благоустроенную, даже сильную и характерную рѣчь, то въ переводахъ болѣе сложныхъ изложеній мы слишкомъ часто встрѣчаемъ рѣчь нескладную, мало вразумительную и понятную только при справкахъ съ подлинникомъ. Переводъ дѣлался буквально, слово за словомъ, гдѣ переводчикъ видимо не овладѣвалъ синтактическимъ построеніемъ греческой рѣчи и долженъ былъ ковать самыя слова для передачи понятій,

еще не находившихся въ языкѣ. Въ первыхъ переводахъ нерѣдко прямо удерживались греческія слова, для которыхъ только послѣ находимы были равнозначительныя славяно-русскія.

Первыхъ внимательныхъ изслѣдователей нашей старой письменности поражало обиліе памятниковъ ея, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ переводовъ съ греческаго (и лишь очень рѣдко съ латинскаго). Описатели богатой Синодальной библіотеки, указывая заботы первоучителей славянской церкви „утвердить духовное просвѣщеніе своего народа на прочныхъ основаніяхъ",—ради чего и были произведены многочисленные переводы съ греческаго, замѣчаютъ: „...такими и другими способами составился у насъ богатый запасъ переводовъ отеческихъ писаній, какого не представляетъ ни одна древняя литература новыхъ западныхъ народовъ, у которыхъ господствовали римская литургія и латинскій языкъ". „Но переводы,—читаемъ мы дальше,—сдѣланные въ разныя времена, то въ Болгаріи, то въ Сербіи, то въ Россіи, то на Аѳонѣ, то въ Константинополѣ, необходимо разнились между собою въ достоинствѣ, въ языкѣ, и много должны были потерпѣть и отъ переписчиковъ, и отъ перемѣны правописанія, при переходѣ отъ одного народа славянскаго къ другому, и отъ измѣненій въ языкѣ. *Отчетливое употребленіе* такихъ переводовъ и тѣмъ болѣе изданіе ихъ въ свѣтъ требовали предварительнаго *сличенія* ихъ съ греческимъ подлинникомъ, *исправленія*, иногда и *новаго перевода* книги, прежде извѣстной. Со временъ патріарха Никона начинается рядъ этихъ работъ въ Москвѣ" [1]). Уже раньше замѣчена была та важная черта древней нашей письменности, что переводные памятники ея нерѣдко сохраняли или затерянныя, или доселѣ не открытыя произведенія византійской литературы. Упомянувъ о томъ, что наши рукописи нерѣдко указываютъ неточно или совсѣмъ не указываютъ именъ греческихъ писателей [2]), Горскій и Новоструевъ писали: „...Но трудности дѣла вознаграждаются своего рода пріобрѣтеніями. Сличеніе славянскихъ переводовъ съ греческимъ текстомъ открыло нѣкоторыя новыя, нынѣ неизвѣстныя, или еще неизданныя писанія отцевъ. Такъ, по нашимъ рукописямъ, къ писаніямъ св. Ме-

[1]) Описаніе славянскихъ рукописей моск. Синодальной библіотеки. Отдѣлъ второй. Писанія святыхъ отцевъ. 2. Писанія догматическія и духовно-нравственныя. М. 1859, стр. VI—VII.

[2]) Напр., многочисленные примѣры словъ „Іоанна Златоуста", „Аѳанасія Александрійскаго" и т. д., которыя имъ вовсе не принадлежали. Съ именемъ „Іоанна Златоуста" ходили, между прочимъ, чисто русскія сочиненія, которымъ имя знаменитаго отца церкви придавалось для бо́льшей убѣдительности.

ѳодія Патарскаго должно причислить еще четыре слова, у западныхъ издателей не встрѣчающіяся; и сверхъ того значительно дополняются и приводятся въ правильный порядокъ другія сочиненія того же отца, извѣстныя нынѣ въ отрывкахъ. Открылась новая редакція христіанской передѣлки сочиненія стоика Епиктета, приписываемая св. Максиму Исповѣднику, въ 100 главахъ. Ему же присвояется въ нашихъ рукописяхъ еще сочиненіе духовно-нравственнаго содержанія, подъ названіемъ: Кормчій. Въ славянскомъ переводѣ сохранился древній Патерикъ, по главамъ описанный Фотіемъ, патріархомъ константинопольскимъ, и изданный только на латинскомъ языкѣ. Но и въ отношеніи къ изданнымъ твореніямъ св. отцевъ, славянскіе переводы оказываютъ важную услугу, утвержденіемъ или исправленіемъ ихъ текста“ [1]) и т. д.

Изслѣдователи этихъ памятниковъ нерѣдко должны были отмѣчать темноту перевода (т.-е. или неполное пониманіе оригинала, или неумѣнье и трудность передать его на своемъ языкѣ, недостаточно обработанномъ для этого содержанія) или возможное искаженіе текста переписчиками.

Извѣстно, что не одни отеческія писанія представляли упомянутый интересъ для возстановленія подлинныхъ памятниковъ самой греческой литературы: подобнымъ образомъ старыя повѣсти, сохранившіяся въ славяно-русской письменности указывали на существованіе византійскихъ оригиналовъ, — частію открытыхъ только позднѣе (какъ „Девгеніево Дѣяніе“), частію еще неизвѣстныхъ.

Это богатство древней русской письменности сравнительно съ литературами народовъ латинской церкви и языка есть, однако, только относительное. Въ извѣстномъ кругу книжныхъ людей, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, латинскіе памятники на западѣ были распространены и доступны едва ли менѣе, чѣмъ славянорусскіе на востокѣ,—съ тою разницею, что западныя школы, уже рано организовавшіяся, доставляли полное знаніе языка и полное разумѣніе содержанія. Со второй половины XV-го вѣка на западѣ книги этого рода становятся достояніемъ печати, а въ XVI и особливо въ XVII столѣтіи дѣлаются уже предметомъ ученыхъ изданій и критическихъ изслѣдованій,— когда у насъ продолжали еще смѣшивать отеческія писанія, приписывать Златоусту что̀ никакъ не могло ему принадлежать, и наконецъ искажать при вѣчной перепискѣ тексты до того, что

[1]) Тамъ же, стр. IX—X.

наконецъ церковная власть сочла необходимымъ вмѣшаться. Въ половинѣ XVI-го вѣка Стоглавый Соборъ, обсуждая недостатки, вкравшіеся въ церковную жизнь, между прочимъ обратилъ вниманіе на дурное состояніе церковныхъ книгъ. Онъ предписываетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы писцы писали книги „съ добрыхъ переводовъ“ и, написавши, исправляли, и угрожаетъ наказаніемъ не только писцу, написавшему неисправную книгу, но и покупателю этой книги; но Соборъ не указалъ, да и не могъ указать средствъ къ устраненію этого недостатка: кому было слѣдить за писаніемъ книгъ во всей Россіи? Какъ увидимъ дальше, въ средѣ самого духовенства къ этому времени „просвѣщеніе“ было въ сильномъ упадкѣ.

Приведенное нами раньше заключеніе извѣстнаго церковнаго историка (г. Голубинскаго) о невысокомъ уровнѣ древняго просвѣщенія, неоднократно вызывало возраженія [1]). Указывалась, напр., какъ бы цѣлая литературная школа, представляемая Кирилломъ Туровскимъ и которой предшественникомъ былъ Климентъ Смолятичъ или Климъ, о которомъ древняя лѣтопись говорила, какъ о небываломъ на Руси философѣ [2]). Новѣйшій біографъ Климента дѣлаетъ предположенія о знакомствѣ его съ подлинными или переводными сочиненіями Гомера, Аристотеля и Платона (что и могло бы ему дать славу „философа“), но достаточно извѣстно, что ни Гомера, ни Аристотеля и Платона не

[1]) Таковы были въ послѣднее время возраженія Н. Никольскаго въ книгѣ: „О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII-го вѣка“. Спб. 1892. Здѣсь во введеніи читаемъ: „Состояніе южно-русскаго просвѣщенія XII-го вѣка остается до настоящаго времени предметомъ разногласія въ ученой средѣ. По мнѣнію однихъ, въ этомъ столѣтіи начинался расцвѣтъ нашей духовной и свѣтской литературы, впослѣдствіи несчастно остановленный татарскимъ погромомъ. По мнѣнію другихъ, предъ нашествіемъ Батыя у насъ не было школъ, была только грамотность, а литературное образованіе являлось случайностью. Причина такого разногласія скрывается какъ въ недостаткѣ критическихъ монографій объ авторахъ того времени, такъ и въ маломъ числѣ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ до-монгольской эпохи. Труды, связанные съ именемъ митрополита Климента, служатъ къ уясненію спорнаго вопроса. Они показываютъ, что наша старинная духовная словесность была богаче силами, разносторонніе содержаніемъ и послѣдовательнѣе въ смѣнѣ своихъ направленій сравнительно съ тѣмъ, что полагали объ этомъ доселѣ. Сочиненія эти, оставшіяся до сихъ поръ малоизвѣстными и необслѣдованными, свидѣтельствуютъ, что Климентъ, бывъ плодовитымъ писателемъ, пролагалъ путь къ тому литературному направленію, которое выразилось опредѣленно въ твореніяхъ св. Кирилла Туровскаго“.

[2]) Въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ: „Въ то же лѣто (6655=1147) постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба, бѣ бо черноризечь скимникъ, и бысть книжникъ и философъ такъ, якоже въ Русской земли не бяшеть“. Повторено и въ другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, воскресенской, тверской и пр.

бывало въ старой русской письменности и нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы кто-нибудь изъ древнихъ русскихъ писателей былъ съ ними прямо: всего вѣроятнѣе, что нашъ „философъ“ узналъ эти имена изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ; его собственное „посланіе“, единственный до сихъ поръ извѣстный его трудъ (гдѣ названы и эти имена), представляетъ обыкновенную компилятивную работу (изъ символическихъ толкованій писанія), гдѣ незамѣтно никакихъ особыхъ философскихъ познаній [1]). Дальше мы увидимъ, что и позднѣе названіе „философа“ давалось довольно легко болѣе обыкновеннаго грамотнымъ книжникамъ; не мудрено, что подобнымъ образомъ получилъ его въ XII вѣкѣ и Климентъ.

Если для древняго періода нѣтъ данныхъ заключать о существованіи какой-либо школы кромѣ элементарной, и памятники, позволяющіе думать о болѣе значительномъ уровнѣ литературнаго образованія, представляются примѣрами исключительными, то въ послѣдующіе вѣка, несмотря на внѣшніе успѣхи возникавшаго сильнаго государства, мы напрасно искали бы заботы о серьезной постановкѣ школы, и даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ необходимость ея становилась практически очевидной, не было никакого понятія о томъ, какъ она могла быть поставлена. Чтобы избѣжать возможнаго упрека въ исключительности нашего взгляда, воспользуемся словами знаменитаго историка церкви, склоннаго къ оптимистической точкѣ зрѣнія. Въ своемъ общемъ заключеніи о состояніи нашего духовнаго просвѣщенія и литературы въ монгольскій періодъ, пр. Макарій писалъ:

„Вообще мы приходимъ къ заключенію, которое намъ кажется справедливымъ, что если не бѣднѣе была наша духовная литература, не ниже было наше духовное просвѣщеніе въ періодъ монгольскій, чѣмъ въ предшествовавшій, то отнюдь и не богаче, отнюдь и не выше. Въ два новыя столѣтія ни наше просвѣщеніе, ни наша литература нисколько не подвинулись впередъ, а все оставались на прежней точкѣ, или вѣрнѣе, все вращались въ одномъ и томъ же, словно заколдованномъ, кругѣ. Какъ прежде значительную часть нашихъ духовныхъ писателей составляли наши митрополиты-греки, приходившіе къ намъ съ готовымъ образованіемъ изъ отечества, — такъ и теперь лучшіе или образованнѣйшіе изъ нашихъ писателей, которыхъ сочиненія представляютъ

[1]) Г. Никольскій указываетъ (стр. 88) памятники нашей древней письменности, гдѣ приводились имена Платона и Аристотеля и ихъ изреченія: „Лѣтовникъ“ Георгія грѣшнаго инока и хронику Малалы. Еще раньше можно было бы вспомнить „Шестодневъ“ Іоанна Экзарха.

собою едва ли не половину всего нашего литературнаго наслѣдія отъ того времени, именно митрополиты — Кипріанъ, Фотій, Григорій Самвлакъ пришли къ намъ съ востока, и слѣд. не у насъ получили образованіе. Собственно русскіе писатели, и прежде и теперь, воспитывали себя исключительно по сочиненіямъ древнихъ учителей церкви въ славянскомъ переводѣ, видѣли въ нихъ для себя единственные образцы, которымъ старались подражать, любили часто повторять ихъ мысли, приводить ихъ изреченія, какъ бы говорить ихъ словами. Если переводная литература является у насъ въ настоящій періодъ болѣе обширною и богатою, то еще спрашивается: на нашей ли почвѣ возникла эта литература, не пересажена ли она къ намъ такъ же съ востока? По крайней мѣрѣ, кромѣ нѣсколькихъ переводовъ митрополита Кипріана, мы съ трудомъ можемъ указать на одну-двѣ книги, переведенныя тогда въ Россіи, — между тѣмъ какъ достовѣрно знаемъ, что въ Сербіи, Константинополѣ и особенно на Аѳонѣ продолжали переводить книги на славянскій языкъ, и что русскіе старались списывать или покупать эти книги и приносили въ свое отечество. Предки наши, очевидно, по прежнему оставались учениками грековъ и южныхъ славянъ и находились подъ ихъ исключительнымъ вліяніемъ.

„Надобно присовокупить, что и то слабое образованіе, какое мы замѣчаемъ тогда въ Россіи, ограничивалось самымъ небольшимъ кругомъ даже въ духовенствѣ. Каковы были вообще наши архипастыри, за исключеніемъ извѣстныхъ, крайне немногихъ? „Епископы русскіе — люди не книжные“, увѣрялъ папу Евгенія на флорентійскомъ соборѣ митрополитъ Исидоръ. И еслибы мы заподозрили этого свидѣтеля, то сборникъ поученій, переведенный на русскій языкъ (1343 или 1407 г.) въ руководство именно архіереямъ, чтобы они могли по нему, каждое воскресенье и каждый праздникъ, проповѣдывать во храмахъ, удостовѣрилъ бы насъ, что тогдашніе владыки наши не всѣ въ состояніи были сами отъ себя и поучать народъ истинамъ вѣры. Каково было наше низшее духовенство, особенно сельское? Объ этомъ случайно засвидѣтельствовалъ другой нашъ митрополитъ, Кипріанъ, когда, перечисляя книги ложныя, упомянулъ о толстыхъ сельскихъ сборникахъ, которые „невѣжи-попы и дьяконы“ наполняли разными баснями и суевѣрными сказаніями. Излишне и спрашивать, проникали ли тогда грамотность и какое-либо книжное образованіе въ массы нашего народа. Что̀ сталось бы съ просвѣщеніемъ въ Россіи, еслибы она слишкомъ на два вѣка не подпала владычеству монголовъ? Разумѣется, рѣшительно это опредѣлить никто не

можетъ. Но судя по тому, какъ шло у насъ дѣло просвѣщенія въ два съ половиною столѣтія до монголовъ, думаемъ, что оно едва ли подвинулось бы впередъ и въ два послѣдовавшія столѣтія, при прежнихъ условіяхъ нашего отечества, хотя бы монголы къ намъ не приходили“ [1])...

Приговоръ жестокій. Быть можетъ, есть основаніе къ инымъ предположеніямъ о характерѣ періода до-монгольскаго; но о послѣдующихъ вѣкахъ едва ли возможно иное сужденіе. „Видно,— продолжалъ пр. Макарій, — русскіе еще не чувствовали потребности въ высшемъ образованіи. Они спокойно продолжали идти тѣмъ же путемъ, какимъ шли ихъ предки, довольствовались тѣми же первоначальными школами, какія существовали и прежде, и не простирали въ этомъ отношеніи своихъ желаній далѣе, какъ только чтобы умѣть свободно читать и понимать божественныя и свято-отеческія книги, на пользу собственныхъ душъ и для назиданія ближнихъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что это исключительное воспитаніе на свято-отеческихъ книгахъ составило важный факторъ въ складѣ древне-русской жизни. Это было единственное умственное и нравственное содержаніе и руководство, которому надо приписать многое въ самомъ характерѣ русской народности, который опредѣлялся въ эти вѣка. Изъ разныхъ слоевъ народа, отъ боярскаго до самаго низшаго сословія, выдѣлялись избранные люди, которые бывали, рядомъ съ внѣшнимъ авторитетомъ власти, единственнымъ нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ народа — въ лицѣ строгихъ подвижниковъ, которые дѣлались святыми, творили при жизни и по смерти чудеса, бывали въ народной средѣ непосредственными представителями божественной силы: извѣстно, что и во внѣшней жизни государства они играли свою роль, объединяя народное сознаніе и способствуя съ своей стороны укрѣпленію московскаго единодержавія. Народная память сохранила донынѣ благочестивую память объ ихъ подвигахъ... Но для сложныхъ отправленій жизни, для полноты внутренняго развитія, для разумнаго пониманія самыхъ истинъ вѣры требовалось образованіе мысли, требовались познанія,—но ихъ и не было. Вѣра подвергалась опасности обращаться въ суевѣріе, искажаться въ фанатизмъ, ограничиваться внѣшнею обрядностью, впадать въ слѣпую приверженность къ буквѣ,—между тѣмъ какъ за единичными религіозными увлеченіями оставался неизмѣннымъ грубый порядокъ быта, или даже

[1]) Исторія русской церкви. Макарія, архіепископа харьковскаго. Т. V. Спб., 1866, стр 255—258.

ухудшался. Наконецъ, просвѣщенія требовалъ и самый интересъ государства—его внѣшняя защита, улучшеніе внутреннихъ отношеній, пользованіе матеріальными средствами страны. Къ сожалѣнію, этого просвѣщенія не было и древняя жизнь московскаго періода представила всѣ тѣ недостатки, которые исходятъ изъ невѣжества и какіе мы указывали. Когда въ XVII вѣкѣ при Никонѣ былъ, наконецъ, рѣшительно поставленъ одинъ изъ вопросовъ настоятельно необходимой реформы, — въ сущности только тѣсный вопросъ исправленія церковныхъ книгъ,—онъ произвелъ настоящую всенародную бурю. Вопросъ вѣры превратился въ вопросъ о буквѣ, и орѳографическая ошибка (Ісусъ, вмѣсто: Іисусъ) вмѣстѣ съ двоеперстнымъ крестомъ стали символами „старой вѣры".

Было уже не однажды объясняемо, что „старая вѣра", которая въ концѣ XVII-го вѣка явилась расколомъ противъ церкви и государства, для прежнихъ вѣковъ была бы дѣйствительно настоящей вѣрой, — почему старовѣры и остались, напр., вѣрны церковнымъ книгамъ до-Никоновской печати.

Оглянувшись назадъ, мы найдемъ объясненіе того, почему возможно было такое значеніе орѳографической ошибки и чисто внѣшней обрядовой подробности. Нужна была слишкомъ невысокая ступень знанія грамоты, чтобы возможно было для весьма начитанныхъ людей, какіе бывали между предводителями раскола, это непониманіе простой грамматической поправки, какъ вообще только при невысокомъ уровнѣ развитія возможна была крайняя приверженность къ буквѣ, отличавшая старообрядство. Въ историческомъ изображеніи старой русской школы неизбѣжно припоминается извѣстное классическое посланіе новгородскаго архіепископа Геннадія (1496—1504) къ митрополиту Симону, гдѣ онъ излагалъ свои затрудненія при поставленіи священнослужителей и настаивалъ на необходимости училищъ. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось, что Геннадій преувеличивалъ, что церковное образованіе стояло вовсе не такъ низко; но его разсказъ исполненъ такими простыми жизненными подробностями, что его достовѣрность не можетъ подлежать сомнѣнію.

...„Да, какъ ты, господинъ отецъ нашъ, на что преложишь, —пишетъ Геннадій къ митрополиту,—и ты пожалуй и мнѣ вели о томъ вѣдомо учинить, чтобы еси пожаловалъ прислалъ грамоту за своею печатью. А пущи того беззаконіе въ всей русской землѣ ведется, мужики озорные на крылосѣ поютъ, и паремью и апостолъ на амбонѣ чтутъ, да еще и въ олтарь ходятъ; ино бы то беззаконье вывести... Да билъ есми челомъ государю великому князю, чтобы велѣлъ училища учинити; а вѣдь язъ своему госу-

дарю воспоминаю на его же честь да и на спасеніе, а намъ бы просторъ былъ: занеже вѣдь толко приведутъ кого грамотѣ горазда, и мы ему велимъ одны октеніи учити, да поставивъ его да отпущаю боржае, и научивъ какъ ему божественая служба совершати; ино имъ на меня роиту нѣтъ. А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати чести и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати и онъ и по тому одва бредетъ, и язъ его оторку, и они извѣтъ творятъ: „земля, господине, такова, не можемъ добыти кто бы гораздъ грамотѣ“; ино де вѣдь-то всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ бьютъ челомъ: „пожалуй, деи, господине, вели учити“; и язъ прикажу учити ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришъ ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучився мало азбуки да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити“... „Да тѣмъ-то на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія, а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. А язъ того для бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его и грозою, а твоимъ благословеньемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, государемъ нашимъ, а своимъ дѣтемъ, великимъ княземъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ, первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтителные слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучятъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякыя книги. А се мужики невѣжи учятъ робятъ да рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денегъ, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидетъ, и онъ ничего не умѣетъ, толко-то бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ... А чтобы и поповъ ставленыхъ (государь) велѣлъ учити, занеже то нерадѣніе въ землю вошло, и толко послышатъ то учащіися, и они съ усердіемъ пріймутъ ученіе“ [1]).

Передъ нами эпизодъ изъ исторіи русской школы въ концѣ XV-го вѣка. Несомнѣнно, что подобные ему могли бы встрѣтиться и въ XIV и въ XVI вѣкѣ. Самъ Геннадій, повидимому, принялъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія дѣла: по крайней мѣрѣ Степенная Книга восхваляетъ его за то, что онъ ставилъ ученыхъ священниковъ, которые были „яко свѣтила міру“, и отъ

[1]) Акты историческіе, т. I. Спб., 1841, № 104, стр. 146—148.

которыхъ люди получали большую пользу. Полъ-вѣка спустя послѣ Геннадія, на соборѣ въ 1551 году, такъ называемомъ Стоглавомъ, снова былъ поднятъ тотъ же самый вопросъ о дьякахъ, желающихъ священства, а не умѣющихъ грамотѣ, и о необходимости училищъ. Соборъ приходилъ въ недоумѣніе: ставить такихъ священниковъ — противно священнымъ правиламъ, а не ставить—святыя церкви будутъ стоять безъ пѣнія, и постановлялъ, чтобы святители обращали вниманіе на грамотность ставленниковъ. „Да и о томъ ихъ святители истязаютъ (спрашиваютъ), съ великимъ запрещеніемъ (строгостью), почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣты чинятъ: мы-де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а индѣ-де намъ *учитися негдѣ*; колько отцы наши и мастеры умѣютъ, по тому и насъ учатъ. А отцы ихъ и мастеры сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да учиться имъ негдѣ. А прежде сего училища бывали въ россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ, и по инымъ градомъ, многіе грамотѣ писати, и пѣти, и чести учили; потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много, и писцы, и пѣвцы, и четцы славны были по всей земли и до днесь“ (гл. 25). Вслѣдствіе того соборъ постановилъ: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ городамъ, протопопы и старѣйшіе священники должны были избрать добрыхъ священниковъ и діаконовъ, „гораздивыхъ“ въ грамотѣ и пѣніи, и устроить въ ихъ домахъ училища,—„чтобы священницы и діяконы и всѣ православные христіане въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго писма и церковнаго пѣнія, и чтенія налойнаго, и тѣ бы священники и діяконы и діяки избранные учили своихъ учениковъ страху божію, и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ“... „и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, коль сами умѣете, по данному отъ Бога *таланту*, ничто же скрывающе, чтобы ученицы ваши всѣ книги учили“ (гл. 26).

Постановляемыя мѣры и самый способъ выраженія указываютъ, что у собравшихся святителей шелъ вопросъ только о выучкѣ священнослужителей и что о другомъ училищѣ они, повидимому, даже не имѣли представленія.

Въ общемъ итогѣ довольно трудно представить себѣ размѣры обученія за тѣ вѣка; но во всякомъ случаѣ оно ограничивалось только грамотностью [1]). Болѣе широкое знаніе, напр. знаніе гре-

[1]) Ср. Соболевскаго, Образованность московской Руси XV—XVII вѣковъ. Рѣчь на актѣ Спб. унив. 8 февраля. 1892

ческаго языка (которое засвидѣтельствовано переводами греческихъ книгъ) и гораздо рѣже знаніе латинскаго составляли рѣдкое исключеніе: въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, отъ начала монгольскаго ига, эти исключенія ограничиваются единицами. Для дѣлъ дипломатическихъ, гдѣ требовалось знаніе иностранныхъ языковъ, очень часто служатъ заѣзжіе иноземцы. При Иванѣ III бывали послами два фрязина (итальянца) Иванъ и Антонъ; англичанинъ Елисей Бомелій бытъ врачемъ и совѣтникомъ Грознаго, отъ котораго и погибъ; при томъ же царѣ былъ тотъ нѣмчинъ, „прелестникъ“ и звѣздочетъ, противъ котораго писалъ обличенія Максимъ Грекъ; посольскія дѣла исправлялъ англійскій купецъ Джеромъ Горсей (Еремей Ульяновичъ Горшіевъ, въ русскомъ переименованіи), нѣмецкіе купцы Кельдерманы, греки Траханіотъ, Николай Спаѳарій и т. д.

Если власть чувствовала надобность позаботиться по крайней мѣрѣ о нѣкоторомъ обученіи духовенства, то остальные классы населенія были предоставлены только самимъ себѣ. Подобіе школъ существовало, вѣроятно, только при церквахъ и монастыряхъ, главнымъ образомъ вѣроятно для приготовленія будущихъ церковно-служителей и для цѣлей религіознаго „книжнаго почитанія“. О монастырскихъ школахъ упоминаютъ и писатели иностранные. Въ 1570-хъ годахъ Кобенцель записываетъ: „во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся въ монастыряхъ, а потому изъ тысячи едва найдется одинъ, умѣющій читать или писать“ [1]). Подобное замѣчаетъ въ 1580-хъ годахъ Одерборнъ [2]). Но тѣ же иноземцы указываютъ большую скудость свѣденій у людей, проходившихъ такую школу [3]). Житія святыхъ того времени обыкновенно упоминаютъ, что въ юности они учились чтенію и письму священ-

---

[1]) У Старчевскаго, Historiae ruth. scriptores exteri. Берл. и Спб. 1841—42. II, 15. Филаретъ въ своей Исторіи русской церкви замѣчаетъ къ этому мѣсту: „думаемъ, едва ли и на двѣ тысячи приходился умѣющій писать“. О монастыряхъ передъ тѣмъ замѣчено: „монастырей здѣсь множество, такъ что на пространствѣ двухъ или трехъ миль всегда найдется монастырь“. Тотъ же разсказъ, на итальянскомъ языкѣ, у Перштейна, 1575 г. Hist. Monumenta Ал. Тургенева, I, стр. 258.

[2]) Scholas semper templis adjunctas habent,—у Старчевскаго II, стр. 39 и др.

[3]) Одерборнъ разсказываетъ: „Libros latinos et graecos nunquam viderunt, et tamen de Religione Graecorum multa gloriantur. Ego cum semel novum testamentum Tiguri graece impressum mecum haberem, rogaremque Flamines (т.-е. священниковъ), ut aliquam periodum legerent, illi hoc sese facturos pernegabant: sancte adfirmantes, ejusmodi typos nunquam sibi ante visos esse“. (Старч., тамъ же, II, 43). Подобное пишетъ Кобенцель въ 1577 (тамъ же, II, 15).

ныхъ книгъ [1]), говорятъ даже о „множествѣ ученическомъ“ (книжная фраза для обозначенія толпы ребятишекъ); но здѣсь рѣчь идетъ опять о томъ, что называютъ теперь школой грамотности, и архіепископъ Геннадій безъ церемоніи говоритъ, что грамотники, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, были „робята глупые“. Преподаватели этой грамотности назывались обыкновенно „мастерами“: любопытно, что для обозначенія ихъ понадобилось иностранное слово, вошедшее въ русскій языкъ вѣроятно въ Новгородѣ отъ тамошнихъ нѣмцевъ [2]).

Къ концу нашихъ среднихъ вѣковъ грамотность повидимому стала значительно распространяться: она все больше и больше требовалась для церковныхъ и приказныхъ нуждъ, для возроставшаго чтенія и писанія книгъ; но качество ея указывается жалобами на неисправность книгъ, которая повела наконецъ къ Никоновскому исправленію. Рукописи XVII-го вѣка свидѣтельствуютъ дѣйствительно о сильномъ распространеніи книжнаго дѣла, и писцами и владѣльцами книгъ нерѣдко являются посадскіе люди и крестьяне. Періодъ наибольшаго незнанія относится повидимому къ началу нашихъ среднихъ вѣковъ, когда даже главы государства были мало учены грамотѣ: Дмитрій Донской не былъ хорошо изученъ книгамъ, Василій Темный былъ и вовсе неграмотенъ [3]). Въ одной грамотѣ 1565 г. значится такая приписка: „А которые *князья* и дѣти боярскія въ сей записи написаны, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, а тѣ князи и дѣти боярскіе... грамотѣ не умѣютъ [4]). Подобныхъ примѣровъ можно найти очень много; вмѣсто безграмотныхъ, даже богатыхъ „гостей“, расписываются ихъ духовные отцы и т. п. Майербергъ считаетъ безграмотство чуть не поголовнымъ [5]).

---

[1]) Напримѣръ, Петръ митрополитъ (конецъ XIII-го вѣка) въ юности „вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися“; объ Евѳиміи, архіепископѣ новгородскомъ (половина XV-го вѣка): „отроку растущу и времени приспѣвшу вданъ бываетъ учитися божественнымъ книгамъ“; Іона, архіепископъ новгородскій (вторая половина XV-го вѣка) также вданъ былъ „наказатися священнымъ книгамъ“, и т. д.

[2]) Мастеромъ назывался между прочимъ и магистръ нѣмецкаго ордена, а, главное, разнаго рода художники и ремесленники, иностранцы, давно появлявшіеся въ древней Руси и особливо вѣроятно въ Новгородѣ.

[3]) Соловьевъ, IV, 349.

[4]) Собр. Госуд. Грам., I, № 184.

[5]) .... Encore donc que les Moscovites soient dans l'aveuglement d'une si profonde ignorance qu'ils ne connaissent pas par la plupart les lettres de l'Alphabet (старый французскій переводъ, Paris, 1858, II, 11).

Такимъ образомъ отсутствовала правильно поставленная школа, какая бываетъ основаніемъ прочной образованности. То обученіе, какое было, доставляло только элементарныя познанія — умѣнье читать и писать съ нѣкоторой привычкой къ правописанію [1]).

При отсутствіи какого-либо высшаго училища, единственнымъ средствомъ пріобрѣтенія познаній оставалось чтеніе книгъ. Мы упоминали раньше, какая великая важность придавалась въ древнее время „книжному почитанію“: мы особенно оцѣнимъ это, если примемъ во вниманіе, что книжное почитаніе должно было замѣнять всякую высшую школу. Его содержаніе и приносимая имъ польза были двоякія: во-первыхъ, воспитаніе духовное и нравственное; во-вторыхъ, пріобрѣтеніе мірскихъ познаній, объясняющихъ жизнь человѣка и природы, дающихъ понятіе объ исторіи, географіи и вообще о тѣхъ предметахъ, которые составляютъ содержаніе науки. О первой сторонѣ этого образованія, почерпавшагося изъ книгъ, мы говорили; какія были познанія научныя?

Прежде всего въ древнемъ русскомъ просвѣщеніи, какъ вообще въ міровоззрѣніи христіанскихъ среднихъ вѣковъ, знаніе о человѣкѣ и природѣ окружено было религіознымъ освященіемъ; всему придавалась церковная окраска, исходнымъ пунктомъ всякаго знанія была церковная точка зрѣнія. Это совершалось само собою, и въ особенности наглядно совершалось это въ средѣ древняго русскаго народа. Если на западѣ христіанство встрѣчалось съ высоко развитой греко-римской культурой, которая успѣла создать свое прочное міровоззрѣніе (и которой первое христіанство дѣлало извѣстныя уступки, пользуясь отчасти плодами античной науки), то здѣсь христіанское ученіе встрѣчало первобытную почву, которая имѣла, правда, свои миѳическія преданія, свои представленія о жизни, но во всякомъ случаѣ не была въ состояніи бороться съ положительнымъ ученіемъ христіанскимъ. Мы упоминали о томъ, какъ старое языческое міровоззрѣніе успѣло вторгнуться въ понятія первыхъ христіанъ въ видѣ двоевѣрія; но это послѣднее не имѣло права гражданства, было сурово отвергаемо церковными учителями, которые усиливались утвердить церковное представленіе, казавшееся единымъ истиннымъ.

Въ первой церковной литературѣ заключались уже извѣстныя научныя знанія,—хотя связанныя съ вѣроученіемъ, но получав-

[1]) Подробности о способахъ этого первоначальнаго преподаванія читатель найдетъ въ книгѣ г. Лавровскаго, которая до сихъ поръ еще не замѣнена изслѣдованіемъ по новымъ матеріаламъ.

шія и самостоятельное значеніе. Первымъ источникомъ науки была Библія, и съ самаго начала славяно-русской письменности библейское содержаніе является въ сопровожденіи цѣлаго ряда толкованій на отдѣльныя книги писанія, переведенныхъ съ греческаго. Это были произведенія болѣе или менѣе знаменитыхъ отцовъ церкви, гдѣ были примѣнены разныя точки зрѣнія—и чистое нравоученіе, и символика, а также объясненіе научное (въ вопросахъ астрономіи, физики, физіологіи), въ которомъ между прочимъ церковные писатели пользовались и языческой мудростью. Имена древнихъ греческихъ философовъ были еще слишкомъ авторитетны, и писатели первыхъ христіанскихъ вѣковъ считали нужнымъ приводить въ толкованіи Библіи мнѣнія Ѳалеса, Платона, Аристотеля,—какъ въ другихъ случаяхъ не усомнились переработывать въ христіанскомъ духѣ стоическую философію Эпиктета [1]), или какъ изреченія языческихъ мудрецовъ нашли мѣсто въ „Пчелѣ", предназначенной для благочестиваго христіанскаго чтенія. Къ этимъ христіанско-символическимъ толкованіямъ Библіи въ первыхъ же памятникахъ славяно-русской письменности присоединяется еще иной элементъ—апокрифическій. Несмотря на строгое церковное запрещеніе апокрифическихъ сочиненій, которыя появляются уже съ первыхъ вѣковъ христіанской литературы, онѣ были сильно распространены въ письменности византійской, составляя какъ бы поэтическое дополненіе къ ветхозавѣтному и новозавѣтному разсказу, добавляя литературу житій святыхъ фантастическими эпизодами и доставляя вообще обильный запасъ чудеснаго. Перешедши изъ византійской письменности въ славяно-русскую, апокрифическія сказанія нашли и здѣсь благопріятную почву, на которой распространились до того, что повидимому давно уже проникли въ самую народную среду; здѣсь они дали матеріалъ народному суевѣрію и народной поэзіи, въ которыхъ живутъ и до сихъ поръ.

Въ этомъ библейско-фантастическомъ топѣ складывалось народное міровоззрѣніе древней Руси,—хотя съ теченіемъ времени и осложняясь новыми подробностями, но крѣпко сохраняя основной характеръ. Въ историко-литературной судьбѣ этого міровоззрѣнія должно отмѣтить два свойства.

Во-первыхъ. Вслѣдствіе того, что не было школы кромѣ элементарной, та литература, какая была на-лицо, была одинаково доступна всѣмъ грамотнымъ людямъ, и такъ какъ грамот-

[1]) См., напр., въ рукописи XIV—XV в., въ Описаніи Синод. б-ки, Горскаго и Невоструева, отд. II, 2, стр. 285—286.

ность, за немногими исключеніями, была одинакова, то получалось весьма равномѣрное распредѣленіе этой литературы по всѣмъ классамъ читателей. Если болѣе знающіе церковные люди отвергали, напримѣръ,—по византійскимъ указаніямъ,—апокрифическія сказанія, какъ „ложныя“ и „отреченныя“, то случалось, что и сами они въ то же время читали и принимали ихъ по невѣденію: апокрифическіе элементы не замѣчались въ самыхъ распространенныхъ книгахъ, какъ „Палея“, которая указывалась для чтенія какъ „книга истинная“; даже іерархъ, какъ архіепископъ новгородскій Василій, въ посланіи къ тверскому епископу, разсказывалъ апокрифическую и еретическую легенду о земномъ раѣ, подтверждая ее ссылками на „своихъ новгородцевъ“, которые будто бы этотъ рай видѣли; въ самыхъ истинныхъ и благочестивыхъ твореніяхъ и поучительныхъ сборникахъ встрѣчались апокрифическія ложныя книги [1]). Если даже у святителей возможно было такое совпаденіе съ простецами въ предметахъ, которые положительно оговаривались церковными правилами, то тѣмъ болѣе происходило такое совпаденіе въ обыкновенныхъ предметахъ знанія, гдѣ уровень свѣденій у тѣхъ и другихъ былъ одинаковъ, потому что источникъ былъ одинъ и тотъ же у тѣхъ и другихъ: однѣ книги поучали и бояръ и посадскихъ людей, и крестьянъ и самихъ святителей. Отсюда получалось рѣдкое и даже невозможное въ другія эпохи „единство міровоззрѣнія“, которое для позднѣйшихъ приверженцевъ старины казалось завиднымъ преимуществомъ до-петровскихъ временъ, національнымъ благомъ, утраченнымъ послѣ реформы, которая разорвала высшіе классы отъ народа. Но не должно заблуждаться объ основаніяхъ этого единства: оно опиралось прежде всего на единствѣ незнанія у обѣихъ сторонъ. Когда въ XVII вѣкѣ иностранцы въ значительномъ числѣ стали посѣщать Россію и оставили довольно обстоятельные разсказы о своихъ встрѣчахъ и наблюденіяхъ, они между прочимъ не однажды указывали тотъ низменный уровень понятій о научныхъ предметахъ, какой они видѣли даже у высшаго боярства. Олеарій приводитъ примѣры

[1]) Напр. такъ называемые „худые номоканунцы“ въ „Измарагдѣ“ и т. п. Ср. Тихонравова, „Отреченныя книги“, и В. Яковлева, Къ литературной исторіи древнерусскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда“. Одесса, 1893, стр. 146 и д. Объ апокрифическихъ элементахъ въ „Златоструѣ“ см. Малинина, Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII вѣка импер. Публичной библіотеки. Кіевъ, 1878, стр. 219 и др. Произведенія старыхъ русскихъ церковныхъ писателей даже самыхъ авторитетныхъ представляютъ вообще не мало примѣровъ подобнаго смѣшенія, начиная съ древней лѣтописи.

этого наивнаго невѣжества, Майербергъ замѣчаетъ однажды: „такъ какъ москвитяне лишены всякой науки, то можно сказать, что они всѣ какъ будто одного возраста“,—т.-е. одной степени развитія: ихъ уравнивало „единство міровоззрѣнія“.

Во-вторыхъ. Съ этой общностью міровоззрѣнія соединялось другое свойство нашей древней письменности: однообразная по своему распространенію въ грамотной массѣ, не испытавъ никакой дифференціаціи въ этомъ отношеніи, она не испытала ея и по историческому развитію. Древняя письменность какъ бы не знала хронологіи. Историкъ церкви, мнѣнія котораго мы не однажды приводили, говоритъ объ этой чертѣ старой нашей письменности:

„Мы не имѣли въ періодъ до-монгольскій настоящаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе мы могли имѣть собственную письменность,—письменность не людей просвѣщенныхъ, а людей только грамотныхъ, письменность, такъ сказать, первичную или тотъ ея родъ, которымъ она обыкновенно начиналась.

„Другіе, начавъ съ этой письменности первичной, шли все далѣе и далѣе впередъ, достигали бо́льшаго или меньшаго совершенства. Отличительная черта нашей письменности есть та, что она неподвижно оставалась все на одной и той же степени, съ которой началась, что она *не имѣетъ исторіи* въ смыслѣ постепеннаго движенія впередъ или развитія и усовершенствованія. Наши писатели слѣдуютъ одинъ за другимъ въ преемствѣ времени или хронологическомъ порядкѣ, но не составляютъ между собою ни малѣйшаго преемства внутренняго и ни малѣйшаго порядка прогрессивно-историческаго. Какъ неподвижно было состояніе нашей умственной жизни, такъ неподвижно было состояніе и нашей письменности. Исторія нашей письменности до-монгольскаго періода, какъ и послѣдующаго долгаго времени, есть не столько настоящая исторія, въ которой бы нельзя было измѣнять и нарушить внутренней связи, сколько механическая библіографія, въ которой по произволу можно начинать откуда угодно—съ начала, середины и конца. Наша письменность имѣла до нѣкоторой степени только внѣшнюю исторію, именно—исторію внѣшней формы и внѣшнихъ пріемовъ (не всѣ народы заимствовали просвѣщеніе отъ другихъ уже готовымъ, нѣкоторые создавали его сами, мы не заимствовали, ни создавали)“... [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, это отсутствіе историческаго развитія ска-

[1]) Голубинскій, Исторія русской церкви. Т. I, первая половина. М. 1880, стр. 614.

зывается прежде всего на всемъ внѣшнемъ обликѣ старой литературы: отъ X или XI вѣка и до конца XVII и даже въ теченіе XVIII вѣка въ рукописяхъ произведенія литературы продолжаютъ неизмѣнно повторяться; новый вѣкъ приноситъ новыя произведенія, которыя не вытѣсняютъ старыхъ,—напротивъ, послѣднія продолжаютъ существовать рядомъ съ ними, такъ что въ концѣ концовъ рукописи позднѣйшія нерѣдко представляютъ сборники произведеній цѣлаго ряда вѣковъ. Памятникъ X-XI вѣка списывается въ XVII, сохраняя весь свой авторитетъ, не внушая какихъ-нибудь новыхъ запросовъ или сомнѣній; и если въ концѣ концовъ случалось разнорѣчіе, когда напр., особливо со второй половины XVI вѣка, начинали появляться книги съ отголосками европейскаго знанія, которые вовсе не сходились со старымъ преданіемъ, два противорѣчивыя изложенія оставались рядомъ, не возбуждая критической потребности разобраться въ противорѣчіи. Такъ было напр., когда къ старой космогоніи Козьмы Индикоплова прибавлялись отголоски системы Птолемея, а наконецъ даже и Коперника; или когда къ древнимъ скуднымъ географическимъ познаніямъ присоединялись новѣйшія космографіи и т. д. Разнорѣчіе мало замѣчалось и въ другихъ случаяхъ. Въ цѣломъ, отсутствіе школы, сопровождавшееся недостаткомъ знаній и критики, превращало литературу въ безразличную массу книжнаго матеріала, гдѣ не было историческихъ эпохъ, смѣны направленій и были только различные отдѣлы содержанія—книги богослужебныя, догматика, поученіе, лѣтопись, повѣсть и т. д. Старая литература не даетъ такимъ образомъ сама по себѣ ни матеріала, ни точекъ опоры для опредѣленія историческаго развитія ея содержанія. Нѣтъ граней, которыя дѣлили бы одинъ періодъ отъ другого; сама литература полагала себя какъ нѣчто однородное, и когда въ моментъ окончательнаго установленія московскаго царства какъ будто почувствовалось великое національное значеніе этого момента, онъ отразился въ литературѣ характеристическимъ явленіемъ. Какъ будто возникла мысль сознать это историческое явленіе, подвести итогъ добытому прошедшимъ содержанію, установить его для дальнѣйшаго времени. Исполненіе этой задачи относится въ особенности къ половинѣ XVI вѣка, ко временамъ Грознаго, который впервые почувствовалъ себя самодержавнымъ, всемогущимъ царемъ и повидимому не лишенъ былъ того представленія, о которомъ мы сейчасъ говорили. Совершается усиленный процессъ государственнаго объединенія; падаютъ татарскія царства; окончательно уничтожены всѣ слѣды новгородской независимости, и представленіе

о русскомъ единствѣ въ Москвѣ осуществляется такими фактами, какъ канонизація русскихъ святыхъ, какіе до тѣхъ поръ были чтимы только мѣстно, какъ Стоглавый соборъ, какъ предпріятіе митрополита Макарія собрать все содержаніе русской церковной литературы въ одно цѣлое, для котораго формой объединенія послужила церковная форма святцевъ (Минеи Четіи): литература была собрана по календарной памяти святыхъ—писатели были святые отцы и подвижники (въ переводахъ), и также русскіе святые и благочестивые люди, и подъ днемъ ихъ памяти собираемы были ихъ творенія и относящаяся къ нимъ литература. Такимъ образомъ объединеніе было, во-первыхъ, чисто внѣшнее, во-вторыхъ, понималось только въ смыслѣ церковной практики; русское не было выдѣлено отъ переводнаго или южно-славянскаго; о хронологической послѣдовательности не могло быть рѣчи. (Дальше мы скажемъ еще объ особомъ объединительномъ трудѣ, который относится приблизительно къ той же эпохѣ—о такъ называемомъ азбуковникѣ.)

Это послѣднее отвѣчало дѣйствительному характеру литературы, въ которой старое и новое шли рядомъ, при чемъ у читателя не возникало никакой мысли о движеніи литературы, о развитіи знаній: въ обычномъ порядкѣ понятій, направленныхъ прежде и выше всего на предметы душевнаго спасенія, самый высокій авторитетъ былъ авторитетъ старый, и старая книга продолжала цѣниться даже и въ томъ случаѣ, когда дѣло шло не о душевномъ спасеніи, а о простомъ научномъ или практическомъ знаніи. Дѣйствительно, до самаго XVIII вѣка источникомъ познаній, напр. по исторіи, продолжалъ служить заматерѣлый византійскій хронографъ.

Какіе же были источники древняго просвѣщенія?

Древнѣйшимъ памятникомъ, который доставлялъ, кромѣ религіознаго поученія, также извѣстную долю научныхъ знаній, былъ знаменитый „Шестодневъ“ или „Шестоденье“ Іоанна Экзарха Болгарскаго, представлявшій изложеніе шести дней творенія съ объясненіями богословскими, нравоучительными, а также частію естественно-научными [1]). Послѣ вступленія, обращеннаго къ князю

[1]) Въ первый разъ произведенія этого писателя были изслѣдованы въ знаменитой книгѣ Калайдовича (М. 1824). Изданіе самого памятника долго подготовлялось Бодянскимъ и закончено было уже только по его смерти Андреемъ Поповымъ: „Шестодневъ, составленный Іоанномъ экзархомъ Болгарскимъ, по харатейному списку Московской Синодальной библіотеки 1263 года, слово въ слово и буква въ букву“. Москва, 1879 (изъ „Чтеній“, 1873, кн. III).

Симеону, въ заглавіи Шестоденья указаны его источники: „Василій“ (т.-е. Шестодневъ Василія Великаго), Іоаннъ (т.-е. Іоаннъ Дамаскинъ), „Севіянъ“ (т.-е. Севіянъ Гевальскій), „Аристотель философъ“ и иные. Въ разныхъ мѣстахъ книги Іоаннъ Экзархъ дѣйствительно ссылается также на греческихъ философовъ: Парменида, Ѳалеса („Таллъ“), Платона и пр., между прочимъ съ прямыми обращеніями къ нимъ и опроверженіемъ ихъ заблужденій; онъ обличаетъ также „астроложскую прелесть“ и сопровождаетъ свой разсказъ о міротвореніи постояннымъ комментаріемъ, построеннымъ на его византійскихъ образцахъ. Трудъ Іоанна Экзарха всѣмъ своимъ характеромъ напоминаетъ эти византійскіе образцы: для новообращенныхъ было, разумѣется, необходимо первое ученіе о міротвореніи, но трудъ Экзарха уже заключалъ въ себѣ тотъ недостатокъ, который впослѣдствіи былъ сильно распространенъ въ славяно-русской письменности: книга далеко не отвѣчала уровню тѣхъ читателей, къ которымъ была обращена. Новые христіане, южные славяне и русскіе, далеко не были приготовлены къ подобному изложенію: имъ, конечно, мало были понятны богословскія тонкости, реторическія украшенія, обличенія невѣдомыхъ греческихъ философовъ, „астроложской прелести“. Этимъ читателямъ предлагалась книга, скопированная съ византійскихъ оригиналовъ, гдѣ поученія назначались для язычниковъ-грековъ первыхъ вѣковъ христіанства, обличали Ѳалеса, ссылались на Платона и Аристотеля. До сихъ поръ еще не дослѣдовано, но едва-ли вѣроятно, чтобы Экзархъ прямо зналъ Аристотеля или Платона. И не мудрено, что книга, какъ и другія подобныя, не послужила зерномъ для самостоятельнаго развитія понятій; она принималась на вѣру, полупонятая. Какъ мы уже замѣчали, этотъ Шестодневъ, вмѣстѣ съ другими, прямо или косвенно византійскими произведеніями, былъ тѣмъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго старые наши книжники узнали о древнихъ греческихъ философахъ именно только по слуху, а не по самымъ ихъ твореніямъ. Въ Шестодневѣ Экзарха, въ первый разъ упомянутъ въ неопредѣленной фразѣ, на-ряду съ Платономъ, „Физіологъ“ [1]), вѣроятно тотъ „Физіологъ“-писатель, подъ которымъ подразумѣваютъ Аристотеля и по имени котораго прославилась въ средніе вѣка книга „Физіологъ“, заключавшая разсказы о животныхъ, между прочимъ баснословные, и извѣстная въ переводѣ и въ нашей древности.

Другой памятникъ, гдѣ рядомъ съ вѣроученіемъ сообщались

[1]) Въ изданіи Бодянскаго-Попова, листъ 14: „первые философы и физіологи“.

свѣденія историческія и естественно-научныя, на этотъ разъ чисто византійскій переводный памятникъ, была „Палея", — о которой мы уже имѣли поводъ упоминать. Изученіе этого памятника, давно уже обратившаго на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей, еще донынѣ не закончено; не закончено пока и самое изданіе этого памятника [1]). „Палея" есть собственно сокращенное названіе Ветхаго Завѣта, и въ старой нашей письменности случалось даже, что Палеей именно и назывался Ветхій Завѣтъ; но собственно говоря, памятникъ, носящій это имя, есть особое изложеніе ветхозавѣтной исторіи, болѣе „полное", чѣмъ въ Библіи, и именно дополненное цѣлымъ рядомъ ветхозавѣтныхъ апокрифическихъ книгъ и кромѣ того заключающее въ себѣ полемику противъ іудеевъ и частію магометанъ. Происхожденіе памятника еще не выяснено: въ изданныхъ памятникахъ византійской литературы оригинала его не нашлось, но по всѣмъ особенностямъ своимъ Палея считается памятникомъ византійскимъ. Палея несомнѣнно служила однимъ изъ источниковъ нашей начальной лѣтописи въ изложеніи ветхозавѣтной исторіи, и это указываетъ уже на ея древность. Срезневскій полагалъ, что она переведена была на славянскій языкъ въ очень древнее время [2]) вѣроятно въ Болгаріи. Перешедши въ русскую письменность, Палея получила большое распространеніе, и между прочимъ испытала значительныя перера-

[1]) Послѣ замѣчаній г. Сухомлинова о заимствованіяхъ изъ Палеи въ Несторовой лѣтописи („О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ". Спб. 1857, стр. 54—64), особенно важны были названныя нами раньше изслѣдованія В. Успенскаго (1876), Жданова (1881), изданіе „Книги бытія небеси и земли" Андрея Попова (1881) и два новыя, еще неоконченныя изданія двухъ древнихъ текстовъ Толковой Палеи:

— Палея Толковая по списку, сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г. Трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова. М. 1892. Folio, въ два столбца (первая половина рукописи).

— Толковая Палея 1477 года. Воспроизведеніе Синодальной рукописи № 210. Выпускъ первый. Спб. 1892. (Изданіе Импер. Общества любителей древней письменности, XCIII. Факсимиле, 4°).

Изложеніе содержанія Палеи (по Соловецкимъ рукописямъ) сдѣлано въ книжкѣ В. Успенскаго, съ выписками. См. также изслѣдованія о ветхозавѣтныхъ апокрифахъ, Порфирьева.

[2]) По замѣчанію Срезневскаго, она при переписи была дополнена нѣкоторыми свѣденіями по русской географіи: эти русскія дополненія, по его мнѣнію, позволяютъ заключать, что первые русскіе списки сдѣланы были еще до татарскаго ига, и именно на сѣверѣ Руси: въ нихъ нѣтъ помину ни о нѣкоторыхъ большихъ рѣкахъ южныхъ, какъ Днѣстръ и Бугъ, ни о народахъ южной Руси, и вмѣстѣ нѣтъ никакого намека о татарахъ. „Др. памятники р. письма и языка", подъ 1240 г. Извѣстно было однако, что еще гораздо раньше указываютъ на присутствіе Палеи въ рукахъ русскихъ книжниковъ заимствованія изъ нея въ лѣтописи.

ботки; указано, напримѣръ, большое сходство въ описаніи дней творенія съ Шестодневомъ Іоанна Экзарха, что̀ объясняютъ тѣмъ, что въ собственной Толковой Палеѣ это описаніе было короче и позднѣе уже было дополнено изъ болѣе подробнаго изложенія Іоанна Экзарха; указывалось также, что только позднѣе, уже на русской почвѣ, внесены въ Палею сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ (съ XV-го вѣка); полагаютъ даже, что всѣ цѣльные (а не въ отрывкахъ) апокрифы могли быть вставками, сдѣланными уже при русской переработкѣ (кромѣ развѣ Завѣтовъ двѣнадцати патріарховъ) и т. д. Кромѣ Палеи Толковой обращалась также другая, такъ называемая историческая Палея: „Книга бытія небеси и земли“ (изданная А. Поповымъ, 1881), которая не имѣетъ экзегетическихъ толкованій и полемики, но столько же исполнена апокрифическими элементами. Для этой краткой, исторической Палеи отыскался греческій подлинникъ. Была еще краткая редакція Палеи собственнаго русскаго состава и т. д.

Основнымъ, наиболѣе распространеннымъ и наиболѣе обширнымъ изложеніемъ ветхозавѣтной, на половину апокрифической исторіи оставалась Палея Толковая. Слѣды ея находятъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, какъ напр. въ Словѣ о законѣ и благодати, приписываемомъ митрополиту Иларіону, въ поученіи Владиміра Мономаха, до позднѣйшихъ хронографовъ и азбуковниковъ, которые обильно изъ нея черпали: послѣднія отраженія ея баснословныхъ апокрифическихъ элементовъ доходятъ до народной поэзіи — въ духовныхъ стихахъ и былинахъ... Литературная судьба Палеи очень характерна. По старому обычаю книга, казавшаяся авторитетною и назидательною, при отсутствіи имени автора приписывалась обыкновенно какому-нибудь знаменитому учителю церкви: такъ Палея была приписана Іоанну Златоусту или Іоанну Дамаскину и на этомъ основаніи въ самодѣльномъ спискѣ „книгъ истинныхъ и ложныхъ“ она безъ всякихъ сомнѣній ставилась въ ряду первыхъ; между тѣмъ, какъ мы замѣчали, она именно переполнена ложными, т.-е. апокрифическими книгами, помѣщенными въ ней въ полномъ составѣ и въ отрывкахъ. Это—весьма нерѣдкая черта стариннаго книжнаго простодушія, т.-е. отсутствія критики. Статья „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“ встрѣчается въ старыхъ сборникахъ во множествѣ списковъ: заимствованная первоначально, вѣроятно еще въ очень старое время, изъ византійскихъ индексовъ, запрещавшихъ чтеніе подложныхъ книгъ, она на русской почвѣ была дополнена кромѣ того по наличному составу русской письменности (во многихъ случаяхъ дополнена очень страннымъ образомъ), и частое повто-

реніе ея въ рукописяхъ показываетъ, что ревнители правовѣрія старались оградить читателя отъ заблужденій, — а между тѣмъ мы не знаемъ примѣра, чтобы у кого-нибудь изъ этихъ ревнителей явилась мысль, что въ Палеѣ, рекомендуемой въ качествѣ истинной книги, заключалась цѣлая масса книгъ, которыя здѣсь же рядомъ были осуждены, какъ ложныя.

Излагая ветхозавѣтную исторію, Палея съ ея апокрифическими элементами передавала такимъ образомъ эту исторію въ нѣсколько фантастическомъ видѣ. Она, кромѣ упомянутой полемики противъ іудеевъ и магометанъ, постоянно указываетъ параллели между ветхимъ и новымъ завѣтомъ въ смыслѣ прообразованія и, какъ въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха или въ его византійскихъ источникахъ, къ библейскому разсказу присоединяетъ съ одной стороны апокрифическія подробности (напр., съ самаго начала о паденіи Сатанаила и т. д.), съ другой естественно-историческіе разсказы изъ старыхъ греческихъ источниковъ, съ прибавленіемъ нравоучительныхъ толкованій. Творенію міра предшествуетъ твореніе духовъ, ангеловъ, и перечисляются по „Небесной іерархіи“ Діонисія Ареопагита девять чиновъ ангельскихъ съ ихъ старѣйшинами, „воеводами“ и начальниками. Первоначально было десять чиновъ, но десятый чинъ „преложился въ демоновъ“. Присоединяя сюда начальныя слова въ евангеліи отъ Іоанна, Палея опредѣляетъ ученіе о св. Троицѣ. При каждомъ днѣ творенія Палея присоединяетъ естественно-историческія толкованія: мы упоминали о сходствѣ этого отдѣла Палеи съ Шестодневомъ Іоанна Экзарха. Первымъ источникомъ этихъ толкованій были Василій Великій, св. Епифаній, Севериянъ Гевальскій. Отсюда заимствовано, напр., представленіе объ ангелахъ, посылаемыхъ Богомъ на службу по вселенной: есть ангелы облакамъ, мракамъ, льдамъ, мгламъ, морозу, росамъ, молніямъ, грому, зною, зимѣ и лѣту, веснѣ и осени и т. д. Отсюда взято представленіе объ устройствѣ земли: она не повѣшена ни на чемъ, подъ нею нѣтъ ни планетъ, ни стихій, она держится повелѣніемъ Божіимъ на своей тверди; нѣкоторые баснословцы говорятъ, будто солнце и луна съ прочими звѣздами проходятъ (ночью) подъ землею,—это древніе люди соблазнялись въ суетѣ ума своего, вообразивши, что небо кругло; но писаніе учитъ насъ не такъ: небо вовсе не движется — отъ востока къ западу, и твердь не кругла; божественный Давидъ и великій Павелъ говорятъ, что звѣзды и свѣтильники движутся по воздуху служебными ангелами, которые творятъ эту службу ради человѣка; св. Павелъ въ видѣніи восхищенъ былъ до третины небесъ и

самъ видѣлъ, какъ тѣ небесныя силы непрестанно движутъ звѣздами день и ночь, а когда къ скончанію міра Богъ освободитъ небесныя силы отъ этой работы, то звѣзды упадутъ на землю. Далѣе, при слѣдующихъ дняхъ творенія Палея объясняетъ составъ тверди, водъ и земли, морей, рѣкъ, горъ; далѣе движеніе свѣтилъ, смѣну дня и ночи, при чемъ иногда буквально сходится съ объясненіями Козьмы Индикоплова, о которомъ скажемъ далѣе; цѣлый отдѣлъ посвященъ объясненію солнечныхъ и лунныхъ круговъ, согласно съ церковной пасхаліей; по Іоанну Дамаскину Палея исчисляетъ семь планетъ, расположенныхъ на семи небесныхъ поясахъ, и т. д., сливая такимъ образомъ отрывки древнихъ астрономическихъ свѣденій и понятій о природѣ съ измышленіями первыхъ вѣковъ христіанства, которыя хотѣли опровергать древнюю науку, когда она не сходилась съ ученіями Библіи. Подобнымъ образомъ здѣсь, какъ и въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха, повторяются отрывки стараго греческаго знанія въ подробностяхъ о физіологической жизни человѣка, въ описаніяхъ разнаго рода животныхъ и ихъ свойствъ, и при этомъ, рядомъ съ дѣйствительными фактами, сообщается не мало баснословнаго, что потомъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ повторялось въ старинномъ русскомъ чтеніи, не только въ составѣ Палеи, но и въ отдѣльныхъ извлеченіяхъ изъ нея въ сборникахъ и азбуковникахъ. Таковы, напр., сказанія о птицѣ алконостѣ, о малой рыбицѣ ехиніи, имѣющей то изумительное свойство, что, прицѣпившись къ кораблю, она можетъ остановить его движеніе, пока „норцы“ не отрѣжутъ ее отъ дна корабля, о птицѣ фениксѣ („финикъ“), о змѣѣ аспидѣ [1]) и т. д.

Въ образчикъ того, какъ подобныя баснословныя сказанія были примѣняемы къ христіанскому вѣроученію, приводимъ ска-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ сказаній опять находятся въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха. См. напр. въ изданіи Бодянскаго-Попова о рыбѣ ехиніи, л. 170 обор., 172; объ алконостѣ, л. 179 обор.

Замѣтимъ, что эта птица „алконостъ“, весьма знаменитая въ нашей старой письменности и увѣковѣченная въ лубочныхъ картинкахъ въ качествѣ райской птицы вмѣстѣ съ „сириномъ“, обязана своимъ существованіемъ очень древней орѳографической ошибкѣ, которую можно прослѣдить еще съ Іоанна Экзарха. У него она называется правильно: „алкѵонъ“ (гальціона), но, въ первой фразѣ, гдѣ упомянута эта птица, читается: „алкѵонестъ морская птица“, т.е. испорчено изъ: „алкѵонъ есть“: послѣдующіе переписчики превратили эту описку въ „алконостъ“ (въ такомъ видѣ она является уже въ Палеѣ, напр., Тихонравовской, стр. 41, и еще раньше въ Александро-невской Палеѣ) и въ этомъ видѣ птица была знаменита у нашихъ предковъ въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Ср. Никольскаго, О литературныхъ трудахъ Климента Смолятича, стр. 150—151.

заніе о фениксѣ („финиксъ", „фюниксъ"). „Есть птица въ великой Индіи, — разсказываетъ Палея [1]), — называемая фюниксъ, о которой Давидъ-пророкъ въ 91-мъ псалмѣ сказалъ: „праведникъ яко фюниксъ процвѣте" [2]). И та птица есть единогнѣздница, не имѣетъ ни подружья, ни чадъ, но сама только пребываетъ въ своемъ гнѣздѣ; пищу же свою добываетъ, летая въ кедры Ливана, и, летая тамъ, наполняетъ крылья свои ароматомъ, и оттого благовонна; но когда эта птица старѣется, то взлетитъ на высоту и беретъ отъ небеснаго огня и, спустившись, зажигаетъ гнѣздо свое, и тутъ же и сама сгораетъ, но потомъ въ пеплѣ гнѣзда своего нарождается червемъ, и изъ того червя бываетъ птица, съ тѣмъ же правомъ и съ тѣмъ же естествомъ. И эта птица фюниксъ является образомъ истинно вѣрующихъ въ Бога, потому что хотя они и приняли мученія за Христа, но нашли бо́льшую пищу рая и въ благоуханіи водворились. Смотри же, — какъ человѣку нельзя получить славы, если не будетъ искушенъ въ брани; такъ и тѣ мученики, боровшись съ мучителемъ, получили славу и вѣнецъ" и т. д. Первый источникъ сказаній о фениксѣ, возрождающемся изъ собственнаго пепла черезъ каждыя 500 лѣтъ, заключается, кажется, въ разсказѣ Геродота и относится къ Египту; потомъ фениксъ былъ перенесенъ въ Индію, а въ первые вѣка христіанства легенда, имѣвшая первоначально астрономическій смыслъ, получила толкованіе богословское и правоучительное, одинъ изъ образчиковъ котораго даетъ приведенный разсказъ Палеи. У св. Епифанія возрожденіе феникса примѣнено къ воскресенію Христа: „какъ іудеи, — говоритъ онъ въ своемъ толкованіи этого разсказа, — не повѣрили воскресенію І. Христа изъ мертвыхъ, когда птица (о которой сказалъ Давидъ: праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ) черезъ три дня дѣлалась живой?"

Еще одно произведеніе, повидимому уже средняго періода, говорившее о міротвореніи и космографіи, было сочиненіе Козьмы Индикоплевста (плавателя въ Индію), названнаго въ славянскомъ переводѣ Индикопловомъ. Это — „Христіанская топографія", какъ называется она въ греческомъ подлинникѣ: въ русскихъ рукописяхъ книга носитъ такія заглавія: „Книги о Христѣ обемлюща весь міръ", и далѣе: „Книги Козмы парицаемаго Индико-

[1]) Московское изданіе учениковъ Тихонравова, стр. 43.

[2]) Птица „фюниксъ" смѣшана съ финикомъ. Въ русскомъ переводѣ псалтыри (съ еврейскаго, въ изданіи св. Синода для англійскаго Библейскаго Общества), псаломъ 91, ст. 13: „Праведникъ цвѣтетъ какъ пальма, возвышается подобно кедру на Ливанѣ".

плова, избраны отъ божественныхъ писаній благочестивымъ и повсюду славимымъ киръ Козмою". Это былъ купецъ, принявшій потомъ монашество; самъ онъ упоминаетъ, что путешествовалъ въ началѣ царствованія императора Юстина (518—527), а книгу свою писалъ лѣтъ двадцать спустя. Когда и гдѣ переведена была его книга на славянскій или славяно-русскій языкъ, еще не дослѣдовано; списки перевода раньше XVI вѣка не встрѣчались; но одинъ отрывокъ книги Срезневскій нашелъ въ сборникѣ XIV—XV вѣка бывшей Софійской библіотеки и заключалъ изъ этого, что въ то время былъ и цѣлый списокъ; затѣмъ и въ болѣе позднихъ копіяхъ Срезневскій усмотрѣлъ вообще нѣкоторые признаки древности.

Двѣ великолѣпныя и древнія греческія рукописи Козьмы находятся—одна (IX—X вѣка) въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ, другая въ Лаврентіевской библіотекѣ во Флоренціи (нѣсколько рукописей болѣе новыхъ есть въ другихъ библіотекахъ). Часть книги явилась еще въ 1663 г. во французскомъ переводѣ въ собраніи Тевено (Thévenot, Relation des divers voyages curieux); подлинникъ и латинскій переводъ изданы Монфокономъ въ 1706 г. (Collectio nova patrum et scriptorum Graecorum), и еще разъ послѣ. Срезневскій произвелъ сличеніе славянскаго перевода съ подлинникомъ и нашелъ, что первый представляетъ иногда недостатки, а иногда излишки противъ оригинала и потому необходимъ для изучающихъ греческій памятникъ [1]).

Для насъ Козьма Индикопловъ въ переводѣ любопытенъ какъ литературный памятникъ стараго времени и какъ свидѣтельство о древнемъ русскомъ просвѣщеніи. Въ то время какъ въ западной литературѣ книга Козьмы была уже предметомъ историко-литературной археологіи, у насъ она продолжала еще переписываться какъ непосредственный источникъ космографическаго поученія.

Старый переводъ Козьмы Индикоплова только недавно явился въ великолѣпномъ факсимилированномъ изданіи Общества любителей древней письменности [2]). Въ предисловіи къ этому изданію читаемъ, что Козьма, посѣтивъ Индію, зналъ также о Тапробанѣ

---

[1]) Срезневскій, Свѣденія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867, XI, стр. 1—19.

[2]) Книга глаголемая Козмы Индикоплова. Изъ рукописи Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Минея Четія митрополита Макарія (новгор. списокъ), XVI вѣка, мѣсяцъ августъ, дни 23—31 (собр. кн. Оболенскаго, № 159). Спб. 1886. Folio, 240 стр., со множествомъ рисунковъ и 4 стр. отдѣльныхъ листовъ рисунковъ изъ собранія Общ. люб. др. письменности.

(Цейлонѣ) и Синѣ (Китаѣ). „Въ исторіи человѣческихъ знаній и средневѣковой науки сочиненіе это важно чрезвычайно цѣнными и точными свѣденіями объ Индіи и Еѳіопіи... Космографическія представленія Козьмы Индоплавателя вообще имѣли широкое распространеніе и признаніе въ теченіе среднихъ вѣковъ, а у насъ на Руси его трудъ, какъ это можно судить по многочисленнымъ спискамъ его перевода, былъ любимымъ чтеніемъ, начиная съ XIV вѣка, а можетъ быть, и съ болѣе ранняго времени". Для нашихъ предковъ книга Индикоплова имѣла, конечно, значеніе не тѣми археологическими данными, какія представитъ она для современной науки, а своимъ цѣлымъ представленіемъ объ устройствѣ міра. „Признаніе" его представленій въ средніе вѣка не было продолжительно; онѣ должны были уже рано уступить представленіямъ о шарообразности земли (что̀ Козьма отвергалъ), которыя повели къ кругосвѣтнымъ плаваніямъ и открытію Америки. Основная мысль космографіи Индикоплова заключается въ желаніи опровергнуть Птолемееву систему и доказать изъ св. писанія другую систему, по которой земля не есть шаръ, а возвышенная плоскость, и антиподы не существуютъ. Съ этого начинается его книга, въ которой излагаются дальше предположенія о фигурѣ земли, доказываются показанія Моисея и вообще св. писанія, говорится о солнцѣ, о теченіи звѣздъ; при этомъ сообщается о шести дняхъ творенія, приводятся географическія и историческія свѣденія, дается особо описаніе Индіи и Цейлона, и т. д. Фигуру земли Индикопловъ представляетъ какъ плоскій, продолговатый отъ востока къ западу четвероугольникъ, покрытый небомъ, какъ сводомъ; обитаемая людьми земля окружена океаномъ, а по краямъ возвышается стѣна, и край земли сходится съ краемъ небесъ; земля основана на тверди, и подъ нею ничего нѣтъ; антиподы (о нихъ предполагали древніе греки, признававшіе шаровидность земли) не существуютъ; почное захожденіе солнца и свѣтилъ совершается за высокую гору, находящуюся на сѣверѣ. Все это подтверждается постоянными ссылками на св. писаніе.

Мы не разъ указывали, какъ славяно-русской письменности постоянно приходилось встрѣчаться въ ея византійскихъ образцахъ съ опроверженіями „еллинскаго" язычества или „еллинской" мудрости; это было естественно у греческихъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, когда еще былъ на-лицо античный міръ съ его литературой и образованностью, но наши предки не имѣли объ этомъ античномъ мірѣ никакого понятія,—они прямо встрѣчались съ опроверженіемъ и проклятіемъ чего-то имъ совсѣмъ

невѣдомаго. Если они могли кое-какъ уразумѣть обличеніе язычества, какъ поклоненія идоламъ, то имъ должны были быть крайне невразумительны обличенія понятій научныхъ: они не знали ничего объ ученіяхъ Птолемея или Гиппарха, и встрѣчались прямо съ опроверженіями Индикоплова, которыя обиловали ссылками на писаніе, но не имѣли ничего научнаго. Понятно опять, что здѣсь не полагалось никакой основы для научныхъ понятій, и когда потомъ являлись отрывки другого рода знаній, напр. отголоски Птолемеевой системы, они присоединялись механически къ Индикоплову, и старый русскій книжникъ, лишенный прочныхъ знаній, встрѣчалъ ихъ опять безъ всякой критики и оставался въ томъ же сумракѣ. Произведеніе VI-го вѣка еще пользовалось у насъ авторитетомъ въ XVI и XVII вѣкѣ.

Первое „слово“ Индикоплова открывается увѣщаніемъ. Люди, имѣющіе разумъ, рачители истиннаго свѣта, старающіеся быть въ будущемъ вѣкѣ согражданами святыхъ, считающіе божественнымъ Ветхій и Новый Завѣтъ, повинующіеся Христу и Моисею, вѣрующіе, что будетъ воскресеніе человѣковъ и судъ, и что праведные наслѣдуютъ царствіе небесное; люди, внимающіе всему божественному писанію, которое было написано Моисеемъ, описавшимъ твореніе, или иными пророками, у которыхъ указано и мѣсто, гдѣ есть царство небесное, о которомъ Христосъ обѣщалъ, что Богъ даруетъ его праведнымъ людямъ; люди, находящіе, что Ветхій и Новый Завѣтъ согласны въ этомъ утвержденіи, неподвижны и не побѣждены ни однимъ изъ противниковъ, красящихся мудростью сего міра и принимающихъ божественное писаніе за богохульство и прозывающихъ Моисея и пророковъ, владыку Христа и апостоловъ мечтателями,—противниковъ, которые, „возводя брови“, мудрствуютъ, какъ нѣчто великое, и даютъ небу кругоносное движеніе и землемѣрнымъ раздѣленіемъ, и звѣзднымъ теченіемъ, суесловіемъ и мерзостью мірскою опредѣляютъ положеніе міра, прельщая и прельщаясь солнечнымъ и луннымъ исчезновеніемъ (съ такими людьми и говорить безполезно); люди, „хотящіе христіанствовать“, а въ то же время желающіе краситься словами и мудростью, мечтаніями и мірскимъ прельщеніемъ и любящіе принимать и то, и это,—эти люди и должны уразумѣть тѣ доказательства, которыя въ изобиліи собираетъ Козьма Индикопловъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта въ подтвержденіе представленій его о строеніи міра... О томъ, какимъ уваженіемъ пользовалось его твореніе у нашихъ предковъ въ XVI вѣкѣ, можетъ свидѣтельствовать рукопись, изданная Обществомъ любителей древней письменности: она украшена многочисленными

рисунками въ извѣстномъ архаическомъ стилѣ, гдѣ изображены между прочимъ: потопъ; вавилонское столпотвореніе и раздѣленіе языковъ; восхожденіе и захожденіе солнца „по божественному писанію“ (за горой, находящейся по ту сторону океана); царство небесное; обличительная картинка, изображающая нелѣпость ученія объ антиподахъ; трапеза въ Моисеевой скиніи, представляющая образъ земли; ангелы, движущіе звѣзды [1]) и т. д.

Другого рода византійское произведеніе, опять относившееся къ міротворенію, переведено было на русскій или вѣрнѣе на книжный славяно-русскій языкъ въ 1385 году нѣкимъ Дмитріемъ Зографомъ,—о чемъ занесено было потомъ даже въ лѣтопись. Это было твореніе Георгія Писидійскаго, византійскаго писателя VII вѣка, стихотворная поэма, греческое заглавіе которой значитъ Шестодневъ или Міротвореніе, а по-русски оно передано такъ: „Премудраго Георгія Писида похвала къ Богу о сотвореніи всея твари“. Авторъ былъ священно-служитель въ „великой церкви“, т.-е. св. Софіи въ Константинополѣ, близкій къ императору Гераклію, ученый человѣкъ, обладавшій и поэтическимъ дарованіемъ. Поэма написана въ 1910 ямбахъ, около половины VII столѣтія. Сочиненія Георгія пользовались у позднѣйшихъ греческихъ писателей большою славою; нѣкоторые изъ нихъ ставили его стиль наравнѣ со стилемъ Софокла и Эврипида; „новѣйшіе критики (говоритъ издатель древняго русскаго перевода, ссылаясь на Николая) находятъ Георгія надутымъ и расплывающимся, а рѣчь его — жесткою и наполненною гиперболами и словами собственнаго изобрѣтенія; пониманіе и критика его текста считаются дѣломъ весьма труднымъ, хотя его стихъ (ямбическій пентаметръ) признается замѣчательнымъ по чистотѣ“. Это отразилось и на славянскомъ переводѣ: „переводчикъ переводитъ почти буквально, жертвуя точности ясностью выраженія; отъ этого многія мѣста крайне темны и становятся понятными только при помощи греческаго текста“; въ одномъ мѣстѣ переводчикъ совсѣмъ пропустилъ темное изложеніе мистическаго богословія,—какъ сдѣлалъ и нѣкоторые другіе пропуски, можетъ быть, по отсутствію въ этихъ подробностяхъ особаго интереса для славяно-русскаго читателя.

Поэма Георгія распадается на двѣ части: одна посвящена въ

[1]) Славянскій или русскій писецъ не могъ обойтись и здѣсь, какъ напр. въ древнемъ „Златоструѣ“ (см. у Малинина, стр. 60), безъ того, чтобы не дополнить географическихъ показаній греческаго писателя. Въ перечисленіи сѣверныхъ странъ названы болгары; „на западной странѣ—великаа страна, нарицаеміи Русь“ (Пыпикоповъ, стр. 54).

особенности богословскому содержанію, другая—описанію произведеній и явленій природы, свидѣтельствующихъ о всемогуществѣ и величіи Творца. Въ первомъ отдѣлѣ для Георгія служили обычные источники—въ св. писаніи и твореніяхъ отцовъ церкви; во второмъ—Аристотель, Эліанъ, Плутархъ, въ ихъ подлинныхъ сочиненіяхъ или въ выборкахъ. Многія картины дѣйствительно не лишены поэзіи; къ сожалѣнію, свойства перевода, гдѣ переводчикъ не овладѣвалъ достаточно ни содержаніемъ, ни своимъ языкомъ и гдѣ, по признанію современнаго ученаго критика, смыслъ можетъ быть иногда возстановленъ только при помощи оригинала,—должны были очень ограничить значеніе труда Зографа.

Славянскій текстъ поэмы Георгія изданъ былъ Обществомъ любителей древней письменности [1]). Греческій подлинникъ появился въ печати, на западѣ, очень давно: съ парижскаго изданія 1584 г. нѣсколько изданій вышло еще въ концѣ XVI вѣка, затѣмъ въ послѣдующія столѣтія, до новѣйшаго изданія Герхера въ 1866. Появленіе славянскаго текста дало поводъ П. В. Никитину сличить его съ греческимъ подлинникомъ, при чемъ опять оказалось, что на основаніи славянскаго перевода возстановляются лучшія чтенія въ подлинникѣ [2]). Обстоятельное изслѣдованіе о славянскомъ переводѣ поэмы сдѣлано было его издателемъ [3]): выводы его состоятъ въ слѣдующемъ.

Останавливаясь на мнѣніи Тихонравова [4]), что переводчикъ Зографъ былъ именно иконописецъ (по значенію греческаго слова) и взялся за переводъ потому, что поэма представляла богатый матеріалъ для христіанской символики, новый комментаторъ не находитъ основаній къ этому заключенію, тѣмъ болѣе, что въ старыхъ иконописныхъ подлинникахъ нѣтъ слѣда подобнаго вліянія Писида. Самъ критикъ думаетъ, что переводъ не имѣлъ этого повода, и какъ самое имя Зографа неизвѣстно по русскимъ документамъ XIV вѣка, такъ и трудъ его долженъ быть отнесенъ къ области тѣхъ южно-славянскихъ вліяній, которыя отличаютъ въ исторіи нашей письменности конецъ XIV-го и первую половину XV-го вѣка.

---

[1]) Шестодневъ Георгія Писида въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года, И. А. Шляпкина. Спб. 1882. „Къ сожалѣнію,—замѣчалъ потомъ самъ издатель,—въ изданіе вкрались многочисленныя опечатки“ (Журн. мин., стр. 269),—которыя такъ и остались неуказанными.

[2]) Замѣчанія къ тексту „Шестоднева“ Георгія Писидійскаго. Журн. мин. просв. 1888, январь.

[3]) Шляпкинъ, „Георгій Писидійскій и его поэма о міротвореніи въ славяно-русскомъ переводѣ 1385 года“. Журн. мин. просв. 1890, іюнь, стр. 264—294.

[4]) Въ XIX отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ. Спб. 1878, стр. 58.

Мы имѣли раньше случай касаться этого періода южно-славянской литературы въ его связяхъ съ нашею старой письменностью. Это было время особеннаго оживленія болгарской и сербской книжной дѣятельности передъ ихъ полнымъ упадкомъ въ послѣдующіе вѣка. Надвигавшаяся гроза турецкаго нашествія какъ будто возбудила нравственныя силы южнаго славянства; многіе изъ лучшихъ людей уходили на Аѳонъ и занимались книжной дѣятельностью здѣсь, и въ Константинополѣ, куда приходили и русскіе книжники. Такимъ образомъ устанавливалось или подкрѣплялось прежнее книжное общеніе, при чемъ для русскихъ открывалось многое, что было имъ недоступно въ далекой родинѣ, а для южнаго славянства уже возникала возможность надеждъ на сѣверныхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Въ самой Россіи чувствовалась потребность въ этой помощи южно-славянскаго книжнаго знанія, и фактическимъ выраженіемъ этого былъ призывъ или пріѣздъ въ Россію болгаръ и сербовъ, какъ митрополитъ Кипріанъ, Григорій Цамблакъ, Пахомій Логоѳетъ и др. Съ ними пришли новые литературные вкусы, между прочимъ отражавшіе стиль греческой книжности, а также и новое расширеніе литературнаго содержанія; въ самомъ складѣ рѣчи явились южнославянскіе оттѣнки, и въ письмѣ—южно-славянское правописаніе, которое одно время стало модой и у русскихъ книжниковъ.

Къ этой литературной области критикъ относитъ и славянскій переводъ поэмы Георгія. Неизвѣстное у насъ имя Зографа онъ находитъ у сербовъ и болгаръ тѣхъ вѣковъ; названіе перевода „русскимъ“ объясняется тогдашнимъ смутнымъ различеніемъ нарѣчій въ общей церковной литературѣ; наблюденіе рукописей указываетъ въ старѣйшихъ спискахъ XV вѣка большое обиліе южно-славянскихъ, именно средне-болгарскихъ, особенностей. По всѣмъ этимъ основаніямъ критикъ (съ большою вѣроятностью) полагаетъ, что переводъ былъ не русскій, а именно средне-болгарскій, и переводчикъ былъ болгаринъ, можетъ быть изъ подчиненныхъ митрополита Кипріана. Отсутствіе южно-славянскихъ списковъ памятника можетъ объясняться тѣмъ, что переводъ былъ прямо вывезенъ въ Россію,—или даже сдѣланъ болгариномъ въ Россіи. Въ XV вѣкѣ русскіе списки поэмы еще рѣдки; въ XVI книга расходится больше, правописаніе ея теряетъ средне-болгарскія черты; она попадаетъ въ Макарьевскія Четіи-Минеи; наибольшее число списковъ относится къ XVII вѣку и они переходятъ, наконецъ, въ XVIII. Малую распространенность книги въ первое время критикъ объясняетъ мрачнымъ характеромъ эпохи, татарскимъ игомъ, ожиданіями кончины міра: тогда „немногихъ

могла заинтересовать темная, непонятно написанная поэма, воспѣвавшая премудрость устройства и красоту сего міра". Потомъ обстоятельства перемѣнились; въ XVI, XVII вѣкахъ повѣяло новымъ духомъ. „Появились слабыя, но все же научныя стремленія; усилилась переводная дѣятельность съ польскаго, латинскаго, нѣмецкаго; переводились и передѣлывались сочиненія и чисто повѣствовательныя, и драматическія, и лексическія, и космографическія, и медицинскія, даже философскія. И старыя вещи не забылись: число списковъ увеличивается, тексты ихъ подновляются, является потребность чтенія... Проводится новый взглядъ на міръ не какъ на зло, а какъ на нѣчто очень хорошее и достойное изученія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и переводы космографій, и раскольничьи стихи (о красотѣ пустынной природы), и автобіографія Аввакума, и отчеты о поѣздкахъ Арсенія Суханова, и уменьшеніе числа затворниковъ. Тогда распространяется и наша поэма. Своею картинностью, своимъ свѣтлымъ взглядомъ на природу она привлекла къ себѣ вниманіе русскихъ людей, а своими сказочными свѣденіями заманивала ихъ воображеніе. Конечно, въ ней нечего искать научныхъ свѣденій: она, какъ и вся европейская средневѣковая литература физіологовъ, обращала вниманіе только на исключенія изъ общаго хода природы, на „раритеты", но въ основѣ этого стремленія ко всему рѣдкостному, курьезному кроются уже задатки болѣе серьезныхъ требованій. Простое любопытство переходило въ любознательность, а любознательность хоть и медленно, но неотступно вела къ серьезному знакомству съ природой. Съ этой точки зрѣнія и наша поэма, даръ славянскаго юга, заслуживаетъ вниманія всякаго изучающаго исторію русской литературы и образованности".

Быть можетъ, здѣсь нѣсколько преувеличено значеніе историческихъ условій, съ которыми критикъ соединяетъ позднѣйшее распространеніе поэмы Георгія. Характеръ памятника, воспѣвавшаго красоту міра, могъ и не участвовать въ этомъ распространеніи. Рукописи XV-го вѣка, передающія старые памятники, вообще рѣже, чѣмъ рукописи XVI-го и особливо XVII-го: для послѣднихъ сохранность вообще подлежала меньшему риску, а съ другой стороны возростала потребность чтенія; старинный читатель былъ вообще не особенно разборчивъ и поэма Георгія распространялась наравнѣ съ другими памятниками; быть можетъ, позднѣйшіе списки (они еще не были разобраны) стали и болѣе вразумительны по языку. Во всякомъ случаѣ поэма Георгія занимала не послѣднее мѣсто въ старинномъ чтеніи и отдѣльныя подробности ея были занесены въ азбуковникъ.

Намъ остается сказать еще немногое, чтобы исчерпать приблизительно весь кругъ старинпаго чтенія, изъ котораго почерпалось извѣстное научное, по-старинному, знаніе. Таковъ былъ далѣе такъ называемый „Физіологъ", собраніе свѣденій о животныхъ, птицахъ, рыбахъ, камняхъ, чрезвычайно популярное въ средніе вѣка, отдѣльные эпизоды котораго занимали важное мѣсто въ средневѣковой народной миѳологіи и христіанской символикѣ. Мы упоминали выше, что намекъ на „Физіолога" встрѣчается уже въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха. Отдѣльныя сказанія о чудесныхъ животныхъ мы встрѣчали уже въ Шестодневахъ, Палеяхъ и т. д.; но самый памятникъ, спеціально посвященный этимъ предметамъ и извѣстный подъ названіемъ „Физіолога", повидимому явился у насъ только позднѣе, по обыкновенію переведенный съ греческаго. Подробное изслѣдованіе, посвященное недавно этому памятнику [1]), дѣлаетъ обзоръ всей его литературной исторіи, а затѣмъ и соображенія объ его славянскомъ переводѣ. Общій выводъ г. Карнѣева заключается въ слѣдующемъ:

„Родиной Физіолога, съ большимъ вѣроятіемъ, можетъ быть признана Александрія, а временемъ его составленія—эпоха отъ II-го до III-го вѣка по Р. Х. Физіологъ есть памятникъ коллективнаго творчества. Источники физіологической саги слѣдуетъ искать у античныхъ писателей, въ памятникахъ египетской старины, въ библейскихъ представленіяхъ, въ отзвукахъ талмудическихъ преданій и т. п.... Славянскіе переводы греческаго Физіолога сохранились лишь въ русскихъ спискахъ. Языкъ древнѣйшій рецензіи указываетъ на болгарское происхожденіе перевода (ранѣе XIII-го вѣка)". Какъ мы видѣли, вставки „физіологическаго" характера встрѣчаются уже въ Толковой Палеѣ: по объясненію г. Карнѣева, эти вставки хотя и были самостоятельнымъ изложеніемъ византійскаго составителя Палеи, но по своей основѣ восходятъ къ древнѣйшей редакціи Физіолога. „Наличность отдѣльныхъ физіологическихъ сказаній различныхъ рецензій въ древнерусскихъ сборникахъ свидѣтельствуетъ о сравнительной популярности Физіолога на Руси... Особой литературной разработки физіологическая сага на Руси не получила". Позднѣе, тотъ символическій элементъ, который представлялъ собою Физіологъ и его развѣтвленія, получилъ большое развитіе у южно-русскихъ писателей съ XVI-го до XVIII-го вѣка: г. Карнѣевъ объясняетъ, что они опирались уже не на собственномъ, и не старомъ русскомъ,

[1]) А. Карнѣевъ, „Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога". Спб. 1890. Изд. Общества любителей древней письменности. XCII.

Физіологѣ, а на сборникахъ подобнаго матеріала, восходящихъ къ западнымъ фантастическимъ энциклопедіямъ среднихъ вѣковъ [1]).

Такимъ образомъ „Физіологъ“ является опять фактомъ литературнаго общенія древней Руси съ южнымъ славянствомъ. Впослѣдствіи содержаніе „Физіолога“ прямо или косвенно заносилось въ азбуковникъ...

По свѣденіямъ географическимъ и историческимъ, древнее просвѣщеніе опять было весьма скудно [1]). Относительно географическихъ познаній надо различать практическое расширеніе знаній о своей ближайшей странѣ, путемъ завоеванія и колонизаціи, и знанія научныя. Промышленники, военные люди, а затѣмъ „гулящіе“ и даже „воровскіе“ люди пускались въ самыя трудныя странствія и уже въ XVII вѣкѣ были заняты громадныя пространства Сибири, и развѣдки достигали до Ледовитаго океана и Камчатки. Но въ географическое научное знаніе входили изъ этого только тѣ извѣстія, какія добывали иностранные путешественники изъ разспросовъ и личнымъ посѣщеніемъ, и нужны были новые труды путешественниковъ XVIII-го и XIX-го вѣка, чтобы разработать сырой топографическій матеріалъ старыхъ открытій. Старые русскіе странники бывали въ отдаленныхъ краяхъ, описывали Царьградъ, Палестину, бывали даже въ Индіи, какъ Аѳанасій Никитинъ; но матеріалъ ихъ наблюденій только теперь, вновь открытый, находитъ мѣсто въ исторической географіи. Европейскимъ путешественникамъ приходилось „открывать“ сѣверныя земли самой Россіи—въ путешествіе Ченслера въ 1555; между тѣмъ русскій дьякъ Истома, а потомъ Власовъ еще до Ченслера совершили морской путь около береговъ Норвегіи, какъ Аѳанасій Никитинъ былъ въ Индіи до португальцевъ, а казакъ Дежневъ открылъ проливъ между Азіей и Америкой до Беринга. Тѣмъ не менѣе, за португальцами, Ченслеромъ и Берингомъ остается заслуга открытія, потому что ихъ путешествія были результатомъ сознательно веденныхъ поисковъ, а не практической случайности, и что черезъ нихъ новыя свѣденія въ первый разъ вошли въ научное обращеніе. Бѣломорскій путь сталъ служить русскимъ для международныхъ сношеній лишь съ тѣхъ поръ, когда этимъ путемъ независимо отъ нихъ явились сами англичане.

Своя домашняя географія появилась только къ концу средняго періода нашей исторіи въ „Книгѣ Большому Чертежу“.

Свѣденія историческія были опять случайны и недостаточны.

---

[1]) Карнѣевъ, стр. 158—160.

[2]) Мы имѣли случай говорить объ этомъ раньше. Ср. В. Европы, 1876, ноябрь.

Въ собственно русской исторіографіи, въ теченіе всего стараго періода нашей исторіи, не явилось уже ни одного писателя, который бы по широтѣ взгляда и цѣльности представленія о русскомъ народѣ могъ бы (относительно) сравняться съ начальнымъ лѣтописцемъ. Иноземная исторія была крайне скудная и случайная. Источниками ея были опять византійскіе хронисты (Амартолъ, Малала, патр. Никифоръ, Манассія, Зонара) и также лѣтописи и житія южно-славянскія, откуда заимствованы были краткія свѣденія о царствахъ сербскомъ и болгарскомъ. Главнѣйшимъ руководствомъ для библейской исторіи служила „Палея“... Наконецъ, появляются съ XV-го или XVI-го столѣтія цѣльные „хронографы“, историческія компиляціи изъ упомянутыхъ византійцевъ, южно-славянскихъ и русскихъ лѣтописей, къ которымъ подъ конецъ прибавлены еще латино-польскіе хронисты. Въ хронографы заносимы были и отдѣльныя историческія повѣсти о русскихъ и иноземныхъ лицахъ и событіяхъ. Послѣднія, впрочемъ, немногочисленны. Особенно любопытны между ними—небольшой разсказъ о завоеваніи Константинополя крестоносцами (въ 1204), помѣщенный въ лѣтописи, и подробный разсказъ о взятіи Константинополя турками—событіе, въ свое время сильно подѣйствовавшее на умы и отразившееся многоразличными слѣдствіями для русской исторіи. Но бо́льшею частію эти историческіе разсказы преисполнены баснословіемъ и представляли больше литературно-сказочнаго, нежели историческаго интереса, — какъ, напр., сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, объ иверской царицѣ Динарѣ, о мутьянскомъ (молдавскомъ) воеводѣ Дракулѣ, сказаніе Ивана Пересвѣтова о турскомъ царѣ Махметѣ и пр. и пр. Западная европейская исторія, кажется, впервые стала извѣстна только съ XVI-го вѣка, изъ переводовъ латино-польскихъ хроникъ и космографій, и отчасти изъ ходившихъ по рукамъ „статейныхъ списковъ“, т.-е. отчетовъ русскихъ пословъ.

Повидимому, крайне ограничены были размѣры и въ совсѣмъ другой области знанія—въ счисленіи. Историкъ древне-русскихъ училищъ полагалъ, что если „до сихъ поръ въ азбукахъ помѣщается нумерація, какъ она помѣщалась и въ азбукахъ первой половины XVII-го вѣка, какъ это видно изъ прописи 1643 года, такъ, безъ сомнѣнія, было и въ древнѣйшее время“ [1]); но изъ древнѣйшаго времени нѣтъ на это никакихъ доказательствъ. Въ древней письменности сохранилось, впрочемъ, нѣсколько примѣровъ довольно сложнаго вычисленія, происхожденіе пріемовъ котораго

[1]) Лавровскій, стр. 180.

однако не выяснено. Таковы разсчеты книжника XII-го вѣка, извѣстнаго Кирика, который разрѣшалъ задачи о числѣ лѣтъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, протекшихъ отъ сотворенія міра до его времени и т. п. Въ „Русской Правдѣ“ приведены примѣрные разсчеты приплода отъ домашняго скота, прибытка зернового хлѣба въ теченіе извѣстнаго времени, и опредѣляется стоимость найденнаго числа этихъ предметовъ. Въ концѣ XV-го вѣка сдѣланы были вычисленія пасхаліи митрополитомъ Зосимою и новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ, и т. д.

Способъ счета, при написаніи чиселъ буквами, былъ, конечно, очень затруднителенъ; у грековъ употреблялись при этомъ значки для отличенія тысячъ и десятковъ тысячъ; подобныя обозначенія употреблялись и въ нашемъ письмѣ. За отсутствіемъ нынѣшняго ариѳметическаго счета, облегчаемаго десятичною арабскою системой цифръ, вычисленія были очень медленны и сложны. Для того, чтобы произвести простое нынѣшнее ариѳметическое дѣйствіе, приходилось разлагать данное число на его составныя части, именно, отдѣлять, напримѣръ, десятки тысячъ, тысячи, сотни, десятки и единицы, и высчитывать круглыя числа порознь, приставляя ихъ одно къ другому и затѣмъ выводя ихъ общую сумму. Такимъ образомъ производились всѣ ариѳметическія дѣйствія; при нѣсколько сложныхъ числахъ это вычисленіе становилось чрезвычайно медленно и кропотливо...

Карамзинъ сообщаетъ, что у него имѣлась рукопись второй половины XVII вѣка подъ названіемъ: „Книга именуема геометріа или землемѣріе радиксомъ и цыркулемъ“, за которой слѣдуетъ книга о сошномъ и вытномъ письмѣ, и ссылается на показаніе Татищева, что въ писцовомъ наказѣ Ивана Грознаго въ 1555 году были приложены землемѣрныя начертанія, „которыя видимо нѣкто знающій геометрію съ вычетами плоскостей сочинилъ“. Самъ Карамзинъ думалъ, что измѣреніе и перепись земель въ Двинской области, а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ, отъ 1587 до 1594 года могли послужить поводомъ къ сочиненію первой русской геометріи, и къ тому же времени относилъ онъ и первую русскую ариѳметику [1]). Но въ теченіе нашего средняго періода эта „мудрость“ была еще, повидимому, совершенно неизвѣстна и на практикѣ счисленіе производилось способомъ крайне первобытнымъ: когда въ сошномъ письмѣ нужно было выразить дробныя части земельныхъ мѣръ, это производилось не

[1]) Исторія Госуд. Россійскаго, т. X, гл. IV, прим. 436.

ариѳметическими дробями, которыхъ не знали, а мудренымъ словеснымъ счетомъ [1]).

Въ XVI столѣтіи, когда вообще возникали книжныя западныя вліянія, являются переводныя математическія статьи западнаго происхожденія, но которыя на первый разъ свидѣтельствовали опять о крайней отсталости знаній. Такъ сочли тогда нужнымъ переводить статью Исидора Севильскаго, писателя VII столѣтія, представлявшую не много поучительнаго. Когда явилась первая рукописная ариѳметика, она должна была рекомендовать себя какъ дѣло полезное и „сладчайшее меду“, а также и не богопротивное [2]).

Запасъ свѣденій, которыя представляла древняя письменность, былъ объединенъ въ такъ называемыхъ Азбуковникахъ. Это была старинная энциклопедія, единственная, какую имѣли тѣ времена. Первымъ началомъ Азбуковника былъ древній (извѣстный съ XIII вѣка) списокъ „иностранныхъ рѣчей“, которыя находились въ славяно-русскихъ книгахъ и требовали объясненія; впослѣдствіи этотъ списокъ все болѣе расширялся, представляя, кромѣ объясненія словъ, и объясненіе цѣлаго круга понятій и предметовъ, такъ что наконецъ Азбуковникъ представлялъ собою, конечно въ разныхъ варіантахъ, цѣлые обширные сборники, состав-

---

[1]) Напримѣръ. Части сохи назывались такъ:

1/2 сохи — пол-сохи
1/4 „ — четь-сохи
1/8 „ — пол-четь-сохи
1/16 „ — пол-пол-четь-сохи
1/32 „ — пол-пол-пол-четь-сохи
1/3 „ — треть-сохи
1/6 „ — пол-трети-сохи
1/12 „ — пол-пол-треть-сохи
1/24 „ — пол-пол-пол-треть-сохи и пр.

Подобнымъ образомъ половина четверти называлась осьмина, 1/8 называлась третникъ, 1/6 — пол-третникъ, 1/24 пол-пол-пол-третникъ; 1/96 пол-пол-пол-пол-пол-третникъ и т. д.

[2]) В. Бобынина, „Состояніе математическихъ знаній въ Россіи до XVI вѣка“ въ Журн. мин. просв. 1884, № 4, стр. 183—209; и „Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе“. Изслѣдованія В. В. Бобынина, приватъ-доцента Имп. моск. университета. М. 1886 (Ср. „В. Европы“ 1885, янв.: „Московская Старина“, и 1886, окт.: Литер. Обозрѣніе).

— Счетная мудрость. Изд. Имп. Общ. любителей древней письменности. 1879. XLIII.

— Памятники древней письменности. Отчетъ о дѣятельности Общества съ 25-го ноября 1879 г. по 1-е апрѣля 1880 г., съ приложеніями. Спб. 1880.

— Ариѳметика сирѣчь наука числительная. Статья Н. А. Ратынскаго. Спб. 1881. (Изд. того же Общества), и проч.

лявшіе сводъ познаній старинnаго книжника. „Мы бы назвали Азбуковникъ,—говорилъ Тихонравовъ,—реальнымъ словаремъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-русской литературы, преимущественно церковной“... „Вниманіе составителя (или составителей) Азбуковника сосредоточено исключительно, нераздѣльно, на тѣхъ памятникахъ славянскихъ и русскихъ, которые обращались на Руси съ древнѣйшаго времени до половины XVI вѣка; Азбуковникъ вращается въ кругу *домашняго*, русскаго чтенія и не переступаетъ ни разу его границъ. Источниками для него служатъ оригинальныя и переводныя произведенія древне-русской литературы до половины XVI вѣка; ни къ византійскимъ, ни къ польскимъ, ни къ латинскимъ источникамъ прямо онъ не обращается. Посвященный объясненію непонятныхъ словъ, будутъ ли то варваризмы, или архаизмы, онъ вращается, конечно, болѣе въ области переводной, нежели оригинальной славяно-русской литературы. На немъ лежитъ яркій отпечатокъ второй половины XVI вѣка. Онъ вызванъ тѣмъ же стремленіемъ поддержать „поисшатавшуюся“ русскую старину, которымъ проникнуты Стоглавъ и Домострой. Онъ старается устранить все непонятное въ памятникахъ русской литературной старины, онъ вѣритъ лишь въ силу ея авторитета. Онъ такъ же, какъ Стоглавъ и Домострой, вооружается противъ отреченныхъ „свѣтскихъ“ книгъ, онъ не рѣшается предложить „имена и отреченныхъ книгъ, да не како, отъ неразумія кто, прочитая ихъ или вѣруяй имъ, прогнѣваетъ Господа Бога... Онъ привязанъ къ русской церковной старинѣ, и считаетъ необходимымъ предложить толкованія собственныхъ именъ святыхъ, чтобы будущіе составители похвалъ новоявленнымъ русскимъ святымъ (какъ слышится здѣсь близость къ соборамъ 1547 и 1549 г., канонизовавшимъ русскихъ святыхъ!) имѣли возможность воспользоваться этими толкованіями... Преслѣдуя любящихъ „гіомитрію и *прочая таковая*“, Азбуковникъ остается вѣренъ древне-русской наукѣ; онъ черпаетъ свои свѣденія научныя изъ Дамаскина, Іоанна Экзарха, Козьмы Индикоплова, Георгія Писида, Хронографовъ, Скитскаго патерика, Священнаго Писанія, Криницы, Амартола, Палеи, Златой Цѣпи, Діонисія Ареопагита, житій святыхъ, прологовъ, синаксарей. Вотъ его авторитеты. Онъ воспитанъ древнею русскою литературою; онъ ея толкователь и защитникъ“ [1]).

[1]) Отчетъ о XIX присужденіи Уваровскихъ премій, стр. 38—40. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ спискахъ XVII-го вѣка Азбуковникъ выходитъ уже изъ этихъ предѣловъ, приводитъ свѣденія изъ западныхъ Космографій, помѣщаетъ начальную ариѳметику и геометрію, и т. п.

Таковъ былъ приблизительно объемъ старинпаго образованія. Къ нему присоединяется еще тотъ матеріалъ, который доставляла литература легендарная и апокрифическая,—на которой мы остановимся особо. Съ одной стороны она составляла область религіозной поэзіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она принималась съ полною вѣрою, такъ что событія и понятія, какія находилъ въ ней старинный книжникъ,—а отъ него шли они въ народную массу,—становились для него неподлежащимъ сомнѣнію фактомъ, положительнымъ знаніемъ.

Мы встрѣчались и еще встрѣтимся съ многими чертами средневѣковаго полу-фантастическаго знанія и повѣрья, которыя повторялись и на средневѣковомъ западѣ. Наши изслѣдователи по этому поводу впадали иногда въ нѣкоторое недоразумѣніе: „такъ было и на западѣ“,—замѣчали они въ подобныхъ случаяхъ, какъ бы предполагая полную параллельность явленій [1]),—но этой параллельности вовсе не было. Дѣло въ томъ, что когда у насъ существовала одна грамотность, и въ этомъ отношеніи всѣ слои населенія были равны,—когда, по выраженію Майерберга, „всѣ москвитяне были какъ будто одного возраста“,—въ западномъ обществѣ надъ популярной грамотностью создавалась уже грандіозная наука: конецъ XV-го вѣка *на западѣ* былъ эпохой открытія Америки; XVI-й вѣкъ былъ расцвѣтомъ гуманизма (подобнаго которому русская наука не испытала и донынѣ), вѣкомъ Коперника. Когда нашъ книжникъ XVI-го столѣтія съ полною вѣрою читалъ Козьму Индикоплова, онъ возвращался къ VI-му вѣку, и всѣ многовѣковые труды европейской науки оставались ему невѣдомы.

А. Пыпинъ.

Подробное изслѣдованіе Азбуковника сдѣлано А. Карповымъ въ книгѣ: „Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой библіотеки“. Казань, 1878. Общая характеристика этой энциклопедіи стр. 160 и дал.

[1]) Ср., напр., у г. Сухомлинова, „О языкознаніи“, стр. 184, объ азбуковникахъ: „...смѣсь и невѣрность (въ исчисленіи языковъ) находятся не только въ русскихъ, но и во всѣхъ другихъ *филологическихъ сочиненіяхъ* XVI вѣка“. У Карнѣева, „Физіологъ“, стр. 39—40: „...въ ту эпоху (въ XVII-мъ вѣкѣ) уровень научнаго пониманія невысокъ былъ въ общей массѣ грамотнаго населенія *и на западѣ*“ и др.

БЕРЕЗОВЫЙ СОКЪ

Березы тонкій стволъ, упругій, серебристый,
Разсѣченъ топоромъ весной, когда была
Прогалина въ лѣсу угрюма и гола,
Подснѣжникъ лишь синѣлъ, да вербы цвѣтъ пушистый
Станицы первыя пичужекъ привлекалъ,
Въ сыромъ оврагѣ снѣгъ протаявшій сверкалъ,
И ключъ звенѣлъ подъ нимъ по прежнему рѣчистый
И въ ледяной тюрьмѣ метался и скакалъ.

На легкомъ кружевѣ нагихъ вѣтвей березки
Дрожали инея растаявшаго слезки,
И тайной жизни полнъ, переливался въ ней
Душистый, сладкій сокъ съ вершины до корней.
Но вотъ разсѣкъ топоръ коры живыя ткани,
Заботливый мужикъ приладилъ желобокъ,
Изъ раны каплями бѣжитъ прозрачный сокъ
И собирается въ берестяномъ стаканѣ.
Какъ свѣжъ, крѣпителенъ березовикъ весной—
Великодушный даръ смиренницы лѣсной!

Н. Энгельгардтъ.

НѢМЦЫ ВЪ АВСТРІИ

и

КРЕСТЬЯНСТВО

—Dr. *Michael Hainisch*, Die Zukunft der Deutschoesterreicher. Eine statistische volkswirtschaftliche Studie. Wien, 1892. Стр. VI и 162.

—Dr. *Heinrich Herkner*, Die Zukunft der Deutsch-Oesterreicher. Wien, 1893. Стр. 24. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Deutsche Worte".)

I.

Читателямъ нашихъ ежедневныхъ газетъ довольно часто приходится встрѣчать разсужденія о „германизаціи" австрійскихъ славянъ, при чемъ сплошь и рядомъ нѣкоторые наши публицисты, выражая свое сочувствіе угнетаемымъ братьямъ-славянамъ, сами настолько плохо знакомы съ государственнымъ строемъ дуалистической монархіи, что не знаютъ даже глубокаго различія въ самой государственной постановкѣ національнаго вопроса по сю и по ту сторону Лейты. Между тѣмъ, если въ Транслейтаніи [1]) мадьяры являются дѣйствительно господствующей національ, довольно безцеремонно давящей всѣ прочіе народы „странъ венгерской короны", то въ Австріи—говорить о какомъ-нибудь угнетеніи или насильственной германизаціи и пр. довольно странно. Въ Венгріи безраздѣльно господствуетъ одинъ государственный языкъ —венгерскій; въ Цислейтаніи нѣмецкій языкъ, правда, является

[1]) Конечно, за исключеніемъ Кроаціи.

языкомъ всего центральнаго управленія, но о его государственности [1]) нѣтъ ни слова въ австрійской конституціи, и на всемъ пространствѣ, напр., въ Галиціи, судъ и управленіе ничего не знаютъ о немъ.

Положеніе нѣмцевъ въ Австріи кореннымъ образомъ измѣнилось съ начала правильной конституціонной жизни. Изъ „нѣмецкой державы“ Австрія, благодаря своему выходу изъ германскаго союза, превратилась въ многоязычное государство, въ которомъ всѣ національности по закону равноправны и относительная сила ихъ опредѣляется почти исключительно фактическими моментами культурнаго и соціальнаго свойства. Политическое господство нѣмцевъ въ Австріи—съ этихъ поръ—безвозвратно утрачено, и они вмѣстѣ съ прочими цислейтанскими народами принуждены вести—въ рамкахъ національной равноправности—упорную борьбу за свою національность культурными средствами, а не политическими мѣропріятіями пресѣченія и искорененія. Но съ другой стороны, Австрія еще не совсѣмъ вылупилась изъ той полуабсолютистической и централистической скорлупы, въ которой ее застали событія 1866—1867 гг. Австрійская конституція была устарѣлой уже въ моментъ своего рожденія: не говоря уже о несостоятельности ея въ другихъ отношеніяхъ, она не даетъ различнымъ національностямъ возможности получить соотвѣтствующее ихъ численному значенію представительство въ вѣнскомъ рейхсратѣ; затемняя, такимъ образомъ, дѣйствительное положеніе вещей, она способна питать въ австрійскихъ нѣмцахъ неосуществимыя претензіи на политическое господство. Эти претензіи выражаются въ усиленномъ подчеркиваніи нѣмецко-либеральной партіей „государственнаго единства“ Австріи, подъ которымъ въ сущности разумѣется централистическая организація Цислейтаніи и политическое верховенство нѣмцевъ. Теперь, благодаря вполнѣ естественному ходу вещей, нѣмцы теряютъ тѣ позиціи, которыя они могли занимать только въ эпоху абсолютизма, дававшаго имъ въ руки нынѣ совершенно недоступныя политическія средства; и въ то же время, въ силу особыхъ соціальныхъ причинъ, выясненіе которыхъ и составитъ главное содержаніе настоящаго очерка, нѣмцы размножаются гораздо медленнѣе другихъ австрійскихъ національностей. Эти два обстоятельства—въ связи съ широкими національными претензіями нѣмцевъ, опираю-

[1]) Два раза—въ 1880 г. и 1883 г.—нѣмцы пытались провести законъ о государственномъ языкѣ, который ставилъ бы нѣмецкій языкъ въ Австріи въ такое же положеніе, которое венгерскій языкъ занимаетъ въ Венгріи, но, конечно, оба раза безуспѣшно. Ср. Gumplovicz, Das oesterreichische Staatsrecht (Wien, 1891), p. 75 sqq.

щимися на безусловное политическое главенство въ до-конституціонную эпоху, на дѣйствительно высокую національную культуру и на остатки прежняго централизма, до сихъ поръ къ выгодѣ нѣмецкаго элемента сохранившіеся въ австрійскомъ государственномъ строѣ—держатъ австрійскихъ нѣмцевъ въ сильномъ національномъ возбужденіи, которое, быть можетъ, имъ еще болѣе, чѣмъ ихъ самымъ могущественнымъ противникамъ, чехамъ, мѣшаетъ сосредоточить силы на серьезной политической и соціальной работѣ, столь необходимой для Австріи.

Тѣмъ болѣе пріятно отмѣтить появленіе двухъ нѣмецкихъ работъ, въ которыхъ вопросъ о современномъ положеніи и вѣроятной будущности австрійскихъ нѣмцевъ подвергнутъ обстоятельному и вполнѣ объективному разсмотрѣнію. Оба автора, и Гайнишъ, и Геркнеръ, выяснили соціально-экономическую сторону этого вопроса, и такая разработка его по своему значенію выходитъ далеко за предѣлы простого политическаго интереса: она бросаетъ яркій свѣтъ на общій процессъ вытѣсненія старыхъ экономическихъ формъ новыми, на фактъ полнаго торжества денежнаго хозяйства и капитализма. И, конечно, только вполнѣ объективное отношеніе къ національно-политическому вопросу могло придать его изслѣдованію такое значеніе. Мы отдадимъ должную дань обоимъ австро-нѣмецкимъ авторамъ, если скажемъ, что ихъ отношеніе къ вопросу о судьбѣ ихъ соплеменниковъ можетъ быть поставлено въ примѣръ, какъ яркій, поучительный образецъ научнаго и публицистическаго безпристрастія. Послѣ событій 1870—1871 гг., симпатичная фигура нѣмецкаго Weltbürger'а была отодвинута на задній планъ другою фигурой—нѣмецко-прусскаго шовиниста, всюду кстати и некстати бряцающаго саблей, постоянно ссылающагося на доблестные подвиги отечественныхъ генераловъ. Историческая черта нѣмецкаго генія, обладаніемъ которой, впрочемъ, мы, русскіе, могли также гордиться — способность проникать въ чужой народный духъ, быстро съ нимъ сживаться,—грозила исчезнуть подъ вліяніемъ опьяненія, произведеннаго побѣдами надъ „наслѣдственнымъ врагомъ“. Но нигдѣ нѣмецкій національнымъ не принималъ и не принимаетъ такихъ нелѣпыхъ и прямо унизительныхъ формъ, какъ въ Австріи, гдѣ онъ поддерживается неравной борьбой за національное существованіе съ болѣе счастливыми соперниками [1]).

---

[1]) Въ ультранаціоналистическомъ ежегодникѣ, издаваемомъ Карломъ Преллемъ (Pröll), „Kalender aller Deutschen auf das Jahr 1894“, помѣщена статья Рейманна: „Nationale Zustände in Nordböhmen“ (l. c. 76—86), авторъ которой, признавая экопо-

Ослѣпленные этой борьбой, національности не видятъ, что причины паденія гегемоніи нѣмцевъ и ихъ языка лежатъ не только на поверхности политическихъ, всѣмъ доступныхъ фактовъ, а гораздо болѣе въ глубинѣ соціально-экономическихъ условій, для пониманія которыхъ нужно пристальное, спеціальное изученіе. „Можно сожалѣть,—говоритъ Гайнишъ,—объ уменьшеніи области господства нѣмецкаго языка, уменьшеніи, которое влечетъ за собой для насъ, нѣмцевъ, весьма тяжелыя послѣдствія, но мы должны признать, что это только естественный процессъ. Всякая нація, которая достигла извѣстнаго культурнаго уровня и самосознанія, можетъ претендовать на то, чтобы ей не навязывали чужого языка". Итакъ, Гайнишъ признаетъ невозможность полнаго политическаго господства нѣмецкаго языка въ Австріи и безплодность всѣхъ стремленій, направленныхъ къ этой цѣли. Что другіе народы по мѣрѣ пробужденія національнаго самосознанія отказываютя отъ употребленія нѣмецкаго языка—это онъ находитъ вполнѣ законнымъ и исторически необходимымъ фактомъ. Гораздо серьезнѣе и печальнѣе то, что настоящіе нѣмцы теряютъ свою національность. „Дѣти нашего народа,—говоритъ Гайнишъ,—сдѣлались чужими для него; земля, на которой сидѣли наши отцы, потеряна и перешла къ чужимъ, частью даже враждебнымъ національностямъ. А что нѣмецкій народъ Австріи испыталъ цѣлый рядъ такихъ потерь и притомъ самаго чувствительнаго свойства,—этого нельзя отрицать, хотя и слѣдуетъ остерегаться преувеличеній, которыя иногда встрѣчаются, какъ результатъ поверхностнаго наблюденія и односторонніхъ заключеній".

Для половины настоящаго столѣтія границы между австрійскими національностями довольно точно установлены въ капитальномъ трудѣ Черпига: „Этнографія австрійской монархіи". Если сравнить эти границы съ теперешними, замѣчаетъ Гайнишъ, то почти всюду придется констатировать оттѣсненіе нѣмецкаго элемента, и въ особенно крупныхъ размѣрахъ произошло оно въ судетскихъ странахъ (Богеміи, Моравіи и Силезіи). За небольшими исключеніями, всюду нѣмцы потеряли, а не выиграли; населенныя мѣста, которыя прежде были чисто нѣмецкими, сдѣлались теперь чешскими, маленькія нѣмецкія поселенія въ чеш-

мически невозможнымъ остановить наплывъ чешскихъ рабочихъ въ нѣмецкіе города, предлагаетъ нѣмецкимъ предпринимателямъ германизировать чешскихъ рабочихъ и притомъ при помощи самыхъ элементарныхъ репрессалій. Нѣмецкимъ промышленникамъ „возможно требовать отъ своихъ рабочихъ, чтобы они посылали дѣтей въ нѣмецкія школы, и противящихся этому замѣнять болѣе послушными и неженатыми". Это по крайней мѣрѣ откровенно!

скихъ областяхъ почти всѣ потеряны, крупнымъ же, какъ Брюнну, Ольмюцу, Иглау, Будвейсу—грозитъ та же участь. Чешскій элементъ можно уподобить морю, которое постоянно отнимаетъ землю у береговъ, и въ которомъ острова одинъ за другимъ безслѣдно исчезаютъ". Славянство распространяется не только территоріально, и численное отношеніе между славянами и нѣмцами въ однихъ и тѣхъ же городахъ постоянно измѣняется въ пользу первыхъ. Тамъ, гдѣ нѣмцы были прежде въ большинствѣ, послѣднее становится все меньше и меньше, тогда какъ, наоборотъ, чешское большинство всюду ростетъ. Характерны въ этомъ отношеніи примѣры Праги, Пильзена и Будвейса. Въ Прагѣ, правда, всегда большинство населенія составляли чехи, но еще при переписи 1856 г., 73 тысячи признали себя нѣмцами и только 50 тысячъ—чехами, а въ 60-хъ годахъ Прага посылала въ вѣнскій парламентъ нѣмецкихъ депутатовъ. Теперь же нѣмцы не имѣютъ ни одного представителя въ пражскомъ городскомъ совѣтѣ, и всѣ депутаты отъ Праги въ рейхсратѣ чехи. Въ Пильзенѣ, говорятъ, еще въ 1850 г. большинство населенія были нѣмцы; теперь они тамъ составляютъ жалкое меньшинство, которое вынуждено вести тяжелую борьбу за свое національное существованіе. Будвейсъ имѣетъ еще нѣмецкое большинство въ городскомъ представительствѣ, но если численное соотношеніе обѣихъ націй будетъ продолжать измѣняться такъ же, какъ прежде, то,—говоритъ Гайнишъ,—можно съ математической точностью вычислить день, когда и Будвейсъ перейдетъ въ чешскія руки. Но болѣе того: въ чисто нѣмецкихъ частяхъ Богеміи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Нижней-Австріи и въ особенности въ самой Вѣнѣ [1]) образуются значительныя массы чешскаго населенія. Чехи, размножаясь быстрѣе нѣмцевъ, о чемъ мы подробно будемъ говорить ниже, и обладая большей подвижностью, вселяются массами въ нѣмецкія области. Такимъ образомъ, столь важныя въ наше время соціальныя передвиженія (soziale Wanderungen) становятся

[1]) „За послѣднее десятилѣтіе число чеховъ въ Вѣнѣ увеличилось болѣе чѣмъ на половину и равняется теперь 64.000. Представленіе о Вѣнѣ, какъ о современномъ Вавилонѣ съ полнымъ смѣшеніемъ языковъ, правда, очень далеко отъ истины, такъ какъ все не-нѣмецкое населеніе Вѣны составляетъ менѣе 6% всѣхъ ея жителей. Но такъ какъ на однихъ только чеховъ приходится 5,5% всего населенія, то Вѣна является хотя и не многоязычнымъ, но все-таки уже не исключительно нѣмецкимъ городомъ... Съ полной откровенностью младочешскіе депутаты, мотивируя свое предложеніе о введеніи всеобщей подачи голосовъ въ Австріи, заявили, что „они питаютъ надежду на завоеваніе одного изъ избирательныхъ округовъ имперской столицы" (Dr. Rainer von Remöhl, Die Zersetzung der Deutschtums in Niederösterreich въ Karl Kröll's Kalender aller Deutschen, стр. 118—120).

національно-политическимъ факторомъ. Еслибы національное самосознаніе не было пробуждено, эти переселенческія массы, быть можетъ, пополняли бы нѣмецкіе ряды, а теперь они являются клиньями, которые чехи вбиваютъ въ такъ называемыя замкнутыя нѣмецкія области. Прогрессивная „чехизація“ Пильзена и Будвейса есть прежде всего результатъ массоваго вселенія чешскихъ рабочихъ и чешской прислуги. „Эти иммигранты—правда, —необразованы, бѣдны и не особенно проникнуты національнымъ чувствомъ; это политическіе нули, но, какъ всякіе нули, они получаютъ значеніе, когда ихъ поставятъ позади другихъ чиселъ“. Напрасно только Гайнишъ видитъ эти числа въ феодальномъ дворянствѣ и духовенствѣ: чешскіе нули превращаются въ числа съ огромнымъ національнымъ вѣсомъ не ими, а благодаря той національно-демократической агитаціи, которая исходитъ отъ младочешской партіи. Зато совершенно основательно Гайнишъ возражаетъ противъ тѣхъ, кто причины оттѣсненія нѣмецкаго элемента видитъ по преимуществу въ примирительной политикѣ министерства Таафе, смѣнившаго безусловно нѣмецкій режимъ Ауершпергъ-Лассера и подчасъ дѣлавшаго и дѣлающаго маленькія и крупныя непріятности нѣмцамъ. Нельзя отрицать, что политика „эры примиренія“ (Versöhnungsaera) нанесла не мало ущерба нѣмцамъ, и въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ давала себя очень непріятно чувствовать. Если, напримѣръ, въ небольшой городъ, въ которомъ нѣмецкому старинному бюргерству (Altbürgerthum) противостоитъ классъ мелкихъ ремесленниковъ и пролетаріатъ, состоящіе изъ чеховъ,—систематически посылаются только чешскіе чиновники и учителя, то ясно, что перевѣсъ, который прежде принадлежалъ, въ силу образованія и состоятельности, нѣмецкому бюргерству, будетъ поколебленъ“. Но тѣмъ не менѣе ни правительственной политикѣ, ни слабому развитію національнаго чувства у австрійскихъ нѣмцевъ, на которое такъ жалуются ультра-націоналисты, нельзя, по Гайнишу, приписать сколько-нибудь важной роли въ процессѣ ослабленія нѣмецкаго элемента. Что правительственная политика тутъ одинъ изъ второстепенныхъ или даже третьестепенныхъ факторовъ — это „явствуетъ уже изъ того, что потери, которыя были констатированы цифрами переписи 1880 г., относятся ко времени не Таафе, а нѣмецкихъ министерствъ“.

Основная причина ослабленія нѣмецкаго элемента въ Австріи, по скольку въ немъ выражается не просто измѣненіе политическаго строя, лежитъ въ условіяхъ размноженія, которыя сами въ свою очередь опредѣляются соціально-экономическими моментами.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ статистическимъ цифрамъ, которыя заставляютъ австрійскихъ экономистовъ и статистиковъ ставить вопросъ о судьбѣ австрійскихъ нѣмцевъ, мы считаемъ нужнымъ сообщить читателямъ данныя объ австрійскомъ населеніи и его распредѣленіи по національностямъ на основаніи переписи 31-го декабря 1890 г. [1]).

Если противоставлять огуломъ славянъ всѣмъ прочимъ народамъ Австріи, то преобладающее значеніе славянскаго элемента покажется очень внушительнымъ: славяне составляютъ 60% всего австрійскаго населенія. Но не надо забывать, что они представляютъ пять различныхъ національностей и столько же различныхъ культуръ, тогда какъ нѣмцы являются одной компактной національностью съ однимъ литературнымъ языкомъ и единой культурой.

Все населеніе Австріи по переписи 1890 года равняется 23.473.056. Нѣмцы, составляя 36,1% всего населенія (8.461.580), въ Верхней-Австріи и въ Зальцбургѣ преобладаютъ безусловно (болѣе 99% всего населенія). Подавляющее большинство (96%) составляютъ они также въ Нижней-Австріи. Въ Каринтіи нѣмцевъ $71^1/_2$%, въ Штиріи—69%, въ Тиролѣ съ Форальбергомъ—60%, въ Силезіи—49%, въ Богеміи—37%, въ Моравіи—29%, въ Буковинѣ—21%, въ Крайнѣ — нѣсколько менѣе 6% всего населенія; въ остальныхъ австрійскихъ провинціяхъ нѣмцевъ очень мало.

Чеховъ съ моравanами и словаками насчитывается всего 5.472 871. Они составляютъ въ Моравіи 70%, въ Силезіи—22%, въ Богеміи—63% и въ Нижней-Австріи (Вѣна!)—нѣсколько меньше 4% всего населенія.

Поляки (3.719.232) большими массами живутъ только въ Галиціи (53% всего населенія) и въ Силезіи (30%).

Русины (3.105.221) населяютъ только Галицію и Буковину, составляя въ первой—43%, во второй—42% всего населенія.

Словенцы (1.176.672) въ Крайнѣ составляютъ 94%, въ Штиріи—32%, въ Побережьѣ (Küstenland) [2])—31%, въ Каринтіи—28% всего населенія.

---

[1]) Oesterreichisches statistisches Handbuch für die im Reichsrathe vertretenen Königreiche und Länder, 1892.

[2]) Подъ общимъ названіемъ Побережья соединяются три отдѣльныя административныя единицы: 1) Тріестъ, 2) Грецъ и Градиска, и 3) Истрія.

Сербо-хорваты (644.926) населяютъ Далмацію и Побережье, составляя въ первой 96%, во второй—21% всего населенія.

Итальянцы съ ладинцами (675.305) большими массами живутъ только на Побережьѣ (45% всего населенія) и въ Тиролѣ (40%).

Румыны (209.110) населяютъ исключительно Буковину (32% всего населенія).

Этнографическій составъ австрійской имперіи въ относительныхъ числахъ % можетъ быть представленъ въ слѣдующей таблицѣ:

	1880 г. [1])	1890 г.
Нѣмцы	36,73	36,1
Чехи	23,77	23,3
Поляки	14,86	15,8
Русины	12,83	13,2
Словенцы	5,23	5,0
Сербо-хорваты . . .	2,58	2,8
Итальянцы	3,07	2,9
Румыны	0,88	0,05

Эти данныя освѣщаютъ уже до извѣстной степени вопросъ о томъ, какія изъ австрійскихъ національностей ростутъ всего быстрѣе, и въ какомъ направленіи, стало быть, измѣняется относительный этнографическій составъ Цислейтаніи.

Сравненіе относительныхъ чиселъ нашей таблицы указываетъ на относительный ростъ поляковъ, русиновъ и сербо-хорватовъ, размножающихся энергичнѣе всѣхъ другихъ цислейтанскихъ національностей, — ростъ, которому соотвѣтствуетъ относительное, ослабленіе нѣмецкаго, чешскаго, словенскаго и итальянскаго элементовъ. Однако эти перемѣны и абсолютно, и относительно еще очень незначительны. Еще другія данныя, и притомъ даже только одной, а не двухъ переписей, могутъ дать указанія по интересующему насъ вопросу: мы имѣемъ въ виду данныя о распредѣленіи населенія по возрастамъ. Чѣмъ сильнѣе представлены въ населеніи молодыя возрастныя группы, тѣмъ сильнѣе, очевидно, ростетъ населеніе; зато, чѣмъ многочисленнѣе производительныя въ экономическомъ отношеніи возрастныя группы, тѣмъ caeteris paribus—богаче страна, тѣмъ вольнѣе живется ея населенію. Франція, въ которой, какъ извѣстно, въ послѣднее время смертность даже превысила рождаемость, есть страна болѣе богатая

[1]) Только при переписи 1880 г. сталп собираться свѣденія объ языкѣ населенія (Umgangs-Sprache), который и является критеріемъ національности. Точныхъ данныхъ, относящихся къ болѣе отдаленному времени, не имѣется.

и, такъ сказать, экономически болѣе уравновѣшенная, чѣмъ Германія; вторая можетъ на душу населенія приносить болѣе жертвъ „молоху милитаризма“, чѣмъ первая, но Франція бѣдна человѣческимъ матеріаломъ для милитаризма и въ этомъ отношеніи достигла, кажется, крайнихъ предѣловъ, „ихже не прейдеши“. То же различіе, которое существуетъ между возрастнымъ составомъ Франціи и Германіи, замѣчается и между возрастнымъ составомъ австрійскихъ нѣмцевъ и остальныхъ цислейтанскихъ народностей. Такъ, въ чисто нѣмецкихъ округахъ приходится наименьшій процентъ населенія въ возрастѣ отъ 1 до 15 лѣтъ—30,14%, тогда какъ въ чисто чешскихъ и польскихъ округахъ та же возрастная группа составляетъ 35,35% (данныя переписи 1880 г.).

Но возрастной составъ опредѣляется не только естественными условіями размноженія, а и „соціальными передвиженіями“ населенія, какъ напримѣръ въ большихъ городахъ, куда стекаются въ большомъ количествѣ исключительно представители производительныхъ возрастныхъ группъ. Поэтому для знакомства съ размноженіемъ различныхъ національностей всего лучше могутъ служить данныя о движеніи населенія—цифры перевѣса рождаемости надъ смертностью. Онѣ разомъ съ поразительной наглядностью обнаруживаютъ передъ нами популяціоналистическую основу нѣмецкаго вопроса въ Австріи. Въ періодъ 1881—1885 г., ежегодный приростъ населенія въ нѣмецкихъ округахъ составлялъ только 5,17%, въ сѣверно-славянскихъ—10,09%, въ словенскихъ—7,73%, въ итальянскомъ Тиролѣ—5,92%, въ такъ называемомъ Побережьѣ (Küstenland) — 8,34%, въ Галиціи — 9,88%, въ Буковинѣ—11,89%, въ Далмаціи—15,00%. Въ судетскихъ странахъ, въ которыхъ нѣмцы живутъ бокъ-о-бокъ и ведутъ непрерывную національную борьбу съ чехами, они размножаются вдвое медленнѣе, чѣмъ ихъ соперники. „Мы видимъ такимъ образомъ, — говоритъ Гайнишъ, комментируя только-что приведенныя нами цифры, — почему въ города со смѣшаннымъ населеніемъ вселяются почти исключительно нѣмцы, почему такъ трудно привлечь туда нѣмецкую прислугу и нѣмецкихъ ремесленныхъ учениковъ (Lehrlinge), и почему каждый нѣмецкій городъ, который по какой-либо причинѣ сталъ центромъ экономическихъ сношеній, подвергается постоянной опасности путемъ прилива чуждой крови потерять національный характеръ. Благодаря своему относительно незначительному приросту, и австрійскіе нѣмцы всюду должны держаться обороны, и даже лучшая тактика въ этой борьбѣ можетъ только устранить эти потери. Но и въ военномъ искусствѣ преимущество лучшей тактики имѣетъ

свои предѣлы; противъ очень большого численнаго превосходства и лучшій тактикъ борется напрасно. Если же нашъ сильный противникъ примѣняетъ тоже хорошую тактику, чему никто не можетъ воспрепятствовать, то потери неизбѣжны. Что австрійскіе нѣмцы находятся въ такомъ положеніи—печально, но справедливость запрещаетъ намъ возлагать на кого-либо отвѣтственность за обстоятельства, которыя являются результатомъ дѣйствія стихійныхъ силъ".

Если же въ нѣмецкихъ округахъ средній приростъ населенія оказывается гораздо слабѣе, чѣмъ въ славянскихъ и итальянскихъ, то и между различными нѣмецкими округами существуютъ въ указанномъ отношеніи крупныя и очень любопытныя различія, которыя можно представить въ слѣдующей табличкѣ. На 1.000 жителей, по переписи 1880 г., за время 1881—1885 г. приростъ населенія составлялъ:

1) Нижняя-Австрія: въ Вѣнѣ—9,23; въ остальной Нижней-Австріи—4,88; среднее—6,24.

2) Такъ называемая внутренняя Австрія (Inneroesterreich): Верхняя-Австрія—3,71; Зальцбургъ—2,12; нѣмецкая Штирія—3,11; нѣмецкая Каринтія—4,80; нѣмецкій Тироль—0,31; Форарльбергъ—3,41; среднее—2,84.

3) Въ судетскихъ странахъ: нѣмецкая Богемія—6,83; нѣмецкая Моравія—5,74; Силезія—5,84; среднее—6,61.

Въ то время, какъ въ нѣмецкихъ округахъ судетскихъ странъ замѣчается все-таки довольно сильный приростъ, населеніе такъ называемой внутренней Австріи ростетъ весьма медленно, а въ нѣкоторыхъ частяхъ альпійской области ростъ населенія даже чуть что не остановился.

Чѣмъ же обусловливаются указанныя различія въ размноженіи: 1) нѣмцевъ и остальныхъ австрійскихъ національностей, и 2) нѣмецкаго населенія въ различныхъ частяхъ Австріи?

Для объясненія популяціоналистическаго превосходства славянъ надъ нѣмцами возможны три предположенія:

1) При одинаковой рождаемости (Geburtenfrequenz) славянъ и нѣмцевъ, смертность послѣднихъ выше.

2) При одинаковой смертности тѣхъ и другихъ, рождаемость славянъ выше.

3) Рождаемость нѣмцевъ ниже, а смертность выше, чѣмъ у славянъ.

Статистическія цифры показываютъ, что въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло съ послѣднимъ, самымъ печальнымъ для нѣмцевъ случаемъ.

Оставимъ пока смертность въ сторонѣ, а обратимся къ причинамъ низкой рождаемости нѣмецкаго населенія. Анализъ данныхъ о плодовитости женщинъ убѣдилъ Гайниша, что незначительный приростъ нѣмецкаго населенія отнюдь не можетъ быть объясненъ слабой плодовитостью нѣмецкихъ женщинъ. Такъ, въ нѣмецкомъ Тиролѣ, въ которомъ населеніе еле-еле увеличивается, на 1.000 замужнихъ женщинъ за время съ 1881 г. по 1883 г. было триста-шестьдесятъ-семь рожденій, и эта цифра гораздо выше самыхъ высокихъ, аналогичныхъ цифръ для нѣмецкой Богеміи, въ которой, какъ мы видѣли, приростъ населенія по сравненію съ другими австрійскими областями, самый крупный. Если же вообще нѣмецкіе браки менѣе плодовиты, чѣмъ славянскіе, то это объясняется не біологическими свойствами австро-нѣмецкаго племени, а причинами соціальными: нѣмецкія женщины позже славянскихъ вступаютъ въ бракъ, но это неблагопріятное условіе для нѣмецкаго населенія до извѣстной степени уравновѣшивается немалымъ числомъ внѣ-брачныхъ рожденій. Однако это значительное число незаконнорожденныхъ недостаточно велико для того, чтобы парализовать другой весьма важный въ популяціоналистическомъ отношеніи моментъ, низкую брачность нѣмецкаго населенія. Брачность выражается всегда въ отношеніи замужнихъ женщинъ къ общему числу взрослыхъ женщинъ. Обратимся къ статистическимъ даннымъ. Изъ 100 взрослыхъ женщинъ по переписи 1880 г. были замужемъ:

1.	Въ нѣмецкихъ округахъ.	41.50
2.	„ сѣверно-славянскихъ округахъ. . . .	52.80
3.	„ смѣшанныхъ нѣм.-чешск. округахъ . .	47.78
4.	„ словенскихъ округахъ	41.97
5.	„ смѣшанныхъ нѣмецко-словенск. окр . .	30.12
6.	„ итальянскомъ Тиролѣ	42.57
7.	„ Побережьѣ.	57.39
8.	„ Галиціи.	58.16
9.	„ Буковинѣ	59.40
10.	„ Далмаціи	54.51

Только тамъ, гдѣ, какъ въ Каринтіи, классической странѣ незаконнорожденныхъ, и въ Нижней-Австріи (Вѣна), число внѣбрачныхъ рожденій очень велико [1]), нарушается замѣчательная правильность, съ которой цифры прироста населенія падаютъ вмѣстѣ съ цифрами брачности.

[1]) Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и низкая брачность смѣшанныхъ нѣмецко-славянскихъ округовъ Каринтіи.

Если болѣе низкая брачность и болѣе поздніе браки нѣмецкаго населенія сравнительно со славянскимъ указываютъ на то, что нѣмцы предъявляютъ къ жизни другія требованія, что ихъ потребности въ среднемъ значительно выше, чѣмъ у славянъ, то различія въ брачности между разными нѣмецкими областями заставляютъ предполагать, что брачность обусловливается какими-нибудь особыми соціальными моментами, которые, повидимому, совершенно отсутствуютъ въ однѣхъ нѣмецкихъ областяхъ, а въ другихъ дѣйствуютъ такъ сильно, что, напримѣръ, въ Каринтіи и нѣмецкомъ Тиролѣ населеніе уменьшалось бы, еслибы не было внѣ-брачныхъ рожденій.

Прежде чѣмъ обратиться къ соціальнымъ причинамъ низкой брачности нѣмецкаго населенія въ австрійскихъ Альпахъ, мы остановимся на незатронутой до сихъ поръ нами смертности нѣмецкаго населенія въ Австріи.

III.

Гайниишъ обратилъ вниманіе преимущественно на экономическое положеніе нѣмцевъ въ австрійскихъ Альпахъ. Правда, онъ отмѣчаетъ и высокую дѣтскую смертность въ нѣмецкихъ городахъ сѣверной Богеміи, но, указывая на ея чисто соціальныя причины, онъ не придаетъ этой смертности особеннаго популяціоналистическаго значенія для общаго вопроса о судьбѣ австрійскихъ нѣмцевъ.

Иначе посмотрѣлъ на дѣло талантливый профессоръ политической экономіи въ Карлсруэ, Генрихъ Геркнеръ, самъ по происхожденію богемскій нѣмецъ. Въ своей статьѣ, которая написана по поводу книги Гайниша, Геркнеръ говоритъ: что „быть-можетъ единственный упрекъ, который можно сдѣлать Гайнишу, состоитъ въ томъ, что онъ односторонне ставитъ будущность австрійскихъ нѣмцевъ въ зависимость исключительно отъ развитія соціально-экономическихъ отношеній въ Альпахъ, и мало обращаетъ вниманія на положеніе нѣмцевъ въ судетскихъ странахъ. Противъ такой точки зрѣнія слѣдуетъ возразить, что въ судетскихъ странахъ живетъ болѣе трехъ милліоновъ нѣмцевъ, т.-е., если оставить въ сторонѣ Вѣну, немногимъ меньше, чѣмъ во внутренней Австріи“. Изслѣдованія И. Зингера (проф. вѣнскаго университета) и А. Брафа (проф. чешскаго университета въ Прагѣ) раскрыли печальную картину соціальнаго положенія фабричныхъ рабочихъ въ сѣверной Богеміи, на востокъ отъ

Эльбы. Здѣсь царитъ ужасающая дѣтская смертность, достигающая даже для рожденныхъ въ бракѣ дѣтей (до 5 л.) въ нѣкоторыхъ округахъ (Рейхенбергъ, Фридландъ и др.) 43—50%. Вообще сѣверно-богемская промышленность обнаруживаетъ всѣ характерныя для капитализма въ первыя эпохи его существованія явленія фабричнаго вырожденія. „Она, безспорно, создала,—говоритъ Геркнеръ,—огромныя богатства, но она ослабила жизненную силу сѣверно-богемскаго рабочаго класса". О физической отсталости нѣмецкаго фабричнаго населенія краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры, въ которыхъ выражается пригодность этого населенія къ военной службѣ.

Тогда какъ естественный приростъ нѣмецкаго населенія на лѣвомъ берегу Эльбы почти не меньше, чѣмъ у чеховъ, въ восточныхъ округахъ (на правомъ берегу Эльбы) нѣмецкое населеніе размножается на половину медленнѣе чешскаго. Но впрочемъ и въ восточныхъ, и въ западныхъ округахъ, вслѣдствіе значительной иммиграціи, *фактическій* приростъ населенія гораздо выше естественнаго, при чемъ весь этотъ процессъ носитъ чрезвычайно невыгодный для нѣмецкаго элемента характеръ: нѣмцы, предъявляющіе къ жизни болѣе высокія требованія, оставляютъ родину, и ихъ мѣста занимаются чехами. Опять-таки „соціальныя передвиженія"—на этотъ разъ уже не чеховъ, а самихъ нѣмцевъ—оказываются невыгоднымъ для нѣмецкаго элемента факторомъ. Наперекоръ всѣмъ громкимъ національно-патріотическимъ фразамъ, ослабленіе нѣмецкаго рабочаго класса въ Богеміи заставляетъ постоянно обращаться къ чешскому „человѣческому матеріалу", который въ физическомъ отношеніи стоитъ гораздо выше. Но есть нѣмецкіе округа, гдѣ промышленность развита слабо, и тамъ населеніе по своей физической крѣпости превосходитъ даже населеніе чешскихъ земледѣльческихъ округовъ. „Ясно, что не антропологическія, а соціальныя условія угрожаютъ существованію нѣмецкаго элемента"... „И именно въ этомъ, —продолжаетъ Геркнеръ, — съ нѣмецкой точки зрѣнія заключается большое утѣшеніе, ибо противъ соціальныхъ неустройствъ можно съ успѣхомъ бороться соціальными реформами". Нѣмцы должны понять, что для нихъ соціальная реформа есть необходимое условіе національнаго самосохраненія; они должны трезво, реалистически взглянуть на національный вопросъ и подойти къ его рѣшенію съ болѣе серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ школьныя, гимнастическія и пѣвческія общества. „Deutscher Schulverein", — говоритъ Геркнеръ, — очень великая организа-

ція для защиты нѣмецкаго элемента [1]). „Но она прикрываетъ только, такъ сказать, нѣмецкій авангардъ и арьергардъ, между тѣмъ какъ центръ тяжести вопроса лежитъ въ подкрѣпленіи главной арміи, въ усиленіи нѣмецкаго элемента въ замкнутой области нѣмецкаго языка". Тутъ нужно будетъ нещадно истребить все, что подтачиваетъ жизненныя силы нѣмецкаго народа. Слѣдуетъ напирать на то, что всякое сокращеніе чрезмѣрнаго рабочаго времени, всякое улучшеніе санитарныхъ условій на фабрикѣ или въ мастерской, всякая забота о беременной женщинѣ и молодой матери, всякое повышеніе и цѣлесообразное употребленіе дохода рабочихъ, всякое умственное, моральное или техническое образовательное средство, которое вы дадите рабочему населенію, всякій больной ребенокъ нѣмецкаго пролетарія, котораго вы пошлете въ лѣтнюю колонію, все это составитъ гарантію сохраненія нѣмецкаго народа и нѣмецкой культуры въ Богеміи".

Геркнеръ—одинъ изъ талантливѣйшихъ учениковъ извѣстнаго экономиста Брентано. Ему принадлежитъ небольшой, но замѣчательный трактатъ: „Соціальная реформа, какъ требованіе экономическаго прогресса" (Die soziale Reform als Gebot des wirthschaftlichen Fortschrittes, Leipzig, 1891), трактатъ, основная идея котораго достаточно явствуетъ изъ самаго заглавія. Въ то же время Геркнеръ, какъ ученикъ Брентано,—безусловный сторонникъ той идеи, которая красной нитью проходитъ черезъ всѣ сочиненія его учителя, и которую другой брентанистъ, Шульце-Гевернитцъ, формулировалъ въ краткомъ положеніи: экономическій прогрессъ (прогрессъ производства) есть необходимое условіе соціальной реформы (прогресса въ распредѣленіи) [2]). Эти двѣ идеи, очищенныя отъ того слишкомъ далеко идущаго оптимизма, который такъ характеренъ для самого Брентано и граничитъ съ вѣрой въ „экономическія гармоніи" прежнихъ либеральныхъ экономистовъ въ родѣ Бастіа, должны лежать въ основѣ всякой практической программы соціально-экономическихъ реформъ въ современномъ обществѣ. Геркнеръ не совѣтуетъ возвращаться отъ крупной формы производства, обезпечивающей высокую произво-

---

[1]) Основную цѣль этой главной боевой организаціи австрійскихъ нѣмцевъ составляетъ поддержаніе нѣмецкаго элемента тамъ, гдѣ онъ въ меньшинствѣ. Въ замкнутыхъ же, т.-е. чисто нѣмецкихъ областяхъ, въ рукахъ нѣмцевъ всѣ средства городского и сельскаго самоуправленія.

[2]) Schultze v. Gävernitz, Der wirthschaftliche Fortschritt die Voraussetzung der Sozialen Reform, въ „Archiv für soziale Gésetzgebung und Statistik", Band V, 1—26; и его же книга: „Der Grossbetrieb ein wirthschaftliche und soziales Fortschritt. Leipzig, 1892.

дительность труда, къ устарѣлымъ способамъ мелкаго, децентрализованнаго производства; онъ знаетъ также, что все далѣе и далѣе идущее отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія есть, въ общемъ, въ современную эпоху экономическаго быта, исторически необходимое условіе повышенія производительности какъ промышленнаго, такъ и земледѣльческаго труда, другими словами — экономическаго прогресса, безъ котораго соціальная реформа—жалкій, пустой звукъ. Какъ экономистъ, выставляющій практическую экономическую программу, Геркнеръ знаетъ, что апеллировать, при современныхъ экономическихъ условіяхъ, прямо къ „обобществленію труда“—значитъ признать свое безсиліе передъ настоятельными требованіями жизни.

Итакъ, Геркнеръ считаетъ для нѣмцевъ соціальную реформу на почвѣ современнаго капиталистическаго производства единственнымъ вѣрнымъ средствомъ національнаго самосохраненія. Опираясь на работы Брентано и Шульце-Гевернитца, Геркнеръ указываетъ на примѣръ Англіи. „Въ Англіи было нѣкогда время, когда фабричное населеніе сѣверныхъ графствъ носило тотъ же типъ, который характеризуетъ до сихъ поръ промышленный пролетаріатъ нѣмецкой Богеміи. И для человѣка, незнакомаго съ тамошними условіями, это совпаденіе тотчасъ будетъ ясно, если онъ сравнитъ тѣ описанія положенія рабочаго класса въ Англіи, которыя далъ, въ 1845 г., Энгельсъ, съ картинами соціальнаго быта сѣверо-восточной Богеміи, нарисованными еще въ 50-хъ гг. Пислингомъ, въ 80-хъ—Брафомъ и Зингеромъ. Но вотъ уже прошли десятилѣтія съ тѣхъ поръ, что въ самыхъ выдающихся отрасляхъ англійской промышленности это ужасное физическое и психическое вырожденіе рабочаго класса совершенно исчезло. Въ Рогдэлѣ, гдѣ въ 1840 г. жили еще полуголодные ткачи-кустари въ родѣ сѣвернобогемскихъ ткачей и стекольщиковъ, теперь мы застаемъ цвѣтущихъ, краснощекихъ, весело смотрящихъ на свѣтъ людей. И то же самое видимъ мы въ метрополіяхъ хлопчатобумажной промышленности, въ Манчестерѣ и Ольдгэмѣ. Это „нравственное и духовное возрожденіе“, которое признавалъ даже Карлъ Марксъ, не явилось, конечно, само собой; оно представляетъ награду за долговременную самоотверженную и сознательную реформаціонную работу. Почему подобная же работа въ нѣмецкой Богеміи не принесла бы тѣхъ же плодовъ? Во всей нѣмецкой Богеміи раздаются громкія обѣщанія пожертвовать свое добро и свою кровь для сохраненія нѣмецкой національности. Въ добрый часъ! Соціальная реформа есть не только одно изъ тѣхъ средствъ, которыя могутъ обезпечить будущность нѣмецкаго

элемента; нѣтъ, она есть единственное средство, которое на самомъ дѣлѣ гарантируетъ осуществленіе этой цѣли".

Далѣе, Геркнеръ указываетъ цѣлый рядъ задачъ, которыя должна себѣ поставить соціальная политика государства и органовъ самоуправленія. Затѣмъ, въ немногихъ словахъ онъ опровергаетъ столь распространенное до сихъ поръ, въ особенности среди практическихъ дѣятелей экономически отсталыхъ странъ, опасеніе, что отъ широкой соціальной реформы можетъ пострадать способность промышленности къ конкурренціи на міровомъ рынкѣ; для подробностей онъ отсылаетъ читателей къ извѣстному сочиненію Брентано: „Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung" (вышедшему впервые въ 1876 г. и въ текущемъ году появившемуся вторымъ изданіемъ въ совершенно переработанномъ видѣ). Мы также не будемъ здѣсь останавливаться на этой сторонѣ вопроса и посмотримъ, какъ представляетъ себѣ Геркнеръ—in concreto—національные результаты соціальной реформы. Не будутъ ли нѣмецкія области, послѣ проведенія соціальныхъ реформъ, привлекать къ себѣ еще бо́льшее число чешскихъ рабочихъ?—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: если чехи будутъ являться съ цѣлью пониженія заработной платы, то крѣпкія рабочія организаціи нѣмцевъ—Геркнеръ, какъ ученикъ Брентано, энергичный сторонникъ рабочихъ союзовъ—съумѣютъ или устранить ихъ съ поля конкурренціи, или же поднять ихъ потребности до своего уровня. А въ послѣднемъ случаѣ предприниматели не будутъ имѣть никакого основанія предпочитать чеховъ. Въ общемъ же, — говоритъ Геркнеръ, — безспорно, что положеніе нѣмцевъ укрѣпится, если они примутся за серьезныя соціальныя реформы (главное значеніе среди которыхъ принадлежитъ, по мнѣнію Геркнера, реформамъ, лежащимъ въ сферѣ компетенціи общественнаго самоуправленія), а чехи не послѣдуютъ ихъ примѣру.—Ну, а что же будетъ, если чехи станутъ подражать нѣмцамъ, какъ это они уже такъ часто и съ такимъ успѣхомъ дѣлали?—Отвѣтъ, который Геркнеръ даетъ на этотъ вопросъ, настолько хорошо характеризуетъ гуманную, чуждую человѣконенавистническаго національнализма [1]),

[1]) Геркнеръ очень отрицательно относится къ нѣкоторымъ проявленіемъ австронѣмецкаго національнализма. Такъ, имѣя въ виду извѣстныя нелѣпыя выходки рейхенбергскаго муниципалитета, онъ говоритъ: „намъ и съ національной точки зрѣнія представляется болѣе почтеннымъ дѣломъ со стороны общиннаго управленія доставлять бѣднымъ матерямъ по дешевой цѣнѣ стерилизованное дѣтское молоко, чѣмъ дѣлать городскимъ полицейскимъ мундиры à la prussienne, въ общественныхъ баняхъ помѣщать надпись: „здѣсь воспрещается говорить по-чешски", и другими подобными штуками подвергать опасности городскую автономію".

точку зрѣнія нѣмецкаго экономиста, что мы не можемъ не привести его здѣсь дословно: „Откровенно говоря, болѣе прекраснаго соревнованія между обѣими враждующими націями, чѣмъ соперничество на поприщѣ демократической соціальной политики, нельзя себѣ ни представить, ни желать. Я полагаю, что мы — какъ въ Богеміи, такъ и вообще въ Австріи — всего скорѣе приблизимся къ національному миру, если всѣ націи всецѣло отдадутся идеѣ политической и соціальной реформы, если національный духъ будетъ выражаться въ тихой, но великой и дѣятельной любви къ своему народу, а не въ угнетеніи другихъ племенъ и ненависти къ нимъ, и если все шире и шире будетъ распространяться убѣжденіе, что сохраненіе и культивированіе національности есть хотя и очень высокое, но въ концѣ концовъ не единственное и даже, быть можетъ, не самое высокое изъ всѣхъ земныхъ благъ. Мы уже раньше поставили въ примѣръ нашимъ альпійскимъ странамъ Швейцарію. Мы должны еще разъ сослаться на нее. Она представляетъ столь поучительное для Австріи зрѣлище, какъ три различныя націи, проникнутыя однако одними и тѣми же соціальными и политическими идеалами, живутъ вмѣстѣ въ полномъ согласіи и ничѣмъ не омрачаемомъ мирѣ“.

Это указаніе на Швейцарію въ устахъ Геркнера, австрійскаго нѣмца, есть лучшее осужденіе тѣхъ централистическихъ поползновеній, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не можетъ отказаться большинство его соплеменниковъ.

Свои разсужденія о судьбѣ австрійскихъ нѣмцевъ Геркнеръ заканчиваетъ утѣшительнымъ заявленіемъ:

„Намъ не слѣдуетъ отчаяваться въ нашей будущности, такъ какъ она—въ нашихъ рукахъ“.

IV.

Если богемскихъ нѣмцевъ угнетаетъ „фабричное вырожденіе“, сопровождаемое высокой дѣтской смертностью, то причины поразительно слабаго размноженія нѣмцевъ въ австрійскихъ Альпахъ лежатъ въ особенностяхъ ихъ аграрнаго строя. Выясненіе этой зависимости составляетъ крупную заслугу работы Гайница [1]), —тѣмъ болѣе крупную, что для изученія аграрныхъ отношеній въ Австріи недостаетъ самыхъ важныхъ статистическихъ основъ. Мы уже видѣли изъ приведенныхъ выше цифръ, что незначи-

[1]) Геркнеръ называетъ прямо методъ Гайница образцовымъ.

тельный приростъ нѣмецкаго населенія въ Австріи вообще и въ частности въ альпійскихъ странахъ обусловливается его слабой брачностью. Посмотримъ теперь на распредѣленіе поземельной собственности въ Австріи. Въ этомъ отношеніи намъ представится слѣдующая картина. Въ Галиціи и Буковинѣ, рядомъ съ значительнымъ числомъ крупныхъ владѣній и крупныхъ хозяйствъ, мы видимъ страшное раздробленіе поземельной собственности: вблизи Кракова, напр., крестьянскій участокъ болѣе чѣмъ въ $1^3/_4$ гектара [1]) величиной—большая рѣдкость. Такимъ образомъ, по распредѣленію поземельной собственности эти страны напоминаютъ наши польскія и еще болѣе—юго-западныя губерніи. Крайняя дробность участковъ господствуетъ также въ Далмаціи, Побережьѣ и итальянскомъ Тиролѣ; но здѣсь нѣтъ крупныхъ хозяйствъ, хотя также имѣются крупныя владѣнія, принадлежащія городскимъ капиталистамъ, которые сдаютъ ихъ въ аренду „колонамъ“. Аграрный строй судетскихъ странъ обнаруживаетъ значительныя различія: тутъ рядомъ съ обширными хозяйствами и участками существуютъ среднія, крестьянскія, въ западно-европейскомъ смыслѣ, владѣнія. Въ альпійскихъ же странахъ крестьянская поземельная собственность преобладаетъ; здѣсь большія пространства принадлежатъ сплошь крестьянамъ. Крестьянскія владѣнія имѣютъ, впрочемъ, въ различныхъ альпійскихъ областяхъ различную величину. Вблизи большихъ городовъ, равно какъ въ Форарльбергѣ и Крайнѣ, отчасти проникновеніе мѣнового хозяйства и развитіе промышленности, отчасти введеніе по французскому образцу свободной дѣлимости поземельной собственности значительно понизили размѣръ крестьянскихъ владѣній. Во всякомъ случаѣ въ общемъ для альпійскихъ странъ характерна недѣлимая крестьянская собственность—замкнутый, особнякомъ стоящій „крестьянскій дворъ“. Этотъ способъ разселенія,—который обусловленъ, быть можетъ, преимущественно горнымъ характеромъ мѣстности,—является въ свою очередь, такъ сказать, матеріальной основой „недѣлимости“: дѣлить „замкнутое“ владѣніе въ горахъ гораздо труднѣе, чѣмъ владѣніе, составленное изъ мелкихъ полосъ, разсѣянныхъ въ разныхъ поляхъ (и сплошь и рядомъ дѣленіе въ натурѣ совершенно невозможно). Огромное большинство общинъ, въ которыхъ господствуетъ система разселенія дворами, а не цѣлыми деревнями, приходится на альпійскія страны, населенныя почти исключительно нѣмцами.

Переходя теперь отъ распредѣленія поземельной собствен-

[1]) Гектаръ (ha)=2197 кв. саженъ, слѣд. нѣсколько меньше десятины.

ности, отъ вопроса о величинѣ владѣній къ вопросу о величинѣ хозяйства, мы видимъ, что—оставляя въ сторонѣ Галицію и Буковину—настоящее капиталистическое земледѣліе (крупныя хозяйства) существуетъ только въ судетскихъ странахъ, и соотвѣтственно этому здѣсь сельско-хозяйственная техника достигла уже высокаго развитія. Здѣсь сельское хозяйство, и крупное, и мелкое (конечно, не въ одинаковой степени), организовано какъ денежное производство. Наиболѣе же натуральный характеръ носитъ альпійское крестьянское хозяйство. Намъ уже пришлось, въ статьѣ: „Австрійское крестьянство и его бытописатель“ [1]), показать, въ какое трагическое положеніе ставитъ альпійскаго крестьянина неприспособленность его къ окружающей денежной средѣ; и ниже мы коснемся еще этого—въ экономическомъ отношеніи глубоко интереснаго—обстоятельства.

Популяціоналистическое значеніе аграрнаго строя давно уже извѣстно, хотя, быть можетъ, еще не вполнѣ оцѣнено и недостаточно изучено въ экономической наукѣ. Въ занимающемъ насъ случаѣ оно выражается въ томъ, что каждая группа австрійскихъ странъ имѣетъ различную брачность въ зависимости отъ господствующаго въ немъ аграрнаго строя. Первое мѣсто по брачности занимаютъ тѣ страны, гдѣ рядомъ съ сильнымъ дробленіемъ участковъ мы видимъ крупныя владѣнія; послѣднее—альпійскія области съ ихъ недѣлимыми, замкнутыми крестьянскими дворами. Поэтому-то въ Каринтіи, въ которой съ одной стороны особенно сильно преобладаетъ этотъ типъ землевладѣнія, съ другой стороны—очень мало промышленнаго населенія, брачность замѣчательно низка, что, какъ уже указывалось выше, сопровождается обыкновенно большимъ числомъ внѣ-брачныхъ рожденій—440 на 1.000.

Зависимость брачности отъ поземельныхъ отношеній можно прослѣдить и на болѣе мелкихъ пространственныхъ единицахъ, внутри отдѣльныхъ странъ Цислейтаніи. Размельчаніе поземельной собственности въ итальянскомъ Тиролѣ идетъ гораздо дальше, чѣмъ въ нѣмецкомъ, и вмѣстѣ съ этимъ земледѣльческое производство носитъ иной характеръ. Въ то время, какъ въ нѣмецкомъ Тиролѣ преобладаетъ полу-натуральное зерновое и скотоводческое хозяйство,—сельское хозяйство въ итальянскомъ Тиролѣ производитъ по преимуществу для рынка такіе продукты, какъ вино, маисъ, шолкъ. Такое же различіе существуетъ съ одной стороны между Верхней и Средней-Штиріей, населенной нѣмцами, и съ

[1]) См. „Вѣстн. Европы“, іюнь 1893 г., стр. 539.

другой стороны—Нижней-Штиріей, гдѣ живутъ словенцы, и гдѣ сильное измельчаніе землевладѣнія сопровождается денежнымъ характеромъ сельскаго хозяйства. Поэтому-то словенское населеніе Штиріи ростетъ почти вдвое быстрѣе, чѣмъ нѣмецкое, тогда какъ въ Каринтіи разница въ приростѣ словенскаго и нѣмецкаго населенія, благодаря сходству аграрнаго строя у обоихъ племенъ, гораздо меньше. А въ Крайнѣ, вмѣстѣ съ болѣе сильнымъ дробленіемъ, брачность и приростъ словенскаго населенія еще выше, чѣмъ въ Нижней-Штиріи.

Во Франціи,—какъ показалъ Бертильонъ,—самая низкая рождаемость замѣчается въ тѣхъ департаментахъ, въ которыхъ на 1.000 жителей приходится наибольшее число земельныхъ собственниковъ. Но тутъ эта низкая рождаемость есть результатъ не низкой брачности, а неплодовитости французскихъ женщинъ, сознательно вызываемой искусственными средствами, результатъ—„Zwei Kindersystem“. Въ австрійскихъ же Альпахъ низкая рождаемость вытекаетъ прямо изъ низкой брачности, которая въ свою очередь обусловливается всѣмъ экономическимъ и въ частности аграрнымъ строемъ. „Большой замкнутый крестьянскій дворъ [1]) проявляетъ свое ограничивающее брачность дѣйствіе въ двухъ направленіяхъ: бракъ единственнаго наслѣдника (des Aerben) отсрочивается до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ по старости не передаетъ ему хозяйства или не умираетъ, и 2) не допускается вступленіе въ бракъ всѣхъ работающихъ на крестьянскомъ дворѣ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ замкнутая крестьянская поземельная собственность, служба въ батракахъ (der Gesindedienst) [2]) не считается, какъ въ большихъ сѣверо-германскихъ помѣстьяхъ, чѣмъ-то въ родѣ школы, которую молодые люди должны пройти до вступленія въ бракъ, и поэтому сельскіе рабочіе всю жизнь проводятъ въ безбрачіи. Въ силу этого, чѣмъ многочисленнѣе представлены въ данной странѣ большіе замкнутые крестьянскіе дворы и чѣмъ сильнѣе въ нихъ господствуютъ патріархальныя отношенія, тѣмъ позже и рѣже совершаются браки и тѣмъ слабѣе приростъ населенія. Внѣ-брачныя рожденія, распространенность которыхъ находится въ самой тѣсной связи съ безбрачіемъ молодыхъ, здоровыхъ людей, не могутъ покрыть недостатка (den Ausfall) въ законныхъ дѣтяхъ, хотя они и являются въ нашихъ альпійскихъ странахъ важнымъ факторомъ роста населенія, такъ какъ безъ нихъ, напримѣръ, въ

[1]) Подъ дворомъ въ данномъ случаѣ разумѣется все хозяйство.

[2]) Подъ Gesinde нѣмцы разумѣютъ сельскихъ рабочихъ, нанимающихся на болѣе или менѣе продолжительные сроки—въ противоположность поденщикамъ (Tagelöhner).

Зальцбургѣ и нѣмецкой Штиріи, населеніе не размножалось бы, а въ Каринтіи и нѣмецкомъ Тиролѣ прямо бы умепьшалось".

Вынужденное безбрачіе, которымъ при господствѣ натуральнаго хозяйства поддерживается равновѣсіе между населеніемъ и средствами существованія, является въ нѣкоторыхъ альпійскихъ странахъ Австріи не только фактомъ,—оно имѣетъ и свое юридическое выраженіе въ такъ называемомъ Eheconsens'ѣ. Въ нѣмецкомъ Тиролѣ и Форарльбергѣ, Eheconsens, т.-е. право общинъ разрѣшать или запрещать бракъ ея членамъ, сохранилось въ дѣйствующемъ правѣ, а въ Зальцбургѣ оно существуетъ фактически [1]); штирійскій ландтагъ въ 1892 г. вотировалъ законъ о введеніи Eheconsens'а, но корона не дала этому закону своей санкціи. При прежнихъ экономическихъ условіяхъ „Eheconsens" былъ необходимымъ коррелатомъ альпійскаго аграрнаго строя; эта связь явствуетъ хотя бы изъ того, что въ другихъ цислейтанскихъ странахъ „Eheconsens" или никогда не существовалъ, или же еще до своей формальной отмѣны просто вымеръ, и теперь о немъ никто не вспоминаетъ, тогда какъ въ Альпахъ все крестьянство чрезвычайно сочувствуетъ этому учрежденію. Крупный землевладѣлецъ — при денежномъ хозяйствѣ—заинтересованъ въ быстромъ размноженіи населенія, такъ какъ онъ нуждается въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ; интересы альпійскаго крестьянина—при натуральномъ и полу-натуральномъ хозяйствѣ совершенно другіе. Альпійскій крестьянинъ-хозяинъ боится всякихъ лишнихъ расходовъ на призрѣніе бѣдныхъ и привыкъ, чтобы его рабочіе были безбрачны. Онъ одинъ дворовладѣлецъ — отецъ семейства; остальные члены хозяйства—какъ бы его дѣти. Ихъ безбрачіе съ желѣзной необходимостью вытекаетъ изъ того, что средства существованія скудны и въ то же время точно отмѣрены; благодаря натуральной организаціи хозяйства, они не способны расти. Такимъ образомъ, главный выводъ Гайниша мы можемъ резюмировать слѣдующимъ образомъ: ослабленіе нѣмецкаго элемента въ Австріи есть результатъ болѣе медленнаго размноженія нѣмцевъ сравнительно съ другими цислейтанскими народностями; это обстоятельство въ свою очередь обусловливается низкой безбрачностью нѣмецкаго населенія, вытекающей изъ особенностей аграрнаго строя въ австрійскихъ Альпахъ. Вотъ почему та роль, которая обыкновенно приписывается консервативными экономистами крестьянству, ведущему натуральное хозяйство и крѣпко

[1]) Общинная власть, впрочемъ, не составляетъ въ этомъ дѣлѣ единственной и послѣдней инстанціи. Заинтересованное лицо можетъ жаловаться (recurriren) послѣдовательно окружной администраціи, намѣстничеству и министерству.

держащемуся за недѣлимость,—роль источника живыхъ силъ для всего прочаго населенія,—есть миѳъ. Напротивъ, это крестьянство, благодаря господствующимъ въ его средѣ аграрнымъ отношеніямъ, совершенно неспособно являться поставщикомъ человѣческаго матеріала. „До тѣхъ поръ, пока въ альпійскихъ странахъ не измѣнятся распредѣленіе поземельной собственности и сельско-хозяйственное производство, до тѣхъ поръ всякая національная политика—напишетъ ли она на своемъ знамени достиженіе вліянія на правительство или пробужденіе національнаго чувства—можетъ только замедлить процессъ, который непрерывно съ стихійной силой совершается передъ нашими глазами“. Процессъ этотъ—оттѣсненіе нѣмецкаго элемента въ Австріи.

Итакъ, послѣ всего сказаннаго ясно, что разложеніе аграрнаго строя въ австрійскихъ Альпахъ, которое такъ ярко изобразилъ Розеггеръ въ своемъ романѣ „Der Letzte Jacob“, является съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ австрійскихъ нѣмцевъ процессомъ безусловно желательнымъ, прямо даже необходимымъ для обезпеченія ихъ національной будущности. Но это въ сущности только, такъ сказать, національная сторона того факта, что разложеніе альпійскаго крестьянства есть требованіе экономическаго прогресса. Если Гайнишъ, указывая на необходимость и желательность этого процесса, говоритъ, что „незначительный приростъ населенія въ альпійскихъ странахъ не только уменьшаетъ область распространенія нѣмецкаго языка, но и замедляетъ экономическое развитіе альпійскихъ странъ“, то съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что экономическій прогрессъ разрушаетъ альпійскій аграрный строй, становящійся ему поперекъ дороги. Съ 20-хъ и 30-хъ годовъ ростъ австрійскихъ странъ происходилъ—во всѣхъ отношеніяхъ—очень неравномѣрно. Обрабатывающая промышленность развивалась преимущественно въ судетскихъ странахъ, населеніе которыхъ увеличилось съ 1831 по 1890 почти вдвое больше, чѣмъ населеніе внутренней Австріи (за вычетомъ Нижней-Австріи съ Вѣной). Податная сила, т.-е. общая сумма всѣхъ податей, приходящихся на альпійскія страны, съ 1828 относительно уменьшилась. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Гайнишъ,—если альпійскія области, и по населенности, и по своему участію въ податяхъ, все болѣе и болѣе отстаютъ отъ другихъ странъ, то очевидно, что своимъ положеніемъ, какъ великая держава, Австрія обязана прочимъ своимъ частямъ. Другими словами, еслибы соціальныя условія были всюду такими же, какъ во внутренней Австріи, Австрія должна была бы сдѣлаться второстепенной державой, и въ то же время она, благодаря своему

географическому положенію внутри европейскаго континента, попала бы въ крайне опасное положеніе".

V.

Австрійское и въ особенности альпійское крестьянство переживаютъ тяжелый кризисъ, который сводится къ вытѣсненію натуральной организаціи хозяйства денежною и давно уже обсуждается въ научной литературѣ и публицистикѣ Австріи. Этотъ процессъ имѣетъ, однако, не только мѣстный интересъ; если одинаковыя причины порождаютъ—caeteris paribus — одинаковыя слѣдствія, то изученіе перемѣнъ, происходящихъ въ экономическомъ строѣ западно-европейскихъ странъ, представляетъ глубокій жизненный интересъ для насъ, русскихъ. Слишкомъ часто мы противопоставляемъ огуломъ „капиталистическую Европу" „общинной Россіи", забывая, что и въ Европѣ переходъ къ денежному хозяйству далеко еще не вездѣ закончился.

Если въ Галиціи, Буковинѣ, Далмаціи и Побережьѣ сильное размельчаніе, „пульверизація" поземельной собственности, развело многочисленный жалкій сельскій пролетаріатъ, то въ остальныхъ австрійскихъ областяхъ „свободная дѣлимость" (Freitheilbarkeit) въ натурѣ сравнительно мало распространена. Въ частности въ альпійскихъ странахъ, какъ уже указывалось выше, она почти неизвѣстна. Но при недѣлимости—наслѣдникъ, къ которому переходитъ хозяйство, обязанъ своимъ сонаслѣдникамъ уплатить въ деньгахъ ихъ долю, и такимъ образомъ онъ начинаетъ хозяйничать, обремененный болѣе или менѣе крупнымъ долгомъ. Въ томъ же самомъ положеніи находится покупатель, который не можетъ сразу заплатить наличными деньгами за имѣніе и выдаетъ на него закладную. Эти два источника задолженности считаются австрійскими консервативными политиками съ барономъ Фогельзангомъ, издателемъ „Oesterreichische Monatschrift für christliche Socialreform", основной причиной „крестьянскаго кризиса". Тщательное изслѣдованіе этого вопроса привело Гайница къ совершенно иному выводу, который онъ формулируетъ такъ: или утвержденіе Фогельзанга, будто задолженность австрійскаго крестьянства по преимуществу обусловливается указываемыми имъ причинами, совершенно невѣрно, или же она дѣйствительно обусловливается этими причинами; но въ такомъ случаѣ она сравнительно такъ незначительна, что никоимъ образомъ не можетъ быть причиной „крестьянскаго кризиса". Недостаточно также, по крайней мѣрѣ

по отношенію къ Альпамъ, объясненіе этого явленія паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ въ связи съ конкурренціей привознаго хлѣба, тѣмъ болѣе, что цѣны на скотъ и дерево, которые во многихъ мѣстахъ являются единственными рыночными продуктами, въ общемъ поднялись. Тѣмъ не менѣе Гайнишъ, повидимому, признаетъ, что это обстоятельство, въ связи съ отсталостью альпійскаго крестьянскаго хозяйства,—которую такъ подчеркивалъ профессоръ Вилькенсъ въ изложенномъ нами раньше письмѣ къ Розеггеру (см. „В. Е.“, іюнь 1893 г., 539 стр.),—не лишено извѣстнаго значенія. Но главную роль въ кризисѣ Гайнишъ приписываетъ вообще не пониженію крестьянскаго дохода, а повышенію и измѣненію крестьянскихъ потребностей. Доходъ если не понижается, то и не повышается, а потребности все ростутъ и ростутъ, и въ связи съ этимъ все болѣе и болѣе ускользаетъ возможность удовлетворять ихъ натуральнымъ способомъ. Кофе, керосинъ и пр. приходится покупать, тогда какъ молочная похлебка и лучина, которыми прежде довольствовался крестьянинъ, доставались легче, безъ денегъ. „Между тѣмъ до сихъ поръ большинство настоящаго крестьянства, въ особенности въ альпійскихъ странахъ, стоитъ на почвѣ натуральнаго хозяйства, т.-е. его хозяйство направлено на производство для домашняго потребленія. Только избытки превращаются въ деньги, которыя идутъ на уплату податей и пріобрѣтеніе предметовъ, приготовленіе которыхъ, напр. вещей изъ желѣза, дома невозможно. Натуральное хозяйство объясняетъ какъ хорошія, такъ и дурныя стороны крестьянскаго характера; съ нимъ связано какъ наивное міросозерцаніе и чувство независимости, которыя намъ столь симпатичны въ крестьянствѣ, такъ и его недовѣріе ко всему новому и его слабый интересъ къ хозяйственнымъ улучшеніямъ. Ибо до тѣхъ поръ, пока крестьянскій дворъ является самодовлѣющей хозяйственной единицей, онъ вполнѣ независимъ отъ всего окружающаго міра. Перипетіи рынка мало его затрогиваютъ, а что касается организаціи и техники хозяйства, то и та, и другая, настолько опредѣляются вѣковымъ опытомъ, что крестьянину остается только крѣпко держаться за традицію. Но въ силу этого хозяйство почти не развивается (damit ist aber auch die Wirthschaft eine nahe zu stationäre). Ибо при неизмѣняющейся техникѣ получается все одинаковый доходъ въ натурѣ, а повышеніе денежнаго дохода только тогда возможно, когда цѣны на избытки, выносимые на рынокъ, подымаются. Но такъ какъ повышеніе цѣнъ не происходитъ непрерывно и во всякомъ случаѣ только очень постепенно, и избытки хозяйства составляютъ только маленькую часть всѣхъ производимыхъ продук-

товъ,—то доходъ крестьянина изъ года въ годъ не мѣняется. Поэтому натуральная организація мелкаго и средняго сельскаго хозяйства могла только до тѣхъ поръ держаться, пока не было нарушено равновѣсіе между доходами и расходами. Это равновѣсіе поддерживалось какъ Ehecоnsens'омъ, который тѣсно связанъ съ крестьянскимъ натуральнымъ хозяйствомъ, такъ и замкнутостью крестьянской жизни, замкнутостью, которая являлась слѣдствіемъ сословнаго духа и удаленности отъ культурныхъ центровъ. Частью юридическія, частью фактическія препятствія къ вступленію въ бракъ существуютъ и до сихъ поръ, но съ другой стороны существованіе крестьянскаго натуральнаго хозяйства подтачивается ростущими жизненными потребностями. Ростутъ не только потребности самого крестьянина-дворовладѣльца и его рабочихъ, которые массами стремятся въ города,—но и все болѣе и болѣе повышаются требованія со стороны государства и мѣстнаго самоуправленія.

Либеральные экономисты,—говоритъ Гайнишъ,—часто закрываютъ глаза на трудность и болѣзненность перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Между тѣмъ это цѣлая, чрезвычайно богатая крупными послѣдствіями, соціальная революція. Почти весь соціальный строй внутренней Австріи покоится на натуральной организаціи крестьянскаго хозяйства: сельское ремесло и вся система призрѣнія бѣдныхъ тѣсно связаны съ ней. „Внезапно устранить натуральное хозяйство значило бы вызвать къ жизни разомъ цѣлую дюжину жгучихъ соціальныхъ вопросовъ". Въ данномъ случаѣ процессъ вытѣсненія натуральнаго хозяйства денежнымъ долженъ выразиться въ сокращеніи зернового производства на счетъ экстенсивнаго капиталистическаго скотоводства. Такъ какъ такое скотоводство требуетъ сравнительно мало живого труда, но зато крупнаго землевладѣнія и значительнаго основного капитала, то Гайнишъ, конечно, правъ, говоря что въ этой области „превосходство крупнаго хозяйства надъ мелкимъ сказывается особенно сильно"... „Такимъ образомъ, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому скотоводству означаетъ для альпійскихъ странъ абсолютное уменьшеніе запятаго въ сельскомъ хозяйствѣ населенія и поглощеніе мелкой поземельной собственности крупною". Этотъ процессъ совершается уже теперь. Старое дѣленіе на полные дворы, полудворы и четверти (Viertelhöfe) становится все болѣе и болѣе несостоятельнымъ. Многіе дворы исчезаютъ или уменьшаются настолько, что ихъ собственники должны искать побочныхъ занятій; на ихъ счетъ ростутъ другіе дворы, которые выростаютъ въ крупныя владѣнія. Рядомъ съ этимъ развивается дробное землевладѣніе, представителемъ ко-

тораго является новый типъ сельскихъ рабочихъ, поденщики (Tagelöhner) [1]).

Гайнишъ смотритъ на весь этотъ процессъ какъ на историческую необходимость. Всѣ попытки реформъ, „которыя будутъ направлены на сохраненіе традиціоннаго крестьянскаго хозяйства, по мнѣнію нашего автора, безсильны противъ духа капиталистической эпохи, который медленно, но неудержимо вторгается во всѣ поры общества". Къ тому же онъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ извѣстнаго экономиста-историка, президента вѣнской центральной статистической коммиссіи Инамы-Стернегга, что „было бы печальнымъ государственнымъ дѣломъ—держать крестьянина на низкомъ уровнѣ общаго образованія и жизненныхъ потребностей, чтобы сохранить традиціонную замкнутость крестьянскаго хозяйства въ ея болѣе чѣмъ проблематическомъ значеніи для общаго блага" (цит. по Гайнишу). Такимъ образомъ, крестьянство внутренней Австріи находится между Сциллой и Харибдой. Держаться за натуральное хозяйство, какъ ему совѣтуютъ консерваторы, оно не можетъ, потому что его ростущія матеріальныя и духовныя потребности требуютъ роста доходовъ, а къ денежному хозяйству, которое ему рекомендуютъ либералы, оно не обнаруживаетъ склонности, инстинктивно чувствуя, что при капиталистической организаціи сельскаго хозяйства далеко не всѣ его представители сохранятъ свою самостоятельность. „Только тамъ во внутренней Австріи, гдѣ, какъ вблизи городовъ, интенсивное сельское хозяйство приноситъ крупный доходъ, или тамъ, гдѣ, какъ въ горахъ, крестьянскія хозяйства настолько крупны, что дѣлаютъ выгоднымъ скотоводство, удержится крестьянство. Во всѣхъ прочихъ областяхъ крестьянскій дворъ, правда, не исчезнетъ совсѣмъ, но крестьянское земледѣліе будетъ во всякомъ случаѣ въ очень значительной мѣрѣ поглощено крупнымъ или низведено до парцеллярнаго". Вообще Гайнишъ не раздѣляетъ оптимистическихъ взглядовъ многихъ экономистовъ на жизнеспособность мелкихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, при полномъ господствѣ денежнаго хозяйства. Вопросъ этотъ, конечно, очень трудный и не во всѣхъ отношеніяхъ выясненный. Въ одномъ только врядъ ли можно сомнѣваться, а именно, что и мелкія земледѣльческія хозяйства при современныхъ экономическихъ и культурныхъ условіяхъ для того,

[1]) Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что съ полнымъ переходомъ къ денежному хозяйству падаетъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Гайнишъ, еще одно препятствіе для раздробленія поземельной собственности, такъ какъ высокоинтенсивная культура (такъ назыв. Spaten Kultur), которая служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ „оправданій" дробленія, возможна только при товарной организаціи народнаго хозяйства.

чтобы быть жизнеспособными, должны быть организованы какъ хозяйства денежныя и удовлетворять общимъ требованіямъ экономической раціональности. Всѣ попытки въ экономической литературѣ присвоить въ этомъ отношеніи мелкому земледѣльческому хозяйству особое положеніе, такъ сказать, сдѣлать для него неписанные законы раціональности, въ концѣ концовъ опираются на фактъ низкихъ потребностей крестьянскаго населенія, на то, что „самостоятельный производитель“ можетъ довольствоваться болѣе низкимъ доходомъ, чѣмъ капиталистъ-фермеръ, чѣмъ крупный землевладѣлецъ, чѣмъ вообще всякій, хозяйничающій „на коммерческомъ основаніи“. Но вѣдь весь смыслъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и сводится именно къ тому, что „коммерческое основаніе“ становится для всѣхъ обязательнымъ. Упомянутый выше сторонникъ крестьянскаго натуральнаго хозяйства, баронъ Фогельзангъ, возражая Шмоллеру, совершенно правильно замѣтилъ, что еслибы крестьяне знали бухгалтерію и могли точно подсчитывать итоги своего хозяйства, то они просто побросали бы свои поля и сбѣжали (цитировано изъ Гайниша).

Въ сельскомъ хозяйствѣ Богеміи капитализмъ или точнѣе денежное производство уже одержало побѣду по всей линіи. Развитіе свеклосахарнаго производства и пивоваренія представляетъ такъ сказать матеріальную основу этого процесса [1]). Огромная площадь крестьянской земли была поглощена по преимуществу крупнымъ землевладѣніемъ и цѣлыя крестьянскія поселенія, какъ таковыя, исчезли съ лица земли. Рядомъ съ этимъ относительно уменьшилось земледѣльческое населеніе и въ то же время неженатые батраки и незамужнія батрачки уступили мѣсто семейнымъ (Tagelöhner). Точно также и аграрный строй внутренней Австріи не избѣгнетъ этой эволюціи; тысячи самостоятельныхъ крестьянъ опустятся до сельскихъ поденщиковъ и вступятъ въ неравное соперничество съ машиной. Другіе крестьяне сохранятъ свою самостоятельность; это будутъ интеллигентные и смѣлые люди, которые первые порвутъ совершенно съ натуральнымъ хозяйствомъ, и участки которыхъ по ихъ величинѣ и географическому положенію будутъ доступны обработкѣ по принципамъ денежнаго хозяйства. Но этотъ крестьянинъ будущаго не будетъ соотвѣтствовать идеальному образцу терпѣливаго и упорно держащагося за традиціи человѣка; онъ будетъ принадлежать къ классу людей, которые

[1]) Извѣстный нѣмецкій экономистъ Мясковскій говоритъ о свеклосахарномъ производствѣ, что на его долю можетъ выпасть, повидимому, та же роль въ экономической эволюціи Германіи, какъ овцеводству въ Англіи (A. von Miaskowski, Agrarpolitische Zeit u. Streitfragen. Leipzig, 1889, S. 63).

всюду, гдѣ затронутъ ихъ интересы, руководятся трезвыми соображеніями. Что такое крестьянство не будетъ уже тѣмъ консервативнымъ элементомъ, который имущіе классы такъ охотно выдвигаютъ противъ промышленнаго пролетаріата,—совершенно ясно. Какъ современное мелкое ремесленное сословіе, также точно и крестьянство будущаго, завися постоянно отъ усмотрѣній, которыя оно не можетъ предусмотрѣть, явится въ политическомъ отношеніи элементомъ, на который невозможно никогда положиться, и который будетъ всегда склоняться на сторону тѣхъ, кто ему всего больше обѣщаетъ: во всякій данный моментъ оно можетъ оставить то знамя, которому оно только-что присягнуло. Совершенно понятно, что это прогрессивное разложеніе крестьянства вызоветъ много неутѣшительныхъ явленій; оно есть только повтореніе того прогресса, который нѣсколько раньше совершился въ промышленности. Но какъ никакому разумному рабочему теперь не можетъ придти въ голову требовать устраненія машинъ, потому что онъ знаетъ, что для экономическаго благосостоянія человѣчества не можетъ быть полезно сокращеніе производства, такъ и мы, несмотря на все наше сожалѣніе къ жертвамъ всемірно-историческаго процесса, не можемъ стремиться къ тому, чтобы цѣной малаго производства купить сохраненіе современнаго крестьянства. Экономическій строй, въ которомъ классовыя различія все увеличиваются и увеличиваются, не представляется желательнымъ въ соціальномъ отношеніи. Мы можемъ съ нимъ примириться, если мы признаемъ въ немъ переходную стадію къ болѣе высокой формѣ общественной жизни“.

VI.

Тотъ фактъ, что разложеніе аграрнаго строя въ Альпахъ, населенныхъ почти исключительно нѣмцами, началось позже, чѣмъ въ другихъ областяхъ Австріи, есть, по Гайнишу, главная причина болѣе слабаго размноженія нѣмецкаго элемента и его оттѣсненія другими національностями. Поэтому,—говоритъ Гайнишъ,—нѣмецкая партія, которая напишетъ на своемъ знамени сохраненіе альпійскаго экономическаго строя въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ [1]) теперь, такъ сказать, подсѣкаетъ тотъ

[1]) А такова въ сущности экономическая программа такъ называемой нѣмецко-національной партіи, опирающейся преимущественно на штирійскихъ городскихъ и сельскихъ избирателей.

сукъ, на которомъ она сидитъ, и кромѣ того ведетъ совершенно напрасную борьбу. Должно стремиться не къ сохраненію старыхъ экономическихъ формъ, а къ возможно болѣе быстрому и безболѣзненному переходу къ новымъ формамъ, такъ какъ это лежитъ не только въ національныхъ интересахъ, но и есть требованіе простой человѣчности. Развитіе капиталистическаго строя, какъ ни дѣйствуетъ оно революціонно на распредѣленіе поземельной собственности, не можетъ быть à la longue задержано. Задача политики и самопомощи сводится къ тому, чтобы создать для этого перехода такія условія, при которыхъ онъ принесъ бы какъ можно меньше вреда. Переводя это на конкретный языкъ, слѣдуетъ въ альпійскихъ странахъ развивать обрабатывающую промышленность [1]). Благодаря ея развитію, самое сельское хозяйство можетъ сдѣлаться болѣе интенсивнымъ, и кромѣ того то населеніе, которое „освободится“ въ силу разложенія аграрнаго строя, получитъ работу. Гайнишъ признаетъ, что превратить крестьянскаго батрака въ промышленнаго рабочаго трудно, такъ какъ фабричная работа гораздо интенсивнѣе земледѣльческой, и нужна значительная доля „Selbstüberwinderung“, какъ выражается нашъ авторъ, чтобы привыкнуть къ ней. Развитіе промышленности и важнѣйшихъ ея матеріальныхъ условій—путей сообщеній—вотъ, стало быть, главная цѣль разумной экономической политики по отношенію къ альпійскимъ странамъ, политики, которая въ то же время диктуется національнымъ самосохраненіемъ.

Чѣмъ сильнѣе будетъ развиваться промышленная жизнь, тѣмъ благопріятнѣе станутъ и условія размноженія нѣмецкаго населенія. Въ то же время нѣмецкій языкъ, какъ языкъ первоклассной культурной націи, будетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе, какъ для экономической, такъ и для духовной жизни. „Какъ ни печально это для маленькихъ націй, но нельзя отрицать, что широкая духовная жизнь среди нихъ встрѣчаетъ гораздо больше трудностей, чѣмъ у большихъ національностей. Можно представить себѣ образованнаго англичанина, который понимаетъ только по-англійски, но человѣкъ, который владѣетъ только словенскимъ языкомъ, не можетъ претендовать на образованность. Чѣмъ выше по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія станутъ духовныя потребности нѣмецкихъ національностей Австріи, тѣмъ

[1]) Гернеръ настоятельно рекомендуетъ австрійскимъ альпійскимъ странамъ послѣдовать примѣру Швейцаріи, налечь на „Fremdenindustrie“, т.-е. жить на счетъ больныхъ, туристовъ и фланёровъ.

болѣе и болѣе знаніе нѣмецкаго языка станетъ незамѣнимымъ средствомъ для усвоенія сокровищъ не одной только нѣмецкой, но и всемірной духовной культуры". Въ этихъ словахъ Гайниша нельзя не видѣть крупной доли истины; точно также извѣстныя основанія имѣетъ и его надежда на то, что мощное соціальное движеніе, которое является непосредственнымъ результатомъ и спутникомъ экономическаго развитія и въ частности роста промышленности, окажется важнымъ моментомъ, благопріятнымъ распространенію нѣмецкаго языка, хотя, конечно, Гайнишъ не можетъ не видѣть, по всей вѣроятности, что чѣмъ больше будетъ крѣпнуть это движеніе, ставящее себѣ общечеловѣческія и потому, такъ сказать, интернаціональныя задачи, тѣмъ больше будутъ терять всякую притягательную силу національныя или, вѣрнѣе, націоналистическія требованія и программы.

VII.

Чисто политическая сторона нѣмецкаго вопроса въ Австріи ярко освѣщается въ недавно вышедшей книгѣ, принадлежащей перу одного изъ самыхъ видныхъ депутатовъ нѣмецко-либеральной партіи [1]). Всякому желающему ознакомиться съ настроеніемъ, переживаемымъ въ настоящую минуту австро-нѣмецкими политическими дѣятелями, книга барона Думрейхера будетъ весьма полезна; на ней можно убѣдиться въ томъ, какъ либеральные принципы искажаются націонализмомъ [2]).

Но въ объясненіи соціально-этнологической подкладки нѣмецкаго вопроса названный авторъ не отличается оригинальностью и очень близко примыкаетъ къ Гайнишу. Только два пункта, затронутые Думрейхеромъ, намъ, въ интересахъ полноты нашего очерка, нельзя обойти. Въ статьѣ „Австрійское крестьянство и его бытописатель" („Вѣстн. Европы", іюнь 1893 г.) была уже отмѣчена роль охоты въ процессѣ разложенія альпійскаго аграрнаго строя. „Австрійскимъ альпійскимъ странамъ,—говоритъ Думрейхеръ,—серьезно угрожаетъ опасность сдѣлаться охотничьимъ паркомъ всей средне-европейской знати". По точнымъ статисти-

[1]) Freiherr von Dumreichen, Südostdeutsche Betrachtungen. Eine nationale Denkschrift. Leipzig, 1893, VIII и 143 стр.

[2]) Такъ, Думрейхеръ съ симпатіей отзывается о представительствѣ интересовъ—принципъ, на которомъ основана австрійская конституція—и не скрываетъ нисколько того, что эта симпатія обусловливается прежде всего выгодностью такой системы представительства для нѣмецкаго элемента.

ческимъ даннымъ половина земельной площади герцогства Зальцбургъ служитъ охотничьимъ цѣлямъ" (ist Jagdgebiet). Нѣчто подобное видимъ мы и въ другихъ провинціяхъ альпійской области. Для экономической будущности австрійскихъ альпійскихъ странъ представляются двѣ возможности. Примѣромъ одной служитъ Швейцарія съ ея замѣчательнымъ скотоводствомъ и высокимъ развитіемъ („Fremdenindustrie). Другую картину видимъ мы въ Шотландіи, гдѣ цѣлыя огромныя пространства изъяты изъ хозяйственнаго пользованія и служатъ только для охоты. Думрейхеръ вслѣдъ за Бернрейтеромъ [1]), который коснулся этого вопроса въ засѣданіи австрійскаго парламента 13-го марта 1893 г., объясняетъ различіе между Швейцаріей и Шотландіей различной „соціальной структурой" этихъ странъ и къ своему сожалѣнію долженъ признать, что въ этомъ отношеніи австрійскія Альпы гораздо ближе къ Шотландіи, чѣмъ къ Швейцаріи. Крестьянскіе участки въ австрійскихъ Альпахъ скупаются богачами, любителями охоты и превращаются въ охотничьи парки. Значеніе этого процесса въ борьбѣ австрійскихъ національностей за существованіе, по мнѣнію Думрейхера, очень велико. Намъ кажется только, что Думрейхеръ преувеличиваетъ въ данномъ случаѣ значеніе „соціальной структуры": гораздо важнѣе, быть можетъ, здѣсь чисто матеріальныя условія производства, такъ сказать экономическое направленіе народнаго хозяйства данной страны. „Соціальная структура", т.-е., въ нашемъ случаѣ, существованіе класса богатыхъ аристократовъ и капиталистовъ, можетъ проявлять свое вредное вліяніе только опираясь на эти матеріальныя условія народнаго хозяйства. Превращеніе полей, луговъ и пастбищъ въ охотничьи парки есть симптомъ, а не самостоятельная причина запустѣнія альпійскихъ странъ. Поэтому даже полное запрещеніе охоты на всемъ пространствѣ австрійскихъ Альпъ не въ состояніи придать жизненныхъ силъ гибнущему крестьянскому хозяйству: результатомъ такой радикальной мѣры будетъ—надо предполагать—вовсе не пріостановка въ процессѣ „запустѣнія", а только то, что по запустѣвшимъ мѣстамъ перестанутъ бродить даже спортсмэны. Здѣсь, какъ и всюду, не слѣдуетъ запрещеніямъ и вообще параграфамъ законовъ приписывать творческой силы, которой у нихъ нѣтъ и не можетъ быть.

---

[1]) Депутатъ Бернрейтеръ—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ англійскаго народнаго хозяйства. Ему принадлежитъ извѣстная работа: Die englischen Arbeitervereine und ihr Recht.

Второй пунктъ, затронутый Думрейхеромъ въ его „Nationale Denkschrift“ и стоящій въ тѣсной связи съ основной темой нашего очерка, это—отношеніе современнаго соціальнаго движенія къ національному вопросу.

Въ средѣ славянъ могутъ, говоритъ Думрейхеръ, обнаружиться такія же классовыя противорѣчія („Klassengegensätze“), какія среди нѣмецкаго населенія уже давно проявляютъ свое *ослабляющее націонализмъ* дѣйствіе. Не сравняются ли тогда условія борьбы, не станетъ ли тогда борьба противъ нѣмецкаго языка, этого мощнаго культурнаго средства, встрѣчать противодѣйствіе со стороны славянскихъ народныхъ массъ? Какъ видитъ читатель, то, что̀ высказываетъ тутъ Думрейхеръ, до извѣстной степени приближается къ надеждамъ, возлагаемымъ Гайнишемъ на соціальное движеніе.

Но,—продолжаетъ Думрейхеръ,—съ другой стороны, соціальное движеніе можетъ только ухудшить положеніе нѣмцевъ. Въ смѣшанныхъ округахъ „среднее сословіе“, буржуазія, состоитъ изъ нѣмцевъ: „Если на борьбу подымутся нижніе слои славянскаго населенія, то въ лицѣ нѣмца они будутъ бороться за-одно и противъ ненавистнаго „буржуа“ [1]), и борьба, поэтому, будетъ вестись съ удвоенной страстностью.

Вообще же, Думрейхеръ полагаетъ, что врядъ ли когда-нибудь „соціальныя бури“ покончатъ съ національной борьбой. Какъ были эпохи, когда религіозная идея заставляла умолкать національный антагонизмъ славянъ и нѣмцевъ, и несмотря на это послѣдній уцѣлѣлъ и пережилъ религіозныя движенія, такъ же точно будетъ и съ соціальнымъ вопросомъ. Быть можетъ, національная борьба исчезнетъ только тогда, когда австрійскіе нѣмцы перестанутъ существовать.

Еще одну возможность выставляетъ Думрейхеръ, и притомъ такую, которая вытекаетъ уже изъ соображеній общекультурнаго свойства. Но, думается намъ, авторъ самъ очень плохо вѣритъ въ нее. Указывая на то, что въ своей культурной жизни западные славяне не обнаруживаютъ—въ противоположность русскимъ—ничего оригинальнаго, что они питаются исключительно элементами нѣмецкой цивилизаціи, Думрейхеръ говоритъ, что „въ существованіи такихъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго языка, культуръ для человѣчества нѣтъ никакой потребности, такъ какъ оно не обогащается при этомъ никакой новой культурной фи-

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что и въ Германіи, и въ Австріи среди рабочихъ слово „bourgeois“ пользуется всеобщимъ употребленіемъ.

зіономіей. „Краледворская рукопись“—это символъ такихъ искусственныхъ, „сдѣланныхъ“, а не развившихся самостоятельно культуръ. Быть можетъ, лучшіе элементы чешскаго общества поймутъ, наконецъ, „культурную безсодержательность“ своего національнзма и откажутся отъ него.

Это предположеніе, носящее вполнѣ субъективный характеръ, выходитъ уже изъ области соціальныхъ фактовъ, которые, благодаря современнымъ способамъ массоваго наблюденія, подлежатъ точному учету и допускаютъ не только научный діагнозъ, но и научный прогнозъ. Послѣдній говоритъ, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ австрійскіе нѣмцы будутъ все больше и больше оттѣсняться другими національностями, и что если они хотятъ остановить этотъ процессъ, то имъ надлежитъ сознательно стать на путь экономическаго прогресса и соціальной реформы. Этотъ путь есть въ то же время единственный, который отъ безполезнаго національнзма, тщетно гонящагося за невозможной „гегемоніей“, ведетъ къ національному миру и плодотворной культурной работѣ.

П. Струве.

Грефенбергъ въ австр. Силезіи.
Августъ 1893.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ

НА 1894 ГОДЪ.

По установившемуся порядку, къ 1 января опубликованъ Высочайше утвержденный всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1894 годъ. Въ роспись внесено:

Доходовъ:		
1) Обыкновенныхъ	—	1.004.823.277 р.
2) Чрезвычайныхъ:		
Военное вознагражденіе	3.337.139 р.	—
Вклады въ государственный банкъ на вѣчное время	1.500.000 р.	—
Поступленія отъ желѣзныхъ дорогъ въ возвратъ позаимствованій . .	14.927.811 р.	—
		19.764.940 р.
Всего . . .	—	1.024.588.217 р.
Расходовъ:		
1) Обыкновенныхъ	—	981.222.950 р.
2) Чрезвычайныхъ:		
На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ	65.293.701 р.	—
На перевооруженіе и заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія	35.700.000 р.	—
На вспомогательныя предпріятія по сибирской желѣзной дорогѣ. . .	1.384.875 р.	—
		102.378.576 р.
Всего . . .	—	1.083.601.526 р.

т.-е. переступило за милліардъ.

Такимъ образомъ, по обыкновенному бюджету предполагается пре-

вышеніе доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 23.600.327 р., а по чрезвычайному—недоборъ въ суммѣ 82.613.636 р,, что по всей росписи составляетъ *недоборъ* доходовъ въ 59.013.309 р., которые предполагается покрыть изъ свободныхъ остатковъ отъ реализаціи трехпроцентнаго золотого займа 1891 года.

Различая существеннымъ образомъ обыкновенный и чрезвычайный бюджеты, которые имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, должны имѣть неодинаковые характеръ и значеніе, мы предварительно остановимся на первомъ изъ нихъ, особенно въ виду того, что исполненіемъ росписи обыкновенныхъ доховъ и расходовъ и опредѣляется болѣе или менѣе благопріятный результатъ финансоваго года. Относительно же отчета объ исполненіи росписи 1892 года и росписи 1893 г., роспись за 1894 годъ представляется въ такомъ видѣ:

	По отчету 1892 г.	По росписямъ 1893 г.	1894 г.
	поступило:	ожидается:	
	милліоновъ рублей		
Обыкновенныхъ доходовъ . . .	976	961	10.04½
	Произведено:	Предполагается:	
Обыкновенныхъ расходовъ . . .	910½	947½	981

Но выводъ изъ сопоставленія этихъ цифръ затрудняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ составъ росписи входятъ доходы и расходы отъ сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, годъ отъ году расширяющейся, и доходъ которой приблизительно балансируется расходомъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что *золотыя* поступленія и расходы по росписямъ 1892 и 1893 г. переложены въ кредитную валюту по 1 р. 60 к. за золотой рубль, а по росписи 1893 года по 1 р. 70 коп,, что противъ росписей указанныхъ лѣтъ увеличиваетъ роспись 1893 года, по доходамъ, приблизительно, на 8 мил. р., и по расходамъ на 5 м. р. Отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ поступило въ 1892 году около 74½ м. р. и ожидается по росписи 1893 года 81 м. р., а по росписи 1894 года—106 м. р. По исключеніи цифръ этого дохода какъ изъ дохода, такъ и изъ расхода соотвѣтствующихъ лѣтъ и по исключеніи 8 мил. р. изъ дохода и 5 м. р. изъ расхода 1893 г., для болѣе правильнаго сравненія получаются слѣдующія цифры:

	1892 г.	1893 г.	1894 г.
	милліоны рублей		
Обыкновенныхъ доходовъ	901½	872	898½
Обыкновенныхъ расходовъ . . .	836	867½	875

Такимъ образомъ, по однороднымъ доходамъ исчисленіе росписи 1894 года оказывается ниже дѣйствительнаго поступленія 1892 года на 3 м. рублей. Но предполагать уменьшеніе въ 1894 г. доходовъ

противъ 1892 года, вообще неблагопріятнаго по урожаю и слѣдовавшаго за бѣдственнымъ 1891 годомъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія даже при равенствѣ всѣхъ другихъ условій. Условія эти не равны: съ 1893 года (отчасти съ декабря 1892 г.) послѣдовало, какъ извѣстно, возвышеніе цѣлаго ряда налоговъ, отъ котораго, по весьма скромному исчисленію министерства финансовъ,—въ послѣдніе годы доходныя исчисленія этого министерства особенно осторожны — должно было произойти увеличеніе доходовъ на $24^1/_2$ м. р. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить $4^1/_2$ м. р. вновь установленнаго квартирнаго налога; итого 29 м. р. Правда, съ другой стороны, по разсчетамъ министерства финансовъ, въ число доходовъ 1892 г. вовсе ненадлежаще попали 15 м. р. питейнаго дохода на счетъ поступленій 1893 года. Но и по вычетѣ ихъ остается 14 м. р., на которые обыкновенные доходы 1894 года должны бы превышать доходы 1892 г., вмѣсто пониженія на 3 м. р. Между тѣмъ и другія обстоятельства—въ пользу 1894 года: за два года населеніе успѣло оправиться отъ бѣдствій 1891 г., и на размѣръ доходовъ долженъ былъ оказать вліяніе самый приростъ населенія,—факторъ, несомнѣнно дѣйствующій, но почему-то упускаемый изъ вида при составленіи смѣтныхъ доходныхъ исчисленій.

Насколько улучшились если не экономическія, то *финансовыя* условія послѣ 1892 года, показываютъ опредѣлившіеся къ началу нынѣшняго года результаты исполненія росписи 1893 года. Разбирая въ свое время эту роспись, мы, на основаніи данныхъ по главнѣйшимъ доходнымъ статьямъ, пришли къ выводу, что въ дѣйствительности обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ должно получиться въ 1893 году не 961 м. р., какъ исчислено по росписи, а *по крайней мѣрѣ 986 м. р.*, болѣе на 35 м. р. [1]) Оказалось, что подъ впечатлѣніемъ пессимистическаго настроенія составителей росписи мы сдѣлали крупную ошибку: во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1894 г. министръ финансовъ, на основаніи свѣденій, которыми онъ располагалъ ко времени составленія этой росписи, приходитъ къ заключенію, что обыкновенные доходы 1893 года должны превысить смѣтное исчисленіе *не менѣе какъ на 65 мил. рублей.* По позднѣйшимъ свѣденіямъ, какъ мы слышали, превышеніе это достигаетъ 100 мил. рублей.

Мы упоминали о приростѣ населенія. Приростъ этотъ въ годъ безъ преувеличенія можно считать въ $1^1/_2$ процента; но *изъ осторожности* примемъ его въ $1^1/_4$ процента. Не всѣ доходы находятся въ прямой зависимости отъ размѣра населенія, но несомнѣнно въ ней

[1]) „Вѣстникъ Европы", февраль 1893 г., стр. 861—867.

находятся косвенные налоги, съ присоединеніемъ къ нимъ „пошлинъ". Тѣхъ и другихъ въ 1892 году поступило около 540 м. р. Слѣдовательно, естественное, численное, стоящее внѣ экономическихъ условій, увеличеніе государственныхъ доходовъ 1894 года, вслѣдствіе прироста населенія, должно составить: противъ 1892 года 14 м. р., а противъ 1893 года 7 мил. рублей.

Возвращаясь къ 1893 году, замѣтимъ, что если неточность исчисленія росписи 1892 года, дошедшая до 90 мил. р. [1]), объясняется недостаточно удовлетворительнымъ поступленіемъ 1891 года, подъ вліяніемъ котораго составлялась эта роспись,—то неточность въ столь значительной суммѣ росписи 1893 г. должна быть признана прямой, весьма нежелательной ошибкой министерства финансовъ. Именно по поводу росписи 1893 г., мы, обращаясь къ сторонникамъ осторожныхъ исчисленій и любителямъ пріятныхъ смѣтныхъ сюрпризовъ, указывали на неудобство такой осторожности. Мы замѣтили, что скудость исчисленій доходной росписи можетъ иногда побудить къ отсрочкѣ серьезныхъ предпріятій или преобразованій, требующихъ предварительнаго обдуманнаго плана, а затѣмъ, среди года, когда обнаружится въ доходахъ избытокъ, онъ истратится на второстепенныя, несущественныя надобности. Во-вторыхъ—что еще болѣе неудобно—скудное исчисленіе доходной росписи ведетъ, изъ опасенія грозящаго дефицита, къ возвышенію безъ всякой надобности существующихъ налоговъ или къ установленію новыхъ. Примѣромъ этого, не говоря о періодѣ 1887—1891 годовъ, можетъ служить 1893 годъ. Роспись указаннаго года была сведена съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами на 13 мил. рублей,—но лишь вслѣдствіе того, что передъ тѣмъ послѣдовало возвышеніе налоговъ, исчисленное министерствомъ финансовъ въ размѣрѣ $24^1/_2$ м. р. При болѣе точномъ исчисленіи доходной росписи, къ чему давало полную возможность опредѣлившееся уже къ концу года весьма удачное исполненіе росписи 1892 г., едва ли министерство финансовъ сочло бы удобнымъ, тотчасъ послѣ перенесеннаго страною экономическаго потрясенія, поднять увеличеніе налоговъ по 8 статьямъ росписи, въ томъ числѣ весьма значительное увеличеніе питейнаго налога, уже и безъ того слишкомъ высокаго.

Преддверіе 1894 года обошлось благополучнѣе: новаго повышенія налоговъ министерствомъ финансовъ предложено не было, за исключеніемъ—все-таки за исключеніемъ—новаго маленькаго налога,—квартирнаго. Правда, какъ видно изъ доклада, „налогъ этотъ, поступленіе котораго ожидается въ суммѣ около 4.600.000 р., упадая

[1]) По исчисленію „Вѣстника Европы" (февраль 1892 г., стр. 879) роспись, на основаніи исчисленія цифръ лишь главныхъ доходовъ, слѣдовало увеличить на 35 м. рублей.

на сравнительно болѣе обезпеченную часть городского населенія, едва ли можетъ оказаться особенно обременительнымъ и *представляетъ для министерства финансовъ* значеніе не столько по суммѣ ожидаемаго отъ него дохода, сколько въ качествѣ перваго опыта обложенія, соразмѣреннаго, въ предѣлахъ возможнаго, съ совокупностью средствъ плательщика".

Впрочемъ, стóитъ остановиться на этомъ налогѣ. Собственно говоря, не очень важно, если онъ представляетъ собою то, что̀ называется experimentum in anima vili; гораздо важнѣе—что́ онъ представляетъ для плательщиковъ. О квартирномъ налогѣ „Вѣстникъ Европы" имѣлъ уже случай выразить свое мнѣніе. Не усматривая въ немъ настоящихъ свойствъ подоходнаго налога, „Вѣстникъ" отнесся сочувственно къ попыткѣ перенесенія части податного бремени на болѣе достаточные классы населенія. Но введеніе такого налога, въ нашихъ глазахъ—лишь первый шагъ, имѣющій только отрицательное значеніе до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ второго—соотвѣтственной отмѣны, вполнѣ или отчасти, какого-нибудь одного изъ наиболѣе тяжелыхъ для населенія налоговъ. Что же касается до необременительности квартирнаго налога, то, разумѣется, ни этотъ налогъ, ни какой-либо другой, безъ позднѣйшихъ надбавокъ, не можетъ считаться слишкомъ обременительнымъ; но всѣ они вмѣстѣ, притомъ постоянно повышаемые, составляютъ тяжесть весьма ощутительную для тѣхъ, кому приходится нести ее. Разумѣется, возвышеніе налога или установленіе новаго весьма часто является неизбѣжной государственной необходимостью; но плательщикамъ какъ-то легче подчиняться ей, если проектирующее налогъ вѣдомство не очень настоятельно пытается убѣдить ихъ въ необременительности налога. Отсутствіе же такихъ увѣреній можетъ до нѣкоторой степени служить ручательствомъ, что проектъ налога вызванъ дѣйствительно необходимостью и составленъ съ бо̀льшей обдуманностью, нежели недавній, къ счастью неосуществившійся,—проектъ возстановленія соляного налога.

Очень пріятно въ докладѣ о росписи на 1894 годъ встрѣтить строки, убѣждающія въ нерасположеніи нынѣшняго финансоваго управленія къ увеличенію податныхъ тягостей: „возвышеніе поступленій, ожидаемое по росписи 1894 г.,—говорится въ докладѣ,—достигается естественнымъ возростаніемъ доходовъ, *безъ установленія какихъ-либо новыхъ обложеній*".

Впрочемъ, возможность послѣднихъ въ будущемъ также не отвергается докладомъ, въ которомъ сказано: „Съ 1888 г., послѣ ряда дефицитныхъ лѣтъ, обыкновенные доходы наши вообще значительно превышаютъ обыкновенные расходы, при чемъ однако для усиленія средствъ государственнаго казначейства приходилось прибѣгать къ

изысканію новыхъ источниковъ доходовъ и къ нѣкоторому возвышенію размѣровъ обложенія. Весьма возможно, что дальнѣйшее развитіе государственныхъ потребностей вызоветъ необходимость подобныхъ же мѣръ и въ будущемъ; но министръ финансовъ не можетъ не высказать, что мѣры эти, будучи направлены къ изысканію средствъ для выполненія производительныхъ расходовъ, способствующихъ развитію экономической жизни, а слѣдовательно и укрѣпленію платежныхъ силъ населенія, должны быть предпочитаемы излишней сдержанности въ удовлетвореніи дѣйствительно назрѣвшихъ государственныхъ потребностей, такъ какъ сдержанность эта, переходя за извѣстные предѣлы, является тормазомъ развитія страны и въ значительной мѣрѣ затрудняетъ возрастаніе народнаго благосостоянія".

Не иначе какъ съ полнымъ сочувствіемъ можно отнестись къ приведенному взгляду министра финансовъ. Мы не разъ высказывали убѣжденіе, что бережливость, оставляющая безъ удовлетворенія насущныя потребности страны, не служитъ признакомъ выгодной финансовой политики. При этомъ подъ насущными потребностями мы разумѣли не только промышленныя, выражаемыя между прочимъ производительными расходами, и военныя, направленныя къ обезпеченію государственной безопасности, но также культурныя и охраняющія народное здоровье. Вопросъ лишь въ томъ, должны ли именно *производительные*, въ тѣсномъ смыслѣ, расходы, т.-е. обращенные на предпріятія, имѣющія коммерческій характеръ, исполняться изъ средствъ, полученныхъ путемъ повышенія налоговъ? На это возможенъ только отрицательный отвѣтъ. Производительное предпріятіе должно окупить само себя, на счетъ прибылей, которыя оно станетъ приносить. Тутъ со стороны казны возможно отвѣтственное посредничество, возможенъ авансъ, возможна, наконецъ, кратковременная ссуда, но невозможно капитальное устройство крупнаго промышленнаго предпріятія на счетъ взиманія усиленныхъ съ этою цѣлью налоговъ. Извлекать средства изъ населенія для образованія казеннаго промышленнаго предпріятія—значило бы рублемъ добывать полушку, отнимать послѣднія средства народной производительности—съ возможностью привести ее, задолженностью и продажей за безцѣнокъ послѣдняго имущества, къ положительному нищенству. Это было бы невыгодно не только въ экономическомъ, но и въ бюджетномъ отношеніи, особенно у насъ, гдѣ платежныя силы населенія истощены и далеко не соотвѣтствуютъ размѣру и нынѣ лежащихъ на населеніи повинностей.

Министръ финансовъ, какъ показано выше, разсчитываетъ на естественное возрастаніе доходовъ въ 1894 году, имѣя, очевидно, въ виду улучшеніе экономическихъ условій страны. Но если это и сбу-

дется—1894 г. только начался и судьба его въ рукѣ Божьей, то улучшеніе окажется лишь относительно 1891 года и его экономическаго продолженія 1892 года.

Полтора года тому назадъ [1]), обозрѣвая движеніе въ нашихъ бюджетахъ за 25 лѣтъ, 1866—1890 годъ, мы подробной хроникой всѣхъ главныхъ доходныхъ статей государственной росписи показали, что послѣдовательный ростъ цифры любого дохода (за немногими и незначительными исключеніями) являлся прямымъ слѣдствіемъ возвышенія налога; что любой доходъ, предоставленный естественному вліянію развитія экономическихъ условій, не только переставалъ возростать, но по большей части немедленно падалъ, несмотря на то, что за эти 25 лѣтъ населеніе имперіи возросло съ 85 до 115 милліоновъ, т.-е. слишкомъ на цѣлую треть. Сдѣланный нами выводъ,—повторяемъ—подтвержденный рядомъ цифръ, относился не только къ періоду преобладанія бюджетныхъ дефицитовъ 1866—1887 годовъ, но и къ блестящей финансовой, въ то же время весьма удачной экономической порѣ трехлѣтія 1888—1890 годовъ [2]). Должно опасаться, что то же повторится и теперь.

Впрочемъ и самимъ министерствомъ финансовъ, вопреки мнѣнію, высказываемому министромъ, никакого естественнаго приращенія доходовъ въ 1894 году, судя по цифрамъ росписи, не ожидается. Какъ мы уже указали, предполагаемый доходъ 1894 г., по исключеніи изъ него доходовъ отъ казенныхъ дорогъ, несмотря на состоявшееся съ 1893 года значительное повышеніе размѣра налоговъ, ниже дѣйствительнаго дохода 1892 года на 3 мил. рублей. Положимъ, исчисленія росписи 1894 г. черезъ-чуръ скромны и являются результатомъ усвоеннаго министерствомъ финансовъ крайняго цифрового пессимизма, непонятнымъ образомъ совмѣщающагося съ еще болѣе крайнимъ оптимизмомъ (какъ будетъ показано) при оцѣнкѣ общаго финансоваго и экономическаго положенія Россіи. Но даже при самомъ поверхностномъ разборѣ доходныхъ исчисленій 1894 г. они окажутся значительно больше, и какъ разъ больше на столько, на сколько это зависитъ отъ послѣдовавшаго годъ тому назадъ повышенія налоговъ, при миновавшихъ недавно разразившихся надъ страною бѣдствій: голода и холеры. Обратимся къ этимъ исчисленіямъ.

Главною преобладающею статьею обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ все еще остается и долго еще будетъ оставаться питейный доходъ. Его исчислено 268 мил. р.,—менѣе сравнительно съ поступленіемъ 1892 года на милліонъ рублей. Столь скромное исчи-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, августъ 1892 г.: „Двадцатипятилѣтіе нашихъ бюджетовъ“.

[2]) Тамъ же, стр. 843—844.

сленіе, несмотря на состоявшееся съ 1893 года значительное возвышеніе налога, основано на томъ, что въ доходъ 1892 г. неправильно попали 15 м. р., и такимъ образомъ цифра росписи 1894 года превышаетъ этотъ доходъ на 14 м. р. Но если обратиться къ трехлѣтію, предшествовавшему 1891 году, то поступленіе питейнаго дохода оказывается въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ 1888 г.—265 м. р.; въ 1889 г.—275 м. р., и въ 1890 году—268½ м. р.; въ среднемъ, слѣдовательно, 269½ м. р., т.-е. на 1½ м. р. болѣе исчисленія 1894 года. Между тѣмъ съ конца 1892 года послѣдовало возвышеніе акциза на ¾ коп. съ градуса обыкновеннаго спирта, до 10 р. съ ведра безводнаго спирта; на 1 к.—съ градуса спирта, выкуриваемаго изъ виноградныхъ матеріаловъ и фруктовъ, и на 50% акциза—съ пива. По свѣденіямъ министерства финансовъ, среднее количество спирта, оплаченнаго акцизомъ въ пятилѣтіе 1888—1892 годовъ, было 25 мил. ведеръ слишкомъ, а потому увеличеніе акциза съ нихъ на 75 к. съ ведра должно доставить около 19 м. р.; увеличеніе акциза съ пива составитъ 2½ м. р. и съ фруктовыхъ водокъ—около полумилліона, итого 22 м. р. Съ прибавленіемъ ихъ къ выведенной выше средней цифрѣ 269½ м. р., вѣроятный питейный доходъ 1894 долженъ равняться по крайней мѣрѣ 292 м. р., т.-е. болѣе исчисленнаго по росписи на 24 мил. рублей. Замѣтимъ, что при этомъ исчисленіи не принятъ во вниманіе приростъ населенія, который за пять лѣтъ, съ средняго 1889 по 1894 г., долженъ составить 6 процентовъ слишкомъ,—а это, при равномъ душевомъ потребленіи спиртныхъ напитковъ, должно бы увеличить количество оплаченнаго акцизомъ спирта на 1½ мил. ведеръ (25 м. в. $\times$ 0.06 = 1.5 м. в.) и доставить доходъ въ 15 м. р.

Наконецъ, большему расходу спирта долженъ способствовать и хорошій урожай 1893 года, такъ что выведенная нами цифра скорѣе ниже, нежели выше той, на которую можно разсчитывать.

Таможенный доходъ опредѣленъ по росписи въ 129½ м. р., болѣе противъ росписи 1893 года (127 м. р.) [1]) на 2½ м. р. и менѣе, сравнительно съ поступленіемъ 1892 г. (130½ м. р.), на милліонъ рублей. Вслѣдствіе неяснаго положенія, въ которомъ въ послѣднее время находится наша внѣшняя торговля (во всеподданнѣйшемъ докладѣ это положеніе названо не совсѣмъ нормальнымъ), размѣръ будущаго таможеннаго дохода трудно предвидѣть. Позднѣйшія свѣденія таковы: за 9 мѣсяцевъ 1893 года таможеннаго дохода поступило около 120 м. р., почти на 21 мил. р. болѣе поступленія за тотъ же періодъ

[1]) По росписи 1893 г. тамож. доходъ исчисленъ въ 135 м. р., но такъ какъ при переложеніи золотыхъ рублей, въ которыхъ тамож. доходъ поступаетъ (около 80 м. р.), въ кредитные, для росписи 1893 г. былъ принятъ курсъ 1 р. 70 к. кред., а для росписи 1894 г. курсъ 1 р. 60 к., то мы эту цифру уменьшили на 8 м. р.

1892 года. Затѣмъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи 1894 г. цѣнность товаровъ, ввезенныхъ въ теченіе 11 мѣсяцевъ 1893 года, показана въ 388 м. р., болѣе привоза за тотъ же періодъ 1892 года на 46 м. р., и болѣе средней цифры привоза за пятилѣтіе почти на 50 мил. р. Часто, впрочемъ, бывало, что въ какой-либо годъ, вслѣдствіе истощенія запасовъ иностранныхъ товаровъ, привозъ быстро увеличивался, но затѣмъ, съ пополненіемъ запасовъ въ слѣдующемъ году, опускался до прежней цифры и даже ниже. Но едва ли это примѣнимо къ 1893 году, въ теченіе котораго велись переговоры о торговой конвенціи съ Австріей и Пруссіей, главными нашими поставщицами привозныхъ товаровъ. Въ виду возможности скораго пониженія нашего таможеннаго тарифа едва ли товары ввозились въ запасъ, помимо текущихъ требованій, особенно при ослабленіи нашего хлѣбнаго вывоза. Поэтому усиленный привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ въ 1893 г. слѣдуетъ съ большею вѣроятностью приписать усилившемуся на нихъ спросу вообще, и на пониженіе его въ 1894 г. нѣтъ причины разсчитывать. Курсъ нашего кредитнаго рубля, повысившійся не только противъ 1892, но и противъ 1893 года, невыгодный для нашего вывоза, способствуетъ усиленію привоза. Изъ этого легко заключить, что таможенный доходъ едва ли упадетъ въ 1894 г. сравнительно съ 1893. Если считать даже приращеніе противъ 1892 г. въ половину, въ 11 м. р., то онъ составитъ 141 м. р.,—болѣе исчисленнаго на 11 м. р., что̀ съ выведеннымъ выше избыткомъ питейнаго дохода составляетъ превышеніе росписи на 35 м. рублей.

Увеличеніе противъ росписи должно послѣдовать по выкупнымъ платежамъ (съ бывшихъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ). Выкупныхъ платежей исчислено по росписи 82 м. р., болѣе противъ росписи 1893 г. на 5 м. р., и настолько же болѣе противъ поступленія 1892 года. Но уже за 9 мѣсяцевъ 1893 г. ихъ поступило болѣе противъ полученнаго за тотъ же періодъ 1892 года почти на $7^1/_2$ м. р. Можно ожидать приблизительно такого же избытка поступленій и за вторую половину года, положимъ даже меньше, а въ общемъ—всего на 10 м. р. Если предположить такое же поступленіе и въ 1894 г., то оно превыситъ исчисленіе росписи на 5 мил. р.

Судя по доходамъ 1892 года и за 9 мѣсяцевъ 1893 г., можно ожидать превышенія противъ росписи также въ прямыхъ доходахъ, въ акцизѣ съ табака и нефти. Вообще съ значительною долею вѣроятности можно было бы исчислить итогъ обыкновенныхъ доходовъ 1894 г., при среднихъ экономическихъ условіяхъ страны, въ 1.050 мил. рублей, т.-е. болѣе росписи на 46 мил. рублей.

Обыкновенные расходы по росписи 1894 г. исчислены въ размѣрѣ 981 м. р., болѣе росписи 1893 г. ($947^1/_2$ м. р.) на $33^1/_2$ м. р. и болѣе

произведенныхъ обыкновенныхъ расходовъ 1892 года (910½ м. р.) на 70½ м. р.

Относительно послѣднихъ главное увеличеніе на 23 м. р. оказывается по министерству путей сообщенія. Изъ нихъ 18 м. р. на увеличеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, преимущественно вслѣдствіе расширенія казенной желѣзно-дорожной сѣти, и 2 м. р. съ небольшимъ на операціонные расходы по водянымъ и шоссейнымъ сообщеніямъ. По министерству финансовъ расходы увеличились на 10 м. р.; изъ нихъ 1½ м. р. на устройство всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, 3 м. р. съ небольшимъ для введенія казенной продажи вина въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, и нѣсколько болѣе милліона рублей на преобразованіе и расширеніе таможеннаго надзора. Затѣмъ, расходы увеличиваются на 7 м. р. по системѣ государственнаго кредита, на 5½ м. р. по военному министерству, и на меньшія суммы по всѣмъ остальнымъ вѣдомствамъ. Въ счетъ 981 мил. рублей входятъ 1½ м. р., назначенные на покрытіе расходовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ, и 10 м. р. на расходы на экстренныя надобности, не предусмотрѣнныя смѣтами.

Въ прежнее время дополнительные сверхсмѣтные расходы, отпускавшіеся въ теченіе года и доходившіе нерѣдко до двухъ, трехъ и болѣе десятковъ милліоновъ рублей, значительно нарушали предположеніе обыкновенной расходной росписи. Но въ послѣднія десять лѣтъ самая традиція сверхсмѣтныхъ расходовъ, считавшихся коренной причиной бюджетныхъ дефицитовъ, утратилась — и дополнительные расходы не выходятъ, за рѣдкими и незначительными исключеніями, изъ предѣловъ назначенной для нихъ суммы. Поэтому сумму, исчисленную по расходной росписи, 981 м. р., можно считать предѣльною для предстоящихъ въ 1894 году обыкновенныхъ расходовъ. По сопоставленіи этой суммы съ размѣромъ исчисленныхъ даже доходовъ (1.050 м. р.), слѣдуетъ ожидать, что избытокъ доходовъ надъ расходами по исполненію росписи 1894 года окажется *не менѣе 69 милліоновъ рублей*, вмѣсто исчисленныхъ по росписи 23 мил. рублей.

При этомъ не приняты въ разсчетъ и оставлены въ запасѣ: 1) закрываемые за ненадобностью, по истеченіи смѣтнаго года, кредиты, и 2) причисляемые къ доходамъ остатки отъ заключенныхъ въ этомъ году смѣтъ прежняго времени. Первыхъ въ трехлѣтіе 1889—1891 гг. было въ средней суммѣ 16 м. р. въ годъ, но за 1892 годъ они не превышали 3½ мил. рублей. Средняя цифра вторыхъ за послѣднее трехлѣтіе 1890—1892 года, совпадающая съ цифрою остатковъ 1892 г., была 6 м. р. Такимъ образомъ, въ запасѣ остается еще 10 милліоновъ рублей.

Переходимъ къ росписи *чрезвычайныхъ* доходовъ и расходовъ.

Какъ показано выше, чрезвычайныя поступленія исчислены въ размѣрѣ около 20 мил. р., а чрезвычайные расходы въ суммѣ около 102½ м. р., елѣдовательно съ недоборомъ въ 82½ м. р., которые предполагалось покрыть, во-первыхъ, избыткомъ доходовъ обыкновеннаго бюджета, а во-вторыхъ, изъ суммъ, полученныхъ прежнимъ займомъ, т.-е. вообще изъ суммъ свободной наличности государственнаго казначейства.

Роспись наша, какъ извѣстно, распредѣляется на два бюджета: *обыкновенный* и *чрезвычайный*. Мы не разъ указывали на недостаточное, по нашему мнѣнію, распредѣленіе этихъ бюджетовъ, особенно въ расходахъ. Повидимому, это не имѣетъ особеннаго значенія: если денегъ много, по какимъ ящикамъ ихъ ни раскладывай и изъ какихъ ни расходуй, онѣ все-таки останутся; наоборотъ, если ихъ недостаетъ,—придется опорожнить всѣ ящики и затѣмъ для пополненія недостающаго прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ. Но это не имѣетъ значенія только повидимому. Прежде всего это важно для бюджетнаго счета, т.-е. для опредѣленія отношенія постоянно періодически (ежегодно) получаемыхъ казною средствъ—къ стоимости удовлетворенія постоянныхъ текущихъ государственныхъ потребностей, что́ и должно вполнѣ выражаться въ обыкновенномъ бюджетѣ, балансъ котораго служитъ указателемъ большей или меньшей удовлетворительности положенія государственнаго хозяйства,—положенія, не остающагося безъ вліянія какъ на внутреннія финансовыя мѣропріятія (напримѣръ, крайнюю бережливость въ расходахъ или изысканіе новыхъ доходныхъ источниковъ), такъ и на заграничный кредитъ государства.

Затѣмъ, недостаточно точное отдѣленіе чрезвычайнаго бюджета отъ обыкновеннаго ведетъ къ тому, что чрезвычайные расходы ложатся (по программѣ бывшаго министра финансовъ) цѣликомъ на плечи текущихъ государственныхъ средствъ, что̀ можетъ вести, и вело, несмотря на вполнѣ удовлетворительное отношеніе текущихъ средствъ къ необходимымъ текущимъ потребностямъ,—къ повышенію налоговъ. Возможность того же и въ будущемъ указывается приведенными выше строками изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ.

Для болѣе яснаго представленія объ отношеніи обыкновеннаго бюджета къ чрезвычайному приведемъ данныя относительно того и другого за послѣднія пять отчетныхъ лѣтъ, 1888—1892 гг., составляющихъ вообще періодъ наиболѣе удачнаго исполненія государственныхъ росписей.

Свободная наличность государственнаго казначейства къ 1-му января 1888 года значилась въ размѣрѣ 146 мил. рублей.

Обороты росписей, по исключеніи какъ изъ доходовъ, такъ и расходовъ всѣхъ кредитныхъ операцій (займовъ и уплатъ по займамъ), были такіе:

Года:	Обыкновенные доходы:	Обыкновенные расходы:	Чрезвычайные поступленія:	Чрезвычайные расходы:
	въ тысячахъ рублей			
1888	900.829	840.419	10.609	36.848
1889	944.381	857.881	25.810	36.958
1890	950.819	877.779	38.134	65.716
1891	895.781½	875.349	38.888	145.987
1892	976.332	910.684	11.585	175.622
Итого. .	4.668.142½	4.362.112	125.026	461.131
	избытокъ доходовъ 305 мил. р.		недоборъ 336 мил. р.	

Изъ 461 мил. р. чрезвычайныхъ расходовъ издержано: на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 198 мил. р. (въ томъ числѣ на сооруженіе портовъ около 30 мил. р.); на перевооруженіе 63½ м. р., на помощь населенію по случаю неурожая 162½ м. р. (всего 424 м. р.; 37 м. р. издержано на разныя другія надобности).

Свободная наличность къ 1-му января 1893 года составляла 92 милліона рублей.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что излишекъ чрезвычайныхъ расходовъ за 5 лѣтъ почти цѣликомъ покрытъ избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ, несмотря на необычайно большія затраты, въ 1891 и 1892 годахъ, на помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая. Но при такомъ условіи трудно найти основаніе къ выдѣленію въ росписи чрезвычайнаго бюджета. Какъ поступленія, относимыя нынѣ въ *чрезвычайное* подраздѣленіе росписи, такъ и расходы—если не считается необходимымъ удовлетвореніе ихъ на счетъ особыхъ чрезвычайныхъ источниковъ,—легко могли бы найти мѣсто въ общей, *обыкновенной* росписи, хотя бы въ рубрикѣ случайныхъ доходовъ и расходовъ. Удобствомъ явилась бы цѣлостность росписи, — то, что нынѣшніе чрезвычайные расходы разсматривались бы въ связи съ другими смѣтными подраздѣленіями, и что, при обсужденіи ихъ, съ большею опредѣленностью принимались бы въ соображеніе платежные источники. Но если два бюджета существуютъ, то должно тщательно выдѣлять составныя части каждаго изъ нихъ, относя въ чрезвычайный бюджетъ расходы, имѣющіе дѣйствительно исключительный характеръ. При этомъ, учрежденіямъ, обсуждающимъ государственный

бюджетъ, подлежало бы указаніе, изъ какого источника должны быть удовлетворены эти исключительные расходы.

Не далѣе, какъ семь лѣтъ тому назадъ, окончился періодъ сплошныхъ дефицитовъ по исполненію обыкновенной государственной росписи, не говоря о чрезвычайной. Дефициты за 1885 и 1886 годъ составили 90 м. р. слишкомъ, среднимъ числомъ болѣе 45 м. р. въ годъ. Годъ 1887 былъ переходнымъ и мы его не принимаемъ въ разсчетъ. Затѣмъ въ пятилѣтній періодъ 1888—1892 годовъ не только былъ покрытъ этотъ дефицитъ, но и еще оказался избытокъ доходовъ въ размѣрѣ 306 м. р. въ теченіе пяти лѣтъ, т.-е. 61 м. р. въ годъ; вмѣстѣ съ указаннымъ выше устраненіемъ дефицита это составитъ уже сумму въ 106 м. р., не говоря объ удовлетвореніи выросшихъ государственныхъ потребностей, выразившемся въ приращеніи государственныхъ расходовъ въ 1892 году, сравнительно съ средней цифрой 1885 и 1886 года, въ размѣрѣ 40 мил. рублей.

Если сравнить экономическое положеніе страны до 1887 года и послѣ него, то, особенно въ виду 1891 и 1892 гг., должно отдать преимущество раннему періоду предъ позднѣйшимъ. Такимъ образомъ, увеличеніе средствъ государственнаго казначейства, значительно свыше 100 мил. р. въ годъ, было результатомъ не *естественнаго* возростанія доходовъ, на какое министръ финансовъ разсчитываетъ для 1894 года, а постояннаго возвышенія размѣровъ обложенія. Идти по этому пути далѣе едва-ли возможно. Платежныя силы страны не только напряжены, но истощены и при дальнѣйшемъ напряженіи онѣ могутъ быть надорваны. Удовлетвореніе потребностей обыкновеннаго бюджета, благодаря высокому размѣру налоговъ, какъ мы высказывали это пять лѣтъ тому назадъ, обезпечено на многіе годы, но возлагать на текущіе государственные доходы тяжесть капитальныхъ чрезвычайныхъ расходовъ невозможно [1]).

Тѣмъ не менѣе въ чрезвычайныхъ расходахъ необходимо разобраться. Расходы на перевооруженіе составляютъ несомнѣнно часть не чрезвычайнаго, а обыкновеннаго государственнаго бюджета, подобно сооруженію крѣпостей и т. п. По обыкновенной смѣтѣ военнаго министерства на это и отпускается опредѣленная сумма. Въ виду открытыхъ новыхъ усовершенствованныхъ способовъ разрушенія и истребленія противной силы она оказалась недостаточной; ее нужно было увеличить (въ 1892 году, напримѣръ, въ $4^1/_2$ раза), но это не

---

[1]) Въ одномъ изъ періодическихъ изданій („С.-Петербургскія Вѣдомости“, 14-го января), совершенно основательно указывается на необходимость общаго пересмотра всего нашего бюджета, какъ на вопросъ первостепенной важности.

измѣняетъ характера расхода. Переносить этотъ расходъ въ чрезвычайный бюджетъ нѣтъ, повидимому, никакого основанія. Правда, съ перепосомъ 34.700.000 р., исчисленныхъ на перевооруженіе въ 1894 году въ обыкновенную роспись,—двадцати-трехъ-милліонный избытокъ доходовъ этой росписи обратился бы въ весьма очевидный для всѣхъ и каждаго дефицитъ (въ 12 м. р.). Но едва ли такія соображенія могли руководить министерствомъ; притомъ стоило посчитать ожидаемые доходы вѣрнѣе, и за внесеніемъ въ обыкновенную роспись этихъ 35 мил. руб. въ ней все-таки, какъ мы показали, не было бы дефицита. Точно также нѣтъ, повидимому, основанія относить въ чрезвычайный бюджетъ расходы на устройство портовъ, отпускаемые въ теченіе десятковъ лѣтъ приблизительно въ одинаковомъ размѣрѣ 5—7 милліоновъ рублей,—за исключеніемъ, впрочемъ, такихъ дѣйствительно чрезвычайныхъ расходовъ, какъ произведенные въ 1892 году, въ размѣрѣ 3.860.000 р., расходы на устройство Либавскаго порта и дока во Владивостокѣ.

Огромный расходъ въ $162^1/_2$ м. р. на помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, несомнѣнно есть расходъ чрезвычайный, но онъ не совсѣмъ легко поддается смѣтной классификаціи. Лишь относительно небольшая доля расхода произведена безвозвратно—въ видѣ стоимости общественныхъ работъ и пр.; сумма же свыше 150 мил. р. истрачена на помощь въ порядкѣ выдачи ссудъ изъ числящагося въ ряду „спеціальныхъ средствъ“ общаго по имперіи продовольственнаго капитала, за которымъ въ той же суммѣ почисленъ долгъ государственному казначейству. Возвратъ бо́льшей части этихъ ссудъ весьма сомнителенъ и во всякомъ случаѣ весьма далекъ, но расходъ произведенъ—и всего справедливѣе долженъ былъ упасть (какъ это и сдѣлалось) на свободную къ 1891 году наличность государственнаго казначейства, образовавшуюся въ размѣрѣ 219 м. р., изъ избытка доходовъ по исполненію росписей предшествующихъ лѣтъ. Но еслибы къ данному времени этихъ средствъ на-лицо не оказалось, то едва-ли было бы умѣстно искать источникъ такого расхода или его возмѣщенія въ усиленіи налоговъ. Это значило бы отбирать лѣвою рукою то, что́ дано правою, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію бывшаго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго [1]), недородъ 1891 года отразился не только на производителяхъ хлѣба въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, но имѣетъ самыя разнообразныя экономическія послѣдствія; а потому оказывается не только труднымъ, но даже невозможнымъ установить такіе новые источники, которые коснулись бы исклю-

[1]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1893 годъ.

чительно, или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшею своею долею, только той части населенія, благосостояніе которой не пострадало.

То же значеніе имѣло бы и предварительное взиманіе съ населенія лишнихъ налоговъ въ видѣ страхованія, съ цѣлью помочь ими ему же въ дни невзгоды [1]). Извлеченіе у народа средствъ, которыя, при производительномъ ихъ употребленіи, могутъ отстранить или, по крайней мѣрѣ, умѣрить невзгоду, не совсѣмъ разсчетливо. Такого рода расходы могутъ удовлетворяться на счетъ свободныхъ средствъ государственнаго казначейства, если они есть, но если ихъ нѣтъ, то лишь исподволь, въ видѣ процентовъ и погашенія, они должны быть погашаемы на счетъ текущихъ источниковъ.

То же примѣняется и къ производительнымъ расходамъ, къ которымъ въ настоящее время относится главнымъ образомъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на которое въ теченіе указаннаго выше пятилѣтія израсходовано до 170 м. р. и назначено по росписи 1893 года 62 м. р., а по росписи 1894 года 65 м. р.

Расходы этой статьи чрезвычайно разнообразны. Въ нее входитъ постройка казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а равно ихъ улучшеніе и усиленіе; выкупъ въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ; изготовленіе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей; улучшеніе и усиленіе *съ стратегическою и коммерческою* цѣлями частныхъ желѣзныхъ дорогъ и устройство на нихъ вторыхъ путей; ссуды частнымъ желѣзнымъ дорогамъ; содержаніе строительнаго контроля и пр., и пр. Особенность указанныхъ расходовъ еще та, что кредиты на ихъ производство по большей части вносятся въ роспись *условно*, т.-е. какъ бы составляютъ лишь примѣрное исчисленіе; для дѣйствительнаго же отпуска суммъ требуется по каждому расходу отдѣльно вторичное разрѣшеніе Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта.

Приведенный нами далеко не полный перечень рубрикъ по чрезвычайнымъ расходамъ на желѣзныя дороги показываетъ и разный характеръ, и разную цѣль ихъ, отъ чего зависитъ и источникъ ихъ удовлетворенія. Расходы, удовлетворяющіе временной текущей потребности (напримѣръ, нѣкоторыя работы, производимыя съ стратегической цѣлью, изготовленіе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей на надобности даннаго времени, при существующихъ условіяхъ, содержаніе строительнаго контроля), должны быть производимы изъ средствъ текущей росписи. Расходы же, имѣющіе цѣлью усилить доходность той или другой дороги, должны быть производимы за

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ о росписи на 1893 годъ, см. „Вѣстникъ Европы“, февраль 1893 г., стр. 876.

счетъ будущихъ доходовъ дороги и ни въ какомъ случаѣ не вызывать въ пользу такихъ тратъ какое-либо новое обложеніе.

Подводя итогъ сказанному, относительно цифровыхъ разсчетовъ росписи 1894 года, можно остановиться на слѣдующемъ: предусматриваемаго нами выше избытка обыкновенныхъ доходовъ будетъ совершенно достаточно для покрытія тѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ, которые, по нашему мнѣнію, составляютъ собственно принадлежность обыкновеннаго бюджета, и даже, быть можетъ, съ присоединеніемъ къ нему ожидаемыхъ чрезвычайныхъ поступленій, и всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ,—разумѣется, при условіи средняго экономическаго года. Но такой результатъ оказался бы слѣдствіемъ не естественнаго экономическаго развитія страны, а исключительно результатомъ возвышенія налоговъ, которое, не говоря о прежнемъ времени, безпрерывно и въ усиленномъ размѣрѣ продолжается въ теченіе восьми лѣтъ. Не только экономическое развитіе, а даже такой неотразимый, повидимому, фактъ, какъ приростъ населенія, не оказалъ на приращеніе доходовъ ни малѣйшаго вліянія. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ послѣдовательно цифры поступленія за послѣдніе годы косвенныхъ налоговъ и сравнить ихъ съ размѣромъ повышавшагося обложенія. Мы объ этомъ нѣсколько разъ говорили весьма подробно, и повторять не будемъ. Ограничимся однимъ указаніемъ: въ 1883 году акциза съ вина, при размѣрѣ акциза въ 8 р. съ ведра безводнаго спирта, поступило $225^1/_2$ м. руб., что̀ соотвѣтствуетъ слишкомъ 28 милліонамъ ведеръ спирта. На 1884 годъ этотъ акцизъ, при его десятирублевомъ размѣрѣ съ ведра, исчисленъ по росписи въ 240 м. р. вмѣсто 280 м. р.; положимъ, исчисленіе слишкомъ умѣренно и должно быть увеличено до 250 м. р., но отъ этого далеко до 280 м. р. Между тѣмъ при такомъ исчисленіи не принятъ во вниманіе приростъ населенія, который за 10 лѣтъ составляетъ около 15%, и, слѣдовательно, онъ одинъ долженъ былъ бы увеличить потребленіе спирта на 40 мил. ведеръ, т.-е. акцизъ слѣдуетъ довести въ 1894 г. до 320 м. р., не считая другихъ питейныхъ обложеній. Сходное движеніе сборовъ, или, вѣрнѣе, ихъ неподвижность, сказывается, хотя въ меньшей мѣрѣ, и по другимъ косвеннымъ налогамъ.

Въ одномъ мѣстѣ всеподданнѣйшаго доклада выражается мысль, что „успѣшное поступленіе доходовъ, вслѣдъ за временнымъ сокращеніемъ ихъ подъ вліяніемъ неурожая 1891 года, являясь несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что финансовое благосостояніе Россіи, далекое отъ какого-либо ослабленія, крѣпнетъ и могучими шагами двигается по пути развитія“.

Въ виду приведенныхъ нами соображеній и разсчетовъ, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ другихъ недавнихъ, касавшихся нашихъ финансовъ, въ виду повторяющихся, и въ печати, и въ обществѣ, жалобъ на безденежье, на худо оплачиваемый трудъ, а иногда и на недостатокъ труда, въ виду огромныхъ недоимокъ по окладнымъ сборамъ, доходившихъ въ 1893 году почти до размѣра оклада, и которые съ долгомъ продовольственному капиталу (свыше 150 м. р.) составляютъ ровно двойной годовой окадъ, и о сколько-нибудь благопріятномъ поступленіи которыхъ въ теченіе 1893 года во всеподданнѣйшемъ докладѣ не упоминается,—позволительно нѣсколько усомниться въ слишкомъ замѣтномъ движеніи населенія по пути экономическаго развитія.

Для оцѣнки степени этого развитія, а равно и для оцѣнки вліянія, оказываемаго повышеніемъ налоговъ, рѣшаемся привести примѣръ, касающійся весьма второстепеннаго налога—нефтяного, установленнаго въ размѣрѣ 40 и 30 к. съ пуда съ 1888 года и признававшагося министерствомъ финансовъ однимъ изъ самыхъ необременительныхъ. Съ 1-го ноября 1893 года налогъ этотъ былъ повышенъ до 60 и 50 коп., т.-е. немногимъ больше чѣмъ въ полтора раза всего на полкопѣйки съ фунта, вслѣдствіе чего въ роспись 1893 года онъ былъ внесенъ въ размѣрѣ 16 м. р., хотя по поступленію 1892 года (12.929.000 р.) его слѣдовало ожидать 19 м. р. Въ докладѣ о росписи 1894 г. читаемъ: „по нефтяному доходу предположено уменьшеніе на 991.000 р., въ виду того, что акцизъ съ освѣтительныхъ маслъ былъ увеличенъ съ 1893 г.; всякое же увеличеніе акциза естественно вызываетъ въ первое время нѣкоторое сокращеніе въ потребленіи обложеннаго продукта, что̀ и проявляется въ поступленіяхъ нефтяного дохода въ 1893 году“. Это уменьшеніе было достаточно основательно, такъ какъ за 6 мѣсяцевъ 1892 года поступило акциза 6.300.000 р., а за 6 мѣсяцевъ 1893 года 7.440.000 р.—увеличеніе всего на 15%, вмѣсто 50%; за 9 мѣсяцевъ 1892 г.—$8^1/_2$ м. р., а за 9 мѣс. 1893 г.—$10^1/_2$ м. р., болѣе на 2 м. р., т.-е. на 24 процента. Такимъ образомъ, казна съ увеличеніемъ налога, вмѣсто соотвѣтствующихъ увеличенію $6^1/_2$ м. р., пріобрѣтаетъ (по крайней мѣрѣ на первое время) не болѣе 3 м. р., а населеніе платится всѣми шестью—или уплатой ихъ, или стоющими, быть можетъ, еще дороже лишеніями, сопряженными съ недостаточностью такого общеупотребительнаго продукта, какъ керосинъ. По нашему мнѣнію, этотъ примѣръ служитъ наглядымъ доказательствомъ низкой степени народнаго благосостоянія, заставляющей вслѣдствіе даже незначительнаго увеличенія налога ограничивать потребленіе освѣтительнаго матеріала, особенно необходимаго въ любой лачугѣ при нашихъ сѣверныхъ но-

чахъ, длящихся зимою по цѣлымъ суткамъ. Съ другой—онъ доказываетъ, какъ налогъ, повидимому ничтожный, все-таки весьма тяжело упадаетъ на населеніе.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ кстати еще одинъ вопросъ: въ виду чувствительности, обнаруженной населеніемъ къ увеличенію нефтяного налога, не было ли бы разсчетливѣе, въ пользахъ и населенія, и самого государственнаго казначейства, отказаться отъ такого увеличенія, благо квартирный налогъ, не представляющій, по удостовѣренію министерства финансовъ, финансоваго значенія, могъ возмѣстить потерянное на нефти? По нашему мнѣнію, такое вниманіе къ отношенію населенія къ тому или другому налогу составляло бы вмѣстѣ и доказательство выгодности самой финансовой политики.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1894 г.

Министерство юстиціи при Н. А. Манассеинѣ.— Рѣчь новаго управляющаго министерствомъ юстиціи.— Элементы судебный и судебно-административный въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г.— Административныя распоряженія въ Одессѣ, С.-Петербургѣ и Эстляндіи.

Главнымъ событіемъ минувшаго мѣсяца была перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи. Говоря, восемь лѣтъ тому назадъ [1]), о назначеніи Н. А. Манассеина на мѣсто Д. Н. Набокова, мы замѣтили, что исторія судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. можетъ быть раздѣлена на столько періодовъ, сколько было съ тѣхъ поръ министровъ юстиціи (не считая кн. Урусова, управленіе котораго продолжалось менѣе полугода и прошло безслѣдно). Д. Н. Замятнинъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Н. И. Стояновскимъ, стремился къ осуществленію судебныхъ уставовъ въ томъ смыслѣ и томъ объемѣ, въ какомъ они были задуманы и написаны. Управленіе гр. К. И. Палена (1867 —78) представляло собою рядъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ, отчасти фактическихъ, отчасти формальныхъ, т.-е. сопряженныхъ съ измѣненіемъ самаго текста закона. Многое въ судебныхъ уставахъ сохранило силу не благодаря министру юстиціи, а помимо его воли или даже вопреки его желанію, вслѣдствіе общаго характера эпохи, болѣе склонной къ застою, чѣмъ къ регрессу. При Д. Н. Набоковѣ (1878—85) наступила другая, противоположная комбинація обстоятельствъ. Походъ противъ судебныхъ уставовъ шелъ извнѣ, встрѣчая со стороны министра юстиціи если не твердый отпоръ, то, по крайней мѣрѣ, сдерживающее, умѣряющее воздѣйствіе. Министерство, въ затруднительныхъ случаяхъ, поступало такъ, какъ капитанъ корабля во время сильной бури: оно выбрасывало за бортъ часть груза, чтобы спасти остальное. Когда

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 12 „В. Европы“ за 1885 г.

Д. Н. Набоковъ сложилъ съ себя званіе министра юстиціи, судебные уставы были уже далеко не тѣмъ, чѣмъ они вышли изъ рукъ своихъ составителей: кругъ дѣйствій суда присяжныхъ былъ нѣсколько съуженъ (закономъ 9-го мая 1878 г.); принципъ несмѣняемости судей существенно ограниченъ (закономъ 20-го мая 1885 г.), слѣдственная часть поставлена неправильно (вслѣдствіе неутвержденія большинства судебныхъ слѣдователей); адвокатура во многихъ судебныхъ округахъ лишена самоуправленія (распоряженіе 5-го декабря 1874 г.). Многіе изъ устоевъ судебной реформы оставались, однако, неприкосновенными или только слегка поколебленными. Судебная власть была по прежнему отдѣлена отъ административной; мировой судъ, выборный во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, продолжалъ быть составною частью судебной корпораціи; сословные представители только въ рѣдкихъ случаяхъ замѣняли собою присяжныхъ засѣдателей; гласность процесса, по крайней мѣрѣ при нормальномъ положеніи вещей, подвергалась только тѣмъ ограниченіямъ, которыя были установлены судебными уставами; пополненіе состава присяжной адвокатуры зависѣло только отъ совѣта или отъ суда, а не отъ судебной администраціи; въ мѣстностяхъ, вновь присоединяемыхъ къ географической области дѣйствій судебныхъ уставовъ, они были вводимы по возможности всецѣло, безъ существенныхъ измѣненій.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь, по окончаніи четвертаго періода въ исторіи судебныхъ уставовъ. Въ Европейской Россіи, за исключеніемъ окраинъ, судебная власть—по такъ называемымъ маловажнымъ дѣламъ, въ совокупности своей имѣющимъ, безспорно, громадную важность—опять соединена съ административной, въ бо̀льшей даже степени, чѣмъ въ до-реформенное время. Выборный мировой судъ уцѣлѣлъ только въ немногихъ большихъ городахъ. Масса судебныхъ дѣлъ разсматривается, въ апелляціонномъ и кассаціонномъ порядкѣ, въ присутствіяхъ, гдѣ судебный элементъ составляетъ меньшинство, часто незначительное. Обязанности верховнаго кассаціоннаго суда перешли, по дѣламъ этой категоріи, къ тридцати губернскимъ присутствіямъ и къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Суду съ сословными представителями, замѣняющему собою судъ присяжныхъ, подвѣдомственны, въ силу закона 7-го іюля 1889 г., многочисленныя категоріи дѣлъ, какъ изъ числа тѣхъ, которыя, съ извѣстной точки зрѣнія, требуютъ усиленной репрессіи (преступленія противъ порядка управленія и противъ должностныхъ лицъ—при исполненіи или по поводу исполненія ими обязанностей службы, а также двоеженство или двоемужство), такъ и изъ числа тѣхъ, которыя признаются особенно сложными или трудными (преступленія по службѣ государственной и общественной, преступленія служащихъ въ обще-

ственныхъ и частныхъ банкахъ, желѣзно-дорожныя преступленія). Гласность процесса подверглась самымъ существеннымъ ограниченіямъ (законъ 12-го февраля 1887 г.); публичность разбирательства можетъ быть устранена, вполнѣ или отчасти, не только тогда, когда она оскорбила бы религіозное чувство или нарушила бы требованія нравственности, но и *въ видахъ огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій* — и устранена, притомъ, не только постановленіемъ суда, но и распоряженіемъ министра юстиціи, основаннымъ на дошедшихъ до него свѣденіяхъ. Принятіе евреевъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ поставлено въ зависимость отъ согласія министра юстиціи (врем. правила 8-го ноября 1889 г.), которое въ теченіе четырехъ лѣтъ не было, кажется, дано ни разу. Въ остзейскихъ губерніяхъ судебные уставы введены въ дѣйствіе съ одной, въ высшей степени важной урѣзкой—безъ суда присяжныхъ, безпрепятственно дѣйствующаго въ смежномъ съ ними сѣверо-западномъ краѣ. Когда въ 1880 г. рѣшено было примѣнить къ остзейскому краю судебно-мировыя учрежденія, мѣстнымъ языкамъ—нѣмецкому, эстонскому и латышскому—предоставлялось полное равенство съ русскимъ. Закономъ 1889 г. русскій языкъ, за самыми немногими исключеніями, признанъ безусловно-обязательнымъ какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ; даже въ судахъ волостныхъ и верхнихъ крестьянскихъ употребленіе мѣстнаго языка эстонскаго, латышскаго или шведскаго), если на немъ говоритъ большинство мѣстнаго населенія, допущено только временно. По закону 28-го мая 1880 г. (оставшемуся безъ исполненія) мировые судьи въ остзейскомъ краѣ предполагались выборные; законъ 1889 г. дѣлаетъ ихъ чиновниками министерства юстиціи, не требуя отъ нихъ высшаго образованія, ни спеціальнаго, ни даже общаго. При введеніи мировыхъ судей въ архангельской губерніи (законъ 12-го декабря 1888 г.) допущены существенныя отступленія отъ обычнаго типа судебно-мировыхъ учрежденій, даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ осуществленъ на западныхъ окраинахъ Россіи (второй инстанціей служитъ не мировой съѣздъ, а палата гражданскаго и уголовнаго суда; на мировыхъ судей возложено производство предварительныхъ слѣдствій; право просить объ отмѣнѣ, въ кассаціонномъ порядкѣ, рѣшеній мировыхъ судей и палаты ограничено тѣсными предѣлами; мировые судьи предаются суду не сенатомъ, а консультаціей, при министерствѣ юстиціи учрежденной, съ утвержденія министра юстиціи). Необходимо замѣтить, что этотъ законъ былъ обнародованъ, а законъ о введеніи судебной реформы въ остзейскомъ краѣ—составленъ въ то время, когда еще

не было рѣчи объ упраздненіи выборнаго мирового суда въ земскихъ губерніяхъ Россіи; перемѣны, внесенныя обоими законами въ устройство судебно-мировыхъ учрежденій, нельзя, слѣдовательно, объяснять стремленіемъ къ единообразію между окраинами и центромъ. Коренной переворотъ, совершенный законоположеніями 12-го іюля 1889 г., зависѣлъ, конечно, не отъ министра юстиціи (сколько намъ извѣстно, онъ сначала возражалъ противъ него и только въ послѣднемъ фазисѣ дѣла перешелъ на сторону министерства внутреннихъ дѣлъ); но въ законопроектахъ, иниціатива и редакція которыхъ принадлежала самому министерству юстиціи, нетрудно замѣтить черты, родственныя новому теченію въ административныхъ сферахъ. Исторія покажетъ, какъ относилось министерство юстиціи къ другому характеристичному явленію послѣдняго времени—къ признанію наказуемости такихъ дѣйствій, которыя, вообще говоря, не считаются проступками и влекутъ за собою уголовную кару только тогда, когда совершены лицами извѣстнаго сословія или общественнаго положенія (нарушеніе договора сельскими или фабричными рабочими—законы 3-го и 12-го іюня 1886 г.; пьянство и мотовство—временныя правила 12-го іюля 1889 г. о волостномъ судѣ). Она покажетъ, также, какъ оно относилось къ столь многочисленнымъ, въ послѣднее время, случаямъ внѣ-законной административной расправы, часто соединяющимъ въ себѣ всѣ признаки превышенія власти. Разборъ гражданскихъ дѣлъ не въ общеустановленномъ порядкѣ и разрѣшеніе ихъ не на основаніи общихъ узаконеній министерство юстиціи, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, намѣревалось возвести въ систему; проектъ, составленный въ этомъ смыслѣ, разсматривается особою коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго. Въ томъ же проектѣ намѣчено другое, существенно важное отступленіе отъ судебныхъ уставовъ. На основаніи ст. 818 уст. угол. судопр., если судъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, дѣло передается, для новаго разсмотрѣнія, другому составу присяжныхъ: министерство юстиціи предполагало допустить примѣненіе этого правила и при единогласномъ признаніи судомъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ оправданъ виновный. Громадное различіе между обѣими категоріями случаевъ бросается въ глаза и едва ли требуетъ доказательствъ.

Изъ числа важнѣйшихъ задачъ, стоящихъ на очереди въ судебномъ мірѣ, министерство юстиціи, въ продолженіе только-что окончившагося періода своей дѣятельности, разрѣшило весьма немногія и бо́льшею частью второстепенныя (законы о заочномъ разбирательствѣ, объ упрощенномъ судопроизводствѣ, объ отмѣнѣ обряда заявленія неудовольствія на уголовные приговоры, о предоставленіи

присяжнымъ права участія въ постановкѣ вопросовъ). Недостатки слѣдственной части, давно всѣми сознанные, остаются неустраненными; для упрощенія и удешевленія гражданскаго процесса сдѣлано слишкомъ мало; судебные уставы 1864 г., даже въ своемъ новомъ, столь сильно измѣненномъ видѣ, все еще, тридцать лѣтъ спустя послѣ ихъ обнародованія, введены не повсемѣстно; помощники присяжныхъ повѣренныхъ все еще не составляютъ правильно организованной корпораціи; не изданъ до сихъ поръ общій наказъ судебнымъ мѣстамъ. Въ средѣ магистратуры не замѣтно того оживленія, того подъема духа, той безграничной преданности дѣлу, которыми она отличалась въ лучшую эпоху исторіи новаго суда. Выработываются новые типы—напр. „обрывающаго“ предсѣдателя, черезъ-чуръ усерднаго прокурора,—имѣющіе мало общаго съ духомъ судебной реформы; создаются цѣлыя категоріи небывалыхъ прежде процессовъ (напр., такъ называемыя „пасторскія дѣла“ въ остзейскомъ краѣ).

Такова обстановка, при которой начинается дѣятельность новаго министра юстиціи. Многіе органы нашей печати, въ послѣднее время чрезвычайно склонные къ оптимизму — особенно когда идетъ рѣчь о новыхъ административныхъ дѣятеляхъ, — встрѣтили назначеніе Н. В. Муравьева самыми розовыми надеждами, основанными на его близкомъ, непосредственномъ знакомствѣ со всѣми сторонами судебной службы. Конечно, личный опытъ, теоретическія знанія, повѣренныя на практикѣ—очень важное условіе для государственной дѣятельности; но все зависитъ отъ комбинаціи его съ другими, весьма разнородными и отнюдь не менѣе существенными. Изъ прошедшаго прокурора или оберъ-прокурора отнюдь еще нельзя выводить заключеній о будущемъ министра. Столь же напрасными кажутся намъ усилія освѣтить это будущее при помощи вступительной рѣчи Н. В. Муравьева. Не говоря уже о томъ, что путь отъ словъ до дѣйствій еще дальше, чѣмъ „отъ чаши до губъ“,—самыя слова управляющаго министерствомъ юстиціи, разсматриваемыя какъ программа дѣйствій, заключаютъ въ себѣ весьма мало точныхъ указаній. Лучшее доказательство этому—горячее одобреніе, встрѣченное ими въ газетахъ весьма различныхъ оттѣнковъ („Новое Время“, „Новости“, „Гражданинъ“, „Свѣтъ“ и др.). Сравнительно опредѣленными можно назвать слѣдующія два мѣста рѣчи: „наша обязанность (по генералъ-прокурорской части) сводится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы всѣми зависящими средствами способствовать сенату, этому верховному установленію, хранителю законовъ, къ правильному и безпрепятственному осуществленію принадлежащаго ему высшаго надзора въ порядкѣ суда, управленія и исполненія“ — и „судебная часть, какъ живое дѣло, непрестанно идущее впередъ и въ своей те-

перешней постановкѣ далеко еще не завершенное, нуждается въ значительныхъ усовершенствованіяхъ и упрощеніи, въ развитіи началъ, положенныхъ въ его основу". Значеніе перваго мѣста сдѣлается вполнѣ понятнымъ, если припомнить, какъ ограниченъ, de facto, „высшій надзоръ" сената „въ порядкѣ управленія", съ какими препятствіями, несмотря на эту ограниченность, ему приходится бороться, какимъ пререканіямъ подвергаются наиболѣе ревностные его представители (напр. В. А. Арцимовичъ), какая систематическая травля велась противъ него еще недавно въ извѣстной московской газетѣ. „Хранитель законовъ" очень немного, въ сущности, можетъ сдѣлать для ихъ охраненія, разъ что нарушителями ихъ являются административныя учрежденія или должностныя лица. Причина этому—не столько несовершенство или недостаточность правилъ, регулирующихъ предѣлы и формы сенатскаго надзора, сколько общія условія, при которыхъ онъ дѣйствуетъ. Способствовать ихъ улучшенію министръ юстиціи безспорно можетъ, поддерживая сенатъ во всѣхъ основательныхъ его требованіяхъ, наблюдая вмѣстѣ съ нимъ за закономѣрностью управленія, доводя до его свѣденія о всѣхъ уклоненіяхъ отъ нормы... Во второмъ изъ приведенныхъ нами отрывковъ важно заявленіе, что „усовершенствованіе" и „упрощеніе" судебнаго дѣла должно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, „развитіемъ началъ", положенныхъ въ его основу. Конечно, эта общая формула можетъ быть понимаема различно: *развитіе* того или другого основного начала можно усматривать и въ такихъ мѣрахъ, которыя на самомъ дѣлѣ прямо идутъ съ нимъ въ разрѣзъ—но хорошо уже и то, что основанія судебной реформы признаны, въ принципѣ, подлежащими развитію, а не урѣзыванію и устраненію. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что предоставленіе коронному суду уничтожать дѣйствіе оправдательнаго приговора присяжныхъ или перевершеніе судебныхъ дѣлъ въ какой-то внѣ-судебной инстанціи, въ какомъ-то внѣ-законномъ порядкѣ, было бы *развитіемъ* началъ, лежащихъ въ основаніи судебныхъ уставовъ. Намъ кажется, что въ словахъ Н. В. Муравьева заключается, implicite, отказъ отъ извѣстнаго проекта, составленіе котораго было однимъ изъ послѣднихъ дѣйствій бывшаго министра юстиціи.

Особенное вниманіе обратилъ на себя слѣдующій отдѣлъ рѣчи новаго министра: „судебная часть есть отрасль правительственной дѣятельности на благо общее, и судебное вѣдомство есть одинъ изъ органовъ правительства. Очевидно — какъ значится, впрочемъ, и въ законахъ объ общемъ образованіи министерствъ,—наша дѣятельность всегда должна быть строго согласована съ намѣреніями и видами правительства, и выполнять ее необходимо въ дружномъ единеніи съ другими правительственными органами, изъ которыхъ многіе съ

нами сопредѣльны и въ правѣ разсчитывать на наше искреннее содѣйствіе для пользы службы Его Императорскаго Величества. Не рознь или обособленіе властей, а лишь разумная между ними солидарность, при полной самостоятельности каждой въ ея сферѣ, составляетъ несокрушимый оплотъ и благодѣтельную крѣпость гражданскаго порядка". Здѣсь возникаетъ, прежде всего, вопросъ, къ кому обращены вышеприведенныя слова? Съ перваго взгляда можно подумать, что они касаются всѣхъ служащихъ по вѣдомству министерства юстиціи, безъ различія между дѣятелями суда и дѣятелями судебной администраціи; это вытекаетъ, какъ будто бы, изъ вступительнаго замѣчанія о судебной части и судебномъ вѣдомствѣ, выраженнаго въ совершенно общей формѣ. Внутренній смыслъ всего параграфа приводитъ, однако, къ другому заключенію. Если сопоставить ссылку на общее учрежденіе министерствъ, относящееся, очевидно, только къ высшей судебной администраціи, съ ссылкой на „виды и намѣренія правительства", которые только этой администраціи (или, точнѣе, только главнымъ ея представителямъ) и могутъ быть извѣстны, то становится ясно, что ораторъ, говорившій передъ чинами центральнаго управленія, ихъ однихъ имѣлъ въ виду, къ нимъ однимъ обращалъ свою рѣчь. Нѣтъ, слѣдовательно, основанія предполагать, чтобы управляющій министерствомъ юстиціи приглашалъ судей и прокуроровъ согласовать свою дѣятельность не съ законами, а съ намѣреніями и видами правительства, чтобы онъ призывалъ ихъ къ солидарности и единенію съ другими правительственными органами. Нельзя не замѣтить, однако, что отъ чиновъ центральнаго управленія министерства юстиціи зависитъ, отчасти, характеръ дѣйствій всей „судебной части". *Юридически* судебный дѣятель не обязанъ, конечно, прислушиваться къ настроенію, господствующему въ департаментахъ министерства; но *фактически* — болѣе или менѣе сознательно, въ бо̀льшей или меньшей степени—онъ часто поддается его вліянію. Весьма важно, поэтому, чтобы слова Н. В. Муравьева о солидарности и единеніи были вѣрно поняты его непосредственными слушателями. Онъ признаетъ за ними право на *полную самостоятельчость*—а она исключаетъ возможность *постояннаго* единенія, *систематической*, ненарушимой солидарности. Кто поступаетъ по убѣжденію и совѣсти, тотъ всегда рискуетъ столкнуться съ другимъ, противоположнымъ взглядомъ—и не боится, не избѣгаетъ этого риска. Право одного учрежденія разсчитывать на содѣйствіе другого обусловливается не одинаковымъ ихъ усердіемъ, а исключительно указаніями закона; отсюда вытекаютъ, сами собою, и предѣлы этого права. Въ какой сферѣ раздаются всего чаще жалобы на недостатокъ солидарности между представителями суда и администраціи? Конечно — въ

сферѣ новыхъ судебно-административныхъ учрежденій. Чѣмъ вызываются эти жалобы? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ — кореннымъ различіемъ воззрѣній: администраторы, облеченные судебною властью, считаютъ возможнымъ пользоваться ею „по усмотрѣнію", а уѣздные члены окружного суда, городскіе судьи и товарищи прокурора никакъ не могутъ съ этимъ согласиться. Нужно ли доказывать, что при такомъ положеніи дѣлъ возстановленіе „единенія" и „солидарности" въ уѣздныхъ съѣздахъ зависитъ не отъ представителей министерства юстиціи; что съ ихъ стороны оно могло бы быть достигнуто только цѣною отреченія отъ „самостоятельности" — и отъ служебнаго и нравственнаго долга?

Есть еще одно мѣсто въ разбираемой нами рѣчи, по отношенію къ которому возможны противорѣчивыя толкованія. „Судъ,—замѣтилъ Н. В. Муравьевъ,—имѣетъ дѣло съ первѣйшими интересами общества и драгоцѣннѣйшими достояніями отдѣльныхъ лицъ. Отсюда и управленіе ходомъ правосудія, во всѣхъ соприкосновеніяхъ своихъ съ этими интересами и достояніями, да не смѣшиваетъ истинной законности съ узкимъ формализмомъ, непреклонной твердости въ примѣненіи закона—съ черствой сухостью пріемовъ. Нѣтъ, лучше, входя въ тяжелое положеніе обращающихся къ намъ за помощью, посильно облегчать имъ это положеніе, чѣмъ, равнодушно замыкаясь въ предѣлы формальной правомѣрности, лишать ихъ слабый голосъ возможности и права быть услышаннымъ. Но такъ какъ не всякое, конечно, домогательство заслуживаетъ удовлетворенія, не всякое стоитъ даже и участія, то всего желательнѣе было бы такое общее къ нимъ отношеніе, которое распространило и укрѣпило бы сознаніе, что здѣсь только правое дѣло и лишь законныя стремленія могутъ разсчитывать на успѣхъ". Въ другое время, при другихъ условіяхъ все это не могло бы возбудить рѣшительно никакихъ недоразумѣній. Иное дѣло — теперь, когда слова: *законъ* и *законность* для многихъ утратили свой смыслъ и отошли въ разрядъ „забытыхъ". Этимъ многимъ можетъ показаться, что, возставая противъ „узкаго формализма", противъ „замыканія въ предѣлы формальной правомѣрности", Н. В. Муравьевъ провозглашаетъ ту „свободу" отъ процессуальныхъ правилъ и юридическихъ нормъ, къ которой стремятся новѣйшіе теоретики и практики „усмотрѣнія". „Посильное облегченіе обращающихся за помощью" можетъ быть понято какъ вмѣшательство въ отправленіе правосудія. Эластичность понятія о „правомъ дѣлѣ" (многіе ли изъ тяжущихся не считаютъ себя правыми, многіе ли изъ проигравшихъ процессъ не видятъ въ этомъ незаслуженную для себя обиду?) можетъ дать поводъ къ мысли, что министерство юстиціи призвано повѣрять „правоту" окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. Само собою

разумѣется, что не таковъ настоящій смыслъ сказаннаго Н. В. Муравьевымъ. Кто стоитъ за „истинную законность", за „непреклонную твердость въ примѣненіи закона", кто принимаетъ за правило, что „лишь законныя стремленія могутъ разсчитывать на успѣхъ", тотъ высказывается, этимъ самымъ, противъ произвола, организованнаго или неорганизованнаго, противъ всякихъ „исключеній", возведенныхъ или не возведенныхъ въ систему.

Министерству юстиціи приходится, въ настоящее время, считаться съ однимъ существенно-важнымъ фактомъ: съ изъятіемъ изъ его вѣденія громадной массы судебныхъ дѣлъ и значительнаго большинства судебныхъ дѣятелей. Къ аномаліямъ, вытекающимъ изъ этого факта, можно относиться различно: можно стремиться къ разрыву послѣднихъ соединительныхъ нитей, связывающихъ судебное вѣдомство съ судебно-административной организаціей—волостными судами, земскими начальниками, уѣздными съѣздами, губернскими присутствіями; можно ограничиться сохраненіемъ существующаго, стараясь внести въ него всю совмѣстную съ нимъ сумму правомѣрности и справедливости; можно, наконецъ, задаться мыслью о такихъ перемѣнахъ, которыя, не касаясь главныхъ основаній системы—слишкомъ еще недавнихъ, чтобы могла быть рѣчь о коренномъ ихъ пересмотрѣ,— устранили бы важнѣйшіе частные ея недостатки. Первый образъ дѣйствій представлялъ бы (для самого министерства юстиціи) нѣкоторыя безспорныя удобства. Несогласія между судебными и не-судебными элементами новыхъ учрежденій совершенно неизбѣжны; различіе исходныхъ точекъ, пріемовъ, цѣлей не допускаетъ и мысли о постоянномъ ихъ „единеніи". Сколько бы одною изъ сторонъ— конечно, болѣе слабою и менѣе „обрѣтающеюся въ авантажѣ"— ни было дѣлаемо уступокъ, онѣ не предупредили бы дальнѣйшихъ требованій, и столкновеніе было бы только отложено, но не предотвращено. Столкновенія, въ свою очередь, ведутъ къ пререканіямъ и нареканіямъ —нареканіямъ, опять-таки обрушивающимся всей своей тяжестью на вѣдомство болѣе слабое, обреченное, въ судебно-административномъ мірѣ, на роль хотя и званаго, но мало желаннаго гостя. Весьма заманчивой, поэтому, можетъ показаться мысль о совершенномъ отказѣ отъ этой роли. Стòитъ только повсемѣстно замѣнить городскихъ судей земскими начальниками (въ небольшихъ городахъ такая замѣна практикуется вѣдь и нынѣ), упразднить почетныхъ мировыхъ судей, уничтожить должность уѣзднаго члена окружного суда (передавъ тѣ немногія дѣла, которыя онъ рѣшаетъ единолично, земскимъ начальникамъ или, пожалуй, судебнымъ слѣдователямъ), не требовать отъ товарищей прокурора заключеній по дѣламъ, подвѣдомственнымъ уѣздному съѣзду, исключить

изъ состава губернскаго присутствія предсѣдателя и прокурора окружного суда — и министерство юстиціи, освободясь отъ самой непріятной и неблагодарной своей задачи, почувствуетъ себя значительно успокоеннымъ и облегченнымъ. Вся бѣда въ томъ, что это успокоеніе и облегченіе было бы сопряжено съ явнымъ вредомъ для народной массы, имѣющей дѣло съ новыми судебно-административными учрежденіями. Въ судебномъ присутствіи уѣзднаго съѣзда уѣздный членъ окружного суда и городской судья — даже вмѣстѣ съ почетными мировыми судьями, далеко не всегда являющимися въ засѣданія,—составляютъ, бо́льшею частью, меньшинство; предсѣдательствуетъ въ присутствіи уѣздный предводитель дворянства, съ которымъ столь тѣсно связаны всѣ земскіе начальники. Почему же мнѣніе судебныхъ членовъ съѣзда такъ часто беретъ верхъ, почему именно имъ — и въ особенности уѣздному члену окружного суда — принадлежитъ, сплошь и рядомъ, руководящая роль на съѣздѣ (чѣмъ и объясняются злобныя выходки противъ юристовъ, „ставящихъ преграды дисциплинарнымъ распоряженіямъ земскихъ начальниковъ“)? Потому, что на сторонѣ уѣзднаго члена окружного суда и группирующихся вокругъ него элементовъ—преимущество знанія, вниманія и судейскаго безпристрастія. Эти качества импонируютъ даже тѣмъ, кто ихъ не цѣнитъ и принципіально отрицаетъ. Умѣряющее вліяніе судебныхъ членовъ съѣзда сдерживаетъ въ извѣстныхъ границахъ грубѣйшіе виды расправы, слишкомъ охотно допускаемые волостными судьями и земскими начальниками; оно не даетъ заглохнуть лучшимъ традиціямъ мирового суда, упорядочиваетъ судебное разбирательство, ограждаетъ права сторонъ, вноситъ хоть какія-нибудь общія начала въ область спеціально-крестьянскихъ дѣлъ, гдѣ, за отсутствіемъ или недостаткомъ опредѣленныхъ юридическихъ нормъ, такъ легко можетъ водвориться полнѣйшій произволъ. До извѣстной степени всему этому способствуетъ и то обстоятельство, что между земскими начальниками „перваго призыва“ сравнительно много бывшихъ мировыхъ судей; но съ теченіемъ времени число послѣднихъ будетъ становиться все меньше и меньше—и тѣмъ незамѣнимѣе, тѣмъ важнѣе сдѣлается вліяніе уѣздныхъ членовъ окружного суда, городскихъ и почетныхъ мировыхъ судей. Далеко не лишена значенія и роль товарища прокурора, который хотя и не участвуетъ въ совѣщаніяхъ съѣзда, но зато имѣетъ право протестовать противъ его приговоровъ. Въ губернскомъ присутствіи представители судебнаго вѣдомства совершенно подавлены административнымъ большинствомъ, но все же могутъ, при условіяхъ сколько-нибудь благопріятныхъ, не оставаться безъ воздѣйствія на его рѣшенія... Въ области судебной—по существу, судебно-административной—по своему

настоящему устройству, единовластіе администраціи было бы громаднымъ шагомъ назадъ, все равно, было ли бы оно достигнуто прямымъ путемъ—посредствомъ устраненія всѣхъ чисто судебныхъ элементовъ, или косвеннымъ—посредствомъ фактическаго ихъ подчиненія и обезличенія. Сравнительно съ такимъ исходомъ можно отдать предпочтеніе даже сохраненію существующаго порядка—но еще лучше было бы, конечно, такое измѣненіе его, которое приблизило бы его хоть сколько-нибудь къ нормальному судебному типу. Сюда относится, прежде всего, реформа волостного суда, тѣмъ болѣе осуществимая, что правиламъ о немъ, утвержденнымъ 12-го іюля 1889 г., самъ законодатель присвоилъ названіе *временныхъ*. Ничто не мѣшало бы ограничить юрисдикцію волостного суда, обезпечить его самостоятельность, исключить изъ числа подсудныхъ ему дѣяній все то, что̀ не считается наказуемымъ со стороны высшихъ сословій, а изъ числа налагаемыхъ имъ каръ—тѣлесное наказаніе, и предоставить разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ не уѣздному съѣзду, а особому присутствію, образуемому изъ предсѣдателей волостныхъ судовъ (по очереди), подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго члена окружного суда [1]). Ничто не мѣшало бы, далѣе, возложить на уѣзднаго члена окружного суда предсѣдательство въ судебныхъ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда, усилить судебный элементъ въ судебныхъ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, освободить губернатора отъ предсѣдательства въ этихъ засѣданіяхъ, сдѣлать ихъ публичными на томъ же основаніи и въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и всякое другое судебное разбирательство. Всѣ эти мѣры, вмѣстѣ взятыя, возвратили бы высшей судебной администраціи хотя нѣкоторую долю вліянія на самую обширную и далеко не самую маловажную категорію судебныхъ дѣлъ — вліянія, прямо вытекающаго изъ понятія о судѣ, какъ объ особой, своеобразной функціи государственнаго управленія.

Мы отвели такъ много мѣста дѣламъ судебно-административнымъ, потому что видимъ именно здѣсь одну изъ наиболѣе капитальныхъ задачъ, предстоящихъ новому министру юстиціи. О нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, настоятельно требующихъ разрѣшенія, мы уже упомянули выше. Преобразованіе слѣдственной части, дальнѣйшее распространеніе географическаго круга дѣйствій судебной реформы, возможно бо̀льшее сглаживаніе тѣхъ особенностей, съ которыми она введена на окраинахъ государства, повсемѣстное осуществленіе самоуправленія, принадлежащаго, по закону, адвокатской корпораціи, организація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, устраненіе ограниченій, обусловленныхъ національностью или вѣроисповѣда-

[1]) Подробнѣе эти мысли развиты нами во Внутр. Обозр., № 12 „В. Е.“ 1891 г.

ніемъ—все это принадлежитъ, вѣроятно, къ числу „усовершенствованій", упомянутыхъ въ вступительной рѣчи Н. В. Муравьева. Для „упрощенія", которое было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и „усовершенствованіемъ", открывается обширный просторъ въ области гражданскаго процесса. Очень многаго, однако, нельзя достигнуть безъ коренныхъ перемѣнъ въ сферѣ матеріальнаго права, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Отсюда необходимость ускорить движеніе работъ по составленію новыхъ уложеній, уголовнаго и гражданскаго—особенно перваго, гораздо менѣе сложнаго и, судя по слухамъ, весьма близкаго къ концу. По отношенію къ трудамъ коммиссіи, составляющей проектъ гражданскаго уложенія, излишняя торопливость принесла бы болѣе вреда, чѣмъ пользы; вполнѣ возможно, однако, усилить ея составъ, увеличить находящіяся въ ея распоряженіи средства—и этимъ путемъ облегчить исполненіе ея задачи. Гражданское уложеніе не можетъ и не должно быть дѣломъ однихъ юристовъ; всѣ существенныя его основы должны быть подвергнуты всестороннему обсужденію, съ участіемъ самыхъ различныхъ общественныхъ элементовъ. Весьма желательно, поэтому, было бы обнародованіе во всеобщее свѣденіе закончепныхъ, хотя бы вчернѣ, отдѣловъ проекта, а затѣмъ разсмотрѣніе ихъ въ особомъ, созванномъ ad hoc собраніи „свѣдущихъ людей"—свѣдущихъ не въ юриспруденціи, а въ практической жизни. Наиболѣе настоятельныя реформы могли бы быть осуществлены и до изданія общаго гражданскаго уложенія, подобно тому, какъ законъ о преслѣдованіи ростовщичества введенъ въ дѣйствіе, не ожидая окончанія уголовнаго кодекса. Это—единственный вѣрный путь къ освобожденію нашего гражданскаго быта отъ узкаго, мертвящаго формализма, противовѣсъ которому какъ нельзя болѣе ошибочно и опасно было бы искать въ установленіи чего-то въ родѣ „кабинетной юстиціи".

До какой степени необходимо, въ наше время, возвращеніе къ болѣе правильнымъ взглядамъ на законъ и законность, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по нѣсколькимъ недавнимъ фактамъ, совершенно аналогичнымъ съ тѣми, которые приведены въ нашемъ ноябрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи. Одесскій корреспондентъ „Новаго Времени" (№ 6393) сообщаетъ, какъ о „казусѣ, не прошедшемъ безслѣдно въ мѣстной жизни", о „высылкѣ, по представленію одесскаго градоначальника, извѣстнаго въ Одессѣ ростовщика Хлавы Аглицкаго въ якутскую область, на пять лѣтъ". „Аглицкій,—прибавляетъ корреспондентъ, — незадолго до распубликованія этого распоряженія уѣхалъ, однако, изъ Одессы и, какъ разсказываютъ здѣсь, успѣлъ черезъ Петербургъ или Варшаву улизнуть за

границу". Распоряженіе одесскаго градоначальника состоялось въ то время, когда уже дѣйствовалъ законъ 24-го мая 1893 г., признавшій наказуемость ростовщичества и назначившій за него, въ видѣ максимальной кары, заключеніе въ тюрьмѣ на время не свыше одного года и четырехъ мѣсяцевъ или (если подсудимый занимался ростовщичествомъ въ видѣ промысла) ссылку на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, *кромѣ сибирскихъ*. На какомъ же основаніи проступокъ, подлежащій судебному преслѣдованію, становится предметомъ административной карательной мѣры, несравненно болѣе строгой, чѣмъ наказаніе, опредѣленное закономъ? Ссылка въ *якутскую область* на *пять* лѣтъ—вѣдь это кара болѣе чѣмъ суровая; мы не впадемъ въ преувеличеніе, если назовемъ ее жестокой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить описанія якутскаго края, появлявшіяся недавно въ фельетонахъ „Русскихъ Вѣдомостей". Не даромъ же якутская область не отнесена къ числу тѣхъ мѣстностей, куда, *по закону*, направляются (изъ Европейской Россіи и изъ западной Сибири) лица, приговоренныя, по ст. 31 улож. о нак., къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь [1]). Правда, административные ссыльные отсылаются туда нерѣдко—но вѣдь мѣра, неправильная сама по себѣ, не становится правильной въ силу неоднократнаго ея повторенія. Замѣтимъ, далѣе, что ростовщичество, въ смыслѣ уголовнаго преступленія—понятіе далеко не простое; для признанія его наличности недостаточно взиманія высокихъ процентовъ, а необходимо взиманіе ихъ при особыхъ условіяхъ, точно опредѣленныхъ въ законѣ 24-го мая. Весьма можетъ быть, что дѣйствія Аглицкаго вполнѣ подходили подъ эти условія; но въ такомъ случаѣ что же мѣшало привлеченію его къ судебной отвѣтственности? Отсутствіе формальныхъ жалобъ со стороны его должниковъ? Но дѣло о ростовщичествѣ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя возбуждаются не иначе, какъ по частнымъ жалобамъ. Опасеніе, что судъ отнесется къ обвиненію слишкомъ формально и найдетъ недоказаннымъ самый фактъ преступленія, несмотря на всю его житейскую очевидность? Но такое опасеніе было бы понятно только при теоріи формальныхъ доказательствъ, а не при рѣшеніи дѣлъ по внутреннему убѣжденію... Желательно было бы знать, какіе „слѣды" *казусъ* съ Аглицкимъ оставилъ въ одесской жизни? Удивляется ли мѣстное населеніе избытку рвенія, съ которымъ администрація охраняетъ его интересы, или сожалѣетъ, вмѣстѣ съ корреспондентомъ „Новаго Времени", что Аглицкій „улизнулъ" за границу?..

---

[1]) Въ якутскую область, на основаніи ст. 32 улож., ссылаются только жители губерній иркутской и енисейской и областей забайкальской и приморской.

Въ С.-Петербургѣ градоначальникъ распорядился арестованіемъ дворника, нанесшаго оскорбленіе жильцамъ, и приказалъ содержать его подъ арестомъ впредь до окончанія судебнаго разбирательства. Дѣйствія дворника были, безспорно, возмутительны и заслуживали суровой судебной кары; но она ни въ какомъ случаѣ не могла быть выше трехмѣсячнаго ареста (уст. о наказ. налаг. миров. суд., ст. 134 и 135)—а по дѣламъ этого рода самой строгой мѣрой пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда (даже послѣ обвинительнаго приговора первой инстанціи) законъ признаетъ отдачу на поруки (уст. угол. судопр. ст. 77 пун. 1). Единственнымъ компетентнымъ лицомъ въ принятіи мѣръ пресѣченія по дѣлу, производящемуся у мирового судьи, является, притомъ, самъ мировой судья. Оставленіе обвиняемаго на свободѣ впредь до вступленія приговора въ законную силу никому, въ данномъ случаѣ, никакою опасностью не угрожало; и съ этой стороны, слѣдовательно, не было никакого повода къ отступленію отъ закона, смыслъ котораго никакихъ сомнѣній не возбуждалъ и не возбуждаетъ.

Но вотъ и другой случай, который мы заимствуемъ изъ недавняго приказа спб. градоначальника, отъ 11-го января 1894 г. („Вѣд. спб. полиціи", № 7).

„3-го января, около 7 час. вечера, стоящій у подъѣзда гостинницы Грандъ-Отель легковой извозчикъ, жест. № 1783, былъ нанятъ отвезти даму въ ресторанъ Дононъ за 30 (*тридцать*) к., причемъ деньги получилъ впередъ; когда дама вышла изъ Отеля, то нанятаго извозчика не оказалось, и она принуждена была уѣхать на другомъ извозчикѣ. Произведеннымъ дознаніемъ обнаружено, что съ жестянкою № 1783 ѣздилъ запасный стрѣлокъ изъ крестьянъ Новгородской губ. и уѣзда, Тесовской волости, дер. Вяжищъ, Левъ Григорьевъ Григорьевъ, проживающій по Боровой ул. въ д. № 74, который объяснилъ, что былъ пьянъ и не помнитъ, какъ, будучи нанятъ, отъѣхалъ отъ подъѣзда. За объяснепный поступокъ Григорьева признаю нужнымъ лишить его права ѣзды и воспретить жительство въ столицѣ въ теченіи одного года. Исполненіе сего поручаю приставу 3 участка Александро-Невской части и управленію сыскной полиціи. Приказъ этотъ предлагаю гг. приставамъ объявить по извозчичьимъ дворамъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ выставить въ извозчичьихъ квартирахъ и дворахъ".

Въ случаяхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, административныя распоряженія затрогивали только одно лицо; циркуляръ эстляндскаго губернатора, обращенный къ коммиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ и напечатанный въ № 310 „Московскихъ Вѣдомостей", касается положенія многихъ сотенъ или даже тысячъ. Въ 1891 г. въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената разсматривалось

дѣло о пасторѣ Леціусѣ (см. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстн. Европы за 1891 г.). Рѣшеніемъ сената установлена, между прочимъ, недѣйствительность брака православнаго съ иновѣрнымъ, какъ скоро онъ не былъ совершенъ православнымъ священникомъ, а совершеніе такого брака духовнымъ лицомъ не-православнаго исповѣданія признано преступленіемъ. Прописавъ содержаніе этого рѣшенія, губернаторъ продолжаетъ: „между тѣмъ, при сравненіи гайнажскимъ, лифляндской губерніи, священникомъ Метусомъ, въ оренгофскомъ волостномъ правленіи, перновскаго уѣзда, волостныхъ списковъ со списками гайнажскаго прихода, оказалось, что правленіе волости Оренгофъ держится другого взгляда; браки, которые прав. сенатъ признаетъ не только недѣйствительными, но и преступными, означенное волостное правленіе признаетъ за дѣйствительные и законные". Въ доказательство этому приводятся случаи внесенія въ волостные списки, въ качествѣ супруговъ, такихъ лицъ, которыя, будучи православными, повѣнчаны не православнымъ священникомъ, а лютеранскимъ пасторомъ, и отмѣтки ихъ дѣтей законными, рожденными въ бракѣ. „Что волостное правленіе,—читаемъ мы дальше,—держась такого рода порядка записей, руководствуется не неудобствомъ какимъ-либо, а намѣреніемъ, вопреки основнымъ государственнымъ законамъ, придавать въ глазахъ крестьянъ характеръ законности бракамъ не только недѣйствительнымъ, но и преступнымъ, видно изъ слѣдующаго: 1) дѣтей, родившихся отъ означеннаго рода незаконныхъ сожительствъ, правленіе записываетъ не подъ именемъ матери, какъ слѣдовало, а отца; подъ этимъ же именемъ дѣтямъ выдаются паспорты и призываются они къ отправленію воинской повинности; 2) женщинамъ, находящимся въ незаконномъ сожительствѣ, правленіе присвоиваетъ имена (фамиліи) мужчинъ, наравнѣ съ происходящимъ при вступленіи въ бракъ законный. Это приравниваніе: 1) развращаетъ православныхъ, находящихся подъ экономическимъ, либо другимъ, вліяніемъ лютеранскихъ помѣщиковъ и дворохозяевъ, побуждая ихъ къ отступленію отъ православія, 2) укрѣпляетъ уклонившихся въ ложномъ мнѣніи, что браки ихъ дѣйствительны, и тѣмъ способствуетъ ихъ упорству относительно возвращенія въ лоно православія и 3) умаляетъ значеніе закона въ глазахъ народа". Въ заключеніе губернаторъ предлагаетъ коммиссарамъ предписать волостнымъ правленіямъ: „1) отнюдь не обозначать въ волостныхъ спискахъ лютеранами лицъ, по закону принадлежащихъ къ православному исповѣданію, но совратившихся въ лютеранство, 2) не писать законными супругами лицъ православнаго исповѣданія, или православнаго и иновѣрнаго, не представившихъ

свидѣтельства о повѣнчаніи въ православной церкви, а повѣнчанныхъ по лютеранскому обряду, и 3) не писать лицъ женскаго пола, упомянутыхъ въ предъидущемъ пунктѣ, подъ фамиліями тѣхъ мужчинъ, съ коими онѣ живутъ, а обозначать подъ фамиліями ихъ отцовъ; равнымъ образомъ дѣтей отъ такихъ недѣйствительныхъ браковъ писать подъ фамиліей матери, а не сожителя ея".

Первое, что̀ обращаетъ на себя вниманіе при чтеніи циркуляра—это его терминологія. Браки, вѣнчанные по христіанскому обряду, именуются „преступными" и „незаконными сожительствами", мужья — „сожителями", отступленіе отъ православной вѣры (хотя бы послѣдняя никогда не исповѣдывалась даннымъ лицомъ иначе, какъ номинально)—„развращеніемъ". Всѣ эти слова, столь мало соотвѣтствующія означаемымъ ими фактамъ, производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Оно становится еще сильнѣе, если перейти отъ формы къ содержанію. „Московскія Вѣдомости" выражаютъ удивленіе, что разъясненіе сената появилось (до начала ноября) только въ эстляндскихъ, а не въ лифляндскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ; вѣроятную причину этого факта онѣ видятъ въ „канцелярскомъ ходѣ дѣлъ", болѣе медленномъ въ Лифляндіи, чѣмъ въ Эстляндіи. Удивляться, какъ намъ кажется, слѣдовало бы совершенно другому—а именно тому, что рѣшеніе сената по частному дѣлу, могущее (и то съ извѣстными оговорками) служить руководствомъ только для *судебныхъ* мѣстъ, принимается за основаніе для общей административной мѣры и сообщается, какъ бы для исполненія, коммиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ и волостнымъ правленіямъ. Волостнымъ правленіямъ присвоивается, этимъ самымъ, роль совершенно имъ несвойственная—роль суда, опредѣляющаго семейное положеніе даннаго лица, а слѣдовательно и всѣ права, обусловливаемыя этимъ положеніемъ, личныя, имущественныя и общественныя. Волостнымъ правленіямъ запрещается означать лютеранами лицъ, по закону принадлежащихъ къ православному исповѣданію, но совратившихся въ лютеранство. Но развѣ волостныя правленія компетентны установлять, въ каждомъ данномъ случаѣ, кто принадлежитъ, *по закону*, къ православному исповѣданію? Развѣ они могутъ, не уклоняясь отъ своего назначенія и не выходя изъ своихъ скромныхъ рамокъ, входить въ разсмотрѣніе тѣхъ вопросовъ—иногда до крайности сложныхъ и спорныхъ,—отъ которыхъ зависитъ причисленіе того или другого лица къ оффиціальнымъ послѣдователямъ той или другой вѣры? Развѣ они могутъ своею властью, не придавать значенія такимъ формальнымъ актамъ, какъ метрическія свидѣтельства, служащія, по закону, главными доказательствами правъ состоянія? Незаконнымъ и недѣйствительнымъ бракъ, совершенный лицомъ вообще уполномоченнымъ на его совер-

шеніе, можетъ быть признанъ только судомъ [1]) (т. X ч. I ст. 38); для признанія незаконными дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ, также необходимъ приговоръ подлежащаго суда о незаконности и недѣйствительности брака (т. X ч. I ст. 132). Волостные списки не отнесены закономъ къ числу актовъ состоянія: уже по этому одному нельзя требовать, чтобы каждой въ нихъ отмѣткѣ предшествовало изслѣдованіе о фактической точности и формальной правильности показаній, на основаніи которыхъ совершается отмѣтка... Если циркуляръ г. эстляндскаго губернатора останется въ силѣ, онъ неизбѣжно повлечетъ за собою злоупотребленія со стороны волостныхъ правленій, гораздо болѣе опасныя чѣмъ тѣ неудобства, къ устраненію которыхъ циркуляръ направленъ.

[1]) Ст. 37 т. X ч. 1 свод. зак. гражд., опредѣляя, какіе браки слѣдуетъ считать незаконными и недѣйствительными, называетъ, между прочимъ, брачныя сопряженія лицъ православнаго исповѣданія съ не-христіанами, но не говоритъ ни слова о бракахъ православныхъ съ лицами другихъ *христіанскихъ* исповѣданій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1894.

Новыя политическія перемѣны въ Сербіи.—Недостатокъ свѣденій о балканскихъ дѣлахъ въ нашей печати.—Особенности правительственныхъ кризисовъ въ балканскихъ государствахъ.—Сербія и Болгарія.—Примиреніе Вильгельма II съ княземъ Бисмаркомъ. — Положеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи.

Намъ не разъ приходилось указывать на то странное обстоятельство, что всѣ фактическія свѣденія о положеніи и ходѣ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ получаются нашими газетами изъ заграничныхъ источниковъ, большею частью австрійскихъ и нѣмецкихъ. О томъ, что происходитъ въ Бѣлградѣ или въ Софіи, мы узнаемъ обыкновенно только изъ Вѣны и Берлина, и наша „патріотическая“ печать, постоянно разсуждающая о великихъ задачахъ Россіи на востокѣ, довольствуется чужими сообщеніями даже о такихъ событіяхъ, которыя должны были бы представлять для насъ особенный политическій интересъ.

До сихъ поръ считалось несомнѣннымъ, что Сербія вышла изъ круга односторонняго австрійскаго вліянія и возстановила свои прежнія традиціонныя связи съ русскою дипломатіею: въ этомъ именно смыслѣ привѣтствовался у насъ государственный переворотъ 1-го апрѣля прошлаго года, положившій конецъ господству Ристича и его партіи. Въ чемъ же выражалось предполагаемое торжество нашего вліянія надъ австрійскимъ въ Бѣлградѣ? Можно сказать только одно, что газетныя свѣденія о сербскихъ дѣлахъ у насъ не увеличились и по прежнему почерпались главнымъ образомъ изъ иностранныхъ газетъ. Австрійская пресса давно уже сообщала о какомъ-то политическомъ кризисѣ въ Сербіи, о разладѣ юнаго короля съ радикальными министрами и съ большинствомъ народнаго собранія; но наши газеты ничего объ этомъ не знали. Когда кризисъ, наконецъ, разразился и получено было извѣстіе о появленіи эксъ-короля Милана въ Бѣлградѣ, то эта развязка показалась у насъ совершенно неожиданною и тотчасъ же вызвала обычные толки о коварной австрійской интригѣ. Гдѣ же находилось наше вліяніе за все это время, пока подготовлялись въ Сербіи непріятныя намъ событія? Наша дипломатія, какъ извѣстно, строго соблюдаетъ принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла чужихъ государствъ, въ томъ числѣ и балканскихъ; въ

этомъ отношеніи она не слѣдуетъ примѣру иностранныхъ кабинетовъ, считающихъ своимъ долгомъ оказывать постоянное, хотя бы и закулисное, воздѣйствіе на ходъ политическихъ дѣлъ въ такихъ странахъ, какъ Сербія и Болгарія. Но если мы держались системы невмѣшательства и избѣгали всякаго воздѣйствія на политическое положеніе въ Сербіи, то нельзя было говорить и о господствѣ нашего вліянія въ Бѣлградѣ; ибо вліяніе, которое ничѣмъ не обнаруживается, не только не можетъ господствовать, но даже не принимается въ разсчетъ въ политикѣ.

Однако, при самой строгой сдержанности нашего дипломатическаго вѣдомства относительно балканскихъ дѣлъ, остается все-таки непонятнымъ отсутствіе у насъ своевременныхъ точныхъ и самостоятельныхъ свѣденій о текущей политической жизни тѣхъ народностей, судьбы которыхъ должны наиболѣе интересовать нашу дипломатію. За границею замѣчаютъ, что наши дипломатическіе представители вообще играютъ, будто бы, несравненно болѣе пассивную роль, чѣмъ ихъ иностранные коллеги; если допустить вѣрность этого замѣчанія, то придется поставить общій вопросъ: окупаются ли крупныя затраты на представительство въ чужихъ государствахъ тою реальною пользою, которую оно приноситъ нашей политикѣ и нашимъ интересамъ? Предположимъ, что наши „патріоты“ правы, и что дѣйствительно всѣ нежелательныя намъ событія на Балканскомъ полуостровѣ возникаютъ совершенно внезапно, вслѣдствіе враждебныхъ интригъ, оставшихся неизвѣстными нашимъ представителямъ; въ такомъ случаѣ едва ли стоило бы держать посланниковъ и спеціальныхъ уполномоченныхъ при мелкихъ иностранныхъ дворахъ, если этимъ способомъ не достигается даже элементарная политическая цѣль—ознакомленіе съ обстоятельствами, могущими принести намъ пользу или вредъ, въ области нашихъ внѣшнихъ отношеній.

Самая ссылка на иноземную интригу есть только результатъ недоразумѣнія, когда дѣло идетъ объ иностранной политикѣ. Понятно само собою, что каждое правительство имѣетъ право и обязанности охранять свои международные интересы въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это допускается существующею политическою практикою; поэтому странно было бы, напримѣръ, ожидать отъ вѣнскаго кабинета, что онъ отнесется вполнѣ индифферентно къ паденію австрофильскаго режима и не постарается употребить свое вліяніе въ Бѣлградѣ, въ смыслѣ возстановленія владычества такъ называемой либеральной или австрофильской партіи. Можно было предвидѣть заранѣе, что совѣты и усилія австрійскихъ дипломатовъ будутъ направлены къ устраненію того порядка вещей, который считался неудобнымъ или невыгоднымъ для интересовъ Австро-Венгріи; точно такъ же усилія

и совѣты нашихъ представителей должны были бы имѣть цѣлью поддержаніе и сохраненіе достигнутаго положенія, благопріятнаго для интересовъ Россіи. Такія закулисныя дѣйствія и старанія дипломатовъ не составляютъ еще вмѣшательства и не могутъ быть названы интригами, пока они не выходятъ изъ границъ простого дипломатическаго вліянія, а нѣтъ повода думать, что относительно Сербіи эти законныя границы были нарушены Австро-Венгріею или какою-либо другою державою. Сербскіе дѣятели могутъ самостоятельно взвѣшивать доводы соперничествующихъ кабинетовъ, склоняясь на ту или другую сторону, смотря по пониманію выгодъ и интересовъ своего собственнаго отечества; но временный успѣхъ того или другого иностраннаго вліянія зависитъ прежде всего отъ общихъ политическихъ условій, которымъ по неволѣ подчиняются личныя чувства правителей. Вѣрнѣе всякихъ интригъ дѣйствуетъ на Сербію непосредственная близость великой культурной державы, плотно облегающей ее своею территоріею; главная масса сербскихъ продуктовъ вывозится въ Австрію, откуда взамѣнъ доставляются произведенія европейской промышленности и цивилизаціи. Естественное политическое давленіе могущественной сосѣдней имперіи усложняется многочисленными торговыми и культурными интересами, которыми пренебрегать невозможно. Въ концѣ концовъ, близкое сосѣдство Австро-Венгріи, сравнительно съ отдаленностью Россіи, служитъ для сербовъ главнѣйшимъ нагляднымъ аргументомъ въ пользу необходимости австрійской дружбы. Иностранное вліяніе не становится интригою оттого, что оно — австрійское, а не какое-либо другое. Нужно было создать надлежащій противовѣсъ этому вліянію, а не полагаться на пассивность и бездѣйствіе противниковъ; тогда и наши „патріотическія“ газеты не имѣли бы матеріала для своихъ теперешнихъ жалобъ. Впрочемъ выводы, дѣлаемые у насъ изъ послѣднихъ сербскихъ событій, должны считаться по меньшей мѣрѣ преждевременными, такъ какъ разыгравшійся кризисъ, повидимому, достаточно объясняется внутренними причинами и не нуждался въ посторонпемъ дипломатическомъ воздѣйствіи.

Новѣйшіе сербскіе кризисы отличаются какимъ-то театральнымъ, отчасти опереточнымъ характеромъ. Въ прошломъ году юный сербскій король раздѣлался съ своими регентами при весьма эффектной и оригинальной обстановкѣ, напоминавшей восточные или, вѣрнѣе, византійскіе нравы; теперь онъ такъ же точно озадачилъ своихъ новыхъ министровъ, пригласивъ ихъ къ себѣ въ полночь и сообщивъ имъ о предстоящемъ пріѣздѣ его отца, Милана, котораго онъ вызвалъ для содѣйствія въ трудныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Въ то же время онъ прибавилъ, что начальникъ гарнизона, полковникъ

Миловановичъ, получилъ уже по этому поводу необходимыя распоряженія. Это былъ, очевидно, новый государственный переворотъ, задуманный и исполненный гораздо проще, чѣмъ первый. Отецъ короля Александра отрекся не только отъ престола, но и отъ всякихъ правъ на участіе въ дѣлахъ Сербіи; онъ пересталъ быть не только членомъ царствующей фамиліи, но и сербскимъ гражданиномъ, и обязался не пріѣзжать въ страну, за исключеніемъ только случая опасной болѣзни сына. Народное собраніе придало этому отреченію форму закона, при чемъ потребованная Миланомъ крупная денежная сумма была ему выплачена сполна. Никто не удивился бы, еслибы король Александръ выразилъ желаніе добиться отмѣны или смягченія этихъ формальныхъ законовъ и обязательствъ; но уничтожать отдѣльные законы фактически, при помощи военной силы, безъ малѣйшей попытки обсудить вопросъ легальнымъ способомъ и даже безъ предварительнаго извѣщенія о томъ оффиціальныхъ совѣтниковъ короны,—это значитъ показывать примѣръ публичнаго ниспроверженія самыхъ основъ законности. Насильственное нарушеніе законнаго порядка, выразившееся въ арестованіи регентовъ и въ самовольномъ объявленіи своего совершеннолѣтія, было плохимъ началомъ царствованія для юнаго представителя династіи Обреповичей, и внѣшняя удача этого перваго шага, какъ и слѣдовало ожидать, не осталась безъ вліянія на дальнѣйшія дѣйствія и на весь образъ мыслей короля Александра. Онъ какъ будто убѣдился на дѣлѣ, что нѣтъ надобности соблюдать законы, когда есть въ рукахъ военная сила; но это превращеніе арміи въ орудіе произвола и беззаконія представляетъ наибольшую опасность для государства и для самихъ правителей. Войско легко входитъ во вкусъ политическихъ переворотовъ, и честолюбивые полковники могутъ почувствовать себя настоящими хозяевами положенія, распорядителями правительственной власти, какъ это прежде бывало въ Испаніи и какъ теперь бываетъ въ Южной Америкѣ. Крайне печально видѣть, что вновь созданныя военныя силы балканскихъ народностей вовлекаются въ политику и служатъ дѣлу насилія, вмѣсто того, чтобы служить оплотомъ мирнаго развитія молодыхъ государствъ. Въ Болгаріи эта двусмысленная роль арміи встрѣтила энергическое противодѣйствіе въ диктатурѣ Стамбулова и парализуется также нейтральнымъ положеніемъ новой династіи, не имѣющей прочныхъ корней въ странѣ и вынужденной поэтому избѣгать всякихъ рискованныхъ столкновеній и предпріятій. Въ Сербіи король имѣетъ возможность распоряжаться арміею и разсчитывать на ея преданность, и это соблазняетъ его и влечетъ на пагубный путь, безъ малѣйшей къ тому надобности. Устраненіе регентовъ съ ихъ псевдо-либеральными министрами было, по край-

ней мѣрѣ, полезно для народа и вызывалось необходимостью выйти изъ тяжелаго кризиса, созданнаго нелѣпою и безпощадною борьбою противъ большинства народныхъ представителей; теперь же внезапный вызовъ Милана изъ Парижа и обращеніе къ тѣмъ же устраненнымъ псевдо-либеральнымъ дѣятелямъ не имѣетъ для себя и тѣни оправданія,—и во всякомъ случаѣ эти мѣры не были настолько важны и настоятельны, чтобы ради нихъ прибѣгать къ нарушенію законовъ при содѣйствіи войска.

Министерство Груича тотчасъ заявило о выходѣ своемъ въ отставку (9-го (21-го) января), въ виду сообщенія короля объ ожидаемомъ пріѣздѣ Милана. Бывшіе министры при регентствѣ Ристича, Авакумовичъ и Рибарецъ, преданные государственному суду за злоупотребленія властью, призваны были прямо изъ залы суда въ королевскій дворецъ, для совѣщаній о новомъ министерствѣ, и король даже формально поручилъ Авакумовичу составить кабинетъ. Судъ надъ бывшими министрами еще продолжался, а подсудимые, дѣйствія которыхъ побудили короля совершить государственный переворотъ прошлаго года, обратно призываются къ власти тѣмъ же королемъ, не дожидаясь окончанія судебнаго процесса. Судебное производство не было пріостановлено, а главный обвиняемый Авакумовичъ временно отпущенъ былъ со скамьи подсудимыхъ для отысканія подходящихъ кандидатовъ въ министры. Это одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые кажутся выхваченными изъ какой-нибудь забавной оперетки. Авакумовичъ, впрочемъ, не предлагалъ министерскихъ портфелей ни своимъ судьямъ, ни прокурору. Только позднѣе вспомнили, что неловко назначать главою правительства лицо, находящееся подъ судомъ за незаконныя дѣйствія и распоряженія, такъ что предположенная комбинація была оставлена. Прибытіе Милана подняло на ноги прежнихъ такъ называемыхъ либераловъ и прогрессистовъ, т.-е. безцеремонныхъ приверженцевъ крутыхъ принудительныхъ мѣръ. Эти поклонники правительственной системы бывшаго короля представляютъ собою ничтожное численное меньшинство, но они считаютъ себя почему-то призванными къ господству надъ другими, болѣе значительными и вліятельными въ народѣ партіями. Въ сущности трудно понять что-нибудь въ названіяхъ и тенденціяхъ сербскихъ политическихъ партій. Почему, напр., люди, возводящіе въ принципъ неуваженіе къ законнымъ правамъ общества и народа, именуются въ Сербіи либералами? Зажиточная крестьянская масса составляетъ громадное большинство избирателей и образуетъ на дѣлѣ единственную народную партію въ странѣ; но почему эта сельская партія, охранительная по своему существу, называется въ Сербіи радикальною? Сербскіе поселяне стоятъ за уменьшеніе налоговъ, т.-е. за сокращеніе

двухъ главныхъ статей государственнаго бюджета — расходовъ на армію и на чиновничество. Болѣе скромная военная организація, въ родѣ милиціи, считается болѣе соотвѣтствующею положенію и средствамъ Сербіи, а непомѣрное размноженіе чиновниковъ, съ болѣе или менѣе высокими окладами, давно уже вызываетъ справедливые жалобы и протесты. Но эти двѣ крупныя реформы, могущія разсчитывать на популярность въ народѣ, не входятъ, вѣроятно, въ дѣйствительную программу выборныхъ представителей крестьянства, ибо послѣдніе преобладаютъ въ скупштинѣ, и тѣмъ не менѣе вожди ихъ не требовали даже, чтобы серьезно выступить съ указанными преобразованіями. Крестьянская партія, во главѣ которой стоятъ такіе люди, какъ Пашичъ, называется все-таки радикальною, а въ чемъ ея радикализмъ—неизвѣстно. Представители этой партіи управляли страною въ продолженіе почти десяти мѣсяцевъ, и единственная радикальная мѣра, на которой они особенно настаивали,—это возбужденіе уголовнаго процесса противъ бывшаго министерства Авакумовича-Рибараца. Вопросъ о политическомъ судѣ надъ устраненными противниками больше всего занималъ и волновалъ такъ называемыхъ радикальныхъ дѣятелей и министровъ, отвлекая умы отъ болѣе прозаическихъ задачъ правительства. Люди, которые сами получили власть благодаря государственному перевороту, т.-е. благодаря прямому нарушенію основныхъ законовъ государства, брали на себя роль суровыхъ и справедливыхъ обличителей незаконныхъ дѣйствій своихъ предшественниковъ по министерству. Каковы бы ни были погрѣшности Авакумовича съ компаніею, но героямъ дворцоваго сюрприза 1-го апрѣля не подобало преслѣдовать бывшихъ министровъ за нарушеніе конституціи. Король Александръ, при всей своей молодости и неопытности, долженъ былъ чувствовать себя задѣтымъ тѣмъ упорствомъ, съ какимъ господствующая партія требовала и добилась громкаго судебнаго процесса. Ненужное и безтактное судбище раздражало всѣхъ представителей старыхъ умѣренныхъ партій или, вѣрнѣе, кружковъ; между королемъ и министрами возникъ антагонизмъ, который поддерживался еще, повидимому, высшимъ офицерствомъ, относящимся враждебно и недовѣрчиво къ радикаламъ за ихъ теорію замѣны регулярной арміи народнымъ ополченіемъ. Министры, занятые партійными счетами и высшею политикою, не успѣли привести въ порядокъ запутанные финансы, и когда насталъ январьскій срокъ уплаты процентовъ по внѣшнему государственному долгу, то для удержанія въ казначействѣ нужныхъ суммъ не оказалось другихъ средствъ, кромѣ временнаго прекращенія выдачи жалованья гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ. Такіе радикальные способы поправленія финансовъ не могли понравиться потерпѣвшимъ лицамъ и особенно

военнымъ: отсюда усиливалось и распространялось общественное недовольство, которое, впрочемъ, относилось скорѣе къ отдѣльнымъ неудачнымъ мѣрамъ, чѣмъ къ составу и характеру министерства. Къ этому присоединились таможенные споры съ Австро-Венгріею, указывавшіе отчасти на оттѣнокъ политическаго недоброжелательства со стороны австрійцевъ и производившіе поэтому серьезное впечатлѣніе на либеральные сербскіе кружки. Чтобы покончить съ этими разнообразными финансовыми и политическими затрудненіями, юный король вздумалъ обратиться къ личному содѣйствію своего отца, который въ политикѣ и въ финансахъ давно уже довелъ свои дѣла до полнаго и всесторонняго банкротства. Миланъ, проведшій послѣдніе годы въ развлеченіяхъ парижской жизни и озабоченный упадкомъ своихъ личныхъ финансовыхъ рессурсовъ, охотно явился въ роли опытнаго политическаго ментора, и его внезапное появленіе въ этой роли руководителя показалось для многихъ зловѣщимъ. Возникли слухи о военной диктатурѣ, о вмѣшательствѣ Австріи и т. п.; общественное мнѣніе успокоилось отчасти, когда образовался сравнительно умѣренный кабинетъ, съ Симичемъ во главѣ. Симичъ, бывшій посланникомъ въ Вѣнѣ, принадлежитъ къ числу либераловъ въ своеобразномъ сербскомъ смыслѣ этого слова; онъ взялся поэтому дѣйствовать противъ большинства народныхъ представителей и независимо отъ нихъ, въ духѣ энергическихъ мѣропріятій.

Въ засѣданіи скупштины, 12-го (24-го) января, которое должно было быть послѣднимъ, новый министръ-президентъ прочиталъ свою программу, составленную по обыкновенію въ весьма краснорѣчивыхъ и многообѣщающихъ выраженіяхъ; онъ заявилъ, что правительство стоитъ выше партій, и чтобы наглядно доказать это, онъ не далъ говорить представителямъ большинства въ собраніи и старался заглушить общій ропотъ прочтеніемъ королевскаго указа о распущеніи скупштины. Собраніе успѣло, однако, весьма недвусмысленно выразить свои чувства къ новому министерству, одновременно съ обычными возгласами въ честь короля Александра. Министры, назначенные вопреки желаніямъ большинства, не поправятъ, конечно, ни финансовыхъ, ни политическихъ дѣлъ, а кризисъ между тѣмъ сразу принялъ острую форму, не допускающую легкаго и скораго выхода. Общество пріучается къ незаконнымъ и неожиданнымъ рѣшеніямъ, перестаетъ вѣрить словамъ правительства и самого короля, начинаетъ все болѣе опасаться активнаго вмѣшательства арміи въ политику, на что открыто намекали нѣкоторые приверженцы Милана; а жизненные интересы Сербіи и сербскаго народа страдаютъ отъ ненужной и разорительной путаницы, устроиваемой кучкою такъ называемыхъ политическихъ дѣятелей, подъ руководствомъ мнимыхъ друзей дина-

стіи. Династія Обреновичей все чаще и настойчивѣе противопоставляется государству и народу, какъ самостоятельная посторонняя сила, имѣющая будто бы свои особые интересы и опирающаяся на армію; это противопоставленіе не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ.

Для чего понадобились всѣ эти опасные политическіе эксперименты и къ чему они приведутъ въ концѣ концовъ—сказать трудно. Сербскіе правители и министры не провозглашаются у насъ самозванцами, лже-правителями и лже-министрами; но всякому бросается въ глаза то обстоятельство, что принцъ Кобургскій исполняетъ обязанности „лже-князя“ съ гораздо бо̀льшимъ достоинствомъ, съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ законамъ и интересамъ страны и народа, чѣмъ настоящіе и истинные правители Сербіи исполняютъ свои обязанности относительно своего собственнаго отечества. Во многихъ отношеніяхъ, какъ финансовыхъ, такъ и политическихъ, Болгарія поставлена теперь несравненно лучше, чѣмъ Сербія, несмотря на всю затруднительность и неясность своего международнаго положенія;—этого никто отрицать не станетъ. Сербія, маленькая страна, населенная преимущественно земледѣльцами и не имѣющая еще крупныхъ промышленныхъ потребностей, устроила свои учрежденія и порядки по образцу самыхъ передовыхъ и культурныхъ народовъ, при чемъ обзавелась прежде всего значительною регулярною арміею, сложною администраціею, массою чиновниковъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей, употребляющихъ тѣ же фразы и громкія слова, какія раздаются въ Парижѣ, — и при всемъ этомъ новомъ культурно-политическомъ нарядѣ, слишкомъ роскошномъ и дорогомъ для бѣдной страны, проявляются и торжествуютъ отъ времени до времени старыя восточно-турецкія традиціи, отъ которыхъ далеко еще не свободны правительственные и общественные нравы нынѣшней Сербіи. Управленіе Милана было крайне неудачною школою для сербскаго образованнаго общества, а преждевременный переходъ государственной власти въ руки неопытнаго юноши, выросшаго при довольно смутныхъ политическихъ и семейныхъ обстоятельствахъ, послужилъ началомъ еще новыхъ внутреннихъ неурядицъ, въ дополненіе къ прежнимъ.

Торжественное примиреніе германскаго императора съ княземъ Бисмаркомъ составляетъ главное новѣйшее событіе въ Германіи. Въ сентябрѣ прошлаго года имп. Вильгельмъ, будучи на маневрахъ въ Австріи, узналъ о серьезной болѣзни бывшаго канцлера и обратился по этому поводу съ весьма сочувственною телеграммою въ Фридрихсруэ; очевидно, онъ испыталъ нѣкоторую тревогу при мысли, что преклон-

ный возрастъ знаменитаго государственнаго дѣятеля можетъ привести къ катастрофѣ, прежде чѣмъ состоится примиреніе, котораго такъ давно и безплодно жаждетъ нѣмецкое патріотическое чувство. Нѣмцы нисколько не скрывали своихъ глубокихъ и искреннихъ симпатій къ основателю германскаго единства и могущества; напротивъ, популярность Бисмарка какъ будто усилилась со времени его отставки, несмотря на глухое недовольство и взаимное раздраженіе между бывшимъ канцлеромъ и императоромъ. Въ этомъ случаѣ нѣмецкое общество и нѣмецкая печать далеко не обнаруживали того лакейскаго духа, который когда-то Бёрне приписывалъ германской націи. Оффиціальная опала не мѣшала нѣмецкимъ патріотамъ выражать при всякомъ подходящемъ случаѣ восторженное уваженіе и удивленіе къ исторической личности и заслугамъ князя Бисмарка; эти демонстраціи должны были какъ будто смягчить горькое чувство бывшаго канцлера относительно молодого монарха, такъ круто оборвавшаго его славную политическую карьеру. Нѣмецкія газеты, даже такія умѣренныя, какъ „National Zeitung“, прямо заявляли, что авторитетъ императора не перевѣшиваетъ историческаго значенія Бисмарка, что оба они—величины почти равноправныя, и что разладъ между ними вноситъ смуту и двойственность въ политическое настроеніе нѣмецкаго общества. Большинство нѣмецкаго народа считало безусловно несправедливымъ и незаслуженнымъ тотъ способъ, какимъ императоръ разстался съ первымъ канцлеромъ имперіи; это общее чувство не разъ выражалось съ полною откровенностью, болѣе или менѣе шумно, по разнымъ поводамъ, когда фигура князя Бисмарка дѣлалась почему-либо предметомъ національнаго вниманія и привѣтствія. Положеніе самого императора становилось не совсѣмъ ловкимъ, въ виду этого систематическаго косвеннаго порицанія его поступка съ бывшимъ канцлеромъ; и онъ не могъ не видѣть, что ему слѣдуетъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Бисмаркъ былъ политическимъ образцомъ и учителемъ для нынѣшняго императора, прежде чѣмъ сдѣлаться его подданнымъ, и пойти на встрѣчу такому подданному, несмотря на его глухую оппозицію,—не значило, конечно, причинить ущербъ достоинству верховной власти—напротивъ. Всѣ отлично понимали это, начиная съ самого императора, и послѣдній не замедлилъ принять соотвѣтственное рѣшеніе.

Императоръ исполнилъ свою задачу съ большимъ тактомъ и съ изысканною любезностью: онъ воспользовался предстоявшимъ днемъ своего рожденія и послалъ въ Фридрихсруэ своего флигель-адъютанта, фонъ-Мольтке, съ письмомъ, въ которомъ выразилъ желаніе видѣть князя Бисмарка у себя въ Берлинѣ въ день своего семейнаго праздника. Бисмаркъ охотно принялъ приглашеніе и пріѣхалъ

26-го (14-го) января въ столицу, гдѣ не показывался со времени своей отставки. Встрѣчаемый повсюду шумными, восторженными привѣтствіями, онъ пробылъ до вечера въ королевскомъ дворцѣ и затѣмъ возвратился въ свой мирный Фридрихсруэ. Императоръ обошелся съ нимъ какъ съ старымъ дорогимъ другомъ, и ихъ трогательное публичное свиданіе, объятія и поцѣлуи наполнили сантиментальныя нѣмецкія сердца искреннею, всеобщею радостью. Вильгельмъ былъ въ этотъ день предметомъ необычайныхъ овацій, среди которыхъ раздавались изъ толпы единодушныя громкія заявленія благодарности. Такъ закончился, къ общему удовольствію, періодъ внѣшняго формальнаго разрыва между императоромъ и главнымъ создателемъ и устроителемъ его имперіи. Насколько можно судить по отзывамъ нѣмецкой печати, этотъ день былъ настоящимъ національнымъ праздникомъ для Германіи.

Само собою разумѣется, что состоявшееся примиреніе не можетъ имѣть серьезныхъ политическихъ послѣдствій: Бисмаркъ уже слишкомъ старъ, чтобы принимать какое-либо участіе въ дѣлахъ, а императоръ слишкомъ гордъ, чтобы начать опять обращаться къ нему за совѣтами. Единственнымъ и вполнѣ достаточнымъ результатомъ остается сознаніе, что общественная совѣсть нѣмецкаго народа успокоилась и что въ случаѣ кончины бывшаго канцлера императоръ будетъ въ состояніи играть подобающую роль при устройствѣ національныхъ похоронъ, не опасаясь упрековъ въ неблагодарности. Дѣятельность Бисмарка принадлежитъ исторіи, и даже вѣрнѣйшіе его поклонники относятся къ нему только какъ къ великому дѣятелю безвозвратно минувшей эпохи.

Финансовые и экономическіе вопросы наиболѣе занимаютъ теперь общественное мнѣніе въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы. Новый военный законъ, принятый имперскимъ сеймомъ въ прошломъ году, увеличилъ ежегодные военные расходы Германіи на крупную сумму въ 65 милліоновъ марокъ; сверхъ того, заключеніе торговыхъ договоровъ уменьшило таможенные доходы имперіи, приблизительно на 35 милліоновъ въ годъ, такъ что необходимо было найти новые финансовые источники для пополненія этого пробѣла въ имперскомъ бюджетѣ, въ размѣрѣ ста милліоновъ марокъ. Министры союзныхъ нѣмецкихъ государствъ должны были выработать соотвѣтственную программу финансовой реформы, при ближайшемъ участіи прусскаго министра, Микеля; но проекты, принятые имперскимъ правительствомъ и внесенные въ германскій сеймъ, возбудили неудовольствіе въ палатѣ и странѣ, и имѣютъ

вообще мало шансовъ на успѣхъ. Публика и слышать не хочетъ ни о налогѣ на вино, ни объ увеличеніи налога на табакъ; а что касается налога на пиво, то одна мысль объ этомъ вызываетъ негодованіе въ нѣмецкомъ населеніи. Правительство имѣетъ предъ собою почти неразрѣшимую задачу: доходы имперскаго казначейства должны быть непремѣнно увеличены на сто милліоновъ, въ силу утвержденныхъ парламентомъ законовъ, а всякіе проекты новыхъ налоговъ или увеличенія прежнихъ вызываютъ общіе протесты. Откуда же добыть новые доходы, если не прибѣгать къ возвышенію подати? Германія желала увеличить свою армію, а на это нужны средства; утвердивъ военный законъ, нельзя отказывать въ деньгахъ на приведеніе его въ дѣйствіе. Между тѣмъ экономическое состояніе Германіи ставитъ серьезныя преграды всякому дальнѣйшему шагу на пути финансовыхъ усилій и нововведеній, и никакая изобрѣтательность не поможетъ открыть новыя формы податей, которыми были бы довольны плательщики. Упадокъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности и обиліе незанятыхъ рабочихъ рукъ также даютъ поводъ къ безпокойству, какъ можно видѣть изъ парламентскихъ преній, возбужденныхъ соціаль-демократами въ имперскомъ сеймѣ, въ засѣданіи 22-го (10-го) января. Пренія, конечно, остались безплодными, но они выяснили существующую бѣдность въ значительной части рабочаго класса, чего не отрицалъ и правительственный ораторъ, министръ Беттихеръ. Какъ поднять народное благосостояніе при возростающемъ гнетѣ милитаризма—это вопросъ, который едва ли разрѣшится при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ.

Тѣ же условія особенно угнетаютъ Италію, для которой роль великой военной державы оказывается рѣшительно не по силамъ. Бѣдственное состояніе итальянскаго населенія доходитъ во многихъ мѣстахъ до повальнаго нищенства и голода, въ то время какъ сотни милліоновъ франковъ собираются съ народа на содержаніе огромной арміи, для сохраненія равноправнаго союза съ Германіею и Австро-Венгріею. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Сициліи дѣло дошло до настоящаго возстанія, при чемъ противъ разоренной народной массы пришлось употребить столь дорого стоющія ей вооруженныя силы. Благодатныя земли пустуютъ въ Сициліи, вслѣдствіе устарѣлыхъ поземельныхъ порядковъ, при господствѣ крупнаго стариннаго землевладѣнія и отсутствія самостоятельнаго крестьянства; а серьезныя экономическія и поземельныя реформы немыслимы, пока правительство озабочено лишь пріисканіемъ новыхъ милліоновъ дохода для пополненія текущихъ потребностей военнаго бюджета. Министръ-президентъ Крисни, занятый высшею политикою, неспособенъ быть

тѣмъ смѣлымъ реформаторомъ, котораго ждетъ Италія, и правительство довольствуется полумѣрами, стараясь выиграть время, въ надеждѣ на лучшее будущее. Засѣданія итальянскаго парламента должны были открыться 25-го (13-го) января, но отсрочены королевскимъ указомъ до 20-го (8-го) февраля, для избѣжанія неудобныхъ запросовъ и преній о печальномъ ходѣ дѣлъ въ Сициліи. Къ тому времени внѣшній порядокъ будетъ возстановленъ на злополучномъ полуостровѣ, а для такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ Криспи, весь смыслъ политической жизни народа заключается во внѣшнемъ обманчивомъ порядкѣ и могуществѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1894.

—Алексѣй Веселовскій. Этюды и характеристики. М. 1894.

Для очень многихъ, и именно для болѣе просвѣщенныхъ русскихъ читателей книга г. Веселовскаго будетъ пріятнымъ подаркомъ къ началу новаго литературнаго года. Журнальная дѣятельность,—изъ результатовъ которой собралась эта книга,—имѣетъ свое великое неудобство: работа разрозпивается, старая книжка журнала забывается, и теряется цѣлое представленіе о намѣреніяхъ автора, о руководящей мысли его трудовъ. Поэтому сборники въ родѣ настоящаго являются какъ бы новымъ вкладомъ въ литературу, который нерѣдко бываетъ очень цѣннымъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ. Въ предисловіи своемъ г. Веселовскій говоритъ:

„Изъ работъ своихъ за много лѣтъ авторъ сдѣлалъ выборъ и позволяетъ себѣ предложить сводъ нѣсколькихъ статей читателямъ. Это журнальные этюды, публичныя лекціи, біографическія вступленія къ изданіямъ писателей, отрывки изъ воспоминаній, наконецъ небольшіе очерки и наброски, написанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты и явившіеся на столбцахъ ежедневной прессы. Все это коренпымъ образомъ переработано, библіографически пополнено до послѣднихъ мѣсяцевъ 1893 года, частью написано вновь. Развитіе литературныхъ типовъ, судьбы вопросовъ, волновавшихъ человѣчество, жизнь сильныхъ духомъ людей и великихъ художниковъ съ XVI-го вѣка до нашихъ дней, итоги и надежды,—вотъ содержаніе этого цикла статей. Оно взято и изъ русской, и изъ иностранной словесности; желаніе хоть чѣмъ-нибудь содѣйствовать сліянію живыхъ особенностей національнаго творчества съ общечеловѣческимъ развитіемъ руководило авторомъ. Его героями являются чаще всего избранныя натуры, вожди людской массы, но не „культъ героевъ“, а другое завѣтное желаніе—раскрыть связь между этой массой и ея

избранниками, сочетать личное съ общимъ, привлекало его къ разработкѣ подобныхъ темъ. На рубежѣ двухъ вѣковъ такія задачи ставятся самою жизнью, налагая на всякаго работника въ области мысли обязанность служить имъ вѣрой и правдой".

Въ книгѣ собраны слѣдующія статьи: Джордано Бруно; Послѣдній рыцарь (Агриппа д'Обинье); легенда о Донъ-Жуанѣ; Мольеръ; Альцестъ и Чацкій; Дени Дидро; У Вольтера; Бомарше; Джонатанъ Свифтъ; Наканунѣ новаго столѣтія; Титаны и пигмеи (альпійская фантазія). Затѣмъ цѣлый рядъ статей о русской жизни и литературѣ: Памяти Фонвизина; Грибоѣдовъ; Три путешествія (Радищевъ: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву; Онѣгинъ — у Пушкина; Чичиковъ—у Гоголя); По поводу юбилея одной статьи („Литературныя мечтанія" Бѣлинскаго); На могилѣ Гоголя; Мертвыя души; Изъ воспоминаній о старомъ другѣ (С. А. Юрьевъ); Деревенскія размышленія.

Таково разнообразное содержаніе этой книги. Этюды, посвященные выдающимся дѣятелямъ прошлой и недавней литературы, западно-европейской и русской, были плодомъ внимательнаго изученія, гдѣ авторъ старался сколько возможно перенестись самъ въ животрепещущіе интересы эпохи и перенести въ нихъ читателя и старался вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить связь этихъ интересовъ съ широкимъ историческимъ развитіемъ, доходящимъ въ послѣднихъ результатахъ до нашихъ дней. Подобное было сдѣлано имъ и въ спеціальномъ трудѣ—О западномъ вліяніи въ новой русской литературѣ (М. 1883): на оберткѣ мы читаемъ, что это изданіе распродано, и не можемъ не высказать сожалѣнія, что авторъ не повторилъ его. Работы этого рода, объясняющія органическое развитіе просвѣтительныхъ идей и самаго художественнаго творчества, могутъ быть особенно полезны теперь, когда въ нашей литературѣ видимо распространяется одичаніе, между прочимъ подъ видомъ стремленія къ высшимъ интересамъ, къ „чистому искусству" забывающее объ элементарныхъ ученіяхъ исторіи. Это печальное состояніе литературныхъ представленій имѣетъ, конечно, свои разнообразныя причины въ условіяхъ послѣдняго времени и къ сожалѣнію не остается безъ вреднаго вліянія на молодыя поколѣнія, которыя оно деморализуетъ. Одна изъ главныхъ особенностей этой новѣйшей школы непомнящихъ родства заключается просто въ историческомъ невѣжествѣ, противъ котораго мало вооружены ея послѣдователи. Книга г. Веселовскаго проникнута какъ разъ противоположнымъ взглядомъ на вещи и можетъ дать много поучительнаго особенно для тѣхъ, кому неясенъ этотъ историческій процессъ литературной жизни въ ея новѣйшія эпохи, и кто добросовѣстно желалъ бы выяснить его себѣ,—

потому что здѣсь заключается главная основа сознательнаго пониманія литературы и самой общественности.

Характеръ изложенія г. Веселовскаго извѣстенъ всѣмъ, кто знакомъ хотя съ нѣкоторыми изъ его сочиненій: это—живой, образный, одушевленный разсказъ, рисующій картины общественной жизни, вникающій въ психологическую и умственную жизнь его героевъ и оставляющій цѣльное впечатлѣніе лица или эпохи. Авторъ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ въ средѣ нашихъ эссеистовъ, съ разнообразными интересами, широкимъ знаніемъ, опредѣленными историческими идеями и мастерствомъ изложенія. Нѣкоторые изъ этюдовъ, здѣсь изданныхъ, знакомы читателямъ „Вѣстника Европы".

— Изученіе античнаго міра въ зависимости отъ успѣховъ науки и просвѣщенія. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ годичномъ собраніи Импер. Казанскаго университета, 5-го ноября 1893 года, орд. проф. Ѳ. Г. Мищенко. Казань, 1893.

Оффиціальныя актовыя рѣчи въ университетахъ стараются обыкновенно выбрать болѣе или менѣе яркій сюжетъ, показную сторону науки, новинку новыхъ открытій, стараются затронуть интересы общества. Г. Мищенко взялъ сюжетъ, очень хорошо извѣстный въ богатыхъ ученыхъ литературахъ запада, но у насъ почти нетронутый, и для русскаго читателя рѣдко университетская рѣчь представляетъ столь любопытнаго и поучительнаго, какъ эта книжка объ изученіи античнаго міра. Несмотря на десятки лѣтъ господства нашей „классической системы", она не вышла за предѣлы школьнаго „предмета", неудовлетворительность постановки котораго признана была самими педагогами-спеціалистами, и доселѣ ничѣмъ не обогатила литературы, кромѣ нѣсколькихъ диссертацій на минимальныя темы и кромѣ коллекціи учебниковъ, „подстрочниковъ" и т. п. Не будемъ возвращаться къ достаточно разъясненному вопросу о свойствахъ нашего классицизма и укажемъ лишь одну его сторону, о которой напоминаетъ книжка г. Мищенко.

Люди, нѣкогда настаивавшіе на необходимости усиленнаго введенія классицизма въ нашу школу, забывали одно существенное обстоятельство. Если въ извѣстной мѣрѣ изученіе античнаго міра, безспорно, абсолютно необходимо для правильной ученой школы и необходимо въ общемъ составѣ литературы,—то при этомъ являются слѣдующія весьма серьезныя соображенія. Во-первыхъ, классицизмъ вообще, и въ частности школьный, никогда не можетъ имѣть у насъ того значенія, какъ въ литературѣ и школѣ западной, потому что

не имѣетъ у насъ той глубокой исторической основы: западная жизнь, съ самаго начала ея развитія, выросла въ различныхъ тѣсныхъ связяхъ съ классическимъ міромъ—отчасти по самому племенному происхожденію (у народовъ романскихъ), а затѣмъ по наслѣдію римскаго права и по церковной жизни, гдѣ латинскій языкъ сталъ языкомъ богослуженія, школы и цѣлой литературы. Теперь извѣстно, что эта связь съ античнымъ міромъ съ начала среднихъ вѣковъ почти не прерывалась, особенно въ Италіи, что такъ называемый гуманизмъ XIV—XVI-го вѣка не былъ чѣмъ-нибудь абсолютно новымъ, а скорѣе только болѣе усиленнымъ движеніемъ, начатки котораго восходятъ гораздо раньше, такъ что ихъ не легко даже прослѣдить... Ничего подобнаго не знала русская историческая жизнь: у насъ не было этой живой исторической связи съ античнымъ міромъ, ни бытовой, ни литературной, и нѣтъ ничего удивительнаго, что если не было въ нашей жизни историческихъ отношеній къ древнему міру, то и современное общество относится къ школьному классицизму какъ къ чему-то чуждому и искусственному, что̀ не имѣетъ никакого національнаго корня. Во-вторыхъ, если смотрѣть на классицизмъ съ другой точки зрѣнія, какъ на орудіе образованія, какъ на элементъ литературнаго развитія, мы встрѣчаемся съ новымъ затрудненіемъ, которое дѣйствительно и приводило многихъ въ недоумѣніе, когда много лѣтъ назадъ, при введеніи новѣйшей школьной системы, шли споры о классицизмѣ и реализмѣ. Люди вполнѣ консервативнаго взгляда на вещи приходили въ настоящее смущеніе, когда классицизмъ, какъ школьная система, настойчиво рекомендовался также людьми консервативнаго взгляда на вещи. Первые смущались тѣмъ, что античный міръ (предполагая, что близкое знакомство съ нимъ будетъ результатомъ усиленнаго школьнаго классицизма) наполненъ такимъ содержаніемъ, которое едва-ли отвѣчаетъ воспитательнымъ цѣлямъ и въ смыслѣ нравственности, и въ смыслѣ политическихъ идей: классическая литература—языческая, ея миѳологія—крайне безнравственная, ея политическія идеи—республиканскія, ея философія—вольнодумная. Это было несомнѣнно справедливо. Одна надежда (съ строго консервативной точки зрѣнія) была въ томъ, что школьный классицизмъ на практикѣ и не дойдетъ совсѣмъ до этихъ опасныхъ сторонъ классическихъ изученій. Онъ дѣйствительно и не дошелъ до нихъ (кромѣ безнравственной миѳологіи, избѣгнуть которой было совершенно невозможно), остановившись на зубреніи грамматическихъ правилъ, которое дошло до того, что обратило, наконецъ, на себя вниманіе болѣе серьезныхъ практическихъ педагоговъ. Дѣйствительно, нашъ школьный классицизмъ не имѣлъ никакого подобія съ тѣмъ широкимъ классическимъ образованіемъ, какое создано было

западной школой, наукой и литературой. Западный классицизмъ, со временъ перваго сильнаго гуманистическаго движенія, былъ длинной и высоко замѣчательной исторіей великихъ научныхъ трудовъ, положенныхъ на раскрытіе внутренняго содержанія классическаго міра, и длинной исторіей глубокихъ вліяній этого содержанія на первостепенные руководящіе умы не только западной науки, но и художественной литературы. Въ силу этого классицизмъ отразился, наконецъ, и въ общественныхъ понятіяхъ, и республиканскія идеи древней Греціи и Рима одушевляли, между прочимъ, дѣятелей французской революціи. Съ другой стороны античныя изученія съ эпохи гуманизма и до новѣйшаго времени были опорой историко-филологическихъ и художественныхъ изысканій, которыя благотворно воздѣйствовали на постановку филологіи національной. Съ конца среднихъ вѣковъ, и безъ перерыва до настоящаго времени, античныя изученія привлекали громадную массу ученыхъ силъ во всѣхъ странахъ западной Европы, почти безъ исключенія: Италія, Франція, Германія, Англія, даже Голландія имѣли своихъ великихъ представителей въ этой области знанія, нерѣдко поражающихъ по истинѣ грандіозными размѣрами совершеннаго труда и пріобрѣтенныхъ результатовъ. Понятно, что только цѣною подобнаго труда и можетъ быть полученъ жизненный результатъ изученія, и только тамъ, гдѣ былъ такой трудъ, можетъ быть усвоено все то плодотворное содержаніе, которое можетъ заключаться въ этихъ изученіяхъ. Ничего подобнаго у насъ никогда не бывало; никогда это содержаніе не входило во всей своей широтѣ въ русскую жизнь, а между тѣмъ только оно и можетъ давать смыслъ самому школьному классицизму. Когда для школьныхъ и даже научныхъ академическихъ цѣлей намъ требовался классическій филологъ, его надо было выписывать изъ-за границы готовымъ, — какъ, напр., еще въ послѣдніе годы дѣйствовалъ въ Россіи недавно умершій ученый академикъ и какъ до сихъ поръ учительствуютъ въ гимназіяхъ и университетахъ выписные филологи.

Г. Мищенко предпринялъ въ краткихъ чертахъ изобразить исторію изученія античнаго міра съ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени. Онъ начинаетъ съ древнихъ грековъ. Онъ указываетъ, какъ для древняго эллина жажда посмертной славы была однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ и сильныхъ побужденій къ дѣятельности, и какъ съ другой стороны рядомъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ древности развивалось стремленіе къ критическому изслѣдованію. „Унаслѣдованное отъ отцовъ и дѣдовъ достояніе многократно подвергалось тщательному анализу, при чемъ несообразное и фальшивое исправлялось или окончательно удалялось изъ обращенія, и продол-

жало сохранять силу только то, что̀ выдерживало критику пытливаго ума и казалось пригоднымъ для рѣшенія назрѣвающихъ задачъ въ настоящемъ и будущемъ. Никакими ссылками на древность нельзя было спасти отжившій порядокъ вещей или доставить успѣхъ фантастическимъ построеніямъ. Аѳиняне высоко чтили родную старину, что̀ не мѣшало имъ, однако, въ теченіе шести-семи вѣковъ одиннадцать разъ измѣнить весь складъ своего общежитія"... На тѣсной территоріи эллинскаго племени „совершенствовались и смѣняли другъ друга многоразличныя философскія системы, разнообразные способы поэтическаго и прозаическаго изложенія, научныя понятія объ окружающемъ, — и весь этотъ процессъ творчества, послѣдовательнаго совершенствованія запечатлѣнъ духомъ неустаннаго изысканія и критики". Такъ греческая мысль направилась на изученіе самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни: греческая философія давно создавала ученія о строеніи міра; историки старались объяснить и осмыслить древнюю миѳологію, когда она потеряла непосредственную вѣру; давно началась сознательная исторіографія и изученіе политическаго строенія обществъ; великія произведенія греческой поэзіи стали предметомъ теоретическаго и фактическаго изслѣдованія и т. д., однимъ словомъ, сложилось то богатое и разнообразное содержаніе, которое отъ самой древности почти безъ перерыва осталось предметомъ изученія и недостижимымъ образцомъ для послѣдующихъ вѣковъ, до настоящей минуты. Въ собственной области литературы уже начаты были тѣ изслѣдованія, которыя стали первымъ образцомъ литературной исторіи. „Въ наслѣдіе отъ древности,—говоритъ г. Мищенко, —мы получили не скудное научное достояніе: элементарную грамматику обоихъ языковъ съ общепринятой теперь терминологіей, ученіе о музыкальномъ ритмѣ и стихосложеніи, распредѣленіе литературныхъ памятниковъ по родамъ и видамъ, біографіи писателей и государственныхъ людей, хронологію авторовъ и событій, критическія замѣчанія къ текстамъ; кромѣ того, въ наукѣ по настоящее время держатся многіе приговоры древней критики объ уцѣлѣвшихъ сочиненіяхъ, многія общія положенія древнихъ философовъ по исторіи человѣческихъ обществъ, теоретическія разсужденія ихъ о природѣ искусства, о поэзіи, объ ораторской рѣчи, о миѳахъ и многое другое".

Античная традиція только на время была отодвинута на второй планъ и иногда почти заглушена распространеніемъ христіанства и разрушеніемъ западной римской имперіи варварскими народами; но никогда не была истреблена вполнѣ. „Достаточно напомнить, что латинскій языкъ на Западѣ оставался языкомъ науки и религіи, что римскіе законы и учрежденія изучались въ новыхъ государствахъ и наложили свою печать на государственное устройство древнихъ гер-

манцевъ, что въ восточной имперіи не переставали говорить и писать на греческомъ языкѣ, не прекращали занятій древними авторами и языкомъ ихъ, а въ средневѣковыхъ монастыряхъ хранилось множество памятниковъ античныхъ литературъ. Отрывочность занятій древностью въ средніе вѣка и малозначительность результатовъ ихъ объясняется тою противоположностью, въ какой находились средневѣковые идеалы съ одной стороны и весь строй античной жизни съ другой. Все просвѣщеніе въ средніе вѣка находилось во власти духовенства, вліяніе котораго простиралось далеко за предѣлы церкви. Надъ мыслію и волей человѣка господствовала церковь съ ея проповѣдью аскетизма и грѣховности человѣческой природы, съ запретомъ свободнаго изысканія, съ ея теологіей, на рабское служеніе которой была обречена философія (philosophia theologiae ancilla)".

Но съ тѣхъ поръ, какъ стала возникать въ средніе вѣка болѣе самостоятельная работа мысли, „возрожденіе" двинулось быстрыми шагами и произвело, наконецъ, обширный переворотъ во всемъ складѣ европейской науки и литературы. Такъ называемый гуманизмъ не былъ созданъ изученіемъ классической древности; онъ былъ выраженіемъ возникавшаго освобожденія личности отъ средневѣкового порабощенія мысли, но онъ нашелъ великую опору въ классической литературѣ, которая именно отвѣчала этому настроенію.

Авторъ рисуетъ затѣмъ картину быстраго распространенія античныхъ изученій, которыя, возникши въ Италіи, распространились затѣмъ въ Германію, Францію, Англію, Испанію, Венгрію, Польшу. Распространеніе этихъ изученій отмѣчено рядомъ знаменитыхъ именъ, составляющихъ славу европейской науки. Всѣ названныя страны въ большей или меньшей степени работали надъ достояніемъ классической древности: ихъ ученые отыскивали рукописи, возстановляли тексты древнихъ писателей, составляли комментаріи, собирали всевозможныя свѣденія о классической древности, все болѣе и болѣе расширяли самое пониманіе ея духа, извлекали изъ нея возбужденія къ философскимъ и эстетическимъ построеніямъ и къ новымъ ученіямъ о нравственности. Франція XVI-го вѣка имѣла уже знаменитыхъ ученыхъ, какъ Исаакъ Казобонъ, какъ два Этьенна, Робертъ и Генрихъ (они звались по-латыни Стефанами, и старшему изъ нихъ принадлежитъ знаменитый словарь латинскаго языка, Thesaurus linguae Latinae, еще въ 1531—1532). Голландія имѣла знаменитаго Дезидерія Эразма и позднѣе Юста Липсіуса; Англія—Бентли, о которомъ Бунзенъ говорилъ, что „историческая филологія, наслѣдіе и слава Германіи, есть открытіе Бентли". Дѣйствительно, корифеи новой филологической школы въ Германіи, Фридрихъ-Августъ Вольфъ, Нибуръ, Бёкъ, Ричль, видѣли въ Бентли своего перваго наставника. Гер-

манія позднѣе выступила на этомъ поприщѣ, но создала здѣсь такіе обширные по размѣрамъ и глубокіе по содержанію труды, которые даютъ ей нынѣ едва ли не первое мѣсто въ области классической филологіи.

Эту исторію развитія классическихъ изученій излагаетъ г. Мищенко въ своей небольшой, но очень живо написанной и содержательной книжкѣ, которую можно рекомендовать всѣмъ, кому не чуждъ интересъ вопроса. Авторъ объясняетъ главнымъ образомъ, какъ изученіе классическаго міра постоянно углублялось съ ходомъ науки и самой общественной и политической жизни. Но есть еще другая сторона вопроса. Исторія изученія античнаго міра любопытна и важна не только въ зависимости ея отъ успѣховъ науки просвѣщенія, но и по воздѣйствію самого античнаго содержанія на развитіе науки и просвѣщенія, и эта сторона вопроса, безъ сомнѣнія, исполнена не меньшаго интереса и поученія. Эта исторія столь же продолжительна. Классическая литература, изучаемая новыми народами не была только пассивнымъ матеріаломъ, на которомъ отражалось постепенное возростаніе европейской научной мысли; своимъ содержаніемъ она съ самаго начала производила сильное вліяніе на ходъ просвѣщенія у воспринимавшихъ ее народовъ. Въ средніе вѣка отголоски классической литературы у писателей первыхъ вѣковъ христіанства были первымъ зачаткомъ свѣтской науки; потомъ классическая философія нашла еще путь въ Европу черезъ арабовъ, и наконецъ цѣлая масса писателей классической древности открылась въ эпоху возрожденія. Если гуманизмъ не состоялъ именно только въ возрожденіи классической литературы, то послѣдняя во всякомъ случаѣ доставляла новымъ стремленіямъ европейской мысли готовую пищу, готовую массу разнообразнаго умственнаго и нравственнаго содержанія, котораго сама европейская мысль еще не въ силахъ была создать и въ которомъ, однако, нуждалась. Первая эпоха возрожденія показала уже то, что̀ еще болѣе ярко обнаруживается впослѣдствіи—въ какой степени европейское просвѣщеніе нуждалось въ восполненіи средневѣковой односторонности. Нѣтъ сомнѣнія, что для своей полноты новѣйшая европейская мысль должна была воспринять и переработать наслѣдіе, оставленное классическою древностью, и это возможно было только путемъ того внимательнаго изученія, какое начинается съ XV—XVI вѣка. При этомъ оказалось, что классическое содержаніе до такой степени овладѣло умами, что совершенно заслонило средневѣковую старину; собственная національная традиція, напр. у нѣмцевъ и французовъ, какъ будто перервалась; французы XVII—XVIII вѣка считали начало своей литературы лишь съ тѣхъ поръ, какъ она стала образовываться „правильно“ по классическому образцу—

средневѣковая старина казалась эпохой варварства. Широкое распространеніе псевдо-классицизма, охватившаго всѣ европейскія литературы, указываетъ уже глубину вліянія античнаго міра. Псевдо-классицизмъ, столько разъ потомъ осужденный, не былъ, конечно, только ошибкой неумѣренной подражательности: онъ заключалъ въ себѣ новыя художественныя формы и новое содержаніе, какихъ не давала туземная средневѣковая традиція; это была необходимая ступень для утвержденія новѣйшихъ литературъ. Рядомъ съ этимъ содержаніе античныхъ литературъ было богато умственными и нравственными возбужденіями: благодаря имъ, европейская мысль освободилась изъ оковъ схоластики; благодаря имъ, возникали широкія философскія ученія, создавалось новое широкое пониманіе искусства; величайшіе умы и таланты нѣмецкаго XVIII-го вѣка, Лессингъ, Винкельманъ, Гёте, Шиллеръ, воспитались на классической поэзіи и искусствѣ,— не говоря о множествѣ другихъ примѣровъ сильнаго благотворнаго воздѣйствія классической древности въ новѣйшихъ литературахъ. Въ кругу собственно филологической науки изученіе древности было той школой, которая помогла основанію филологіи національной: на классическомъ матеріалѣ изощрилась та критика, которая послужила потомъ созданію новой науки о языкѣ и народно-поэтическомъ творчествѣ. Изученіе Гомера у Фридриха-Августа Вольфа было исходнымъ пунктомъ въ уразумѣніи народнаго эпоса вообще... Эпоха псевдо-классицизма прошла, вѣроятно, безвозвратно, но классическая древность, освѣщаемая широкимъ новѣйшимъ изученіемъ, безъ сомнѣнія, на долго сохранитъ свое воспитывающее значеніе. Не всѣ, однако, понимаютъ у насъ,—не всѣ даже изъ тѣхъ, которые являются горячими поборниками классической системы обученія, — что эти плодотворные результаты изученій античнаго міра достижимы только при условіи высокаго уровня цѣлой образованности, при свободѣ критическаго анализа, при высокой постановкѣ цѣлой науки. Безъ этого классицизмъ останется мертворожденнымъ дѣтищемъ школы, въ родѣ того, какъ былъ онъ въ школѣ іезуитской.

Возвращаясь къ книжкѣ г. Мищенко, не можемъ не пожалѣть, что предметъ ея, исполненный такого интереса, не былъ разработанъ у насъ въ трудѣ болѣе обширномъ. Дѣйствительно, уже нѣсколько десятилѣтій классицизмъ господствуетъ въ нашей школѣ, а въ литературѣ нѣтъ сочиненія, которое познакомило бы любознательнаго читателя съ исторіей самой науки. Точнѣе говоря, у насъ есть только отрывки этой исторіи: переведена книга Буркгартда; есть обширное сочиненіе г. Корелина о начаткахъ итальянскаго гуманизма (но оно, по нерѣдкому у насъ обычаю, остается одинокимъ отрывкомъ, который—для нашего читателя—не находитъ себѣ никакой точки опоры

въ какомъ либо цѣльномъ трудѣ); начато въ одномъ журналѣ печатаніе давнишней работы М. С. Куторги... Книга должна бы, при научной точности, сохранить общеобразовательный характеръ; матеріалъ для такого труда существуетъ богатѣйшій въ литературѣ французской, итальянской, англійской и особливо нѣмецкой, и въ общихъ обзорахъ исторіи классическихъ изученій, и въ монографіяхъ отдѣльныхъ вопросовъ и въ жизнеописаніяхъ величайшихъ представителей этой отрасли знанія.

— Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Изслѣдованіе Василія Васильева. М. 1893.

Почитаніе святыхъ русскихъ является съ первыхъ вѣковъ русской церкви. Авторъ поставилъ себѣ задачею собрать свѣденія о фактахъ канонизаціи (причисленія къ лику святыхъ) и способахъ ея совершенія. Онъ собралъ ихъ, сколько возможно было извлечь ихъ изъ святцевъ, изъ житій и наконецъ лѣтописей; такъ какъ большое количество старыхъ памятниковъ остается до сихъ поръ неизданнымъ, то приходилось обращаться и къ рукописямъ—въ библіотекахъ московской духовной академіи, Троицкой Лавры и синодальной.

Авторъ начинаетъ издалека, именно съ перваго возникновенія почитанія святыхъ въ древнѣйшей христіанской церкви, когда установились и формы канонизаціи: установленіе празднованія дня памяти святого и внесеніе имени его въ святцы; затѣмъ церковь обращается къ нему съ молитвами о ходатайствѣ и помощи; во имя его строятся храмы; икона его и мощи, если онѣ были открыты, выставляются для всеобщаго почитанія. Право совершенія канонизаціи принадлежало мѣстнымъ епископамъ, папѣ (въ церкви католической) и соборамъ; въ греческой церкви это право епископовъ сохранялось до XIV вѣка; въ русской церкви оно держалось до XVI столѣтія и только послѣ Макаріевскихъ соборовъ (1547 и 1549) перешло исключительно къ высшей церковной власти. Святой можетъ быть почитаемъ или только въ одной мѣстной церкви, и въ такомъ случаѣ онъ остается мѣстнымъ святымъ; или онъ почитается всею церковью и тогда считается общимъ или всецерковнымъ. Въ каждой отдѣльной церкви (русской, болгарской и т. д.) въ свою очередь бывали мѣстные и общіе святые —смотря по тому, совершена ли канонизація только мѣстнымъ епископомъ, или высшею церковною властью.

Въ древней русской церкви мы видимъ уже многочисленные факты почитанія святыхъ; но до Макаріевскихъ соборовъ сохранился только одинъ формальный актъ канонизаціи, именно опредѣленіе о

причисленіи къ лику святыхъ митрополита московскаго Петра, въ 1339 году. Почитаніе святыхъ было въ старыя времена въ особенности мѣстное: нѣкоторые святые были признаны только долго спустя, и напр. князь Владиміръ былъ причтенъ къ лику святыхъ только въ XIII столѣтіи, въ 1240 году, по мысли Александра Невскаго, притомъ не въ Кіевѣ, который подвергся тогда татарскому разгрому, а въ Новгородѣ: митрополиты изъ грековъ относились къ русскимъ святымъ съ недовѣріемъ,—какъ митр. Георгій „бѣ невѣрствуя“ прославленію св. Бориса и Глѣба.

„Удѣльный періодъ русскаго государства,—говоритъ г. Васильевъ,—совпадаетъ съ усиленнымъ развитіемъ у насъ мѣстнаго почитанія нашихъ святыхъ. Это уже одно совпаденіе много можетъ говорить о тѣсной причинной связи этихъ обоихъ явленій... Такъ какъ каждый удѣлъ представлялъ изъ себя цѣлую, замкнутую общину, жившую своею особенною, вполнѣ самостоятельною жизнію, то для каждаго удѣла можно было имѣть свою святыню, около которой онъ обыкновенно и сосредоточивался. Если ея не было, то всячески старались ее пріобрѣсть. Вспомнимъ Андрея Боголюбскаго, который, уѣзжая изъ Кіева, богатаго святынями, въ новый удѣлъ (Суздальскій), гдѣ ихъ не было, не остановился предъ похищеніемъ чудотворной иконы Божіей Матери. Точно также, смотря съ этой точки зрѣнія, для насъ понятна будетъ радость и въ то же время гордость, сквозящая въ словахъ этого же князя, которыя сказалъ онъ при открытіи мощей св. Леонтія, еп. Ростовскаго: „теперь я уже ничѣмъ не охужденъ“, разумѣется, предъ другими князьями, у которыхъ въ удѣлахъ были свои мощи. Такой святыней былъ въ большинствѣ случаевъ какой-нибудь подвижникъ, святитель или князь, много поработавшій на благо этого удѣла. По смерти этого подвижника связь его съ своимъ удѣломъ не прекращалася. Переселившись въ другую жизнь, онъ и тамъ продолжалъ свою прежнюю благодѣтельную дѣятельность. Но и эта посмертная дѣятельность святого простирается не на весь русскій народъ, а только на жителей опредѣленнаго края: святой является по смерти патрономъ именно той мѣстности, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни на землѣ... Къ нему преимущественно обращались съ молитвами о ходатайствѣ предъ Богомъ во время общественныхъ какихъ-нибудь бѣдствій; его имя призывалось въ битвахъ и войнахъ, которыя приходилось вести за свободу своего родного города“...

„Такой взглядъ на святыхъ, какъ на патроновъ и покровителей одного какого-нибудь города, нагляднѣе всего обнаруживается въ отношеніяхъ къ этимъ святымъ князей и жителей какого-нибудь другого удѣла, особенно враждебнаго первому. Обыкновенно удѣлъ, имѣв-

шій много святыхъ, тщеславился ими и дерзалъ даже хульно отзываться о святыхъ и подвижникахъ другихъ мѣстностей... Князья, извѣстные своею набожностью, не считали грѣхомъ грабить храмы чужихъ областей и награбленными сокровищами украшать храмы и раки святыхъ въ своемъ удѣлѣ"...

„Всѣ эти факты, приведенные нами для иллюстраціи отношеній жителей одного удѣла къ святынямъ другого, безъ сомнѣнія для насъ кажутся въ настоящее время весьма странными. Но если мы станемъ на точку зрѣнія того времени, то всѣ эти факты найдутъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ воззрѣніи, по которому тотъ или другой святой считался исключительно только ходатаемъ за свой городъ. Поэтому князь одного удѣла, грабя святыню изъ храма другого и награбленными сокровищами украшая раки своихъ мѣстныхъ чудотворцевъ, оставался вполнѣ вѣрнымъ современнымъ ему воззрѣніямъ, ибо чрезъ это онъ унижалъ святыню другого удѣла и еще болѣе прославлялъ свою. Точно также для насъ, если мы будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія этихъ воззрѣній, будетъ понятно и то явленіе, что князья, присоединяя къ своему удѣлу какой-нибудь другой, старались перенести въ главный свой городъ и всѣ святыни его: будетъ ли то чудотворная икона, или даже просто колоколъ... Отсюда, какъ скоро тотъ или другой удѣлъ терялъ свою святыню, то вмѣстѣ съ нею терялъ какъ бы и свою самостоятельность, что̀ и выражалось наглядно перемѣщеніемъ святыни изъ покореннаго удѣла въ главный городъ покорившаго. Такова, напр., исторія перенесенія иконы Всемилостиваго Спаса изъ Софійскаго новгородскаго собора въ Москву въ 1476 г. великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, которую онъ взялъ именно какъ священный трофей покоренія Новгорода, а также и исторія перенесенія иконы Одигитріи Смоленскія Божія Матери, которая была взята великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ изъ покореннаго имъ Смоленска въ 1514 году" (стр. 146—149).

Когда въ половинѣ XVI вѣка московскіе соборы 1547 и 1549 г. произвели въ обширныхъ размѣрахъ канонизацію русскихъ святыхъ, при чемъ тѣ, которые до тѣхъ поръ были чтимы только мѣстно, стали святыми всей русской церкви,—это былъ актъ такого же объединенія Россіи въ Москвѣ, какое совершено было окончательнымъ уничтоженіемъ удѣловъ и вѣнчаніемъ московскаго великаго князя на царство.

Авторъ подробно разсказываетъ исторію этихъ двухъ соборовъ и объясняетъ ихъ значеніе для канонизаціи святыхъ въ послѣдующее время. Далѣе, онъ разсказываетъ ходъ канонизаціи съ половины XVI вѣка до конца XVII и въ заключеніе даетъ краткія свѣденія

о канонизаціи святыхъ со времени учрежденія св. синода и до настоящаго времени.

— Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ II. Спб. 1893.

Въ предисловіи собиратель сообщаетъ, что размѣры настоящаго тома выросли, сверхъ его предположеній, уже въ теченіе (довольно продолжительнаго) печатанія книги, такъ какъ г. Шейнъ получилъ очень много сообщеній отъ своихъ давнихъ сотрудниковъ, содѣйствіемъ которыхъ онъ пользовался и въ прежнее время, а кромѣ того много сообщеній отъ статистическихъ комитетовъ могилевскаго, минскаго и гродненскаго, которые, по распоряженію губернаторовъ, доставили г. Шейну много этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ по его программѣ. Составился большой томъ (до 700 страницъ). Между прочимъ, большое количество записей сдѣлано было волостными писарями, и г. Шейну представился вопросъ о степени достовѣрности этнографическихъ данныхъ, собираемыхъ этимъ путемъ по оффиціальному распоряженію. Г. Шейну извѣстно, что въ вопросахъ статистики свѣденія, доставляемыя волостными властями, не пользуются репутаціей достовѣрности: насколько свѣденія, собираемыя этимъ путемъ, могутъ быть достовѣрны въ этнографіи? Собиратель полагаетъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ достовѣрность едва ли сомнительна. „Во-первыхъ, какой разсчетъ могъ бы заставить этихъ сельскихъ людей скрывать или выдавать въ искаженномъ видѣ все то, что̀ искони бытуетъ въ ихъ семейной и общественной жизни, что̀ ихъ радуетъ и огорчаетъ, все то, что̀ у всѣхъ на виду и на слуху, и очень часто не только въ своей деревнѣ, но и въ сосѣдней, и во всей даже околицѣ? А во-вторыхъ, что касается исключительно волостныхъ писарей, то ихъ всѣхъ нельзя подводить подъ одну мѣрку; въ настоящее время между ними встрѣчается уже нерѣдко немало и такихъ, которые вышли изъ 5-го и даже 6-го класса гимназіи, или окончили курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, которые съ любовью наблюдаютъ бытовую духовную жизнь окружающихъ ихъ поселянъ, знакомы даже съ трудами Снегирева, Сахарова и т. д. и владѣютъ въ достаточной степени литературнымъ языкомъ“.

Эти соображенія не даютъ полнаго ручательства въ желаемой точности записей. Всего достовѣрнѣе былъ бы матеріалъ, еслибы онъ записывался однимъ лицомъ, знающимъ народную рѣчь и примѣняющимъ одинъ постоянный филологическій пріемъ записи, правильно опредѣленный; когда это невозможно, варіанты въ передачѣ языка

будутъ, вѣроятно, неизбѣжны, и надо только думать, что филологъ, изучающій мѣстныя нарѣчія, будетъ все-таки имѣть возможность извлечь общіе выводы путемъ сличенія. Въ передачѣ текста извѣстная случайность, т.-е. бо̀льшая или мѐньшая вѣрность, останется неустранима. Но при великихъ трудностяхъ, какими окружается этнографическое изученіе именно у насъ, при громадной территоріи русскаго населенія, при различныхъ практическихъ неудобствахъ изслѣдованія, такое собираніе — при участіи большого числа лицъ, работающихъ каждое по своему усмотрѣнію—становится иногда единственнымъ возможнымъ. Припомнимъ, напримѣръ, что сборникъ сказокъ Аѳанасьева, сослужившій такую службу наукѣ, весь составленъ изъ такой сборной работы. Въ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ г. Шейнъ могъ, къ счастью, воспользоваться содѣйствіемъ лицъ, уже опытныхъ въ этомъ дѣлѣ; назовемъ г. Никифоровскаго, который извѣстенъ и своими самостоятельными этнографическими работами.

Матеріалъ настоящаго тома очень богатъ. Главную массу его составляетъ большое собраніе сказокъ, которыя собиратель распредѣлилъ на сказки изъ міра животныхъ, миѳическія и бытовыя. Далѣе, анекдоты, которые вертятся главнымъ образомъ въ условіяхъ деревенскаго быта. Затѣмъ, большое собраніе легендъ, гдѣ идетъ рѣчь о предметахъ религіозныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ связи съ представленіями о происхожденіи природы, дается объясненіе о происхожденіи разныхъ звѣрей, птицъ и т. д. (о происхожденіи коня, медвѣдя, волка, аиста, летучей мыши и т. д.); цѣлый рядъ мѣстныхъ преданій—объ ушедшихъ въ землю церквахъ, о каплицѣ, обитаемой нечистою силой, о заклятыхъ кладахъ, о рѣкахъ и озерахъ, заклятыхъ мѣстахъ и т. д. Затѣмъ большое количество пословицъ, загадокъ, заговоровъ на всякіе случаи обыденной жизни. Наконецъ, довольно обширный отдѣлъ посвященъ духовнымъ стихамъ, виршамъ или псальмамъ религіозно-нравственнаго содержанія, молитвамъ и молитвеннымъ стихамъ. Весь этотъ этнографическій матеріалъ обставленъ указаніями мѣстностей, гдѣ онъ записанъ, и лицъ, которыми онъ былъ записанъ; особая подробная замѣтка сообщаетъ свѣденія о нищихъ-старцахъ (главныхъ исполнителяхъ духовныхъ стиховъ); г-жа Рачинская, сообщившая г. Шейну немало матеріала, приводитъ свѣденія о тѣхъ знахаряхъ и знахаркахъ, отъ которыхъ она собрала много заговоровъ (напрасно только г-жа Р. пишетъ, стр. 520: „Я успѣла списать *съ него* лишь одинъ заговоръ“).

Г. Шейнъ предполагаетъ издать еще одинъ, заключительный, томъ своего сборника: въ цѣломъ это составитъ обширный матеріалъ для изученія бѣлорусской народности и великую заслугу собирателя для этнографической науки. — А. В.

Въ январѣ мѣсяцѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Альбрехтъ, Г., д-ръ мед.—Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни. Руководство для матерей. Перев. п. р. д-ра мед. Л. Финкельштейна. Спб. 94. Стр. 76. Ц. 50 к.

Андерсенъ. — Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Перев. съ дат. А. и П. Ганзенъ. Т. I, вып. 1 и 2. Спб. 94. Стр. 256. Ц. за все изданіе 8 руб.

——— Повѣсти и сказки. Новый полный перев. съ датскаго подлинника. Вып. III, IV и V. М. 93. Ц. по 25 к.

——— Иллюстрированныя сказки. Полное собраніе въ 6 томахъ, съ 530 рис. Перев. Б. Д. Порозовской. Спб. 94. Ц. тома 60 к.

Безобразовъ, П. В.—Женихъ двухъ невѣстъ. М. 94. Стр. 170. Ц. 40 к.

Беранже, П. Ж. — Полное собраніе пѣсенъ, въ переводѣ русскихъ писателей. 403 пѣсни. П. р. И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. 31, 32 и послѣдній. Тифлисъ, 93. Стр. 392. Ц. тома 6 руб.

Благовѣщенскій, Н. А.—Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ. Т. I: Крестьянское хозяйство. М. 93. Стр. 254. Ц. 2 р.

Брэмъ. А.—Жизнь животныхъ. Популярное изданіе (75 вып., 6 полутом., 1.200 иллюстр. въ текстѣ, 1 карта). 5. Хищники.—Кошки.—Перев. съ нѣм. п. р. д-ра зоол. С. М. Переяславцевой. Од. 93. Полутомъ I, вып. 5 и 6. Ц. по 25 к.

Величко, В. Л. — Восточные мотивы, стихотвореніе. Спб. 94. Стр. 273. Ц. 1 р. 50 к.

——— Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 94. Стр. 292. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Алексѣй.—Этюды и характеристики. М. 94. Стр. 649. Ц. 2 р. 75 коп.

Винкель Горнъ, Фр.—Исторія скандинавской литературы отъ древн. врем. до нашихъ дней. Съ прилож. этюда Ф. Швейцера: „Скандинавское творчество новѣйшаго времени“. Перев. К. Бальмонта. М. 94. Стр. 407. Ц. 2 р. 50 к.

Гадзяцкій, Ф. Х.—Матеріалы для статистики душевныхъ болѣзней въ Россіи по даннымъ клиники душевныхъ болѣзней при имп. военно-медицинской академіи. Спб. 93. Стр. 53.

Гитцукъ, В. А.—Сказки русскаго народа. Рис. художн. И. Богатова. М. 94. Стр. 32. Ц. 25 к.

Гейкъ, д-ръ К.—Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и правовѣрныхъ обитателей. Пересказъ съ англ. п. р. Ф. С. Комарскаго. Спб. 94. Стр. 961—1056. Ц. 1 р.

Гиляровскій. Вл.—Забытая тетрадь. Стих. М. 94. Стр. 174. Ц. 2 р.

Де-Волланъ, Григорій.—По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Ч. I: Испанія. Египетъ, Цейлонъ и Индія. Спб. 94. Стр. 364. Ц. 2 р. 25 к.

Дмитріевъ, В. Н.—Кефиръ, лечебный напитокъ изъ коровьяго молока. Изд. 6-е. Спб. 94. Стр. 80. Ц. 60 к.

Зальскій, С. І., проф.—Изслѣдованіе пригодности маловодныхъ мѣстностей Барнаульскаго и Каинскаго округовъ къ заселенію переселенцами изъ Европейской Россіи. Томскъ. 93. Стр. 135.

Зейлихъ, д-ръ И. Е.—Наше зрѣніе. Перев. и дополн. съ француз. соч. „La vue“. par le D-r Jocqs. М. 94. Стр. 160. Ц. 80 к.

Ивановскій. А. А., и *Рождественскій*, А. Г. — Насколько важны выводы проф. Зографа въ его „Антропометрическихъ измѣреніяхъ мужского великорус-

скаго населенія владим., ярослав. и костром. губерній", и имѣютъ ли эти изслѣдованія какое-либо научное значеніе. М. 94. Стр. 59. Ц. 40 к

Карасевъ, А.—Музыкальная Хрестоматія. Добавленіе къ Методикѣ и Урокамъ пѣнія. Ч. I: Дѣтскій возрастъ. Ч. II: Сборникъ музыкальныхъ произведеній для мужскихъ, женскихъ и смѣшанныхъ хоровъ. М. 94. Ц. 40 и 60 к.

Клоповъ, А. А.—Сборникъ Таблицъ, относящихся къ изслѣдованію мукомольной промышл. въ районѣ Волги въ 1892—93 г.

Кожевниковъ, А. Я., проф. — Латиризмъ, болѣзнь, обусловленная употребленіемъ въ пищу. Клиническія лекціи. Спб. 94. Стр. 60.

Кожевниковъ, В.—Безцѣльный трудъ, „Недѣланіе или Дѣло". Разборъ взглядовъ Эм. Золя, А. Дюма и гр. Л. Н. Толстого на трудъ. М. 93. Стр. 52. Ц. 20 коп.

Ланге, Н. Н. — Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Од. 93. Стр. 295. Ц. 2 р.

Лукашевичъ, Клавдія.—Птичница Агаѳья. Разсказы для дѣтей млад. возр. Спб. 93. Стр. 42. Ц. 50 к.

Лѣсковъ, Н. С.—Стальная блоха. Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ. Цеховая легенда. Спб. 94. Стр. 112. Ц. 75 к.

Макалинскій, П. В.—Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, состоящихъ при окружныхъ судахъ. Ч. I и II. Спб. 94. Стр. 363 и 697. Ц. за обѣ части 6 руб.

Мейеръ, Л.—Основанія теоретической химіи. Перев. съ нѣм. Н. С. Дрентельна. Спб. 94. Стр. 258. Ц. 2 р.

Навроцкій, А. А. — Волны жизни. Очерки и разсказы. Спб. 94. Стр. 189. Ц. 1 р.

Нефедовъ, Ф. Д.—Сочиненія. Т. I. М. 94. Стр. 461. Ц. 1 р. 50 к.

Никифоровъ, Л. П., состав.—„На добрую память изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М. 94. Стр. 287.

Нисселовичъ, Л. Н.—Общедоступные очерки по русскому торговому праву. Очеркъ I: О торговыхъ книгахъ. Спб. 93. Стр. 107. Ц. 80 к.

Нордау, Максъ.—Вырожденіе. Перев. съ нѣм. п. р. и съ предисл. Р. И. Сементковскаго. Спб. 94. Стр. 543. Ц. 1 р. 50 к.

Панаевъ, В. А. — Изъ прошедшаго для пользы настоящаго. По поводу узкоколѣ. жел. дор. и удешевленія ширококолѣ. Спб. 93. Стр. 66. Ц. 50 к.

Паркесъ. Г. — Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи. Въ 2 ч., съ 2 портр. автора. Перев. съ англ. В. Невѣдомскаго. М. 94. Стр. 452. Ц. 3 р.

Подкольскій, В.—Будни. Разсказы и очерки. М. 94. Стр. 268. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. — Мечтатель, юноша 30-хъ годовъ XIX ст. Разсказъ въ стихахъ. М. 94. Стр. 52. Ц. 60 к.

Рябининъ, П. В. — Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб. 94. Стр. 89. Ц. 60 к.

Рязанцевъ, В.—Руководство къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля. Съ приложеніемъ „Азбуки" Брайля. Каз. 93. Стр. 41. Ц. 30 к.

Салова, А.—Уютный уголокъ. М. 94. Стр. 285. Ц. 80 к.

Спасовичъ, В. Д. — Сочиненія, т. V и VI. Спб. 94. Стр. 355 и 378. Ц. по 2 руб.

Табашниковъ, А., проф. — По поводу прошлаго векселя. Отвѣтъ на рец. пр. Цитовича: „Къ исторіи векселя". Од. 93. Стр. 51. Ц. 30 к.

Ушинскій, К.—Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, опытъ педагогической антропологіи. Изд. 8, п. р. К. Сентъ-Илера и Л. Модзалевскаго. Спб. 94. Стр. 495. Ц. 2 р. 50 к.

Фуллье, Альф.—Исторія философіи. Перев. П. Николаева. М. 94. Стр. 489. Ц. 3 р.

Шелли. — Сочиненія. Перев. съ англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 2. Изд. 2-е. Спб. 93. Стр. 74. Ц. 50 к.

Шереметевъ, гр. Сергій.—Кіевъ. Спб. 93. Стр. 23.

Шиллеръ. — Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ русскихъ писателей. П. В. Гербель. 9-е изд. Спб. 93. Стр. 467, 456 и 544.

——— Мессинская невѣста, или Братья-враги. Траг. съ хорами. Пер. К. Р. Спб. 94. Стр. 44, въ два столбца.

Шмидтъ, Ѳ. Э.—Перемѣны въ земледѣльческой техникѣ крестьянъ Нижегород. губерніи. Н.-Новг. 93. Стр. 43.

Шольцъ, Фр.—Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Руководство къ воспитанію въ школѣ и дома. Перев. съ нѣм. Л. Счепсновича. М. 94. Стр. 229. Ц. 1 р. 50 к.

Якубовичъ, В. Ф. — О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ. Спб. 94. Стр. 23.

Berthaut, L.—Le pain du génie. Par. 94. Стр. 227.

Duktmeyer. Fr. — Zur Freiheit aus Deutschland und Russland. Berl. 93. Стр. 52.

Kozłowsky, W. M.—Decadentyzm współczesny i jego filozofie (Paweł Bourget i Frederyk Nietzsche). Варш. 93. Стр. 50.

— Дешевая Библіотека № 177 и 178: Плутархъ; № 240, 241 и 242: Труженики моря, В. Гюго; № 244, 245, 246: Житейскія воззрѣнія кота Мурра, Э. Гофмана; № 250: Сенека; № 251: Панна Сотниковна, Квитки-Основьяненко; № 253: Плавта, Трехгрошовый день. Спб. 93. Ц. отъ 10 до 30 к. за №

— Докладъ соединенной коммиссіи Спб. Обществъ психіатрическаго и юридическаго по вопросу объ организаціи психіатрическаго изученія преступнаго класса. Спб. 94. Стр. 56.

— Литература земельнаго кредита. Библіографическій указатель. Вып. III, Спб. 93. Стр. 34. Ц. 50 к.

— Матеріалы къ оцѣнкѣ земель нижегородской губерніи. Экономическая часть. Вып. XI: Семеновскій уѣздъ. Н.-Новг. 93.

— Моя Библіотека. Изд. М. М. Ледерле. № 49—54: Красное и Черное, ром. Г. Стендаля; № 59: Избранныя новеллы, Дж. Боккаччіо; № 62 и 63: Какъ читать книги, Ч. Ричардсона. Спб. 93.; № 81 и 82: Разсказы, Э. Т. В. Гофмана, т. I. Спб. 93.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Вып. 76, 77 и 78 (Нѣмецкое море—Палаузовъ). М. 94. Стр. 3551—3614. Ц. 40 к.

— „Наша Старина“: I. Маккавеи. II. Рабби-Акесба. Од. 93. Стр. 40 и 46. Ц. по 15 к.

— Обзоръ дѣятельности Спб. Общества естествоиспытателей за первое 25-лѣтіе его существованія. 1868—1893. Спб. 93. Стр. 228 съ приложеніями.

— Отчетъ о дѣятельности дѣтской больницы св. Ольги въ Москвѣ за 1892 г. Годъ 6-й. М. 93. Стр. 298, съ прилож.

— Отчетъ по отдѣленію душевно-больныхъ симферопольскихъ богоугодныхъ заведеній за 1892 г. Д-ра мед. Б. С. Грейденберга. Спб. 94. Стр. 42.

— Памяти отца современной педагогіи Яна Амоса Коменскаго. По поводу 301 годовщины его рожденія. Спб. 93. Стр. 67. Ц. 30 к.

— Первое десятилѣтіе русскаго общества книгопродавцевъ и издателей и журн. „Книжный Вѣстникъ". 1883—93 г. Спб. 94. Стр. 27.

— Протоколы общихъ врачебныхъ совѣщаній въ Спб. городской Обуховской больницѣ за 1893 г. Годъ III. Спб. 93. Стр. 111.

— Пятидесятилѣтіе Орловскаго-Бахтина кадетскаго корпуса. 1843—93. Спб. 94. Стр. 23.

— Сборникъ правовѣденія и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества, состоящаго при имп. Москов. университетѣ, и его статистическаго отдѣленія. Т. II. Спб. 93. Стр. 184. Ц. 2 р. 50 к.

— Статистическій Ежегодникъ московской губерніи за 1893 г. М. 93.

— Труды съѣзда сельскихъ хозяевъ-практиковъ вятской губ. Вятка, 94.

— Харьковскій Календарь на 1894 г. Годъ XXII. Въ 2 книгахъ, съ прилож. плана г. Х. Харьк. 94. Ц. за обѣ кн. 1 р. 80 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Paul Sabatier. Vie de St. François d'Assise. Paris. 1893. Стр. 418.

Францискъ Ассизскій, основатель францискапскаго ордена нищенствующихъ монаховъ въ XIII в.,—одна изъ самыхъ трогательныхъ фигуръ средневѣковой жизни, по цѣльности, нравственному величію и наивной поэзіи, вѣющей отъ каждаго его слова, отъ его подвиговъ и кроткихъ поученій. Если правда, что житія святыхъ замѣняютъ для христіанъ среднихъ вѣковъ миѳологію, отражающую нравственные и эстетическіе идеалы, слагающіеся въ народномъ воображеніи, то это ярче всего сказывается въ исторіи Франциска. Въ немъ воплотилась та искренняя, безъискусственная вѣра, то непоколебимое стремленіе согласовать каждый шагъ въ жизни съ идеаломъ, живущимъ въ душѣ, которые представляютъ самую характерную черту XIII вѣка. Вѣкъ этотъ положилъ начало искусству эпохи возрожденія неумѣлыми по техникѣ, но идеальными по глубинѣ и сосредоточенности религіознаго настроенія картинами и фресками Чимабуэ и Джіотто и подготовилъ поэзію Данте лирическими опытами его предшественниковъ—Гвидо Гиничелли, Ринальдо Аквинскаго, Гвидо Кавалькапти и др. Пышный расцвѣтъ Флоренціи XIV в. подготовлялся духовной жизнью маленькихъ сѣверно-итальянскихъ городовъ въ XII и XIII вв., и самымъ интереснымъ центромъ въ этомъ отношеніи является Сіенна. Тамъ. среди благочестиваго населенія, зародилась своеобразная итальянская живопись; она руководилась вначалѣ образцами византійскаго искусства, но преображеннаго религіознымъ энтузіазмомъ, развившимся благодаря близости Ассизъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Францискъ и его нищенствующая братія. Это вліяніе проповѣдника на окружающихъ, связь его съ развитіемъ духовной жизни Италіи въ эпоху возрожденія и отраженіе въ его характерѣ лучшихъ сторонъ идеализма эпохи, въ которую онъ жилъ,—все это дѣлаетъ чрезвычайно интереснымъ изученіе традиціонныхъ разсказовъ о его подвижнической жизни въ свѣтѣ тѣхъ условій, въ которыхъ сложилась эта жизнь; условія эти, на-ряду съ вліяніемъ благодатной природы

Умбріи, внушившей ему любовь ко всему одушевленному и неодушевленному въ природѣ, и съ общимъ характеромъ эпохи, возведшей идеалъ пассивной добродѣтели самопожертвованія и монашескаго аскетизма до апогея, объясняютъ его внутренній міръ и дѣлаютъ понятными даже многія изъ чудесъ, которыя въ догматическихъ панегирикахъ католическихъ церковныхъ писателей кажутся обычными прикрасами, переносимыми изъ одного житія въ другое.

Новый біографъ Франциска, Поль Сабатье, задался именно этой цѣлью воспроизвести жизнь „Poverello“,—какъ народъ называлъ Франциска, послѣ произнесенія имъ обѣта бѣдности,—со всѣми заблужденіями, предшествовавшими обращенію его къ ученію евангелія, со всѣми моментами религіознаго экстаза и подробностями его многотрудной проповѣднической миссіи, не упуская ни на минуту изъ виду взаимодѣйствія между душевнымъ міромъ идеальнаго „супруга бѣдности“ и внѣшними условіями окружающей его жизни. Онъ относится къ Франциску съ любовью и пониманіемъ его душевныхъ стремленій, которыя до того проявилъ изъ новѣйшихъ писателей только Ренанъ; другимъ, какъ напр. Эдмонду Шереру, наивное увлеченіе проповѣдника, обращавшагося съ словами евангелія къ птицамъ и къ полевымъ растеніямъ, казалось непонятнымъ и свидѣтельствующимъ просто объ ограниченности ума ассизскаго праведника. Что касается католическихъ писателей (какъ напр. д-ръ Бурне, Леопольдъ Шарнасъ и аббатъ Ле-Моннье [1]), то они слишкомъ связаны условнымъ отношеніемъ церкви къ своимъ представителямъ, чтобы представить всесторонній образъ святого, который далеко не всегда шелъ по пути, указанному церковными постановленіями и ставилъ инстинктивное влеченіе души выше слѣпого повиновенія буквѣ церковнаго догмата. То же самое можно сказать и о многочисленныхъ средневѣковыхъ первоисточникахъ, житіяхъ, хроникахъ и т. д., представляющихъ фактическій матеріалъ для біографіи Франциска. Критикой сравнительнаго историческаго значенія этихъ документовъ Сабатье начинаетъ свой трудъ, и разборъ его показываетъ, что за фактическими данными, собранными въ этихъ показаніяхъ послѣдователей и учениковъ Франциска, трудно признать психологическую правду;—образъ восторженнаго и простодушнаго монаха XIII в. является въ нихъ неподвижной фигурой святого, окруженнаго ореоломъ святости съ дѣтства, не знавшаго ни страстей, ни борьбы; онъ напоминаетъ собой тѣ первыя изображенія святыхъ на картинахъ старѣйшихъ художниковъ сіенской школы,

[1]) Vies de Saint-François d'Assise, par D-r A. Bournet (Lyon, 1893), le R P. Léopold de Charnace (1891) et l'abbé Le Monnier (1892).

гдѣ, въ подражаніе византійской живописи, золотой фонъ и золотые узоры на пышной мантіи были внѣшними символами святости и праведности, а самое лицо сохраняло всегда одно и то же условно-величественное выраженіе.

Сабатье оживляетъ въ своемъ трудѣ весь этотъ огромный, но безжизненный матеріалъ и обращаетъ исторію Франциска въ увлекательный романъ на психологической подкладкѣ. На немъ сильно замѣтно вліяніе Ренана въ этомъ отношеніи: онъ не только зараженъ пристрастіемъ скептическаго историка христіанства къ смиренному апостолу безкорыстія и любви къ людямъ, но разсказываетъ исторію его жизни съ пріемами Ренана въ его „Vie de Jésus“. Конечно, онъ очень далекъ отъ поэтичности и художественной обаятельности изложенія Ренана; главы, посвященныя описанію „état d'âme“ Франциска, во время его мистическаго общенія съ Христомъ, послѣ котораго тѣло его получило стигматы распятія, и другія, описывающія и объясняющія его чудеса, его отношеніе къ наукѣ и т. д., написаны слишкомъ изысканно и недостаточно искренно. Авторъ колеблется въ своемъ изложеніи между вѣрой въ возможность проявленія чудодѣйственнаго общенія съ божественнымъ началомъ жизни и стремленіемъ согласовать факты, сообщаемые хрониками, съ нашимъ современнымъ пониманіемъ неуловимыхъ движеній мистически настроенной души; поэтому рисуемый имъ образъ выступаетъ менѣе просто и человѣчно, чѣмъ величественная и понятная въ своей простотѣ фигура, воспроизведенная Ренаномъ.

Въ очень интересномъ введеніи къ своей книгѣ Сабатье излагаетъ оригинальный взглядъ на религіозное движеніе XIII-го в., какъ на походъ противъ владычества церкви надъ умами, и на святыхъ проповѣдниковъ той эпохи, какъ на еретиковъ, стремившихся уничтожить монополію духовенства въ дѣлѣ проповѣди евангелія и сдѣлать ее достояніемъ мірскихъ служителей Христа, вышедшихъ изъ народа и живущихъ среди него.

Францискъ Ассизскій—самый типичный представитель этого мірского и чисто народнаго проповѣдничества, чѣмъ и объясняется необычайный успѣхъ взятой имъ на себя миссіи. Проповѣдуемый имъ идеалъ жизни стоялъ безконечно выше церковнаго идеала той эпохи: онъ училъ людей милосердію не во имя эгоизма, ожидающаго награды за добродѣтель, а во имя чистой, безкорыстной любви; проповѣдь эта привлекала толпы послѣдователей потому именно, что она исходила не отъ вооруженнаго богословскими тонкостями представителя духовенства, преисполненнаго сознаніемъ своего могущества, обладающаго грознымъ орудіемъ отлученій, интердиктовъ и т. д., а отъ смиреннаго мірянина, ставшаго открыто на сто-

рону „populo minuto“, не заискивавшаго въ „populo grasso“, и замѣнившаго языческое задабриваніе суроваго божества молитвой, т.-е. внутреннимъ общеніемъ съ предметомъ своего поклоненія, источникомъ вѣчной, безконечной любви. Въ молитвѣ, понимаемой какъ единственный способъ для вѣрующаго приблизиться къ божественному идеалу, заключается основной мотивъ, характеризующій личность Франциска Ассизскаго. Отмѣчая эту черту и передавая вдохновенныя молитвы, съ которыми Францискъ обращался не только къ Христу, но къ символизирующимъ божественную любовь созданіямъ въ внѣшней природѣ, біографъ его устанавливаетъ связь апостола смиренія и любви съ своимъ вѣкомъ. Связь эта, съ одной стороны — наивный и искренній мистицизмъ, одинаково проявляющійся въ мадоннахъ Ботичелли и Леонардо да-Винчи, какъ и въ „cantique au soleil“ и обращеніи къ птицамъ Франциска; съ другой, какъ Сабатье указываетъ въ описаніи первыхъ лѣтъ подвижничества Франциска, онъ является человѣкомъ средневѣковыхъ понятій по той примѣси рыцарства, которая проявляется въ его поступкахъ: онъ избираетъ бѣдность „дамой своего сердца“, дѣлается ея защитникомъ, совершаетъ подвиги во имя ея,—вся символика любовнаго языка „трибуналовъ любви“ примѣняется къ суровой, самоотверженной миссіи человѣка, отрекшагося отъ мірскихъ благъ во имя вѣчнаго идеала.

Исторія Франциска до перелома въ его жизни, приведшая его къ апостольству, разсказана въ книгѣ Сабатье съ массой бытовыхъ подробностей, освѣщающихъ условія, которыя дали будущему проповѣднику его умѣнье понимать людскую печаль, его близость къ внутреннему міру своихъ современниковъ. Отецъ Франциска. Пьеръ Бернардоне, былъ богатый купецъ, изъѣздившій всю Европу съ своимъ товаромъ и вынесшій изъ своихъ опасныхъ по тогдашнимъ временамъ странствованій большое знаніе свѣта. Въ средніе вѣка купцы, имѣвшіе близкія сношенія съ самыми разнообразными слоями населенія разныхъ странъ, были своего рода живой газетой, разносившей по свѣту не только новости дня, но и новыя идеи; такимъ образомъ, уже въ родительскомъ домѣ, подъ вліяніемъ разсказовъ отца, у Франциска зарождалась мечта тоже пуститься странствовать по свѣту,—только предлагая встрѣчнымъ, вмѣсто блестящихъ тканей его отца, духовную пищу, отъ которой просвѣтлѣютъ ихъ души. Первая молодость Франциска была очень бурной,—его душа чуждалась болѣе всего будничной пошлости окружающей среды, и онъ увидѣлъ въ рыцарствѣ идеалъ, который обѣщаетъ удовлетворить мучившую его жажду подвиговъ. Онъ предался кутежамъ и веселью, выдѣлялся среди своихъ товарищей любовью къ роскоши и

блеску, жилъ среди постоянныхъ попоекъ и развлеченій, и лишь изрѣдка удивлялъ своихъ друзей внезапными порывами любви къ нищимъ, ради общества которыхъ онъ не разъ покидалъ общество самыхъ знатныхъ людей.

Перемѣна во Францискѣ произошла во время болѣзни, которую онъ навлекъ на себя излишкомъ кутежей; онъ понялъ пустоту своей жизни, но ни рыцарскіе подвиги, къ которымъ онъ опять сталъ стремиться, ни религія, какъ она понималась въ то время, не удовлетворяли его болѣе, такъ какъ религія направлена была лишь на охраненіе человѣка отъ кары Бога и его служителей, а не на то, чтобы облегчать страданія души. Слѣдуя своему естественному влеченію, Францискъ по выздоровленіи, вошелъ въ близкія отношенія съ нищими своего роднаго города, которые, какъ во всей Италіи, нуждались не столько въ средствахъ для пропитанія,—щедрая южная природа даетъ всѣмъ возможность удовлетворить самыя настоятельныя потребности,—какъ въ участіи и дружескихъ заботахъ. Среди нихъ, ухаживая за больными, живя подолгу съ прокаженными и подолгу задумываясь надъ средствами исцѣлить тѣло и душу людей, онъ мало-по-малу проникнулся своей миссіей, чувствуя, какъ увеличивается его близость къ Богу, какой всепоглощающей любовью онъ проникается къ Нему. Въ февралѣ 1209 г., присутствуя при богослуженіи въ маленькой церкви, Францискъ слушалъ слова евангелія, зовущія вѣрующихъ идти возвѣщать по всѣмъ дорогамъ близость царства Божія, облегчать страданія больныхъ, обмывать раны прокаженныхъ и отказаться отъ владѣнія какой бы то ни было собственностью. Франциску казалось, что онъ слышитъ эти слова, обращенныя лично къ нему, изъ устъ самого Христа, и это рѣшило его судьбу: съ этой минуты онъ поставилъ себѣ цѣлью жизни проповѣдовать бѣдность, отреченіе и любовь во имя блага человѣчества и любви къ Христу. Отрекшись отъ всѣхъ родственныхъ узъ, выдержавъ жестокую борьбу съ своимъ отцомъ, онъ въ присутствіи епископа заявилъ, что отнынѣ посвящаетъ себя всецѣло служенію евангельскимъ истинамъ, и, сопровождаемый примкнувшими къ нему братьями, отказавшимися, какъ и онъ самъ, отъ всякой собственности, кромѣ имѣющейся на нихъ одежды, началъ приводить въ исполненіе свою миссію любви къ ближнему во имя любви къ Христу.

Если періодъ, предшествующій обращенію Франциска, полонъ главнымъ образомъ драматическаго интереса, вслѣдствіе борьбы между внутреннимъ призваніемъ и внѣшними обстоятельствами, которую пришлось вынести сыну Бернардоне, то характеръ слѣдующей затѣмъ эпохи душевнаго успокоенія и плодотворной дѣятельности его —гораздо болѣе сложный. Историку, занимающемуся анализомъ этого

періода, приходится разбираться въ взаимодѣйствіи историческихъ, легендарныхъ и чисто поэтическихъ элементовъ, изъ которыхъ каждый восполняетъ общую картину, и Сабатье съ большимъ умѣніемъ исполняетъ эту задачу. Предъ нами возникаетъ цѣльный образъ мистическаго обожателя Христа, въ пространномъ и документально обоснованномъ разсказѣ о путешествіи Франциска съ небольшой кучкой братьевъ въ Римъ, гдѣ папа Иннокентій III поддается обаянію душевной чистоты Франциска и разрѣшаетъ ему основать орденъ свободныхъ монаховъ; уставъ его (Règle) 1210 г., съ трогательной простотой говорящій о твердомъ храненіи обѣта бѣдности и любви, утвержденъ, и торжествующая братія возвращается въ Римъ, селится въ случайныхъ пристанищахъ въ Rivo Torto, въ Portioncule, попадающихся по дорогѣ, занимается проповѣдью своего ученія по всей Италіи и за ея предѣлами, и мало-по-малу приверженцы Франциска становятся все многочисленнѣе. Слава основателя ордена „Frères mineurs“ ростетъ послѣ того какъ, вмѣшиваясь въ гражданскія распри, происходившія въ Ассизѣ, ему удается примирить враждующія фракціи знатныхъ и бѣдныхъ; объѣзжая Италію вмѣстѣ съ другими братьями, онъ первый подаетъ примѣръ физическаго труда, то работая надъ починкой храмовъ, то исполняя необходимыя работы по устройству общинъ, или ухаживая за прокаженными. Примѣръ его безкорыстія и смиренія собираетъ около него все болѣе увеличивающееся число послѣдователей. Но главная причина неотразимаго вліянія проповѣди Франциска, какъ это и старается выяснить Сабатье,—тотъ безграничный энтузіазмъ, которымъ переполнена была его душа, и та мистическая поэзія, которая дѣлала близкой ему всю природу. Сабатье описываетъ знаменитый эпизодъ въ Беваньи, когда, увидѣвъ летящую ему на встрѣчу стаю птицъ, Францискъ обратился къ нимъ со словами: „птицы, сестры мои“, призывая ихъ славить Создателя. Любовь Франциска къ птицамъ и всякимъ животнымъ, наполнявшимъ устроиваемыя имъ общежитія братьевъ, а также къ цвѣтамъ и всему въ природѣ—очень существенная черта его душевнаго облика, и, настаивая на ней, біографъ Франциска дѣлаетъ образъ его еще болѣе близкимъ и понятнымъ. Исторія послѣднихъ лѣтъ Франциска, его владычество надъ преклонявшимся предъ его идеальной проповѣдью населеніемъ, чудеса, которыя онъ совершилъ исключительно силой своей вѣры и любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ описаніе тяжелой скорби, сокрушавшей его при видѣ измѣненій въ первоначальныхъ принципахъ ордена, допускаемыхъ его сподвижниками, паденіе строгости обѣта бѣдности и т. д.—все это, вмѣстѣ съ разсказомъ о спокойной и поэтической смерти Франциска, составляетъ содержаніе послѣднихъ главъ книги Сабатье.

Мы уже говорили, что не въ фактической передачѣ житія Франциска главный интересъ труда Сабатье, хотя и въ этомъ отношеніи книга представляетъ большой интересъ, благодаря тщательному критическому изученію первоисточниковъ и рельефной передачѣ подробностей. Но разсказать подвигъ любви, который представляетъ изъ себя жизнь Франциска, не составляло главной цѣли автора разбираемой книги,—онъ хочетъ объяснить этотъ подвигъ, нарисовать душевную жизнь героя этихъ подвиговъ самоотреченія и выяснить въ ней элементы современнаго ему господства мистицизма и поэтической экзальтаціи. Насколько ему удалась эта послѣдняя задача, можно судить лучше всего по нѣкоторымъ главамъ, какъ напр. о стигматахъ, объ отношеніи ордена къ наукѣ и по психологической главѣ „L'homme intérieur et le thamaturge". Дѣлая общую характеристику внутренней жизни Франциска, Сабатье выставляетъ главными ея чертами смиреніе и свѣтлую радость. Смиреніемъ онъ объясняетъ высоту самоотреченія, на которое способенъ былъ этотъ человѣкъ: ему воздавали почти божеское поклоненіе, и, несмотря на это, онъ готовъ былъ всегда подчиниться послѣднему изъ братьевъ и считалъ себя лишь случайнымъ орудіемъ божественной любви, распространяющейся на людей чрезъ его посредство. Смиреніе это не было обѣтомъ, наложеннымъ на себя, а слѣдствіемъ истиннаго мистицизма, т.-е. духовнаго общенія съ источникомъ его глубокой вѣры, съ Христомъ, присутствіе котораго онъ постоянно чувствовалъ въ себѣ. Этимъ основнымъ душевнымъ настроеніемъ объясняется своеобразная, неотразимая поэзія и искренность его молитвъ, чистыхъ символовъ идеальной души. Молитва была для него путемъ къ общенію съ Христомъ, къ отождествленію себя съ Нимъ,—всѣ его чудесныя исцѣленія разслабленныхъ и больныхъ были результатомъ молитвъ, а не личнаго воздѣйствія на нуждающихся въ его помощи. Онъ вѣрилъ въ свою силу производить чудеса, но только тогда, когда дѣло шло объ облегченіи страданій; доказывать же истину своего призванія чудесами не согласовалось съ смиреніемъ и съ вѣрой, что истина должна подѣйствовать на людей помимо всякихъ внѣшнихъ доказательствъ.

Другой характерной чертой Франциска было радостное настроеніе, которымъ преисполнены всѣ его дѣйствія и слова;—онъ вмѣняетъ въ обязанность своимъ послѣдователямъ быть радостными и вносить радость въ людскія сердца. Разсказы о странствованіяхъ „Frères mineurs", блуждавшихъ по всѣмъ странамъ извѣстнаго тогда міра для распространенія евангельскаго ученія, наполнены указаніями на бодрость духа и веселое настроеніе, съ которымъ они переносили всѣ невзгоды и лишенія. Имѣя въ виду именно достиженіе этой

внутренней радости, Францискъ и настаивалъ на строгомъ соблюденіи обѣта бѣдности. „Nihil habentes, omnia possidentes"—было его лозунгомъ. Радость, вытекающая изъ любви ко всему міросданію, затмевается, по его убѣжденію, съ одной стороны обладаніемъ чѣмъ бы то ни было изъ земныхъ благъ, а съ другой—ненужными и скорѣе вредными для души стремленіями къ наукѣ и знанію.

Говоря объ этой своеобразной окраскѣ ученія Франциска, Сабатье, какъ намъ кажется, недостаточно отмѣчаетъ, что она представляетъ собой грань, отдѣляющую ассизскаго праведника отъ его вѣка. Сплошное чувство радости, не облагороженное скорбью, не могло привиться къ средневѣковому міровоззрѣнію, построенному на гармоніи контрастовъ, на паѳосѣ страданія, возвысившагося до апоѳеоза блаженства. Самого Франциска этотъ нѣсколько языческій элементъ пантеистической радости привелъ къ отрицанію науки, на основаніи того, что сколько бы человѣкъ ни зналъ, дьяволъ все-таки превзойдетъ его мудрость. Проповѣдь душевной радости и отрицаніе науки послужили главной причиной позднѣйшаго раскола среди его ближайшихъ послѣдователей: уже при жизни его начали основываться монастыри и, слѣдовательно, допускалась собственность, а въ стѣнахъ этихъ монастырей процвѣтали научныя занятія. Фактъ этотъ, причинившій не мало горя Франциску съ его наивнымъ, непосредственнымъ пониманіемъ ученія Христа, кажется намъ очень знаменательнымъ. Насколько высоко-идеальное ученіе Франциска шло параллельно съ общимъ настроеніемъ эпохи и заключало въ себѣ истину, не противорѣчившую теченію жизни, онъ покорялъ души современниковъ, возвышалъ ихъ до безкорыстнаго служенія Богу и любви къ людямъ; но когда проповѣдь божественной любви пошла въ разрѣзъ съ основными принципами жизни, съ развитіемъ знаній и основами гражданственности, Францискъ оказался одинъ-на-одинъ съ своимъ экзальтированнымъ, мистическимъ религіознымъ чувствомъ. Поученія его стали подвергаться критикѣ и реформамъ, и при всемъ преклоненіи предъ его личностью, идеи его перестали вызывать безпрекословное повиновеніе у его учениковъ. Этотъ конфликтъ полнаго идеализма, представителемъ котораго является Францискъ, съ историческими условіями развитія человѣчества,—очень интересная сторона житія святого „рыцаря бѣдности", недостаточно освѣщенная въ книгѣ Сабатье. Трудно также уловить точку зрѣнія автора на такъ называемыя чудеса Франциска. Вѣритъ ли онъ въ нихъ, или нѣтъ? Чѣмъ можно объяснить несомнѣнно выходящіе изъ ряда обыкновеннаго случаи, какъ напр. отвѣтъ Франциска на невысказанныя вслухъ высокомѣрныя мысли его спутника въ одной изъ его

миссіонерскихъ поѣздокъ и т. п.? Сабатье не даетъ объясненій, а ограничивается однимъ пересказомъ хроникъ.

Эта невыясненность точки зрѣнія автора на элементъ чудеснаго въ дѣятельности Франциска особенно сказывается въ главѣ, посвященной документальному изложенію пребыванія Франциска на горѣ Альвернъ, его видѣнія Христа и пробужденія съ стигматами распятія на тѣлѣ, въ видѣ черныхъ наростовъ, напоминающихъ головки гвоздей, на рукахъ и на ногахъ, и раны въ боку, изъ которой медленно сочилась кровь. Весь разсказъ выдержанъ въ поэтическомъ и нѣсколько мистическомъ тонѣ: авторъ думаетъ какъ бы увлечь за собой читателя въ ту область таинственной духовной жизни, въ которой реальныя событія переплетаются съ непонятными явленіями иного міра и дѣлаютъ невозможнымъ разграничить факты отъ представленій экзальтированнаго воображенія. Отъ описанія душевнаго состоянія Франциска, достигшаго полнаго забвенія своей индивидуальности и отождествленія съ духомъ страдающаго на распятіи Христа, Сабатье какъ-то незамѣтно переходитъ къ результату его религіознаго экстаза—къ стигматамъ. Но переходъ этотъ все-таки остается непонятнымъ, и разсказъ о стигматахъ производитъ расхолаживающее впечатлѣніе. Причина этого ясна: разсказывать о таинственныхъ, чудесныхъ событіяхъ, какъ объ историческомъ фактѣ, нужно или съ вѣрой въ нихъ, которая чувствуется, напр., въ пересказахъ чудесныхъ явленій житія Франциска въ поэтическомъ средневѣковомъ памятникѣ „Fioretti“, или давая имъ какое-нибудь реальное, научное объясненіе, какъ это дѣлаютъ новѣйшіе изслѣдователи нервныхъ явленій въ человѣческомъ организмѣ. Сабатье же, очень далекій отъ научной точки зрѣнія, боится въ то же время обнаружить вѣру въ возможность чудесъ, и оттого на изложеніи его лежитъ отпечатокъ неискренности, портящей отчасти общее впечатлѣніе [1]).

II.

Ferdinand Brunetière. Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française. Cinquième série. Paris. 1893. Стр. 276.

Послѣдній томикъ критическихъ этюдовъ Брюнетьера носитъ болѣе догматическій характеръ, чѣмъ предшествующіе выпуски его „études critiques“. Установивъ свою теорію эволюціи литературныхъ

[1]) Ср. этюдъ В. И. Герье о Францискѣ Ассизскомъ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1892, май (стр. 86—111).

жанровъ, Брюнетьеръ проводитъ ее въ анализѣ отдѣльныхъ литературныхъ явленій XVII и XVIII вв. Въ первыхъ четырехъ книгахъ онъ разсмотрѣлъ въ этомъ освѣщеніи драматическую, поэтическую и отчасти философскую литературу классической эпохи французскаго творчества. Вышедшій же нынѣ сборникъ посвященъ болѣе общимъ вопросамъ теоретическаго характера, и самыми интересными изъ этихъ этюдовъ являются статьи: „Le caractère essentiel de la littérature française“ и „La formation de l'idée de progrès“. Въ первой сказалась главная особенность писательской физіономіи Брюнетьера—его пристрастіе къ классическому XVII вѣку, внѣ котораго онъ не признаетъ литературнаго совершенства. Съ этой эпохою, несомнѣнно выдающеюся, но вовсе не превосходящею всѣ остальныя, Брюнетьера связываетъ преобладающее въ ней преклоненіе предъ идеей государственности, авторитета и традиціи. Все выходящее изъ предѣловъ этихъ первоосновъ общественной жизни кажется ему противорѣчащимъ духу французской литературы. Проникнутый этимъ міровоззрѣніемъ, ясно формулированнымъ имъ не разъ въ предъидущихъ произведеніяхъ, Брюнетьеръ приступаетъ къ рѣшенію столь обширнаго и сложнаго вопроса, какъ опредѣленіе общаго характера французской литературы. Самая задача, которой онъ задается въ этомъ этюдѣ, кажется намъ призрачной: нельзя однимъ эпитетомъ охарактеризовать сложность всѣхъ разнообразныхъ элементовъ, составляющихъ литературу какой-нибудь націи; да къ тому же совершенно непонятна необходимость такого tour de force, когда характеристика литературы цѣлаго народа интересна именно тѣмъ, что она отмѣчаетъ всѣ разнообразные элементы, дающіе въ своемъ соединеніи выраженіе духовной жизни націи.

Брюнетьеръ сознаетъ трудность своей задачи, особенно по отношенію къ французской литературѣ. Онъ полагаетъ, что эпитетъ „артистичности“ вполнѣ опредѣляетъ итальянскую литературу, точно такъ же какъ слово „рыцарство“—испанскую; но французская литература ему кажется сложнѣе всѣхъ другихъ, не исключая англійской и нѣмецкой, и формулировку ея онъ считаетъ болѣе затруднительной. Причиной этого взгляда является, быть можетъ, то, что зная болѣе близко свою національную литературу, Брюнетьеръ болѣе ясно сознаетъ разнообразіе ея отдѣльныхъ элементовъ, не допускающее объединенія всѣхъ ихъ въ одной формулѣ. Но тѣмъ не менѣе онъ не оставляетъ мысли отыскать формулу національной французской литературы, и въ самомъ дѣлѣ находитъ ее въ томъ, что основная черта ея — „общественный“ характеръ творчества. Какъ древніе греки, національные французскіе писатели, по теоріи Брюнетьера,

проникнуты воспитательнымъ значеніемъ литературы и стремятся оказать вліяніе на общество; отсюда заботы о ясности и точности стиля, о доступности литературныхъ произведеній для наибольшаго количества читателей. Этимъ же обусловливается выборъ французскими писателями наиболѣе общихъ темъ, интересующихъ всѣхъ затрогиваемыми въ нихъ общественными вопросами. Испанская драма „Сидъ", прекрасная въ поэтическомъ отношеніи, носитъ слишкомъ односторонне рыцарскій колоритъ, чтобы быть классическимъ, общечеловѣческимъ произведеніемъ, подобно „Сиду" Корнеля, гдѣ затронутъ болѣе глубокій общечеловѣческій интересъ—борьба страсти съ законами соціальной жизни. Національная французская литература чуждается индивидуализма въ своемъ стремленіи захватить широкіе общечеловѣческіе интересы и повліять на общественную жизнь; девизомъ ея какъ бы является гораціевскій принципъ: „propria communia dicere", и вслѣдствіе этого, въ то время какъ ораторское искусство и драма получаютъ широкое развитіе, лиризмъ никогда не возвышается во Франціи до высокаго самостоятельнаго развитія.

Искусственность этого опредѣленія—очевидная. Не разъ уже было доказано, что классическій французскій театръ, со всѣми своими стремленіями къ общечеловѣчности и вмѣстѣ съ тѣмъ схематичности греческой трагедіи, является отраженіемъ французскихъ нравовъ и, что̀ еще важнѣе, идей вѣка Людовика XIV, и что задѣваемые писателями того времени общественные вопросы были именно тѣ, которые волновали ихъ современниковъ несравненно больше, чѣмъ людей позднѣйшихъ поколѣній. Съ другой стороны, опредѣленію Брюнетьера противорѣчитъ вся литература текущаго столѣтія, романтизмъ съ его страстнымъ культомъ индивидуализма, не говоря уже о болѣе близкихъ къ нашему времени теченіяхъ въ поэзіи, далеко не стремящейся поддѣлаться подъ уровень пониманія публики, а напротивъ, создающей себѣ обособленную область эстетическихъ идеаловъ.

Говоря о развитіи идеи прогресса въ названной выше статьѣ, Брюнетьеръ опредѣляетъ границы французской литературы XVIII в. двумя произведеніями: „Parallèles des anciens et des modernes" Шарля Перро, вышедшими въ 1697 г., съ одной стороны, и „Esquisse d'une histoire des progrès de l'esprit humain" Кондорсэ (1795 г.)—съ другой. Внутреннее значеніе литературы въ теченіе этого промежутка времени заключается, по его мнѣнію, въ выработываніи идеи прогресса и удаленіи отъ подражанія классическимъ образцамъ. Но эта идея прогресса, т.-е. эволюціи философскихъ идей, равно какъ и ихъ отраженія въ литературѣ, противорѣчила, съ перваго взгляда, вѣрѣ въ

устойчивость законовъ природы, и вотъ въ борьбѣ этихъ двухъ принциповъ-основа всей этической и философской стороны произведеній XVIII в., пришедшихъ къ признанію теоріи прогресса, основанной именно на этой устойчивости законовъ природы, которая, казалось, противорѣчила ей. Торжество эволюціоннаго метода въ изученіи литературы Брюнетьеръ видитъ въ опредѣленіи значенія реформы, внесенной Малербомъ въ исторію французской литературы (La réforme de Malherbe et l'évolution des genres). Малерба большинство историковъ литературы считаетъ новаторомъ, который „не взлюбилъ" Ронсара и его школу и упорядочилъ французскую поэзію, внесъ въ нее строгія правила стихосложенія и стиля. Брюнетьеръ же доказываетъ, что самъ Малербъ имѣлъ много общаго съ Ронсаромъ и его культомъ античной миѳологіи, и что поэтому нельзя считать его какимъ-то свалившимся съ неба разрушителемъ прежняго и создателемъ новыхъ формулъ творчества. Онъ связанъ съ литературнымъ прошлымъ Франціи XVI в. и разрушаетъ въ ней лишь то, что́ разлагалось само собой. Лиризмъ Ронсара, Дюбарта, Ивето и др. клонился къ упадку и помимо вліянія Малерба;—въ силу законовъ творчества онъ уступалъ мѣсто новому жанру, болѣе широко отражающему національный характеръ Франціи,—ораторскому искусству. Ронсаръ сошелъ со сцены, и на его мѣсто воображеніемъ французовъ завладѣлъ обаятельный геній Боссюэта.

Конечно, въ этой картинѣ есть много исторически вѣрнаго. Но зато сколько натяжекъ для того, чтобы сгладить несомнѣнно существующую пропасть между литературными идеалами Франціи XVI и XVII вв. и свести ее къ правильной „эволюціи литературныхъ жанровъ"!—З. В.

ПОРФИРІЙ ГОЛОВЛЕВЪ О СВОБОДѢ И ВѢРѢ.

Замѣтка.

Ишь вѣдь какъ пишетъ! ишь какъ языкомъ-то вертитъ!.. Ни одного-то вѣдь слова вѣрнаго нѣтъ! все-то онъ лжетъ! и „милый дружокъ маменька“, и про тягости-то мои, и про крестъ-то мой... ничего онъ этого не чувствуетъ!...

М. Е. Салтыковъ.

Со словомъ нужно обращаться честно...

Гоголь.

Вѣротерпимость или религіозную свободу я считаю такою же важною и насущною потребностью для современной русской жизни, какою сорокъ лѣтъ тому назадъ была потребность въ освобожденіи крестьянъ. Среди множества разныхъ дѣлъ, возникающихъ въ нашей общественной жизни и литературѣ, есть въ настоящее время только три существенныя: дѣло народнаго образованія, дѣло матеріальнаго самосохраненія народа (вопросъ продовольственный и санитарный) и, наконецъ, дѣло религіозной свободы. Съ этимъ третьимъ связаны всѣ нравственныя задачи и вся историческая будущность Россіи, а потому его слѣдуетъ считать еще болѣе важнымъ, чѣмъ два первыя важныя дѣла нашей жизни. Придя къ такому убѣжденію, я считаю нужнымъ при всякомъ случаѣ обличать тѣ лживыя уловки, посредствомъ которыхъ противники вѣротерпимости (въ нашей печати) стараются отстранить или задержать единственно правильное рѣшеніе этого вопроса. Замѣтка моя: „Историческій сфинксъ“ [1]), въ которой, между прочимъ, перечислены ходячіе софизмы противъ религіозной свободы, вызвала появленіе нѣсколькихъ новыхъ, еще болѣе грубыхъ софизмовъ [2]). Я собирался отмѣтить и ихъ, какъ вдругъ въ области того же вопроса и по тому же поводу совершилось нѣчто, совсѣмъ выходящее изъ ряду вонъ: противъ вѣротерпимости выступилъ самъ господинъ Порфирій Головлевъ, болѣе извѣстный подъ именемъ *Іудушки*. Статья о свободѣ и вѣрѣ, только-что появившаяся въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ, не подписана именемъ Головлева, но со-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, іюнь 1893.

[2]) Въ „Русск. Обозр.“ и „Моск. Вѣд.“

вокупность внутреннихъ признаковъ не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ дѣйствительнаго автора: кому же, кромѣ Іудушки, можетъ принадлежать это своеобразное, елейно-безстыдное пустословіе? [1]) Въ сравненіи съ этимъ, всѣ измышленія и кривотолкованія другихъ противниковъ религіозной свободы, какъ напр. г. Л. Тихомірова, кажутся чѣмъ-то прямодушнымъ и добропорядочнымъ; безпристрастный разборъ ихъ подъ такимъ впечатлѣніемъ даже совершенно невозможенъ; отлагаю его до другого раза, а теперь прошу вниманія для несравненнаго Іудушки.

I.

Основная метода пустословія у Іудушки.

Одна изъ главныхъ характерныхъ чертъ нашего пустослова состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что отъ вопросовъ жизненнаго практическаго значенія онъ отдѣлывается отвлеченными разсужденіями, не имѣющими никакого реальнаго отношенія къ дѣлу. Такъ, напримѣръ, старуха Головлева желаетъ знать, какъ ей быть съ промотавшимся и спившимся старшимъ сыномъ; обращается за совѣтомъ къ Іудушкѣ и слышитъ слѣдующее: „если вы позволите мнѣ, милый другъ, маменька, выразить мое мнѣніе, то вотъ оно въ двухъ словахъ: дѣти обязаны повиноваться родителямъ, слѣпо слѣдовать указаніямъ ихъ, покоить ихъ въ старости—вотъ и все. Что̀ такое дѣти, милая маменька? Дѣти—это любящія существа, въ которыхъ все, начиная отъ нихъ самихъ и кончая послѣдней тряпкой, которую они на себѣ имѣютъ—все принадлежитъ родителямъ. Поэтому родители могутъ судить дѣтей, дѣти же родителей—никогда. Обязанность дѣтей—чтить, а не судить“ и т. д.

Другой случай. Сынъ Іудушки долженъ заплатить проигранныя имъ казенныя деньги; въ послѣдней крайности онъ обращается къ богатому отцу за помощью, а тотъ ему отвѣчаетъ: „У Іова, мой другъ, Богъ и все взялъ, да онъ не ропталъ, а только сказалъ: Богъ далъ, Богъ и взялъ—твори, Господи, волю Свою! Такъ-то, братъ“. Вотъ, наконецъ, рѣшеніе вопроса о судьбѣ младенца, незаконно прижитого самимъ Іудушкой: „Я такъ разсуждаю, что умъ данъ чело-

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1894 г., № 1, статья „Свобода и вѣра“, съ подписью В. Розановъ. Подъ этимъ именемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась прекрасная брошюра о „мѣстѣ христіанства въ исторіи“, ни по содержанію, ни по положенію не имѣющая ничего общаго съ новѣйшимъ произведеніемъ Іудушки: совпаденіе его псевдонима съ именемъ автора той брошюры произошло, очевидно, случайнымъ образомъ.

вѣку не для того, чтобы испытывать неизвѣстное, а для того, чтобы воздерживаться отъ грѣховъ. Вотъ ежели я, напримѣръ, чувствую плотскую немощь или смущеніе и призываю на помощь умъ: укажи, молъ, пути, какъ мнѣ ту немощь побороть—вотъ тогда я поступаю правильно, потому что въ этихъ случаяхъ умъ, дѣйствительно, пользу указать можетъ". А вотъ у женщинъ, заключаетъ Іудушка, „насчетъ ума—не взыщите! Оттого и впадаютъ онѣ въ прелюбодѣяніе!"

Не слѣдуетъ, однако, думать, что такое отношеніе къ жизненнымъ вопросамъ происходитъ отъ безкорыстной страсти къ умственнымъ упражненіямъ. Отвлеченнымъ пустословіемъ Іудушка прикрываетъ всегда какую-нибудь совершенно конкретную гадость. Опредѣленіе дѣтей, какъ любящихъ существъ, ведетъ къ тому, чтобы забрать въ свои руки все имѣніе матери; воспоминаніемъ объ Іовѣ украшается отказъ погибающему сыну въ необходимыхъ ему деньгахъ, а разсужденіемъ о значеніи ума въ борьбѣ противъ грѣховъ подготовляется отреченіе отъ своего незаконнорожденнаго младенца.

Эту методу, усвоенную имъ въ частной жизни, Іудушка всецѣло примѣняетъ и къ литературному обсужденію вопросовъ общественныхъ.

II.

Пустословіе о свободѣ вообще.

Въ извѣстной странѣ, гдѣ существуютъ законодательныя и административныя ограниченія религіозной свободы, возникаетъ вопросъ объ ихъ справедливости и цѣлесообразности [1]). Нужно ли сохранить эти ограниченія свободы, или отмѣнить ихъ вполнѣ, или отчасти, или, наконецъ, требуется ихъ усилить? Іудушка держится, какъ увидимъ, послѣдняго мнѣнія; онъ желалъ бы, чтобы существующая доля религіозной свободы была „безмѣрно" сокращена, но, вѣрный своей методѣ, прямо такого желанія не высказываетъ и не доказываетъ, а пускается въ протяженно-сложенныя разсужденія о вещахъ, относящихся къ дѣлу такъ же мало, какъ терпѣніе Іова къ полковой кассѣ. О реальномъ положеніи религіозной свободы, о практическомъ значеніи вопроса нѣтъ ни одного слова во всей статьѣ. Для Іудушки, повидимому, такъ же неспосно говорить объ этомъ, какъ и о дѣйствительныхъ причинахъ несчастья, случившагося съ Евпраксеюшкой.

Онъ начинаетъ съ увѣренія, что свобода вообще безпрепятственно

[1]) Этотъ вопросъ относительно старообрядцевъ поднятъ недавно и въ „Новомъ Времени".

торжествуетъ повсюду; она все преодолѣваетъ; это идея, очевидно, торжествующая; она, безспорно, даже господствуетъ; но уже не творитъ [1]); она никого болѣе не насыщаетъ и не радуетъ. „Чувство свободы было радостно, пока она была тожественна съ *высвобожденіемъ*, сливалась съ понятіемъ независимости; былъ нѣкоторый гнетъ опредѣленный, тѣсный, сбросить который было великимъ облегченіемъ; эпическая борьба, наполняющая собою конецъ прошлаго и первую половину нынѣшняго вѣка, вся двигалась идеей свободы въ этомъ узкомъ и ограниченномъ значеніи: былъ феодальный гнетъ—и было радостно высвобожденіе изъ-подъ него; былъ гнетъ церкви надъ совѣстью—и всякая иронія надъ нею давала наслажденіе. Тысячи движеній, изъ которыхъ сложилась исторія за это время, движеній то массовыхъ и широкихъ, то невидимыхъ и индивидуальныхъ, всѣ были движеніями, разрывавшими какую-нибудь опредѣленную путу, какою былъ стѣсненъ человѣкъ, вѣрнѣе, скрѣпленъ съ человѣчествомъ. И когда эти тысячи движеній окончены или близки къ концу, побужденіе, лежавшее въ основѣ ихъ, правда, носитъ то же названіе, но каковъ его смыслъ и какова точная цѣна для человѣка? Оно обобщилось, стало идеей въ строгомъ смыслѣ и, съ этимъ вмѣстѣ, потеряло для себя какой-либо предметъ; съ паденіемъ всякихъ путъ, что̀ собственно значитъ свобода для человѣка?“ [2]) Что̀ бы она ни значила *съ паденіемъ всякихъ путъ*, пока они не пали, идея свободы имѣетъ очень опредѣленное значеніе и предметъ,—именно, она совпадаетъ съ потребностью того высвобожденія изъ внѣшнихъ путъ, которое и самъ Іудушка долженъ невольно признать желательнымъ и радостнымъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ никакого гнета и никакихъ путъ, нѣтъ и вопроса о свободѣ; а тамъ, гдѣ внѣшнее *искусственное* стѣсненіе существуетъ, тамъ и свобода не есть отвлеченная „идея“, а натуральная жизненная потребность. Но разъ устремившись въ свою сферу, т.-е. въ пустое мѣсто, Іудушка не скоро оттуда выйдетъ; ему непремѣнно нужно поговорить объ отрицательномъ характерѣ свободы *вообще*. „Она испытана,—разглагольствуетъ онъ, — и не то, чтобы въ испытаніи этомъ оказалась горькою—этого чувства не было; но она оказалась какъ-то прѣсна, безъ особеннаго вкуса, безъ сколько-нибудь яркой ощутимости для человѣка, который, послѣ того, какъ былъ вчера, и третьяго дня, наконецъ давно свободенъ, вдобавокъ къ этому и сегодня свободенъ. Послѣ тысячелѣтней стѣсненности чувство свободы было безконечно радостно; не оно собственно, но моментъ прекращенія стѣсне-

[1]) „Русск. Вѣстн.“, стр. 265.
[2]) „Р. В.“, стр. 266.

нія, т.-е. ощущеніе почти физическое: послѣ вѣковой свободы, когда и вчера ничего не давило меня, какую радость можетъ дать мнѣ то, что и сегодня меня никто не давитъ? Здѣсь нѣтъ *положительнаго*, что́ насыщало бы; только ничто не томитъ, не мучитъ, — но развѣ это то, что́ нужно человѣку?“ [1])

Указывать на неощутимость *прошедшаго* давленія въ отвѣтъ на вопросъ о давленіи *настоящемъ*, толковать о чьей-то вчерашней и вѣковой свободѣ, когда дѣло идетъ о тѣхъ, которые несвободны и сегодня — вотъ подлинная Іудушкина манера. Его спрашиваютъ, нужно ли выпустить на чистый воздухъ людей, задыхающихся въ подвалѣ, а онъ въ отвѣтъ: что́ есть чистый воздухъ? это есть нѣчто прѣсное, безвкусное, хотя и не горькое; въ немъ нѣтъ положительнаго, что́ насыщало бы: чистымъ воздухомъ никого не накормишь; развѣ это то, что́ нужно человѣку и т. д.—Этакій безстыдный пустословъ!

Дальше еще лучше. Ставится вопросъ: что̀ значитъ свобода „для обладателя пачки процентныхъ бумагъ, гражданина міра, который въ этой пачкѣ имѣетъ для себя условіе всего положительнаго, и въ свободѣ только отрицательное условіе безграничной широты употребленія этихъ бумагъ“ [2]). Когда рѣчь идетъ о вѣротерпимости, при чемъ тутъ процентныя бумаги? Очевидно, въ порывѣ пустословія навернулись опѣ на языкъ,—какъ у лейтенанта Апучкина „гранитныя деревца“,—онъ и сболтнулъ.

III.

Іудушка открываетъ свою вѣру.

Вглядываясь въ сѣрый туманъ Іудушкина пустословія, съ трудомъ различаешь, наконецъ, нѣчто въ родѣ мыслей. Во-первыхъ, Іудушка утверждаетъ, что только вѣра имѣетъ право на свободу: „только повѣривъ, я могу требовать нѣкоторой свободы“ [3]). Положимъ такъ: поскольку дѣло идетъ о свободѣ исповѣданія и проповѣданія, само собою понятно, что кому нечего исповѣдовать и проповѣдовать, тотъ и въ свободѣ для этого не нуждается. Но если фактъ вѣры даетъ право на свободу, то при множествѣ разныхъ существующихъ вѣръ каждая изъ нихъ будетъ имѣть одинаковое право со всѣми, что́ и называется вѣротерпимостью. А ея-то именно Іудушкѣ и не хочется допустить, и вотъ что́ онъ начинаетъ плести:

[1]) Тамъ же.
[2]) „Р. В.“, стр. 267.
[3]) „Р. В.“, стр. 269.

„Никѣмъ не замѣчено было, что смыслъ свободы есть собственно субъективный, и она не можетъ быть понимаема въ смыслѣ требованія универсальнаго... Свобода въ универсальномъ смыслѣ, какъ требованіе ея для всего, ставъ сознаніемъ каждаго индивидуальнаго существа, не означала бы здѣсь ничего, кромѣ отрицанія имъ въ себѣ самомъ значенія: только не вѣруя болѣе ни во что, можно требовать для всего свободы... И какъ я, всякій субъектъ можетъ сохранять вѣру въ истинность своего содержанія, не требуя *для него* свободы жизни, движенія, распространенія,—и *ограниченій для всего*, что̀ этому мѣшаетъ, хотя оно такъ же жило по своимъ особымъ законамъ; но я, живущій, въ эти законы заглянуть *не могу*,—*и не долженъ*, насколько я вѣрю и хочу жить“ [1]).

Итакъ, свобода только *для себя*, и ограниченія для всего прочаго. Теперь, по крайней мѣрѣ, ясно, какой вѣры держится самъ Іудушка. Вопреки своему собственному утвержденію, онъ далъ намъ возможность заглянуть въ законъ его жизни. Новаго, правда, мы тамъ ничего не найдемъ. Это тотъ же самый законъ, которому слѣдовалъ въ своей жизни африканскій дикарь, говорившій миссіонеру: „когда у меня уведутъ женъ и коровъ—это зло, а когда *я* уведу у другого—это добро“. Всякій звѣрь и всякая птица, еслибы они имѣли даръ слова, высказались бы навѣрно въ томъ же смыслѣ. Тотъ „законъ жизни“, для котораго Іудушка требуетъ полной свободы и во имя котораго онъ желалъ бы ограничить все остальное, есть просто *законъ жизни животной*—и больше ничего.

IV.

Іудушка клевещетъ на православную церковь.

Но Іудушка не былъ бы самимъ собою, еслибы звѣрообразно-дикую сущность своей вѣры или своего „закона жизни“ онъ высказалъ прямодушно отъ своего собственнаго имени, или отъ имени единомышленныхъ ему звѣрей и дикихъ людей. По натурѣ своей онъ еще болѣе лживъ, чѣмъ скотоподобенъ; свой готтентотовскій субъективизмъ онъ фальшиво привязываетъ къ универсальной и объективной истинѣ христіанства; онъ лжетъ и клевещетъ на православную церковь, выставляя себя говорящимъ отъ ея имени. Свой „законъ жизни“ онъ приписываетъ ей: и она будто бы признаетъ свободу только *для себя*. „Какъ и все,—говоритъ онъ,—живущее какимъ-нибудь утвержденіемъ,

[1]) „Р. В.“, стр. 268, 269. Курсивы мои.

она допускаетъ свободу лишь при условіи сліянія съ собою въ этомъ утвержденіи... Такимъ образомъ, церковь *не только не допускаетъ какой-либо борьбы съ собою, но и не знаетъ этого, что могло бы съ нею бороться подъ инымъ угломъ, какъ только подлежащее исчезновенію, разсѣянію...* Итакъ, *мы утверждаемъ, доля свободы, уже теперь допущенной церковью, безмѣрно превышаетъ ту, которая допустима по существу ея вѣры въ себя*, и эта податливость должна быть отнесена исключительно къ несовершенству того, что́ мы назвали внѣшнимъ и временнымъ ея выраженіемъ. *Не поднимается грѣшная рука закрыть уста хулящія.* Есть воля къ этому, есть сознаніе объ этомъ, есть передъ нами святой закопъ; но вотъ онъ лежитъ, и кто же поднимете его?.. И вотъ мы возвращаемся къ терпимости, противъ которой хотѣли говорить... повторяемъ, въ вѣрѣ ея нѣтъ, въ церкви—нѣтъ, въ религіи нѣтъ... *Допустить обсужденія истинъ своей вѣры церковь не можетъ*,—не по боязни ихъ колебанія, по *по отвращенію къ подобному обсужденію*; и не только обсужденія этихъ истинъ, но и малѣйшаго отступленія отъ цѣлости своей христіанской жизни каждаго единичнаго своего члена... *отступающій отъ церкви для нея презрѣнъ до невыносимости его видятъ, вотъ источникъ церковной нетерпимости*, которая и не можетъ быть съужена иначе, какъ черезъ упадокъ въ вѣрующихъ яркости сознанія факта, на которомъ основана ихъ вѣра“ [1]).

Что въ *исторіи* восточной, какъ и западной церкви бывали не только единичныя проявленія, но и цѣлыя эпохи, запечатлѣнныя религіозною нетерпимостью, что въ православныхъ государствахъ имѣли и имѣютъ мѣсто ограничительные законы противъ иновѣрцевъ—это фактъ несомнѣнный, безъ котораго намъ не пришлось бы теперь и разсуждать о религіозной свободѣ, какъ о жизненномъ вопросѣ. Но чтобы нетерпимость принадлежала къ самому существу православной церкви—этого мы еще ни отъ кого не слыхали, кромѣ Іудушки. Противъ него свидѣтельствуетъ даже г. Л. Тихомировъ, заявляющій: „конечно, терпимость есть правило самого православія“ [2]).

---

[1]) „Р. В.“, стр. 273, 274, 275, 277, 278. Курсивы мои. Я собралъ болѣе яркія мѣста, которыхъ яркость въ самой статьѣ нѣсколько затемняется туманомъ Іудушкина пустословія.

[2]) „Русск. Обозр.“ 1893 г., № 7, стр. 383.

V.

Понятія Іудушки объ иностранныхъ исповѣданіяхъ.

Если Іудушка такъ безцеремонно относится къ той церкви, къ которой самъ принадлежитъ по рожденію, то можно себѣ представить, на что̀ онъ способенъ по отношенію къ чужимъ церквамъ: вѣдь по его принципу онъ не можетъ и не долженъ даже „заглянуть въ законъ ихъ жизни“. Казалось бы, что въ такомъ случаѣ нечего о нихъ и говорить. Но Іудушка говоритъ и даже съ жаромъ объ обоихъ западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. Протестантизмъ онъ объявляетъ невѣріемъ на томъ основаніи, что протестанты (?) не причащаютъ, а иные и не крестятъ своихъ младенцевъ, дожидаясь зрѣлаго возраста. „Мы не можемъ этого понять,—разсуждаетъ онъ,—видя, какъ этихъ же дѣтей, не спрашивая ихъ свободы, не дожидаясь ихъ выбора, родители и обучаютъ, избравъ за нихъ сами методы, и оберегаютъ, опредѣливъ методы ухода, леченія и проч. Мы не можемъ удержаться отъ мысли, что во всемъ этомъ, что̀ имъ даютъ и что̀ съ ними дѣлаютъ такъ твердо отъ рожденія, есть истинная вѣра, есть убѣжденность: я вѣрую, что это благо, — какъ не сдѣлаю этого тому, кого люблю больше себя? Итакъ, если дѣлая себѣ вотъ это другое благо, я, однако, удерживаюсь дѣлать его ребенку своему, котораго люблю болѣе себя, вѣрую ли я въ это благо и тогда, когда себѣ его дѣлаю?“ [1]) Разсудивъ такимъ образомъ, Іудушка затѣмъ уже безо всякихъ дальнѣйшихъ основаній объявляетъ, что протестантизмъ есть неувѣренность въ исповѣдуемомъ, или слабовѣріе [2]).

Я не стану защищать, ибо не считаю правильными упомянутыхъ обычаевъ, которые, впрочемъ, не заключаютъ въ себѣ ничего специфически-протестантскаго [3]). Но хотя бы они заслуживали полнаго осужденія, объяснять ихъ невѣріемъ можно только при особомъ, головлевскомъ способѣ мышленія. По этой логикѣ, если я вѣрю въ таинство брака и считаю супружество для себя дѣломъ добрымъ, то я непремѣнно долженъ поскорѣе женить своихъ грудныхъ младенцевъ, „не спрашивая ихъ свободы, не дожидаясь ихъ выбора: я

---

[1]) „Р. В.“, стр. 280.

[2]) Тамъ же, стр. 281.

[3]) Не крестить малолѣтнихъ только незначительное меньшинство протестантовъ (баптисты и т. п.); что же касается до причащенія младенцевъ, то оно, кромѣ протестантовъ, не принято и у католиковъ.

вѣрую, что это благо — какъ не сдѣлаю этого тому, кого люблю больше себя?"

Что касается католичества, то Іудушка, какъ извѣстно, интересовался имъ уже давно, задолго до выступленія своего на литературное поприще. Помните его бесѣду съ головлевскимъ батюшкой на похоронномъ обѣдѣ? — „А вотъ католики, — продолжаетъ Іудушка, переставая ѣсть,—такъ тѣ, хотя безсмертія души и не отвергаютъ, но взамѣнъ того говорятъ, будто бы душа не прямо въ адъ или въ рай попадаетъ, а на нѣкоторое время въ среднее какое то мѣсто поступаетъ" [1]).

Со времени этой бесѣды Іудушка почему-то до чрезвычайности ожесточился противъ католичества и говоритъ о немъ уже въ другомъ тонѣ: „Не болѣе, чѣмъ въ протестантизмѣ, есть вѣры и въ католичествѣ: іезуитъ, во имя Христа хватающій протестантскаго ребенка и, читая молитву крещенія, обваривающій его кипяткомъ, дабы онъ не остался живъ, не вернулся къ родителямъ и не сталъ въ ряды „колеблющихъ камень Петра"—эта смѣсь бреда, лукавства, изступленія и смѣшныхъ фокусовъ (reservatio mentalis при клятвѣ) —развѣ это вѣра?" [2])—Обваривать младенцевъ кипяткомъ не есть правило католической церкви; но замѣчательно, что подобный поступокъ совершенно согласуется съ правилами самого Іудушки. Вѣдь онъ рѣшительно утверждаетъ, что все противное нашей вѣрѣ должно имѣть для насъ значеніе *только какъ подлежащее исчезновенію, разсѣянію;* что отступающій отъ церкви презрѣнъ до невыносимости его видѣть и т. д. Ну, что же? Предусмотрительный (хотя и не существующій) іезуитъ призналъ въ протестантскомъ младенцѣ будущаго противника своей церкви и подвергъ его скорѣйшему „исчезновенію", и негодовать на него Іудушка можетъ не за это дѣяніе, а только за то, что онъ иновѣрецъ. Вспомнимъ также заявленіе Іудушки, что существующая у насъ вѣротерпимость *безмѣрно* превосходитъ ту, которая должна быть: слѣдовательно требуется безмѣрное ея сокращеніе, т.-е. безмѣрное увеличеніе вѣроисповѣдныхъ стѣсненій, а при такой *безмѣрности* гдѣ было бы принципіальное препятствіе къ обвариванію иновѣрныхъ младенцевъ кипяткомъ? Это не напраслина на Іудушку, а прямой выводъ изъ его нелѣпыхъ словъ. Со словомъ нужно обращаться честно.

---

[1]) Изъ біографіи нашего автора, написанной Салтыковымъ.

[2]) „Р. В.", стр. 281.

VI.

Іудушка вспоминаетъ Содомъ и Гоморру.

Когда нужно было отказать близкому человѣку въ необходимомъ, Іудушка вспоминалъ Іова и его терпѣніе. Теперь, когда онъ старается внушить „безмѣрную“ строгость къ иновѣрцамъ, онъ вспоминаетъ Содомъ и Гоморру и даже полемизируетъ противъ терпѣнія, какъ и противъ терпимости. „Свобода [1]) есть сліяніе въ любви, но во имя любви къ высшему, чѣмъ согрѣтъ, просвѣщенъ, оживотворенъ человѣкъ; и когда эту животворящую, грѣющую, свѣтящую истину онъ оскорбляетъ, конечно предательствомъ ей было бы, еслибы міръ стоялъ и смотрѣлъ на это спокойно,—тотъ міръ, который ею живъ. Итакъ, негодованіе и наказаніе есть то, что слѣдуетъ послѣ долготерпѣнія, любви, усилій исцѣлить для неисцѣлимаго: долготерпѣнія безъ конца не указалъ человѣку Богъ, и Онъ не терпѣлъ Гоморру и Содомъ; значило бы обратить землю въ нихъ, еслибы высшимъ, никогда не нарушаемымъ закономъ для нея поставить мертвое терпѣніе“ [2]).

Вотъ наконецъ справедливое замѣчаніе! Я тоже думаю, что долготерпѣнія безъ конца не указалъ человѣку Богъ, и что земля превратилась бы въ Содомъ и Гоморру, еслибы, напримѣръ, такіе писатели, какъ Іудушка, не возбуждали негодованія и не получали должной мзды. Однако и это единственное справедливое замѣчаніе сдѣлано некстати. Развѣ рѣчь шла о неисцѣлимой нравственной негодности? Еслибы Іудушка съ правдивымъ благочестіемъ относился къ указаніямъ священныхъ текстовъ, а не злоупотреблялъ ими для своей скверной тенденціи, то онъ по вопросу о вѣротерпимости припомнилъ бы не Содомъ и Гоморру (коихъ грѣхи не принадлежали ни къ какому вѣроисповѣданію), а то самарянское селеніе, гдѣ изъ-за религіозной розни не приняли Христа, какъ идущаго въ Іерусалимъ. „Видя то, ученики его, Іаковъ и Іоаннъ, сказали: Господи, хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Илія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: *не знаете какого вы духа*“ (Ев. Луки, IX, 54, 55).

---

[1]) Относясь къ слову систематически-нечестно, Іудушка называетъ свободой то, что всѣ называютъ несвободой. Выше (стр. 276) онъ указываетъ, что идеальная свобода „не исключаетъ страданія, *тьсноты* для людей“.

[2]) „Р. В.“, стр. 286.

VII.

Заключеніе.

Но такъ какъ евангеліе еще не написано для Іудушки, то ему и приходится вопрошать: „Итакъ, что же грѣшнымъ рукамъ, оберегающимъ церковь, дѣлать, слыша хулу на оберегаемое изъ тысячъ устъ?“ Сквозь чащу новаго пустословія пробираемся къ окончательному отвѣту. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ выраженъ прямо, но смыслъ его ясенъ, особенно въ связи со всѣмъ предъидущимъ: „Человѣкъ долженъ защищать все доброе, благое, истинное, не по недовѣрію къ его способности устоять, *но по природѣ своей*; вѣдь и грудной ребенокъ, видя какъ подняли руку надъ его мамкой, кричитъ и *протягиваетъ ручонки*, чтобы ее защитить; какъ же требовать, чтобы народы не дѣлали подобнаго движенія, когда поднимается рука на церковь ихъ, когда хула открывается на самого Бога“ [1]).

Почему народы непремѣнно должны въ образѣ своихъ дѣйствій слѣдовать примѣру грудныхъ младенцевъ, которые, однако, какъ извѣстно, дѣлаютъ и претерпѣваютъ многое, чего не только народамъ, но и отдѣльнымъ лицамъ, вышедшимъ изъ младенчества, дѣлать и претерпѣвать неудобно? Не думаю, впрочемъ, чтобы со стороны Іудушки это было только неудачное сравненіе. Что всякій человѣкъ долженъ защищать и естественно защищаетъ истину, въ которую вѣритъ, — это само собою разумѣется, объ этомъ нѣтъ никакого вопроса и спора. Вопросъ былъ и есть только о томъ: *какими средствами* должно защищать истину вѣры, — духовнымъ ли оружіемъ, т.-е. словомъ убѣжденія и обличенія лжи, или же вещественнымъ оружіемъ, т.-е. принужденіемъ къ молчанію, тюрьмою, ссылкою и т. д. Указаніе на безсловеснаго младенца протягивающаго ручонки, свидѣтельствуетъ, что нашъ авторъ стоитъ за физическія внѣшнія средства въ религіозной борьбѣ; въ этомъ же и весь смыслъ его статьи. И однако сказать это прямо, назвать вещь своимъ именемъ онъ не рѣшился. Человѣколюбіе требуетъ вмѣнить ему въ нѣкоторое смягчающее обстоятельство этотъ послѣдній, практически безполезный, остатокъ стыдливости. Вмѣстѣ съ тѣмъ это есть самое яркое обличеніе той лжи, которую высказать до конца стало стыдно даже Іудушкѣ!

Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) „Р. В.“, стр. 287. Курсивъ мой.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1894 г.

Церковно-приходскія школы въ юго-западномъ краѣ.– Дѣти штундистовъ въ начальной школѣ.—Ультра-націонализмъ, волостныя школы въ остзейскомъ краѣ и финляндскій сеймъ.—† А. М. Унковскій и П. А. Гайдебуровъ.

Вопросъ объ организаціи отношеній между различными категоріями начальныхъ народныхъ школъ, а слѣдовательно и между обоими учебными вѣдомствами—духовнымъ и свѣтскимъ,—приближается къ разрѣшенію: особое совѣщаніе, учрежденное съ этою цѣлью изъ среды представителей обоихъ вѣдомствъ, приступило къ возложенной на него работѣ. Въ „Письмѣ съ береговъ Невы“ („Московскія Вѣдомости“, № 317), написанномъ, повидимому, лицомъ, близко стоящимъ къ дѣлу, задача совѣщанія опредѣлена такъ: окончательное *разграниченіе* сферъ дѣятельности вѣдомствъ учебнаго и духовнаго и согласованіе положенія 25-го мая 1874 г. (о начальныхъ народныхъ училищахъ) съ правилами 13-го іюня 1884 г. (о церковно-приходскихъ школахъ). Уже изъ этого опредѣленія можно заключить, что рѣчь идетъ не объ отдачѣ *всѣхъ* начальныхъ училищъ въ вѣденіе духовенства. То же самое вытекаетъ съ бо́льшею еще ясностью изъ заключительныхъ словъ письма, цитированныхъ нами въ декабрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи: „самое лучшее—*совмѣстное и дружное самостоятельное дѣйствованіе* обоихъ вѣдомствъ“. До какой степени желательно и важно именно такое разрѣшеніе вопроса—объ этомъ мы уже много разъ говорили. Въ пользу свѣтскаго управленія начальной школой начинаютъ теперь раздаваться голоса даже оттуда, откуда всего меньше можно было бы ожидать ихъ. Въ „Гражданинѣ“ (№ 5) напечатана любопытная статья о церковно-приходскихъ школахъ въ юго-западномъ краѣ, подписанная: свящ. І. Я. „Оффиціально,—читаемъ мы въ этой статьѣ,—предписывается обращать особенное вниманіе на духъ обученія въ церковной школѣ; но въ виду оказывающейся оцѣнки ея, de facto, вовсе не по *духу*, а по числу выпускаемыхъ ежегодно изъ школы учениковъ со льготными свидѣтельствами IV-го разряда, завѣдующіе школой священники и учителя отлично поняли, что на одномъ *духѣ* далеко не

уѣдешь". Дальше авторъ статьи разсказываетъ, цѣною какого труда дается священнику устройство и содержаніе церковно-приходской школы—труда, вызываемаго исключительно приказаніемъ свыше или опасеніемъ начальственнаго гнѣва. Заканчиваетъ авторъ такою дилеммой: „или передать устройство и экономическое завѣдываніе церковно-приходскими школами иному спеціальному вѣдомству, которое само заботилось бы объ упорядоченіи ихъ, или, если возлагать эту тяжелую и часто непосильную заботу на рамена того угнетеннаго собственными матеріальными заботами духовнаго пролетаріата, который, по какой-то горькой иронiи судьбы, призванъ создать то великое дѣло, за которое, по его чрезвычайной трудности, не берется само государство, то обезпечить духовенство на столько, чтобы оно могло себя отдать школьному дѣлу безъ затрудненій". При такой постановкѣ дилеммы вторая альтернатива падаетъ сама собою. Въ какой бы мѣрѣ ни было обезпечено духовенство—а эта мѣра, даже въ лучшемъ случаѣ, не можетъ быть очень высока,—оно никогда не будетъ въ состоянiи „отдать себя школьному дѣлу", потому что имѣетъ и всегда будетъ имѣть слишкомъ много другихъ занятій, поглощающихъ бо́льшую часть его силъ и его времени. Беззавѣтно посвятить себя начальной школѣ могутъ только тѣ, для которыхъ обученіе народа—единственное, свободно выбранное, любимое дѣло, призваніе и задача всей жизни. Для такихъ людей довольно самаго скуднаго обезпеченiя, если только они чувствуютъ себя *хозяевами* въ школѣ — хозяевами, конечно, не безконтрольными, но свободными отъ той ежечасной, ежеминутной зависимости, въ которую поставленъ учитель церковно-приходской школы (если этимъ званiемъ облеченъ не самъ приходскiй священникъ).

Возвращаемся къ „Письму съ береговъ Невы". Сравнивая различные источники, на которые существуетъ наша начальная школа, авторъ письма выставляетъ на видъ поразительную несоразмѣрность между средствами, затрачиваемыми на этотъ предметъ казною, и средствами, получаемыми отъ другихъ учрежденiй и частныхъ лицъ. „На три милліона казеннаго пособiя (считая въ томъ числѣ содержаніе дирекцiй и инспекцiй народныхъ училищъ, учительскихъ семинарiй и учительскихъ институтовъ), министерство народнаго просвѣщенiя получаетъ отъ земства и благотворителей [1]) до 7 милліоновъ на начальныя школы, а духовное вѣдомство на 700 тысячъ рублей казенныхъ имѣетъ около трехъ милліоновъ всякаго рода пожертвованiй (отъ церквей, монастырей, сельскихъ обществъ и частныхъ

[1]) Слѣдовало бы прибавить: „отъ городскихъ и сельскихъ обществъ".

благотворителей). Итакъ, четыре милліона казенныхъ суммъ даютъ около десяти милліоновъ общественной и частной помощи начальному народному образованію. Общество въ два съ половиною раза болѣе радѣетъ о начальной школѣ, чѣмъ правительство. Естественно ли это? Развѣ начальная школа не составляетъ предмета первостепенной государственной важности и развѣ она можетъ быть оставлена въ зависимости отъ случайныхъ пожертвованій, развѣ судьбы ея могутъ зависѣть отъ каприза земскихъ партій и частныхъ жертвователей? Конечно, надо радоваться всякому общественному почину и поддержкѣ въ этомъ народномъ дѣлѣ—но при непремѣнномъ условіи, что государствомъ обезпечена насущнѣйшая часть этого дѣла. *Хозяиномъ школы должно быть государство, а общественныя учрежденія и частныя лица—добрыми и щедрыми сотрудниками рачительнаго хозяина*".

Весьма симпатиченъ для насъ взглядъ автора на начальную школу, какъ на дѣло первостепенной государственной важности; совершенно правъ онъ и тогда, когда указываетъ на непропорціонально-малую долю активнаго участія, принимаемаго государствомъ въ содержаніи начальной школы — но тѣмъ болѣе страннымъ и нелогичнымъ является окончательный выводъ. Если для развитія начальной школы общественныя силы—и въ особенности земство—сдѣлали до сихъ поръ несравненно больше, нежели государство, то это объясняется, отчасти, именно тѣмъ, что онѣ пользовались здѣсь нѣкоторыми хозяйскими правами. Ограничить ихъ ролью „щедрыхъ сотрудниковъ", т.-е. поставщиковъ средствъ, распоряжаться которыми будутъ другіе, значило бы допустить явную несправедливость, забыть прошедшія заслуги—и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно затормазить дальнѣйшій ходъ дѣла. За каждой мѣстностью должно быть, безспорно, обезпечено извѣстное число школъ, содержимыхъ, если нужно, на счетъ казны; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы церкви, земства, города, общества, частныя лица не могли быть *хозяевами* въ школахъ, ими открытыхъ или открываемыхъ, отъ нихъ получающихъ средства къ существованію. Государству принадлежитъ *надзоръ* за школами, кѣмъ бы онѣ ни были основаны и содержимы; но надзоръ и хозяйничанье (въ смыслѣ непосредственнаго распоряженія)—далеко не одно и то же. Выборъ мѣста для школы, устройство ея по тому или другому типу, назначеніе преподавателя (подъ условіемъ утвержденія его кѣмъ слѣдуетъ), выборъ книгъ и учебныхъ пособій (изъ числа допущенныхъ къ употребленію въ начальныхъ школахъ), распредѣленіе учебнаго матеріала между различными періодами школьной жизни, организація экзаменовъ—все

это можетъ и должно зависѣть отъ учрежденія, общества или лица, содержащаго школу. Только при этихъ условіяхъ можно разсчитывать на непрерывность традицій, успѣвшихъ образоваться въ области земской и городской школы и въ четверть вѣка создавшихъ то, чего не могли достигнуть цѣлыя столѣтія. „Капризовъ земскихъ партій“ начальной школѣ нѣтъ повода бояться, если только прекратится соперничество между школой свѣтской и церковной, если каждая изъ нихъ будетъ расширять свою сферу самостоятельно, не въ ущербъ другой. Ломка въ земскихъ школахъ происходила, до сихъ поръ, почти исключительно тамъ, гдѣ брало верхъ—большею частью лишь на короткое время—одностороннее стремленіе къ увеличенію, во что бы то ни стало, числа церковно-приходскихъ школъ. Вступая въ союзъ съ узко экономическими разсчетами, это стремленіе приводило къ уменьшенію школьныхъ ассигновокъ и понижению количества или качества школъ. Помимо такихъ экстраординарныхъ случаевъ, сдѣланное однажды для земской школы либо остается неприкосновеннымъ, либо ростетъ, насколько это возможно при современномъ земскомъ оскудѣніи. Устранить главную преграду къ этому росту можетъ только увѣренность, что самостоятельности земскихъ (и городскихъ) школъ ничто не угрожаетъ, что онѣ будутъ сохранены на ряду и наравнѣ со школами министерскими и церковно-приходскими. Лучшимъ признакомъ довѣрія къ земству было бы предоставленіе ему открывать и вѣдать школы грамоты на томъ же основаніи, на какомъ въ настоящее время открываетъ и вѣдаетъ ихъ духовенство.

До какой степени необходимо сохраненіе, рядомъ съ церковно-приходскими, начальныхъ свѣтскихъ школъ, это видно, между прочимъ, изъ того, что въ церковно-приходскихъ школахъ свидѣтельства на льготу и даже простыя удостовѣренія объ окончаніи курса выдаются дѣтямъ неправославныхъ родителей не иначе, какъ по выдержаніи ими испытанія изъ закона Божія по общей для всѣхъ программѣ, наравнѣ съ учениками православнаго исповѣданія [1]). Это не можетъ не удерживать инославныхъ родителей отъ отдачи своихъ дѣтей въ церковно-приходскія школы,—а между тѣмъ цѣлый многочисленный классъ русскихъ гражданъ не можетъ же оставаться безъ доступа къ начальному обученію. Для иновѣрцевъ земская школа служитъ, притомъ, средствомъ сближенія съ церковью; никѣмъ и ничѣмъ не принуждаемые, они часто слушаютъ уроки закона Божія, преподаваемаго православнымъ священникомъ, участвуютъ, вмѣстѣ

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1891 г.

съ товарищами, въ чтеніи и пѣніи православныхъ молитвъ. Весьма важно, поэтому, чтобы земская школа не только продолжала существовать, но и не была подчиняема такимъ правиламъ, которыя могли бы затруднить посѣщеніе ея иновѣрцами. Между тѣмъ вотъ что́ сообщилъ недавно „Кіевлянинъ“: въ нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ одесскаго учебнаго округа имѣлись, среди учениковъ, дѣти штундистовъ, которые или не хотѣли изучать законъ Божій, отговариваясь тѣмъ, что родители запрещаютъ имъ это, или не хотѣли исполнять религіозныя обязанности и православные обряды, ссылаясь на то, что ихъ вѣра не дозволяетъ всего этого. Оберъ-прокуроръ св. синода, съ которымъ сносилось по этому предмету министерство народнаго просвѣщенія, увѣдомилъ его, что въ церковно-приходскихъ школахъ херсонской епархіи ученики-штундисты обязаны исполнять всѣ требованія школы какъ относительно изученія предметовъ, въ томъ числѣ и закона Божія, такъ и относительно соблюденія православныхъ церковныхъ обрядовъ, а въ случаѣ уклоненія отъ этихъ требованій, виновные немедленно должны быть удаляемы изъ школъ. Признавая этотъ порядокъ правильнымъ и согласнымъ какъ съ требованіями церковной дисциплины, такъ и съ задачами школьнаго воспитанія, дѣйствительный тайный совѣтникъ Побѣдоносцевъ высказался за примѣненіе той же мѣры и къ дѣтямъ штундистовъ, посѣщающимъ начальныя народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе оберъ-прокурора св. синода, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ о томъ попечителя одесскаго учебнаго округа, для соотвѣтственнаго распоряженія... Намъ кажется, что послѣдствіемъ этой мѣры весьма легко можетъ быть или совершенное уклоненіе штундистовъ отъ посылки своихъ дѣтей въ оффиціально существующія школы, или развитіе между ними лицемѣрія, одинаково вреднаго для нихъ самихъ и для окружающаго ихъ общества.

Въ области школы, какъ и во всѣхъ другихъ, реакціонная пресса оказывается, сплошь и рядомъ, болѣе ревностной защитницей административнаго „усмотрѣнія“, чѣмъ сама администрація. Въ корреспонденціи изъ Риги, напечатанной недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 22), идетъ рѣчь о проектируемой реформѣ остзейской народной школы. По словамъ корреспондента, предполагается, между прочимъ, сохранить за *евангелическо-лютеранскими сельскими школами* прежнее ихъ названіе и предоставить волостнымъ обществамъ право представленія кандидатовъ на учительскія вакансіи изъ числа лицъ, рекомендованныхъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Эти два пункта, — продолжаетъ корреспондентъ,—„не нравятся *русскимъ компетент-*

нымъ людямъ [1]) и вообще вызываютъ недоумѣніе. Впрочемъ, съ разныхъ сторонъ слышится, что-де эта уступка необходима, что это одна фикція, что все обставлено и огорожено (!) самымъ надлежащимъ образомъ. Но въ этомъ-то, по нашему мнѣнію, и вся бѣда". Рѣшительный и прямолинейный корреспондентъ не хочетъ и слышать объ уступкахъ, хотя бы фиктивныхъ; его возмущаетъ даже „тѣнь зависимости учебнаго начальства отъ волостныхъ обществъ". Чтобы оцѣнить всю соль этого благороднаго негодованія, необходимо припомнить, что кандидатовъ на званіе учителя волостному обществу предоставляется выбирать *только изъ числа лицъ, рекомендованныхъ инспекторомъ народныхъ училищъ*. И это-то „право" признается слишкомъ широкимъ, установляющимъ какую-то зависимость инспектора отъ волостного общества! Не ясно ли, наоборотъ, что общество ставится въ полнѣйшую и безусловную зависимость отъ инспектора, и что требовать чего-то бо́льшаго могутъ только фанатическіе добровольцы произвола?

Съ открытіемъ финляндскаго сейма, члены котораго и на этотъ разъ привѣтствуются свыше какъ „представители финскаго народа", въ о́рганахъ ультра-національностической прессы опять возобновился батальный огонь противъ финляндскаго сепаратизма. До чего доходитъ усердіе газетъ, давно утратившихъ, вмѣстѣ съ самой элементарной справедливостью, всякое чувство мѣры, объ этомъ можно составить себѣ понятіе по слѣдующему образцу. Предводитель одного изъ сеймовыхъ сословій говорилъ, въ своей вступительной рѣчи, о „мрачныхъ тучахъ, затемнившихъ политическій горизонтъ Финляндіи" и „о новыхъ тучахъ, которыя когда угодно могутъ разразиться, угрожая при этомъ основамъ государственнаго существованія Финляндіи"... „Мы, съ своей стороны, думаемъ", — восклицаетъ по этому поводу „Новое Время" (№ 6428),—что едва-ли въ Россіи кто-нибудь былъ бы противъ того, чтобы *тучи* хорошенько сбрызнули финляндскій *политическій горизонтъ*, очень нуждающійся въ освѣженіи". Вся тяжесть подобныхъ выходокъ обрушивается на ихъ виновниковъ. Русское общество, разсматриваемое какъ одно цѣлое, не унизилось еще до грубаго злорадства чужой бѣдѣ, еще менѣе—до накликанія бѣды на чужую го-

---

[1]) Замѣтимъ, что проектъ, критикуемый корреспондентомъ, составленъ попечителемъ учебнаго округа И. А. Лавровскимъ и его ближайшими сотрудниками, которые оказываются, такимъ образомъ, недостаточно „русскими" и недостаточно „компетентными". Какъ трудно, однако, угодить нашимъ ультра-національностистамъ!

лову, въ особенности на голову народа, слабаго числомъ, но сильнаго духомъ и умѣющаго цѣнить свои права.

Наша январьская хроника была уже въ печати, когда скончался А. М. Унковскій. Въ его лицѣ сошелъ со сцены одинъ изъ послѣднихъ крупныхъ дѣятелей крестьянской реформы. Поставленный, въ молодые годы, на такое мѣсто, съ которымъ преданіе и обычай связываютъ одностороннюю защиту сословныхъ интересовъ, А. М. Унковскій сразу возвысился надъ ними и посвятилъ себя работѣ на пользу государства и народа. Губернскій предводитель дворянства сдѣлался представителемъ всѣхъ лучшихъ мѣстныхъ силъ и скоро распространилъ свое вліяніе далеко за предѣлы своей губерніи. Уже въ январѣ 1858 г., черезъ два мѣсяца послѣ обнародованія ноябрьскихъ рескриптовъ, Унковскій поднимаетъ запретный тогда вопросъ о предоставленіи крестьянамъ въ собственность не только усадебной, но и полевой земли. За него высказываются только четыре уѣзда, но это не мѣшаетъ ему возвратиться къ своей мысли, когда, въ августѣ того же года, начинаются занятія тверского губернскаго комитета. Комитетъ принимаетъ ее въ принципѣ (большинствомъ одного голоса); но остается еще преодолѣть формальное препятствіе — несоотвѣтствіе ея съ программой, преподанной всѣмъ губернскимъ комитетамъ. Унковскій, съ тремя другими депутатами, ѣдетъ въ Петербургъ и заявляетъ министру внутреннихъ дѣлъ, что тверской комитетъ согласенъ составить проектъ реформы только на основаніяхъ, признаваемыхъ имъ полезными. Настойчивость тверскихъ депутатовъ приводитъ къ расширенію программы, общему для всѣхъ губернскихъ комитетовъ. Такова первая большая заслуга Унковскаго; за ней слѣдуетъ рядъ другихъ, какъ по составленію проекта тверского губернскаго комитета, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ и широкихъ, такъ и по защитѣ его передъ редакціонными коммиссіями. Редакція извѣстнаго адреса 16-го октября 1859 г., подписаннаго Унковскимъ вмѣстѣ съ двумя членами харьковскаго и двумя членами ярославскаго комитета, принадлежитъ не Унковскому; изъ письма, написаннаго имъ незадолго до смерти, въ 1893 г., и напечатаннаго въ извѣстной книгѣ г. Джаншіева: „Изъ эпохи великихъ реформъ“ (изд. 4, стр. 105—6), можно даже заключить, что не все въ этомъ адресѣ служило вѣрнымъ выраженіемъ его мысли. Въ высшей степени замѣчателенъ, зато, отзывъ Унковскаго о необходимости немедленнаго и коренного, одновременнаго съ крестьянской реформой, преобразованія

полиціи, суда и управленія [1]). Это, съ одной стороны, живая и правдивая картина тогдашнихъ порядковъ, съ другой—превосходный планъ новаго, стройнаго зданія, которое должно быть возведено на развалинахъ стараго административнаго строя. Многія изъ указаній Унковскаго и до сихъ поръ не утратили практической цѣнности; многія изъ его пожеланій могли бы быть повторены и въ настоящее время... Гласность, независимый судъ, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, строгое раздѣленіе властей, самоуправленіе обществъ въ хозяйственномъ отношеніи—таковы главные пункты программы, отразившей въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, настроеніе лучшей части общества на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

Адресъ 16-го октября 1859 г. навлекъ на лицъ, его подписавшихъ, неудовольствіе администраціи: Унковскій былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Наступилъ одинъ изъ моментовъ, столь частыхъ въ исторіи крестьянской реформы и послѣдующихъ преобразованій: реакція подняла голову, оффиціальные руководители движенія признали нужнымъ прибѣгнуть къ тормазу. Дворянскимъ собраніямъ, засѣдавшимъ зимою 1859—60 г., запрещено было касаться крестьянскаго вопроса. Тверское дворянское собраніе, подъ предсѣдательствомъ Унковскаго, огромнымъ большинствомъ голосовъ постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ этого запрещенія. Унковскій былъ удаленъ отъ должности губернскаго предводителя и вслѣдъ затѣмъ высланъ въ Вятку. Онъ былъ возвращенъ оттуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, но государственная дѣятельность осталась для него навсегда закрытой. Съ освобожденіемъ крестьянъ явилась потребность въ защитникахъ ихъ интересовъ, въ особенности по такимъ сложнымъ и труднымъ дѣламъ, какъ споры о такъ называемыхъ собственныхъ земляхъ крестьянъ (купленныхъ крестьянами, во время крѣпостного права, на имя своихъ помѣщиковъ). Унковскій взялъ на себя эту роль, велъ нѣсколько громкихъ процессовъ (между прочимъ—противъ графа Д. А. Толстого), но скоро долженъ былъ, помимо воли, отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ крестьянскихъ дѣлахъ. Промежутокъ времени между 1862 и 1866 г. онъ наполнилъ переводческой и издательской дѣятельностью, останавливаясь исключительно на такихъ сочиненіяхъ, которыя могли подготовить нашихъ юристовъ къ приближавшейся въ то время судебной реформѣ. Когда она, наконецъ, осуществилась, Унковскій поступилъ въ присяжные повѣренные округа с.-петербургской судебной палаты и оста-

[1]) Обширные отрывки изъ этого отзыва приведены въ „Паденіи крѣпостного права въ Россіи", П. И. Иванюкова.

вался въ этомъ званіи двадцать семь лѣтъ, до самой смерти. Какъ членъ и предсѣдатель совѣта, какъ добросовѣстный защитникъ, рѣчи котораго, безъискусственныя и правдивыя, имѣли характеръ задушевной бесѣды и тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на присяжныхъ, какъ повѣренный, всегда стоявшій за правое дѣло и особенно охотно отстаивавшій общественные интересы противъ частныхъ, Унковскій принесъ, безспорно, очень много пользы и оставилъ прочный слѣдъ въ исторіи сословія. Мы едва ли ошибемся, однако, если скажемъ, что адвокатура не была его истиннымъ призваніемъ и что вся его жизнь, начиная съ 1860 г., была одною изъ тѣхъ vocations manquées, которыми, къ несчастью, такъ богата исторія русскаго общества. У насъ постоянно слышатся жалобы на недостатокъ людей—и постоянно растрачиваются понапрасну силы, оттѣсняемыя съ ихъ настоящаго пути, сковываемыя или парализуемыя внѣшними условіями. Особенно большихъ размѣровъ это явленіе достигаетъ въ такія критическія эпохи, какъ пережитая Россіей 40—35 лѣтъ тому назадъ. Выдвигаются люди, которые въ другое время сами, быть можетъ, не пришли бы къ сознанію дремлющей въ нихъ мощи—но, за немногими исключеніями, скоро сметаются со сцены, на которой для нихъ не находится мѣста. Иногда они вновь поднимаются на поверхность, но уже не прежніе и не для продолженія прежняго дѣла; иногда удаленіе ихъ съ политическаго поприща оказывается безповоротнымъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ въ государственной жизни образуется пассивъ, ничѣмъ непополнимый. Задуманная одними, реформа исполняется другими—исполняется не въ томъ духѣ, не въ тѣхъ размѣрахъ, и приноситъ не тѣ плоды, которые отъ нея ожидались. Взаимная связь между реформами упускается изъ виду; каждая изъ нихъ ведется такъ, какъ будто бы не было и рѣчи о другихъ—и ни одна, вслѣдствіе этого, не достигаетъ полнаго расцвѣта. Еслибы на долю Унковскихъ, Самариныхъ, Милютиныхъ выпало не только составленіе, но и осуществленіе Положеній 19 февраля, еслибы имъ и единомышленникамъ ихъ дано было извлечь дальнѣйшіе логическіе выводы изъ крестьянской реформы, многое въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій сложилось бы совершенно иначе, и намъ не приходилось бы теперь вновь стоять передъ нѣкоторыми изъ задачъ, такъ ясно формулированныхъ, въ 1859 г., предсѣдателемъ тверского губернскаго комитета.

Русская журналистика понесла чувствительную потерю въ лицѣ П. А. Гайдебурова, больше двадцати пяти лѣтъ стоявшаго во главѣ „Недѣли“ и съумѣвшаго упрочить за нею почетное имя. Онъ на-

чалъ свою дѣятельность въ эпоху расцвѣта нашей періодической печати, подъ ближайшимъ вліяніемъ одного изъ самыхъ честныхъ ея представителей, В. Ѳ. Корша—и не измѣнилъ традиціямъ этого времени. „Недѣля“ никогда не угождала вкусамъ толпы, не соперничала съ мелкой прессой, не сжигала и не грязнила того, чему прежде поклонялась. Можно быть того или другого мнѣнія о тѣхъ особенностяхъ недавняго прошлаго „Недѣли“, благодаря которымъ ее постигала, отъ времени до времени, похвала „Московскихъ Вѣдомостей“,—но нельзя сомнѣваться въ безусловной искренности покойнаго ея редактора. Отъ души желаемъ, чтобы хорошее и полезное изданіе продолжалось съ прежнимъ успѣхомъ.

ПОПРАВКА.

Въ январьской книжкѣ, стр. 449, строчка 10 сн., напечатано: бо́льшая, вмѣсто: бо́льшая.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1894.

Книга первая. — Январь.

стр.

Съ новымъ годомъ.—Стих. ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА 5

Моя жизнь въ Америкѣ.—Очеркъ.—П. А. ТВЕРСКОГО 6

Письмо къ молодому другу о ничтожности.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 42

Перевалъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая: I-XVIII.—П. Д. БОБОРЫКИНА 45

Императрица Екатерина.—1725—1727 гг.—По документамъ вѣнскаго архива.—I-III.—А. БРИКНЕРА 121

Картинки съ натуры.—Изъ памятной книжки дѣтскаго врача.—А. Ш-ВОЙ. . 149

Стихотворенія.—I-VII.—ВЛАД. МАРТОВА 205

Потребители воды.—Очерки изъ жизни художниковъ, Г. Мюрже.—Франсисъ.—I-III.—Съ франц.—А. Э. 209

Новая эпоха.—Изъ исторіи средневѣковой русской литературы.—I. Татарское нашествіе.—II. Легенды о московскомъ царствѣ.—А. Н. ПЫПИНА . . 246

Изъ польскихъ поэтовъ.—I-IV.—М. ГЕРБАНОВСКАГО. 289

Первый шагъ къ положительной эстетикѣ.—Очеркъ.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА. . 294

Соціальный вопросъ и ученые юристы.—I-III.—Л. З. СЛОНИМСКАГО . . . 303

Изъ переписки И. С. Тургенева съ семьею Аксаковыхъ. — Сорокъ лѣтъ тому назадъ: 1852—1857 гг.—1-11. 329

Хроника.—Обороты и операціи казны въ 1892 г., по отчету государственнаго контроля.—О. 345

Внутреннее Обозрѣніе.—Характеристика минувшаго года.—Законопроектъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и объ ограниченіи досрочнаго выкупа. — Главные аргументы противъ неотчуждаемости; желательные ея предѣлы.—Ст. 165 Положенія о выкупѣ. — Порядокъ пересмотра постановленій о порядкѣ пользованія и распоряженія надѣлами.—Невѣроятное событіе 365

De profundis.—Замѣтка в. почетнаго мирового судьи.—КН. ДМ. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО 382

Иностранное Обозрѣніе.—Главнѣйшія событія истекшаго года.—Франко-русское сближеніе.—Внутреннія дѣла во Франціи и борьба съ динамитчиками.—Политическія перемѣны въ Германіи, Австріи, Англіи, Италіи, Сербіи и Болгаріи 405

Литературное Обозрѣніе.—В. Короленко, Въ голодный годъ. — И. И. Срезневскаго, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. I. — В. Н. Перетцъ, Современная русская народная пѣсня. — А. Шаховъ, Очерки литературнаго движенія въ первой половинѣ XIX в.—А. В.—Новыя книги и брошюры 418

Новости Иностранной Литературы.—I. Le Tolstoïsme, par F. Schröder.—Л. С.—II. Le théâtre d'hier, par H. Parigot. — III. — Villiers de L'Isle Adam, par Pontavice de Heussey.—З. В. 434

Некрологъ.—Н. С. Тихонравовъ †.—А. Н. ПЫПИНА. 446

Изъ Общественной Хроники.—Свобода личности и гражданская свобода.—Общество „разумно-разслоенное“ и общество не сознающее своего разслоенія.—Что̀ такое „старый историческій типъ“? — Сюрпризы, встрѣчающіеся иногда въ нашей печати 455

Извѣщенія.—Отъ Главной Физической Обсерваторіи 467

Библіографическій Листокъ. — Начала политической экономіи, А. А. Исаева.—Общинное владѣніе въ Россіи, Ап. А. Карелина. — Восьмичасовой рабочій день, С. Вебба и Х. Кокса.—Исторія одного маленькаго человѣка. М. Гранстремъ. — Два героя по Фалькенгорсту. — Столѣтіе открытій, по Шотту и др., Э. Гранстремъ.

Объявленія.—I-XVI стр.

Книга вторая. — Февраль.

стр.

Изъ переписки И. С. Тургенева съ семьею Аксаковыхъ. — Сорокъ лѣтъ тому назадъ: 1852—1857 гг.—Письмо 12-42.—Окончаніе 469

Американская ежедневная пресса, ея обычаи и нравы.—ВВ. ВВ. ЯНЖУЛА . 500

Перевалъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.— Часть первая: XIX-XXXVI. — П. Д. БОБОРЫКИНА 539

Императрица Екатерина.—1725—1727 гг.—По документамъ вѣнскаго архива.—IV-V.—Окончаніе.—А. БРИКНЕРА 615

Потребители воды. — Очерки изъ жизни художниковъ, Г. Мюрже.—IV-VI.—Съ франц.—А. Э. 647

Дружба Шиллера и Гёте. — 1794—1805 гг. — Часть первая. — В. Д. СПАСОВИЧА 672

Пѣснь Вардана Мамиконьяна. — Изъ Рафаэла Патканьяна. — ЮР. ВЕСЕЛОВСКАГО 706

И. С. Тургеневъ въ московскомъ университетѣ: 1833—34 гг. — П. С. ТИХОНРАВОВА 708

Изъ Армана Сильвестра.—I. Пѣсня о звѣздахъ.—II. Изъ осеннихъ мелодій. — О. Н. МИХАЙЛОВОЙ 725

Задачи эстетики въ общихъ чертахъ.—Л. САККЕТТИ 730

Древнее просвѣщеніе.—А. Н. ПЫПИНА 750

Березовый сокъ.—Стих. Н. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА 795

Нѣмцы въ Австріи и крестьянство.—П. СТРУВЕ 796

Хроника.—Государственная роспись на 1894 г.—О. 829

Внутреннее Обозрѣніе.—Министерство юстиціи при Н. А. Манассеинѣ.—Рѣчь новаго управляющаго министерствомъ юстиціи. — Элементы судебный и судебно-административный въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г.—Административныя распоряженія въ Одессѣ, С.-Петербургѣ и Эстляндіи 847

Иностранное Обозрѣніе.—Новыя политическія перемѣны въ Сербіи. — Недостатокъ свѣденій о балканскихъ дѣлахъ въ нашей печати.—Сербія и Болгарія.—Примиреніе Вильгельма II съ княземъ Бисмаркомъ.—Положеніе дѣлъ въ Германіи и Италіи 864

Литературное Обозрѣніе. — Этюды и характеристики, Алексѣя Веселовскаго.— Изученіе античнаго міра, проф. Ѳ. Г. Мищенко. — Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ, В. Васильева.—Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія с.-з. края, П. В. Шейна. — А. В. — Новыя книги и брошюры 876

Новости Иностранной Литературы.—I. P. Sabatier, Vie de St. François d'Assise. —II. F. Brunetière, Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française. — З. В. 894

Замѣтка.—Порфирій Головлевъ о свободѣ и вѣрѣ.—ВЛ. СОЛОВЬЕВА. . . . 906

Изъ Общественной Хроники.—Церковно-приходскія школы въ ю.-з. краѣ.—Дѣти штундистовъ въ начальной школѣ. — Ультра-національность, волостныя школы въ остзейскомъ краѣ и финляндскій сеймъ.—† А. М. Унковскій и Гайдебуровъ 917

Библіографическій Листокъ.—Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, К. Д. Ушинскаго, 8-е изд. — Сочиненія В. Д. Спасовича, т. V и VI. — Пятьдесятъ лѣтъ въ Австраліи, Г. Паркса.—Второй сборникъ стихотвореній В. Л. Величко.—Стальная блоха, Н. С. Лѣскова.

Объявленія.—I-XVI стр.

№ 225. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 225.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *),

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами, безъ высылки при этомъ денегъ, и получатъ книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Пересылка книгъ на счетъ заказчика по дѣйствительной стоимости.

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Введенскій, Алексѣй. П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Сергіевъ-Посадъ. 1893 г. Ц. 25 к.

——— О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова, съ приложеніемъ рѣчи о жизненно-практическихъ принципахъ философа. Сергіевъ-Посадъ. 1893 г. Ц. 60 к.

☞ **Вундтъ, В.** Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 лѣтъ. Переводъ І. Юровскаго. Одесса. 1893 г. Ц. 15 к.

Гиляровъ, А. Н., проф. Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). Кіевъ. 1894 г. Ц. 3 руб.

Дюрингъ, Е. Цѣнность жизни. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

☞ **Жиловъ, Ив.** Ученіе святаго отца нашего Іоанна Златоустаго противъ роскоши. Составлено по твореніямъ сего святителя. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.

Кейтъ, А. Доказательства истины христіанской вѣры, основанныя на буквальномъ исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ. Переводъ барона Отто Эльснера. Спб. 1870 г. Ц. 2 р.

☞ **Кеттлеръ, І.** Что такое женская эмансипація? Переводъ І. Науменко. Одесса. 1893 г. Ц. 15 к.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи, теорія волевог вниманія. Одесса. 1893 г. Ц. 2 р.

☞ **Линицкій, П., проф.** Изящная литература и философія. Харьковъ. 1893 г. Ц. 2 р.

Нечаевъ, П. Піэтизмъ и его историческое значеніе. Москва. 1873 г. Ц. 1 р.

Овэнъ, Робертъ. Объ образованіи человѣческаго характера. (Новый взглядъ на общество). Переводъ съ англійскаго. 3-е изданіе. Москва. 1893 г. Ц. 60 к.

☞ **Прейеръ, В.** Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ, съ указаніями для родителей о его наблюденіи. Переводъ съ нѣмецкаго П. Каптерева. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійск. Ѳ. М. Матвѣева. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Баранцевичъ, К. Двѣ жены (Семейный очагъ). Романъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Беллами, Э. Чудный сонъ. Переводъ Р. О. и Б. Ф. Казань. 1893 г. Ц. 40 к.

*) Книги, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ☞

☛ **Боккаччіо, Джіованни.** Избранныя новеллы. Переводъ З. Н. Журавской. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.

Боткинъ, С. П. Письма изъ Болгаріи 1877 г. Съ двумя портретами автора и видомъ болгарской хаты. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

☛ **Брандесъ, Г.** Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Англійская литература. Переводъ В. Невѣдомскаго. Москва. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

В. В. Наши направленія. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Александръ. Боккаччіо, его среда и сверстники. Томъ первый. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

☛ **Веселовскій, Алексѣй.** Этюды и характеристики. Москва. 1894 г. Ц. 2 р. 75 к.

Введенскій. Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII, по отзывамъ современниковъ". Сергіевъ-Посадъ. 1894 г. Ц. 1 р.

Вилинскій, Д. А. Бытовые охотничьи разсказы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Виргилій, Энеида. Переведъ съ подлиннаго Н. Квашнинъ-Самаринъ. Спб. 1893. Ц. 2 р.

Гаршинъ, Всеволодъ. Третья книжка разсказовъ. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ и біографіи, написанной А. М. Скабичевскимъ. 3-е изданіе. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Гоголь, Н. В. Сочиненія. Изданіе одиннадцатое. Редакція Н. С. Тихонравова. Съ двумя портретами Гоголя, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками. Въ пяти томахъ. Спб. 1893 г. Цѣна за пять томовъ 6 р.

Гюго, Викторъ. Гань Исландецъ. Историческій романъ. Переводъ О. Н. Хмѣлевой. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія (1847—1890 г.). Изданіе седьмое, посмертное, въ девяти томахъ, съ біографіей автора. Спб. 1892 г. Ц. 15 р., въ изящномъ каленкоровомъ переплетѣ 22 р.

☛ **Данте-Алигіери.** Божественная Комедія. Рай. Переводъ стихами съ итальянскаго А. П. Ѳедорова, съ объяснительными примѣчаніями и вступленіемъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ шестой. I. Посмертныя записки Пикквикскаго клуба. — II. Тяжелыя времена. Переводъ М. А. Шишмаревой. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дмитріевъ, В. І. Деревенскіе разсказы. Томъ I. І. Досвитки. — II. Отъ совѣсти.— III. Въ разныя стороны. — IV. Своимъ судомъ. Москва. 1892 г. Ц. 1 р.

Домбровскій, Игнатій. Смерть. Этюдъ. Перевелъ съ польскаго Л. И. Горбачевскій. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Дрожжинъ, С. Д. Стихотворенія (1866—1888 г.). Съ записками автора о своей жизни и поэзіи. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. подъ ред. А. Н. Пыпина. Изданіе четвертое. Два тома. Спб. 1885 г. Ц. 4 р.

☛ **Дьяковъ, А. (Житель).** Разсказы. Изданіе второе. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жемчужниковъ, А. М. Стихотворенія. Въ двухъ томахъ, съ портр. автора и автобіографическимъ очеркомъ. Спб. 1892 г. Цѣна за оба тома 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Карабчевскій, Ник. Господинъ Арсковъ. Повѣсть. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

☛ **Кондръ, Гр.** Новая любовь. Психологическій анализъ трагической поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ". Съ приложеніемъ самой поэмы въ исправленномъ видѣ. Нѣжинъ. 1893 г. Ц. 40 к.

☛ **Коппе, Франсуа. Генріетта.** Разсказъ. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Котляревскій, А. А. Сочиненія. Три тома. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Котляревскій, Н. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Котъ-Мурлыка. Повѣсти, сказки и разсказы. Пять томовъ. Спб. 1891 г. Цѣна каждаго тома отдѣльно 1 р. 75 к.

☛ **Леметръ, Жюль.** Этюды о русскихъ писателяхъ. Одесса. 1893 г. Ц. 15 к.

Львова, А. Д. (Шидловская). Поэмы и пѣсни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣсковъ, Н. С. Собраніе сочиненій. Томъ одиннадцатый. — Содержаніе: Часъ воли Божіей.—Полупощники. — Юдоль.—О квакереяхъ. — Импровизаторы. — Пустоплясы.—Дурачокъ.— Невинный Пруденцій. — Легендарные характеры. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

——— Собраніе сочиненій. Въ десяти томахъ. Спб. 1890 г. Цѣна за десять томовъ 25 р.; пересылка по разстоянію.

Лѣсковъ, Н. С. Стальная блоха. Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ (Цеховая легенда). Съ рисунками въ текстѣ Н. Н. Каразина. Второе изданіе. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

Майковъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій. Въ трехъ томахъ. Изданіе шестое, дополненное авторомъ. Съ портретомъ автора. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

☛ **Мищенко, Я. Г.** Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мольеръ. Собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Съ біографіей, составленной проф. Веселовскимъ. Три тома. Спб. 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мясоѣдовъ. А. Д. Безъ заглавія. Картины современныхъ нравовъ. Москва. 1893 г. Ц. 75 к.

☛ **Мясоѣдовъ,** А. Д. Мигъ любви. Москва. 1893 г. Ц. 50 к.

☛ **Навроцкій,** А. А. (Н. А. Вроцкій). Волны жизни. Очерки и разсказы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Изданіе двѣнадцатое. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

На память о нашихъ общихъ друзьяхъ. Альбомъ цитатъ изъ сочиненій замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Въ двухъ выпускахъ. Спб. Цѣна каждаго выпуска въ пер. 1 р.

Наумовъ, Н. Въ глухомъ мѣстечкѣ. Разсказъ. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Нордау Максъ. Вырожденіе. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. А. В. Кольцовъ, художникъ русской пѣсни. Этюдъ. Съ портретомъ автора. М. 1893 г. Ц. 50 к.

☛ **Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, 1840—1883 гг.** Изд. общества для пособія нужд. лит. и ученымъ. Спб. 1885 г. Цѣна 1 руб.

Познякъ, Д. М. Новые повѣсти и разсказы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій Вилліама Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. Н. В. Гербеля. Съ біографіей, fac-simile и портретомъ Шекспира. Въ трехъ томахъ. Четвертое изданіе. Спб. 1888 г. Цѣна за всѣ три тома 12 р., съ пер. 14 р.

Помяловскій, Н. Г. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ и біографіею автора, составленною Н. А. Благовѣщенскимъ. Седьмое изданіе. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

☛ **Потапенко,** И. Н. Повѣсти и разсказы. Томы седьмой и восьмой. Спб. 1894 г. Цѣна каждому тому 1 р.

Прутковъ, Козьма. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣденіями. Изданіе третье. Спб. 1893 г. Цѣна книги въ папкѣ 2 р.

Пыпинъ, А. Н., и **Спасовичъ,** В. Д. Исторія славянскихъ литературъ. Изд. второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 40 к. Т. 1. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 20 к.

Пыпинъ, А. Н. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. Изд. второе, съ исправленіями и дополненіями. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Розенгеймъ, М. П. Стихотворенія. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Изд. четверт., дополн. (первое посмертное). Спб. 1889 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к., въ перепл. съ пер. 7 р.

Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-біографическими статьями, библіографическими примѣчаніями и портретами. Издается подъ редакціею С. А. Венгерова. Выпускъ I. Кантемиръ, Тредьяковскій, Ломоносовъ. Ц. 1 р. Выпускъ II. Сумароковъ, Майковъ Василій, Костровъ, Петровъ Василій. Ц. 1 р. 50 к. Вып. III. Хемницеръ, Херасковъ, Богдановичъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Полное собраніе сочиненій. Въ 12-ти томахъ. Спб. 1893 г. Ц. 20 р. Въ роскошномъ каленкоровомъ перепл. 28 р. Цѣна каждаго тома отдѣльно 2 р. Въ переплетѣ 2 р. 75 к.

☛ **Сенкевичъ,** Генрихъ. Собраніе сочиненій. Томъ I. Безъ догмата. Полный переводъ Ф. В. Домбровскаго. Въ десяти томахъ. Спб. 1894 г. Цѣна за всѣ десять томовъ по подпискѣ 10 руб., каждый томъ отдѣльно 1 р. 50 к.

Соловьевъ, Владиміръ. Стихотворенія. Москва. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

——— Національный вопросъ въ Россіи. Выпускъ первый. Изданіе третье. Спб. 1891 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

——— Національный вопросъ въ Россіи. Выпускъ второй. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

☛ **Соловьевъ,** Всеволодъ. Злые вихри. Романъ. Москва. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

☛ **Соловьевъ.** Всеволодъ Сергѣевичъ. Полное собраніе сочиненій. Въ семи томахъ. Спб. 1887 г. Цѣна за семь томовъ 15 р.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія, т. IV. Пережитое.—Полемика.—Путевыя замѣтки.—Критика. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

——— Сочиненія. Т. I. —Литературные очерки и портреты. Съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Т. II. — Литературные очерки и портреты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Т. III.—Статьи, диссертаціи, лекціи юридическаго содержанія. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

☛ **Стендаль**, Генрихъ (Бейль). Красное и черное. Переводъ Н. П. Чуйко. Съ предисловіемъ В. Чуйко. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Тамбовскій, А. Проклятіе любви. Оригинальный сборникъ стихотвореній. Спб. 1893 г. Цѣна книги съ фронтисписомъ 1 р., безъ фронтисписа 85 к.

——— Безграничное море любви. Оригинальный сборникъ стихотвореній, излагающихъ мысли величайшихъ писателей древняго и новаго міра о великомъ чувствѣ любви. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Толстой, А. К., графъ. Полное собраніе сочиненій. Въ четырехъ томахъ. Томъ I и II. — Полное собраніе стихотвореній.—Томъ III. Драматическая трилогія. —Томъ IV. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Спб. 1893 г. Цѣна за всѣ четыре тома 7 р.; въ переплетѣ 9 р. 25 к., отдѣльно: т. I и II—3 р., въ пер. 3 р. 75 к. Т. III—2 р. 50 к., въ пер. 3 р. 25 к. Т. IV—1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Фирсовъ, В. Фокусница. Продолженіе романа „Горькій опытъ“. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Фругъ, С. Г. Стихотворенія 1881—1889. Томъ первый. Изданіе второе. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Цертелевъ, князь, Д. Эстетика Шопенгауэра. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко, Т. Г. Кобзарь. Съ портр. автора. Кіевъ. 1892 г. Цѣна книги въ пер. 2 р.

Шелли. Сочиненія. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 1-й. Изданіе второе. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Шелли. Сочиненія. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Выпускъ 2-й. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Шиллеръ. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. Въ трехъ томахъ. Изданіе Н. В. Гербеля. Седьмое изданіе. Спб. 1893 г. Цѣна за три тома 8 р.

☛ **Шпильгагенъ**, Ф. Счастливчикъ (Sonntagskind). Романъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Шопенгауэръ, А. Эристика или искусство спорить. Переводъ съ предисловіемъ кн. Д. Цертелева. Изданіе третье. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

——— О писательствѣ и о слогѣ. Переводъ съ предисловіемъ кн. Д. Цертелева. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Шренникъ, Е. Ѳ. Гутенбергъ и Шеферъ. Историческій романъ изъ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.

Штоль. Великіе греческіе писатели, очеркъ классической литературы грековъ въ біографіяхъ. Пер. П. Морозова. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

——— Великіе римскіе писатели, очеркъ классической литературы римлянъ въ біографіяхъ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Энгельгардтъ, А. Н. 11 писемъ 1872—1882 г. Изъ деревни о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Спб. 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

Эртель. Записки степняка, очерки и разсказы. Два тома. Спб. 1883. Ц. 3 р.

Ш. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Барсуковъ, Александръ. Родъ Шереметевыхъ. Книга шестая. Спб. 1892 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р. 60 к., книги 1, 2, 3, 4 и 5. Ц. каждой книги 4 р., съ пер. 5 р. 60 к.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга седьмая. Этою книгою завершается повѣсть о жизни и трудахъ Михаила Петровича Погодина въ теченіе перваго, важнѣйшаго періода его жизни, съ 11-го ноября 1800 по 31-е декабря 1844 г. Къ книгѣ приложенъ алфавитный указатель всѣхъ 7-ми книгъ и снимокъ съ кабинета М. П. Погодина, въ московскомъ его домѣ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Томъ XV, часть II. Переводъ В. Невѣдомскаго. Съ портретомъ автора. Москва. 1893 г. Ц. 5 р. Цѣна за всѣ тома 79 р.

☛ **Галактіоновъ**, И. А. Императоръ Александръ I и его царствованіе. Въ двухъ томахъ. Спб. 1879 г. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к., отдѣльно т. I-й 1 р. 50 к. Т. II-й 1 р.

Гервинусъ. Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Шесть томовъ. Спб. 1873—88 гг. Ц. 14 р. (тоже продаются и отдѣльно).

——— Введеніе въ исторію XIX в. Ц. 75 к.

Ивановъ, Александръ Андреевичъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Съ портретомъ, факсимиле и 12 гравюрами. Издалъ Михаилъ Боткинъ. Спб. 1880 г. Ц. 3 р.

Карѣевъ, Н. Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ). Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Костомаровъ, Н. И. Литературное наслѣдіе. Автобіографія. Стихотворенія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа. Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указател. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Костомаровъ, Н. И. Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Въ трехъ томахъ. Спб. 1884 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

——— Мазепа и мазепинцы. Историческая монографія. Изданіе второе. Спб. 1885 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

——— Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой. Историческая монографія. Изд. третье, исправленное и дополненное. 2 тома. Спб. 1886 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Ланглуа, Ш. В. Исторія среднихъ вѣковъ (395—1270). Перев. съ французскаго, съ 81 рис. въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

☛ **Любимовъ**, Н. А., проф. Крушеніе монархіи во Франціи. Очерки и эпизоды первой французской революціи (1787—1790). Москва. 1893 г. Ц. 3 р.

Марьежоль, Ж. Г. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени (1270—1610). Перев. съ франц. съ 111 рисунками. Историческія чтенія. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

☛ **Мищенко**, Я. Титъ Ливій. Исторія послѣднихъ трехъ лѣтъ второй пунической войны. XXX-ая книга. 202—201 гг. до Р. Х. Переводъ съ латинскаго. Кіевъ. 1893 г. Ц. 80 к.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Въ четырехъ томахъ. Томъ I и II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. Томъ III. Этнографія малорусская. Томъ IV. Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892 г. Ц. за всѣ четыре тома 10 р., съ пер. 11 р., отдѣльно каждый томъ по 3 р. съ пересылкою.

Семевскій, В. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ I. Введеніе. Крѣпостные крестьяне въ Великороссіи. Поссессіонные крестьяне. Спб. 1881 г. Ц. 3 р.

Штоль. Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ —исторія Греціи въ біографіяхъ. Пер. подъ ред. Васильевскаго. Изд. второе. Спб. 1879 г. Ц. 2 р.

——— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ, —исторія Рима въ біографіяхъ. Пер. подъ ред. Гуревича. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

☛ **Благовѣщенскій**, Н. А. Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣденій по земскимъ подворнымъ переписямъ. Томъ I. Крестьянское хозяйство. Москва. 1893 г. Ц. 2 р.

☛ **Вишняковъ**, Е. П. Истоки Волги (наброски перомъ и фотографіею). Спб. 1893 г. Ц. 6 р., въ переплетѣ 6 р. 50 к.

☛ **Гурьевъ**, А. Н. Къ реформѣ крестьянскаго банка. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Елисѣевъ, А. В., д-ръ. По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго свѣта. Съ иллюстраціями разныхъ художниковъ. Т. I. Спб. 1894 г. Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р.

Картавцовъ, Е. Э. По Египту и Палестинѣ. (Путевыя замѣтки.) Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Мэкензи-Уоллесъ. Россія. Два тома. Спб. 1881 г. Ц. 5 р.

Марковъ, Евгеній. Путешествіе на Востокъ. Царьградъ и Архипелагъ. Въ странѣ фараоновъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

——— Путешествіе по Святой Землѣ. Іерусалимъ и Палестина, Самарія, Галилея и берега Малой Азіи. Спб. 1891 г. Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Поггенполь, Н. В. По альпійскимъ снѣгамъ и тропинкамъ. Спб. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Потанинъ, Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія. Путешествіе 1884—1886 г. Т. I. Съ 3 картами и 42 таблицами фототип. Спб. 1893 г. Ц. 10 руб. — Т. II, съ одной фототипіей. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — ФИНАНСЫ—СТАТИСТИКА.

В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

——— Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

☛ **Васильчиковъ**, князь, А. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. 2 т. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Цѣна 3 р. 50 к.

☛ **Васильчиковъ**, князь, А. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Спб. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Гриммъ, О. А. Бесѣды о трудовомъ хозяйствѣ. 3-е дополненное изданіе. Съ 17-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Дементьевъ, Е. М. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 60 к.

Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства А. Фортунатова. Крестьянская община В. В. Москва. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Исаевъ, А. А. Начала политической экономіи. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Карышевъ, Николай. Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ зем-

ской статистики. Т. II. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Дерптъ. 1892 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Кауфманъ, А. А. Община и успѣхи сельскаго хозяйства въ Сибири. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

Кауфманъ, А. А. Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири. Томскъ. 1894 г. Ц. 73 к.

Моревъ, Д. Д. Руководство политической экономіи. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1892 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

☛ **Петлинъ**, Н. С. Опытъ описанія губерній и областей Россіи въ статистическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, въ связи съ дѣятельностью въ нихъ государственнаго банка и частныхъ кредитныхъ учрежденій. 3 части. Спб. 1893 г. Цѣна 15 р.

Ходскій, Л. В., магистръ пол. экономіи. Политическая экономія въ связи съ финансами. 2-е издан., пересмотрѣнное и дополн. Спб. 1887 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пересылкою.

——— Земля и земледѣлецъ. Экономическое и статистическое изслѣдованіе. Въ двухъ томахъ. Спб. 1891 г. Цѣна за два тома 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Янсонъ, Ю., проф. Теорія статистики. Новое изданіе, исправл. и дополненное. Съ 18-ю діаграммами въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

——— Сравнительная статистика населенія (Составъ населенія: брачность, рождаемость, смертность, механическое движеніе населенія). Съ портретомъ автора. Спб. 1892 г. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 50 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Анненская, А. Робинзонъ Крузе. Новая переработка темы Де-Фо. Съ 10 картинами и 35 политипажами. Изданіе четвертое. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

——— Своимъ путемъ. Повѣсти и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Съ силуэтомъ Э. М. Бэмъ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к., въ пер. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Беръ, Поль. Лекціи зоологіи. Перев. съ французскаго Л. Н. Симонова. Второе русское изданіе подъ редакціей и съ дополненіями проф. М. А. Мензбира. Анатомія и физіологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Блюмбергъ, Я. Сборникъ геометрически-тригонометрическихъ задачъ для VII и VIII классовъ гимназій. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Бобровскій, С. Разсказы моимъ дѣтямъ. Съ политипажами въ текстѣ. Третье изданіе. Спб. 1893 г. Цѣна въ папкѣ 80 к.

Борисовъ, Н. А. Фритіофъ. Древнескандинавское преданіе. Изложено для русскаго юношества. Спб. 1893 г. Цѣна книги въ перепл. 1 р.

Быкова, М. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Спб. 1892 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Васильевъ, П. Г. Первая классная книга для чтенія. Пособіе при начальномъ обученіи родному языку. Спб. 1891 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

——— Сиротка. Сцены изъ народнаго быта. Дѣтскій театръ. 3-е изд. Спб. 1892 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Васильевъ, М. Въ лѣсу и въ полѣ. Разсказы и сказки для дѣтей. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

☛ **Величко**, В. Л. Стихотворенія для дѣтей. Съ рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

☛ **Ганъ**, И. К. Полный словарь буквы *ъ*. Собраніе всѣхъ словъ русскаго языка, коренныхъ и производныхъ, которыя пишутся черезъ *ъ*. Изданіе 5-е, исправленное. Вильно. 1894 г. Ц. 50 к.

Гофманъ, Францъ. Бѣдный мальчикъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. П. Ахшарумовой. Съ рисунками. Спб. 1894 г. Цѣна въ папкѣ 1 р. 25 к.

Гранстремъ, Э. Столѣтіе открытій въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV—XVI вѣка. Составлено по Шотту и другимъ. Съ 71 рисунк. и картой путешествій. Спб. 1894 г. Цѣна въ роскошномъ перепл. 2 р.

Гранстремъ, М. Сказки профессора Топеліуса. Переводъ съ шведскаго. Изд. 3-е, дополн., въ роскошн. переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Ц. 2 р.

——— Въ лѣсахъ Флориды. Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Составлено по Бэрингт-Гульду и Брюэ. Со множествомъ политипажей и рисунковъ. Спб. 1894 г. Въ изящномъ каленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Цѣна 2 рубля.

Гранстремъ, Э. Елена-Робинзонъ. Приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Съ рисунками. Спб. 1893. Цѣна 2 р. 50 к. въ переплетѣ.

——— Въ дебряхъ сѣвера. Приключенія волка, медвѣдя и лисицы. По финскимъ народнымъ сказкамъ. Спб. 1887 г. Цѣна въ пер. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

——— Два героя. Изъ исторіи открытія Америки.—I. Въ Новомъ Свѣтѣ.—II. Завоеваніе Мексики. Составлено по Фалькенгорсту. Спб. 1894 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ 2 рубля.

Гриммъ, братья. Сказки, иллюстрированныя Ф. Гротъ-Іоганномъ и Р. Лейн-

веберомъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей П. Н. Полевого. Спб. 1894 г. Цѣна книги въ роскошномъ перепл. 14 р.

Де-Амичисъ, Эдмондъ. Дневникъ школьника. Книга для дѣтей. Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). Съ рисунками. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к., въ пер. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дефоэ, Даніэль. Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона-Крузе. Переводъ съ англійскаго О. Петерсонъ. Съ портретомъ Дефоэ и 4 отдѣльными рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Желяховская, В. П. Князь Илико, маленькій кавказскій плѣнникъ. Разсказъ для юношества. 2-е изданіе, съ рисунками А. Шарлемана и М. Михайлова. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

☛ **Зиновьева**, Э. М. Вѣтренница. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго. Рисунки барона М. П. Клодта. Спб. 1894 г. Цѣна книги въ папкѣ 1 р.

Коменскій, Я. Амосъ. Великая дидактика. Перевелъ съ латинскаго Я. Щепинскій, съ очеркомъ жизни Коменскаго и примѣчаніями. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коменскій, Янъ Амосъ. Материнская школа. Переводъ съ нѣмецкаго М. Н. Воскресенской. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Коменскій. Законы благоустроенной школы. Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Ѳ. Каптерева. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Капнистъ, Ина, графиня. Утренніе лучи. Фантастическіе эскизы. Съ рисунк. Спб. 1892 г. Цѣна книги въ папкѣ 1 р. 25 к.

Каптеревъ, П. Дидактическіе очерки. Спб. 1885 г. Ц. 1 р.

——— Педагогическая психологія. Изданіе второе, переработанное. Часть первая. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к.

Киселевъ, М. Двѣ королевы. Съ рисунками. Спб. 1894 г. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Лабутинъ, И. К. Не принятый подарокъ. Разсказъ изъ школьной живни. Рисунки барона М. П. Клодта. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

Лонгфелло, Генри. Гайавата. Сказка изъ жизни сѣверо-американскихъ индійцевъ. Книга для дѣтей. Съ 30 рисунк. Н. Н. Каразина. Переводъ и предисловіе Д. Л. Михаловскаго. Спб. 1890 г. Цѣна книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 40 к., въ перепл. 2 р. 30 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Гроза гимназіи. Разсказы изъ школьной жизни. Спб. 1891 г. Ц. 75 к., въ папкѣ 95 к. съ пер.

Лукашевичъ, Клавдія. Птичница Агаѳья. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Изданіе спб. Фребелевскаго общества. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Майнъ-Ридъ. Въ погонѣ за бѣлымъ конемъ. Разсказъ для юношества. Передѣланъ О. И. Роговой. Съ рисунками. Спб. 1893 г. Цѣна 2 р. 50 к.

☛ **Мижуева**, О. М. Маленькимъ дѣтямъ. Пять разсказовъ. Рисунки барона М. П. Клодта. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

☛ **Нагуевскій**, Д. И., проф. Энеида, Виргилія. Часть вторая. Книга IV—VI. Изданіе второе, значительно исправленное и дополненное. Казань. 1890 г. Ц. 80 к.

☛ **Нагуевскій**, Д. И. Энеида, Виргилія. Часть четвертая. Книга X—XII. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 20 к.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. (Въ двухъ частяхъ.) Изданіе 2-е безъ перемѣны. Часть I. Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. Часть II. Карамзинскій и Пушкинскій періоды. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Некрасовъ. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе. Съ 16 картинами, работы барона М. П. Клодта. Спб. 1881 г. Цѣна книги въ переплетѣ 4 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсти для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва. 1893 т. Ц. 1 р., въ изящной папкѣ 2 р.

——— Ѳедька-Рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Съ 4 отдѣльными рисунками художника Н. Н. Каразина. Спб. 1892 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Олькотъ, Луиза. Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Повѣсть для дѣтей. Перев. съ англійск. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

——— Маленькія женщины уже взрослыя. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англ. Ольги Кларкъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Острогорскій, Викторъ. Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва. 1894 г. Ц. 50 к.

Павловичъ, Б. А. Разсказы изъ русской исторіи. Съ 23 картинами. Изданіе четвертое. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Плахово, Н. Ѳ. Волшебница весна. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоенный преміи спб. Фребелевскаго общества, съ рисунками К. В. Изенберга. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Погоскій, А. Сибирлетка, полковая собака. Изданіе для юношества. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Спб. 1894 г. Цѣна въ папкѣ 80 к.

Погоскій, А. Дѣдушка Назарычъ. Повѣсть. Мірскія дѣтки. Истинная повѣсть изъ временъ крѣпостного быта. Изданіе для юношества. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1894 г. Цѣна въ папкѣ 80 к.

——— Неспособный человѣкъ. Быль. Изданіе для юношества. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1894 г. Цѣна въ папкѣ 80 к.

——— Штуцерникъ Ничипоръ Зачинъ-вороты и его потомство. Изданіе для юношества. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1894 г. Ц. въ папкѣ 80 коп.

Позняковъ, Н. И. Почитать бы... Разсказы и стихотворенія для дѣтей. 2-е изданіе. Съ 43 рис. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Полевой. П. Н. Корень зла. Историческая повѣсть. Передѣланная для русскаго юношества. Съ 18 гравюрами А. Земцова и К. Лебедева. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Полѣнова, М. А. Лѣто въ Царскомъ-Селѣ. Для дѣтей младшаго возраста. Четвертое изданіе, дополненное. Съ девятью картинками. Спб. 1892 г. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Ричардсонъ, Чарльзъ. Какъ читать книги, чтобы онѣ приносили пользу? Переводъ съ англійскаго А. П. Валуевой (Мунтъ). Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Рогова, О. Старшіе богатыри. Съ двумя хромолитографіями Н. Каразина. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

Самойловичъ, В. (С. П. Соболевъ). Девять разсказовъ для дѣтскаго чтенія. Съ 10 рисунками барона М. Клодта. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Сергіевская, О. Т. Веселая зима. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. Спб. 1888 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Скубицъ, Ф. Самоучитель двойной бухгалтеріи. 2-е изданіе. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сливицкій, А. М. Лиса Патрикѣевна. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. Изданіе второе. Спб. 1889 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Смирновъ, А. П. По родной землѣ. Очерки и разсказы для русскаго юношества. Съ 28 рисунками. Спб. 1893 г. Цѣна книги въ перепл. 1 р. 50 к.

☛ **Терновскій**, К. М. Опытъ систематическаго диктанта съ изложеніемъ правилъ русскаго правописанія, орѳографическимъ разборомъ и словаремъ. Третье, исправл. и дополнен. изданіе. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р.

Тихомировъ, Д. И. Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Часть первая — Древняя Россія. Ц. 50 к. Часть вторая — Новая Россія. Ц. 40 к. Москва. 1893 г.

Ульяновъ, А. Н. (А. Вѣнчиковъ). Вакса и скрипка. Разсказъ. Съ рисункомъ В. М. Максимова. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

☛ **Ульяновъ**, А. Н. Въ ученьи. Разсказъ. Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

Фармаковскій, В. Русская исторія, съ присовокупленіемъ необходимыхъ свѣденій изъ всеобщей исторіи. Изложено по способу Грубе. Изданіе шестое. Одесса. 1894 г. Ц. 75 к.

Флетчеръ, Р. Г. Двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ. Картины изъ жизни дѣтей въ Америкѣ. Переводъ съ англійскаго Е. Сысоевой. Съ 19-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 25 к.

☛ **Фишеръ**, Екатерина. Разсказы для дѣтей. Съ 8 картинками. Спб. 1894 г. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

Чехъ, Святополкъ. Разсказы. Переводъ А. Г. Сахаровой. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Веселовскій, А. Н., академикъ. Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

☛ **Горбачевскій**, Л. Н. Карманный польско-русскій словарь. Болѣе 3000 употребительнѣйшихъ словъ. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Горяевъ, Н. В. Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка. Тифлисъ. 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

☛ **Нагуевскій**, Д. И., проф. Обозрѣніе персидскихъ монетъ, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ императорскаго казанскаго университета. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Шрадеръ, О., д-ръ. Сравнительное языковѣденіе и первобытная исторія. Лингвистическіе историч. матеріалы для изслѣдованія индо-герман. древности. Пер. съ нѣм. Спб. 1887 г. Ц. 3 р.

VIII. МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА—ХИМІЯ—МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Беркевичъ, Л. Ѳ., бывш. проф. Коммерческая ариѳметика. Спб. 1892 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Домогаровъ, Ар. О свободномъ движеніи гироскопа. Разсужденіе. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дюрингъ, Е. Критическая исторія общихъ принциповъ механики. Съ приложеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Перевелъ Н. Маракуевъ. Москва. 1893 г. Ц. 4 р.

Максуэлль, К. Теорія теплоты. Переводъ съ англійскаго А. Л. Королькова. Кіевъ. 1888 г. Ц. 2 р. 25 к.

☛ **Реформатскій**, С. Н., проф. Начальный курсъ органической химіи. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Анненковъ, Н. Ботаническій словарь. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, лѣсоводовъ, фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и вообще сельскихъ жителей. Новое исправленное, дополненное и расширенное изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 8 р.

Богдановъ, М. Н. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и разсказы. Изданіе второе. Съ 9-ю рисунками и многими политипажами въ текстѣ, съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ и предисловіемъ Н. П. Вагнера. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Баталинъ, Ѳ. А. Календарь и записная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1894 годъ. Спб. 1894 г. Цѣна въ перепл. 1 р.

Бородинъ, И. П., проф. Краткій учебникъ ботаники. Съ 510 политипажами въ текстѣ. 3-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веберъ, К. К. Практическое руководство къ производству кирпича, черепицы, дренажныхъ трубъ, терракотовыхъ издѣлій и прочаго лицевого товара для архитектурнаго искусства. Съ атласомъ, состоящимъ изъ 24 таблицъ. Спб. 1893 г. Ц. 5 р.

Гробницкій, А. С. Уходъ за плодовымъ садомъ. Практическое руководство для садовниковъ и любителей плодоводства. Съ 127 рисунками и 4 хромолитограф. таблицами. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Зорауеръ, Р., д-ръ. Физіологія растеній для садовниковъ. Пособіе для практиковъ при выполненіи садовыхъ работъ, а также руководство для обученія въ школахъ. Переводъ подъ редакціей проф. А. Ф. Рудзкаго. Съ 35 политипажами въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Иностранцевъ, А. А., проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ с.-петербургскаго университета. Томъ I— Современныя геологическія явленія (динамическая геологія), петрографія и стратиграфія. Съ 301 политипажемъ въ текстѣ. 2-е изд., значит. дополнен. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.

Кирхнеръ, В., д-ръ. Руководство къ молочному хозяйству, на научныхъ и практическихъ основахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 211 рисунками въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Королевъ, Ф. Н. Льноводство. Руководство къ льноводѣлыванію, полученію льняного волокна и сельскохозяйственной его обработкѣ. Съ 47 чертежами въ текстѣ. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1893 г. Ц. 86 к.

Костычевъ, П. Ученіе объ удобреніи почвъ. Руководство для практическихъ хозяевъ. Второе дополненное и исправленное изданіе. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леббонъ, Джонъ. Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. А. П. Павлова. Съ 36 политипажами. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рудзкій, Александръ. Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное примѣромъ плана хозяйства, съ картою. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Стебутъ, И. А. Основы полевой культуры и мѣры къ ея улучшенію въ Россіи. Въ двухъ томахъ. Второе, вновь передѣланное изданіе. Москва. 1884 г. Цѣна за оба тома 6 р., каждый томъ отдѣльно 3 р.

Цесельскій, Т., проф. Пчеловодство, основанное на наукѣ и многолѣтней практикѣ, или доходное пасѣчное хозяйство. Часть первая. Природа пчелъ. 57 рисунковъ. Перевелъ съ польскаго оригинала И. В. Любарскій. Казань. 1893 г. Ц. 2 р.

Ященко, Г. А. Растенія для жилыхъ комнатъ и уходъ за ними. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

X. МЕДИЦИНА — ГИГІЕНА.

Альбрехтъ, Г., д-ръ. Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни. Руководство для матерей. Переводъ подъ редакціею съ примѣчаніями и дополненіями д-ра Л. О. Финкельштейна. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Angerstein и Eckler. Домашняя гимнастика для здоровыхъ и больныхъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей, съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополненіями К. П. Ковальковскаго. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Съ 55 рисунками въ текстѣ и 1 таблицей. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Боадсъ, І., д-ръ. Діэта при болѣзняхъ желудка и кишекъ. Переводъ подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями д-ра Л. О. Финкельштейна. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Beard, G. M., и A. D. Rockwell. Половая слабость какъ видъ нейрастеніи. Ея гигіена, этіологія, симптомы и леченіе, съ приложеніемъ главы о діэтѣ для нервныхъ больныхъ, переводъ д-ра Г. С. Волпянскаго. 2-е изданіе. Харьковъ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Галанинъ, М. И., д-ръ. Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ прибавленіемъ діэтетики беременности, родовъ и послѣродового періода,—женщины-врача Никольской-Щечкиной. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Говсѣевъ, А. А., д-ръ. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Dornblüth, O. Compendium частной патологіи и терапіи. Переводъ съ нѣмецкаго В. К. Линдемана. Съ 43 рисунками въ текстѣ. Москва. 1893 г. Ц. 2 р.

Joseph Max, D-r. Руководство къ изученію кожныхъ болѣзней. Для врачей и студентовъ. Перев. А. М. Гольберга, подъ ред. И. А. Маева. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.

Корниловъ, А. А. Планъ изслѣдованія болѣзней нервной системы. Москва. 1893 г. Ц. 25 к.

——— Методика и планъ изслѣдованія болѣзней нервной системы. Съ 64 рисунками. Москва. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кюллеръ, д-ръ. Нервность и неврозы гигіены нервныхъ людей. Переводъ подъ редакціей женщины-врача М. М. Волковой. Съ предисловіемъ С. Н. Данилло. Изданіе второе. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Levillain, F. Гигіена нервныхъ людей. Переводъ подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями д-ра Л. О. Финкельштейна. Спб. 1892 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Лозинскій, А. А., д-ръ. Гомеопатія по ученію ея авторитетовъ. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Съ 91 рисункомъ въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, П. И., проф. Кисловодскъ. Со многими рисунками въ текстѣ. Харьковъ. Цѣна книги въ перепл. 1 р.

Montenuis, д-ръ. Уходъ за ранеными и больными по правиламъ асептики и антисептики. Бесѣды въ дамскомъ комитетѣ французскаго общества Краснаго Креста. Переводъ съ французскаго А. Бабичевой. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Риббингъ, Севедъ, д-ръ. Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса. 1894 г. Ц. 30 к.

Риббингъ, Севедъ, д-ръ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ Н. Лейненбергъ. Второе изданіе. Одесса. 1893 г. Ц. 1 р.

Сникинъ, М. П. Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Изд. 2-е, исправленное и дополненное статьею: Воспитаніе и начальное обученіе. Спб. 1892 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Фурнье, Альфредъ. Леченіе сифилиса. Переводъ д-ра Л. А. Говсѣева. Харьковъ. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Zerner, T-h., D-r. Карманный терапевтическій словарь. Перевелъ съ нѣм. д-ръ мед. М. З. Гэселевичъ. Часть I. Внутреннія болѣзни. Спб. 1893 г. Цѣна книги въ переплетѣ 1 р. 25 к.

XI. ЗАКОНОВѢДЕНІЕ—ПОЛИТИКА—СОЦІОЛОГІЯ.

Альбицкій, Е., и А. **Ширгенъ**. Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Саратовъ. 1893 г. Ц. 2 р.

Арефа. Н. И. Положеніе о трактирномъ промыслѣ, по оффиціальному изданію 1893 г., съ дополнительными къ нему узаконеніями и съ приложеніемъ извлеченныхъ изъ устава объ акцизныхъ сборахъ (изд. 1893 г.) правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками. Неоффиціальное. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Бершадскій, С. А., проф. Литовскій статутъ и польскія конституціи. Историко-юридическія изслѣдованія. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

——— О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Вербловскій, Г. (членъ окружн. суда). Судопроизводство гражданское и уголовное въ новыхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. Объясненія къ правиламъ 29 декабря 1889 г. о производствѣ судебныхъ дѣлъ, основанныя на теоріи и практикѣ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вербловскій, Г. Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Второе, пересмотрѣнное и дополненное изданіе. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гольмстенъ, А. Х. Ученіе о правѣ кредитора опровергать юридическіе акты, совершенные должникомъ, въ его ущербъ, въ современной юридической литературѣ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

——— Юридическія изслѣдованія и статьи. Общая теорія права. — Обычное право. — Гражданское право. — Торговое право. — Гражданскій процессъ. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Гольмстенъ, А. Х., проф. Историческій очеркъ русскаго конкурснаго процесса. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. Выпускъ I. Ц. 75 к. Выпускъ II. Ц. 75 к. Выпускъ III. Ц. 1 р. 50 к.

Даниловъ, И. Г. Положенія о сельскомъ состояніи, дополненныя всѣми позднѣйшими узаконен. и распоряженіями правительства. Часть III. Мѣстныя положенія.

Правила для западныхъ губерній и положеніе о бывш. государственныхъ крестьянахъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

☛ **Есиповъ**, Вл., проф. Святотатство въ исторіи русскаго законодательства. Варшава. 1893 г. Ц. 50 к.

☛ **Есиповъ**, В. В., проф. Очеркъ русскаго уголовнаго права. Часть общая. Преступленія и преступники. Наказаніе и наказуемые. Варшава. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

☛ **Есиповъ**, Вл., проф. Семинарія уголовнаго права въ Галле. Варшава. 1893 г. Ц. 20 к.

Моргулисъ, М. Г. О давности владѣнія недвижимостью по талмудскому праву. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Муромцевъ, Сергѣй. Рецепція римскаго права на Западѣ. Москва. 1886 г. Ц. 2 р.

——— Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи. Изданіе второе, исправл. и дополн. Москва. 1886 г. Ц. 1 р.

——— Гражданское право древняго Рима. Москва. 1888 г. Ц. 5 р.

☛ **Носенко**, Д. А. Уставъ о векселяхъ, изд. 1893 г., т. XI, ч. 2-ая св. зак. Съ разъясненіями по рѣшеніямъ гражд. касс., четвертаго д-товъ и общихъ собраній правит. сената. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Оршанскій. Изслѣдованія по русскому праву, обычному и брачному. Спб. 1879 г. Ц. 2 р.

Рошковскій, Л. П. Судебные уставы императора Александра II, съ комментаріями и разъясненіями. Уставъ гражданскаго судопроизводства. Изданіе 3-е, переработанное и дополненное. Изданіе неоффиціальное. Казань. 1892 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Самойловичъ, Г. О правахъ ремесленниковъ-евреевъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

☛ **Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній.** Труды юридическаго общества, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ и его статистическаго отдѣленія. Томъ второй. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ. Томъ первый. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сергѣевичъ, В., проф. Русскія юридическія древности. Томъ первый. Территорія и населеніе. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. Томъ второй. Власти. Выпускъ первый. Вѣче и князь. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Слонимскій, Л. З. Охрана крестьянскаго землевладѣнія и необходимыя законодательн. реформы. Спб. 1891 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Слонимскій, Л. З. Основные вопросы политики. Спб. 1889 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

☛ **Списокъ чиновъ судебнаго и судебно-административнаго вѣдомствъ**, съ записною книжкою и календаремъ на 1894 г. Изданіе юридическаго книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб. 1894 г. Цѣна въ перепл. 1 р.

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судопроизводство. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к. Судоустройство. Спб. 1891 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

——— Уголовно-процессуальная казуистика. Пособіе для лекцій и экзаменовъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія. Т. V. Судебныя рѣчи (1867—1874). Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Франкъ. Философія уголовнаго права въ популярномъ изложеніи. Спб. 1868 г. Ц. 1 р.

Шафиръ, М. П. Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (т. XVI, ч. 2, изд. 1892 года), съ разъясненіями по рѣшеніямъ гражд. кассаціоннаго и судебныхъ департаментовъ и общихъ собраній правительствующаго сената, съ приложеніемъ извлеченій изъ положеній объ управленіи Туркестанскаго края и степныхъ областей. Изданіе неоффиціальное. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 60 к.

☛ **Шенбахъ**, Антонъ. Государственный строй сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Одесса. 1893 г. Ц. 15 к.

Щегловитовъ, С. Г. Судебные уставы императора Александра II съ законодательными мотивами и разъясненіями. Уставъ уголовнаго судопроизводства. 5-е исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1892 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

——— Городовое положеніе съ законодательными мотивами, разъясненіями и дополнительными мотивами (неоффиціальное изданіе). Спб. 1892 г. Ц. 4 р., съ перес.

Южаковъ, С. Н. Соціологическіе этюды. Изданіе пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к.

XII. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Агинъ, А. Сто-четыре рисунка къ поэмѣ Н. В. Гоголя „Мертвыя души“. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к. Третье изданіе

Дьяченко, Викторъ Антоновичъ. Драматическія сочиненія. Томъ II. 1864—1867. Гувернеръ. Нынѣшняя любовь. Свѣтскія ширмы. Семейные пороги. Изданіе второе. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

——— Драматическія сочиненія. Т. I. 1861 — 1863. Изданіе второе. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Дьяченко, Викторъ Антоновичъ. Драматическія сочиненія. Томъ III. 1868—1869. Изданіе второе. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

——— Драматическія сочиненія. Томъ IV. 1870—1872 г. Изданіе второе. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лессингъ. Драматическія сочиненія. Перев. Вейнберга и Яхонтова. Со статьей „Лессингъ какъ драматургъ". Спб. 1886 г. Ц. 2 р.

Михайловъ, Вас. И. Руководство къ различнымъ родамъ живописи, для любителей. Вып. III. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

XIII. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Армейскіе вопросы. № 2. Вып. I. 1893 г. Редакторъ Д. Д. Кашкаровъ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.—№ 1, вып. I ц. 1 р. 25 к.

Бородинъ, Н. Уральское казачье войско. Въ двухъ томахъ. Съ 10 картами. Уральскъ, 1891 г. Ц. за оба тома 4 р.; пересылка по разстоянію.

Кашкаровъ, Д. Д. Взгляды на политику, войну, военное дѣло и военныхъ Михаила Дмитріевича Скобелева. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

☛ **Лукинъ**, В. Навигація. Таганрогъ. 1893 г. Ц. 2 р.

XIV. ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО—ТЕХНОЛОГІЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО—РЕМЕСЛА.

Королевъ, Ф. Н. Сельское строительное искусство. Съ 418 чертежами въ текстѣ. Спб. 1888 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 25 к.

Митте, М. Горный инженеръ. Пароструйные насосы (инжекторы и эжекторы), ихъ теорія, устройство и работа. Съ 4-мя таблицами чертежей. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

☛ **Осокинъ**, О. О. Инженеръ-технологъ. Сталь какъ матеріалъ для строительнаго дѣла и машиностроенія. Опытъ систематическаго руководства для пользованія сталью. Въ 3 частяхъ. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Терлецкій, Г. И. Производство издѣлій изъ искусственнаго мрамора. Екатеринославъ. 1893 г. Ц. 40 к.

Терлецкій, Г. И. Производство роговыхъ и костяныхъ издѣлій. Екатеринославъ. 1892 г. Ц. 40 к.

——— Производство изъ папье-маше. Екатеринославъ. 1893 г. Ц. 30 к.

——— Руководство къ производству гончарныхъ и другихъ глиняныхъ издѣлій. Екатеринославъ. 1892 г. Ц. 2 р.

Тихомировъ, Н. Ив. Анализы сахаристыхъ веществъ. Практическое руководство къ химическому изслѣдованію матеріаловъ и продуктовъ свекло-сахарнаго производства. Въ VII частяхъ. 103 рисунка въ текстѣ. Кіевъ. 1893 г. Ц. 5 р.

☛ **Фельнеръ**, Иліодоръ. Общедоступный спутникъ механика-строителя. 4-е изд., исправленное и дополненное А. А. Ладыгинымъ, съ 164 рисунками. Кіевъ. 1894 г. Ц. 2 р.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельско-хозяйственная архитектура. Руководство къ построенію всѣхъ сельско-хозяйственныхъ зданій. Съ атласомъ въ 75 чертежей. 2-е исправленное и дополн. изданіе. Спб. 1893 г. Ц. 5 р.

XV. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Верига, В. Переплетчикъ. Полное практическое руководство къ переплетному дѣлу, для желающихъ вполнѣ ознакомиться съ переплетными работами. Съ 26 рисунками. Изданіе четвертое. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Орловъ, П. А., и **Будаговъ**, С. Г. Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи. Матеріалы для фабрично-заводской статистики. Составлено по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ д-та торговли и мануфактуры. Изданіе третье, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1894 г. Ц. 5 к.

☛ **Систематическій указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 г.** Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Тихомировъ, Н. Ив. Справочная книжка и руководство по свеклосахарному производству, съ 174 рисунками. Кіевъ. 1893 г. Ц. 3 р.

Открыта подписка на 1894 годъ на

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

Въ первыхъ книгахъ „Сѣв. Вѣстн." на 1894 годъ было и будетъ напечатано: „НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ", ром. Вас. Немировича-Данченко. „ЗАРНИЦЫ", разск. В. Микуличъ (автора „Мимочки"). „НЕИЗЛЕЧИМЫЕ", пов. П. Боборыкина. „СОВЕРШЕННОЛѢТІЕ", разск. гр. Л. Л. Толстого. „ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ", пов. М. Крестовской. „ИЗЪ ДНЕВНИКА АМЕЛЯ", перев. съ франц. гр. М. Толстой, подъ редакціей и съ предисловіемъ гр. Льва Толстого. „СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ", романъ Генр. Сенкевича. „С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ", ст. проф. В. Модестова. „ХОРОША ЛИ РОЗНЬ МЕЖДУ ХУДОЖНИКАМИ", В. Стасова. „НОВЫЕ СОЮЗЫ ВЪ ЕВРОПѢ", гр. Л. Камаровскаго. „П. И. ЧАЙКОВСКІЙ", Г. Ларош. „ТИПЫ ПРЕСТУПНИКОВЪ", проф. Ю. Петри. „ДВѢ СЛАВЯНСКІЯ ПОВѢСТИ: „Е. ОНѢГИНЪ и ПАНЪ ТАДЕУШЪ", П. Боборыкина, и мн. друг. Продолжаютъ печататься:

(Записки А. О. Смирновой 1825 — 45 гг.).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОКЪ ПРИ ДВОРѢ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. Бесѣды Государя, Пушкина, Жуковскаго, кн. Вяземскаго, Гоголя, Лермонтова, Глинки и др.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ. 2) Провинціальная печать Л. Прозорова. 3) Отзывы о новыхъ книгахъ. 4) Письма: изъ Америки В. Макъ-Гаханъ, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. Л. Полонскаго. 6) Политическая лѣтопись проф. А. Трачевскаго. 7) Театръ. 8) Изъ жизни, науки и литературы. 9) Литературныя замѣтки А. Волынскаго.

Условія подписки:	На годъ.	По полугодіямъ. Январь.	Іюль.	По четвертямъ года. Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ Спб. въ главной конторѣ . . .	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Безъ дост. въ Москвѣ въ отд. конт.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ дост. въ Спб. .	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ перес. въ имперіи	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей . .	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить помѣсячно за ручательствомъ казначеевъ.

Новые годовые подписчики на „Сѣверный Вѣстникъ" получатъ безплатно въ первомъ полугодіи 1894 г. I часть „Записокъ А. О. Смирновой" въ видѣ отдѣльной книги. Отпечатанная въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" за 1893 г. часть романа Г. Сенкевича „Семейство Поланецкихъ" разсылается новымъ годовымъ подписчикамъ на 1894 г. вмѣстѣ съ № 1 журнала.

Подписка принимается въ гл. конторѣ—Спб., Троицкая, 9, и въ московск. отдѣл.— Тверская, д. Сазикова, въ Спб. — въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ — въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, „Нов. Времени" и др.

Съ 1 декабря 1894 г. открыто въ Москвѣ отдѣленіе редакціи и конторы „Сѣвернаго Вѣстника". Пріемъ подписки и объявленій, а также рукописей для помѣщенія въ журналѣ.

Издательница Л. Я. Гуревичъ. | Редакторъ М. Н. Альбовъ.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Коканъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

LIVRES NOUVEAUX

en vente à la librairie de C. RICKER

St.-Pétersbourg, Perspective de Nevsky, № 14. Téléphone № 776.

ALMANACH de GOTHA 1894. 4 r. 20 k.
BLUM, HANS. Das deutsche Reich zur Zeit Bismarcks. 4 r. 50 k.
BOUCHEL, H. Le Luxe français: La Restauration. 20 r.
DAHN, F. Julian, Der Abtrünnige. 3 Bde. 14 r. 40 k.
DESCOSTE, Fr. Josèphe de Maistre avant la révolution. 2 vols. 7 r. 50 k.
DUNAS-THEODASSOS, J. Im Zeichen des Halbmondes. 2 r. 70 k.
DUNMORE, K. The Pamirs. 2 vols. 15 r. 90 k.
EBERS, GEORG. Cleopatra. 5 r. 55 k.
GENÉE. R. Hans Sachs und seine Zeit. 6 r.
GERVINUS, G. G. Sein Leben. 5 r. 40 k.
HEDENSTIERNA, A. v. Allerlei Leute. II. 1 r. 20 k.
HELM, V. Ueber Goethes Hermann und Dorothea. 1 r. 80 k.
HOWARD, D. Life with Trans-Siberian-Savages. 4 r.
LAUSDEEL, Henry. Chinese Central-Asia. 2 vols. 23 r. 90 k.
MARTIN, F. R. L'âge du bronze au musée de Minoussinsk. 25 r.
NEUMANN, Th. Das moderne Aegypten. 4 r. 80 k.
O. O. Sibirische Briefe. 3 r. 35 k.
OSTEN, J. v. Luise Dorothea, Herzogin von Sachsen und Gotha. 4 r. 50 k.
POSCHINGER, H. v. Fürst Bismarck und die Parlamentarier I. 4 r. 50 k.
REBER, F. v. Geschichte der Malerei. 3 r. 60 k.
SALOMON, L. Deutschlands Leben und Streben im 19 Jahrhundert. 2 r. 70 k.
SPENCER, H. La morale des différents peuples. 4 r. 70 k.
STEINEN, K. v. d. Unter den Naturvölkern Central-Brasiliens. 7 r. 20 k.

Въ книжномъ складѣ **М. М. Стасюлевича**, Спб., Вас. Остр., 5 л., д. 28, продаются слѣдующія книги:

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

(1847 — 1890.)

Изданіе седьмое, посмертное, въ девяти томахъ, значительно дополненное, съ портретами и біографіей автора.

Т. I.—Біографія Г. П. Данилевскаго.—Бѣглые въ Новороссіи.—Воля.—Чумаки.—Царевичъ Алексѣй.—Т. II.—Новыя мѣста.—Бѣглый Лаврушка въ Парижѣ.—Село Сорокопановка.—Фаничка-прабабушка.—Тѣнь прадѣда.—Имянины прабабушки.—Дѣдовъ лѣсъ.—Бабушкинъ рай.—Т. III.—Девятый валъ.—Четыре времени года.—Украинскія сказки.—Т. IV.—Мировичъ.—Царь Алексѣй съ соколомъ.—Вечеръ въ теремѣ царя.—Екатерина В. на Днѣпрѣ. — Христосъ-Спятель. — Стрѣлочникъ. — Т. V. — На Индію при Петрѣ I. — Княжна Тараканова. — Потемкинъ на Дунаѣ.—Уманская рѣзня. — Старосвѣтскій маляръ.—Т. VI.—Сожженая Москва.—Восемьсотъ-двадцать-пятый годъ.—Знакомство съ Гоголемъ.—Сторія о Господѣ и землѣ.—Поѣздка въ Ясную-Поляну.—Н. Ѳ. Щербина.—Московскій дворянскій институтъ.—Т. VII.—Черный годъ.—Бѣсъ на вечерницахъ. — Пенсильванцы и Каролинцы. — Былое и новое. — Вечеръ въ черешняхъ.—Т. VIII.—Цимбелинъ. Ричардъ III.—Украинская старина.—Слобожане.—Т. IX.—Стихотворенія.—Не вытанцовалось.—Шарикъ.—Дѣвочка.—Пасѣчники.—Святочные вечера.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—Мелкія статьи.—Письма изъ-за границы.

Цѣна за девять томовъ 15 руб. Съ пересылкою 18 руб.

Вышелъ въ свѣтъ **ВТОРОЙ** томъ изданія

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Право и справедливость. **С. А. Муромцева.** — II. Первая постановка вопроса о всеобщемъ голосованіи. **М. М. Ковалевскаго.**—III. Преподаваніе психіатріи для юристовъ. **В. П. Сербскаго.**—IV. Федеративныя формы современнаго государства. Гр. **Л. А. Камаровскаго.**—V. Процессъ исполненія рѣшеній. **Г. Л. Вербловскаго.**—VI. Неурожай 1891 года. **Л. Н. Маресса.**—VII. Московское управленіе въ Вильнѣ. **В. Н. Сторожева.** — VIII. Новое изслѣдованіе о бытѣ рабочихъ во Франціи. **С. М. Блеклова.**—IX. Формы общиннаго владѣнія на Алтаѣ. **С. П. Швецова.**—X. Движеніе дѣлопроизводства въ судахъ. **Е. Н. Тарновскаго.** — XI. Хроника: обзоръ законодательства и литературы юридической и экономической; статистическое отдѣленіе М. Ю. О. въ 1892—93 г.; юридическіе диспуты.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА: I. Соціальное законодательство конституанты. **М. М. Ковалевскаго.**—II. Идея мира и милитаризмъ. Гр. **Л. А. Камаровскаго.**—III. Энциклопедія права и общее образованіе. **Н. И. Карѣева.**—IV. Лавле о „правительствѣ въ демократіи“. **В. А. Гольцева.**—V. Изъ исторіи крестьянскаго вопроса. Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. **В. И. Семевскаго.**—VI. Порядокъ пріема просителей и канцелярскіе порядки въ окружныхъ судахъ. **В. Р. Завадскаго.**—VII. Сельскій ростовщическій кредитъ въ Россіи по даннымъ земско-статистической литературы. **М. Н. Соболева.**—VIII. Крестьянскія женщины предъ волостнымъ судомъ. **И. М. Красноперова.** — IX. Хроника: Московское Юридическое Общество въ 1892—93 году. Статистическое Отдѣленіе Московскаго Юридическаго Общества въ 1891—92 году.

Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к. Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ книжномъ складѣ **М. М. Стасюлевича** (Спб., Васильевскій Остр., 5 л., д. № 28).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. Константина Ушинскаго. Изд. 8-е, сокращенное п. р. К. К. Сентъ-Илера и Д. Н. Модзалевскаго. Съ портретомъ автора. Спб. 94. Стр. 480. Ц. 2 р. 50 к.

Ровно 25 лѣтъ тому назадъ появился второй и послѣдній томъ опыта педагогической антропологіи К. Д. Ушинскаго; въ этотъ трудъ онъ вложилъ многолѣтній опытъ всей своей педагогической дѣятельности и результаты обширнаго и основательнаго знакомства не только съ лучшими произведеніями спеціальной литературы, но и другихъ наукъ, соприкасающихся съ областью педагогики. Изъ-подъ пера автора вышелъ, однако, не курсъ педагогики, а изученіе тѣхъ свойствъ самого объекта, къ которымъ должна примѣняться дѣятельность педагога, что и выразилось въ самомъ заглавіи книги—„Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Съ той же точки зрѣнія К. Д. Ушинскій называетъ педагогику не „наукою“, а „искусствомъ“ воспитанія. Приговоръ надъ своимъ обширнымъ трудомъ авторъ произнесъ самъ, еще при выходѣ въ свѣтъ перваго тома: „Мы едва-ли заблуждаемся насчетъ полноты и достоинства нашего труда. Мы ясно видимъ его недостатки: его неполноту и въ то же время растянутость... Мы знаемъ также и то, что онъ выходитъ въ самое несчастное для себя время (1867 г.) и не удовлетворитъ многихъ и многихъ. Трудъ нашъ не удовлетворитъ того, кто смотритъ на педагогику свысока и, не будучи знакомъ ни съ практикой воспитанія, ни съ его теоріею, видитъ въ общественномъ воспитаніи лишь одну изъ отраслей администраціи“... Авторъ перечисляетъ и другія группы читателей, на которыхъ онъ не можетъ разсчитывать; но, говоритъ онъ въ заключеніе, „мы надѣемся принести положительную пользу тѣмъ людямъ, которые, избравъ для себя педагогическую карьеру и прочитавъ нѣсколько теорій педагогики, почувствовали уже необходимость основывать ея правила на психическихъ началахъ“. Облегчить педагогамъ изученіе психологіи, предотвратить увлеченія ихъ тою или другою теоріею этой науки при примѣненіи ея къ практикѣ воспитанія—таковы главныя цѣли этого капитальнаго труда К. Д. Ушинскаго. Но именно это внутреннее его достоинство и заставляетъ совершенно забывать тѣ внѣшніе, чисто редакціонные недостатки, на которые указалъ самъ авторъ. Желаніе устранить и эти недостатки подало мысль нашимъ извѣстнымъ и опытнымъ педагогамъ сократить обѣ части въ одну, исключивъ изъ нихъ все, что относится къ физіологіи человѣка и къ сравненію разныхъ философскихъ системъ; при этомъ трудъ сдѣлался доступнѣе для большинства педагоговъ какъ по существу содержанія, такъ и по цѣнѣ.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. V и VI. Спб. 94. Стр. 355 и 378. Ц. по 2 р.

Вновь вышедшіе тома содержатъ судебныя рѣчи, въ числѣ 25, по самымъ разнообразнымъ дѣламъ, какъ по чисто уголовнымъ, такъ и по государственнымъ преступленіямъ, въ теченіе 15 лѣтъ дѣятельности В. Д. Спасовича, въ качествѣ защитника на судѣ (1867—1882 гг.). Многія изъ нихъ принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя остаются памятными и до сихъ поръ, а въ свое время положили основаніе той прочной репутаціи солиднаго юриста и судебнаго оратора, какую В. Д. Спасовичъ съ того времени сохранилъ за собою навсегда. Предисловіе обѣщаетъ еще одинъ томъ рѣчей, и затѣмъ появится VIII-й томъ, заключительный, со статьями, напечатанными послѣ 1859 года.

Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи. Г. Паркса. Перев. съ англ. В. Невѣдомскаго. М. 94. Стр. 452. Ц. 3 р.

Авторъ явился въ Австралію выходцемъ изъ Англіи въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, имѣя около 30 лѣтъ отъ роду, съ молодою женой, разрѣшившейся отъ бремени на кораблѣ, и высадился въ Сиднеѣ, послѣ переѣзда изъ Плимута въ 109 дней, не имѣя никакихъ средствъ и никакой рекомендаціи. Въ теченіе полувѣка энергической дѣятельности, Паркесъ прошелъ нѣсколько профессій, начавъ съ поденщика, издавалъ политическую газету и этимъ путемъ занялъ впослѣдствіи видное мѣсто, какъ общественный и парламентскій дѣятель. Онъ первый воспротивился наплыву ссыльныхъ преступниковъ изъ Англіи; въ 60-хъ годахъ сдѣлался въ третій разъ министромъ, и въ эту эпоху его заботамъ эта дѣвственная страна обязана образцовымъ устройствомъ первоначальнаго народнаго образованія Австраліи, которое въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ обнаружило такіе успѣхи, что могло быть сдѣлано обязательнымъ, такъ какъ число школъ вполнѣ уже удовлетворяло дѣйствительной потребности въ нихъ.

Второй сборникъ стихотвореній В. Л. Величко. Спб. 94. Стр. 292. Ц. 1 р. 50 к.

Нашимъ читателямъ извѣстна поэзія В. Л. Велички; и въ новомъ сборникѣ встрѣчаются нѣсколько стихотвореній и переводъ съ грузинскаго въ стихахъ исторической драмы кн. Церетели: „Тамара“. Появленіе второго сборника говоритъ лучше всего о томъ, что стихъ поэта, своею легкостью, музыкальностью, располагаетъ къ себѣ читателя: въ первомъ отдѣлѣ думъ, пѣсней, очерковъ и шутокъ, встрѣчаются и серьезные этюды, какъ, напримѣръ, „Моисиньоръ“. Очень много удачныхъ стихотвореній помѣщено и во второмъ отдѣлѣ, названномъ: „Восточные мотивы“.

Стальная блоха, сказъ о тульскомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ. Цеховая легенда. Спб. 94. Стр. 112, съ рис. въ текстѣ Н. Каразина. Ц. 75 к.

Это — благодушная, повидимому, сатира на эпоху, предшествовавшую крымской войнѣ, съ комическимъ по формѣ объясненіемъ серьезной причины ея печальныхъ результатовъ. Всѣ дѣйствующія лица той эпохи названы по имени, или нетрудно угадать ихъ настоящее имя: тутъ и Клейнмихель, и графъ Кисельвроде, и мн. др. Главный герой—тулякъ Лѣвша, олицетвореніе необыкновенныхъ способностей русскаго народа, воспитываемыхъ на „Полусонникѣ“,—приводится авторомъ въ непосредственное соприкосновеніе съ западной цивилизаціей, для выясненія основной мысли всего „сказа“. Трагическая судьба Лѣвши связана въ этомъ „сказѣ“ съ исходомъ крымской войны. И въ наше время этотъ сказъ можетъ быть прочтенъ съ интересомъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ **1894** Г.

(Двадцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго января открыта подписка на первую четверть 1894 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; П. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

AP
50
V5
g.29
kn.2

Vîestnik Evropy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY